студенческое научное общество ДОНГУ

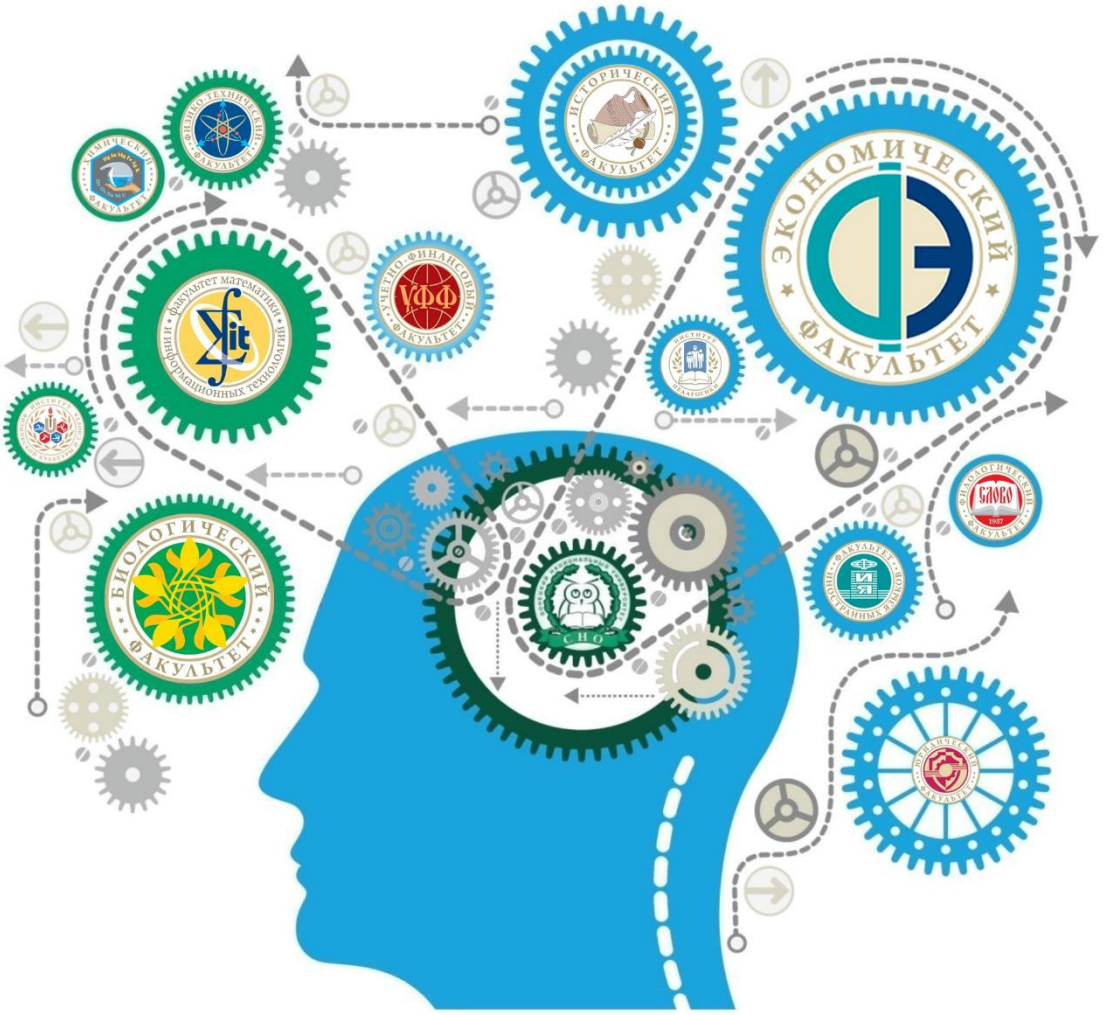
ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 18

ТОМ 4:

Юриспруденция

Донецк 2026

ISSN 2522-4824

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК

**студенческого научного общества
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»**

ВЫПУСК 18

Том 4

Юриспруденция

Донецк – 2026

Вестник студенческого научного общества ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». **–** Донецк: ДонГУ, 2026. – Вып. 18, Том 4: *Юриспруденция. – 595 с.*

Редакционная коллегия научного журнала
«Вестник студенческого научного общества
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Главный редактор – *Белый А.В.,* *канд. хим. наук, доцент, проректор*
Зам. главного редактора – *Ганжела А.А.,* *председатель Совета СНО*
Ответственный секретарь – ***Самарева Т.Н.***
Технический редактор – ***Куликова А.С.***

Члены редакционной коллегии:
Бурляй А.С., старший преподаватель
Войтенко Е.Ю., канд. филол. наук, доцент
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
Чумакова Е.Ю., старший преподаватель
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцен
Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Финкина А.П., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В восемнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ФГБОУ ВО «ДонГУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей*. Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те или иные вопросы.

Вестник СНО ДонГУ включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договара № 132-06/2025.

Адрес редакции:
283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонГУ, к. 215;
Тел.:+7 (856) 302-92-26;
E-mail: sovet_sno@donnu.ru
URL: http://donnu.ru/science/sno

Печатается по решению Ученого совета
ФГБОУ ВО «ДонГУ»
протокол № 4 от 06.04.2026 г.

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2026

Содержание

Агафонова В.С. Проблемы и недостатки современного административного нормотворчества в Российской Федерации..... 7

Аксёнова А.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав в цифровой среде..... 12

Алексеева К.О. Специфика назначения и производства судебных экспертиз в отношении малолетних потерпевших..... 18

Алиева А.Р. Зарубежный опыт и законодательные механизмы ответственности за скулшутинг..... 25

Атрахимова М.А. Проблемы обеспечения неприкосновенности личности в механизме реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и пути их устранения..... 30

Бакуров А.В. Феномен трансформации маркетплейсов в экосистемы, некоторые правовые проблемы..... 36

Белова Н.С. Преступления против семьи и несовершеннолетних: проблемы и пути их решения..... 41

Бельдий О.С. Анализ судебной практики по делам о нарушении авторских и смежных прав в Российской Федерации..... 46

Берестюк Ю.В. Проблемы правоприменительной практики в сфере генетических исследований..... 52

Бирюкова В.В. Сиротские произведения как объекты авторского права..... 58

Бондаренко А.Ю. Соотношение поручительства и независимой гарантии, их роль в обеспечении исполнения обязательств в современном гражданском обороте российской федерации 63

Бушуева К.С. Юридическое лицо как субъект гражданского права..... 69

Вдыханько Е.И. Проблемы и перспективы совершенствования производства обыска и выемки в жилище..... 74

Верещагин В.В. Смежные составы преступления и конкуренция норм: проблемы применения..... 82

Верниченко В.Ю. Уголовная ответственность за совершение дорожно-транспортных преступлений..... 87

Вишнякова К.С. Общеизвестные товарные знаки: проблемные аспекты и пути их устранения..... 93

Влазнева Д.П. Актуальные проблемы защиты права собственности и других вещных прав..... 99

Воищева Е.В. Закрепление принципов организации и деятельности местного самоуправления в законодательстве России..... 104

Гаврада В.П. Уголовно-правовая характеристика вымогательства..... 110

Демидович Д.И. Уголовная ответственность за незаконное задержание и заключение под стражу 114

Дерий Е.С. Неустойка: проблемы двойственной природы и применения в договорной практике..... 118

Дзюбан Д.В. Понятие и признаки договора банковского счета..... 124

Ефремова С.И. Проблемы и недостатки существующих механизмов защиты свидетелей и потерпевших..... 132

Живцов В.А. Способы обеспечения обязательств: современные тенденции и перспективы развития..... 137

Заблоцкая Д.А. Роль цифровых прав в корпоративных отношениях..... 142
Загорская Е.Д. Проблемы формирования и функционирования водоохранных зон и пути их решения..... 148
Иванченко Т.В. Проблемы гражданско-правового регулирования регистрационного режима средств индивидуализации товаров и услуг..... 153
Игнатенко Я.В. Защита прав потребителей в интернет-торговле: правовые проблемы и перспективы 161
Карпенко А.А. Конституционно-правовые риски применения искусственного интеллекта в судопроизводстве зарубежных стран..... 168
Карцева К.И. Административно - правовое обеспечение восстановления водоснабжения в ДНР: модель особого режима..... 175
Карцева К.И. Административно-правовой режим в сфере водоснабжения и водоотведения: выявление системных проблем и перспективы реформирования..... 181
Касьян С.С. Обязательная видеофиксация нотариальных действий: проблема баланса между защитой прав граждан и сохранением нотариальной тайны..... 187
Касьян С.С. Особенности развития нотариальной палаты в условиях цифровизации... 192
Коваль К.В. Проблемные аспекты регулирования договора возмездного оказания информационных и консультационных услуг и пути их решения..... 197
Ковтун Ф.Л. О перспективах применения медиации в качестве альтернативного способа защиты прав в земельных спорах..... 202
Козорез Т.А. К вопросу об объективных признаках изнасилования как преступления, посягающего на половую свободу и половую неприкосновенность личности..... 207
Коляда Д.М. Электронная форма сделок на основе искусственного интеллекта..... 214
Кошель В.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики убийства матерью новорожденного ребенка..... 219
Кравченко Е.С. К вопросу развития договора ренты: ретроспективный анализ и современность в Российской Федерации и за рубежом..... 224
Краснянская Д.В. Состязательность сторон и её влияние на всесторонность судебного исследования в уголовном процессе..... 230
Круковская В.И. Проблемы использования средств материнского (семейного) капитала для улучшения жилищных условий и пути их решения..... 236
Кущенко А.А. Совершенствование правового поля деятельности федеральной службы судебных приставов Российской Федерации: основные направления..... 242
Кязимова Д.Р. Злоупотребление правом: историко-теоретический аспект..... 249
Леонтьева Е.И. Проблемные аспекты авторских договоров..... 255
Лушпа С.Н. Реализация целей наказания в российской уголовно-исполнительной системе: проблемы и перспективы..... 261
Лыдина Е.Р. Проблемы гражданского иска в уголовном судопроизводстве..... 267
Лыкова К.В. Метеорит как объект гражданского права..... 271
Лыкова К.В. Эволюция правового положения жителей ДНР в контексте получения гражданства Российской Федерации..... 276
Макаренко Д.Д. Гражданско-правовые особенности определения субъектов малого и среднего предпринимательства..... 281
Малиновская И.А. Особенности реформировании арбитражных судов в Российской Федерации и экономических судов в Республике Беларусь..... 288
Малышко Н.А. Особенности заключения договора каршеринга..... 294

Манжула Т.Ю. Налоговое право, как инструмент реализации государственной социально-экономической политики..... 299
Маркевич К.А. Проблемы отграничение доведения до самоубийства от иных преступлений против жизни и пути их решения..... 304
Маруева Д. А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации и «больших данных»..... 309
Марценюк Е.И. Нормативно-правовое обеспечение защиты персональных данных в международном и национальных законодательствах..... 315
Медведева А.Э. Актуальные проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования и перспективы их решения..... 320
Неласова О.В. Формирование гражданского общества в современной России: проблематика, закономерности и тенденции..... 327
Никишина В.В. Проблемы и особенности договора строительного подряда..... 334
Николаева Ю.Н. Историческое развитие правового регулирования арендных отношений..... 339
Новиченко А.А. Тенденции и перспективы развития системы правовой защиты интеллектуальной собственности в России..... 344
Оберемко Р.А. Приобретательская давность в гражданском праве..... 350
Пейлова Е.А. Актуальные проблемы защиты прав наследника в Российской Федерации и пути их решения..... 354
Петров А.Д. Ценности и цели современного государства в условиях цифровизации..... 359
Пилипенко И.И. Способы гражданско-правовой защиты прав на средства индивидуализации..... 365
Плахотнюк С.С. Судебное доказывание: роль суда в процессе доказывания..... 370
*Пономарёва А.Р. П*роблемы правового регулирования восстановления прав реабилитируемого..... 375
Попова К.В. Совместное завещание супругов в российском и зарубежном законодательстве..... 380
Роговская Ю.Е. Цифровизация и «виртуальные» юридические факты: новая парадигма в теории юридических фактов..... 386
Рожков В.В. Гражданско-правовая защита патентных прав..... 391
Савков В.М. О тенденциях правового регулирования статуса плательщика налогов..... 397
Самарина А.А. Понятие и признаки государственного контроля в механизме реализации функций государства..... 403
Севрюкова Е.В. Правовое регулирование деятельности товарищества на вере (коммандитного товарищества)..... 408
Селиверстова М.К. К вопросу о защите прав потребителей при использовании электронных торговых площадок..... 412
Сербина А.А. Суррогатное материнство в этико-правовом аспекте..... 419
Соболь Д.Е. От программного кода к норме права: функциональный путь ЦФА как социально-технической системы..... 426
Солоненко Д.М. Актуальные вопросы правовой природы предоставления в аренду недвижимого жилого имущества по законодательству Российской Федерации... 431
Солоненко Д.М. К вопросу о конституционно-правовом статусе религиозных организаций как субъектов конституционного права Российской Федерации..... 436
Solonenko D.M. Prospects for the development of the Indian model of justice..... 441

Солоненко Д.М. К вопросу о предмете муниципального права как отрасли права..... 446
Solonenko D.M. Current issues of establishing criminal liability of legal entities (using the republic of India and the Russian Federation as examples)..... 452
Солоненко К.М. Актуальные вопросы разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации... 457
Солоненко К.М. Концепция «идеального государства» в политико-правовом учении Платона..... 464
Solonenko K.M. Imhotep's contribution to the development of political and legal thought in Ancient Egypt..... 471
Solonenko K.M. Features of evidence in the investigation of crimes committed using the darknet network..... 476
Solonenko K.M. Current problems of disclosure and investigation of crimes related to kidnapping using the darknet network..... 481
Солоненко К.М. Актуальные проблемы исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия..... 486
Солоненко К.М. Особенности организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы..... 492
Солоненко К.М. Актуальные проблемы уголовно-процессуального регулирования эксгумации трупа в Российской Федерации..... 498
Степанюк А.Р. Гражданско-правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов 504
Трапезников Д.Д. Проблемные вопросы правоприменения и регулирования договора хранения..... 509
Тренина С.В. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности в условиях современных реалий..... 515
Трусова Я.И. Специфика и основания изменения и расторжения сделок в современных условиях..... 524
Федорко А.А. Актуальные проблемы и пути противодействия мошенничеству при получении выплат..... 531
Филюков В.А. Субъективная сторона незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов..... 539
Химченко У.Н. Историко-правовой анализ становления института вещного права..... 545
Цапка К.С. Совершенствование правового регулирования физической культуры и спорта в российской федерации: проблемы и перспективы..... 550
Целуйко М.В. Террористический акт: уголовно-правовая характеристика 557
Чуйко М.А. Проблемы и перспективы охраны музыкальных произведений в сети интернет..... 562
Чурон М.В. Правовые аспекты совершенствования инфраструктуры поддержки машиностроительного комплекса..... 568
Чуть В. Т. Проблемы использования специальных знаний в уголовном процессе..... 573
Шустицкая Н.А. Цифровая валюта как объект гражданских прав..... 579
Яковлев А.А. Классификация преступлений: общая характеристика, проблемы и пути их решения..... 584
Якунина Е.А. Процессуальный статус начальника органа дознания в уголовном судопроизводстве..... 590

УДК 340.13

ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Агафонова В.С.
Научный руководитель: Панько Н.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуются проблемы административного нормотворчества в Российской Федерации. Автор анализирует ключевые недостатки системы: избыточность и фрагментарность нормативной базы, юридические коллизии, недостаточную проработку проектов нормативных актов, низкое качество юридической техники, дисбаланс между законами и подзаконными актами, недостаточную прозрачность процесса.
Особое внимание уделяется последствиям данных проблем – правовой неопределенности, затруднениям в правоприменении, ущемлению прав граждан, нестабильности регулирования. Рассматриваются причины негативных явлений: спешка при принятии решений, ведомственный лоббизм, отсутствие долгосрочного планирования, ограниченность общественного обсуждения.
Ключевые слова: нормотворчество, административное нормотворчество, избыточность, правовое регулирование, правоприменение.

Административное нормотворчество в Российской Федерации представляет собой сложный и многоаспектный процесс, посредством которого органы исполнительной власти формируют правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере государственного управления. Несмотря на значительный прогресс в упорядочении этой деятельности за последние десятилетия, система продолжает сталкиваться с рядом системных проблем и недостатков, снижающих ее эффективность и подрывающих доверие общества к правовому регулированию.

Одной из наиболее острых проблем остается избыточность и фрагментарность нормативной базы. В результате непрерывного принятия новых актов, внесения изменений и дополнений в действующие нормы формируется массив правовых документов, нередко дублирующих друг друга или содержащих противоречивые предписания [1, с. 191]. Это создает правовую неопределенность, затрудняет правоприменение и порождает возможности для произвольного толкования норм. Особенно заметно это проявляется в регулировании смежных сфер, где компетенции различных ведомств пересекаются: экологические требования, градостроительная деятельность, лицензирование отдельных видов предпринимательства.

В.А. Толстик предлагает использовать понятие «правовой тоталитаризм», означающий все формы чрезмерного, избыточного регулирования [2, с. 761]. Существуют и другие названия этого явления: «правовое загрязнение», «правовой взрыв», «сверхрегулированность», «правовой профицит». В свою очередь С.С. Алексеев выделяет не самостоятельные категории, а лишь характеристики права – интенсивность и напряженность. На их основе определяются зоны интенсивного и неинтенсивного правового регулирования [3].

Юридические коллизии, то есть разногласия или противоречия между нормативными правовыми актами, регулирующими одни и те же или смежные правоотношения, также могут быть причиной избыточности и фрагментарности нормативной базы.

Последствия избыточности и фрагментарности:

1. Правовая неопределенность. Институциональная размытость терминологии и нечеткость правореализационных механизмов создают благоприятные условия для нарушения конституционных норм и принципов правового государства. Это приводит к дисбалансу в правоприменительной практике и подрыву верховенства закона.

2. Затруднения в правоприменении. Логическая непоследовательность в структуре законодательных актов, отсутствие системности правового регулирования и взаимная противоречивость нормативных предписаний существенно усложняют процесс правоприменения. Это вызывает правовую неопределенность, что негативно сказывается на правовой культуре и правосознании граждан [4, с. 56].

3. Ущемление прав граждан. Противоречивость и фрагментарность законодательства могут служить питательной средой для злоупотребления полномочиями и проявления коррупционных практик в системе государственной власти, что приводит к ущемлению прав и свобод граждан, а также подрыву доверия к институтам государства.

Существенным недостатком выступает недостаточная проработка проектов нормативных актов на стадии их подготовки. Часто законопроекты и подзаконные акты разрабатываются в сжатые сроки, без полноценного анализа социально-экономических последствий, без учета мнения профессионального сообщества и заинтересованных граждан. Процедура публичных консультаций, хотя формально предусмотрена, зачастую носит формальный характер: отзывы участников не всегда учитываются, а мотивированные возражения остаются без ответа [5]. В результате принятые нормы оказываются труднореализуемыми на практике или приводят к нежелательным побочным эффектам.

Недостаточная проработка проектов нормативных актов на стадии их подготовки может быть связана с несколькими факторами, среди которых:

1. Недостаточная разработанность нормативных правовых основ. Нет единых критериев к оформлению и юридической технике нормативных правовых актов [6, с. 23].

2. Недостаточный уровень профессионализма субъектов правотворчества. Это может быть обусловлено отсутствием необходимой профессиональной подготовки.

3. Ограниченность общественного обсуждения. Некоторые проекты нормативно-правовых актов разрабатываются в закрытом режиме, например указы Президента Российской Федерации [7, с. 78].

4. Отсутствие отлаженной системы мониторинга изменений федерального и регионального законодательства.

Низкое качество юридической техники, проявляющееся в использовании неясных формулировок, неоднозначных терминов, отсутствии четких определений ключевых понятий, а также в наличии логических противоречий внутри одного акта или между актами разного уровня, систематически подрывает эффективность административного нормотворчества. Эти дефекты не только затрудняют работу правоприменителей, но и создают потенциальные риски для прав и законных интересов граждан и организаций.

Кроме того, часто встречаются нормы, содержащие отсылки к документам, которые либо еще не приняты, либо уже утратили свою юридическую силу. Такое положение дел не только снижает степень правовой определенности, но и может привести к правовым коллизиям и неопределенности в правоприменительной практике.

Типичные ошибки юридической техники представляют собой систематические отклонения от общепринятых стандартов и принципов правотворческой деятельности, которые могут существенно снизить эффективность правового регулирования и вызвать нежелательные последствия в правоприменительной практике [8, с. 28]:

1. Неумелое использование отсылок. Чрезмерное применение отсылочных норм приводит к созданию многослойных правовых конструкций, усложняющих структуру нормативного акта и затрудняющих его интерпретацию. Это может привести к снижению юридической определенности и предсказуемости правового регулирования, что, в свою очередь, негативно сказывается на правовой культуре и правосознании граждан.

2. Невнимательное отношение к юридическим понятиям. Недостаточная проработка и формализация юридических понятий может привести к возникновению нормативных коллизий, противоречий и пробелов в правовом регулировании. Кроме того, это может способствовать перегруженности текста нормативного акта отсылочными и бланкетными нормами, что затрудняет его восприятие и применение на практике.

3. Использование не обеспеченных принуждением обязанностей и запретов. Включение в нормативные акты обязанностей и запретов, не обеспеченных соответствующими механизмами принуждения, может привести к их игнорированию и несоблюдению. Это особенно актуально для муниципального правотворчества, где необходимо учитывать специфику местного самоуправления и адаптировать федеральное законодательство к местным условиям.

Таким образом, анализ типичных ошибок юридической техники позволяет выявить основные проблемы и недостатки в правотворческой деятельности, а также разработать рекомендации по их устранению. Это, в свою очередь, способствует повышению качества правового регулирования и укреплению правопорядка в обществе.

Еще одной проблемной зоной является дисбаланс между законами и подзаконными актами. В ряде случаев законы содержат чрезмерно общие формулировки, передавая детализацию регулирования на уровень постановлений Правительства Российской Федерации, приказов министерств и ведомств [9, с. 37]. Это ведет к тому, что существенные правила, влияющие на права и обязанности субъектов, устанавливаются без должного парламентского контроля. В итоге подзаконные акты приобретают неоправданно большое значение, а их многочисленность и частая изменчивость затрудняют системное восприятие правового режима в той или иной сфере.

Однако иногда подзаконные акты устанавливают более строгие требования по сравнению с законом, что затрудняет реализацию его положений. Например, в случае с законодательством об охране здоровья граждан подзаконные акты установили более строгие требования, чем сам закон, и заблокировали предпринимательскую деятельность по оказанию первичной медико-санитарной помощи населению [10, с. 43].

Недостаточная прозрачность процесса нормотворчества также вызывает обоснованную критику. Несмотря на существование официальных порталов для размещения проектов нормативных актов, далеко не все этапы разработки доступны для общественного наблюдения. Решения по ключевым поправкам нередко принимаются в закрытом режиме, а обоснования выбора той или иной правовой конструкции остаются недоступными. Это снижает уровень доверия к принимаемым нормам и ограничивает возможности гражданского контроля.

Причины возникновения проблем:

1. Спешка при принятии решений. В условиях нехватки процедурные нормы часто игнорировались, что приводило к снижению уровня прозрачности и информированности общества относительно принимаемых решений.

2. Большое количество заинтересованных сторон у важных проектов правовых актов. Законодательная площадка аккумулировала широкий спектр разнонаправленных интересов различных социальных и экономических групп, что существенно затрудняло достижение консенсуса и разработку сбалансированных правовых норм.

3. Недостаток информации в уведомлении о начале разработки проекта акта. Представленные материалы не содержали достаточной информации для формирования целостного представления о предлагаемых регуляторных мерах и объективной оценки достоверности описания проблемных аспектов.

Особую озабоченность вызывает частая изменчивость нормативной базы. Постоянные поправки, дополнения и отмены актов создают нестабильность правового регулирования, что особенно болезненно для бизнеса и иных долгосрочных

правоотношений. Субъекты права вынуждены непрерывно отслеживать изменения, пересматривать внутренние процедуры и договоры, нести дополнительные издержки на юридическое сопровождение. В итоге право перестает выполнять функцию надежного ориентира для поведения, а становится источником неопределенности и рисков.

Частая изменчивость нормативной базы и нестабильность правового регулирования могут быть вызваны разными факторами, среди которых [11, с. 7]:

1. Бессистемность развития законодательства. Это приводит к большому количеству изменений и дополнений, снижает качество нормативных правовых актов и создает проблемы при их реализации.

2. Отсутствие планирования правотворческой деятельности на долгосрочную перспективу. Выработка нормативных правовых документов происходит без учета предстоящих правотворческих проблем.

3. Стремление законодателя урегулировать многие виды второстепенных общественных отношений законами, а не подзаконными актами. Это порождает малую эффективность принимаемых нормативных правовых актов и ведет к их дублированию.

4. Несоответствие нормативного правового акта Конституции Российской Федерации [12], законодательству и подзаконным нормативным правовым актам Российской Федерации, законодательству ее субъектов либо иным нормативным правовым документам более высокой юридической силы.

Нельзя обойти вниманием и проблему ведомственного лоббизма. В ряде случаев нормативные акты разрабатываются с учетом интересов отдельных групп, а не общественных потребностей. Это проявляется в установлении избыточных требований, барьеров для входа на рынок, привилегий для определенных участников [13, с. 17]. В результате регулирование служит не целям эффективного управления, а инструментарием распределения ресурсов и влияния.

Ведомственный лоббизм связан с тем, что каждое ведомство традиционно воспринимается отраслевым и представляет на государственном уровне интересы той или иной сферы жизнедеятельности. Этот отраслевой признак признан неправильным и ошибочным, в качестве альтернативы ему выдвигается функциональный [14, с. 61].

Примеры ведомственного лоббизма: создание ведомственных внебюджетных фондов, которые предназначены для улучшения условий труда сотрудников конкретного ведомства.

В совокупности указанные проблемы свидетельствуют о необходимости комплексного совершенствования механизма административного нормотворчества. Требуются меры по усилению аналитической проработки проектов, повышению качества юридической техники, расширению общественного участия, обеспечению стабильности регулирования и укреплению координации между различными уровнями и ветвями власти. Только так можно добиться формирования эффективной, прозрачной и предсказуемой системы административного правотворчества, отвечающей потребностям современного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев М.В. Избыточность как нарушение меры нормативной правовой формы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – №3 (47). – С. 191-195.

2. Толстик В.А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. – 2015. – №9. – С. 759-763.

3. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплекс. исслед. – Москва: Статут, 1999. – 709 с.

4. Линько В.В. Правоприменительная деятельность в условиях неопределенности в праве // Закон и право. – 2019. – №9. – С. 54-58.

5. Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: автореф. дис. … к.ю.н.: 12.00.01. – Москва, 2018. – 27 с.

6. Маликова Н.В. Юридическая природа института правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – №4 (74). – С. 20-26.

7. Черногор Н.Н. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – №4. – С. 74-92.

8. Болдырев С.Н. Отсылка как прием юридической техники // Философия права. – 2014. – №5 (66). – С. 27-30.

9. Злобин А.В. Юридическая природа подзаконных нормативных актов в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – №5 (88). – С. 34-39.

10. Сухова Н.И. К вопросу о нейтрализации закона на уровне подзаконного правотворчества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – №1. – Т. 8. – С. 41-45.

11. Борисов Г.А. Факторы обновления нормативно-правовой базы Российской Федерации // Современное право. – 2018. – №6. – С. 5-9.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 04.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.03.2014. – №9. – Ст. 851.

13. Абрамова А.И. Лоббизм в законотворческой деятельности // Журнал российского права. – 2014. – №6 (210). – С. 15-25.

14. Цыбанева В.Н. Отраслевой лоббизм в России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2016. – №2 (24). – С. 59-63.

PROBLEMS AND DISADVANTAGES OF MODERN ADMINISTRATIVE RULEMAKING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the problems of administrative rulemaking in the Russian Federation. The author analyzes the key shortcomings of the system: redundancy and fragmentation of the regulatory framework, legal conflicts, insufficient elaboration of draft regulations, poor quality of legal technology, imbalance between laws and regulations, insufficient transparency of the process.

Special attention is paid to the consequences of these problems – legal uncertainty, difficulties in law enforcement, infringement of citizens' rights, instability of regulation. The reasons for the negative phenomena are considered: haste in decision-making, departmental lobbying, lack of long-term planning, limited public discussion.

Keywords. Rulemaking, administrative rulemaking, redundancy, legal regulation, law enforcement.

Agafonova V.S.
Scientific adviser: Panko N.A., Senior lecturer.
Donetsk State University
E-mail: koulera858@gmail.com

УДК 347.5:[342.72/.73:004.77]

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аксёнова А.А.
Научный руководитель: Свиридова К.Е., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию гражданско-правовой ответственности за нарушение прав в цифровой среде. Основное внимание уделяется особенностям защиты субъективных гражданских прав в условиях цифровизации общественных отношений. Анализ действующего законодательства и сложившейся судебной практики позволяют выявить ряд существенных проблем в сфере правового регулирования ответственности за нарушения прав пользователей в сети Интернет, включая сложности установления лица-нарушителя, определения размера убытков и компенсации вреда при совершении правонарушений с использованием цифровых технологий. Обосновывается необходимость совершенствования гражданско-правовых механизмов защиты прав в цифровой среде, в том числе путем уточнения критериев доказывания вины и расширения способов защиты гражданских прав при цифровых правонарушениях.
Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, цифровая среда, цифровые права, защита гражданских прав, интернет, цифровые технологии, нарушение прав, возмещение вреда, гражданское законодательство, информационное право.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и повсеместной информатизации общественных отношений особую актуальность приобретает проблема обеспечения надлежащей гражданско-правовой защиты прав участников цифровой среды. Интернет, социальные сети, маркетплейсы, платформенные сервисы и иные цифровые экосистемы становятся пространством активного экономического оборота, в рамках которого ежедневно совершаются сделки, распространяется информация и создаются объекты интеллектуальной собственности. Однако наряду с очевидными преимуществами цифровизации возрастает и количество правонарушений, что обуславливает необходимость формирования эффективного механизма гражданско-правовой ответственности за нарушение прав в цифровой среде.

Цифровая среда трансформирует традиционные модели гражданского оборота, поскольку значительная часть правоотношений возникает и реализуется дистанционно, без личного взаимодействия сторон. Электронная форма коммуникации, автоматизированные алгоритмы обработки данных и использование смарт-контрактов изменяют как процесс заключения сделок, так и способы их исполнения. В этой связи в научной литературе подчеркивается, что классические конструкции гражданского права требуют адаптации к цифровой реальности с учетом ее технологических особенностей [4, с. 71].

Одной из ключевых характеристик цифровых правоотношений является их массовость и высокая скорость возникновения и прекращения. Пользовательские соглашения акцептуются миллионами субъектов одновременно, а информация распространяется практически мгновенно. Такая динамика усиливает риски нарушения прав и увеличивает потенциальный масштаб причиняемого вреда, что предопределяет необходимость эффективных и оперативных механизмов гражданско-правового реагирования.

Кроме того, цифровая среда отличается экстерриториальностью, поскольку взаимодействие сторон зачастую не ограничено рамками одного государства. Участниками правоотношений могут выступать лица, находящиеся в различных юрисдикциях, а техническая инфраструктура — размещаться на иностранных серверах. Данные обстоятельства существенно осложняют применение национального

законодательства и исполнение судебных решений, что также отражается на специфике гражданско-правовой ответственности [11, с. 85].

Особое значение приобретает и вопрос обеспечения баланса между свободой информации и защитой частных интересов. С одной стороны, цифровая среда выступает пространством реализации конституционного права на поиск, получение и распространение информации; с другой — именно в сети Интернет наиболее часто нарушаются исключительные права, права на неприкосновенность частной жизни и деловую репутацию. Как отмечается в доктрине, эффективная модель гражданско-правовой ответственности должна учитывать необходимость соблюдения данного баланса и недопустимость чрезмерного ограничения законной цифровой активности [5, с. 117].

Развитие цифровых технологий обусловливает появление новых форм противоправного поведения, ранее неизвестных правоприменительной практике, включая неправомерное использование больших данных, создание фишинговых ресурсов и манипулирование цифровой идентичностью пользователей. Это свидетельствует о том, что институт гражданско-правовой ответственности в цифровой среде находится в стадии активного формирования и требует дальнейшего теоретического осмысления и нормативного совершенствования.

Специфика цифрового пространства заключается в его трансграничности, анонимности и высокой скорости распространения информации. Указанные особенности существенно усложняют выявление нарушителя, фиксацию доказательств и последующее привлечение к ответственности. Как отмечается в научной литературе, цифровая среда трансформирует традиционные представления о способах причинения вреда и формах его возмещения, требуя адаптации классических гражданско-правовых конструкций к новым условиям [4, с. 73].

Правовое регулирование гражданско-правовой ответственности в Российской Федерации основывается на положениях Гражданского кодекса РФ, закрепляющих общие принципы возмещения убытков, компенсации морального вреда, взыскания неустойки и применения иных мер имущественного воздействия [1]. При этом в цифровой среде наиболее распространенными являются нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, незаконное использование персональных данных, распространение порочащих сведений, а также неисполнение обязательств по электронным договорам.

Особенность применения общих положений гражданского законодательства к цифровым отношениям заключается в необходимости учета нематериальной природы большинства объектов, существующих в электронной форме. В отличие от традиционных материальных благ цифровые объекты могут быть воспроизведены неограниченное количество раз без утраты их первоначального качества, что усложняет определение размера причиненных убытков и требует использования специальных способов защиты, включая взыскание компенсации в твердой сумме или в кратном размере стоимости права использования.

Существенное значение имеет также вопрос установления состава гражданского правонарушения в цифровой среде. Для привлечения лица к ответственности необходимо наличие противоправного поведения, вреда, причинно-следственной связи и вины. Однако в условиях анонимности сети Интернет установление личности нарушителя и доказывание его вины нередко сопряжены с объективными трудностями, что требует активного использования механизмов процессуального содействия суда в истребовании доказательств у операторов связи и владельцев информационных систем.

При рассмотрении споров, возникающих из нарушений в цифровой среде, особое внимание уделяется вопросу распределения бремени доказывания. Потерпевшая сторона обязана подтвердить факт нарушения и объем причиненного вреда, однако в ряде случаев

законодатель предусматривает специальные презумпции, направленные на усиление защиты правообладателя. Так, при незаконном использовании объектов интеллектуальной собственности допускается взыскание компенсации без доказывания размера фактически причиненных убытков, что существенно облегчает реализацию права на судебную защиту.

Кроме того, цифровая среда характеризуется широким использованием пользовательских соглашений и публичных оферт, условия которых зачастую формируются в одностороннем порядке владельцами платформ. Это порождает проблему возможного дисбаланса прав и обязанностей сторон, особенно если одной из них выступает потребитель. В подобных случаях положения гражданского законодательства о недействительности условий договора, ущемляющих права слабой стороны, приобретают особую актуальность и служат дополнительной гарантией справедливости гражданского оборота.

Необходимо отметить и роль саморегулирования в цифровой сфере. Многие платформы разрабатывают внутренние правила модерации контента и процедуры реагирования на жалобы пользователей. Несмотря на то что указанные механизмы не заменяют собой государственное правовое регулирование, они способствуют сокращению числа правонарушений и обеспечивают оперативное восстановление нарушенных прав, что в конечном итоге влияет на объем и характер гражданско-правовой ответственности.

Важным направлением развития института гражданско-правовой ответственности является формирование единых подходов к оценке добросовестности поведения участников цифровых правоотношений. Принцип добросовестности, закрепленный в гражданском законодательстве, приобретает особое значение в условиях удаленного взаимодействия сторон, когда значительная часть юридически значимых действий совершается автоматически либо посредством цифровых интерфейсов.

Также, нельзя не учитывать, что цифровая трансформация экономики способствует появлению новых объектов гражданских прав, включая цифровые финансовые активы и иные результаты деятельности в электронной форме. Их оборот также сопряжен с рисками нарушения прав участников, что предполагает дальнейшее развитие правовых механизмов компенсации вреда и уточнение оснований гражданско-правовой ответственности с учетом технологических особенностей соответствующих отношений.

Особое значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет защита исключительных прав в сети Интернет. Цифровая среда облегчает копирование и распространение произведений науки, литературы и искусства без согласия правообладателя, что наносит существенный имущественный ущерб. В этой связи законодатель закрепляет специальные способы защиты, включая взыскание компенсации вместо убытков, блокировку доступа к незаконно размещенному контенту и привлечение информационных посредников к ответственности при наличии предусмотренных законом условий [2]. Как подчеркивает Иванова Н.К., институт ответственности информационных посредников является одним из ключевых элементов современной системы охраны интеллектуальных прав в цифровом пространстве, поскольку именно такие субъекты зачастую обеспечивают техническую возможность распространения противоправного контента [5, с. 118].

Не менее значимой является проблема защиты персональных данных. В условиях цифровой экономики обработка персональной информации приобретает массовый характер, а ее незаконное распространение способно повлечь как имущественный, так и репутационный вред. Федеральное законодательство закрепляет обязанность операторов обеспечивать безопасность персональных данных и предусматривает возможность взыскания убытков и компенсации морального вреда в случае их неправомерного использования [3]. По мнению Петрова А.В., гражданско-правовая ответственность в

данной сфере должна носить превентивный характер и стимулировать операторов к добросовестному поведению, что возможно при условии реального применения мер имущественного воздействия [6, с. 54].

Отдельного внимания заслуживает вопрос доказывания факта нарушения в цифровой среде. Электронные доказательства, включая скриншоты веб-страниц, протоколы осмотра сайта нотариусом, данные лог-файлов и иные цифровые следы, приобретают решающее значение при рассмотрении соответствующих споров. Вместе с тем судебная практика демонстрирует неоднородность подходов к оценке таких доказательств, что порождает правовую неопределенность и снижает эффективность защиты нарушенных прав.

Существенной особенностью гражданско-правовой ответственности в цифровой среде является также проблема определения надлежащего ответчика. Нередко противоправный контент размещается пользователями анонимно либо через иностранные платформы, не имеющие представительства на территории Российской Федерации. В таких случаях правообладатели вынуждены обращаться к владельцам сайтов или хостинг-провайдерам, что требует установления баланса между принципом свободы информации и необходимостью защиты нарушенных прав. Как отмечает Смирнова Е.Д., формирование устойчивой судебной практики по вопросам привлечения к ответственности цифровых платформ является важнейшим условием обеспечения правовой определенности в данной сфере [8, с. 137].

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования механизма гражданско-правовой ответственности за нарушения в цифровой среде. Представляется целесообразным уточнить критерии привлечения информационных посредников к ответственности, закрепить единые требования к допустимости и оценке электронных доказательств, а также расширить возможности трансграничного сотрудничества при рассмотрении соответствующих споров.

Особую специфику гражданско-правовой ответственности в цифровой среде придает характер совершаемых правонарушений, который нередко сочетает в себе элементы деликтной и договорной ответственности. Так, при заключении электронных договоров посредством цифровых платформ стороны вступают в обязательственные отношения, нарушение которых влечет применение общих положений о гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Вместе с тем в случае причинения вреда третьим лицам вследствие неправомерных действий пользователей цифровых сервисов возникает деликтная ответственность, что требует четкого разграничения правовых оснований предъявления требований.

В условиях развития электронной коммерции значительное распространение получили споры, связанные с ненадлежащим исполнением обязательств маркетплейсами и агрегаторами услуг. Вопрос о правовой природе их ответственности остается дискуссионным. Одни исследователи рассматривают цифровые платформы исключительно как информационных посредников, другие же указывают на их фактическое участие в организации оборота товаров и услуг, что предполагает более высокий стандарт ответственности [9, с. 64]. Представляется, что при определении объема ответственности таких субъектов необходимо учитывать степень их влияния на формирование условий сделки и возможность контроля за действиями продавцов.

Дополнительную сложность представляет проблема компенсации нематериального вреда, причиненного в цифровой среде. Распространение порочащих сведений в сети Интернет, кибербуллинг, незаконное использование изображений и персональных данных способны причинить существенные нравственные страдания. Однако определение размера компенсации морального вреда в подобных делах зачастую носит

оценочный характер и зависит от усмотрения суда, что порождает различия в правоприменительной практике.

Следует учитывать и то обстоятельство, что цифровая среда характеризуется высокой скоростью тиражирования информации. Даже кратковременное размещение противоправного контента может повлечь значительные последствия ввиду его мгновенного копирования и распространения. В этой связи особое значение приобретают обеспечительные меры, направленные на оперативное пресечение нарушения, включая временное ограничение доступа к информационным ресурсам и удаление спорного контента до вынесения окончательного судебного акта.

Не менее важным аспектом является трансграничный характер цифровых правонарушений. Размещение информации на зарубежных серверах, использование иностранных доменных зон и участие иностранных юридических лиц существенно осложняют реализацию права на судебную защиту. В подобных ситуациях актуализируется проблема определения применимого права и юрисдикции, что требует развития механизмов международного сотрудничества и гармонизации национальных правовых подходов [11, с. 88].

Отдельного анализа заслуживает вопрос соотношения гражданско-правовой и иных видов юридической ответственности в цифровой среде. Нередко одно и то же деяние образует состав административного правонарушения или преступления, однако применение публично-правовых санкций не освобождает нарушителя от обязанности возместить причиненный имущественный вред. Таким образом, гражданско-правовая ответственность выполняет компенсаторную функцию и направлена на восстановление имущественной сферы потерпевшего.

Следует также отметить превентивное значение гражданско-правовой ответственности. Возможность взыскания значительных сумм компенсации, особенно в сфере защиты интеллектуальных прав, формирует у участников цифрового оборота мотивацию к соблюдению требований законодательства.

При этом эффективность превенции напрямую зависит от неизбежности наступления ответственности и устойчивости судебной практики.

В научной доктрине обращается внимание на необходимость внедрения специальных процедур досудебного урегулирования споров в цифровой среде, включая механизмы «notice-and-takedown», предусматривающие направление уведомления о нарушении и последующее удаление контента без обращения в суд [12, с. 101]. Применение подобных инструментов позволяет снизить нагрузку на судебную систему и обеспечить более оперативную защиту прав.

Кроме того, цифровизация правосудия, выражающаяся в возможности подачи исковых заявлений в электронной форме и участия в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи, способствует повышению доступности защиты нарушенных прав. Вместе с тем развитие цифровых технологий требует совершенствования процессуальных норм, регулирующих порядок фиксации и хранения электронных доказательств.

Нельзя игнорировать и проблему злоупотребления правом в цифровой среде. В ряде случаев механизмы защиты используются недобросовестно — например, путем направления необоснованных требований о блокировке контента в целях ограничения конкуренции. В подобных ситуациях суду надлежит оценивать добросовестность поведения сторон и обеспечивать баланс интересов участников гражданского оборота.

В перспективе развитие технологий искусственного интеллекта и автоматизированных систем обработки данных поставит новые вопросы в сфере гражданско-правовой ответственности, в том числе связанные с распределением рисков между разработчиками программного обеспечения, владельцами платформ и пользователями. Это свидетельствует о необходимости гибкости правового

регулирования и готовности законодательства к оперативной адаптации к меняющимся условиям цифровой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=mmavl8afnc110023179 (дата обращения: 20.01.2026). – Загл. с экрана.

4. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/?ysclid=mmavmh4oie506887599 (дата обращения: 20.01.2026). – Загл. с экрана.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148497/?ysclid=mmavobjyxu263987825 (дата обращения: 20.01.2026). – Загл. с экрана.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 7.

7. Иванова, Н. К. Ответственность информационных посредников в сети Интернет / Н. К. Иванова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 8. – С. 115–120.

8. Петров, А. В. Гражданско-правовая защита персональных данных в цифровой экономике / А. В. Петров // Законодательство и экономика. – 2022. – № 3. – С. 50–56.

9. Сидорова, Л. М. Гражданско-правовая ответственность в условиях цифровизации общественных отношений / Л. М. Сидорова // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 70–75.

10. Смирнова, Е. Д. Правовое регулирование деятельности цифровых платформ: вопросы ответственности / Е. Д. Смирнова // Право и экономика. – 2023. – № 7. – С. 133–140.

11. Кузнецов, Д. С. Электронные доказательства в гражданском процессе Российской Федерации / Д. С. Кузнецов // Арбитражные споры. – 2019. – № 4. – С. 88–94.

12. Гаврилов, Э. П. Защита интеллектуальных прав в сети Интернет / Э. П. Гаврилов // Интеллектуальные права: вызовы XXI века: материалы международной конференции. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – С. 15–25.

13. Лебедева, М. С. Компенсация морального вреда при распространении информации в сети Интернет / М. С. Лебедева // Российская юстиция. – 2021. – № 9. – С. 42–47.

14. Чернышев, К. А. Проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности владельцев интернет-платформ / К. А. Чернышев // Вестник гражданского права. – 2022. – № 6. – С. 98–105.

TRADEMARK PUBLICITY CRITERION: CONTRADICTIONS IN ROSPATENT'S LAW ENFORCEMENT AND WAYS TO ELIMINATE THEM

Annotation. The article is devoted to the study of civil liability for violation of rights in the digital environment. Particular attention is paid to the specific features of protecting subjective civil rights in the context of the digitalization of social relations. Based on the analysis of current legislation and judicial practice, the paper identifies key problems in the legal regulation of liability for violations of users' rights on the Internet, including difficulties in identifying the offender, determining the amount of damages, and compensating harm caused through the use of digital technologies. The necessity of improving civil law mechanisms for the protection of rights in the digital environment is substantiated, including through clarifying the criteria for proving fault and expanding the methods of protecting civil rights in cases of digital offenses.

Keywords: civil liability, digital environment, digital rights, protection of civil rights, Internet, digital technologies, violation of rights, compensation for harm, civil legislation, information law.

Aksenova A.A.
Scientific adviser: Sviridova K.E., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: nastya777aksenova@gmail.com

УДК 343.98

СПЕЦИФИКА НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ

Алексеева К.О.
Научный руководитель: Чихрадзе А.М., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется специфика назначения и производства судебных экспертиз в уголовных делах с участием малолетних потерпевших. На основе анализа норм УПК РФ и Федерального закона № 73-ФЗ, а также научных трудов отечественных правоведов, выявлены особенности применения различных видов экспертиз - психологических, психиатрических, биологических, лингвистических и др. - с учётом возрастных, когнитивных и эмоциональных характеристик несовершеннолетних. Авторы обосновывают необходимость законодательного закрепления особых процессуальных гарантий при производстве экспертиз в отношении малолетних, включая ограничение продолжительности исследования и возможность участия законных представителей.
Ключевые слова: судебная экспертиза, малолетние потерпевшие, уголовное судопроизводство, специальные знания, судебно-психологическая экспертиза, процессуальные гарантии, УПК РФ.

В современных условиях повышение эффективности расследования преступлений во многом обусловлено активным использованием научно-технических средств и методов, однако судебная экспертиза по-прежнему сохраняет статус одного из ключевых инструментов формирования доказательственной базы. Важно отметить, что её значение особенно возрастает в тех случаях, когда речь идет о защите прав и законных интересов наиболее уязвимых участников уголовного судопроизводства - малолетних потерпевших. Несмотря на то, что глава 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1] в целом обеспечивают регулирование порядка назначения и производства экспертиз, они не содержат специальных норм, учитывающих возрастные, психологические и физиологические особенности детей как субъектов экспертного исследования.

Следовательно, вышеуказанное порождает значительные пробелы в правовом регулировании, затрудняющие как организацию самого экспертного процесса, так и обеспечение достоверности его результатов.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что малолетние потерпевшие, будучи участниками уголовного процесса, нуждаются в особом процессуальном и психологическом подходе. В этих условиях судебная экспертиза - особенно психиатрическая, психологическая, лингвистическая или биологическая - становится не просто техническим этапом расследования, а важнейшим механизмом установления объективной истины. Однако, несмотря на признание её значимости в научной и практической среде, до сих пор отсутствует единая методологическая и нормативная база, регулирующая специфику проведения экспертиз именно в отношении малолетних. Более того, в действующем законодательстве не закреплено даже отдельное определение такой экспертизы, что создает правовую неопределенность и препятствует выработке унифицированных подходов к её организации.

Научные труды таких исследователей, как Диденко Н.С., Моругина Н.А., Сафуанов Ф.С., Лисовцева В.М. и других, подчеркивают необходимость учета возрастных особенностей при формулировании экспертных вопросов, выборе методик исследования и интерпретации полученных данных. Вместе с тем анализ практики показывает, что следователи нередко допускают ошибки: задают неконкретные вопросы, выходят за пределы компетенции эксперта или игнорируют временные и психологические ограничения, связанные с детским возрастом. Отсутствие четких нормативных

требований к продолжительности экспертизы, условиям пребывания ребенка в экспертном учреждении, возможности участия законных представителей в процессе исследования - всё это снижает не только эффективность, но и гуманитарную составляющую экспертного воздействия.

Цель настоящей статьи - выявить и систематизировать правовые, процессуальные и психологические аспекты, характерные для назначения и производства судебных экспертиз в отношении малолетних потерпевших, а также обосновать необходимость внесения в законодательство специальных норм, направленных на их адаптацию к возрастным особенностям данной категории лиц.

Как отмечают исследователи Диденко Н.С. и Моругина Н.А., примеры применения судебных экспертиз в отношении малолетних могут быть самыми различными. По мнению авторов, к ним относятся исследования последствий травм, полученных малолетними потерпевшими в ходе совершения преступлений, диагностика психологических заболеваний и отклонений, выявление зависимости от наркотиков и алкоголя, а также другие вопросы, требующие специальных познаний [2, с. 109].

Также, в своей работе Моругина Н.А. и Сидорова Е.И. пишут о том, что по результатам проведенной судебной экспертизы эксперт составляет особый документ - заключение эксперта. Стоит отметить, что вышеуказанный документ представляет собой письменное изложение содержания исследования и выводов по вопросам, поставленным перед экспертом следователем или другими участниками уголовного процесса. Заключение эксперта является одним из видов доказательств, предусмотренных статьей 74 УПК РФ. В соответствии с этим положением, как указывают авторы, к доказательствам относятся как сами заключения экспертов (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), так и показания специалистов (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [3, с. 223].

Судебная экспертиза в системе уголовно-процессуального права занимает важное место, однако её правовой статус не является полностью закрепленным законодательно. Особую сложность вызывает отсутствие однозначного определения данного процессуального действия в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Следовательно, вышеуказанное привело к дискуссиям среди учёных процессуалистов о том, следует ли рассматривать судебную экспертизу как следственное действие или иное процессуальное действие.

Например, С. А. Шейфер утверждает, что судебная экспертиза не может быть отнесена к следственным действиям, поскольку при следственных действиях знания извлекаются непосредственно следователем, а при производстве экспертизы – экспертами.

Важно отметить, что следственное действие подразумевает получение или проверку доказательств непосредственно следователем. Однако большинство учёных всё же относят судебные экспертизы к следственным действиям, основываясь на их схожести с процессом доказывания. Тем не менее, такое мнение нельзя считать абсолютно верным, так как в данном случае субъектом доказывания выступает эксперт, а проверка доказательств осуществляется следователем, дознавателем или судом [4, с. 69].

В своей работе Чистоногов Н.А. пишет о том, что термин «экспертиза» используется в науке и практике для обозначения исследований, требующих применения профессиональных знаний. Результаты экспертизы достигаются путём проведения опытов с использованием специальных инструментов и методик [5, с. 75].

Согласно Федеральному закону от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебная экспертиза представляет собой предусмотренное законодательством процессуальное действие, которое включает проведение исследований и составление заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или

ремесла. Следовательно, вышеуказанное определение считается полным и не вызывает возражений среди правоведов и юристов.

Вместе с тем, для различения судебных экспертиз от других видов исследований Е.Р. Россинская подчёркивает, что судебная экспертиза является специфической разновидностью экспертиз, обладающей особым статусом. При этом, автор указывает, что нет отдельного определения для судебных экспертиз, назначаемых в отношении малолетних, так как определение, данное в вышеупомянутом федеральном законе, считается исчерпывающим [6, с. 101].

Согласно пункту 2 статьи 198 УПК РФ, судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

Согласно статье 12 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», государственный судебный эксперт – это аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, который осуществляет судебную экспертизу в рамках исполнения своих должностных обязанностей [7].

В своей работе Малкина Т.О. пишет о том, что сущность судебных экспертиз по уголовным делам в отношении малолетних заключается в исследовании материальных объектов, связанных с преступлением, или самих малолетних участников судопроизводства. Автор отмечает, что данное исследование проводится по постановлению должностного лица, осуществляющего предварительное или судебное следствие, лицом, обладающим специальными знаниями, с целью установления фактических доказательств, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу [8, с. 204].

Что касается признаков судебной экспертизы (включая экспертизы по уголовным делам в отношении малолетних), то, как указывает Зимина И.И. они не закреплены в нормативных правовых актах. Однако в научной литературе выделяют следующие характеристики: особая процессуальная форма исследования, значимость устанавливаемого обстоятельства для дела, осуществление исследований компетентным специалистом (экспертом) и оформление результатов в виде экспертного заключения [9, с. 204].

В процессе расследования уголовных дел, где потерпевшими выступают малолетние дети, нередко возникает необходимость назначения различных видов судебных экспертиз. Рассмотрим наиболее распространенные из них, основываясь на приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 (с последними изменениями от 30 мая 2022 года), регулирующим вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [10].

Одним из таких видов является автороведческая судебная экспертиза. Стоит отметить, что она становится актуальной тогда, когда в ходе следствия обнаруживаются различные записки или тексты, имеющие значение для дела как доказательства. Объектом данной экспертизы выступает речепорождение, выраженное в письменной форме и зафиксированное на материальном носителе.

Заключение эксперта позволяет установить авторство текста, определить участие других лиц в его создании, а также предоставить дополнительные сведения о личности автора, такие как уровень образования, пол, возраст и родной язык. Однако следует отметить, что получаемые данные носят вероятностный характер и служат лишь инструментом для сужения круга возможных подозреваемых.

В своей работе Хисматуллин Р.С. отмечает, что примерами ситуаций, требующих проведения такой экспертизы, могут быть письма с угрозами, адресованные малолетним детям, предсмертные записки, оставленные несовершеннолетними, совершившими

суицид, или письма с требованиями выкупа пропавшего ребенка, направленные родителям [11, с. 48].

Еще одним важным видом судебных экспертиз является биологическая судебная экспертиза, также известная как экспертиза тканей и выделений человека. Стоит отметить, что ее значимость обусловлена тем, что большинство преступлений связано с физическим контактом между субъектом преступления и объектом посягательства, что часто приводит к оставлению биологических следов на месте происшествия.

Юношев С.В. пишет о том, что объектами исследования становятся различные биологические материалы, содержащие ДНК. По мнению автора, такая экспертиза может быть назначена по различным категориям дел, включая случаи изнасилований, совершенных в отношении малолетних детей [12, с. 666].

Случаи, по которым может быть назначена судебная биологическая экспертиза, разнообразны, ими могут быть изнасилования, совершенные в отношении малолетних.

В свою очередь, дактилоскопическая судебная экспертиза представляет собой научно обоснованное исследование, направленное на изучение строения и уникального узора кожи на пальцах рук человека. Стоит отметить, что данная методика основана на принципе индивидуальной уникальности папиллярных линий каждого человека, что делает её крайне важным инструментом в уголовном процессе. Заключения специалистов данной области имеют существенное значение как доказательства по уголовным делам.

В своей работе Николаенко Н.С. и Дерендяева С.Д. пишут о том, что в случае, если подозреваемый или обвиняемый уже установлен, производится сравнительный анализ: следы пальцев рук, изъятые с места происшествия, отправляются на исследование вместе с отпечатками задержанного [13, с. 225].

Также, в настоящее время существует и судебная компьютерная экспертиза, которая является современным методом исследования цифровых данных и компьютерной информации. Стоит отметить, что её задача заключается в выявлении механизма событий, времени их совершения, способов действий, причинных связей между явлениями, а также качественных и количественных характеристик объектов, которые невозможно воспринять непосредственно.

Султанова Г.Р. в своей работе отмечает, что примерами преступлений, при расследовании которых назначается такая экспертиза, являются создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, направленных против малолетних пользователей сети Интернет [14, с. 89].

Лингвистическая судебная экспертиза представляет собой процессуально регламентированное исследование текстов, будь то устные или письменные высказывания, с применением специальных знаний в области языкознания и судебного речеведения. Стоит отметить, что предметом вышеуказанной экспертизы выступают продукты речевой или письменной деятельности человека, такие как экстремистские высказывания несовершеннолетних в социальных сетях или переписка несовершеннолетних с взрослыми на интимные темы через мессенджеры.

Особенно значимой данная экспертиза становится при расследовании преступлений сексуального характера, совершаемых взрослыми в отношении малолетних в личной переписке через интернет-платформы. Стоит отметить, что такие случаи требуют тщательного анализа текстовых материалов для установления фактов и степени опасности совершенных деяний [15].

Судебно-психиатрическая экспертиза представляет собой одну из наиболее значимых и часто используемых форм экспертного исследования, особенно в случаях, связанных с несовершеннолетними лицами. Стоит отметить, что вышеуказанное объясняется тем, что дети и подростки обладают специфическими особенностями психологического развития и мыслительных процессов, которые отличаются от

взрослых и требуют особого подхода при юридическом анализе их показаний или поведения.

Важно отметить, что основные задачи судебно-психологической экспертизы, применяемой к несовершеннолетним потерпевшим, заключаются в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, она направлена на установление способности психически здоровых детей и подростков адекватно воспринимать события, имеющие значение для дела, и давать по ним точные и достоверные показания. Кроме того, экспертиза может быть использована для определения способности потерпевших, особенно в делах об изнасиловании, правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий, а также оказывать сопротивление преступнику.

В своей работе Карташов И.И. отмечает, что дополнительно экспертиза позволяет выявить у конкретного лица эмоционально-волевые особенности, индивидуально-психологические свойства и черты характера, которые могут существенно влиять на его поведение в той или иной ситуации, включая возможность участия в противоправных действиях [16, с. 338].

Также, стоит отметить, что на практике встречаются случаи, когда поведение несовершеннолетнего потерпевшего вызывает дополнительные вопросы. Отдельного внимания, как указывает Лисовцева В.М. заслуживают случаи, когда поведение потерпевшего кажется неоднозначным или противоречивым. Например, если потерпевшая по делу об изнасиловании не оказала активного сопротивления, это может породить сложности при юридической квалификации деяния. Стоит отметить, что у автора возникает вопрос: действительно ли имело место насильственное преступление? [17, с. 28].

Стоит отметить, что на практике встречаются ошибки в формулировке вопросов для судебно-психологической экспертизы. Стоит отметить, что для их исключения необходимо соблюдать несколько тактических правил. Во-первых, как пишет в своей работе Сафуанов Ф.С. вопросы должны быть максимально конкретными и исчерпывающими, чтобы обеспечить полноту ответов эксперта. Во-вторых, они должны соответствовать современному уровню развития науки и техники, чтобы не ставить перед экспертом задачи, которые невозможно решить на данный момент. В-третьих, вопросы следует формулировать грамотно, с учетом специфики рассматриваемого предмета экспертизы [18, с. 120]

Особое внимание стоит уделить границам компетенции эксперта-психолога. Стоит отметить, что его задача заключается исключительно в оценке возможности правильного восприятия, запоминания и воспроизведения информации, имеющей значение для уголовного дела. Эксперт не должен исследовать фактическое наличие или отсутствие у подэкспертного лица этих способностей в конкретной ситуации. Оценка достоверности показаний остается прерогативой следственных и судебных органов.

Изучив виды судебных экспертиз, назначение которых в отношении малолетних является наиболее эффективным, мы можем прийти к выводу, что при расследовании уголовных дел, связанных с лицами, не достигшими 18 лет, перечень видов судебных экспертиз обуславливается их жизненным опытом, навыками и психическим развитием.

Кроме того, стоит сказать о том, что правовое регулирование судебных экспертиз по уголовным делам в отношении малолетних имеет некоторые пробелы. Так, законодатель не выделяет отдельного определения для судебных экспертиз, назначаемых в отношении малолетних, однако наличие данного определения необходимо в связи с особой ролью малолетних как участников предварительного следствия. Кроме того, есть ряд пробелов в квалификации судебных экспертиз, что усложняет выбор необходимой экспертизы.

Проанализировав мнения ученых-правоведов, мы можем предложить внести в действующее законодательство, касающееся назначения и производства судебных

экспертиз по уголовным делам в отношении малолетних как потерпевших, следующие дополнения:

1) в гл. 27 УПК РФ необходимо обязательно указать максимальный срок непрерывного производства судебной экспертизы в отношении малолетнего за одни сутки. Например, обязать эксперта так же, как это расписано в ст. 191 УПК РФ: судебная экспертиза с участием малолетнего не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности - более четырех часов в день;

2) считаем необходимым указать в гл. 27 УПК РФ возможность присутствия родителей и иных законных представителей малолетних при проведении назначенной в отношении малолетней судебной экспертизы. Возможность их участия должна определяться экспертом-психологом или экспертом-психиатром, который сможет объективно выявить необходимость участия законных представителей, для того чтобы малолетний мог раскрыться эксперту и без страха отвечать на задаваемые им вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: ФЗ РФ от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 08.02.2026)

2. Диденко, Н.С., Моругина, Н.А. Особенности производства судебных экспертиз по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Н.С. Диденко, Н.А. Моругина // Юристъ-Правоведъ. - 2024. - № 1 (108). - С. 107-115.

3. Моругина, Н.А., Сидорова, Е.И. Особенности назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Н.А. Моругина, Е.И. Сидорова // Вестник Воронежского института ФСИН России. - 2022. - № 1. - С. 220-226.

4. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер // Самара. - 2004. – С. 68-73.

5. Чистоногов, Н.А. К вопросу о понятии, сущности и роли судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Н.А. Чистоногов // Молодой ученый. - 2018. - № 36 (222). – С. 73-78.

6. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская // М. - 2006. – С. 101-104.

7. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 2010. № 296.

8. Малкина, Т.О. Особенности судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Т.О. Малкина // Политехнический молодежный журнал. - 2022. - № 6 (71). – С. 56-61.

9. Зимина, И.И. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы / И.И. Зимина // Молодой ученый. - 2020. - № 43(333). - С. 204-205.

10. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 12.11.2024) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/software/systems (дата обращения: 08.02.2026)

11. Хисматуллин, Р.С. Процессуальные и нравственные особенности производства судебной экспертизы в судебном процессе по делам несовершеннолетних / Р.С. Хисматуллин // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. - 2019. - Т. 11. - № 1. - С. 47-50.

12. Юношев, С.В., Дученко, Е.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних в российском уголовном праве, проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / С.В. Юношев, Е.А. Дученко // Аллея науки. - 2020. - Т. 1. - № 10 (49). - С. 664-669.

13. Николаенко, Н.С., Дерендяева, С.Д. Судебное производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Н.С. Николаенко, С.Д. Дерендяева // Вопросы российского и международного права. - 2024. - Т. 14. - № 3-1. - С. 223-227.

14. Султанова, Г.Р. Особенности назначения и производства судебных экспертиз в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства / Г.Р. Султанова // Проблемы и достижения современной науки. - 2018. - Т. 1. - № 1 (5). - С. 88-91.

15. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) (утв. ФССП России 25.05.2017 № 0004/5) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 26.05.2017. № 7.

16. Карташов, И.И., Камышникова, М.А. Особенности судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / И.И. Карташов, М.А. Камышникова // Бизнес. Образование. Право. - 2020. - № 3 (52). - С. 337-341.

17. Лисовцева, В.М. Судебно-психологическая экспертиза потерпевшего: учеб. пособие / В.М. Лисовцева - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. - 2004. - 44 с.

18. Сафуанов, Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф.С. Сафуанов. - М.: Гардарика, Смысл. - 1998. - 192 с.

THE SPECIFICS OF THE APPOINTMENT AND CONDUCT OF FORENSIC EXAMINATIONS IN RELATION TO MINOR VICTIMS

Annotation. The article examines the specifics of the appointment and conduct of forensic examinations in criminal cases involving juvenile victims. Based on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Federal Law No. 73-FZ, as well as the scientific works of Russian jurists, the peculiarities of the application of various types of examinations - psychological, psychiatric, biological, linguistic, etc. - taking into account the age, cognitive and emotional characteristics of minors. The authors substantiate the need for legislative consolidation of special procedural guarantees in the conduct of examinations in relation to minors, including limiting the duration of the study and the possibility of the participation of legal representatives.
Keywords: forensic examination, juvenile victims, criminal proceedings, special knowledge, forensic psychological examination, procedural guarantees, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Alekseeva K.O.
Scientific adviser:Chikhradze A.M., Candidate of Law, Associate Professor of the Department
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 343.611.1

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКУЛШУТИНГ

Алиева А.Р.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье изучается проблема актов насилия в образовательных учреждениях и правовые механизмы ответственности за скулшутинг в зарубежных странах. В ходе исследования использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также анализ нормативных актов и правоприменительной практики. Рассматриваются подходы к профилактике и раннему выявлению насильственных преступлений в школах на примере США, Германии и Китая. В результате обоснована эффективность комплексных моделей профилактики и сделан вывод о возможности их адаптации в российской системе образования.
Ключевые слова: скулшутинг, насилие в школах, зарубежное законодательство, профилактика, несовершеннолетние.

Несколько лет назад термин «скулшутинг» был малознакомым, но в последние годы в новостях всё чаще появляются сообщения о таких инцидентах, и это не первые случаи в мире. В российском законодательстве данное понятие не имеет четкого определения.

Согласно мнению многих учёных, скулшутинг — это радикальное субкультурное явление, одна из крайних форм деструктивного поведения среди подростков, обучающихся в образовательных учреждениях [1, с. 52].

А. Пучнин отмечает, что «скулшутинг» представляет собой радикальное направление субкультуры, являющееся одной из крайних проявлений деструктивного поведения среди молодежи и подростков [3, с. 39].

В. Орлов, изучая указанную тему, охарактеризовал акт «скулшутинга» как заранее спланированное мероприятие, в ходе которого используется оружие на территории учебного заведения [2, с. 25].

В современном контексте, случаи скулшутинга в учебных заведениях представляют собой существенную угрозу для безопасности образовательной среды и являются насущной социальной проблемой. Актуальность изучения данного феномена обусловлена его эволюцией от разрозненных инцидентов к повторяющимся случаям в разных странах, в том числе и в России. В то время как в США научная изучения феномена скулшутинга сформировалась в начале 2000-х годов, отечественные исследователи приступили к активному анализу проблемы значительно позже, что было обусловлено резонансными событиями в Керчи в 2018 г., Казани и Перми в 2021 г.

В современных условиях управления образовательными учреждениями важным элементом является разработка эффективных мер по предотвращению скулшутинга в школах. Проблема насилия в учебных заведениях остаётся острой, поскольку преступления, совершаемые несовершеннолетними, вызывают устойчивую общественную обеспокоенность. В связи с этим борьба с насильственными действиями требует комплексного подхода, охватывающего правовое, административное, образовательное и социальное управление.

Социальная опасность скулшутинга многогранна. Он представляет прямую угрозу жизни и здоровью всех, кто находится в учебных заведениях, создает атмосферу страха и недоверия среди обучающихся, родителей и педагогов, подрывает базовое чувство безопасности и ставит под сомнение эффективность системы образования как института социализации. Каждый инцидент вызывает масштабный общественный резонанс и дискуссии о необходимости пересмотра мер безопасности. Научное понимание причин

скулшутинга изменялось: от фокуса на индивидуальную психопатологию к признанию роли социальных факторов, таких как подражание, усиленное медиа, и влияние онлайн-радикализации через деструктивные группы, пропагандирующие «культ Колумбайна» и героизирующие образ «мстителя». Это подчеркивает необходимость анализа социокультурных аспектов распространения «культурных сценариев» актов насилия в учебных заведениях.

Изучение ответственности за скулшутинг по зарубежному законодательству необходимо для выявления эффективных правовых механизмов, уже применяемых в других странах. Зарубежный опыт в англо-саксонской и романо-германской системах, демонстрирует развитые подходы к профилактике, квалификации и пресечению подобных преступлений. Это позволяет учитывать успешные данные практики и адаптировать их к российским реалиям, что особенно важно для разработки четких норм, регулирующих такие деяние в отечественном законодательстве.

Следует также подчеркнуть, что использование огнестрельного оружия в школах представляют собой лишь малую долю от общего числа преступлений, хотя другие виды насилия происходят ежедневно. Тем не менее, именно, случаи скулшутинга вызывают наибольшее внимание со стороны общества и СМИ. Усилия по предотвращению этих трагедий часто фокусируются на попытках выявить «личность» стрелка. Исследования показывают, что универсального шаблона не существует, а его создание может оказаться пагубным для самого потенциального преступника. С. Ньюман утверждает, что атаки происходят вследствие чувства отчуждения: стрелки либо подвергались травле, либо были к ней чрезмерно чувствительны, либо, не испытывая травли, имели серьёзные социальные проблемы [1, с. 52]. Они убеждены: окружающий мир враждебен, все против них, что приводит к накоплению ярости и длительной подготовке акта мести.

Многочисленные исследования подчёркивают, что травля является центральной причиной школьных стрельб, хотя до сих пор неясно, является ли она первопричиной или триггером психического расстройства? Дополнительным фактором является неконтролируемая ярость, которую стрелки подавляют, не умея выразить словами свои эмоции, и воспринимают кульминационную реакцию как единственное решение, что порождает мнение о том, что школьные стрелки «просто срываются».

В связи с этим, школы начали внедрять меры безопасности для предотвращения подобных инцидентов [4, с. 82]. Так, установка камер наблюдения и металлодетекторов, введение дресс-кодов, обыски в шкафчиках и увеличение присутствия охранников стали обычной практикой. Следует отметить, что привлечение сотрудников охраны и установка металлодетекторов часто оказывается дорогостоящими, что может вынудить школы сокращать средства на другие приоритетные направления – внедрение новых технологий и развитие внеучебных программ.

Кроме того, другой аспект дискуссии – это владение огнестрельным оружием гражданскими лицами. Например, США лидируют по этому показателю – на каждых 100 жителей приходится 90 единиц оружия. При этом 68% школьных стрелков и 94% «мстителей в классе» завладели оружием, принадлежащие членам их семьи или родственникам, а 59% имели опыт обращения с оружием до совершения атаки [9, с. 1316]. Несмотря на отсутствие прямой причинно-следственной связи, доступность оружия существенно повышает риск реализации насильственных сценариев.

Для предупреждения подобных инцидентов необходимо учитывать и другие факторы, такие как возможные утечки информации. В связи с этим разработаны модели оценки угроз, применяемые в случаях высказывания таковых. Однако ключевым фактором остаётся взаимодействие со взрослыми, особенно между учителями и учениками, что способствует раннему выявлению рисков и разрыву «кода молчания». Важным является также обучение определенных специалистов распознаванию факторов риска и налаживанию сотрудничества со школьным персоналом.

В качестве примера успешной модели профилактики целесообразно рассмотреть немецкую динамическую систему анализа рисков DyRiAS [5, с. 368]. Она обеспечила 13-летний период ремиссии случаев скулшутинга. DyRiAS представляет собой опросник из более чем 100 вопросов, позволяющий оценить уровень опасности ситуации, выявляя потенциальных участников массовых убийств, наличие опыта работы с оружием и нигилистических мыслей. Такой подход повышает прогнозируемая степень риска.

В Германии организовано специальное обучение сотрудников школ, социальных работников и полиции, направленное на распознавание тревожных сигналов. Если обучающийся высказывает угрозы, о них ставят в известность психолог. Одной из инициатив является формирование многопрофильной группы для оценки угроз, которая собирает информацию, анализирует риски и разрабатывает стратегии вмешательства [8, с. 479]. В состав группы входят учителя, методисты, тренеры, специалисты по психическому здоровью и школьные администраторы, что обеспечивает широкий доступ к информации и ресурсам.

Важным аспектом профилактики является выявление недопустимого поведения. Для этого необходимо четко определить критерии угрозы, насилия, ношения оружия, травлю или преследование. Важно учитывать также поведение, которое не всегда представляет явную угрозу, но требует вмешательства – снижение успеваемости, учащение прогулов, социальная изоляция, резкие изменения во внешнем виде, употребление наркотиков или алкоголя, проявления депрессии.

Для системного реагирования создается централизованная система отчетности. Информация о вызывающих беспокойство обучающихся передается команде специалистов через анонимные обращения, телефон или лично. Учащиеся, сотрудники и родители обучаются распознаванию тревожных сигналов. Сообщения о поведении, связанном с оружием или угрозами, направляются в правоохранительные органы, включая представителей полиции для быстрой реакции.

Использование специализированных опросников в сочетании с формированием многопрофильных групп позволяет своевременно выявлять тревожные сигналы и предотвращать потенциальные угрозы. Опыт Германии, приведший к 13-летней ремиссии случаев скулшутинга, подтверждает эффективность такого подхода. Для России эти меры могут быть адаптированы через разработку нормативных актов, обеспечивающих внедрение комплексных программ безопасности, межведомственное сотрудничество и стандарты оценки рисков, аналогичные DyRiAS.

Интеграция физических мер защиты, психологической поддержки и строгого контроля доступа к оружию формирует систему раннего выявления угроз и безопасную образовательную среду. Опыт зарубежных стран демонстрирует, что скоординированные действия всех участников образовательного процесса способны снизить риск насильственных инцидентов, что может быть успешно адаптировано в российской практике.

Изучая международный опыт, целесообразно изучить специфику китайского законодательства о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность. Китайское уголовное право устанавливает, что лица, не достигшие 14 лет, полностью освобождаются от уголовной ответственности. Для подростков в возрасте от 14 до 16 лет уголовная ответственность применяется только в случаях совершения восьми конкретных, особо тяжких преступлений. Важно отметить, что, как правило, несовершеннолетние младше 14 лет, а также те, кому от 14 до 16 лет, не подлежат административному задержанию за первое правонарушение. Тем не менее, в школьной среде среди подростков 14-16 лет фиксируется определенное количество преступлений, связанных с насилием, и даже случаи убийства детей младше 14 лет [10, с. 95].

Важным шагом стала реализация изменений в Законе Народной Республики Китай о защите несовершеннолетних. Так, 17 октября 2020 года был принят законопроект об

изменениях, который вступил в силу 1 июня 2021 года. Основной особенностью этого изменения является концепция интегрированного управления, объединяющего школы, семьи и общество [7, с. 42]. Данная поправка уточняет обязанности школ и усиливает институциональные требования к профилактике и контролю за травлей, зависимостью от Интернета, направлено на обучение сотрудников, студентов и других лиц основам правового регулирования, а также внедрению систем защиты для пострадавших.

В этом контексте следует подчеркнуть, что родители или другие опекуны несовершеннолетних не вправе игнорировать противоправное поведение своих детей (буллинг) или способствовать его эскалации из-за своей любви к ним. Для несовершеннолетних, зависимых от Интернета, закон требует от родителей установить время взаимодействия ребенка и проверять безопасность контента, с которым находятся дети.

Кроме того, необходимо учитывать, что развитие личных привычек обучающиеся неразрывно связано с влиянием школы. Поэтому школам необходимо заниматься работой по формированию ценностей для студентов, способствуя гармоничному развитию всех аспектов воспитания. Особое внимание необходимо уделять идеологическому и политическому образованию, правовой осведомленности, образованию в области психического здоровья и другим направлениям, способствующим формированию правильных моделей поведения [6, с. 8].

Одновременно, для дальнейшего укрепления системы образования и создания благоприятной общественной атмосферы, целесообразным является реализация мер социального управления. В частности, органы, осуществляющие информационную политику, должны широко информировать общественность о мерах борьбы с насилием в школах через общественные объявления и специальные репортажи [11, с. 7].

Улучшение социальной среды и онлайн-пространства является важным способом предотвращения насильственных преступлений в школах и снижения их уровня.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводам, что обеспечение комплексной безопасности образовательной среды от скулшутинга требует многоуровневой стратегии. Данная стратегия должна охватывать раннюю детекцию угроз, анализ поведенческих паттернов обучающихся, функционирование междисциплинарных групп и имплементацию специализированных методик оценки рисков. Это позволит ввести единые стандарты отчетности, организовать плотное сотрудничество между школами, семьями и правоохранителями, и усилить меры психологической поддержки и безопасности для обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, В. В. Анализ социологических исследований по диагностике скулшутинга в образовательных организациях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – 4-1 (79). – С. 52-55.

2. Орлов, В. В. О Терминологическом наполнении понятий «Колумбайн», «Скулшутинг» И «Вооруженные нападения на учебные учреждения» // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2022. – 2 (18). – С. 21-27.

3. Пучнин, А. В., Пучнина, М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации / А. В. Пучнин, М. Ю. Пучнина // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 38–43.

4. Best A. Risk Factors Related to School Shootings. / A. Best – Boston. – 2020. – 94 p.

5. Hoffmann J. School Shootings in Germany: Research, Prevention Through Risk Assessment and Threat Management / J. Hoffmann, K. Roshdi // School Shootings. – 2013. – P. 363–378.

6. Jin Gao Feng, Shou Jia Li, Lin Xi Nan Analysis and Forecast of Crime Situation in China (2018—2019) // Journal of the Chinese People's Public Security University (Social Science Edition). – 2019. – 35. – P. 1-10.

7. Jin Gaofeng, Li Yishang. A Comparative Study of Violent Assault Crimes on Campus in China and the United States An Investigation and Analysis Based on 94 Typical Cases // Journal of the Chinese People's Public Security University (Social Science Edition). – 2017. – 33. – P. 32-47.

8. Lankford A. Identifying potential mass shooters and suicide terrorists with warning signs of suicides, perceived victimization, and desires for attention or fame // Journal of Personality Assessment. – 2018. – 100. – 5. – P. 471–482.

9. Larkin R.W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // American Behavioral Scientist. – 2009. – Vol. 52, № 9. – P. 1309–1326.

10. Liu Zh. On the Current Situation, Causes and Management Countermeasures of Violent Crimes in Schools in China. Legal Science in China and Russia. – 2024. – 7 – P. 92-99.

11. Yu Yang, Shi Xiaoqian. Research on Behavioral Characteristics of School Bullying and Social Prevention Countermeasures - Analysis Based on 50 Typical Cases of School Bullying // Juvenile Delinquency. – 5. – 2019. – P. 1-10.

INTERNATIONAL EXPERIENCE AND LEGISLATIVE MECHANISMS OF ACCOUNTABILITY FOR SCHOOL SHOOTINGS

Annotation. This article investigates the problem of violence in educational institutions and the legal mechanisms of responsibility for school shootings in foreign countries. The research employed comparative legal and formal legal methods, as well as an analysis of regulatory acts and law enforcement practice. Approaches to the prevention and early detection of violent crimes in schools are examined using the examples of USA, Germany and China. As a result, the effectiveness of comprehensive prevention models is substantiated, and a conclusion is drawn about the possibility of their adaptation within the Russian education system.

Keywords: school shootings, violence in schools, international legislation, prevention, juveniles.

Alieva A. R.
Scientific Advisor: Karpenko L. K., Ph.D. in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: 1ayselaliyeva1@mail.ru

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Атрахимова М.А.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются вопросы обеспечения неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве в контексте принципа охраны прав и свобод человека и гражданина. Рассматриваются основные направления правового регулирования и практики применения мер процессуального принуждения, а также проблемы их судебного контроля. Использованы методы анализа и обобщения, системный и формально-юридический подходы. Сформулированы обобщённые выводы о типичных затруднениях правоприменения и предложены направления совершенствования процессуальных гарантий.
Ключевые слова: неприкосновенность личности, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, уголовное судопроизводство.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что неприкосновенность личности относится к числу конституционно гарантированных прав, обеспечивающих физическую свободу и личную безопасность, однако именно в уголовном судопроизводстве данная гарантия наиболее часто подвергается ограничению вследствие применения мер процессуального принуждения, связанных с фактическим лишением свободы и вмешательством в частную сферу.

Практическая реализация данной гарантии осложняется необходимостью соразмерного согласования прав личности с задачами уголовного судопроизводства, включая обеспечение раскрытия и расследования преступлений, достижение целей правосудия и защиту потерпевших, что требует чётких критериев допустимости задержания, избрания и продления меры пресечения, применения иных процессуальных мер, затрагивающих свободу человека. Наличие различных процедурных режимов ограничения свободы на досудебных стадиях и в суде, а также различная интерпретация оснований и условий применения принуждения в практике отдельных правоприменителей нередко приводит к неодинаковому толкованию процессуальных требований, формируя предпосылки для правовой неопределённости и конфликтов. В связи с этим, комплексный анализ проблем обеспечения неприкосновенности личности в механизме реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве сохраняет научную и прикладную направленность.

Проблематике неприкосновенности личности в уголовном процессе, уделяли своё внимание В.П. Божьев, Л.В. Головко, М.С. Строгович, А.В. Смирнов, К.Б Калиновский, Е.А. Доля, А.С. Александров и др. В научной литературе сформированы подходы к содержанию права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве, его связи с принципом законности, судебным контролем и требованиями мотивированности решений о применении мер принуждения, а также разработаны позиции относительно допустимых оснований и процедур ограничения свободы на различных стадиях процесса. Тем не менее, сохраняются дискуссионные вопросы, связанные с единообразием правоприменения при оценке законности задержания и заключения под стражу, достаточностью процессуальных гарантий при неотложных действиях и эффективностью механизмов последующего судебного контроля и восстановления нарушенных прав.

Целью исследования является комплексный анализ проблем обеспечения неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве как элемента реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, а также разработка предложений по их устранению и повышению эффективности процессуальных гарантий.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в российской правовой системе понимается как исходное, общеобязательное требование к государству и его органам обеспечивать признание, соблюдение и защиту прав и свобод во всех формах публичной деятельности, включая нормотворчество, правоприменение и контроль за законностью. Его правовая природа носит конституционно-нормативный характер, поскольку он вытекает из ст. 2 Конституции Российской Федерации, закрепляющей права и свободы человека как высшую ценность и обязанность государства по их признанию, соблюдению и защите, а также из ст. 18, устанавливающей прямое действие прав и свобод и их определяющее значение для содержания и применения законов. Дополнительная юридическая конкретизация принципа выражена в ст. 45 и ст. 46 Конституции Российской Федерации, где закрепляются гарантии государственной защиты прав и свобод и судебной защиты, а также в ст. 55 ч. 3, предусматривающей допустимость ограничений прав только федеральным законом и лишь постольку, поскольку это необходимо для охраны конституционно значимых целей [1].

Т.Я. Хабриева исходит из того, что охрана прав и свобод выступает конституционным ориентиром для всей системы публичного управления, поскольку задаёт обязательный стандарт правовой допустимости решений государства и предопределяет требование юридической обоснованности вмешательства в сферу частной автономии [2, с. 45].

По утверждению С.В. Князева, принцип охраны прав и свобод проявляется не только как декларативная конституционная формула, а как критерий, по которому оценивается законность и соразмерность публичных мер, включая применение принуждения и ограничений, с обязательной возможностью последующего контроля и восстановления нарушенного положения [3, с. 8].

Г.А. Гаджиев подчёркивает, что конституционная охрана прав и свобод раскрывается через баланс публичных и частных интересов, при котором государство обязано выстраивать правовые процедуры так, чтобы риск произвольного вмешательства минимизировался за счёт процессуальных гарантий и эффективных механизмов обжалования [4, с. 58].

Неприкосновенность личности в механизме реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина понимается как установленная правом защищённость человека от произвольного физического или психического воздействия, незаконного ограничения свободы, а также иных форм принуждения, затрагивающих телесную целостность и личную автономию, при обязательности строгих оснований, процедур и контроля за вмешательством. Её правовая природа является комплексной и межотраслевой, поскольку конституционное содержание неприкосновенности личности закреплено в ст. 22 Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу и личную неприкосновенность и устанавливающей судебный порядок заключения под стражу, а процессуальная конкретизация реализуется в уголовно-процессуальном, административном и специальном законодательстве, регулирующем основания и порядок задержания, доставления, мер пресечения и иных ограничений.

В уголовном судопроизводстве параметры допустимого принуждения закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), который определяет основания и порядок задержания подозреваемого (гл. 12), систему мер пресечения и условия их применения (гл. 13), включая обязательность судебного решения при избрании заключения под стражу (ст. 108), а

также устанавливает формы судебного контроля за ограничением прав личности в ходе расследования и рассмотрения дела (ст. 125) [5].

Правовой режим фактического лишения свободы и гарантий лиц, содержащихся под стражей в рамках уголовного процесса, конкретизирован Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который регулирует порядок содержания, права и обязанности, содержащихся под стражей и требования к условиям их размещения [6].

Международно-правовой контекст правовой природы неприкосновенности личности в уголовном процессе раскрывается через ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966) [7] и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) [8], закрепляющие гарантии свободы и личной неприкосновенности, запрет произвольного лишения свободы и требования к судебной проверке законности задержания и содержания под стражей.

А.В. Смирнов рассматривает неприкосновенность личности как процессуально обеспечиваемую гарантию, при которой допустимость принуждения определяется не только наличием материального основания, но и соблюдением установленной процедуры, поскольку именно процедура превращает ограничение свободы в юридически контролируемое действие [9, с. 119].

К.Б. Калиновский указывает, что механизм реализации неприкосновенности личности в уголовном процессе строится на стандартах проверяемости принуждения, когда любое ограничение свободы должно быть документировано, мотивировано и подлежать эффективному судебному контролю, иначе гарантия утрачивает практическую реализуемость [9, с. 120].

Л.В. Иногамова-Хегай подчёркивает, что правовая природа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве выражается в сочетании запретов на произвольное воздействие и позитивных обязанностей государства по организации процедур, предотвращающих злоупотребления и обеспечивающих восстановление прав при нарушении [10, с. 109].

Таким образом, неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве обеспечивается через систему материальных и процессуальных гарантий, ориентированных на законность, обоснованность и судебную проверяемость любого ограничения свободы, а также на возможность последующего восстановления нарушенных прав. Вместе с тем, правоприменительная практика показывает наличие устойчивых затруднений в реализации указанных гарантий, что обусловливает необходимость перехода к анализу ключевых проблем обеспечения неприкосновенности личности и определению путей их устранения.

Проблема первой группы заключается в том, что при избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу либо домашнего ареста нередко используется формализованный подход к мотивировке, когда суд ограничивается воспроизведением общих формулировок о «возможности скрыться», «оказать давление на свидетелей» или «воспрепятствовать расследованию», не раскрывая, какие именно фактические данные подтверждают наличие соответствующих рисков и почему в конкретном деле они не устраняются более мягкими мерами. В таких судебных постановлениях тяжесть предъявленного обвинения фактически подменяет анализ индивидуальных обстоятельств личности, условий жизни, семейных и социальных связей, поведения до и после возбуждения дела, а также содержания и динамики следственных действий, вследствие чего проверяемость и соразмерность ограничения свободы снижается, а решение об изоляции приобретает характер «типового» и слабо привязанного к фактической ситуации.

Реальность указанной проблемы подтверждается тем, что в ряде дел международный судебный контроль фиксировал повторяемость практики, при которой

продление содержания под стражей обосновывалось преимущественно ссылками на тяжесть обвинения без конкретизации рисков и без оценки альтернатив. Так, Европейский суд по правам человека в Постановлении от 24.05.2007 по делу «Игнатов против Российской Федерации» (жалоба № 27193/02, Европейский суд по правам человека, Первая секция) указал на недостаточность мотивировки решений о продлении содержания под стражей, когда национальные суды неоднократно продлевали меру пресечения, опираясь главным образом на тяжесть предъявленного обвинения и не приводя индивидуализированных оснований, способных подтвердить необходимость дальнейшей изоляции, при том что вышестоящая инстанция оставляла такие решения без изменения [11].

Устранение проблемы предполагает внедрение стандартов индивидуализированной и проверяемой мотивировки, при которой суд фиксирует конкретные факты, подтверждающие каждый заявленный риск, оценивает возможность его нейтрализации альтернативными мерами и отражает причинно-следственную связь между обстоятельствами дела и необходимостью изоляции именно на запрашиваемый срок. Практически это может быть обеспечено структурированием судебного анализа по обязательным блокам (обоснованность подозрения, оценка рисков, данные о личности, альтернативы, пропорциональность), процессуальным закреплением требования к представлению стороной обвинения проверяемых сведений о рисках и обеспечением эффективной апелляционной проверки мотивировки.

Проблема второй группы заключается в том, что после окончания предварительного расследования и направления уголовного дела в суд нередко возникает «инерционный» режим ограничения свободы, при котором содержание под стражей фактически продолжается по логике ранее избранной меры пресечения, тогда как процессуальная ситуация качественно меняется и требует нового судебного контроля с учётом завершения следственных действий, сформированности доказательственной базы и изменившихся рисков. На практике это проявляется в том, что между утверждением обвинительного заключения и началом судебного разбирательства образуется период, в котором лицо продолжает находиться в изоляции при недостаточно определённых основаниях и сроках дальнейшего содержания под стражей, а судебная оценка необходимости меры пресечения сводится к краткому подтверждению её сохранения без самостоятельного анализа того, почему именно в данной стадии процесса изоляция остаётся необходимой и почему альтернативные меры не обеспечат цели судопроизводства.

Реальность проблемы получила официальное подтверждение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2005 № 4-П, в котором Конституционный Суд Российской Федерации указал на недопустимость правовой неопределённости при продолжении содержания под стражей на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением дела в суд, и фактически закрепил требование о судебной проверке такого ограничения свободы с определённостью по основаниям и срокам [12].

Устранение указанной проблемы предполагает обеспечение непрерывности и содержательности судебного контроля при межстадийных переходах, когда поступление дела в суд должно сопровождаться своевременным рассмотрением вопроса о мере пресечения с фиксацией конкретного срока её действия и мотивированным анализом необходимости дальнейшего содержания под стражей с учётом изменившихся обстоятельств. Практически это достигается организационным сокращением временного разрыва между поступлением дела и назначением судебного заседания, введением процедурного мониторинга предельных дат содержания под стражей и обязательных процессуальных действий, а также требованием к судебным решениям отражать самостоятельную оценку рисков, альтернативных мер и пропорциональности

ограничения свободы именно на судебной стадии, что исключает сохранение меры пресечения по принципу процессуальной «инерции».

Проблема третьей группы заключается в том, что судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ за действиями и решениями органов расследования, затрагивающими свободу и личную неприкосновенность, на практике нередко реализуется в формализованном режиме, когда суд ограничивается проверкой «наличия полномочий» и «процессуальной формы» обращения, не устанавливая фактическую картину вмешательства и не оценивая, привели ли оспариваемые действия к реальному ограничению прав заявителя. В результате жалобы на незаконное задержание, необоснованное применение физической силы, нарушение сроков доставления к следователю, недопуск защитника на ранней стадии либо иные процессуальные действия, сопряжённые с ограничением свободы, иногда разрешаются через мотивировку общего характера, не позволяющую проверить, какие сведения исследованы судом, какие материалы положены в основу вывода и почему доводы заявителя признаны несостоятельными.

Факт наличия данной проблемы подтверждается тем, что высшая судебная инстанция неоднократно обращала внимание на необходимость содержательной проверки жалоб и недопустимость подмены судебного контроля формальным рассмотрением. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что предметом проверки является законность и обоснованность оспариваемых действий (бездействия) и решений, а суд обязан обеспечить условия для выяснения фактических обстоятельств, имеющих значение для оценки нарушения прав заявителя, что исключает ограничение судебной проверки ссылками на «ненадлежащий способ защиты» или на формальное соответствие документов требованиям закона [13].

Устранение проблемы требует усиления содержательной стороны судебного контроля, при котором суд в каждом деле по ст. 125 УПК РФ устанавливает фактические обстоятельства вмешательства, проверяет его правовое основание и процессуальную форму, оценивает доводы заявителя и возражения органа расследования и формулирует мотивированный вывод о наличии либо отсутствии нарушения с указанием способа его устранения. Практически это обеспечивается реальной состязательностью рассмотрения жалобы, надлежащим извещением и участием представителей органа расследования, предоставлением суду материалов, необходимых для проверки доводов, фиксацией исследованных доказательств в судебном постановлении и соблюдением процессуальных сроков, что позволяет превратить контроль по ст. 125 УПК РФ в механизм, способный реально устранять незаконные ограничения свободы и предотвращать их повторение.

Таким образом, проблемы обеспечения неприкосновенности личности в механизме реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина включают шаблонность и недостаточную индивидуализацию мотивировки при избрании и продлении мер пресечения, риски инерционного продолжения ограничения свободы на межстадийных переходах уголовного процесса, формализацию судебного контроля за действиями и решениями органов расследования, затрагивающими свободу и личную неприкосновенность.

Пути их решения включают усиление требований к доказательственной и мотивировочной части судебных решений с обязательной проверкой альтернативных мер, обеспечение непрерывности судебного контроля и процедурной определённости сроков ограничения свободы на всех стадиях судопроизводства, повышение эффективности рассмотрения жалоб через полноценную проверку фактических

обстоятельств, соблюдение состязательности и предоставление суду необходимых материалов для объективной оценки законности принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 25.12.1993. – № 237.

2. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции: монография / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – Москва: Норма, 2005. – 319 с.

3. Князев, С. Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации / С. Д. Князев // Журнал российского права. – 2021. – № 12 (204). – С. 5–13.

4. Конституционная экономика: сборник статей / отв. ред. Г. А. Гаджиев. – Москва: Юстицинформ, 2020. – 256 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

6. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.07.1995. – № 29. – Ст. 2759.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.

9. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 784 с.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2018. – 560 с.

11. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 мая 2007 г. по делу «Игнатов против Российской Федерации» (жалоба № 27193/02) [Электронный ресурс] // HUDOC – European Court of Human Rights. – Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 29.01.2026).

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.01.2026).

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.01.2026).

PROBLEMS OF ENSURING THE INVIOLABILITY OF THE HOME IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS AND WAYS TO ELIMINATE THEM

Annotation. The article analyzes the issues of ensuring the inviolability of the individual in criminal proceedings in the context of the principle of protecting human and civil rights and freedoms. The main directions of legal regulation and the practice of applying procedural coercion measures, as well as the problems of their judicial control, are considered. Methods of analysis and generalization, systematic and formal legal approaches are used. Generalized conclusions about the typical difficulties of law enforcement are formulated and directions for improving procedural guarantees are proposed.

Keywords: inviolability of the person, the principle of protection of human and civil rights and freedoms, criminal proceedings.

Atrakhimova M.A.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: atrakhimova05@inbox.ru

УДК 338.24

ФЕНОМЕН ТРАНСФОРМАЦИИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В ЭКОСИСТЕМЫ, НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Бакуров А. В.
Научный руководитель: Олейникова А. В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей функционирования маркетплейсов. Установлена тенденция к их дальнейшему развитию и преобразованию в цифровые экосистемы. Помимо положительных свойств, это несёт в себе риски монополизации рынков более крупными участниками. Выявлена недостаточная урегулированность как в вопросах их определения, так и деятельности. Это требует доработки.
Ключевые слова: маркетплейс, цифровая платформа, цифровая экосистема, цифровые права

В результате формирования интернет-пространства некоторые гражданско-правовые отношения теперь реализуются в нём. Договор — это один из основных регуляторов гражданско-правовых, предпринимательских, торговых, общественных отношений. В информационной среде их осуществление происходит на специфических «площадках» - «цифровых платформах». Одним из их видов являются «маркетплейсы», обеспечивающие реализацию наиболее распространённого вида договоров – «купли-продажи». Для торгового, финансового оборотов этот вид договора играет ключевую роль, даже появился термин «гиг-экономика» [1, с. 32].

В рамках статьи попытаемся проследить определенную трансформацию (вероятно, эволюцию) торгово-экономических отношений, порождаемую процессами цифровизации. О значении этих процессов для дальнейшего развития экономики свидетельствует их поддержка и стимулирование на государственном уровне. Так, на основании ряда указов Президента Российской Федерации начала внедряться Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2, 3].

Результатом оперативного законодательного реагирования является формирование и уже активная деятельность целого ряда специализированных цифровых платформ. В то же время, их непосредственного легального определения нет. Законодательно они определены лишь косвенно. Так, ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), нормирующая цифровые права и обязательства, указывает на то, что те реализуются «в пределах информационной системы» [4]. Следовательно, цифровая платформа – это «информационная система». В то же время, согласно ст. 1261 ГК РФ, цифровая платформа может трактоваться, как интеллектуальная собственность, являясь «программой для электронных вычислительных машин» (ЭВМ). Тогда относительно маркетплейсов – это компьютерные программы, обеспечивающие обмен товарами и услугами в сети Интернет.

Цель работы - в рамках данной статьи рассмотрим особенности дальнейшего развития маркетплейсов.

В 2021 году Минэкономразвития представило Концепцию регулирования деятельности цифровых платформ и экосистем, в которой были даны определения этим понятиям. Так, цифровая платформа – это «бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства» [5, с. 30]. Как видим, по сути это определение маркетплейса.

Действительно, государственное стимулирование развития цифровых технологий могло способствовать тому, что российский рынок маркетплейсов довольно

разнообразен. Среди пользующихся неизменной популярностью можно перечислить: Озон, Яндекс Маркет, Wildberries, Сбер Мегамаркет.

При этом есть мнение о том, что популярность on-line торговли будет расти [6, с. 60; 7, с. 90]. Также отмечается, что характерной тенденцией, формирующей конкурентные преимущества при ведении бизнеса on-line, является формирование более крупных систем, так называемых «экосистем». Согласно Указа Президента РФ от 9 мая 2017г. № 203: «Экосистема характеризует собой партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций, и граждан» [2].

Причём, экосистемы считают инструментом, обеспечивающим конкурентные преимущества [8]. Прежде всего за счёт повышения эффективности и результативности от совместной деятельности участников бизнеса, чем от автономной [9, с. 93].

Это так называемый синергетический эффект. Термин «экосистема» биологический, был заимствован в конце XX века Дж. Муром, предложившим его в экономике. В биологии так обозначают сообщества организмов, которые сосуществуют в одной природной нише, приобретая от этого преимущества [10].

Цифровая платформа – базовый элемент экосистемы, реализуя свою платформенную деятельность субъекты экосистемы кооперируются, получая конкурентные преимущества за счёт совместной экономической деятельности [9, с. 94].

Рассмотрим известные российские маркетплейсы и особенности их деятельности на рынке товаров и услуг, исследуем, имеют ли некоторые из них качества, характерные для цифровых экосистем, а для этого перечислим их признаки.

В частности, считается, что обязательными компонентами экосистемы являются:

– цифровая платформа как основа деятельности;

– сервисы по предоставлению услуг или обеспечению функций;

– приложения, обеспечивающие интеграцию компонентов системы как внутри, так и взаимодействие её с другими платформами и сервисами [11].

Учитывая данные признаки, можем сказать, что в настоящее время как минимум трое участников цифровых рынков, которые либо формируют, либо уже обладают такими характеристиками. Это соответственно, Озон, Яндекс Маркет, Сбер Мегамаркет.

Можно считать, что на основе данных маркетплейсов формируют цифровые экосистемы, так называемого, транзакционного типа. Для него характерно кооперированное взаимодействие субъектов отношений через общую платформу [12].

Второй тип экосистем – транзакционные, которые соединяют участников и потребителей через общую, чаще всего цифровую платформу. К данному типу относятся экосистемы таких компаний, как «Сбер» и «Яндекс» [9, с. 93]. При этом важно определить тип цифровой платформы, через которые происходит взаимодействие разных субъектов. При изучении концепции влияния экосистем на бизнес важно отметить их преимущества и недостатки. Положительное воздействие формирования экосистем на конкурентную среду и развитие малого бизнеса можно оценить по нескольким критериям.

Согласно мнения Рогачёвой К. А., Серженко А. Г., Кулагиной И. И. [9, с. 93]:

– повышение эффективности работы, увеличение товарооборота, следовательно, объемов продаж, прибыли;

– оптимизация бизнес-процессов, экономия времени;

– увеличение спектра предоставляемых услуг;

– снижение расходов и издержек;

– результатом всего, что перечислено выше будет рост числа клиентов и увеличение доходов.

Однако, следует отметить, что повышение конкурентоспособности у одних участников рынка, может иметь отрицательные последствия для других.

Тогда, прежде всего, надо отметить, что может наблюдаться вытеснение с рынка, либо сокращение товарооборота у менее крупных его участников. Это создаёт предпосылки для монополизации деятельности крупными участниками. Это даже уже описанный феномен, так называемого, «созидательного разрушения» [9, с. 93].

Следовательно, формирующиеся на основе существующих маркетплейсов, цифровые экосистемы несут риски монополизации своей деятельности (за счёт притока покупателей). На фоне «вытеснения» экосистемами меньших предприятий очевидна тенденция монополизации цифровых рынков маркетплейсами - экосистемами. В результате могут пострадать и интересы покупателей. К сожалению, пока законодательного регулирования этого феномена нет.

В тоже время, у цифровых экосистем есть и дополнительный ресурс. Их общим свойством, которое, вероятно, и является их движущим фактором развития – их «способность кооперироваться с разнообразными компаниями, отличающимися типологией оказываемых услуг; наращивать оборот товаров, обслуживание рынков.

Такое потенцирование их возможностей указывает на рост конкурентных преимуществ для субъектов цифровых экосистем больше, чем для каждого из них в отдельности. Следовательно, участники формирующейся цифровой экосистемы в итоге получают возможность роста клиентской базы, а значит роста товарооборота за счет дополнительных продаж больших объемов товаров и услуг [10].

При этом Варламова А. В., Козлова М. Ю. выделяют ряд проблем, имеющихся при осуществлении договоров купли-продажи посредством маркетплейсов [6, с. 58]:

– маркетплейс, выступая лишь посредником, часто не имеет доступа ко всей информации о товаре, полученный от продавца. По вине недобросовестных продавцов может повышаться риск обмана покупателей, например, из-за предоставления неполных сведений, неоднозначных искажений, либо замалчивания характеристик товара могут в результате пострадать покупатели, но маркетплейс за это ответственность нести не будет;

– нет чётко отрегулированных правил возврата и обмена товаров, чтобы они были четко и в полном объёме прописаны, а также понятны как для продавцов, так и для покупателей;

– из-за отсутствия нормирования процедур возврата товара и ряда мошеннических схем, когда оформляется ложный возврат товара, маркетплейс переводит деньги, а товар на склад не возвращается, то владелец пункта выдачи заказов несёт убытки, вынужденный компенсировать расходы маркетплейса.

Причём это относительно недавно описанный механизм мошенничества, когда материальные риски несёт владелец пункта выдачи заказов (из-за оформления мошенниками фейковых возвратов).

Можно думать, что формированию лазеек для мошеннических схем сильно способствует недоурегулированность деятельности маркетплейсов и деятельности пунктов выдачи заказов. Например, в ст. 25 «Закона о защите прав потребителей» указан список технически сложных товаров, которые не подлежат возврату или обмену после покупки. Например, приборов бытового пользования с установленным продавцом сроком гарантии год и более. Однако в 2024 г Роспотребнадзор постановил, что перечень качественных непродовольственных товаров, которые нельзя обменять, не применяется при дистанционных продажах [13]. Из этого следует, что после, например, интернет-покупки потребитель вправе вернуть качественный товар, даже если он входит в упомянутый список. Срок возврата товара во многих странах является примерно одинаковым – 14 дней. Конечно, данный срок позволяет осознанно принимать решение

о покупке товара. Такой срок создает более комфортные условия для покупателей и способствует развитию доверия к онлайн торговле.

Следующая проблема, которую также необходимо отметить, – столкновение потребителей с поддельным товаром. Однако эта ситуация исправлена Постановлением Правительства Российской Федерации № 1351 внесены изменения в предыдущее Постановление Правительства РФ № 1956 от 31 декабря 2019 г. На их основании маркетплейсы приравниваются к участникам торгового рынка и соответственно обязаны передавать сведения об обороте товара в систему маркировки [14]. С 1 марта 2023 года за оборот немаркированных товаров для маркетплейсов введена ответственность в виде штрафа в размере 300 тысяч рублей в случае обнаружения.

Таким образом, в процессе работы установили, что для современного этапа цифровизации экономики характерна трансформация цифровых рынков (маркетплейсов) и преобразование некоторых из них в цифровые экосистемы. Наши выводы хорошо согласуются с мнением исследователей, о том, что это «неизбежная эволюция всех маркетплейсов…» [15, с. 13]. Также нами выявлена терминологическая неопределённость как в отношении маркетплейсов, так и цифровых экосистем, что желательно устранить. Наблюдается положительная динамика нормирования деятельности цифровых рынков. Однако, считаем, что правила возврата (обмена) товара должны быть доработаны. Предлагаем, путём внесения изменений в отдельные положения Закона «О защите прав потребителей» сформулировать их чёткие алгоритмы и для продавцов, и для покупателей, и для владельцев пунктов выдачи заказов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронова С. М., Пономарева К. А. Трансформация роли банков в условиях развития гиг-экономики // Банковское право. - 2024. - № 2. - С. 32-39.

2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026).

3. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] //Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – URL: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» - Правительство России (government.ru) (дата обращения: 13.02.26).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] //Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 15.02.2026).

5. Козинец Н. В. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: актуальные проблемы // Закон и власть. - 2023. - № 1. - С. 29 - 31.

6. Варламова А. В., Козлова М. Ю. Защита прав потребителей по договору купли-продажи, заключаемому с использованием торговых онлайн-площадок // Цифровые платформы и трансформация правового регулирования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,- 2025. – С. 58 – 61.

7. Папушин А. И. Распространение программ для ЭВМ через цифровые платформы// Цифровые платформы и трансформация правового регулирования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, - 2025. – С. 90 – 92.

8. Почему высокотехнологичные компании делают ставку на экосистему // Business FM Санкт-Петербург URL: https://bfmspb.ru/proekty/arxiv/ekosistema-sberbanka/pochemu-vyisokotexnologichnyie-kompanii-delayut-stavkuna-ekosistemu (дата обращения: 18.02.2024).

9. Рогачева К. А. Серженко А. Г. Влияние развития экосистем на бизнес в условиях рыночной конкуренции // Цифровые платформы и трансформация правового регулирования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,- 2025. – С. 92 – 95.

10. Андрущук В. В., Мальсагова Р. Г., Тулупникова Ю. В. Влияние экосистем на конкурентную среду и развитие малого бизнеса в России // Экономика строительства. - 2023. - № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanieekosistem-na-konkurentnuyu-sredu-i-razvitie-malogo-biznesa-v-rossii (дата обращения: 18.02.2026).

11. Цифровые экосистемы для бизнеса: быть или не быть ФЗ [Электронный ресурс] // [сайт]. - URL: https://secrets.tinkoff.ru/blogi-kompanij/chto takoe-cifrovye-ekosistemy/ (дата обращения: 19.02.2026).

12. Что такое бизнес-экосистемы и зачем они нужны // РБК URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6087e5899a7947ed35fdbbf3?from=copy (дата обращения: 18.02.2026).

13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2023 N 88-5497/2023.

14. Постановление Правительства РФ от 29.07.2022 N 1351 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. N 1956 и признании утратившими силу отдельных положений акта Правительства Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. 02.08.2022.

15. Борисова Е. С., Кашкарова Е. С., Севостьянова С. А. Проблемы регулирования процесса трансформации маркетплейсов в финансовые экосистемы // Цифровые платформы и трансформация правового регулирования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,- 2025. – С. 11 – 14.

THE MARKETPLACES INTO ECOSYSTEMS TRANSFORMATION PHENOMENON, SOME LEGAL PROBLEMS

Annotation. The work is devoted to the study of the functioning features of marketplaces. A trend towards their further development and transformation into digital ecosystems has been established. In addition to the positive properties, this carries the risks of monopolization of markets by larger participants. Insufficient regulation has been revealed both in the issues of their definition and activity. This needs to be improved.

Keywords: marketplace, digital platform, digital ecosystem, digital rights

Bakurov A. V.
Scientific adviser: Oleinikova A. V Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: 32000023@donnu.ru

УДК 343.3/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Белова Н.С.
Научный руководитель: Семыкина Л.А. канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию проблем уголовно-правовой охраны семьи и несовершеннолетних. Рассматриваются недостатки действующего уголовного законодательства Российской Федерации, приводящие к правовым коллизиям и затруднениям в квалификации деяний. Анализируются причины неэффективности норм, регулирующих защиту семейных ценностей и детства, предлагаются пути совершенствования правовых механизмов защиты семей и детей. Особое внимание уделяется вопросам профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и защите собственных детей.
Ключевые слова: преступления против семьи, несовершеннолетние, профилактика правонарушений, защита детства, семейные ценности, квалификация деяния, правовая регламентация.

Законодательство Российской Федерации официально провозглашает особую государственную заботу о матерях, детях и семье, основным инструментом которой являются уголовно-правовые меры, предусмотренные соответствующими статьями Уголовного кодекса РФ [1]. Понятие «семьи» определяется различными отраслями права, такими как Гражданский и Семейный кодексы, где оно трактуется как объединение лиц, объединенных правомочиями собственности и иными личными отношениями, возникшими вследствие заключения брака, кровного родства или процедуры усыновления.

Однако уголовное право подходит к определению семьи иначе, сосредоточивая внимание на круге лиц, обладающих взаимными правами и обязанностями, происходящими из указанных видов взаимоотношений, включающих родителей, законных представителей и самих несовершеннолетних.

Уголовно-правовые нормы занимают ключевое положение в механизме социальной защиты, выполняя функцию последнего рубежа перед лицом поступков, несущих необратимый ущерб самым слабым слоям населения – детям и семье в широком смысле. Специальная XX глава Уголовного кодекса Российской Федерации направлена именно на обеспечение уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних и сохранение устойчивости института семьи. Несмотря на значимость обозначенной проблемы, действующий кодекс имеет серьезный изъян: он не содержит четкого нормативного определения термина «преступления против несовершеннолетних и семьи».

Как отмечает Н.И. Ветров, XX глава УК РФ представляет собой собрание статей, охраняющих разные стороны семейной жизни и благополучие ребенка. Эти составы традиционно подразделяются на два условных типа исходя из объекта преступного посягательства. Первая категория охватывает действия, направленные прямо против самих несовершеннолетних, включая вовлеченность подростков в противоправные поступки либо пренебрежение обязанностью оказания помощи ребенку, находящемуся в опасной ситуации.

Вторую группу составляют преступления, затрагивающие правовой статус семейных отношений, установленных законом. К ним относятся нарушения порядка усыновления или раскрытие конфиденциальной информации относительно факта усыновления. Такие правонарушения нарушают основы устоявшихся семейных связей и законные права членов семьи [2, с. 83].

Таким образом, отсутствие официального определения понятия «преступлений против несовершеннолетних и семьи» вызывает трудности в интерпретации соответствующих положений закона и негативно сказывается на эффективности практики правоприменения.

Считаем, что целесообразным будет законодательно закрепить данной понятие, раскрыв его следующим образом: «преступления против несовершеннолетних и семьи представляют собой общественно опасные деяния, нарушающие охраняемые уголовным законом права и интересы несовершеннолетних, а также стабильность и безопасность семейного института. Данные преступления включают действия, направленные на физическое, психическое, нравственное или материальное воздействие на несовершеннолетних, лишение их нормального развития и воспитания, нарушение установленного законом порядка формирования и функционирования семьи, а также создание условий, угрожающих здоровью, развитию и благополучию детей и иных членов семьи».

Обозначив, и предложив путь устранения теоретической проблемы, обратимся теперь к практическим проблемным аспектам в сфере преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Наиболее актуальной остаётся проблема домашнего насилия, которая, однако, в современном обществе привела к законодательным изменениям, направленным на усиление защиты уязвимых членов семьи. Так, в 2016 году в Уголовный кодекс РФ (ст. 116 УК РФ) были внесены поправки, ужесточающие ответственность за побои в отношении близких лиц. Этот шаг отражал общественный запрос на более жесткое пресечение семейного насилия, признавая его особую опасность для социальной стабильности и безопасности граждан.

Однако, как считает Н.К. Ветрова, с чьим мнением мы солидарны, развитие законодательной базы оказалось противоречивым. В рамках инициативы Верховного суда, направленной на разграничение уголовной и административной ответственности, произошло частичное смягчение: если побои, совершенные впервые в отношении посторонних лиц, перешли в административную плоскость, то в отношении близких лиц уголовная ответственность поначалу сохранялась при повторном совершении. Это создавало правовой перекос, но, тем не менее, сохраняло более строгий контроль за насилием в семье [3, с. 148].

Ключевой перелом наступил в феврале 2017 года, когда законодатели исключили из статьи 116 УК РФ специальную формулировку, касающуюся «близких лиц». Это привело к фактической декриминализации первого эпизода побоев в семье, уравняв его по тяжести с побоями, нанесенными незнакомому человеку, если только это не было совершено по экстремистским мотивам. Это решение вызвало широкую общественную критику, поскольку жертвы насилия в семье оказались менее защищены, чем предполагалось изначально.

Проблема защиты от домашнего насилия является актуальной и острой темой современного российского общества. Так, в результате опроса ВЦИОМ, опубликованного в 2025 году, 10% россиян признали, что в их семье бывают конфликты с применением силы. Также социологи выяснили, что 30% россиян хотя бы раз были свидетелями домашнего насилия в своём семейном или дружеском окружении [4].

Данные подтверждаются также примерами из судебной практики. Например, в деле Мурашкина А. В., которое рассматривалось Измайловским районным судом города Москвы. 17 января 2024 года суд вынес обвинительный приговор по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) в отношении мужчины, совершившего убийство бывшей супруги на почве ревности. 28 июля 2023 года, примерно в 20 часов 50 минут, Мурашкин А. В. прибыл к месту работы бывшей супруги с ножом и умышленно нанёс ей один удар в область грудной клетки. Затем, осознавая, что она жива, он нанёс ей удар в область шеи кулаком

правой руки, а также два удара правой ногой в область головы. Смерть бывшей супруги наступила 28 июля 2023 года в 21 час 03 минуты от колото-резанного ранения груди с повреждением сердца [5].

Для улучшения ситуации и повышения уровня защищенности пострадавших Государственная Дума инициировала разработку законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия». Данный документ призван создать эффективный механизм предотвращения и борьбы с таким видом насилия, обеспечивая своевременную помощь пострадавшим и предупреждая повторение случаев агрессии внутри семьи. Этот проект активно обсуждался и подвергался критике со стороны общественности и правозащитников [6].

Несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг предлагаемого закона, проблема домашнего насилия сохраняет свою актуальность. Примером может служить случай из судебной практики, когда женщина обратилась в правоохранительные органы с заявлением о систематических избиениях со стороны мужа. Суд принял решение о применении мер превентивного характера, запретив агрессору приближаться к потерпевшей и временно ограничив его проживание совместно с семьей. Подобные случаи подчеркивают необходимость принятия эффективных мер на уровне законодательства для полноценной защиты пострадавших и недопущения трагедий, вызванных бытовым насилием.

На сегодняшний день, основная проблема заключается в том, что законодательное сглаживание наказания за первое нарушение в сфере семейного насилия снижает превентивный эффект уголовного права и оставляет жертв без немедленного и сильного правового рычага защиты. Конкретный путь решения – это не полное возвращение к первоначальной редакции, а создание специализированной статьи Уголовного кодекса (или усиление примечания к ст. 116.1 УК РФ), которая бы четко определяла повышенную общественную опасность насилия в отношении членов семьи, даже при первом эпизоде.

Необходимо также внедрение института охранных ордеров (защитных предписаний), которые бы обязывали агрессора покинуть общее жилье до вступления в силу административного или уголовного наказания, обеспечивая немедленную физическую защиту пострадавшему.

Торговля людьми и вовлечение в рабский труд, в том числе в отношении несовершеннолетних, также остаются острыми проблемами, с которыми борется современное законодательство. В Уголовном кодексе РФ предусмотрены статьи 127.1 (торговля людьми) и 127.2 (использование рабского труда), которые служат ключевыми инструментами для пресечения эксплуатации и защиты граждан. Эти нормы признаны необходимыми для противодействия современным формам рабства, затрагивающим наиболее уязвимые слои населения.

Так, например, в судебной практике дело о торговле детьми через суррогатное материнство, по которому в конце 2023 года Никулинский райсуд Москвы вынес приговоры врачам-репродуктологам. Суть дела: обвиняемые создали преступную группу и за денежное вознаграждение, получаемое от генетических родителей, организовывали незаконное проведение процедур экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). После того как суррогатные матери рожали детей, младенцев передавали иностранным гражданам [7].

Особую сложность и юридическую неоднозначность представляет применение норм, касающихся вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетних, в частности, статьи 151.2 УК РФ. Проблема кроется в формулировке закона, которая не содержит исчерпывающего и однозначного определения того, какие конкретные действия, связанные с вовлечением, передачей или вербовкой ребенка, должны квалифицироваться как уголовно наказуемая «торговля детьми».

Отсутствие четких критериев приводит к правовой коллизии на местах. Судебная практика в различных регионах демонстрирует разнобой в толковании объективной стороны данного состава преступления. Кроме того, имеющиеся разъяснения высших судебных инстанций, как, например, Постановление Пленума ВС РФ № 44 от 2017 года «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», фокусируются в основном на непосредственных угрозах жизни и здоровью ребенка, но упускают детали разграничения торговли детьми от смежных административных или уголовных правонарушений [8].

Существующий пробел в законодательном определении объективной стороны торговли детьми создает риск как для правоприменительной практики (неодинаковое толкование закона), так и для защиты самих жертв (недостаточно жесткое наказание или неверная квалификация). Для устранения этой проблемы необходимо внести срочные законодательные изменения. Первоочередной задачей является дополнение статьи 151.2 УК РФ подробным перечнем способов вовлечения (например, обман, принуждение, использование уязвимого положения, подкуп), которые однозначно должны квалифицироваться как торговля, вне зависимости от немедленных последствий для здоровья. Кроме того, требуется разработка нового Постановления Пленума ВС РФ, детально разъясняющего судебной системе критерии разграничения между торговлей детьми (ст. 151.2) и другими формами вовлечения в незаконную деятельность (ст. 151 УК РФ).

Таким образом, выявление недостатков в уголовно-правовой конструкции составов преступлений против семьи и несовершеннолетних требует комплексного подхода, направленного на устранение пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Для решения выявленных проблем предлагается усовершенствовать систему уголовной ответственности, внести ясность в определение понятий, анализируемых преступлений, усилить профилактику правонарушений. Только последовательные реформы в сфере уголовно-правовой охраны позволят эффективно защищать семью и детей от криминальных угроз, способствуя укреплению социальных институтов и повышению уровня общественной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.02.2026). – Загл. с экрана.

2. Ветров Н.И. Охрана интересов семьи уголовно-правовыми средствами: пособие для слушателей университетов. – М.: «Знание». – 2022. – 319 с.

3. Ветрова Н.К. Охрана интересов семьи уголовными средствами: учебник. – М.: «Российский следователь». – 2019. – 255 с.

4. Жертвы домостроя и сталкинга не находят правовой защиты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2025-09-25/1_9346_violence.html (дата обращения: 19.02.2026). – Загл. с экрана.

5. Вынесен обвинительный приговор в отношении лица, совершившего убийство бывшей супруги на почве ревности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/news/vynesen-obvinitelnyj-prigovor-v-otnoshenii-litsa-sovershivshego-ubijstvo-byvshej-suprugi-na-pochve-revnosti (дата обращения: 19.02.2026). – Загл. с экрана.

6. Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz291119_2.rtf.pdf (дата обращения: 19.02.2026). – Загл. с экрана.

7. Участники московского дела о торговле детьми готовят новую кассационную жалобу на приговор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bz.medvestnik.ru/content/news/uchastniki-moskovskogo-dela-o-torgovle-detmi-gotovyat-novuu-kassacionnuu-jalobu-na-prigovor.html (дата обращения: 19.02.2026). – Загл. с экрана.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/ (дата обращения: 19.02.2026). – Загл. с экрана.

IDENTIFICATION OF PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. This work is devoted to the study of the problems of legislative regulation of crimes against the family and minors. The shortcomings of the current criminal legislation of the Russian Federation, leading to legal conflicts and difficulties in qualifying acts, are considered. The reasons for the ineffectiveness of the norms governing the protection of family values and childhood are analyzed, and ways to improve the legal mechanisms for the protection of families and children are proposed. Special attention is paid to the prevention of juvenile delinquency and the responsibility of parents for improper performance of duties to raise and protect their own children.

Keywords: crimes against the family, minors, prevention of offenses, protection of childhood, family values, qualification of the act, legal regulation.

Belova N.S.
Scientific supervisor: Semykina L.A.
Candidate of law, associate professor of the department of criminal law and procedure
Donetsk State University

УДК 347.78

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бельдий О.С.
Научный руководитель: Панько Н.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современной судебной практики по делам о нарушении авторских и смежных прав в Российской Федерации в условиях цифровизации общества. Цель исследования – продемонстрировать динамику развития правоприменительной практики, выявить ключевые тенденции и проблемные аспекты в сфере защиты интеллектуальной собственности. В работе проведен комплексный анализ статистических данных, расширения круга охраняемых объектов, особенностей рассмотрения интернет-споров, а также практики по отдельным категориям дел. В качестве ключевых проблем выделены: сложности доказывания размера убытков в цифровых нарушениях; неоднозначность квалификации частичной переработки произведений; задержки в реагировании на нарушения на онлайн-платформах; необходимость баланса между защитой авторов и интересами пользователей в эпоху искусственного интеллекта.
Ключевые слова. Авторское право, право на произведение, право на имя, защита личных неимущественных прав.

В соответствии со статьей 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных Кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие).

Судебная практика по делам о нарушении авторских и смежных прав в России демонстрирует устойчивую динамику роста количества споров, что напрямую связано с цифровизацией общества и расширением сферы использования интеллектуальной собственности. За последние годы заметно увеличилось число разбирательств, связанных с незаконным использованием произведений в цифровой среде – от фотографического контента и музыкальных композиций до программного обеспечения и литературных пересказов.

В 2024 году количество таких дел увеличилось на 35% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 28 803 случаев. Это связано с ростом числа объектов авторского права (например, отечественного программного обеспечения) и случаев незаконного использования визуального контента, в том числе на маркетплейсах [2].

Характерной чертой современной судебной практики стало расширение круга признаваемых объектов авторского права. Суды все чаще признают охраноспособность нетрадиционных результатов творческой деятельности. Показательным примером служит дело о макияже как объекте авторского права, когда суд подтвердил, что креативный макияж, созданный визажистом и опубликованный в социальной сети, является результатом интеллектуального труда и подлежит защите. Аналогичным образом суды подходят к оценке иных визуально-эстетических решений, если они обладают признаками оригинальности и выражены в объективной форме.

Пример из судебной практики – дело, рассмотренное в 2012 году Выборгским районным судом Санкт-Петербурга. Визажист Alex No обратился в суд, так как другой визажист Дарья Петухова неправомерно использовала его креативный макияж и выложила результат работ на своей странице в социальной сети, указав себя автором. Суд признал, что макияж, созданный Alex No, является объектом авторского права, так

как он создан в результате творческой деятельности, является оригинальным и соответствует критерию объективной новизны [3].

В данной практике мы можем наблюдать, что суды могут признавать объектами авторского права нетрадиционные результаты творческой деятельности, если они соответствуют установленным законодательством критериям.

Особую группу споров составляют дела, связанные с использованием произведений в интернете. Судебная практика последовательно отстаивает позицию: размещение объекта авторского права в сети не означает автоматического предоставления права на его свободное использование. Суды учитывают специфику цифровой среды, где контент может быть оперативно удален, и допускают доказывание факта нарушения с помощью скриншотов, нотариальных протоколов осмотра веб-страниц и иных цифровых доказательств. При этом отсутствие контрафактного материала на ресурсе к моменту судебного разбирательства не освобождает нарушителя от ответственности, если факт неправомерного использования был зафиксирован надлежащим образом.

Так, в одном деле истец обратился в суд с иском к ответчику о взыскании компенсации за размещение на своем сайте трех фотографий букетов цветов в качестве иллюстрации товаров, в том числе букетов и композиций из живых цветов. Ответчик незаконно использовал фотографии, принадлежащие истцу, и удалил информацию об авторском праве.

В итоге Ленинский районный суд Ульяновска 22 января 2024 года принял решение и обязал ответчика выплатить правообладателю 15 000 рублей за факт использования и 15 000 рублей за удаление без разрешения автора информации об авторском праве, а также судебные расходы [4].

Также в Обзоре судебной практики от 2024 года было рассмотрено следующее дело. Оно связано с иском индивидуального предпринимателя Ильяхова Максима Олеговича к обществу «Смарт Ридинг» о защите исключительных прав. Истец требовал прекратить незаконное использование литературных произведений «Пиши, сокращай» и «Новые правила деловой переписки», а также обозначений, сходных с товарными знаками по свидетельствам Российской Федерации №718310 и №794698.

Решение Арбитражного суда города Москвы от 21 декабря 2022 года частично удовлетворило иск. Суд обязал «Смарт Ридинг» прекратить нарушение авторских прав и товарных знаков и взыскал с общества компенсацию в размере 6 504 400 рублей.

Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 27 июня 2023 года решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда были отменены в части удовлетворения требований о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на литературные произведения. Дело направили на новое рассмотрение.

6 февраля 2024 года Арбитражный суд города Москвы издал полный текст решения по делу. Суд указал, что суд первой инстанции не установил весь круг правообладателей литературных произведений и не рассмотрел вопрос об их привлечении к участию в деле, что не позволило достоверно определить долю истца в подлежащей взысканию компенсации [5].

Значительную долю дел составляют споры о защите прав на фотографические произведения. Суды уделяют особое внимание доказательству авторства, требуя представления исходных файлов, метаданных, публикаций с указанием имени автора. В практике встречаются случаи взыскания компенсаций как за непосредственное копирование фотографий, так и за удаление информации об авторском праве (например, водяных знаков или подписей). Размеры компенсаций варьируются, но тенденция свидетельствует о постепенном повышении сумм, присуждаемых за подобные нарушения.

Так, в деле №2-1248/2024 истец обратился в суд с иском к ответчику о неправомерном использовании фотографий в интернете. Ответчик без согласия истца скопировал фотографии истца с ее персональными данными и стал их использовать. Суд решил удовлетворить иск и взыскать с ответчика в пользу истца:

- компенсацию за два правомочия использования фотографий в сумме 320 000 рублей и 640 000 рублей;
- компенсацию за искажение изображения в сумме 150 000 рублей и 320 000 рублей;
- компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей.

Суд обязал ответчика удалить изображение истца из интернета, запретить дальнейшее его распространение, изъять материальный носитель, которым были изготовлены скриншоты, и уничтожить его [6].

В другом деле владелец интернет-магазина Сослан Наниев обратился к Нине Спивак с предложением изготовить формы для копий скульптуры льва, созданной Анри Жакмаром в 1873 году и установленной у моста Каср-Эль-Нил в Каире. Спивак передала заказчику форму для отлива скульптуры, а Наниев без ее согласия выставил в интернете на продажу копии скульптуры, выполненные с помощью изготовленной ею формы. Суды отказали ей в защите авторского права из-за результатов экспертизы, согласно которой спорную скульптуру впервые создал французский художник еще в 1873 году.

Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что права автора производного произведения на осуществленную им переработку охраняются в интернете независимо от охраны прав авторов произведений, на которых оно основано [7].

Значительную долю дел составляют споры о защите прав на фотографические произведения. Суды уделяют особое внимание доказательству авторства, требуя представления исходных файлов, метаданных, публикаций с указанием имени автора. В практике встречаются случаи взыскания компенсаций как за непосредственное копирование фотографий, так и за удаление информации об авторском праве (например, водяных знаков или подписей). Размеры компенсаций варьируются, но тенденция свидетельствует о постепенном повышении сумм, присуждаемых за подобные нарушения.

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 июня 2019 года №С01-463/2019 по делу №А12-24960/2018 [8] подтверждает право истца на компенсацию за незаконное размещение фотографий в интернете без согласия правообладателя, указания автора и источника заимствования.

Истец, обладатель исключительных прав и доверительный управляющий в отношении фотографических произведений, ссылался на то, что ответчик использовал данные произведения путем опубликования на интернет-сайтах, удалив при этом сведения об авторе и источнике заимствования.

Суд требование удовлетворено частично, поскольку доказаны факты незаконного использования ответчиком спорных произведений, а также изменения информации об авторском праве, при этом размер компенсации определен исходя из количества использованных произведений.

Отдельного внимания заслуживают споры, связанные с программным обеспечением. Рост числа зарегистрированных программ для ЭВМ и баз данных привел к увеличению судебных разбирательств о несанкционированном копировании, модификации и распространении программного обеспечения. Суды тщательно исследуют вопросы правомерности использования кода, наличия лицензионных соглашений и факта внесения изменений в исходное программное обеспечение. При этом правовая охрана распространяется не только на конечный продукт, но и на отдельные элементы – алгоритмы, интерфейсы, структуры данных, если они являются результатом творческого труда.

Так, Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 06.08.2019 №С01-617/2017 по делу №А60-46975/2016 [9] было отменено ранее вынесенные судебные акты нижестоящих инстанций, в которых было отказано в удовлетворении требования о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на программу для ЭВМ.

Суд направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку судебные акты не содержали выводов о том, каким образом и на основании каких доказательств установлен факт принадлежности субподрядчику исключительного права на программу для ЭВМ, а также не было установлено, в какой период и каким образом подрядчик, заказчик и конечный пользователь нарушали принадлежащее субподрядчику исключительное право.

Суд указал, что исходя из предмета и оснований заявленного иска, общество «ИЦ «Логика»», заявляя требование о взыскании компенсации, должно доказать факт принадлежности ему исключительного права на программу для ЭВМ и факт нарушения всеми ответчиками указанного права путем совместного использования спорной программы способами, установленными в статье 1270 ГК РФ.

При этом суд отметил, что истец не вправе ссылаться на факт государственной регистрации программы для ЭВМ, так как по смыслу положений статьи 1262 ГК РФ она не является правообразующим фактором.

В сфере литературной собственности актуальной проблемой стало использование кратких пересказов (саммари) книг без согласия авторов. Судебная практика выработала четкую позицию: создание и распространение пересказа, передающего основное содержание произведения, требует разрешения правообладателя.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года №10 [10], переработка произведения предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего. Сокращение или краткое изложение не могли быть созданы без использования основного произведения, а на эти действия требуется согласие автора.

Также в связи с популярностью маркетплейсов судебная практика начинает расширяться и рассматривать новые области. Так, в деле Hobby World издатель настольных игр обнаружил, что на Wildberries продаются контрафактные копии его игры «Мафия. Вся семья в сборе». Компания подала иск в Арбитражный суд Московской области и потребовала взыскать с Wildberries компенсацию за нарушение исключительных прав на 21 иллюстрацию и дизайн коробки игры. Суд отказал в иске, указав, что маркетплейс – лишь агрегатор товаров и не знал о нарушении прав [11].

В другом деле правообладатель обратился в суд с иском к компании о защите авторских прав на фотографию собаки. Ответчик использовал ее для оформления страницы по продаже товара на маркетплейсе без согласия правообладателя. Суд установил, что истец является автором фотографии, и взыскал с компании компенсацию за нарушение авторских прав в размере 10 тысяч рублей, компенсацию морального вреда – 7 тысяч рублей и судебные расходы – 10 323 рубля [12].

Суды активно применяют различные способы защиты, предусмотренные частью IV ГК РФ. Наряду с взысканием компенсации (в твердой сумме, в двукратном размере стоимости права использования или контрафакта) широко используются меры пресечения – запрет на дальнейшее использование произведения, удаление контрафактного контента, конфискация материальных носителей. В случаях грубых нарушений возможно привлечение к административной (статьи 7.12, 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [13]) и уголовной (статьи 146, 147, 180 Уголовного кодекса Российской Федерации [14]) ответственности, хотя такие дела остаются относительно редкими из-за сложности доказывания крупного ущерба.

Среди проблемных аспектов судебной практики можно выделить:

- трудности в доказывании размера убытков, особенно при цифровых нарушениях;
- неоднозначность квалификации действий при частичной переработке произведений;
- задержки в реагировании на нарушения на маркетплейсах и иных онлайн-платформах;
- необходимость балансирования между защитой прав авторов и интересами пользователей в условиях развития генеративного искусственного интеллекта и иных технологий.

В целом, судебная практика по делам о нарушении авторских и смежных прав развивается в направлении усиления защиты правообладателей и адаптации правовых механизмов к вызовам цифровой эпохи. Суды демонстрируют готовность расширять круг охраняемых объектов, учитывать специфику интернет-пространства и применять современные способы доказывания. Вместе с тем сохраняется потребность в дальнейшем совершенствовании законодательства, в том числе в части регулирования использования произведений с помощью новых технологий, а также в повышении эффективности механизмов оперативного пресечения нарушений в цифровой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – №52 (ч. 1). –Ст. 5496.

2. Исследование ЭБР: число судебных дел по авторским и смежным правам в России выросло на 35% в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2025-03-24_issledovanie_ebr_chislo_sudebnyh (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

3. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20 июня 2012 г. №33-8794 // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/35374201/ (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

4. Решение №2-293/2024 2-293/2024(2-6368/2023;)~М-6249/2023 2-6368/2023 М-6249/2023 от 21 января 2024 г. по делу №2-293/2024 // Судакт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/MK0hjCczflV8/ (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

5. Решение от 6 февраля 2024 г. по делу №А40-145258/2022 // Судакт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/KOxyl1YZa0xO/ (дата обращения: 12.12.2025). – Загл. с экрана.

6. Решение №2-1248/2024 2-1248/2024(2-8712/2023;)~М-4402/2023 2-8712/2023 М-4402/2023 от 14 января 2024 г. по делу №2-1248/2024 // Судакт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/vyerjNQmQh6r/ (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2022 №78-КГ22-29-К3 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06092022-n-78-kg22-29-k3/ (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 июня 2019 г. №С01-463/2019 по делу №А12-24960/2018 // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72232818/ (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 августа 2019 г. №С01-617/2017 по делу №А60-46975/2016 // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/72579028/ (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

10. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 // Российская газета. – 06.05.2019. – №96.

11. Авторские права обернулись против истца: петербуржец проиграл суд за свои фото // Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/aRr4Yj-j-1bTOxGb (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

12. Суд взыскал с компании компенсацию за использование на маркетплейсе чужого фото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.ru/news/40356-sud-vzyskal-s-kompanii-kompensatsiyu-za-ispolzovanie-na-marketpleyse-chujogo-foto (дата обращения: 02.02.2026). – Загл. с экрана.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 1.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF INFRINGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article is devoted to the analysis of modern judicial practice in cases of infringement of copyright and related rights in the Russian Federation in the context of digitalization of society. The purpose of the study is to demonstrate the dynamics of the development of law enforcement practice, to identify key trends and problematic aspects in the field of intellectual property protection. The paper provides a comprehensive analysis of statistical data, the expansion of the range of protected objects, the specifics of the consideration of Internet disputes, as well as practices in certain categories of cases. The key problems identified are: the difficulty of proving the amount of damages in digital violations; the ambiguity of the qualification of partial processing of works; delays in responding to violations on online platforms; the need for a balance between the protection of authors and the interests of users in the era of artificial intelligence.

Keywords. Copyright, the right to a work, the right to a name, protection of personal non-property rights.

Beldiy O.S.
Scientific adviser: Panko N.A., Senior lecturer.
Donetsk State University
E-mail: ollinuna@yandex.com

УДК 347.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Берестюк Ю.В.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается отечественный и зарубежный опыт сложившейся судебной правоприменительной практики в сфере проведения генетических исследований и использования полученной в результате их проведения генетической информации. Произведенный анализ позволил выявить существующие пробелы в действующем законодательстве Российской Федерации для их последующего устранения. Результаты осуществленного анализа правоприменительного опыта других стран в данной области могут быть полезны российским судам при разрешении аналогичных споров в отсутствие их комплексной правовой регламентации на законодательном уровне.
Ключевые слова: генетические исследования, генетическая информация, правовое регулирование, правоприменительная практика.

Вступление. Актуальность исследования проблем, возникающих при применении правовых норм, регламентирующих процесс проведения генетических исследований и использования полученной генетической информации, обусловлена стремительным развитием генетики с одной стороны, и с другой (как следствие) – недостаточным уровнем правовой регламентации данного института в Российской Федерации. Так на сегодняшний день перед российским законодателем все еще остро стоит вопрос формирования правовых основ проведения исследований в сфере генетики. В свою очередь, анализ правоприменительной практики позволит определить существующие пробелы в действующем законодательстве для их последующего устранения.

Целью настоящего исследования является анализ отечественной и зарубежной практики правоприменения в сфере генетических исследований для выявления проблем в правовой регламентации данного института, поиск возможных путей и способов их устранения.

Предметом исследования выступает правоприменительный опыт правового регулирования института генетических исследований в Российской Федерации и на территории зарубежных стран.

Основная часть. В ходе изучения информации по исследуемому вопросу в Российской Федерации, выявлено, что судебные процессы весьма малочисленны и судебная система Российской Федерации только начинает сталкиваться с проблемами при разрешении дел, предметом которых является использование генетических данных человека, полученных в результате проведения генетических исследований.

Вопрос по сбору биологических образцов для направления на дальнейшее исследование с целью получения геномных данных в российской практике был впервые затронут в 2017 году в деле № 2-1257/2017 по исковому заявлению Кемеровского прокурора, действовавшего в интересах России, к Исправительной колонии № 40 по Кемеровской области (далее – ИК-40). Предметом иска являлось требование об устранении нарушения законодательства, выражавшегося в бездействии администрации ИК-40 и неисполнении обязательств по сбору биологических образцов лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы для направления этих биоматериалов на дальнейшее исследование с целью получения геномной информации. В указанном деле свои требования истец мотивировал тем, что прокуратурой города Кемерово осуществлена проверка соблюдения законодательства в ИК-40 о геномной регистрации лиц, осужденных к лишению свободы, в результате которой было выявлено бездействие исправительного учреждения, выразившееся в непроведении им обязательной

государственной геномой регистрации половины осужденных из числа отбывающих наказание[1]. ИК-40 не получен биоматериал указанных лиц и, соответственно, в нарушение требований закона не направлен на последующее исследование в целях получения геномной информации. Требования прокурора судом были удовлетворены в полном объеме, суд обязал ИК-40 обеспечить проведение мероприятий по получению биологического материала осужденных, отбывающих наказание в ИК-40 за совершение тяжких, особо тяжких преступлений, всех категорий преступлений против половой неприкосновенности, половой свободы личности, и обеспечить последующее направление обращений о проведении обязательной геномной регистрации и биологических материалов на исследование в экспертно-криминалистический центр. Анализ позиции суда в данном деле позволяет констатировать, что суд действовал исключительно в рамках отечественного законодательства, а международные стандарты и зарубежный опыт в вынесенном решении отражения не нашли, равно как и российская судебная практика. Также следует акцентировать внимание на том, что при рассмотрении дела, связанного с защитой генетических данных, российский суд ориентируется на приоритет общественных интересов, интерпретируя нормы российского законодательства о геномной регистрации как инструмент обеспечения общественной безопасности.

Другой пример российской судебной практики – дело, рассмотренное в 2020 году Конституционным Судом Российской Федерации, в котором заявителем был поставлен вопрос о допустимости получения информации, в том числе генетической, умершего родственника [2]. В указанном деле гражданка Р.Д. Свечникова обратилась в научно-исследовательский институт гематологии и переливания крови с требованием о выдаче ей копий медицинских документов ее умершего мужа, проходившего ранее курс лечения в указанном учреждении. Ответом научно-исследовательского института на обращение послужил отказ в предоставлении запрашиваемых документов. Институт аргументировал отказ тем, что документы содержат сведения, отнесенные законом к врачебной тайне. С целью защиты своих прав, отказ был обжалован Р.Д. Свечниковой в органы прокуратуры и в судебном порядке, однако прокуратурой в ходе проверки не выявлено нарушений законодательства со стороны медицинского учреждения, а судами первой и апелляционной инстанции заявительнице отказано в удовлетворении исковых требований, которые заключались в признании отказа научно-исследовательского института в предоставлении копий медицинских документов умершего мужа незаконным. Также Р.Д. Свечниковой было отказано и в обжаловании судебных решений в кассационной инстанции. Позже жалоба гражданки Р.Д. Свечниковой послужила поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации, который в результате рассмотрения жалобы, исследовав имеющиеся материалы, постановил федеральному законодателю, с учетом положений Конституции Российской Федерации и позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в судебном акте, внести изменения в действующее законодательство. В постановлении указывается, что такие изменения должны быть направлены на обеспечение правового регулирования доступа к медицинской документации умерших пациентов для их супругов, близких родственников и иных заинтересованных лиц, путем нормативного закрепления порядка и условий предоставления такого доступа. Кроме того, до момента внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, судом на медицинские учреждения возложена обязанность предоставления медицинской документации, содержащей информацию, в том числе генетическую, об умершем пациенте для ознакомления по запросу супруга, близких родственников умершего пациента, а также лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, с правом указанных лиц на самостоятельное изготовление копий предоставленных документов. В

случае наличия документов в медицинском учреждении в электронной форме, должны предоставляться соответствующие электронные документы. Что касается оснований для отказа в предоставлении доступа в таких случаях, то в качестве такового, по мнению суда, может выступать исключительно наличие прижизненного запрета пациента на раскрытие сведений, составляющих врачебную тайну.

Также в 2018 году Верховный суд Российской Федерации рассмотрел прецедентное дело, в котором было установлено право удочеренного в детстве лица на получение сведений о своих биологических родителях. При разрешении дела суд столкнулся с необходимостью разрешения правовой коллизии: был обнаружен конфликт между правом биологического родителя на неприкосновенность частной жизни и правом удочеренного лица на доступ к сведениям о своих живых биологических родителях. Решающим аргументом суда стало признание значимости генетической информации для удочеренного и его осведомленности о потенциальных заболеваниях биологических родителей [3].

Учитывая малочисленность судебной практики по исследуемому вопросу в Российской Федерации, представляется целесообразным обратиться к зарубежной судебной практике, которая стала развиваться еще с конца XX в. Представляется, что полученные в ходе ее анализа данные могут представлять значительную ценность для российского законодателя при совершенствовании правовой регламентации института генетических исследований, а также для российских судебных органов при разрешении юридических коллизий в данной сфере, и при наличии пробелов в действующем законодательстве, поскольку права человека, являющиеся предметом рассматриваемых судебных споров, считаются универсальными.

В области правового регулирования генетических исследований первостепенное значение имеют процедуры получения и отзыва информированного согласия на участие в них, а также вопросы определения прав на полученные при проведении исследования результаты. Значимость обозначенных аспектов проявляется в непосредственной их взаимосвязи с правом человека на неприкосновенность частной жизни. Так, решение об участии в генетическом исследовании является проявлением такого права, а добровольное информированное согласие выступает как выражение воли участника, ее подтверждение. По вопросам, касающимися получения вышеупомянутого согласия, судами зарубежных стран на сегодняшний день уже сформулирован ряд важных правовых позиций.

Так, зарубежными судами поддерживается позиция о необходимости получения информированного согласия субъекта генетической информации на участие в генетическом исследовании, при этом указывается, что такое согласие не может распространяться на использование полученных результатов. Также представляет интерес вывод судов о том, что лица, предоставившие свои биологические образцы для генетических исследований, не обладают правом собственности на генетические данные, полученные в результате этих исследований, и кроме того они не вправе выдвигать требования о прекращении использования их генетической информации, если иное не было оговорено в момент передачи биоматериала. Так, в 2003 году Окружным судом Соединенных Штатов, округ Флорида, было рассмотрено дело Гринберг против Исследовательского института детской больницы Майами (в частности, врача-исследователя Р. Маталона), в котором родители детей, страдающих болезнью Канавана, предоставившие образцы тканей детей для проведения исследования указанной болезни, подали иск о возмещении неосновательного обогащения, о признании незаконным бездействия исследователя, выразившемся в не получении информированного согласия от участников исследования, о нарушении фидуциарных обязательств, сокрытии патента и присвоении коммерческой тайны. При помощи полученных образцов тканей ответчик выделил и запатентовал последовательность гена Канавана и разработал для него

генетические скрининговые тесты. Тем самым была ограничена возможность других научных групп проводить любые манипуляции с этим геном без выплаты лицензионных отчислений. По мнению истцов, в отсутствие их согласия на оформление патента и извлечение прибыли из научной разработки (которая была получена в результате генетического исследования на основании предоставленных истцами тканей), действия ответчика являлись неправомерными, нарушали право всего человечества на извлечение пользы из полученного результата. Кроме того, истцы утверждали, что они имеют решающий голос при определении способов использования генетической информации, содержащаяся в базах данных научного исследования, поскольку такая информация является их собственностью. Суд удовлетворил исковые требования исключительно в части неосновательного обогащения за счет доноров тканей, обосновав это тем, что «факты свидетельствуют о продолжающемся исследовательском сотрудничестве, в рамках которого истцы также тратили время и значительные ресурсы» [4]. Иные требования суд оставил без удовлетворения, указывая, что при широком толковании понятия информированного согласия возникнет ситуация, при которой каждый участник исследования, предоставивший образец биоматериала, получит возможность диктовать условия использования полученных данных, что в конечном итоге затормозит научный прогресс. Также, исходя из решения суда, невозможность отнесения биообразцов к объектам права собственности означает, что генетическая информация не создает у доноров никаких прав имущественного характера.

В рамках дела Белено и другие против Департамента здравоохранения штата Техас образцы крови новорожденных были помещены в биобанк для проведения в будущем генетических исследований. Однако указанные действия произведены без согласия их родителей, которые выступили в судебном процессе против изъятия и хранения генетического материала. Они утверждали, что решение о том, будет ли их ребенок участвовать в создании биобанка, должны принимать родители, и что хранение образцов без согласия является «необоснованным обыском и арестом» [5]. В указанном деле стороны достигли согласия, которое заключалось в необходимости уничтожения государством взятых образцов крови, хранящихся в биобанке. Тем не менее, рассматриваемый судебный процесс обозначил важные правовые вопросы, в частности вопрос о допустимости презюмируемого информированного согласия, а также о необходимости обеспечения права участника исследования, согласие которого было презюмируемым, на односторонний отказ от участия в нем на любом из этапов.

Одним из показательных в этом плане выступает дело, рассмотренное Верховным судом Исландии, «Gudmundsdóttir v. The State of Iceland», в котором заявительница обратилась к директору учреждения здравоохранения, где проходил лечение ее умерший отец, с целью предотвращения передачи генетической информации отца в базу данных Министерства здравоохранения и ее изъятия, поскольку в будущем она может быть использована в отношении его потомков. Директор не согласился с таким требованием, указав, что в законе нет прямых положений о праве родственников умершего человека на то, чтобы информация о нём не передавалась в базу данных. Судом сделан вывод о том, что после смерти лица, принявшего участие в генетических исследованиях, его родственники могут потребовать прекращения исследований и изъятия полученной генетической информации из баз данных для научных исследований в том случае, если согласие являлось презюмируемым (суд определил, в частности, что оно считается таковым, если лицо прямо не выразило согласия на участие в исследовании, однако и не не возражало) [6]. Принимая решение, суд также акцентировал внимание на том, что при изъятии генетической информации родственника, принимавшего участие в исследовании, реализуется право лица на неприкосновенность частной жизни. В рассматриваемом деле суд исходит из широкого понимания генетической информации,

в соответствии с которым она затрагивает не только интересы носителя этой информации, но и интересы его родственников.

В качестве другого примера из зарубежной судебной практики приведем дело по иску племени Хавасупай к Совету регентов Аризоны и Терезе Энн Марков (исследователю Университета штата Аризона). В рассматриваемом деле исследователи Университета штата Аризона осуществили сбор генетического материала (крови) у представителей племени. Целью являлось проведение исследований, направленных на изучение сахарного диабета. Однако, впоследствии выяснилось, что собранные биообразцы применялись не только для заявленных исследований диабета, но и для изучения иных болезней, в частности диабета и шизофрении, в рамках других проектов, при этом согласие племени на дополнительное использование их генетических материалов получено не было. Дело разрешилось тем, что истцы получили денежную компенсацию, и что наиболее важно, право на изъятие предоставленных биообразцов [7, 8]. Это дело стало важным прецедентом в определении и применении понятия «информированное согласие», особенно в отношении уязвимых групп населения. Сложилась позиция о необходимости получения дополнительного информированного согласия субъекта, предоставившего свои биообразцы, на использование таковых в генетическом исследовании в отношении заболевания, отличного от указанного в первоначальном согласии.

Выводы. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации отмечается незначительное количество судебных прецедентов, связанных с использованием генетических данных, полученных в результате генетических исследований. Однако, в связи со стремительным развитием генетической науки, велика вероятность увеличения числа подобных дел в судебной практике в обозримом будущем, что потребует от судов вынесения соответствующих решений. В этой связи, результаты осуществленного анализа правоприменительного опыта других стран в данной области могут быть полезны российским судам при разрешении аналогичных споров в отсутствии их комплексной правовой регламентации на законодательном уровне.

В целях минимизации в перспективе судебных споров в исследуемой сфере, считаем целесообразным закрепить в законодательстве Российской Федерации, возможно, путем принятия отдельного нормативного правового акта, посвященного регулированию отдельных аспектов генетических исследований, правило о необходимости получения информированного согласия субъекта генетической информации на участие в генетическом исследовании, а также установить порядок получения такого согласия и его содержание; определить порядок участия в генетических исследованиях несовершеннолетних лиц. Также законодателем должен быть урегулирован вопрос о допустимости презюмируемого информированного согласия, о необходимости обеспечения права участника исследования, согласие которого было презюмируемым, на односторонний отказ от участия в нем на любом из этапов. Требует законодательной регламентации и вопрос о праве родственников умершего лица, принявшего участие в генетических исследованиях, на прекращение исследований и изъятие полученной генетической информации из баз данных научных исследований.

Кроме того, выявлена необходимость в законодательном урегулировании правового статуса генетических данных, полученных в ходе генетических исследований: в частности, являются ли указанные генетические данные собственностью субъектов, предоставивших свои биологические образцы для исследований, каков порядок дальнейшего их использования. Следует уточнить, что информированное согласие на участие в генетическом исследовании не может распространяться на использование полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решение Заводского районного суда города Кемерово Кемеровской области от 12.04.2017 по делу № 2-1257/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: интернет-ресурс. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ol1uMxS90ToY/ (дата обращения: 07.01.2025).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001140003 (дата обращения: 07.01.2025).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311221/ (дата обращения: 07.01.2025).

4. Greenberg v. Miami Children's Hosp. Research Inst., 208 F. Supp. 2d 918 (N.D. III. 2002). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/208/918/2563184/ (дата обращения: 07.01.2025).

5. Carnahan S.J. Biobanking newborn bloodspots for genetic research without consent // Journal of Health Care Law and Policy. 2011. no.14. pp. 299-330.

6. Gudmundsdottir v. The State of Iceland. Case no. 151/2003 (27th November 2003). Icelandic Supreme Court. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/275783143/?*=2102cr462EKQOGkXUGteGe1rWjR7InVybCI6Imh0dHBzOi8vYmlvZXRoaWNzLmdyL2FwaS9maWxlcy9kb3dubG9hZC8yMDkyL1IuRy4lMjBJY2VsYW5kJTIwLSUyMEZ1bGwucGRmP2F0dGFjaG1lbnQ9ZmFsc2UiLCJ0aXRsZSI6IlIuRy4gSWNlbGFuZCAtIEZ1bGwucGRmP2F0dGFjaG1lbnQ9ZmFsc2UiLCJub2lmcmFtZSI6dHJ1ZSwidWlkIjoiMjc1NzgzMTQzIiwidHMiOjE3Njc3OTE4NTk4MzEsInl1IjoiNDcyNTU5MzczMTcwNjUyNjQ1NyIsInNlcnBQYXJhbXMiOiJ0bT0xNzY3NzkxODQ4JnRsZD1ydSZsYW5nPWVuJm5hbWU9Ui5HLiUyMEljZWxhbmQlMjAtJTIwRnVsbC5wZGY%2FYXR0YWNobWVudD1mYWxzZSZ0ZXh0PUd1ZG11bmRzZG90dGlyK3YuK1RoZStTdGF0ZStvZitJY2VsYW5kK05vLisxNTEvMjAwMy4mdXJsPWh0dHBzJTNBLy9iaW9ldGhpY3MuZ3IvYXBpL2ZpbGVzL2Rvd25sb2FkLzIwOTIvUi5HLiUyNTIwSWNlbGFuZCUyNTIwLSUyNTIwRnVsbC5wZGYlM0ZhdHRhY2htZW50JTNEZmFsc2UmbHI9MjQ4ODAmbWltZT1wZGYmbDEwbj1ydSZzaWduPWY5NDE1ZmQ2ZDI4MjcwMWQ4OTRjMzQ4NmY3NDI1MjEzJmtleW5vPTAifQ%3D%3D&lang=en (дата обращения: 07.01.2025).

7. Garrison, Nanibaa' A. Genomic Justice for Native Americans: Impact of the Havasupai Case on Genetic Research // *Science, Technology & Human Values*. 2013. no 38 (2). pp. 201–223.

8. Havasupai Tribe v. Arizona State Univ. Bd. of Regents, 204 P.3d 1063, 1070 (Ariz. Ct. App. 2008). URL: https://case-law.vlex.com/vid/havasupai-tribe-v-arizona-895751459 (дата обращения: 07.01.2025).

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF GENETIC RESEARCH

Annotation. This paper examines the domestic and foreign experience of established judicial practice in the field of genetic research and the use of the resulting genetic information. The analysis made it possible to identify existing gaps in the current legislation of the Russian Federation for their subsequent elimination. The results of the analysis of the law enforcement experience of other countries in this area may be useful to Russian courts in resolving similar disputes in the absence of their comprehensive legal regulation at the legislative level.

Keywords: genetic research, genetic information, legal regulation, law enforcement practice.

Berestyuk Y.V.
Scientific adviser: Oleinikova A.V., Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Donetsk State University
E-mail: yulya.berestyuk@mail.ru

УДК 347.78

СИРОТСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА

Бирюкова В.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе рассматривается понятие сиротских произведений как объектов авторского права. Приведены основания возникновения подобных произведений, выделены ключевые признаки. Дана характеристика законодательного регулирования статуса сиротских произведений, предложены меры по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.
Ключевые слова: сиротские произведения; орфанные произведения; право интеллектуальной собственности; авторское право; объекты авторского права.

Произведения, авторы или владельцы авторских прав, на которые по различным причинам остаются неизвестными, принято называть «сиротскими произведениями». Актуальность исследования сиротских произведений как объектов авторского права обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и масштабной цифровизацией культурного наследия. В условиях активного формирования электронных библиотек, архивов, образовательных платформ и цифровых коллекций все чаще возникает проблема правового статуса произведений, авторы или иные правообладатели которых неизвестны либо не могут быть установлены или найдены. Отсутствие возможности идентифицировать правообладателя препятствует законному использованию таких произведений, что, с одной стороны, ограничивает доступ общества к культурным и научным ценностям, а с другой – создает риски нарушения исключительных прав в случае их последующего выявления.

Панченко А.В. отмечает, что сиротское произведение можно определить как произведение, правообладатель которого в результате соответствующих поисков не установлен или не обнаружен. Подобное определение можно встретить в Директиве 2012/28/ЕС, посвященной случаям использования произведений неизвестных авторов. [5, с. 74].

К данной категории в первую очередь относятся разнообразные творческие результаты: от художественных и научных трудов до кинематографических, музыкальных произведений, а также изобразительного искусства и фотографий. Проблематика, связанная с «сиротскими» или «орфанными» (от англ. orphan – сирота) объектами авторского права, чьи правообладатели не установлены или неизвестны, является давней темой для научных споров.

С научной точки зрения вопрос анонимных произведений рассматривали Васильева Е.Н., Зыков С.В., Канторович Я.А., Рузакова О.А., Шершеневич Г.Ф. и другие.

Наиболее остро проблема анонимности авторов ощущается в отношении произведений, созданных в СССР. Законодательство Советского союза не поощряло идентификацию авторства, вследствие чего появилось множество объектов с неустановленными владельцами прав. Например, студия «Союзмультфильм» до сих пор не определила всех авторов музыкального сопровождения к своему знаменитому мультфильму «Ну, погоди!». Чтобы легально применять мелодии из советских мультфильмов по нынешним законам, требуется точно установить всех, кто участвовал в их создании.

В настоящее время актуальность данной темы обусловлена принятием Федерального закона N 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], определяющий процедуру обращения с объектами авторских и смежных прав: литературными, художественными, прикладными,

фотографическими произведения, а также музыкальными произведениями (как с текстом, так и без), фонограммы и исполнения, в случаях, когда автор или иной правообладатель не установлен, сведения о нем недоступны для отправки юридически значимых сообщений, либо отправка сообщений оказалась безуспешной. Также предусматривается возможность для правообладателя самостоятельно поручить организации коллективное управление своими правами с целью получения причитающихся выплат. При наличии нескольких правообладателей (например, в случае соавторства) обязательным условием является соблюдение указанных требований по отношению к каждому из них. ФЗ вводит поэтапный механизм признания произведений и объектов смежных прав «сиротскими». Лицо, желающее использовать такой объект, обязано предпринять все разумные шаги для установления личности автора или правообладателя и/или его местонахождения. К таким шагам законодательно отнесены:

– поиск информации в открытых источниках, посвященных данной категории объектов авторских или смежных прав;

– обращение в организации, управляющие правами на коллективной основе, или использование общедоступных информационных систем таких организаций (п.5 ст.1243 ГК РФ) [1];

– использование поисковых и информационных систем;

– проведение поиска по библиотечным и архивным фондам.

Стоит отметить, что закон ограничивает возможности правового использования произведений неизвестных авторов тремя полномочиями: воспроизведение (в том числе путем создания копии произведения в электронной форме); распространение; доведение до всеобщего сведения.

В случае, когда произведения имеют статус «сиротских», что фактически означает невозможность установления автора или правообладателя для оформления соглашений об авторском праве, их использование регулируется нормами ГК РФ, касающимися использования произведений без согласия автора (речь идет о ст. 1273-1280 и ст. 71 ГК РФ).

Согласно п.1 ст.1275 ГК РФ, применение «сиротских» произведений разрешается при условии, что библиотека предоставляет их экземпляры для временного безвозмездного использования. Важно отметить, что оцифрованные копии таких произведений, выданные библиотекой временно и безвозмездно, в том числе в рамках обмена библиотечными фондами, могут быть доступны только внутри помещений библиотеки. При этом должно быть обеспечено полное исключение возможности тиражирования этих копий в цифровом формате.

Другими словами, если библиотека располагает электронным изданием, правообладателя которого установить невозможно, то такая копия подпадает под действие ограничений, изложенных в части IV ГК РФ, нормы которой в данном случае дают библиотеке право предоставить читателю указанную электронную копию бесплатно, но только в пределах библиотеки и без возможности ее дальнейшего копирования в цифровом виде. Для этого библиотеки и архивы обязаны оборудовать пользовательские места таким образом, чтобы исключить возможность самостоятельного копирования или переноса информации. Недопустимо использование устройств, позволяющих создавать цифровые копии так называемых «сиротских произведений». В читальных или компьютерных залах должны быть организованы места, предназначенные исключительно для ознакомления с такими произведениями в печатной форме или через легитимные базы данных, что полностью исключит любую возможность перенесения содержания на цифровые носители. Если библиотека предоставляет доступ к подобным материалам, она должна гарантировать, что пользователь не сможет создать их цифровую копию, в том числе запрет действует на копирование на внешние носители, отправку по электронной почте, а также

фотографирование содержимого экрана на цифровой фотоаппарат, поскольку это также приводит к созданию цифровых файлов. Каждый посетитель должен быть проинформирован о правилах работы с цифровыми информационными ресурсами.

В рамках своих полномочий библиотека может заниматься репродуцированием (дополнительная услуга, предоставляемая фондом библиотеки, регулируется как ГК РФ, так и нормативными актами, касающимися сохранности библиотечных фондов). Создание цифровой версии печатного сиротского произведения, как следует из содержания п.2 ст. 1275 ГК РФ, допускается лишь для создания временных копий, необходимых для репродуцирования, то есть воспроизведения работы без цели издания.

Само же репродуцирование, согласно пункту 2 статьи 1275 ГК РФ, для библиотек и архивов допускается только в случаях:

– восстановления или замены утерянных или поврежденных экземпляров «сиротского» произведения;

– предоставления экземпляров произведения другим библиотекам, которые утратили их из своих фондов по каким-либо причинам.

Важно отметить, что при таком репродуцировании обязательно требуется указание имени автора. Следовательно, данная процедура возможна только в отношении «сиротских» произведений, авторы которых известны, даже если их местонахождение или личности текущих правообладателей остаются неустановленными.

В соответствии с положениями п.5,6 ст. 1275 ГК РФ, библиотеки и архивы наделены полномочиями на воспроизведение отдельных статей и небольших по объему произведений, относящихся к категории «сиротских», которые были законно опубликованы в составе сборников, газет или иных периодических изданий. Также допускается копирование коротких фрагментов из правомерно опубликованных письменных «сиротских» произведений, как с иллюстрациями, так и без таковых. Такая репродукция разрешена по запросам граждан, если они преследуют учебные или научные цели. Кроме того, образовательные учреждения могут использовать эти возможности для проведения аудиторных занятий. Важным условием является ограничение количества изготавливаемых копий: оно не должно превышать фактическое число обучающихся.

В отечественном законодательстве понятие орфанных произведений не дано, несмотря на попытки законодательного регулирования вопроса принятием вышеупомянутого Федерального закона N 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Существует только упоминание указанных произведений в Методических рекомендациях Федерального архивного агентства, которые в качестве признака также указывают на невозможность идентифицировать автора такого произведения [3].

Актуальность разработки правового инструментария для таких объектов продиктована несколькими факторами. Во-первых, это переход российской экономики к инновационной модели развития. Во-вторых, формирование общества, ориентированного на знания и сохранение культурного и исторического наследия народов России. В-третьих, стремительное развитие цифровых технологий и средств связи, повышающее общественный запрос на доступ к произведениям, которые в настоящее время не используются из-за неопределенности правового статуса и отсутствия законного представителя. Основным препятствием в этом процессе выступает отсутствие единого реестра объектов, защищенных авторским и смежными правами, что существенно осложняет процесс определения законных владельцев, несмотря на явную потребность в их идентификации.

Михайлов К.М. отмечает основания возникновения сиротских произведений, к ним относятся:

1. Прежде всего, продление периода охраны авторских прав. Такая мера полезна, если владельцы прав заинтересованы в сохранении своих работ, но если им безразлична дальнейшая участь произведения, то закон искусственно увеличивает срок защиты объекта, который в ней не нуждается.

2. Реальная потеря данных об авторе. Если единственная копия произведения уничтожается или сохраняется лишь фрагмент без указания создателя, то отыскать его или правопреемников становится практически нереальным.

3. Отсутствие механизма регистрации авторских прав. Обычно объект охраняется с момента его создания. Однако при возникновении конфликтов подтверждение авторства нередко вызывает трудности [4, с. 61].

С учетом этого представляется возможным выделить признаки орфанных произведений:

–являются обнародованными объектами авторского права;

–сохраняют за собой исключительные права (не переходят в общественное достояние);

–автор, соавторы или иные правообладатели данных произведений не установлены, либо отсутствуют сведения об их местонахождении, необходимые для направления юридически значимых уведомлений, даже после проведения соответствующего поиска;

–заинтересованная сторона обязана предпринять достаточные меры для розыска правообладателей.

Согласно уже упомянутым Методическим рекомендациям по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов, «сиротское произведение» – произведение, охраняемое авторским правом, автора которого невозможно идентифицировать.

Основная проблема орфанных произведений в том, что подобно любому другому объекту авторского права, их применение возможно исключительно при условии соблюдения личных неимущественных прав автора (включая обязательное упоминание его имени), а также исключительных прав на пользование произведением. Следовательно, использование таких произведений сопряжено с юридическими рисками: автор или любой другой законный владелец прав может в любой момент заявить о своих притязаниях и инициировать судебное разбирательство по факту нарушения авторских и смежных прав.

На основании изложенного представляется уместным предложить:

1. включить в статью 1244.2 ГК РФ понятие сиротских произведений в следующей редакции: «орфанное произведение – это обнародованное произведение, автор или иной правообладатель авторских или смежных прав которого вследствие предпринятых поисков остается неизвестным»;

2. некоторые меры для улучшения правового статуса и правомерного использования сиротских произведений: прежде всего, необходимо создание реестра таких произведений, где будет содержаться исчерпывающая информация о них; выработать надежный механизм защиты и поощрения авторов, признавших свои права на произведения; важно обезопасить добросовестных пользователей, которые предприняли необходимые усилия для поиска правообладателей и имеют законные основания для использования таких произведений, а также ограничить срок действия лицензии на использование сиротского произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. N 52 (1 ч.). Ст. 5496.

2. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2024 N 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2024. N 31. Ст. 4450.

3. Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (разработаны ВНИИДАД) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Михайлов К. М. Сиротские произведения: в поисках правового режима // Право интеллектуальной собственности. 2017. №2017. С. 59-65.

5. Панченко А. В. Некоторые проблемы орфанных (сиротских) произведений // Цивилист. 2024. № 2. С. 73–79.

ORPHAN WORKS AS OBJECTS OF COPYRIGHT

Annotation. This paper examines the concept of orphan works as objects of copyright. It presents the basis for the emergence of such works and identifies key characteristics. It also describes the legislative regulation of the status of orphan works and proposes measures to improve current legislation in this area.

Keywords: orphan works; orphan works; intellectual property law; copyright; objects of copyright.

Biriukova V.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: violetta.biryukova1008@gmail.com

УДК 347.468

СООТНОШЕНИЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА И НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ, ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бондаренко А.Ю.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается соотношение поручительства и независимой гарантии как способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве в Российской Федерации. Путем сравнения данных способов выявлены сходства и разграничения данных способов, что на сегоднящний день является актуальным в современном гражданском праве.
Ключевые слова: право, обязательство, способ обеспечения исполнения, поручительство, независимая гарантия.

Актуальность. Поручительство и независимая гарантия как одни из классических способов обеспечения исполнения обязательств в настоящее время остаются актуальной темой в современной России. В условиях экономической нестабильности данные способы имеют большую правовую и социальную роль в гражданских, а именно в обязательственных правоотношениях. Лица становятся поручителями по обязательствам, чтобы выступить гарантом возврата денег. Поручитель (в поручительстве) или гарант (в независимой гарантии) несёт ответственность за заёмщика и то, что тот будет своевременно вносить выплаты. Если основной заёмщик по какой-то причине не может выплачивать долг, его долговые обязательства переходят на поручителя или гаранта. По такому способу многие люди становятся поручителями (или гарантами) для друзей или знакомых для возможности взять кредиты на жилье, образование или лечение.

Цель – охарактеризовать поручительство и независимую гарантию как способы обеспечения обязательств, провести анализ элементов правового статуса таких способов и рассмотреть соотношение поручительства и независимой гарантии как способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве в Российской Федерации.

В первую очередь следует сказать, что историческое развитие правового регулирования поручительства и независимой гарантии в российском праве прослеживается как последовательная трансформация личных и абстрактных обеспечительных конструкций от дореволюционных кодификаций к современным моделям гражданского оборота.

Наряду с общегражданским регулированием в советский период формировались специальные нормы об обеспечении исполнения по ценным бумагам, и в рамках вексельного права была закреплена конструкция аваля как разновидности поручительства по векселю, предполагающая принятие третьим лицом обязанности отвечать по вексельному платежу в предусмотренной форме и объёме, что закрепляло отраслевую модель личного обеспечения, отличающуюся строго формализованными требованиями к выражению воли и к документальному оформлению [1].

В 1960-е годы регулирование обеспечения исполнения обязательств было систематизировано в рамках союзных и республиканских кодификаций, а Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964, включив главу об обеспечении исполнения обязательств, закрепил общие положения о допустимости обеспечения по закону или договору и предусмотрел специальные нормы о поручительстве, а также о гарантии как отдельном способе обеспечения, что отражало советскую модель распределения рисков в

обязательствах, в которой обеспечительное участие третьего лица допускалось при соблюдении установленных законом условий [2].

На завершающем этапе советского периода существенная перестройка гражданско-правового регулирования была оформлена в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-I, где обеспечение исполнения обязательств рассматривалось шире, с учётом развития банковской практики и допускаемых форм обеспечения, что стало переходной основой для последующего закрепления в российском праве более сложных обеспечительных инструментов, применимых в коммерческом кредитовании и в инвестиционных сделках [3].

Современный этап начался с кодификации в ГК РФ, который закрепил поручительство в качестве договорного способа обеспечения, предусматривающего принятие поручителем обязанности отвечать перед кредитором за исполнение обязательства должником полностью или в части, а также установил рамки объёма ответственности поручителя, условий возникновения требований к поручителю и оснований прекращения поручительства, что сформировало для оборота устойчивую модель личного обеспечения, юридически привязанную к обеспечиваемому обязательству.

По мнению Р.Е. Пургина, поручительство – это один из основных институтов гражданского права, который играет значительную роль в обеспечении исполнения обязательств. Оно используется с целью обеспечения добросовестности поведения сторон в гражданских отношениях. Поручительство является одним из старейших и наиболее эффективных способов обеспечения исполнения обязательств в гражданском обороте, предоставляя кредитору дополнительную гарантию исполнения должником своих обязательств [4].

Соотношение поручительства и независимой гарантии в современном гражданском обороте Российской Федерации определяется тем, что обе конструкции относятся к способам обеспечения исполнения обязательств, однако строятся на различных юридических моделях и предполагают неодинаковое распределение рисков между участниками обязательственного отношения.

Поручительство закреплено в ГК РФ как договорное обеспечение, при котором третье лицо принимает на себя обязанность отвечать перед кредитором за исполнение должником обязательства полностью или в части, что следует из ст. 361 ГК РФ, а также из системной связи данного института с общими положениями об обязательствах, закрепляющими необходимость надлежащего исполнения по ст. 309 ГК РФ и пределы одностороннего отказа от исполнения по ст. 310 ГК РФ. Конструкция поручительства в действующем регулировании строится вокруг производного характера ответственности поручителя, что проявляется в допустимости ссылок на судьбу основного обязательства и в применении специальных оснований прекращения обеспечения, предусмотренных ст. 367 ГК РФ.

По мнению А.В. Иванова, поручительство следует рассматривать как личное обеспечение, при котором кредитор получает дополнительного должника, а объём ответственности поручителя определяется параметрами основного обязательства и условиями договора поручительства [5].

Д.В. Новак указывает, что поручительство юридически привязано к обеспечиваемому обязательству и потому предполагает возможность для поручителя заявлять возражения, которые мог бы заявить основной должник, если иное не вытекает из закона или соглашения сторон [6].

Л.А. Новосёлова исходит из того, что поручительство выступает инструментом перераспределения кредитного риска, при котором поручитель принимает на себя ответственность по чужому долгу в пределах, определённых ст. 361–363 ГК РФ, а

последующее исполнение поручителем порождает регрессные и суброгационные последствия [7].

Нормативная специфика поручительства в ГК РФ выражается в том, что ответственность поручителя по общему правилу является солидарной с должником, если договором не предусмотрена субсидиарная модель, что закреплено в ст. 363 ГК РФ, а также в том, что объём ответственности охватывает основное требование, проценты, неустойку и возмещение убытков в предусмотренных пределах, если иное не установлено договором. После исполнения обязательства поручитель приобретает права кредитора в объёме произведённого исполнения и вправе требовать от должника возмещения уплаченного, что следует из ст. 365 ГК РФ, при этом закон связывает прекращение поручительства с конкретными юридическими фактами, включая прекращение обеспеченного обязательства, изменение обязательства без согласия поручителя, перевод долга без согласия поручителя и истечение срока поручительства, что детализировано в ст. 367 ГК РФ и служит опорой для квалификации споров о сохранении или прекращении обеспечения.

Независимая гарантия закреплена в ГК РФ как отдельный способ обеспечения, в рамках которого гарант принимает на себя обязанность уплатить бенефициару денежную сумму при предъявлении требования, соответствующего условиям гарантии, что следует из ст. 368 ГК РФ и последующих норм, регулирующих содержание, предъявление требований, основания отказа и прекращение обязательства. Законодательная модель гарантии ориентирована на упрощённый порядок получения исполнения бенефициаром и на автономность обязательства гаранта, что требует анализа не фактического исполнения основного обязательства, а соблюдения условий гарантии и формальных требований к требованию и документам.

По утверждению С.А. Селивановского, независимая гарантия представляет собой самостоятельное денежное обязательство гаранта, которое возникает из выдачи гарантии и исполняется при наступлении условий, указанных в самой гарантии, а потому не сводится к правовой судьбе основного договора между принципалом и бенефициаром [8].

М.В. Кротов рассматривает независимую гарантию как механизм обеспечения, в котором ключевое значение имеет документарный характер требования и проверка соответствия представленных документов условиям гарантии, что позволяет гаранту действовать в рамках заранее согласованной процедуры [9].

Е.В. Вавилин указывает, что независимая гарантия в российском праве ориентирована на обеспечение оборота в тех случаях, когда кредитору требуется возможность оперативного получения суммы без переноса на него бремени доказывания по основному обязательству, при сохранении у принципала права на последующее урегулирование с гарантом и бенефициаром в пределах гражданско-правовых механизмов защиты [10].

Нормы ГК РФ фиксируют автономность гарантии через закрепление независимости обязательства гаранта от основного обязательства принципала, что выражено в ст. 370 ГК РФ, а также через процедуру предъявления требования, регулируемую ст. 374 ГК РФ, и правила рассмотрения требования и проверки документов, закреплённые ст. 375 ГК РФ. Основания отказа гаранта в удовлетворении требования ограничены законом и условиями гарантии, что закреплено в ст. 376 ГК РФ, при этом прекращение обязательства гаранта и последствия исполнения определяются ст. 378–379 ГК РФ, а вопрос о взаимоотношениях гаранта и принципала после выплаты бенефициару решается через регрессные конструкции и условия соглашения между ними.

Сопоставление поручительства и независимой гарантии показывает, что их ключевое различие в правовой плоскости связано с характером зависимости обеспечения

от основного обязательства: поручительство по своей модели следует судьбе обеспечиваемого долга и предполагает учёт его изменения и прекращения по правилам ст. 367 ГК РФ, тогда как независимая гарантия по ст. 368–379 ГК РФ действует как самостоятельное обязательство, и для исполнения по ней определяющими становятся условия гарантии и надлежащее предъявление требования. Вследствие этого, при поручительстве кредитор, обращаясь к поручителю, как правило, исходит из факта нарушения обязательства должником и доказывает соответствующие обстоятельства по основному обязательству, тогда как при независимой гарантии предмет проверки переносится на соответствие требования и документов условиям гарантии, что нормативно закрепляет различную доказательственную конфигурацию и различный набор допустимых возражений.

Разграничение проявляется и в субъектном составе: поручителем может выступать любое лицо, обладающее гражданской правосубъектностью и выразившее согласие отвечать за должника, тогда как гарант по ст. 368 ГК РФ должен соответствовать установленным законом требованиям, поскольку ГК РФ связывает выдачу независимой гарантии с участием банка, иной кредитной организации, страховой организации либо иной коммерческой организации.

На практике это влияет на стандартизацию гарантийных текстов, на требования к финансовой устойчивости гаранта и на типовые процедуры проверки требований, в то время как поручительство чаще оформляется как договорная конструкция с более широкими возможностями индивидуализации условий ответственности, срока и объёма обеспечении [11].

В процедурном измерении поручительство и независимая гарантия различаются способом «включения» ответственности обеспечивающего лица и моментом, когда кредитор получает возможность предъявить к нему требование: при поручительстве требование к поручителю обусловлено существованием и нарушением обеспеченного обязательства и реализуется в пределах ответственности, определённых ст. 361–363 ГК РФ, с учётом условий договора и возможных возражений. При независимой гарантии требование предъявляется гаранту в порядке и сроки, вытекающие из ст. 374–375 ГК РФ и текста гарантии, и проверка со стороны гаранта сосредоточена на документарном соответствии, что сокращает зависимость удовлетворения требования от разрешения спора между принципалом и бенефициаром по основному обязательству. При этом, в обоих случаях сохраняет значение общий запрет злоупотребления правом по ст. 10 ГК РФ, поскольку предъявление требования по обеспечению при отсутствии оснований либо при недобросовестном поведении может повлечь гражданско-правовые последствия, включая отказ в защите права при установлении соответствующих обстоятельств.

В современном обороте поручительство продолжает применяться в корпоративном и потребительском кредитовании, в отношениях поставки и подряда, а также в сделках, где обеспечение формируется внутри группы лиц, поскольку договор поручительства позволяет тонко настроить объём ответственности, срок, условия прекращения и регрессные последствия, опираясь на ст. 361–367 ГК РФ и условия конкретного соглашения. Независимая гарантия получила широкое распространение в контрактных и финансовых конструкциях, где требуется документарный порядок получения суммы и минимизация задержек, поскольку механизм ст. 368–379 ГК РФ допускает предъявление требования при соблюдении условий гарантии независимо от параллельных разногласий по основному договору, а последующие расчёты и споры перемещаются в плоскость отношений принципала и гаранта либо принципала и бенефициара.

Практическая квалификация конкретного документа как поручительства либо независимой гарантии требует анализа его содержания и юридической модели, а не только заголовка и используемой терминологии, поскольку ГК РФ допускает различные

формулировки условий обеспечения и различные конструкции распределения ответственности. В подобных случаях применяются правила толкования договора по ст. 431 ГК РФ, а при выявлении несоответствия заявленной формы и реальной модели обязательства оценка производится с учётом совокупности условий о зависимости обеспечения от основного долга, о допустимых возражениях обеспечивающего лица, о порядке предъявления требований и о последствиях изменения основного обязательства, поскольку именно эти элементы позволяют отделить производную ответственность поручителя от автономного денежного обязательства гаранта.

Одновременно поручительство и независимая гарантия допускают использование в сочетании с иными способами обеспечения, предусмотренными ст. 329 ГК РФ, включая залог, неустойку, задаток и обеспечительный платёж, что в договорной практике оформляется как многокомпонентное обеспечение с различными уровнями защиты кредитора и с различными правовыми последствиями при нарушении обязательства. Указанное комбинирование требует согласованности условий о порядке обращения к каждому обеспечительному инструменту и учёта специальных правил прекращения и исполнения, поскольку поручительство и независимая гарантия по-разному реагируют на изменения основного обязательства, на сроки предъявления требований и на процессуальную стратегию взыскания.

Таким образом, в условиях экономической нестабильности оба инструмента сохраняют свою актуальность: поручительство — в потребительском и корпоративном кредитовании, независимая гарантия — в инфраструктурных, экспортных и строительных контрактах, где важны скорость и документарная определённость. Учет различий позволяет участникам обороту осознанно выбирать оптимальный способ защиты своих интересов, а судебной практике — корректно квалифицировать спорные правоотношения с учётом содержательных, а не только номинальных признаков договор.

Поручительство по ст. 361–367 ГК РФ и независимая гарантия по ст. 368–379 ГК РФ соотносятся как обеспечительные конструкции с различной правовой природой и различной степенью зависимости от основного обязательства, что предопределяет отличия в порядке предъявления требований, пределах возражений обеспечивающего лица и распределении рисков в современном гражданском обороте Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» от 07.08.1937 № 104/1341 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 21.08.1937. – № 52. – Ст. 221.

2. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. Верховным Советом СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 26.06.1991. – № 26. – Ст. 733.

4. Пургин Р.Е. Правовой статус поручительства в гражданском праве. // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» № 10 (67) Том 3. ОКТЯБРЬ 2023 г.– Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки «eLIBRARY.RU»: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-poruchitelstva-v-grazhdanskom-prave?ysclid=midkl415ia465779921/ (дата обращения: 23.02.26).

5. Иванов, А. В. Изображение гражданина и биометрический образ как объект гражданских прав в Российской Федерации и Республике Беларусь / А. В. Иванов // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 141–146. С. 144.

6. Новак, Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве / Д. В. Новак. – Москва : Статут, 2010. – 416 с. С. 108.

7. Новосёлова, Л. А. Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 3 / рук. проекта Л. А. Новосёлова, М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2018. – 212 с. С. 65.

8. Селивановский, А. С. Правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов : учебник / А. С. Селивановский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 378 с. С. 79.

9. Кротов, М. В. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. В. Кротов. – Ленинград, 1989. – 160 с. С. 53.

10. Вавилин, Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав : монография / Е. В. Вавилин. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юр. акад.», 2021. – 364 с. С. 117.

11. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 05 июня 2019 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.02.2026).

THE RATIO OF GUARANTEE AND INDEPENDENT GUARANTEE, AND THEIR ROLE IN ENSURING THE EXECUTION OF OBLIGATIONS IN THE CONTEMPORARY CIVIL CIRCULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper examines the relationship between surety and independent guarantee as methods of ensuring the fulfillment of obligations in civil law in the Russian Federation. By comparing these methods, the similarities and differences between them are identified, which is relevant in modern civil law.

Keywords: law, obligation, method of ensuring fulfillment, surety, independent guarantee.

Bondarenko A.Y
Scientific adviser: Oleinikova A.V., Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure;
Donetsk State University
E-mail: anastaysyiabondarenko@gmail.com

УДК 347.19

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Бушуева К.С.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной статье проанализированы вопросы, касающиеся деятельности юридического лица как субъекта гражданского права, его значение и роль в правовой системе Российской Федерации. Историко-правовые предпосылки формирования понятия юридического лица в российском праве. Нормативное закрепление статуса юридического лица в современном гражданском законодательстве РФ. Юридическое лицо как субъект гражданского права: основные характеристики и признаки. Объем правоспособности юридического лица: пределы автономии и ограничения. Основные гражданско-правовые обязанности юридического лица и механизмы их исполнения. Специфика реализации прав и обязанностей юридического лица в корпоративных отношениях
Ключевые слова: гражданское право, юридическое лицо, правоспособность, дееспособность, правосубъектность

Современные изменения гражданского законодательства Российской Федерации, в частности поправки к Гражданскому кодексу 2020-2025 годов, существенно трансформировали правовой статус юридических лиц. На фоне экономической нестабильности и учащения корпоративных конфликтов возрастает потребность в переосмыслении их правосубъектности как ключевых участников гражданского оборота. Увеличение количества процедур банкротства и реорганизаций бизнес-структур актуализирует исследование границ автономии юридических лиц в динамично меняющейся правовой среде.

Правоприменительная практика последних лет выявляет системные противоречия при определении объема прав и обязанностей юридических лиц на критических этапах их существования. Особую сложность представляют коллизии, возникающие в процессах реорганизации и ликвидации, где неоднозначность распределения ответственности зачастую приводит к существенным потерям активов. Эти проблемы усугубляются в условиях экономического давления, требуя научного осмысления для минимизации рисков и защиты интересов участников корпоративных отношений.

Для начала необходимо обратиться к историко-правовым предпосылкам формирования понятия юридического лица в российском праве. Формирование понятия юридического лица имеет глубокие исторические корни, восходящие к римскому праву. «Идея юридического лица впервые возникла в римском праве и развивалась постепенно. К юридическим лицам причисляют корпорации, учреждения, фиск, общины, гильдии. Путаницу создает тот факт, что к одному виду юридического лица можно было приписать сразу несколько таких терминов, как corpus, universitas, corpus, collegia, sodalitia, socitas [10, с.226]». Континентальное право восприняло эти институты, разработав теоретическую основу для отделения правосубъектности коллективных образований от их физического состава.

В российском праве дореволюционного периода становление юридического лица происходило через признание цеховых, церковных и корпоративных образований. Имперское законодательство закрепляло за ними ограниченную правосубъектность и имущественные права. Эти образования функционировали в строго определенных рамках, что отражало сословный характер общества и доминирование государственных интересов над частными.

Советская эпоха трансформировала статус юридического лица, сделав акцент на государственных предприятиях как основных субъектах хозяйствования. Постсоветский период восстановил многообразие организационно-правовых форм, закрепив принципы

самостоятельной правосубъектности в Гражданском кодексе РФ. Современное законодательство обеспечило равные условия для различных видов юридических лиц при сохранении их функциональных различий.

Важным аспектом является нормативное закрепление статуса юридического лица в современном гражданском законодательстве РФ. Гражданский кодекс Российской Федерации выступает основополагающим актом, закрепляющим базовые параметры правового статуса юридического лица. Согласно статье 48 ГК РФ, юридическим лицом признаётся организация, обладающая обособленным имуществом и отвечающая им по своим обязательствам. Данная дефиниция дополняется нормами о порядке создания, государственной регистрации, реорганизации и прекращения деятельности юридических лиц, содержащимися в главах 4-5 ГК РФ. Указанные положения формируют системообразующий каркас правового регулирования статуса хозяйствующих субъектов.

Детализация правового режима различных организационно-правовых форм осуществляется посредством специальных федеральных законов и подзаконных актов. Для коммерческих организаций особое значение имеют законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью», тогда как деятельность некоммерческих структур регулируется законом «О некоммерческих организациях». Эти нормативные акты устанавливают особенности формирования корпоративных органов управления, требования к финансовой отчётности и ограничения правоспособности. Например, статья 49 ГК РФ предусматривает возможность ограничения правоспособности юридического лица законом или учредительными документами.

Необходимо обозначить факт того, что юридическое лицо является субъектом гражданского права.

Ключевыми признаками юридического лица, закрепленными в статье 48 Гражданского кодекса РФ, являются имущественная обособленность и способность выступать в гражданском обороте от собственного имени. Имущественная обособленность проявляется в наличии у организации самостоятельного баланса или сметы, что обеспечивает материальную базу для её деятельности. Способность иметь гражданские права и нести обязанности реализуется через специальную правоспособность, определяемую целями создания юридического лица. Неотъемлемым элементом выступает организованная структура органов управления, обеспечивающая выражение воли организации и её представительство вовне.

От физических лиц юридическое лицо отличается ограниченной дееспособностью, реализуемой исключительно через свои органы управления в рамках уставных целей. Особенностью ответственности выступает принцип обособленности имущества, когда участники или учредители не отвечают по обязательствам организации, а она не отвечает по их долгам. Прекращение существования юридического лица происходит в особом правовом порядке – через реорганизацию или ликвидацию с обязательным внесением записи в ЕГРЮЛ. Данные особенности подчеркивают производный характер правосубъектности организации от волеизъявления государства, закрепляющего её статус.

Важно отметить объем правоспособности юридического лица, который проявляется в двух основных формах: общей и специальной. Общая правоспособность предоставляет субъекту широкий спектр прав и обязанностей в рамках гражданского оборота и обычно определяется гражданским кодексом и учредительными документами. Специальная правоспособность ограничивает круг допустимых действий и возникает при нормативном закреплении конкретных полномочий или функций. Разграничение этих видов правоспособности определяет исходный уровень автономии юридического лица и границы допустимого поведения в правовом пространстве. Особая значимость

специальной правоспособности выражается в том, что она может быть компетенционной и зависеть от возложенных на субъект функций. «Во-первых, специальная гражданская правоспособность ППК определяется возлагаемыми на нее индивидуальными, нормативно закрепленными публичными функциями и полномочиями, а не целями деятельности как в других юридических лицах. По своему характеру гражданская правоспособность ППК является компетенционной и может изменяться при изменении возложенных на нее функций и полномочий [6, с.181].» Такая конструкция свидетельствует о том, что уровень автономии напрямую коррелирует с содержанием и пределами законодательно установленных полномочий. Следовательно, изменение публичных функций ведет к соответствующему изменению объема правоспособности и возможностей субъекта.

Законодательные ограничения правоспособности выступают инструментом защиты публичных интересов и обеспечения стабильности гражданского оборота. Такие ограничения могут выражаться в запретах, в разрешительном порядке осуществления отдельных видов деятельности и в установлении компетенций, определяющих правовой статус субъекта. Ограничения обеспечивают предсказуемость правового режима и минимизируют риски для третьих лиц и общественных благ. В результате баланс между автономией и регламентацией способствует поддержанию общего доверия к институту юридического лица в правоприменительной практике.

К основным гражданско-правовым обязанностям юридического лица и механизмам их исполнения относится система базовых обязанностей юридического лица, которая формирует основу его участия в гражданском обороте. Имущественные обязательства включают своевременное выполнение финансовых требований, включая налоговые платежи и погашение задолженностей перед контрагентами. Договорные обязательства предполагают исполнение условий заключенных соглашений, тогда как внедоговорные возникают из причинения вреда или неосновательного обогащения. Совокупность этих обязанностей обеспечивает стабильность правоотношений и защиту интересов участников гражданского оборота.

Обеспечительные механизмы исполнения обязанностей включают многоуровневую систему гарантий. «Особенность гражданско-правовой ответственности, с точки зрения роли, которую здесь играет принуждение, состоит в том, что, как это имеет место в договорных отношениях, сам контрагент может применить установленную в законе или договоре санкцию к правонарушителю, не прибегая вообще к помощи судебных или иных государственных органов [8, с.138]». Ответственность органов юридического лица регламентирована статьей 53.1 ГК РФ, а субсидиарная ответственность контролирующих лиц — статьей 53.2 ГК РФ. Дополнительными гарантиями для кредиторов выступают требования к уставному капиталу и обеспечению обязательств, минимизирующие риски неисполнения.

Важно обозначить специфику реализации прав и обязанностей юридического лица в корпоративных отношениях, которая определяется необходимостью балансирования интересов различных групп участников. Ключевым аспектом выступает согласование целей акционеров, менеджмента и кредиторов, что формирует сложную систему взаимодействий. Законодательство предусматривает механизмы разрешения возможных коллизий, обеспечивая защиту прав каждой из заинтересованных сторон (рис.2). Данный баланс непосредственно влияет на объем правомочий и характер обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо в конкретных правоотношениях.

Процедурные аспекты осуществления корпоративных прав включают в себя установленный порядок проведения общих собраний участников, правила одобрения крупных сделок и механизмы урегулирования корпоративных конфликтов. Соблюдение регламентированных процедур обеспечивает легитимность принимаемых решений и их соответствие интересам юридического лица. Особое значение имеет разработка

внутренних документов, детализирующих порядок реализации прав участников корпорации. Эффективность данных механизмов напрямую влияет на исполнение юридическим лицом своих гражданско-правовых обязанностей в корпоративной сфере.

Подводя итог можно сказать, что, историко-правовой анализ эволюции юридического лица выявил его трансформацию от ограниченных форм римских корпораций до современных цифровых образований. Российское законодательство последовательно расширяет автономию данного субъекта, сохраняя при этом баланс интересов участников гражданского оборота. Динамика изменений подтверждает способность правовой системы адаптироваться к вызовам экономической реальности, что особенно заметно в корпоративном секторе.

Исследование выявило дуалистический характер правосубъектности юридических лиц, проявляющийся в одновременном расширении специальной правоспособности и усилении контролирующих функций. С одной стороны, наблюдается либерализация в сфере корпоративных действий (M&A, эмиссия ценных бумаг), с другой — ужесточение комплаенс-требований и обязанностей по раскрытию информации. Эта дихотомия стала ответом на злоупотребления «корпоративной вуалью» в хозяйственной практике.

Анализ правоприменительной практики обнаружил системные противоречия в регулировании реорганизации, особенно между положениями ст. 60 ГК РФ и ФЗ «О банкротстве». Нормативные коллизии создают предпосылки для недобросовестного вывода активов, что подтверждается прецедентами арбитражных судов. Указанные риски требуют законодательного устранения для обеспечения стабильности гражданского оборота.

Для минимизации правовых рисков предложено введение субсидиарной ответственности бенефициаров при злоупотреблениях в процедурах ликвидации по аналогии с германской моделью (§ 826 BGB). Дополнительной мерой выступает унификация правопреемства через создание централизованного реестра «замороженных» обязательств, что повысит прозрачность реорганизационных процессов и защитит интересы кредиторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Абесадзе С.А., Андреева Т.К., Ануров В.Н. Международный коммерческий арбитраж. — Санкт-Петербург: Редакция журнала "Третейский суд", 2018. — 965 с.

2.Авакьян С.А. Конституционное право россии. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022.

3.Афанасьева Е.Г., Вайпан В.А., Габов А.В. и др. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Т. 1. — Москва: Статут, 2017. — 976 с.

4.Васильев В.В. Имущественные отношения в предмете гражданского права // Вестник ТвГУ. Серия "Право". — 2011. — №25. — С. 54–61.

5.Загидуллин М.Р. Субъекты юридической ответственности в цивилистическом процессе // Гражданское право и процесс. — 2020. — №4. — С. 20–24.

6.Крысанова Н.В. Рецензия на книгу: Зайцева Ю.А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. — 2024. — №4. — С. 176–183.

7.Кузьмич А.П., Рылко Е.И. Гражданское право (часть 1): практикум. — Горки: БГСХА, 2023. — 165 с.

8.Кухливский В.С. Особенности гражданско-правовой ответственности // Альманах современной науки и образования. — 2008. — №6. — С. 137–139.

9.Лисова А.И. О некоторых проблемах, связанных с определением корпоративных споров // Альманах современной науки и образования. — 2011. — №9. — С. 11–12.

10. Сулейманов М.Р., Баскаков К.В. Зарождение юридических лиц как субъектов гражданского права // Вестник экономики, права и социологии. — 2023. — №4. — С. 225–228.

A LEGAL ENTITY AS A SUBJECT OF CIVIL LAW

Annotation. This article analyzes issues related to the activities of a legal entity as a subject of civil law, its significance, and role in the legal system of the Russian Federation. Historical and legal prerequisites for the formation of the concept of a legal entity in Russian law. The legal status of a legal entity in modern civil legislation of the Russian Federation. A legal entity as a subject of civil law: main characteristics and features. The scope of

a legal entity's legal capacity: limits of autonomy and restrictions. The main civil law obligations of a legal entity and the mechanisms for their implementation. The specifics of the implementation of the rights and obligations of a legal entity in corporate relations.
Keywords: civil law, legal entity, legal capacity, legal competence, legal personality.

Bushueva K.S.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T.S.……
Donetsk State University

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ В ЖИЛИЩЕ

Вдыханько Е.И.
Научный руководитель: Чихрадзе А.М., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования и практического осуществления обыска и выемки в жилище в соответствии с нормами УПК РФ. На основе анализа законодательства, доктринальных источников и судебной практики выявлены пробелы в регулировании, касающиеся достаточности оснований для проведения следственных действий, защиты личной и семейной тайны, участия понятых, временных ограничений и порядка обращения с предметами, ограниченными в обороте. Применены сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа. В результате предложены конкретные меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на усиление гарантий прав граждан и повышение эффективности расследования.
Ключевые слова: обыск, выемка, жилище, УПК РФ, следственные действия, защита прав, процессуальные гарантии, личная тайна, понятые, судебное решение.

В современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации обыск и выемка занимают особое место как ключевые следственные действия, направленные на сбор и фиксацию доказательств по уголовному делу. Согласно статье 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), обыск проводится при наличии достаточных оснований полагать, что в определённом месте или у конкретного лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы или ценности, имеющие значение для расследования. Несмотря на внешнее сходство процедур, обыск и выемка принципиально различаются по своей правовой природе: если выемка предполагает изъятие точно локализованных объектов, то обыск связан с неопределённостью их местонахождения и требует проведения расширенного поиска.

Несмотря на относительно подробное регулирование данных институтов в УПК РФ, практика свидетельствует о наличии существенных пробелов и коллизий в законодательстве, затрагивающих как процессуальные гарантии прав личности, так и эффективность следственной деятельности. Особую остроту приобретают вопросы, связанные с соблюдением принципа соразмерности при принудительном доступе к жилищу, обеспечением неразглашения личной и семейной тайны, а также с чёткостью критериев «достаточных оснований» для инициации обыска или выемки.

Анализ научных трудов Меркулова М.А., Абросимова И.И., Низовкиной Е.С., Кононовой П.А. и других исследователей показывает, что многие нормы УПК РФ формулируются недостаточно определённо, что порождает произвол в правоприменении и снижает доверие граждан к правоохранительным органам. В частности, отсутствуют ясные процессуальные механизмы защиты конфиденциальной информации, не урегулирован порядок взаимодействия со сторонними лицами, чьи права могут быть затронуты, а также не определены конкретные меры, которые обязан предпринять следователь для минимизации ущерба имуществу и репутации обыскиваемого.

Особую актуальность приобретают проблемы, возникающие в условиях цифровизации: выемка электронных носителей информации, создание их копий, обеспечение права владельца на получение точной реплики данных — всё это остаётся слабо регламентированным. Кроме того, сохраняется неопределённость в вопросах временного режима следственных действий: строгое запрещение производства обыска в ночное время (с 22:00 до 6:00) зачастую вступает в противоречие с оперативными потребностями расследования, особенно в случаях, когда задержка может повлечь

утрату доказательств. При этом процедура опечатывания помещения и его охраны, предусмотренная законом, оказывается технически и организационно затратной, а иногда и невозможной для реализации. Не менее остро стоит проблема участия понятых: их формальное присутствие нередко не обеспечивает реального контроля за законностью действий следователя, что открывает возможности для злоупотреблений и фальсификаций.

Нерешённой частью общей проблемы является отсутствие системного подхода к совершенствованию норм, регулирующих производство обыска и выемки в жилище. Несмотря на то, что отдельные авторы предлагают конкретные изменения в УПК РФ, комплексная модернизация законодательства, учитывающая как защиту прав граждан, так и интересы следствия, до сих пор не проведена. Особенно остро вышеуказанное проявляется в контексте специфических ситуаций - например, при обыске в ломбардах, где судебная практика демонстрирует явные противоречия, или при работе с предметами, ограниченными в обороте, но законно находящимися во владении гражданина.

Цель настоящей статьи - выявить ключевые проблемы, препятствующие эффективному и законному производству обыска и выемки в жилище, а также предложить комплекс мер по совершенствованию соответствующих норм УПК РФ. В рамках исследования планируется проанализировать действующее законодательство, обобщить научные и практические позиции, а также сформулировать конкретные рекомендации, направленные на устранение пробелов, усиление процессуальных гарантий и повышение качества следственных действий.

Интересную позицию по данному вопросу высказывают Меркулов М.А. и Абросимов И.И., отмечая, что перед началом обыска следователь обязан предложить лицу добровольно выдать предметы, подлежащие изъятию. По мнению авторов, если такие предметы действительно передаются без принуждения и отсутствуют основания опасаться их последующего сокрытия, то необходимость в проведении обыска отпадает. При этом подобная добровольная выдача, по сути, приближается к выемке, хотя и не тождественна ей: во-первых, заранее не было известно точное местонахождение искомых объектов; во-вторых, не было уверенности в готовности лица передать их по собственной воле [1, с. 42].

Особого внимания заслуживает порядок доступа к помещению в ходе обыска. Стоит отметить, что, если владелец отказывается добровольно открыть дверь или иным образом препятствует входу, закон допускает принудительное вскрытие. Вместе с тем, при этом необходимо строго соблюдать принцип соразмерности: любое повреждение имущества должно быть минимальным и оправданным исключительно крайней необходимостью, вызванной требованиями расследования.

Согласно статье 183 Уголовно-процессуального кодекса РФ, выемка представляет собой изъятие конкретных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, когда их местонахождение точно известно. В целом, важно отметить, что к процедуре выемки применяются те же правила, что и к обыску, но с некоторыми исключениями и особенностями, обусловленными спецификой и сущностью самой выемки.

Гаджирамазанова П.К. и Гасанов М.Ш. считают, что следователь до начала выемки предлагает выдать соответствующие предметы на добровольной основе и, соответственно, производит их изъятие, однако могут складываться и такие ситуации, когда выемка осуществляется в принудительном порядке - если лицо отказывается от добровольной выдачи [2, с. 138].

В ходе проведения обыска или выемки на любом этапе не исключены различные трудности и проблемы. Многие из них обусловлены пробелами в законодательстве,

нечеткостью правовых предписаний и игнорированием участниками следственных действий важных тактических рекомендаций.

Важно отметить, что анализ действующего законодательства, регламентирующего производство обыска и выемки, показывает, что многие его положения разработаны недостаточно. В частности, существует проблема с определением достаточности фактических оснований, на которых принимается решение о проведении выемки или обыска.

По мнению Низовкина Е.С. уголовно-процессуальное право в качестве фактических оснований, в соответствии с которыми принимаются решения, рассматривает наличие существенных доказательств, которые указывают на то, что данное следственное действие производится обоснованно. Автор в своей работе отмечает, что изначально любые сведения не несут в себе какой-либо доказательственной силы до того, как будут приобщены к материалам уголовного дела с соблюдением всех процессуальных и материальных требований, а также принципов относимости, допустимости, достоверности и достаточности [3, с. 301].

Статья 182 УПК РФ, как отмечалось ранее, оперирует понятием «наличие достаточных оснований полагать», указывая на возможность проведения обыска в определённом месте или у конкретного лица. Важно отметить, что данное положение означает, что при планировании обыска следователь не может быть на сто процентов уверен ни в том, что искомые предметы будут обнаружены, ни в том, что они вообще находятся в предполагаемом месте поиска.

В своей работе Ястребова Т.И. и Назарова П.Н. считают, что перед тем как производить обыск или выемку, следователь четко планирует свое время, так как следственные действия запрещено проводить в ночное время. В соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ ночное время - время с 22 часов вечера и до 6 часов утра. Причем может сложиться такая ситуация, когда следственное действие начато ранее и следователь не успевает его закончить к 22 часам. По мнению авторов, в таком случае продолжение следственного действия недопустимо, однако необходимо опечатать и организовать охрану обыскиваемого помещения, а когда настанет утро - продолжать следственное действие [4, с. 176].

По мнению Кононова П.А. в ходе осуществления рассматриваемых следственных действий могут быть выявлены обстоятельства, связанные с личной жизнью, семейными тайнами, поэтому на следователе лежит соответствующая обязанность по принятию мер, дабы не допустить разглашение данных сведений. Прежде всего, как считает автор в своей работе, следователь не должен акцентировать внимание участников на предметах, документах и информации, которые затрагивают личную жизнь, если таковые не относятся к расследуемому уголовному делу и не подлежат изъятию [5, с. 322].

В соответствии с законодательством следователь имеет право взять подписку о неразглашении сведений, полученных в ходе предварительного следствия. Стоит отметить, что данное действие регламентируется статьей 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Кроме того, следователь обязан предупредить лицо, дающее подписку, об уголовной ответственности, предусмотренной статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации, за разглашение данных предварительного расследования.

Как считает Новицкий А.Н. также могут возникать проблемы, вытекающие из того, что обыскиваемый может заявлять о том, что определенные предметы ему были подброшены заранее следователем или иными должностными лицами с целью фальсификации и т. д. Исходя из этого, важно, чтобы понятые не просто формально участвовали в следственном действии, а присутствовали в момент, когда фактически обнаруживаются те или иные предметы, документы, ценности и т. д. [6, с. 86].

Кроме того, особое внимание следует уделить порядку вручения следователем копий постановления о производстве обыска и соответствующего судебного решения лицу, в отношении которого проводится обыск. Целью данных мер является усиление защиты прав граждан, в частности, при обжаловании вынесенных решений.

В связи с вышесказанным следует, что на наш взгляд, необходимо внести изменения в часть 4 статьи 182 УПК РФ, закрепив обязанность следователя вручать указанные документы под расписку. Также в части 7 статьи 182 УПК РФ необходимо конкретизировать меры, которые следователь обязан предпринять для обеспечения неразглашения личной и семейной тайны.

В дополнение к вышесказанному необходимо внести изменения в часть 15 статьи 182 УПК РФ, установив обязанность органов предварительного расследования вручать копии протокола обыска лицу, в отношении которого проводится обыск, также под расписку.

Наконец, часть 9 статьи 182 УПК РФ, которая гласит, что изымаются предметы и документы, изъятые из оборота, должна быть расширена. Предлагается дополнить указанную норму положением об изъятии предметов, ограниченных в обороте, в случае отсутствия соответствующего разрешения на их хранение и использование.

Необходимо отметить, что многие авторы, к примеру Гасанов Т.Т., критикуя отдельные стороны правоприменительной практики производства выемки и обыска, в целом выступают за сохранение существующего законодательного порядка в части производства выемок объектов со специальным правовым статусом [7, с. 168].

Особого внимания заслуживают проблемные аспекты, связанные с выемкой и обыском в ломбардах. Процедура выемки из ломбарда допустима только на основании судебного решения, в то время как для проведения обыска такое решение не требуется. Однако, если следователь или дознаватель, имея сведения о наличии конкретного предмета в ломбарде, обращается в суд с ходатайством об обыске вместо выемки, утаивая данную информацию, то протокол обыска и изъятые предметы могут быть признаны недопустимыми доказательствами. В таких случаях закон обязывает следователя (дознавателя) обращаться в суд с ходатайством о выемке. Если же сотрудники ломбарда отказываются выдать требуемый предмет, то уголовно-процессуальный закон позволяет следователю (дознавателю) провести обыск, в случаях не терпящих отлагательства.

Следует подчеркнуть, что, если обыск в ломбарде был проведен вместо требуемой выемки, протокол обыска и изъятые предметы могут быть признаны недопустимыми доказательствами. В следственно-судебной практике встречаются нарушения, когда обыск в ломбарде оформляется на бланке протокола обыска в жилище. Также зафиксированы случаи, когда сотрудники правоохранительных органов просят потерпевших выкупить похищенные вещи за свой счет, а затем изымают их у потерпевших путем выемки в кабинете следователя или дознавателя.

В связи с тем, что в судах Российской Федерации сложилась противоречивая судебная практика производства обыска в ломбарде, ряд авторов выступает за скорейшее включение в п. 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ положений о правомочии судьи принимать решение о производстве обыска в ломбарде, а также подготовку разъяснений по изученному вопросу Верховным судом Российской Федерации [8, с. 32].

Учитывая историческое развитие данных процессуальных действий, их правовое регулирование в России прошло значительный путь от повального обыска XV века до современных стандартов, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Однако даже при наличии обширного законодательного фундамента, вопросы эффективности и соблюдения прав граждан остаются актуальными.

В первую очередь необходимо обратить внимание на пробелы в законодательстве, связанные с определением круга лиц, которые могут присутствовать при производстве обыска. Так, в соответствии с частью 11 статьи 182 УПК РФ, к следственному действию должны быть привлечены либо сам владелец помещения, либо совершеннолетние члены его семьи. Однако ситуация усложняется, если эти лица отсутствуют или их местонахождение неизвестно. В данном случае законодательство не содержит четких указаний о том, кто должен заменить их для обеспечения законности проведения обыска.

На наш взгляд, целесообразным является внесение изменений в указанную норму, где следует предусмотреть возможность привлечения представителей местной администрации или жилищно-эксплуатационной организации. Следовательно, такой подход позволит избежать возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц и обеспечит баланс между необходимостью проведения следственного действия и защитой прав личности.

Другим важным аспектом является правовой статус предметов, ограниченных в обороте. Согласно части 9 статьи 182 УПК РФ, изъятию подлежат предметы и документы, изъятые из оборота. Однако данная формулировка вызывает ряд вопросов, особенно в случаях, когда у лица имеется разрешение на хранение таких объектов.

Поэтому рекомендуется дополнить вышеуказанную норму следующей редакцией: «при производстве обыска изымаются предметы и документы, изъятые из оборота, на которые у лица не имеется разрешения, полученного в установленном законом порядке». На наш взгляд, подобное изменение позволит исключить произвольность действий следователя и дознавателя, а также обеспечит соблюдение принципа права на законное владение.

Особое внимание следует уделить вопросу защиты конфиденциальной информации, которая может быть затронута в ходе производства обыска или выемки. Несмотря на то, что статья 161 УПК РФ предусматривает возможность оформления подписки о неразглашении, механизм реализации данной меры недостаточно конкретизирован. Предлагается внести ясные требования к порядку оформления подписки, а также перечень мер, которые следователь обязан предпринять для минимизации рисков разглашения личной или семейной тайны.

Также необходимо рассмотреть проблему временного характера следственных действий. Согласно пункту 21 статьи 5 УПК РФ, ночное время определяется как период с 22:00 до 6:00. Однако случаются ситуации, когда следственные действия начаты до наступления данного периода, но завершить их в установленные сроки невозможно. Стоит отметить, что текущая практика требует опечатывания помещения и организации охраны, что создает дополнительные сложности.

Следовательно, мы считаем целесообразным внести изменения в статью 182 УПК РФ, разрешающие продолжение обыска или выемки после 22:00 в исключительных случаях, когда это необходимо для предотвращения утраты доказательственной базы, с обязательным уведомлением прокурора и суда.

В контексте цифровизации общества становится все более актуальным вопрос регулирования выемки электронных носителей информации. Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ внес существенные коррективы в положения УПК РФ, однако остались пробелы в области процедуры создания копий данных. Необходимо конкретизировать условия, при которых владелец имеет право на получение точной копии информации с изымаемого устройства, а также установить строгие правила проведения данной процедуры. В частности, следует обязать следователя использовать специализированные программы для копирования данных, составлять детальное описание процесса в протоколе и предоставлять владельцу копию информации в течение разумного времени.

Что касается участия понятых, то данный институт требует дальнейшей доработки. Практика показывает, что формальное участие понятых не всегда гарантирует надлежащий контроль за процессом проведения обыска или выемки. Рекомендуется ввести требования по профессиональной подготовке понятых, их обучению основам уголовно-процессуального права и предоставить им возможность обращаться в суд в случае нарушения их прав или прав других участников процесса.

При решении вопроса о необходимости производства обыска без судебного решения важно учитывать факторы, связанные с сохранностью вещественных доказательств. Стоит отметить, что часть 5 статьи 165 УПК РФ допускает такие действия в исключительных случаях, однако критерии достаточности оснований остаются размытыми.

Рекомендуется разработать подробный перечень ситуаций, позволяющих провести обыск без судебного решения, включающий примеры реальных угроз утраты доказательств или скрытия лиц, причастных к преступлению. При этом следователь обязан предоставить суду полное обоснование своей позиции в течение 24 часов после начала следственного действия.

Существенный пробел наблюдается в регулировании порядка вручения документов лицу, в отношении которого проводится обыск или выемка. Стоит отметить, что часть 4 статьи 182 УПК РФ не содержит конкретных указаний относительно оформления передачи постановления о производстве обыска.

Мы предлагаем внести изменения, согласно которым следователь обязан вручать указанные документы под расписку, что обеспечит надлежащее информирование гражданина о целях и основаниях вторжения в его жилище. Аналогичное требование следует распространить на протоколы обыска, чтобы каждый участник мог получить официальное подтверждение факта проведения следственного действия.

Еще одним направлением совершенствования является усиление роли тактических принципов в ходе производства обыска и выемки. Несмотря на то, что данные принципы широко известны в теории, они не имеют достаточной юридической силы. Предлагается закрепить их в виде отдельной статьи УПК РФ, определяющей обязательные правила для всех участников процесса. Стоит отметить, что к таким принципам можно отнести внезапность проведения обыска, планомерность действий, единоначалие и бережное отношение к имуществу.

Следовательно, вышеуказанный подход поможет минимизировать конфликты между сторонами и повысить эффективность следственных мероприятий.

Также, стоит отметить, что в настоящее время нельзя игнорировать необходимость совершенствования механизма взаимодействия с третьими лицами, чьи права могут быть затронуты во время производства обыска или выемки. Особенно это касается случаев, когда изымаемые объекты принадлежат не владельцу жилища, а другим лицам.

Следовательно, рекомендуется внести поправки, обязывающие следователя уведомлять всех заинтересованных сторон о планируемых действиях и предоставлять им возможность присутствовать при обыске. Данная мера усилит доверие к следственным органам и обеспечит прозрачность процесса.

Кроме того, необходимо уделить внимание вопросам квалификации сотрудников, участвующих в производстве обыска и выемки. Современная практика показывает, что многие следственные действия проводятся с нарушениями из-за недостаточной подготовки исполнителей. В связи с этим предлагается ввести систему сертификации специалистов, уполномоченных на проведение данных процедур, а также регулярно обновлять программу обучения с учетом новых технологий и методов работы с вещественными доказательствами.

Важным направлением совершенствования является устранение противоречий между нормами УПК РФ и другими федеральными законами. Например, при выемке

документов, содержащих банковскую тайну, необходимо более четко определить порядок взаимодействия следственных органов с кредитными организациями. Следовательно, для этого можно разработать специальные правила, регламентирующие сроки и форму уведомления банков о проведении выемки, а также порядок доступа к интересующим следствие данным.

Таким образом, пути совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих обыск и выемку жилища, требуют комплексного подхода.

В ходе проделанной работы установлено, что в настоящее время необходимо внести конкретные изменения в статьи 165, 182 и 183 УПК РФ, направленные на усиление защиты прав граждан, повышение прозрачности процесса и обеспечение эффективности следственных действий. Особое внимание следует уделить вопросам применения современных технологий, взаимодействия с третьими лицами и совершенствования тактических приемов.

Таким образом, в соответствие с вышеизложенным следует, что для решения выявленных проблем предлагается ряд мер по совершенствованию законодательства. Важно отметить, что к ним относятся: закрепление обязанности следователя вручать копии постановлений о производстве обыска под расписку; конкретизация мер по защите личной и семейной тайны; установление порядка вручения протоколов обыска участникам процесса; расширение перечня предметов, подлежащих изъятию; уточнение порядка производства следственных действий в ломбардах.

В заключении следует отметить, что решение обозначенных проблем, как представляется, способно привести к устранению многочисленных правовых пробелов и коллизий, а также к более надежной защите прав участников обыска и выемки. Кроме того, станет возможным обеспечить однозначное толкование нормативно-правовых актов, регулирующих данные следственные действия. В результате повысится уровень правовой регламентации производства обыска и выемки, что, в свою очередь, приведет к сокращению случаев их необоснованного и незаконного проведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меркулов, М.А., Абросимов, И.И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса / М.А. Меркулов, И.И. Абросимов // Вестник Прикамского социального института. - 2020. - № 1 (85). - С. 40-44.

2. Гаджирамазанова, П.К., Гасанов, М.Ш. Организация и производство выемки и обыска в уголовном процессе / П.К. Гаджирамазанова, М.Ш. Гасанов // Закон и право. - 2021. - № 12. - С. 137-140.

3. Низовкина, Е.С. Актуальные проблемы производства обыска и выемки / Е.С. Низовкина // Аллея науки. - 2022. - Т. 1. - № 9 (72). - С. 300-303.

4. Ястребова, Т.И., Назарова, П.Н. Актуальные проблемы производства обыска и выемки / Т.И. Ястребова, П.Н. Назарова // Научное образование. - 2021. - № 1 (10). - С. 175-178.

5. Кононова, П.А. Процессуальный порядок производства обыска и выемки в уголовном процессе / П.А. Кононова // Моя профессиональная карьера. - 2023. - Т. 1. - № 48. - С. 320-324.

6. Новицкий, А.Н. Проблемные вопросы производства обыска и выемки в уголовном процессе Российской Федерации / А.Н. Новицкий // Молодой ученый. - 2017. - № 38 (172). - С. 86-87.

7. Гасанов, Т.Т. Использование специальных знаний при производстве обыска и выемки в уголовном процессе / Т.Т. Гасанов // Государственная служба и кадры. - 2023. - № 1. - С. 168-169.

8. Бирючевская, А.А., Клюкова, М.Е. Актуальные проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / А.А. Бирючевская, М.Е. Клюкова // Актуальные исследования. - 2023. - № 46-2 (176). - С. 31-33.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPROVING THE PRODUCTION OF SEARCH AND SEIZURE IN THE HOME

Annotation. The article discusses the current problems of legal regulation and practical implementation of search and seizure in a home in accordance with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of legislation, doctrinal sources and judicial practice, regulatory gaps have been identified regarding the sufficiency of grounds for investigative actions, the protection of personal and family secrets, the participation of witnesses, time constraints and the procedure for handling restricted items. Comparative-legal,

formal-legal and systematic methods of analysis are applied. As a result, specific measures have been proposed to improve criminal procedure legislation aimed at strengthening guarantees of citizens' rights and improving the effectiveness of investigations.
Keywords: search, seizure, dwelling, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, investigative actions, protection of rights, procedural guarantees, personal secrecy, witnesses, court decision.

Vyhanko E.I.
Scientific adviser: A.M. Chikhradze, senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 343.214

СМЕЖНЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Верещагин В.В.
Научный руководитель: Косяк Е.Л., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается состав преступления как ключевой институт уголовного права, служащий основой для квалификации деяний. Особое внимание уделяется проблеме разграничения смежных составов преступления и преодоления конкуренции уголовно-правовых норм. Проанализирован характер соотношения признаков составов преступления, выявлены критерии их различия и типичные ошибки правоприменителей. На основе исследования предлагаются пути совершенствования квалификации преступлений, формулируются рекомендации по повышению эффективности правоприменения и совершенствованию уголовного законодательства.
Ключевые слова: состав преступления, смежный состав, конкуренция норм, квалификация.

Состав преступления (corpus delicti) представляет собой ключевой институт российского уголовного права, играющий системообразующую роль. Его значимость в сфере борьбы с преступностью посредством использования уголовно-правовых средств, а также в процессе осуществления правосудия по уголовным делам является чрезвычайно высокой. Именно на основе состава преступления осуществляется классификация конкретных преступлений и выстраивается структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). Благодаря этому институту законодатель устраняет пробелы в уголовно-правовом регулировании и обеспечивает защиту общественных отношений, различающихся по своей ценностной значимости. Кроме того, состав преступления служит фундаментом для правовой оценки (квалификации) преступных деяний и позволяет дифференцировать степень уголовной ответственности - в зависимости от того, присутствуют ли в действиях лица признаки конкретного вида преступления [1, с. 84].

По своей сути состав преступления - это комплекс объективных и субъективных признаков, которые позволяют квалифицировать общественно опасное деяние в качестве преступления. Согласно статье 14 УК РФ, преступление определяется через совокупность четырёх признаков: общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости [2, с. 55].

В теории уголовного права и правоприменительной практике одним из наиболее сложных вопросов является разграничение смежных составов преступления и преодоление конкуренции уголовно-правовых норм. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что неправильная квалификация деяния, вызванная неверным выбором между внешне схожими, но различными по сути составами преступления либо неправильным применением правил конкуренции, неизбежно влечет за собой нарушение принципов законности, справедливости и неотвратимости ответственности.

Целью данной статьи является выявление основных проблем, возникающих при квалификации смежных составов преступления и применении правил конкуренции уголовно-правовых норм в современной судебной практике, а также формулировка предложений по совершенствованию правоприменительного процесса и устранению существующих проблем.

Главное различие в квалификации смежных составов преступлений заключается в том, что при сходстве составов по определённым признакам лишь один из них соответствует всем фактическим обстоятельствам содеянного в их совокупности, тогда как другие составы, будучи внешне схожими, не охватывают совершенное деяние

полностью или содержат признаки, противоречащие установленным фактам. Так при конкуренции одно общественно опасное деяние одновременно охватывается признаками двух или более составов преступлений, каждый из которых в равной мере претендует на применение. При этом из всех конкурирующих составов всегда применяется только один - тот, который с наибольшей полнотой и точностью отражает юридически значимые обстоятельства совершенного деяния. Иначе говоря, конкурирующие нормы все в равной мере характеризуют деяние, но делают это с разной степенью детализации и полноты, а смежные составы описывают разные деяния, имеющие лишь отдельные сходные признаки.

Таким образом, именно характер соотношения признаков составов преступлений выступает основным критерием для разграничения смежных составов и разрешения конкуренции правовых норм. В случае смежности признаки существенно различаются между собой и, как правило, взаимоисключают друг друга ввиду противоположности своего содержания. Например, тайное изъятие имущества по определению не может совмещаться с его открытым завладением, а насилие, представляющее опасность для жизни, не способно одновременно расцениваться как неопасное для жизни.

В ситуации же конкуренции норм признаки соотносятся иначе - как общее и специальное либо как часть и целое, то есть находятся в отношениях логического подчинения или включения. Именно это соотношение позволяет отличить конкуренцию составов преступления от их смежности: если признаки составов связаны отношением подчинения или включения, речь идет о конкуренции норм, а не о смежности составов.

Ситуации, когда нормы уголовного права конкурируют между собой, наглядно показывают, что одно и то же действие может соответствовать признакам нескольких правовых предписаний, однако в конечном итоге применяется только одно из них.

В качестве классического примера можно привести столкновение общей и специальной норм, такое как взаимосвязь части 1 статьи 285 УК РФ Злоупотребление должностными полномочиями, и части 2 статьи 303 УК РФ Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. В данном случае общая норма охватывает широкий перечень злоупотреблений служебными полномочиями, тогда как специальная норма предусматривает ответственность за определенное действие – фальсификацию улик, причем в отношении строго ограниченного круга лиц. При таких обстоятельствах применяют специальную норму, так как она точнее отражает содержание совершенного деяния.

Другим примером выступает сопоставление составов преступлений, таких как убийство, совершенное в связи с исполнением должностных обязанностей, и покушение на жизнь государственного или общественного деятеля. Если убийство совершено в отношении депутата законодательного собрания субъекта РФ и вызвано именно его партийной или представительской деятельностью, данное деяние одновременно попадает под два состава: общую часть пункта «б» части 2 статьи 105 УК РФ и специальную статью 277 УК РФ. Здесь особое значение имеет тот факт, что специальная норма детальнее раскрывает как личность пострадавшего, так и обстоятельства совершения преступления. Поэтому, исходя из правил разрешения конкуренции общей и специальной норм, применяется именно специализированная норма - статья 277 УК РФ. Подобный случай наглядно иллюстрирует именно конкуренцию, а не смежность составов преступления, поскольку признаки одного состава включают в себя признаки другого как частные случаи.

Грамотная интерпретация взаимосвязей между смежными составами и конкуренцией норм невозможна без полного осмысления сути квалификации преступлений как юридического механизма и познавательного акта. Квалификация преступления предполагает определение и юридическое оформление точного

соответствия между реальными обстоятельствами совершенного общественно опасного поступка и элементами состава преступления, установленными уголовно-правовой нормой. В ходе этого процесса лицо, осуществляющее правоприменение, проводит анализ действительных обстоятельств произошедшего, тщательно рассматривает структуру признаков конкретного состава, сравнивает их с образцом, заложенным в законе, и делает вывод о наличии или отсутствии соответствия.

Правовая квалификация преступления предполагает четкое указание на соответствующие статьи, их части и подпункты как статьи УК РФ - Общей, так и Особенной частей. Полная и юридически корректная квалификация содеянного возможна исключительно при выполнении данного условия. При этом состав преступления выступает в качестве нормативной модели, по которой проверяется соответствие всех существенных обстоятельств совершённого деяния. Именно он является единственно верной базой для установления квалификации деяния, поскольку лишь совокупность всех признаков конкретного состава даёт основание признать действия преступными и применить меру уголовно-правового воздействия.

Значение точной квалификации и корректного разграничения смежных составов преступлений, а также решения вопросов конкуренции норм невозможно преувеличить. От правильного определения конкретной нормы Особенной части УК РФ, подлежащей применению в конкретном случае, зависят все остальные юридические последствия: привлечение к уголовной ответственности, применение процессуальных мер принуждения, назначение наказания, освобождение от ответственности и наказания, использование иных уголовно-правовых мер, исчисление сроков давности, а также сроков погашения и снятия судимости. Ошибочная квалификация, возникающая вследствие некорректного разграничения близких по признакам составов либо неверного разрешения коллизий между нормами неизбежно приводят к нарушению закона на всех последующих стадиях уголовного судопроизводства.

Наиболее распространенными являются случаи, когда правоприменитель, столкнувшись с внешне сходными составами преступлений, не проводит тщательного анализа их признаков и ошибочно квалифицирует содеянное по норме, не соответствующей фактическим обстоятельствам совершённого преступления. Нередко встречаются ситуации, когда конкуренция норм не распознается и содеянное квалифицируется по совокупности преступлений там, где следовало применить одну норму, либо, напротив, совокупность не вменяется там, где она имела место.

Причинами таких ошибок могут выступать как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам относятся сложность законодательных конструкций и использование оценочных признаков, допускающих неоднозначное толкование. Субъективные факторы, в свою очередь, связаны с недостаточным уровнем профессиональной подготовки правоприменителей, непониманием теоретических основ квалификации, смешением понятий смежности и конкуренции.

Так в правоприменительной деятельности для непосредственного использования предлагаются практические алгоритмы квалификации. При разграничении смежных составов необходимо последовательно установить все фактические обстоятельства совершенного деяния, выделить составы преступлений, признаки которых могут соответствовать содеянному, сопоставить фактические обстоятельства с признаками каждого из выделенных составов, определить разграничивающие признаки сравниваемых составов, установить содержание этих признаков в каждом из составов, проверить, являются ли установленные фактические обстоятельства взаимоисключающими для сравниваемых составов, и выбрать тот состав преступления, признаки которого полностью соответствуют установленным обстоятельствам и не противоречат им.

При разрешении конкуренции норм следует установить все фактические обстоятельства совершенного деяния, выделить все уголовно-правовые нормы, признаки которых соответствуют содеянному, определить вид конкуренции и применить соответствующее правило квалификации, после чего проверить правильность применения правил конкуренции путем сопоставления санкций и степени полноты охвата признаков содеянного.

Проведенное в рамках настоящего исследования осмысление проблемы дало сформулировать ряд выводов, имеющих важное значение для реализации уголовного законодательства.

Прежде всего, установлено, что смежные составы преступлений и конкуренция норм уголовного права - это самостоятельные юридические категории, отличающиеся друг от друга по своей правовой природе и требующие разных подходов при квалификации.

Во-вторых, определяющим критерием различия этих явлений является характер взаимосвязи признаков смежных и конкурирующих составов: при наличии смежности признаки исключают друг друга, тогда как при конкуренции они соотносятся как общее и частное либо как часть и целое.

В-третьих, отмечено, что грамотная квалификация преступлений невозможна без полного понимания структуры состава преступления как юридической конструкции.

Практическая значимость полученных результатов носят многогранный характер и распространяются на различные направления юридической работы. Применение сделанных выводов позволит повысить уровень правомерности и обоснованности квалификации преступлений на всех этапах уголовного судопроизводства - от начала дела до принятия окончательного решения. В повседневной практике правоохранительной системы данные положения помогут свести к минимуму погрешности при разграничении смежных составов и урегулировании противоречий между нормами уголовного права, что напрямую содействует соблюдению принципов законности и равенства перед законом. Полученные результаты можно использовать при создании ключевых процессуальных актов, где требуется точная юридическая оценка действий и корректное применение норм УК РФ.

Полученные результаты имеют важное значение для высших судебных инстанций - они могут стать основой для принятия новых разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ по спорным моментам толкования уголовных статей по конкретным составам преступлений. Такие выводы содействуют установлению единого подхода к квалификации деяний, особенно в случаях сочетания общей и специальной норм, а также при определении границ между близкими по своей сути составами преступлений. Это обеспечит более последовательное и согласованное применение закона судами и минимизирует расхождения в судебной практике.

В контексте образования материал исследования станет полноценным дополнением к учебным программам по уголовному праву, предложив системный взгляд на наиболее дискуссионные вопросы квалификации преступлений. Его можно будет использовать как при проведении общих лекций, так и в ходе профильных семинаров, спецкурсов, а также при создании учебных пособий и методических рекомендаций для студентов юридических вузов. Особенно актуально это окажется в процессах повышения квалификации работников правоохранительной системы - судей, следователей и прокуроров, что позволит им эффективнее справляться с вызовами, связанными с применением уголовного закона в условиях сложных правовых ситуаций.

Значение исследовательских выводов возрастает и в плане законотворчества. Полученные данные могут быть использованы при совершенствовании уголовно-правовых норм, что поможет устранить пробелы и противоречия в законодательстве. Анализ результатов поможет выявить новые виды преступных деяний либо

скорректировать действующие нормы Особенной части УК, увеличив их четкость и однозначность в толковании.

Таким образом можно сделать вывод, что проблема разграничения смежных составов преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм сохраняет свою актуальность и требует дальнейшей теоретической разработки, а также совершенствования практики применения уголовного закона. Решение данной проблемы будет способствовать укреплению законности, обеспечению прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, и повышению эффективности уголовно-правового воздействия в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» / под общ. ред. доктора юридических наук, проф. Н.Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2013. – с. 944.

2. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – с. 248.

RELATED CRIMES AND COMPETITION OF STANDARDS: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. This article examines the corpus delicti as a key institution in criminal law, serving as the basis for classifying acts. Particular attention is paid to distinguishing between related corpus delicti and overcoming the competition between criminal law norms. The relationship between the elements of these corpus delicti is analyzed, identifying criteria for distinguishing them and common errors by law enforcement are formulated. Based on this research, ways to improve the classification of crimes are proposed and recommendations for enhancing the effectiveness of law enforcement and improving criminal legislation are formulated.

Keywords: corpus delicti, related corpus delicti, competition between norms, classification.

Vereshchagin V.V.
Donetsk Scientific adviser: Kosyak E.L., Ph.D., associate professor
State University
E-mail: valerijveresagin70@gmail.com

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Верниченко В. Ю.
Научный руководитель: Хань Г.А, канд.юрид.наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В статье анализируются объективные и субъективные признаки состава преступления, подчёркивается необходимость доказанной причинно-следственной связи между нарушением и наступившими последствиями. Особое внимание уделяется сложностям квалификации формы вины – неосторожности (небрежности или легкомыслия) – и проблеме «гибридных» формулировок в судебной практике. Автор обосновывает необходимость чёткой дифференциации видов неосторожности и рекомендует обязательное назначение автотехнической экспертизы для объективной оценки обстоятельств ДТП.
Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, неосторожность, легкомыслие, ответственность, причинно-следственная связь, квалифицирующие признаки.

Вступление. В современных условиях стремительной автомобилизации населения при сохраняющемся высоком уровне низкого правосознания участников дорожного движения наблюдается ежегодный рост количества правонарушений на дорогах. Это обстоятельство обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Основная часть. Рассматриваемая норма предусматривает несколько форм состава преступления – от базового до квалифицированного и особо квалифицированного. Базовый состав закреплён в части 1 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации и описывает нарушение лицом, управляющим транспортным средством, требований правил дорожного движения или правил эксплуатации транспорта, повлёкшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека [1].

Объектом преступления выступает: родовым – общественная безопасность и порядок, видовым – безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Непосредственный объект, в свою очередь, дифференцируется на: основной – безопасность движения автотранспорта; дополнительный – жизнь и здоровье потерпевшего. Вместе с тем важно отметить, что конкретная личность потерпевшего не имеет значения для квалификации деяния: речь идёт об общем потерпевшем, чья индивидуальность не влияет на юридическую оценку преступления.

Объективная сторона состава, предусмотренного статьёй 264 УК РФ, проявляется в совершении активного действия или пассивного бездействия, нарушающего правила дорожного движения или эксплуатации транспорта и повлёкшего общественно опасные последствия – такие как причинение тяжкого вреда здоровью и/или наступление смерти одного или нескольких лиц.

Поскольку преступление, предусмотренное рассматриваемой нормой, имеет материальный состав, его квалификация возможна только при наличии доказанной причинно-следственной связи между противоправным поведением лица и наступившими общественно опасными последствиями. Иными словами, необходимо установить, что именно нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства со стороны виновного напрямую обусловило возникновение дорожно-транспортного происшествия и повлекло за собой конкретные негативные последствия — такие как тяжкий вред здоровью или смерть.

По мнению В. Б. Боровикова, комментирующего указанную статью, нарушения требований безопасности при управлении транспортом могут проявляться, например, в проезде на запрещающий сигнал светофора, превышении допустимой скорости, выезде

на полосу встречного движения и прочих подобных действиях. Что касается несоблюдения правил эксплуатации транспортных средств, то оно может выражаться, в частности, в размещении автомобиля в запрещённом для стоянки месте, перевозке пассажиров на технически неприспособленном для этого транспорте или использовании машины с неисправностями, делающими её эксплуатацию опасной [2, с. 210].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, уголовная ответственность по статье 264 УК РФ наступает исключительно при одновременном соблюдении двух условий: во-первых, должны реализоваться общественно опасные последствия, прямо указанные в норме (например, тяжкий вред здоровью или смерть), а во-вторых, эти последствия обязаны быть объективно обусловлены нарушениями правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортных средств, совершёнными лицом [3].

Кроме того, для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить, что водитель имел реальную техническую возможность предотвратить дорожно-транспортное происшествие, а также доказать наличие прямой причинно-следственной связи между его действиями (или бездействием) и наступившими негативными последствиями.

Анализируя объективные аспекты дорожно-транспортных происшествий, нельзя не отметить их сложную, многокомпонентную природу. ДТП зачастую представляет собой запутанную цепь событий, в которой причина аварии не всегда очевидна – особенно если она связана с поведением другого участника движения, чьи действия могут быть как правомерными, так и противоправными.

Касаемо субъективной стороны, ключевую роль здесь играет внутреннее убеждение правоприменителя – его оценка обстоятельств дела и выбор той версии причинно-следственной связи, которая ему представляется наиболее убедительной.

В подтверждение этого можно привести пример из практики. По одному делу лицо было осуждено по части 1 статьи 264 УК РФ. В апелляционном представлении прокурор ходатайствовал об изменении приговора: в частности, он просил исключить из описательно-мотивировочной части вывод о нарушении правил эксплуатации транспортного средства. Обоснование было следующим: во-первых, данное нарушение не подтверждалось собранными по делу доказательствами; во-вторых, в материалах отсутствовало указание на конкретную норму Правил, которая якобы была нарушена, – то есть не раскрывалось, в чём именно выразилось это нарушение. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами прокурора и внес соответствующие изменения в приговор [4, с. 34].

Подводя итог, можно сделать однозначный вывод: установление причинно-следственной связи в делах, связанных со статьёй 264 УК РФ, должно опираться не просто на факт действия или бездействия лица, но и на конкретное нарушение им положений Правил дорожного движения.

Именно поэтому вопрос о наличии такой связи логично ставить лишь после того, как будет достоверно установлено:

а) какое именно правило ПДД было нарушено,

б) какие последствия наступили в результате этого нарушения.

Исходя из этого, мы считаем целесообразным, а зачастую и необходимым, назначение автотехнической экспертизы по всем делам подобной категории. При этом важно подчеркнуть: эксперт не устанавливает юридическую квалификацию деяния и не решает вопросы вины – его задача ограничивается исключительно технической оценкой обстоятельств происшествия.

Среди факультативных признаков объективной стороны, способных повлиять на квалификацию деяния, в составах преступлений, предусмотренных статьёй 264 УК РФ,

неизменно присутствует средство совершения преступления – транспортное средство, в частности автомобиль.

Субъектом данного преступления может выступать любое физическое лицо, обладающее вменяемостью и достигшее шестнадцатилетнего возраста. Примечательно, что наличие или отсутствие у такого лица водительского удостоверения (то есть законного права управлять транспортным средством) не влияет на возможность привлечения к уголовной ответственности по данной статье.

Особую сложность представляет определение формы вины – субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Данный аспект остаётся дискуссионным в юридической науке. Так, В. В. Лукьянов подчёркивает, что дорожно-транспортные преступления могут носить разный характер в зависимости от формы вины: в одних случаях они должны квалифицироваться как умышленные (если лицо сознательно совершило противоправное действие и предвидело его последствия), а в других – как неосторожные (когда лицо либо не предвидело, либо легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, даже если само действие было умышленным) [5, с. 84].

Необходимость чёткой дифференциации форм вины обусловлена существующей правоприменительной практикой по статье 264 УК РФ, в рамках которой нередко возникает несправедливое уравнивание совершенно разных категорий лиц. Как отмечает Макаренко Д.Е., рядом перед законом оказываются как те, кто сознательно игнорирует безопасность других участников движения, проявляя агрессию, хамство или хулиганское поведение за рулём, так и водители, допустившие досадную ошибку из-за неопытности или простой невнимательности [6, с. 40].

По нашему мнению, поведение, связанное, например, с лихачеством на дороге, нельзя автоматически квалифицировать как проявление косвенного умысла – то есть как сознательное допущение или безразличное отношение к возможным тяжким последствиям. Ключевой момент заключается в следующем: при любой форме умысла лицо ясно осознаёт реальную возможность (а зачастую и неизбежность) наступления общественно опасных последствий и всё же принимает решение действовать вопреки этому. В случае же неосторожности такого осознания и принятия риска нет – виновный либо не предвидит последствий, либо легкомысленно рассчитывает их избежать.

В отличие от умышленной формы вины, при неосторожности лицо искренне не желает наступления тяжких последствий – более того, оно рассчитывает, что их не произойдёт. Именно поэтому так называемый «дорожный хулиган», действуя из самонадеянности или переоценки своих возможностей, полагает, что сможет избежать опасных исходов. Такое поведение квалифицируется как преступление, совершённое по легкомыслию (одной из разновидностей неосторожности), но никак не как умышленное деяние.

Некоторые исследователи, в частности А. И. Долгова, предлагают рассматривать преступления, связанные с нарушением специальных правил (включая ПДД), как составы с двойной формой вины – когда к самому действию применяется умысел, а к последствиям – неосторожность [7, с. 194]. Однако статья 27 Уголовного кодекса РФ прямо указывает: если умышленное преступление повлекло тяжкие последствия, к которым лицо относилось неосторожно, то именно эти последствия подлежат дополнительной квалификации. В контексте статей, подобных 264 УК РФ, само по себе нарушение правил не образует самостоятельного преступления – уголовная ответственность наступает только при наличии тяжкого вреда здоровью или смерти, наступивших по неосторожности. Следовательно, всё деяние в целом должно квалифицироваться как неосторожное преступление.

О.Н. Бондарчик отмечает, что в подобных преступлениях фактически происходит не смешение двух форм вины, а сочетание двух видов правонарушений –

административного (или иного) характера и уголовно наказуемого деяния [8, с. 130]. По её мнению, целесообразно признавать за преступлениями, связанными с нарушением специальных правил (включая ПДД), особую «смешанную» форму вины. Однако действующее уголовное законодательство РФ не предусматривает подобной конструкции: оно не разделяет вину в отношении самого деяния и наступивших последствий, рассматривая преступление как единое целое.

В этой связи дифференциация ответственности и меры наказания должна основываться на разграничении видов неосторожности. Анализ судебной практики выявляет существенные проблемы в квалификации субъективной стороны таких преступлений. В частности, суды нередко конструируют гибридные формы вины, совмещающие признаки как небрежности, так и легкомыслия, – несмотря на то что подобная конструкция прямо не предусмотрена Уголовным кодексом. Подобные «синтетические» формулировки встречаются примерно в каждом восьмом обвинительном приговоре по делам, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В качестве иллюстрации можно привести решение Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 29 августа 2019 года, которым Е. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264 УК РФ. В описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что водитель, будучи достаточно внимательным и соблюдая требования Правил дорожного движения, мог и должен был предвидеть потенциально опасные последствия своих действий при управлении автобусом. Однако он не учёл ширину проезжей части, не выбрал безопасную скорость с учётом дорожных и погодных условий и, тем не менее, самонадеянно полагался на возможность избежать ДТП и связанных с ним тяжких последствий [9].

Аналогичный подход прослеживается и в другом судебном решении: 21 августа 2019 года Кабанский районный суд Республики Бурятия признал А. виновной по той же норме – части 1 статьи 264 УК РФ. Суд отметил, что подсудимая осознавала возможную опасность своих действий, в частности – риск причинения вреда здоровью гражданина И., находившегося на проезжей части. Тем не менее, не имея реальных оснований для этого, она легкомысленно рассчитывала избежать столкновения. При этом суд подчеркнул, что в сложившейся дорожной обстановке при должной внимательности и осмотрительности у неё имелась техническая возможность предотвратить наезд на потерпевшего [10].

Определение субъективной стороны при квалификации преступлений, предусмотренных статьёй 264 УК РФ, представляет собой одну из наиболее сложных задач для правоприменителей. Приведённые выше судебные примеры наглядно демонстрируют, что суды нередко смешивают признаки небрежности и легкомыслия, не проводя их чёткого юридического разграничения. Кроме того, органы предварительного расследования зачастую не уделяют должного внимания воссозданию полной картины механизма происшествия, что затрудняет объективную оценку вины.

Подобные подходы свидетельствуют о том, что некоторые вынесенные решения фактически не соответствуют фундаментальным принципам уголовного права и основополагающим требованиям справедливого назначения наказания. Особенно недопустимо конструирование так называемых «гибридных» или «синтетических» форм неосторожности – подобная практика прямо противоречит положениям Общей части Уголовного кодекса РФ, где чётко разграничены только два вида неосторожной вины: преступная небрежность и преступное легкомыслие.

В этой связи представляется необходимым рекомендовать правоохранительным и судебным органам в каждом конкретном случае тщательно и дифференцированно устанавливать не только форму вины (умысел или неосторожность), но и её конкретный

вид, что является ключевым условием для обеспечения справедливой и обоснованной уголовной ответственности.

Отдельно следует отметить, что часть 2 статьи 264 УК РФ содержит два квалифицирующих признака, отягчающих ответственность:

1) совершение деяния лицом, находившимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения;

2) оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

Одним из квалифицирующих признаков по статье 264 УК РФ является управление транспортным средством в состоянии опьянения. Под таким состоянием понимается как подтверждённое употребление алкоголя, наркотиков или психоактивных веществ, так и отказ от прохождения медицинского освидетельствования. Как отмечает В. В. Лукьянов, алкогольное опьянение значительно снижает реакцию, искажает восприятие дорожной обстановки и часто становится причиной аварий из-за неадекватной или запоздалой реакции водителя [11, с. 59]. Факт опьянения устанавливается на основании результатов освидетельствования и химико-токсикологических исследований.

Состояние опьянения должно быть причинно связано с ДТП и его последствиями. Например, Прикубанский районный суд осудил гражданина К. по п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ за управление автомобилем в состоянии опьянения, повлёкшее смерть пассажира из-за неосторожности и небрежности [12].

Второй квалифицирующий признак – оставление места ДТП. Он устраняет пробел, позволявший ранее избегать ответственности при невозможности подтвердить опьянение после задержания. Так, Чамзинский районный суд осудил Ж. по п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ за ДТП со смертельным исходом и последующее скрытие с места происшествия, не применяя дополнительно ст. 125 УК РФ [13].

Части 3 и 4 ст. 264 УК РФ предусматривают смерть одного лица, а части 5 и 6 – двух и более. Санкция ч. 6 (до 15 лет лишения свободы) порождает дискуссию: если деяние признать умышленным – оно особо тяжкое, если неосторожным – тяжкое.

По нашему убеждению, в таких случаях имеет место сочетание двух форм вины: умысла – в отношении самого противоправного действия (например, управления автомобилем в состоянии опьянения) и неосторожности – в отношении тяжких последствий. Согласно позиции законодателя, закреплённой в статье 27 Уголовного кодекса РФ, подобное деяние в целом квалифицируется как совершённое умышленно. Следовательно, преступление, предусмотренное частью 6 статьи 264 УК РФ, следует признавать особо тяжким.

Анализ данной темы позволил нам прийти к выводу, что действующая норма содержит существенные пробелы и требует законодательного уточнения. От ответственного подхода к квалификации вины напрямую зависит справедливость уголовного преследования и защита прав всех участников процесса.

Выводы. Таким образом, в современной правовой практике статья 264 УК РФ остаётся одной из наиболее востребованных в сфере автомобильного транспорта. Она включает как базовый, так и несколько квалифицированных составов, что позволяет гибко и дифференцированно назначать наказание с учётом всех обстоятельств конкретного дела. Однако именно эта гибкость требует от правоприменителей максимальной точности и глубокого понимания сущности каждого элемента состава преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

2. Боровиков, В.Б. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. / В.Б. Боровиков. – М.: изд-во Юрайт, –2020. – 249 с.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

4. Апкаев, Д.М. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 264 УК РФ / Д.М. Апкаев // М. – Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2021. –- № 1(27). – С. 34-38.

5. Лукьянов, В.В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений / В.В. Лукьянов. – М.: Юрид. лит. –- 2019. – 168 с.

6. Макаренко, Д.Е. Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений / Д.Е. Макаренко // М. – Синергия наук. – 2021. – № 61. – С. 40-44.

7. Долгова, А.И. Избранные труды / А.И. Долгова. - Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. – М. – 2017. – 424 с.

8. Бондарчик, О.Н. Преступные нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и их предупреждение (криминологический и уголовно-правовой аспекты): дисс. …канд. юр. наук: 12.00.08. / О.Н. Бондарчик. – СПб. – 2005. – 226 с.

9. Приговор Чистопольского городского суда Республика Татарстан от 29 августа 2019 г. по делу № 1-193/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

10. Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 21 августа 2019 г. по делу № 1-125/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

11. Лукьянов, В.В. Форма вины в дорожно-транспортных правонарушениях / В.В. Лукьянов // Российская юстиция. – 2016. – № 12. – С. 59-61.

12. Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодар от 22.10.2019 по делу № 1-1049/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

13. Приговор Чамзинского районного суда Республика Мордова от 30 ноября 2019 г. по делу № 1-118/2019. URL: http://chamzinsky.mor.sudrf.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

CRIMINAL LIABILITY FOR THE COMMISSION OF TRAFFIC OFFENCES

Abstract: The article analyzes the objective and subjective elements of the crime, emphasizes the need for a proven causal relationship between the violation and the consequences. Special attention is paid to the difficulties of qualifying the form of guilt – negligence (negligence or recklessness) – and the problem of "hybrid" formulations in judicial practice. The author substantiates the need for a clear differentiation of types of negligence and recommends the mandatory appointment of an automotive technical examination for an objective assessment of the circumstances of an accident.

Keywords: traffic accident, negligence, recklessness, responsibility, causal relationship, qualifying signs.

Vernichenko V.Y.
Scientific supervisor: Khan G.A., associate professor Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 347.772

ОБЩЕИЗВЕСТНЫЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Вишнякова К.С.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу правового института общеизвестных товарных знаков в России. Основное внимание в работе уделяется проблемам, возникающим на практике при признании обозначения общеизвестным. На основе анализа судебной практики выявляется ключевая проблема: несоответствие между законодательным критерием «широкой известности» товарного знака среди потребителей и административной практикой Роспатента, который необоснованно смешивает его с критерием известности самого правообладателя. В качестве решения предлагается конкретная поправка к пункту 1 статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленная на закрепление в законе приоритета оценки объективной известности самого обозначения, а не субъективного восприятия потребителями его владельца.
Ключевые слова: товарный знак, общеизвестный товарный знак, средство индивидуализации, Роспатент, правовая охрана.

В условиях глобализации рынков и цифровой трансформации экономики товарные знаки приобретают особое значение как ключевые активы компаний и важные инструменты конкурентной борьбы. В современной рыночной экономике они выполняют триединую функцию: формируют устойчивые бренды, защищают права добросовестных производителей и обеспечивают потребительское доверие к продукции. Среди всего спектра средств индивидуализации особый правовой статус имеют общеизвестные товарные знаки, которые представляют собой уникальное явление на стыке коммерции и права. Однако, на ряду с множественными преимуществами данного вида обозначений, которые мы рассмотрим далее, имеется и ряд вытекающих проблемных вопросов. Так, в данной работе, исследовав правовой институт общеизвестных товарных знаков и их особенности, мы постараемся предложить решение проблемы, связанной с признанием указанного вида средств индивидуализации общеизвестными.

Стоит начать с того, что выделение указанной категории товарных знаков в отдельный правовой институт обусловлено не только их исключительной узнаваемостью среди потребителей, но и необходимостью обеспечения повышенной защиты от недобросовестных практик, таких как: паразитическое использование чужой репутации; создание смешений с известными брендами; регистрация доменных имен, содержащих элементы известных марок и т.д.

Формирование особого правового статуса общеизвестных товарных знаков имеет глубокие исторические корни. Как отмечает Мирьяминова Э.Р., понятие «общеизвестный товарный знак» как правовая категория было впервые закреплено в международном праве благодаря Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года. Этот основополагающий международный договор в сфере интеллектуальной собственности впервые сформулировал принципы предоставления специальной правовой охраны товарным знакам, достигшим высокой степени известности [7, с. 106]. Примечательно, что уже в конце XIX века международное сообщество осознало необходимость особой защиты знаков, приобретших широкую популярность, что свидетельствует о давнем признании их особой ценности в коммерческом обороте.

Однако несмотря на такое международное закрепление, нельзя не отметить, что Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года, являясь основополагающим международным актом в данной сфере, сознательно не детализирует конкретные механизмы защиты общеизвестных товарных знаков, равно как и не

устанавливает унифицированной процедуры их признания. Такой подход предоставляет государствам-участникам значительную свободу в определении национальных правил регулирования данного института, позволяя учитывать особенности национальных правовых систем и рыночных условий.

Современное российское законодательство, как справедливо отмечает Гафуров Р.Ф., определяет общеизвестный товарный знак через призму его широкой узнаваемости среди потребителей соответствующих товаров, достигнутой в результате интенсивного использования к определенной дате [8, с. 207]. Эта позиция находит отражение и в законодательстве, а именно в пункте 1 статьи 1508 ГК РФ и подтверждается исследованиями Никонова Д.И., который подчеркивает значение именно интенсивности использования как ключевого фактора приобретения общеизвестности [9, с. 241]. Так, общеизвестный товарный знак – это такой товарный знак, который в процессе его интенсивного использования стал на определенную в заявлении дату широко известен в РФ среди соответствующих потребителей в отношении товаров производителя.

Как отмечает Величко В.Е., различные правовые системы используют дифференцированные подходы к охране общеизвестных обозначений, выделяя разные уровни известности – от широко узнаваемых (well-known trademarks) до знаков с исключительной репутацией (famous trademarks). Особый интерес представляет категория знаков с положительной репутацией (trademarks with good reputations), которые получают расширенную охрану благодаря своей доброй славе, выходящей за пределы конкретных товарных категорий [10, с. 29].

Так, сущность общеизвестных товарных знаков заключается в их особом правовом статусе, который отражает исключительную степень узнаваемости бренда среди потребителей и предоставляет расширенную правовую охрану.

При этом стоит отметить, что в отличие от коллективных знаков, которые служат для обозначения товаров, производимых объединением лиц (например, ассоциациями или союзами), общеизвестные товарные знаки обладают значительно большей распространенностью и коммерческой ценностью, что подтверждается их высокой узнаваемостью среди широкого круга потребителей. Данное утверждение находит свое подтверждение в ряде существенных преимуществ, предоставляемых данной категорией средств индивидуализации. Так, по мнению Арсаева А.А., общеизвестный товарный знак дает следующие стратегические преимущества:

- во-первых, это официальное подтверждение исключительной популярности бренда среди российских потребителей и его устойчивой связи с конкретным правообладателем, что существенно повышает рыночную стоимость компании и ее конкурентные позиции;

- во-вторых, значительно расширяются возможности защиты от неправомерного использования, включая запрет на применение сходных обозначений не только в отношении однородных товаров, но и в доменных именах, коммерческих наименованиях, а также в рекламных и цифровых пространствах;

- в-третьих, правовая охрана приобретает бессрочный характер и распространяется за пределы зарегистрированного перечня товаров и услуг, обеспечивая комплексную защиту бренда во всех сферах коммерческой деятельности, включая смежные рынки, что особенно важно в условиях глобализации и цифровой экономики [11, с. 11]. Эти преимущества делают статус общеизвестного товарного знака мощным инструментом защиты бизнеса и укрепления рыночных позиций правообладателя.

Как и регистрацией товарных знаков, так и признанием их общеизвестными в РФ занимается Роспатент. Так, надлежащим заявителем является лицо, считающее используемый им товарный знак, знак обслуживания, охраняемый на территории РФ на основании его государственной регистрации или в соответствии с международным

договором РФ, или обозначение, используемое в качестве товарного знака, но не имеющее правовой охраны на территории РФ, общеизвестным в РФ товарным знаком [1].

Можно выделить следующие этапы признания товарного знака общеизвестным.

1. Подготовка документов. Исчерпывающий перечень документов, необходимых для признания товарного знака общеизвестным, указан в пункте 17 Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по признанию товарного знака или используемого в качестве товарного знака обозначения общеизвестным в РФ товарным знаком. Так, необходим следующий перечень документов:

1) заявление о признании товарного знака или используемого в качестве товарного знака обозначения общеизвестным товарным знаком;

2) доверенность (при подаче через представителя);

3) доказательства общеизвестности, включающие:

- данные об использовании на территории РФ (сроки, объемы продаж, география);
- сведения о международной известности;
- информацию о рекламных затратах и стоимости бренда;
- результаты опросов потребителей;

4) переводы документов (если представлены не на русском языке);

5) образец обозначения (для незарегистрированных знаков) [2].

2. Уплата госпошлины. Перед подачей указанного заявления необходимо оплатить пошлину за рассмотрение заявления о предоставлении правовой охраны общеизвестному в РФ товарному знаку, а также за принятие решения по результатам рассмотрения заявления, размер которой на сегодня составляет 45000 рублей.

3. Подача документов в Роспатент. Максимальный срок предоставления данной государственной услуги составляет 10 месяцев. Однако указанный срок может быть увеличен в случае необходимости уплаты пошлины и проверки ее уплаты, представления заявителем дополнительных материалов и их проверки, повторного рассмотрения заявления, но не более чем на 10 месяцев.

4. Получение свидетельства. Заключительным этапом является получение свидетельства на общеизвестный товарный знак. Как установлено пунктом 3 статьи 1509 ГК РФ, свидетельство на общеизвестный товарный знак выдается Роспатентом в форме электронного документа и по желанию заявителя на бумажном носителе в течение одного месяца со дня внесения товарного знака в Перечень общеизвестных товарных знаков.

Говоря о признании товарных знаков общеизвестными, нельзя не упомянуть Определение Конституционного Суда РФ от 19.09.2019 № 2145-О, которое содержит следующую позицию: «… признание товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) общеизвестным и его правовая охрана в Российской Федерации не обязательно связываются с фактом предварительной государственной регистрации этого товарного знака (обозначения)» [3]. Данное положение позволяет сделать вывод, что общеизвестность товарного знака является фактом объективной действительности и процедура признания такого товарного знака общеизвестным имеет целью подтверждение или опровержение данного факта, а не его возникновение (регистрацию).

Но, конечно же, пройти указанную процедуру признания товарного знака общеизвестным может не каждый правообладатель, а лишь тот, товарный знак которого соответствует определенным в законодательстве условиям. Рассмотрим их.

Для признания товарного знака общеизвестным в силу положений статьи 1508 ГК РФ необходимо выполнение следующих условий:

1) интенсивное использование такого товарного знака;

2) широкая известность товарного знака в России на указанную в заявлении дату;

3) идентификация потребителями товарного знака в отношении товаров заявителя.

При этом Ляшенко Д.А. и Магалясова В.А. подчеркивают, что судебная практика по вопросам признания товарного знака общеизвестным является неоднородной, что представляет собой одну из основных проблем в указанной сфере [12, с. 185].

Так, например, Суд по интеллектуальным правам удовлетворил иск «АБ ИнБев Эфес», обязав Роспатент признать бренд «Старый Мельник» общеизвестным товарным знаком в РФ, отменив предыдущий отказ ведомства. Роспатент изначально отказал, считая недостаточным, что лишь 41,2% потребителей точно идентифицировали производителя. При этом компания предоставила данные о продажах более 14 млн гектолитров пива за период с 2018 по 2023 гг. и 5-м месте бренда в национальном рейтинге. Суд указал на ошибку Роспатента: критерий известности товара (статья 1508 ГК РФ) не тождественен узнаваемости производителя [4].

Нельзя не упомянуть и о том, как Университет «Синергия» больше 2,5 лет боролся за общеизвестность обозначения «СИНЕРГИЯ» на территории РФ. Университет оспорил в Суде по интеллектуальным правам отказ Роспатента признать его бренд общеизвестным товарным знаком для образовательных услуг (41 класс МКТУ). Суд удовлетворил иск, указав, что Роспатент неправильно применил статью 1508 ГК РФ, смешав критерии известности услуг и самого правообладателя; не оценил все доказательства, включая данные опросов ВЦИОМ (86% узнаваемости среди целевой аудитории 16-35 лет), масштабные рекламные кампании (более 2 млрд руб. затрат) и активность университета в 68 регионах; а также необоснованно требовал «длительного использования», хотя закон не устанавливает минимальных сроков. В итоге решение Роспатента признано недействительным, ведомство обязано повторно рассмотреть заявку с учетом указаний суда [5].

В 2023 году Роспатент также отказал «ТехноНИКОЛЬ» в признании его товарного знака общеизвестным, аргументируя это тем, что товары под брендом производились аффилированными компаниями, а не самим заявителем. Позиция Роспатента заключалась в отсутствии прямой связи между заявителем и производством товаров, недостаточная доказательная база по ассоциации бренда с конкретным юрлицом. Компания, в свою очередь, ссылалась на многолетнее использование знака, данные маркетинговых исследований и опрос ВЦИОМ, подтверждающие узнаваемость бренда в рамках корпоративной структуры. Суд по интеллектуальным правам признал недействительным решение Роспатента, отказавшего в признании товарного знака «ТехноНИКОЛЬ» общеизвестным, указав на то, что закон не требует, чтобы общеизвестность знака зависела от известности правообладателя; потребители четко ассоциируют бренд с продукцией, что подтверждает его широкую узнаваемость [6].

Так, на основании анализа судебной практики мы можем заключить, что признать товарный знак общеизвестным в РФ достаточно сложно. Указанная проблема связана с тем, что Роспатент, рассматривая заявку на признание знака общеизвестным, часто отказывает в предоставлении указанной государственной услуги по причине недостаточного процента идентификации потребителями производителя товаров, что является неправомерным и не раз уже подчеркивалось Судом по интеллектуальным правам.

Указанное свидетельствует о необходимости внесения ясности в гражданское законодательство. Так, пункт 1 статьи 1508 ГК РФ может быть дополнен абзацем 3, в котором предлагается изложить следующее: «При оценке общеизвестности товарного знака федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности не допускается отказ исключительно на основании недостаточного процента идентификации потребителями конкретного правообладателя, если представленные доказательства подтверждают широкую узнаваемость самого обозначения среди соответствующей группы потребителей, его интенсивное использование на территории

Российской Федерации и устойчивую ассоциацию с определенными товарами или услугами, независимо от степени осведомленности потребителей о юридическом лице – владельце знака». Данная формулировка позволит устранить существующую правовую неопределенность и приведет практику Роспатента в соответствие с судебными решениями, сосредоточив оценку на объективных признаках общеизвестности самого обозначения, а не на субъективном восприятии правообладателя потребителями.

Таким образом можем заключить, что правовая охрана общеизвестных товарных знаков представляет собой уникальный правовой институт, сочетающий бессрочную защиту с расширенным объемом исключительных прав, распространяющихся даже на неоднородные товары, однако существующая система имеет существенные недостатки – отсутствие механизма периодической проверки сохранения известности знака и чрезмерно сложную процедуру оспаривания, что на практике приводит к сохранению правовой охраны за фактически утратившими известность обозначениями, особенно когда правообладателями выступают крупные корпорации, способные эффективно противостоять попыткам прекращения охраны, что свидетельствует о необходимости реформирования данного института для достижения баланса между интересами правообладателей и других участников гражданского оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 8 декабря 2006 г. N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.

2. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по признанию товарного знака или используемого в качестве товарного знака обозначения общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком [Электронный ресурс]: Приказ Минэкономразвития России от 27 августа 2015 г. № 602. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186861/ – Дата обращения: 15.01.2025. – Загл. с экрана.

3. По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № 2145-О. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335274/ – Дата обращения: 15.01.2025. – Загл. с экрана.

4. По делу № СИП-1159/2024 [Электронный ресурс]: Решение Суда по интеллектуальным правам от 24 февраля 2025 г. № СИП-1159/2024. – Режим доступа: Система «Электронное правосудие»: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/49897281-562e-435a-ae90-172b31715b38/d452fd48-a307-4ca3-ab3e-5456e763ff28/SIP-1159-2024_20250224_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True – Дата обращения: 19.01.2025. – Загл. с экрана.

5. По делу № СИП-203/2023 [Электронный ресурс]: Решение Суда по интеллектуальным правам от 20 июля 2023 г. № СИП-203/2023. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=113707#hSno5iUcoGDrLwac – Дата обращения: 19.03012025. – Загл. с экрана.

6. По делу № СИП-1335/2023 [Электронный ресурс]: Решение Суда по интеллектуальным правам от 20 февраля 2025 г. № СИП-1335/2023. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=141045#68Lp5iUsByioZqOt2 – Дата обращения: 19.01.2025. – Загл. с экрана.

7. Мирьяминова, Э. Р. Правовой режим общеизвестных товарных знаков / Э. Р. Мирьяминова // Вестник магистратуры. – 2017. – №6-1(69). – С. 106-109.

8. Гафуров, Р. Ф. Сущность общеизвестного товарного знака / Р. Ф. Гафуров // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 6(6). – С. 206-208.

9. Никонов, Д. И. Правовая природа общеизвестного товарного знака и проблемы практики признания товарного знака общеизвестным / Д. И. Никонов // IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22 мая 2021 года / Отв. редактор Т.В. Седлецкая. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 238-242.

10. Величко, В. Е. Правовой режим общеизвестных товарных знаков: особенности предоставления охраны, основания прекращения и защита от нарушений / В. Е. Величко // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века: Материалы Международной конференции, Томск, 14–16 ноября 2019 года / Под

редакцией Э.П. Гаврилова, С.В. Бутенко. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – С. 26-32.

11. Арсаев, А. А. Сущность и определение общеизвестного товарного знака / А. А. Арсаев // Студенческий вестник. – 2022. – № 37-2(229). – С. 9-11.

12. Ляшенко, Д. А. Регистрация товарного знака в качестве общеизвестного / Д. А. Ляшенко, В. А. Магалясова // Эпомен. – 2020. – № 35. – С. 181-188.

TRADEMARK PUBLICITY CRITERION: CONTRADICTIONS IN ROSPATENT'S LAW ENFORCEMENT AND WAYS TO ELIMINATE THEM

Annotation. The article is devoted to the analysis of the legal institution of well-known trademarks in Russia. The main focus of the work is on the problems that arise in practice when recognizing a designation as well-known. Based on the analysis of judicial practice, a key problem is identified: the discrepancy between the legislative criterion of the "widespread popularity" of a trademark among consumers and the administrative practice of Rospatent, which unreasonably mixes it with the criterion of the fame of the copyright holder himself. As a solution, a specific amendment to paragraph 1 of Article 1508 of the Civil Code of the Russian Federation is proposed, aimed at consolidating in the law the priority of assessing the objective fame of the designation itself, rather than the subjective perception of its owner by consumers.

Keywords: trademark, well-known trademark, means of individualization, Rospatent, legal protection.

Vishnyakova K.S.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: vishnyakova.k05@mail.ru

УДК 347.23

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ДРУГИХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Влазнева Д.П.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются способы защиты вещных прав – виндикационный, негаторный иск и иск о признании права собственности – с учётом их функциональных различий и пределов применения. Обоснована необходимость признания иска о признании права собственности как самостоятельного средства защиты, не подлежащего конкуренции с иными исками. На основе правоприменительной практики предложены изменения в гражданское законодательство для устранения правовых коллизий и усиления эффективности защиты имущественных прав.
Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права собственности, конкуренция исков.

Введение. Право собственности как фундаментальный институт гражданского права представляет собой не только юридическое закрепление экономической свободы личности, но и ключевой элемент устойчивости правопорядка в любом демократическом обществе. В условиях глубоких социально-экономических трансформаций, происходящих в Российской Федерации, эффективная защита вещных прав становится не просто правовой необходимостью, а условием обеспечения экономической безопасности, стабильности инвестиционного климата и доверия граждан к правовой системе. Гражданский кодекс Российской Федерации, устанавливая комплексный механизм защиты прав собственности, сочетает в себе как общие гражданско-правовые способы, так и специализированные вещно-правовые иски – виндикационный, негаторный и иск о признании права собственности. Эти инструменты призваны не только восстанавливать нарушенные права, но и предотвращать их дальнейшие нарушения, обеспечивая баланс между интересами собственника и добросовестного приобретателя. В настоящей работе рассматриваются теоретические и практические аспекты применения этих специальных способов защиты вещных прав, анализируются критерии их различия, роль добросовестности приобретателя, а также современные тенденции правоприменительной практики. Целью исследования является систематизация подходов к применению вещно-правовых исков, выявление их функциональных особенностей и обоснование границ их применимости в условиях сложных правоотношений, возникающих в сфере недвижимости, движимого имущества и регистрируемых прав.

Основная часть. Защита права собственности как фундаментальной основы любого общественного строя представляет собой одну из ключевых задач любой правовой системы. Совершающиеся в России социально-экономические реформы существенно влияют на гражданско-правовые отношения, в том числе на сферу вещных прав.

Защита права собственности и других вещных прав представляет собой совокупность гражданско-правовых механизмов, направленных на восстановление нарушенных прав и пресечение правонарушений. В зависимости от характера нарушения и формы требуемой защиты гражданское право предоставляет различные способы защиты, обеспечивающие реализацию интересов собственника. Перечень таких способов закреплён в статье 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и включает, в частности, общие средства защиты: признание права; возмещение убытков; самозащита; отказ суда в применении противоречащего закону акта государственного органа или органа местного самоуправления; взыскание неустойки и иные. Указанный перечень не

является исчерпывающим – закон допускает применение и иных способов защиты, если это прямо предусмотрено нормами права.

Кроме того, ГК РФ предусматривает специальные вещно-правовые способы защиты, предназначенные для охраны именно вещных прав. Как отмечает Е.В. Вавилин, их функция заключается в защите определённых видов гражданских прав или в устранении конкретных видов нарушений [1, с. 174].

К таким специальным способам относятся, в частности, те, что установлены в главе 20 ГК РФ:

– виндикационный иск – истребование имущества из чужого незаконного владения;

– негаторный иск – защита прав от нарушений, не связанных с лишением владения;

– защита прав владельца, не являющегося собственником.

Традиционно большинство правоведов выделяют два основных пути защиты права собственности: вещно-правовой и обязательственно-правовой. Так, Н.В. Колесникова отмечает: «Как вещно-правовые, так и обязательственно-правовые иски в ряде случаев направлены на достижение единого результата. На практике весьма часто наблюдается сочетание этих способов защиты» [2, с. 35].

Вещно-правовые средства защиты отличаются тем, что «они направлены непосредственно на восстановление права собственности как абсолютного субъективного права, не зависят от наличия каких-либо конкретных обязательств и преследуют цель вернуть собственнику возможность владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью, а также устранить любые препятствия или сомнения в реализации этих правомочий». В систему вещных исков, на наш взгляд, целесообразно включать: виндикационный иск, негаторный иск и иск о признании права собственности.

Рассмотрим обоснованность применения каждого из этих способов защиты вещных прав.

Важнейшим фактором при применении вещно-правовых способов защиты является вопрос о добросовестности приобретателя вещи.

При истребовании имущества посредством виндикационного иска от лица, приобретшего вещь у неправомочного отчуждателя, законодатель стремится установить баланс между интересами собственника и добросовестного нового владельца – этот баланс нашёл отражение в нормах гражданского законодательства. Согласно статье 302 Гражданского кодекса РФ, «если имущество возмездно приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать, при этом приобретатель не знал и не мог знать об этом (добросовестный приобретатель), то собственник вправе требовать возврата имущества лишь в случаях, когда оно было утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано им во владение, либо похищено, либо выбыло из их владения иным образом против их воли. Если же имущество приобретено безвозмездно у неправомочного отчуждателя, собственник может требовать его возврата в любом случае. Деньги и ценные бумаги на предъявителя не подлежат истребованию у добросовестного приобретателя».

Таким образом, российское законодательство признаёт добросовестным того, кто не знал и не мог знать о неправомочности отчуждателя.

С этой позицией согласен И.Г. Турчин, с которым мы полностью разделяем мнение: «добросовестным приобретателем можно признать лишь при отсутствии признаков умышленного, злонамеренного сговора между приобретателем и отчуждателем, направленного на создание видимости добросовестной покупки» [3, с. 83].

Пленум Высшего арбитражного суда Российской Федерации разъяснил, что согласно статье 302 Гражданского кодекса РФ ответчик вправе возражать против истребования имущества, представив доказательства того, что он приобрёл его

возмездно у лица, не обладавшего правом отчуждения, при этом не зная и не обязан был знать об этом (т.е. являлся добросовестным приобретателем).

Вместе с тем, как подчёркивает И.Г. Турчин, «сама по себе возмездность сделки не является достаточным признаком добросовестности приобретателя». Он справедливо утверждает, что признание лица добросовестным приобретателем возможно лишь при условии, что вся сделка, по которой было передано имущество, соответствует всем признакам действительной сделки – за исключением того, что её совершал неуполномоченный отчуждатель. Если же ответчик является недобросовестным – то есть знал или должен был знать, что приобретает вещь у лица, не являющегося собственником, – виндикационный иск подлежит удовлетворению. Иными словами, имущество всегда может быть изъято из незаконного, недобросовестного владения. Правоприменительная практика выделила ряд признаков недобросовестности: помимо явно заниженной цены, сюда относятся быстрая перепродажа имущества, аффилированность или зависимость покупателя от продавца, наличие родственных, служебных или иных тесных связей между сторонами и т.п. В таких случаях выбытие имущества по воле собственника или законного владельца не имеет значения для возможности его возврата.

Следует отметить, что сама по себе недействительность сделки, в рамках которой было передано имущество, не свидетельствует о его выбытии из владения собственника против его воли. Судам необходимо устанавливать, имела ли место воля собственника на передачу владения третьему лицу – именно это определяет правовые последствия для виндикационного иска.

Что касается добросовестного приобретателя, то имущество может быть изъято у него в двух случаях:

а) если оно было приобретено возмездно и при этом выбыло из владения собственника против его воли (утеряно, похищено или иным образом);

б) если приобретение было безвозмездным и совершено у лица, не имеющего права отчуждать вещь. Деньги и ценные бумаги на предъявителя исключаются из возможности истребования у добросовестного приобретателя.

Для определения оснований удовлетворения виндикационного иска ключевым является вопрос: вышло ли имущество из владения собственника по его воле или против неё. Если имущество было утеряно, похищено или иным образом выбыло из владения собственника против его воли – иск подлежит удовлетворению даже в отношении добросовестного и возмездного приобретателя (п. 1 ст. 302 ГК РФ). Если же передача имущества произошла по воле собственника, то суд должен оценивать добросовестность ответчика и возмездность приобретения [4, с. 533].

Ещё одним способом защиты, закреплённым в статье 20 ГК РФ, является негаторный иск – средство защиты от нарушений прав собственности, не связанных с лишением владения. Согласно статье 304 Гражданского кодекса РФ, собственник вправе требовать устранения любых препятствий в осуществлении его прав, даже если эти нарушения не сопровождались изъятием имущества. Аналогичное право принадлежит и титульным владельцам – тем, кто владеет имуществом на основании закона или договора (статья 305 ГК РФ).

Негаторный иск служит инструментом защиты не только права собственника на пользование имуществом, но и правомочий субъектов ограниченных вещных прав, которым собственник предоставил право пользования. Ключевая особенность негаторного иска – его направленность на устранение длящегося правонарушения, препятствующего нормальному осуществлению вещного права. Истец в таком иске защищает не саму вещь, а своё право на её использование, и именно этот интерес выступает как основание и объект защиты. Право на предъявление негаторного иска принадлежит как собственникам, так и титульным владельцам (ст. 305 ГК РФ), которые, не будучи лишены фактического владения, сталкиваются с препятствиями в реализации

своих прав пользования и распоряжения. Ответчиком в таких делах является лицо, действия (или бездействие) которого создают незаконные барьеры для осуществления вещных прав [5, с. 81].

В научной литературе остаются дискуссионными вопросы, касающиеся разграничения негаторного и виндикационного исков. Негаторный иск, в соответствии с духом Гражданского кодекса РФ, представляет собой универсальный механизм защиты права собственности, и в случае конкуренции между ним и виндикационным иском предпочтение должно отдаваться последнему – негаторный иск следует применять только тогда, когда отсутствуют основания для виндикационного иска.

В.А. Тархова и В.А. Рыбакова подчеркивают, что отличие негаторного иска заключается в том, что его предъявляет лицо, не утратившее владения – собственник или титульный владелец (ст. 305 ГК РФ) [6, с. 532].

К.И. Скловский предлагает иной критерий: присуждение по негаторному иску не влечёт возврата вещи, тогда как виндикационный иск направлен именно на восстановление владения [7, с. 22-29].

И.Б. Живихина утверждает, что конкуренция этих исков невозможна, поскольку формулировка «хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения» всегда трактовалась как указание на сохранение фактического владения истцом.

Мы придерживаемся этой позиции, поскольку современная система гражданского законодательства не предусматривает конкуренции исков. Негаторный иск применим исключительно при сохранении владения и отсутствии оснований для применения виндикационного иска.

Следует также отметить, что некоторые авторы считают, что собственник недвижимости сохраняет своё право собственности даже после утраты фактического владения, если он продолжает числиться собственником в ЕГРН. Пока регистрация не оспорена, собственник не может быть признан утратившим владение, и потому при препятствиях доступа к участку или дому он вправе защищаться именно негаторным иском, а не виндикационным. Такую же точку зрения разделяет И.Г. Турчин, который отмечает: если препятствия создаются законными действиями, собственнику остаётся либо терпеть их, либо оспаривать их законность, либо заключать соглашение о земельном сервитуте. Однако И.Б. Живихина утверждает, что при фактической утрате владения возможен только виндикационный иск в соответствии с действующим законодательством. Мы склоняемся к этой позиции.

Ещё одним способом защиты вещных прав является иск о признании права собственности. Некоторые авторы выделяют в отдельную категорию иск об исключении имущества из описи или ареста. Мы не согласны с таким подходом: такой иск по сути является требованием о признании права собственности на имущество, незаконно включённое в опись. Следовательно, он представляет собой разновидность иска о признании права собственности.

Иски о признании права собственности предъявляются, когда принадлежность имущества оспаривается и не может быть установлена иным способом. Юридическая природа таких исков в гражданском праве трактуется по-разному. Большинство учёных считают, что в российском праве не существует самостоятельного иска о признании права собственности – подобное требование входит в состав виндикационного или негаторного иска. Другие исследователи, напротив, рассматривают его как самостоятельное вещно-правовое требование.

Из практики судов последних лет следует, что при нарушении права собственности на недвижимость, сопровождающемся противоправной регистрацией прав в ЕГРН, собственники всё чаще обращаются с иском о признании своего права собственности на спорное имущество.

Заключение. Защита права собственности как абсолютного вещного права требует четкого разграничения и целенаправленного применения специальных гражданско-

правовых средств – виндикационного, негаторного и исков о признании права. Анализ норм Гражданского кодекса РФ, научной литературы и практики судов позволяет сделать вывод о том, что каждый из этих исков выполняет уникальную функцию: виндикационный иск восстанавливает владение, негаторный – устраняет препятствия в пользовании, а иск о признании права – устраняет правовую неопределенность. Ключевым фактором, определяющим успех виндикационного иска, является вопрос о воле собственника на выбытие имущества и добросовестности приобретателя, что требует от судов тонкой дифференциации фактических обстоятельств сделки. Негаторный иск, в свою очередь, является незаменимым инструментом защиты прав собственника и титульного владельца в условиях, когда владение сохраняется, но реализация правомочий затруднена. При этом конкуренция между исками не допускается – каждый из них применяется в строго определённых условиях, что подтверждается как текстом закона, так и прецедентной практикой. Иск о признании права собственности, несмотря на дискуссии в научной среде, всё чаще выступает как самостоятельный и эффективный способ защиты, особенно в контексте противоправной регистрации прав в ЕГРН. Современная правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к усилению защиты собственника при сохранении баланса с интересами добросовестных третьих лиц – что соответствует духу европейских правовых систем и принципам справедливости, заложенным в статье 35 Конституции РФ. Таким образом, совершенствование применения вещно-правовых способов защиты требует не только юридической грамотности, но и глубокого понимания социальных и экономических последствий судебных решений, направленных на укрепление стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавилин Е. В. Проблемы защиты гражданских прав // Правоведение. – 2009. – № 1. – 174 с.

2. Колесникова Н.В. Обязательственно-правовые способы защиты права собственности. Актуальные проблемы теории и правоприменительной практики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 5. – 35 с.

3. Турчин И.Н. Пределы осуществления и защиты вещных прав собственника и лиц, не являющихся собственниками, на современном этапе развития гражданского законодательства // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 6. – 83 с.

4. Акимов Н.А. Вещно-правовые способы защиты права собственности // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6. – 533 с.

5. Живихина И.Б. Негаторный иск как способ защиты права собственности и иных вещных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. – 2014. – № 4. – 81 с.

6. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности: монография. Уфа, – 2021. – 532 с.

7. Скловский К.И. Негаторный иск: отрицание не должно быть огульным // Бизнес-адвокат. – 2021. – № 7. – С. 22-29.

CURRENT ISSUES IN PROTECTING PROPERTY RIGHTS AND OTHER PROPERTY RIGHTS

Annotation. This article analyzes methods of protecting property rights – vindicatory action, negatory action, and action for recognition of ownership – taking into account their functional differences and scope of application. The need to recognize a claim for recognition of ownership as an independent means of protection, not subject to competition with other claims, is substantiated. Based on law enforcement practice, amendments to civil legislation are proposed to eliminate legal conflicts and enhance the effectiveness of property rights protection.

Keywords: property rights, protection of property rights, vindicatory action, negatory action, action for recognition of ownership, competition of claims.

Vlazneva D.P.
Scientific adviser: Oleynikova A.V.,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: dianka_vlazneva@mail.ru

УДК 342.55

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛСТВЕ РОССИИ

Воищева Е. В.
Научный руководитель: Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции правовых принципов организации и деятельности местного самоуправления в России. Рассматривается влияние Европейской хартии местного самоуправления на формирование российской муниципальной системы, а также последствия её денонсации в 2023 году. Особое внимание уделяется сравнительному анализу принципов, закреплённых в Конституции РФ, Федеральном законе № 131-ФЗ и новом Федеральном законе № 33-ФЗ от 20 марта 2025 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Автор исследует трансформацию законодательного регулирования местного самоуправления в контексте интеграции муниципальной власти в единую систему публичной власти. Делается вывод о формировании Россией собственной модели развития института местного самоуправления с учётом международного опыта и национальных особенностей.
Ключевые слова: Местное самоуправление, Европейская хартия местного самоуправления, принципы организации местного самоуправления, Федеральный закон № 33-ФЗ, Федеральный закон № 131-ФЗ, единая система публичной власти, муниципальное образование.

Вопрос о правовых принципах организации и деятельности местного самоуправления (далее — МСУ) в России никогда не утрачивал своей научной и практической актуальности. Тем не менее в последнее время данная сфера претерпела существенные изменения: конституционная реформа 2020 года утвердила концепцию единой системы публичной власти, а выход России из Европейской хартии местного самоуправления в 2023 году фактически подвёл черту под «европейским» периодом в развитии муниципального права, а принятие Федерального закона № 33-ФЗ в марте 2025 года запустило масштабную реструктуризацию всей системы МСУ. Совокупность этих событий формирует уникальную исследовательскую ситуацию, требующую комплексного правового анализа.

Проблема состоит в том, что российская правовая доктрина и законодательство о МСУ находятся в состоянии трансформации, параметры которой ещё не получили исчерпывающего научного осмысления. Остаётся дискуссионным вопрос о том, в какой мере новая модель МСУ сохраняет преемственность по отношению к международным стандартам, воплощённым в Европейской хартии, и в какой — складывается принципиально иная, собственно национальная модель организации муниципальной власти. Не менее значимой остаётся проблема баланса между самостоятельностью местного самоуправления и его встроенностью в единую систему публичной власти: именно в этой точке обнаруживается потенциальное конституционное противоречие между ст. 12 и ст. 132 Конституции РФ в редакции 2020 года [6].

Данная проблематика исследуется в работах Н. Л. Пешина, посвящённых конституционной реформе МСУ и механизмам его встраивания в государственную власть [7], С. С. Зенина, анализирующего систему публичной власти в контексте конституционных новаций [8], Е. В. Гриценко, исследующей соотношение федерализма и МСУ в свете реформы 2020 года [9], а также Е. М. Бухвальда и Д. Н. Лапаева, оценивающих последствия выхода России из Хартии [5]. Вместе с тем принятие Закона № 33-ФЗ обусловило появление новых аналитических материалов о конкретных изменениях в системе МСУ [10; 11]. Тем не менее нерешённой остаётся задача системного сопоставления принципов МСУ на всех уровнях их закрепления —

международном, конституционном и законодательном — с учётом новейшего законодательного материала.

Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ принципов организации и деятельности МСУ, закреплённых в Европейской хартии местного самоуправления, Конституции РФ, Федеральном законе № 131-ФЗ и новом Федеральном законе № 33-ФЗ, и на этой основе охарактеризовать модель МСУ, складывающуюся в современной России.

1. Европейская хартия местного самоуправления и её влияние на российское законодательство

В условиях трансформаций, происходивших в области государственного устройства и публичной власти в период, когда Россия была вынуждена менять систему, выработанную Советским Союзом, одним из основных направлений стало формирование системы местного самоуправления. При формировании новых начал организации и функционирования МСУ Россия обратилась к положениям Европейской хартии — документа, аккумулировавшего опыт организации МСУ ведущих европейских государств той эпохи. Хартия была принята Советом Европы 15 октября 1985 года, а Россия ратифицировала её в 1998 году.

Присоединение к Европейской хартии местного самоуправления сыграло для России положительную роль: оно помогло конкретизировать ориентиры муниципальных преобразований с учётом как накопленного позитивного опыта, так и допущенных в ходе предшествующих реформ ошибок. Хартия прочно вошла в правоприменительную практику и охватила все ключевые аспекты формирования и деятельности институтов местного самоуправления в Российской Федерации.

Денонсация Хартии Российской Федерацией 28 февраля 2023 года была закреплена Федеральным законом «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» [4]. Вместе с тем, как обоснованно отмечают Е. М. Бухвальд и Д. Н. Лапаев, сегодня можно с уверенностью утверждать: российская теория местного самоуправления и его общая идеология в полной мере усвоили положительный потенциал Хартии и в значительной — пусть и не исчерпывающей — степени воплотили его на практике. Её роль в этом отношении трудно переоценить, однако необходимо принимать во внимание, что Хартия не представляет собой универсального свода обязательных предписаний для той или иной страны. Участие России в Хартии не предполагало механического заимствования зарубежных моделей муниципальной организации, однако определённое влияние на отечественную практику она, безусловно, оказала.

2. Конституционные принципы МСУ и их соотношение с положениями Хартии

Конституционные основы местного самоуправления в России сосредоточены в главе 8 Основного закона. Сравнительный анализ закреплённых в ней принципов с положениями Европейской хартии позволяет выявить как точки соприкосновения, так и существенные различия двух подходов.

К конституционным принципам МСУ, имеющим корреспондирующие нормы в Хартии, относятся следующие.

Во-первых, самостоятельность решения населением всех вопросов местного значения. Применительно к этому принципу ч. 2 ст. 4 Хартии указывает: «Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, который не исключён из их компетенции и не отнесён к компетенции другого органа власти».

Во-вторых, организационное обособление местного самоуправления в системе управления обществом и государством. В ст. 4 Хартии применительно к данному

принципу подразумевается делегирование полномочий между центральными и региональными органами власти.

В-третьих, многообразие организационных форм осуществления местного самоуправления. В ст. 10 Хартии фиксируется право органов местного самоуправления на объединение в различные союзы и ассоциации.

В-четвёртых, соразмерность полномочий местного самоуправления материально-финансовыми ресурсами. В ст. 9 Хартии закреплён принцип экономической обеспеченности деятельности института местного самоуправления.

Сопоставление конституционных принципов МСУ в Российской Федерации и положений Европейской хартии позволяет отметить определённую близость в формулировках и общих подходах к пониманию сути данного института. Такие ключевые идеи, как самостоятельность решения вопросов местного значения, организационная обособленность, многообразие форм реализации и необходимость обеспечения финансово-экономической самостоятельности, находят отражение как в российской Конституции и законодательстве, так и в положениях Хартии.

При этом за внешним сходством скрываются существенные различия: Хартия ориентирована на широкую автономию муниципалитетов и чёткое разграничение полномочий, тогда как российская модель традиционно предполагает более тесную зависимость местного самоуправления от регионального и федерального уровней власти — прежде всего в сфере финансирования и реализации переданных государственных полномочий.

Принципиальное значение для понимания конституционно-правового статуса МСУ имеет реформа 2020 года, в ходе которой статья 132 Конституции РФ была дополнена частью 3, закрепившей, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и взаимодействуют для наиболее эффективного решения задач в интересах населения [6]. Конституционный Суд РФ в своём заключении от 16 марта 2020 года подчеркнул, что данные поправки не отрицают самостоятельности МСУ в пределах его полномочий и не свидетельствуют о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Вместе с тем, как отмечает Н. Л. Пешин, конституционное закрепление принципа единой системы публичной власти стало новым всеобщим принципом организации МСУ, качественно изменившим вектор его развития [7]. С. С. Зенин, в свою очередь, указывает, что конституционная реформа создала основу для преодоления «конфликта компетенции» между государственным и муниципальным уровнем власти [8].

3. Новый федеральный закон № 33-ФЗ: система принципов и новеллы правового регулирования

Новый федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» был принят в марте 2025 года, а Закон № 131-ФЗ утратит силу с 1 января 2027 года. Принятый 20 марта 2025 года Закон № 33-ФЗ впервые выделил принципы правового регулирования местного самоуправления в отдельную статью — статью 4, что отражает намерение законодателя систематизировать правовую основу этого института в условиях его интеграции в единую систему публичной власти [2].

Следует отметить, что Закон № 33-ФЗ стал логичным итогом почти четырёхлетней законопроектной работы: соответствующий законопроект был внесён в Государственную Думу ещё в декабре 2021 года и прошёл длительный процесс согласования с участием представителей органов публичной власти, научного сообщества и общественных организаций [10]. Закон вступил в силу поэтапно: основная часть — с 19 июня 2025 года, отдельные статьи (в том числе статьи 32 и 37) — с 1 января 2027 года [2].

В ст. 4 Закона № 33-ФЗ вошли некоторые положения, ранее содержавшиеся в различных статьях Закона № 131-ФЗ, а также ряд принципиально новых норм. Проанализируем основные из них.

Первый принцип закрепляет, что образование, формирование, деятельность органов местного самоуправления, их полномочия и ответственность, порядок взаимодействия между собой и с иными органами единой системы публичной власти основываются на Конституции РФ и регулируются федеральными конституционными законами, Законом № 33-ФЗ, иными федеральными законами, а также конституциями (уставами) и законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами (ч. 3 ст. 4 Закона № 33-ФЗ).

Второй принцип допускает закрепление в уставах муниципальных образований и иных муниципальных правовых актах порядка дистанционного взаимодействия органов единой системы публичной власти субъекта РФ, а также порядка дистанционного участия в заседаниях представительного органа муниципального образования (ч. 4 ст. 4 Закона № 33-ФЗ). Данная норма представляет собой новеллу, отвечающую современным требованиям цифровизации публичного управления.

Третий принцип закрепляет требование учёта социально-экономических, природно-климатических, территориальных особенностей местности, а также исторических, культурных, национальных и иных местных традиций при правовом регулировании вопросов организации МСУ всеми уровнями публичной власти — от федерального до муниципального (ч. 5 ст. 4 Закона № 33-ФЗ). Это положение воспроизводит и развивает идею субсидиарности, характерную для Европейской хартии.

Четвёртый принцип устанавливает, что разграничение полномочий между уровнями публичной власти обеспечивается соответствующими финансовыми средствами и материальными ресурсами (ч. 10 ст. 4 Закона № 33-ФЗ). Данная норма корреспондирует ст. 9 Хартии и ч. 2 ст. 132 Конституции РФ.

Пятый принцип разграничивает понятия муниципального образования и административно-территориальной единицы, допуская при этом совпадение их границ (ч. 11 ст. 4 Закона № 33-ФЗ). Это уточнение имеет важное практическое значение для территориальной организации МСУ.

Помимо системы принципов, Закон № 33-ФЗ содержит ряд существенных нововведений, изменяющих архитектуру МСУ. В частности, вводится понятие «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» (далее — ВНОЖН) вместо прежних «вопросов местного значения»; устанавливается единый срок полномочий всех должностных лиц МСУ — пять лет; сокращается перечень видов муниципальных образований до трёх (городской округ, муниципальный округ и внутригородские муниципальные образования); унифицируются формы участия населения в осуществлении МСУ [11]. Как отмечается в экспертном сообществе, данные изменения символизируют переход к более централизованной модели МСУ, интегрированной в публичную «вертикаль» [11].

4. Соотношение принципов самостоятельности и интеграции: конституционное противоречие или баланс?

Ключевой теоретической проблемой нового законодательного регулирования МСУ является соотношение принципа самостоятельности (ст. 12 Конституции РФ) и принципа интеграции в единую систему публичной власти (ст. 132, ч. 3 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность поправок 2020 года, констатировал, что они не предполагают искажения конституционной природы МСУ как уровня публичной власти, наиболее приближённого к населению. Данная правовая позиция была воспроизведена и в тексте Закона № 33-ФЗ: в соответствии с ч. 6 ст. 1 органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, хотя и включены в единую систему публичной власти [2].

Вместе с тем ряд исследователей полагает, что фактическое содержание реформы не вполне соответствует декларируемым принципам. Так, Е. В. Гриценко обращает внимание на то, что законодательная интерпретация конституционных поправок способна существенно сузить самостоятельность МСУ в вопросах компетенции, особенно в части перераспределения полномочий в пользу органов государственной власти субъектов РФ [9]. Критически оценивается и отказ от ряда форм непосредственной демократии: Закон № 33-ФЗ исключил из системы МСУ голосование по отзыву главы муниципального образования, голосование по изменению границ муниципального образования и правотворческую инициативу граждан как самостоятельную форму [11]. Это свидетельствует об определённом смещении баланса в пользу централизации и управляемости системы в ущерб участию населения.

Тем не менее представляется обоснованным вывод о том, что новая модель МСУ, несмотря на усиление централизации, сохраняет конституционно значимые гарантии самоорганизации населения. Последовательная реализация закреплённого в Законе № 33-ФЗ принципа финансового обеспечения разграничения полномочий способна нивелировать риски декларативности самостоятельности муниципальной власти.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Первое. Европейская хартия местного самоуправления сыграла значительную роль в становлении российской системы МСУ, оказав влияние на её конституционные и законодательные основы. Даже после денонсации в 2023 году её нормативные и идейные элементы продолжают функционировать в рамках национального правопорядка, прежде всего в части принципов финансовой самостоятельности и субсидиарности.

Второе. Конституционная реформа 2020 года качественно изменила правовую природу МСУ в России, закрепив принцип единой системы публичной власти. Это создало конституционную основу для нового этапа муниципальной реформы и одновременно породило теоретическую проблему соотношения самостоятельности МСУ и его интеграции в публичную вертикаль.

Третье. Принятие Закона № 33-ФЗ в 2025 году знаменует переход к новой модели местного самоуправления, ориентированной на централизацию, унификацию и повышение управляемости муниципальной власти при формальном сохранении конституционных гарантий самоорганизации населения. Среди ключевых нормативных новелл — систематизация принципов правового регулирования МСУ в отдельной статье закона, введение концепции «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», унификация сроков полномочий и сокращение видов муниципальных образований.

Четвёртое. Россия последовательно формирует собственную национальную модель МСУ, опираясь на международный опыт, но адаптируя его к конституционным принципам единства публичной власти и задачам государственного строительства. Данная модель не является простым копированием ни западноевропейских образцов, ни советских аналогов, представляя собой самостоятельную правовую конструкцию.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом практики применения Закона № 33-ФЗ после полного вступления его в силу в 2027 году, оценкой реального финансового обеспечения разграниченных полномочий, а также с изучением региональных особенностей имплементации новых принципов МСУ в субъектах Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ-Максимум. Европейская хартия местного самоуправления. Принята 15 октября 1985 г. / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Дата обращения: 15.11.2025 г.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 25.11.2025).

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 25.11.2025).

4. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/ (дата обращения: 25.11.2025).

5. Бухвальд Е. М., Лапаев Д. Н. «Отказ от Европейской хартии и российское местное самоуправление» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022 г. – № 3 (71). – С. 14-21.

6. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-ресурс правовой информации. - URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 25.11.2025).

7. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 24–29.

8. Зенин С. С. Система публичной власти в Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы // Lex russica. – 2020. – № 12. – С. 42–53.

9. Гриценко Е. В. Что же останется от местного самоуправления в единой системе публичной власти? (Проблемы законодательной интерпретации конституционных поправок) // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 50–57.

10. Янбухтин Н. Р. Развитие норм Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в региональной системе права // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – URL: https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/498 (дата обращения: 25.11.2025).

11. Алимов Э. Муниципальная реформа: как новый закон повлияет на жизнь регионов и местной власти // Гарант.ру. – 2025. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/alimov_emil/1804356/ (дата обращения: 25.11.2025).

ESTABLISHING THE PRINCIPLES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT ORGANIZATION AND ACTIVITIES IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. The article is devoted to analysis of evolution of legal principles of organization and activity of local self-government in Russia. The influence of the European Charter of Local Self-Government on the formation of the Russian municipal system, as well as the consequences of its denunciation in 2023 are considered. Special attention is paid to a comparative analysis of the principles enshrined in the Constitution of the Russian Federation, Federal Law 131-FX and new Federal Law 33-FX of 20 March 2025 «On general principles of local self-government organization in a single system of public power». The author explores the transformation of legislative regulation of local self-government in the context of integration of municipal authority into a single system of public power. It is concluded that Russia has formed its own model of development of the institution of local self-government, taking into account international experience and national peculiarities.

Keywords: local government, European Charter of Local Self-Government, principles of organization of local self-government, Federal Law 33-FX, Federal Law 131-FZ, unified public power system, municipal education, denunciation, constitutional framework, legal regulation.

Voishcheva E.V.
Scientific supervisor: Kulakova E. V**.** Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Donetsk State University

УДК 343.713

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Гаврада В.П.
Научный руководитель: Семыкина Л. А., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В статье рассматриваются элементы состава вымогательства, предусмотренного уголовным законодательством. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам вымогательства и отграничению его от смежных составов, таких как грабеж, разбой и самоуправство. Цель данной статьи – представить комплексную уголовно-правовую характеристику вымогательства, выявить проблемные аспекты квалификации.
Ключевые слова: вымогательство, давление, угроза, имущество, деяние в форме действия, имущественные права, последствия, корыстный мотив.

Вымогательство представляет собой серьезную опасность для экономической стабильности, прав собственности и личной безопасности, затрагивая как частных лиц, так и организации. Это преступление, сочетающее в себе элементы имущественного и насильственного преступления, нуждается в глубоком уголовно-правовом анализе для разработки действенных мер противодействия и предупреждения подобных инцидентов. Актуальность исследуемой проблемы определяется не только масштабным распространением вымогательства в разных сферах общества, но и трудностями, возникающими при дифференциации этого преступления от сходных по своей природе деяний. Это обстоятельство создает сложности в правоприменении.

Цель статьи - комплексное изучение уголовно-правовой природы вымогательства, выявление проблем, связанных с его квалификацией.

В статье 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) предусмотрена ответственность за вымогательство [1, с.124].

Вымогательство посягает непосредственно на систему общественных отношений, гарантирующих защиту собственности, стабильность экономической активности, а также имущественные права как граждан, так и юридических лиц. Наряду с этим, в зависимости от выбранных методов, вымогательство может также угрожать дополнительным сферам: неприкосновенности личности, репутации, уважению, здоровью человека, и даже нормальному порядку работы государственных и общественных институтов.

Целью вымогателя становится чужая собственность, права на эту собственность или действия, связанные с имущественными выгодами, которые преступник намеревается заполучить посредством совершения противоправного деяния. Важно подчеркнуть, что данная собственность должна обладать характеристиками, аналогичными предмету кражи: иметь ценность, находиться под правовой охраной и не быть исключением из-под защиты закона [2, ст. 328].

Имущественное право подразумевает возможность предъявления требований о передаче активов, проведении определенных работ или предоставлении услуг, что должно быть подкреплено соответствующей документацией (такой как контракт, завещание или долговая расписка). Действия, носящие характер имущественных, охватывают любой спектр деяний, результатом которых становится получение выгоды в материальном выражении вымогателем или лицами, им указанными. К ним могут относиться, например, аннулирование долговых обязательств, отказ от прав на наследство или заключение соглашения, условия которого неблагоприятны для потерпевшей стороны.

Объективная сторона вымогательства характеризуется двумя обязательными элементами: требованием передачи чужого имущества или права на имущество, совершения других действий имущественного характера и угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Объективная сторона вымогательства проявляется в наличии двух ключевых компонентов:

1. Активное требование: это выражается в предъявлении требования о незаконной передаче чужого имущества, права на него или совершении иных действий, имеющих материальную ценность.

2. Угрожающее воздействие: это включает в себя применение угроз, таких как:

- Физическое насилие.
- Уничтожение или повреждение собственности.
- Распространение порочащих сведений о потерпевшем или его близких.
- Распространение иной информации, способной нанести существенный ущерб законным интересам потерпевшего или его окружения.

Требование представляет собой целенаправленное действие виновного, направленное на то, чтобы принудить потерпевшего к выполнению действий, предусмотренных законом. Оно должно быть четким, понятным для потерпевшего и содержать конкретный указатель на объект вымогательства — будь то имущество, права на него или определенные имущественные действия, которые нужно осуществить. При этом форма предъявления требования не имеет правового значения — оно может быть выражено устно, письменно или через посредника. Акт вымогательства считается завершенным с момента, когда требование становится известным потерпевшему, независимо от того, передано ли имущество в результате или нет.

Угроза представляет собой форму психологического давления, призванную сломить сопротивление жертвы и вынудить ее выполнить чужие требования. Для того чтобы угроза была действенной, она должна восприниматься как реальная и осуществимая, то есть у потерпевшего должны быть основания полагать, что она может быть реализована. Реальность угрозы определяется исходя из обстоятельств дела, личностей участников и их соотношения сил.

Основные типы угроз включают:

- Угроза физической расправы: обещание причинить вред здоровью, вплоть до летального исхода, как самому потерпевшему, так и его близким.
- Угроза материальным потерям: намерение уничтожить или повредить имущество, принадлежащее потерпевшему или его родным.
- Угроза репутационному ущербу: распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию потерпевшего или его близких (например, раскрытие интимных подробностей, информации о неэтичном поведении или недобросовестном исполнении обязанностей).
- Угроза иным существенным вредом: распространение любой другой информации, которая, будучи обнародованной, может нанести значительный ущерб правам и законным интересам потерпевшего или его близких (например, раскрытие медицинских данных, финансовой информации или коммерческой тайны).

Субъектом вымогательства является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. Совершение вымогательства лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, влечет уголовную ответственность взрослых лиц, вовлекших его в совершение преступления (статья 150 УК РФ). Субъективная сторона вымогательства характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом. Лицо осознает общественную

опасность своих действий (требование передачи имущества, сопряженное с угрозой), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения имущественных прав и личной неприкосновенности потерпевшего и желает их наступления.

Корыстный мотив является неотъемлемым признаком субъективной стороны вымогательства и заключается в желании виновного получить материальные блага для себя или третьих лиц. Если корыстный мотив отсутствует, то содеянное не будет квалифицироваться как вымогательство.

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрены несколько отягчающих обстоятельств, которые усиливают уголовную ответственность за вымогательство (части 2 и 3 статьи 163 УК РФ). К этим признакам относятся:

- Совершение вымогательства группой лиц по предварительному сговору: это предполагает участие двух и более граждан, которые заранее договорились о совместном совершении преступления.

- Применение насилия при совершении вымогательства: насилие может выражаться в побоях или причинении потерпевшему телесных повреждений легкой или средней степени тяжести.

- Совершение вымогательства в крупном размере: к такому размеру относится стоимость имущества или размер материальной выгоды, в соответствии с примечанием к части 2 статье 158 УК РФ, крупному размеру при совершении вымогательства относится: «Крупный размер в целях настоящей статьи — стоимость похищенного имущества или сумма материальной выгоды».

- Совершение вымогательства организованной группой: подразумевает устойчивое объединение лиц, которые заранее договорились совершать одно или несколько преступлений вместе.

- Совершение вымогательства с целью получения имущества в особо крупном размере: особо крупным считается стоимость имущества или размер выгоды, значительно превосходящие критерии крупного размера.

- Совершение вымогательства с нанесением тяжкого вреда здоровью потерпевшего: тяжкий вред здоровью определяется в соответствии с Правилами оценки степени тяжести вреда, нанесенного здоровью человека, утвержденными Правительством РФ [3, ст. 54-78].

Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений, таких как грабеж, разбой, самоуправство и принуждение к совершению сделки, представляет определенные сложности в правоприменительной практике.

Отграничение от грабежа и разбоя: главное отличие заключается в способе хищения. При грабеже и разбое имущество изымается немедленно, путем открытого хищения или насилия, тогда как при вымогательстве потерпевшему дается время для принятия решения о передаче имущества, а угроза или насилие направлены на принуждение его к передаче имущества в будущем.

Отграничение от самоуправства: при самоуправстве действия лица направлены на реализацию своего действительного или предполагаемого права, без цели хищения чужого имущества. Тогда как при вымогательстве виновный стремится к получению незаконной имущественной выгоды.

Отграничение от принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения: в отличие от вымогательства, принуждение к совершению сделки направлено на нарушение свободы экономической деятельности, а не на получение имущественной выгоды [4, ст. 191-194].

Поскольку вымогательство является комплексным преступлением, затрагивающим множество аспектов, его точная уголовно-правовая квалификация требует глубокого анализа всех элементов состава преступления. Важно учитывать квалифицирующие

признаки и проводить четкое разграничение с преступлениями, имеющими схожие черты. Развитие теоретических положений уголовного права, накопленный правоприменительный опыт и разработка рекомендаций по квалификации вымогательства повышают эффективность противодействия этому виду преступлений, а также гарантируют защиту законных интересов личности, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.01.2026).

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : Научное издание / под. ред. Г.А. Есаков — Москва : Проспект, 2021. — 1516 с.

3. Зубкова В. И. Уголовное наказание по законодательству России и стран Европы: монография — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 266 с.

4. Голуб П. А. Актуальные вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений — Молодой ученый. — 2022. — № 16 (411). [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://moluch.ru/archive/411/90645 (дата обращения: 08.12.2025). – Загл. с экрана.

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF EXTORTION

Abstract: This article examines the elements of extortion under criminal law. Particular attention is paid to the qualifying features of extortion and its distinction from related offenses, such as robbery, armed robbery, and arbitrariness. The purpose of this article is to present a comprehensive criminal law analysis of extortion.

Keywords: extortion, pressure, threat, property, act in the form of action, property rights, consequences, mercenary motive.

Gavrada V.P.
Scientific adviser: Semykina L. A., associate professor
Donetsk State University
E-mail: vika.gavrada.03@mail.ru

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

Демидович Д.И.,
Научный руководитель: Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, заведующий кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В работе анализируются конституционные и международно-правовые гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, а также уголовно-процессуальные основания и условия законного применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Рассматриваются дискуссионные вопросы определения объекта, объективной и субъективной сторон преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, и круга возможных субъектов ответственности. Особое внимание уделяется критериям незаконности содержания под стражей, включая отсутствие материальных оснований или нарушение процессуального порядка. Обосновывается позиция о нецелесообразности уголовной ответственности за незаконное избрание менее строгих мер пресечения ввиду отсутствия общественной опасности таких деяний.
Ключевые слова: заключение под стражу, незаконное содержание под стражей, личная неприкосновенность, мера пресечения, судебное решение, уголовная ответственность.

Реализация конституционных прав согласно статье 22 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает не только слаженную деятельность правоохранительных органов, но и наличие четких законодательных механизмов возмещения вреда, причинённого гражданам в результате неправомерных действий этих самых органов [1].

Конституционные нормы полностью согласуются с ключевыми международными стандартами в области прав человека — в частности, с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) [2] и статьёй 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), которые также закрепляют право на справедливую компенсацию как один из способов восстановления нарушенных прав [3].

Некоторые исследователи полагают, что таким объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие законное применение меры пресечения в виде содержания под стражей и поддерживающие авторитет судебной власти. Однако подобная трактовка затрудняет чёткое разграничение рассматриваемого состава преступления и других посягательств на функционирование судебной системы.

Существенную сложность вызывает и тот факт, что признание деятельности следственных органов формой осуществления правосудия влечёт за собой ряд теоретических и практических коллизий. Альтернативная точка зрения предполагает, что непосредственным объектом преступления выступает нормальная, законная деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда в части применения мер процессуального принуждения — задержания, заключения или содержания под стражей.

На основании этого, Н.Р. Фасхутдинова предлагает переквалифицировать данные деяния, переместив их из главы о преступлениях против правосудия в главу 17 Уголовного кодекса РФ, посвящённую преступлениям против свободы, чести и достоинства личности [4, с. 176].

Иной подход продемонстрировала Е.М. Зацепина, определив непосредственным объектом общественные отношения, направленные на защиту личности от произвольного лишения свободы как одного из фундаментальных принципов уголовного судопроизводства [5, с. 93].

Следует также отметить отсутствие единого взгляда на дополнительный объект данного состава. В научной литературе в его качестве могут выступать как право гражданина на личную неприкосновенность, так и более широкий комплекс ценностей: личная свобода, честь и достоинство, а также жилищные и имущественные интересы.

Касаемо объективной стороны, то она проявляется в совершении заведомо незаконных действий, выражающихся в заключении лица под стражу или его дальнейшем содержании в условиях изоляции от общества без достаточных на то юридических оснований.

Согласно статье 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержание под стражей как мера пресечения допускается исключительно при наличии веских оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый может:

1. скрыться от органов дознания, следствия или суда;
2. продолжить преступную деятельность;
3. оказать давление на свидетелей или иных участников процесса, уничтожить доказательства либо иным образом воспрепятствовать расследованию или судебному разбирательству [6].

Полномочия по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу, а также по продлению срока такого содержания были переданы исключительно судебным органам. Нормативная реформа обеспечила соответствие уголовно-процессуального законодательства требованиям статьи 22 Конституции РФ, согласно которой «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по решению суда».

Основными целями применения данной меры пресечения выступают:

— предотвращение возможного уклонения лица от следствия или суда;

— исключение риска совершения им новых преступлений;

— недопущение вмешательства в ход уголовного производства и обеспечение последующего исполнения приговора.

В юридической практике основания для избрания меры пресечения условно разделяют на две категории. Как отмечает Зильбернагель Н.А., первая связана с индивидуальными характеристиками подозреваемого (обвиняемого): степень его причастности к деянию, вероятность ненадлежащего поведения, личностные качества. Вторая группа оснований регламентирована статьями 97 и 99 УПК РФ и включает такие факторы, как тяжесть инкриминируемого преступления, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и иные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения [7, с. 50].

Сроки содержания под стражей, они установлены статьёй 109 УПК РФ. Так, на стадии предварительного расследования этот срок не может превышать двух месяцев. Однако при наличии объективной необходимости — в частности, если завершить следственные действия в указанный период невозможно — срок может быть продлён судьёй районного (либо военного) суда в порядке, предусмотренном частью 2 статьи 109 УПК РФ.

Статья 108 УПК РФ устанавливает, что заключение под стражу как мера пресечения может быть применено исключительно по решению суда в отношении подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при условии, что использование иных, менее строгих мер пресечения невозможно.

Вместе с тем, как отмечает Семченко А.А., в отдельных случаях такая мера допускается и при совершении преступления, за которое максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, — но лишь при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

1. отсутствие у лица постоянного места жительства на территории РФ;
2. невозможность установить его личность;
3. нарушение ранее избранной меры пресечения;
4. уклонение от органов предварительного расследования или суда. [8, с. 81].

Согласно части 2 статьи 108 УПК РФ, в отношении несовершеннолетних содержание под стражей возможно только при подозрении или обвинении в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления. Исходя из системного анализа норм

уголовно-процессуального законодательства, под незаконным заключением или содержанием под стражей, на наш взгляд, следует понимать любое отклонение от установленных законом требований к основаниям, условиям и процедуре применения данной меры пресечения.

Некоторые исследователи утверждают, что ключевыми критериями для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу выступают её законность и обоснованность.

Под законностью при этом понимается строгое соблюдение всех процессуальных норм УПК РФ, регулирующих как порядок избрания, так и продление меры пресечения. Обоснованность же трактуется как наличие в представленных суду материалах достоверных данных, подтверждающих необходимость именно такой, наиболее строгой меры.

С.Э. Асликян утверждает о том, что состав преступления, предусмотренного статьёй 301 УК РФ, образует только нарушение формальных оснований и условий заключения под стражу, представляется неточным [9, с. 109].

Основная методологическая ошибка данного подхода заключается в искусственном разделении и противопоставлении «оснований и условий» применения меры пресечения, с одной стороны, и процессуальных норм УПК РФ — с другой. На самом деле эти элементы тесно взаимосвязаны и образуют единый правовой механизм, регулирующий законность ограничения свободы личности в уголовном судопроизводстве.

А.С. Горелик подчёркивает, что заключение под стражу следует признавать незаконным в двух основных случаях: либо, когда отсутствуют фактические (материальные) основания для избрания такой меры пресечения, либо, когда нарушена установленная законом процессуальная процедура её применения — например, не соблюдены требования, предусмотренные статьёй 108 УПК РФ [10, с. 347].

Считается, что состав данного преступления считается оконченным с момента вынесения судом постановления (определения) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей. При этом юридически не имеет значения, было ли решение фактически исполнено — то есть действительно ли лицо помещено в изолятор. Достаточным для завершения преступления является сам факт незаконного судебного решения.

Субъективная сторона преступления выражается исключительно в форме прямого умысла: виновное лицо осознаёт отсутствие законных оснований для избрания или продления меры пресечения, понимает общественно опасный характер своих действий, предвидит возможные негативные последствия и сознательно желает их наступления.

Субъект носит специальный характер — им может выступать только судья, уполномоченный принимать решения о заключении под стражу. Вместе с тем в научной литературе встречаются мнения, согласно которым субъектами незаконного содержания под стражей могут быть и иные должностные лица: например, начальник следственного изолятора, его заместитель, руководитель изолятора временного содержания, а также следователь или прокурор. Однако такие позиции остаются дискуссионными, поскольку формально полномочия по избранию данной меры пресечения принадлежат исключительно суду.

В своей работе К.Л. Чайка рассматривает содержание под стражей как процессуальное действие, имеющее чёткое уголовно-процессуальное содержание. Он подчёркивает, что как заключение под стражу, так и последующее содержание под стражей регулируются не только с точки зрения необходимых процедур и их содержания, но и с учётом круга уполномоченных на их осуществление субъектов. С этим выводом мы полностью согласны [11, с. 152].

Исходя из данной позиции, указанные выше должностные лица — в случае незаконного применения меры пресечения в виде содержания под стражей — должны

нести уголовную ответственность по статьям 127 (незаконное лишение свободы) и 286 (превышение должностных полномочий) УК РФ.

Таким образом, в юридической литературе неоднократно высказывались предложения о расширении уголовной ответственности на случаи незаконного избрания и других мер пресечения — таких как личное поручительство, залог имущества или подписка о невыезде. Однако, на наш взгляд, такие инициативы не обоснованы ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Дело в том, что незаконное применение подобных мягких мер пресечения, как правило, не влечёт за собой существенного ущерба для прав и свобод личности и не обладает признаками общественной опасности — ключевого критерия преступления. Подобные нарушения скорее подпадают под категорию дисциплинарных проступков и могут быть урегулированы в рамках служебной или административной ответственности, а не через институт уголовного наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4376. – Ст. 22.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 14. – Ст. 237.

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2124.

4. Фасхутдинова, Н.Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Р. Фасхутдинова. – Ростов н/Д. - 2019. – 203 с.

5. Чучаев, А.И., Зацепина, Е.М. Уголовно-правовая защита личности в уголовном процессе: монография / А.И. Чучаев, Е.М. Зацепина. – М.: Проспект, 2017. – 184 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – Ст. 97, 99.

7. Зильбернагель, Н.А. Проблемы квалификации и отграничения незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей / Н.А. Зильбернагель // Вестник молодого учёного Кузбасского института: сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Ивашко. – Новокузнецк, 2022. – С. 50–52.

8. Семченко, А.А. Уголовно-правовая характеристика незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей / А.А. Семченко // Вестник молодого учёного Кузбасского института: сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Ивашко. – Новокузнецк, 2022. – С. 81–83.

9. Асликян, С.Э. Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.Э. Асликян. – М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2003. – 491 с.

10. Горелик, А.С., Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 491 с.

11. Чайка К.Л. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве (уголовно-правовые проблемы) / К.Л. Чайка. – Хабаровск, 2014. – 224 с.

CRIMINAL LIABILITY FOR UNLAWFUL DETENTION AND DETENTION

Abstract: The paper analyzes the constitutional and international legal guarantees of the right to freedom and personal inviolability, as well as the criminal procedural grounds and conditions for the lawful application of a preventive measure in the form of detention. The debatable issues of determining the object, objective and subjective sides of the crime provided for in Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the range of possible subjects of responsibility are considered. Special attention is paid to the criteria of illegality of detention, including the absence of material grounds or violation of the procedural order. The position on the inexpediency of criminal liability for the illegal choice of less stringent preventive measures is substantiated due to the lack of public danger of such acts.

Keywords: detention, unlawful detention, personal inviolability, preventive measure, court decision, criminal liability.

Demidovich D.I.,
Scientific supervisor: Levendarenko O. A., associate professor
Donetsk State University
E-mail: d.demidovich1608@gmail.com

УДК 347.42

НЕУСТОЙКА: ПРОБЛЕМЫ ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ И ПРИМЕНЕНИЯ В ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ

Дерий Е.С.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: в статье исследуется правовая природа неустойки как сложного института гражданского права, сочетающего в себе функции обеспечения исполнения обязательств и гражданско-правовой ответственности. Особое внимание уделяется проблеме снижения размера неустойки по статье 333 Гражданского кодекса РФ, который служит балансирующим инструментом между договорной автономией и принципами справедливости, добросовестности и соразмерности. На примере судебной практики демонстрируются случаи злоупотребления правом и обоснованность судебного вмешательства для обеспечения справедливости. В заключении предложены направления совершенствования законодательства для устранения правовой неопределённости.
Ключевые слова: неустойка, санкция, двойственная природа неустойки, обеспечение исполнения обязательств, гражданско-правовая ответственность, снижение неустойки, статья 333 ГК РФ, соразмерность неустойки, злоупотребление правом.

Механизм обеспечения исполнения договорных обязательств - это специальный правовой инструмент, служащий для защиты прав кредитора (стороны, чьи интересы обеспечены договором) от потенциального несоблюдения условий соглашения должником. Суть этого механизма состоит в том, что, помимо основных прав, связанных с обязательством, обеспеченная сторона получает дополнительные возможности для защиты своих интересов в случае, если должник не выполняет предусмотренные обязательства или возникают иные ситуации, предусмотренные законодательством или договором.

С целью предотвращения или снижения негативных последствий для кредитора, а также для побуждения должника к надлежащему исполнению своих обязательств, последние могут быть обеспечены различными способами, предусмотренными статьей 329 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также иными методами в соответствии с законом или соглашением сторон. Одним из наиболее распространенных способов обеспечения обязательств выступает неустойка.

Исторически практика применения неустойки восходит к частному римскому праву, где она реализовывалась посредством определения штрафных санкций, которые должник обязывался уплатить при несоблюдении условий договорного соглашения. Тогда сформировался особый правовой механизм, призванный гарантировать исполнение обязательств. Соглашение о неустойке оформлялось сторонами в виде абстрактного и устного контракта, известного как стипуляция. [7] Оно предоставляло пострадавшей стороне право на компенсацию в свою пользу.

Римские юристы полагали, что нарушение договорных условий влечет уплату денежного штрафа. Должник освобождался от уплаты только если исполнение оказывалось невозможным по причине обстоятельств, находящихся вне его контроля. В римском праве неустойка являлась мерой воздействия на должника, побуждая его соблюдать принятые обязательства.

Согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойка представляет собой денежное взыскание, размер которого заранее определяется договором или судом и применяется в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств. [1] Данная «штрафная санкция» в свою очередь делится на два вида: законную и договорную.

Разграничение договорной и законной неустойки осуществляется с опорой на их функциональное назначение и источник происхождения. Договорная неустойка определяется волей сторон и чаще проявляет комбинированный характер обеспечения и наказания, тогда как законная неустойка вытекает непосредственно из норм права и ориентирована преимущественно на компенсацию определенных интересов.

В современном мире развитие предпринимательской деятельности усиливает практическое значение неустойки как инструмента обеспечения обязательств. Данный институт играет ключевую роль в практической деятельности участников гражданских отношений, способствуя соблюдению интересов сторон и поддержанию стабильности правоотношений, это обуславливает актуальность темы исследования.

В отечественной правовой доктрине преобладает позиция о двойственном характере неустойки. С одной стороны, она выступает механизмом стимулирования надлежащего исполнения обязательств - побуждая должника соблюдать условия договора под угрозой финансовых санкций. С другой стороны, неустойка как мера ответственности за нарушение договорных обязательств выступает инструментом для компенсации потерь кредитора.

Г.Ф. Шершеневич в своём труде подчеркивал характерный для неустойки дуализм. Он отмечал, что она выполняет две функции: во-первых, является инструментом обеспечения исполнения договорных соглашений, во-вторых средством заранее определённой компенсации за ненадлежащее исполнение обязательства. По мнению автора, неустойка создаёт необходимое мотивационное давление на должника, обеспечивая предсказуемость в вопросе возмещения ущерба, исключая необходимость доказывания фактических убытков. [11]

Судебная практика также признаёт эту двойственность. Например, в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 08.12.2014 № 07АП-10715/2014 по делу № А27-15725/2014 отмечено, что неустойка, как предусмотрено пунктом 1 статьи 330 ГК РФ, совмещает в себе признаки как меры гражданско-правовой ответственности, так и способа обеспечения исполнения обязательства. Суд подчеркнул, что после наступления условия, при котором обязательство считается нарушенным - например, просрочки исполнения - первоначальная стимулирующая функция неустойки утрачивает свою актуальность, поскольку должник уже не может «исправить» ситуацию путём исполнения. В этот момент штраф смещается с предотвращения нарушения на компенсацию причинённого ущерба. [4]

Двойственность неустойки в своём исследовании отмечает Петухова И.Э., говоря о её присутствии в двух главах Гражданского кодекса РФ: в главе 23, которая посвящена обеспечению исполнения обязательств, и в главе 25, рассматривающей ответственность за нарушение обязательств. Это свидетельствует о признании законодателем двойственной правовой природы неустойки. [8]

С другой стороны, Гапанович А.В. рассматривает неустойку исключительно как меру ответственности. В своей работе он утверждает, что величина, зафиксированная в статье 308 ГК РФ, фактически является штрафом за невыполнение предписанных судом действий в пользу кредитора. [5]

В научной среде также существуют представления о том, что неустойка не должна рассматриваться как мера обеспечения исполнения обязательств. Например, Пучковская И.И. определяет неустойку как штраф, который, выступая в роли имущественного наказания для должника, частично компенсирует убытки кредитора, которые возникли из-за невыполнения условий договора. На этапе установления неустойки и до ее уплаты она рассматривается как мера гражданско-правовой ответственности, применяемая только при нарушении договорных обязательств. [9]

Таким образом, в юридической науке отсутствует единый подход к определению правовой неустойки как способа исполнения обязательств.

Исходя из вышеобозначенного, неустойка представляет собой заранее установленную договором или судом денежную санкцию, применяемую при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств. По своей юридической природе она сочетает признаки обеспечительной меры и самостоятельной формы ответственности, поскольку одновременно служит средством предупреждения нарушения и основанием для взыскания без необходимости доказывания фактического вреда. Как обеспечительная мера неустойка направлена на стимулирование добросовестного исполнения обязательств, а как форма ответственности - на реализацию принципа договорной дисциплины.

Штрафная функция неустойки выполняет превентивную роль, направленную на стимулирование надлежащего исполнения обязательств через угрозу юридически обеспеченного санкционирования. Наличие заранее оговоренной финансовой санкции повышает вероятность соблюдения сроков и условий договора, так как создает экономический стимул для добросовестного поведения сторон.

Компенсаторный характер неустойки заключается в ее функции восстановления имущественного положения кредитора в той мере, в которой оно нарушено ненадлежащим поведением должника. В теории гражданского права эта функция соотносится с принципом полного возмещения понесенных убытков и направлена на устранение фактического ущерба. При этом компенсаторная природа неустойки не исключает наличия иных целей ее установления. Но помимо этого при помощи неустойки кредитор может возместить, в случае невыполнения должником своего обязательства, все свои потери быстрым и простым образом. Сопоставление установленной неустойки и фактических потерь позволяет оценить степень реализации принципа полного возмещения и устанавливает критерии законности размеров неустойки.

Так, ещё одним важный аспектом, рассматриваемым в рамках данного исследования, является возможность уменьшения судом размера неустойки. Несмотря на кажущуюся простоту ее расчёта, нередко суд принимает решение о несоразмерности требований и уменьшает неустойку, руководствуясь ст. 333 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 333 ГК РФ, существует возможность снижения размера неустойки, если её сумма существенно превосходит фактически нанесённый ущерб. [1]

Ключевым аспектом при анализе соразмерности неустойки является сопоставление её величины с объёмом понесённых убытков. Определение соразмерности неустойки по отношению к последствиям нарушения обязательства представляет собой субъективную категорию, что позволяет судебным органам проводить оценку, опираясь на собственное профессиональное суждение и конкретные обстоятельства дела. При принятии решения о снижении размера неустойки суд принимает во внимание множество факторов: равновесие интересов сторон, компенсационную роль неустойки, масштаб основного обязательства и адекватность размера неустойки тем последствиям, которые возникли вследствие неисполнения договорных обязательств. При этом важно помнить, что основная цель неустойки заключается в побуждении должника к выполнению своих обязательств, а не в обеспечении необоснованного обогащения кредитора.

Сопоставление договорной неустойки с реальными убытками часто вызывает затруднения при доказательстве объема причиненного ущерба. Практика показывает, что формальное наличие санкции в договоре не всегда отражает действительный размер понесенных кредитором убытков. Трудности возникают также при учете косвенных потерь и прогнозируемых последствий нарушения обязательств.

Термин «явная несоразмерность» вызывает сложности толкования из-за неопределённости границ его применения и высокой степени оценочности при конкретном рассмотрении дела. Это порождает разнонаправленную практику и увеличивает риски непредсказуемости для сторон в гражданском обороте. Для

минимизации правовой неоднозначности требуется более детальная методология оценки соразмерности и последовательная мотивировка судебных решений.

Таким образом, статья 333 ГК РФ функционирует как инструмент судебного контроля за размером взысканной неустойки и направлена на предотвращение злоупотреблений при взыскании штрафных санкций. Её применение позволяет корректировать договорные последствия, если установленная неустойка явно превышает размер убыточных последствий. Юридическая природа нормы определяется её ролью в установлении соответствия и правовой справедливости при исполнении обязательств.

В Определении Конституционного суда РФ от 15 января 2017 года № 7-О отмечено, что корректировка величины неустойки – законный механизм борьбы со злоупотреблением правами. [2]

Существует мнение, что статья 333 ГК РФ противоречит диспозитивному методу и принципам гражданско-правового регулирования.

Например, Ю.А. Свирин утверждает, что положения данной статьи предоставляют суду возможность игнорировать принцип свободы договора и существенно уменьшать значение договорной ответственности. [10]

Д.А. Гришин, в свою очередь, занимает довольно категоричную позицию по этому вопросу, отмечая, что принцип обязательности договора не влияет на право суда снижать размер установленной неустойки; он связывает только стороны, но не суд. [6]

Как известно, физические и юридические лица вправе реализовывать свои права, руководствуясь собственными интересами, что закреплено в пункте 2 статьи 1 ГК РФ. Статья 421 ГК РФ устанавливает свободу договора: стороны самостоятельно определяют его содержание при условии соблюдения законодательства. [1]

При этом договорные отношения нередко содержат условия, несправедливые для одного из участников. Стороны часто заблаговременно согласовывают и фиксируют в тексте договора положения об уплате неустойки. Сторона, находящаяся в уязвимом положении, порой проявляет повышенную заинтересованность в заключении сделки. Контрагент, обладающий более сильной позицией, способен воспользоваться таким дисбалансом и установить размеры договорной неустойки, существенно превосходящие законодательные ориентиры.

Принцип справедливости выступает квалифицирующим ориентиром при корректировке договорных условий о неустойке, поскольку позволяет соотнести санкционную функцию неустойки с принципами равенства и добросовестности сторон. Корректировка направлена на устранение очевидной несоразмерности между неблагоприятными последствиями для должника и реальным вредом, понесённым кредитором.

Судебная практика демонстрирует случаи, когда неустойка превышала в 2,73 раза сумму долга. Так, в деле № А43-17823/2021 от 24 февраля 2022 года, рассмотренном Первым арбитражным апелляционным судом, суд отметил: «Вопреки позиции заявителя апелляционной жалобы, суд верно учел соотношение суммы долга и неустойки (сумма долга превышает в три раза). При этом сумма долга и процентов превышает в 9,2 раза установленный судом размер неустойки, и, напротив, заявленная к возмещению сумма неустойки 1 031 976 руб. 60 коп. превышает совокупный размер задолженности и процентов и в 2,73 раза больше суммы долга... При данных обстоятельствах суд апелляционной инстанции считает, что уменьшение размера неустойки, предусмотренного в договоре (41,8 % в день или 15 257 процентов годовых) до 103 197 руб является обоснованным, учитывая все детали и при соблюдении баланса интересов сторон. [3]

Данный прецедент наглядно демонстрирует ситуацию злоупотребления положением со стороны одного участника договора, превращая механизм обеспечения исполнения в инструмент необоснованного обогащения кредитора и подрывая принцип

добросовестности, закреплённый в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Судебное усмотрение при оценке договорных условий, касающихся размера неустойки, имеет определенные рамки, установленные законодательством и правоприменительной практикой. Полное исключение ответственности за нарушение обязательства или снижение ее до символического значения, если нарушение обязательства имело место - не допускается. Целью снижения является приведение неустойки в соответствие с принципом соразмерности, а не освобождение должника от ответственности.

Таким образом, механизм снижения неустойки служит не ограничением договорной автономии, а её правовым уточнением во благо справедливости и стабильности гражданского оборота. В условиях растущей сложности коммерческих отношений и распространения стандартных договоров, где одна из сторон часто оказывается в позиции правовой уязвимости, роль суда как арбитра баланса интересов приобретает особое значение.

В заключении, проведённый анализ подтвердил двойственную правовую природу неустойки как института, сочетающего компенсационную и штрафную функции. Первая направлена на возмещение потенциальных убытков кредитора, вторая служит стимулом для надлежащего исполнения обязательств.

Для минимизации выявленных проблем, связанных с применение статьи 333 ГК РФ, необходима разработка унифицированных методик расчёта соразмерности неустойки, включая введение ориентировочных коэффициентов. Такой подход обеспечит предсказуемость судебных решений и снизит риски злоупотреблений со стороны участников гражданского оборота. Унификация правоприменительных стандартов будет способствовать укреплению стабильности договорных отношений и позволит усовершенствовать правовой механизм, способствующий защите как прав кредитора, так и прав должника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

2. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 г. № 7-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012015-n-7-o-ob/

3. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2022 г. по делу № А43-17823/2021[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/LtzmVFwUDpVN/

4. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 08.12.2014 № 07АП-10715/2014 по делу № А27 15725/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=310793350699669652470079&cacheid=F60DB2B600F0B0A7FBE40DF08A9F26D2&mode=splus&base=RAPS007&n=77529&rnd=BDB30F167A715EF1CF44A738E3CBEF06 #6g6h7yf25o

5. Гапанович А.В. Обзор дополнительных гарантий прав государственных (муниципальных) заказчиков при нарушении обязательств контрагентом в свете последних изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Право и экономика. 2015. № 7. С. 34.

6. Гришин Д. А. Неустойка: теория, практика, законодательство. – М.: Статут. 2005. С. 110.

7. Новицкий И.Б. Римское частное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 607 с.

8. Петухова И.Э. Проблемы применения законной неустойки за нарушение сроков передачи объектов недвижимости // Юрист. 2016. № 13. С. 36.

9. Пучковская И. И. Неустойка не является способом обеспечения исполнения обязательств // Юрист. 2013. № 7. С. 37.

10. Свирин Ю.А. Правомерность снижения неустойки судом // Современное право. 2018. № 12. С. 77.

11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. – М.: Спарк. 1995. С. 293.

PENALTY: PROBLEMS OF DUAL NATURE AND APPLICATION IN CONTRACTUAL PRACTICE

Abstract: The article examines the legal nature of penalty as a complex institution of civil law, which combines the functions of ensuring the fulfillment of obligations and civil liability. Special attention is paid to the issue of reducing the amount of penalty under Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, which serves as a balancing tool between contractual autonomy and the principles of fairness, good faith, and proportionality. The article uses court cases to demonstrate cases of abuse of rights and the justification for judicial intervention to ensure fairness. In conclusion, the article proposes ways to improve legislation to eliminate legal uncertainty.

Keywords: penalty, sanction, dual nature of penalty, enforcement of obligations, civil liability, reduction of penalty, Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, proportionality of penalty, abuse of right.

Deriy E.S.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T.S., senior lecturer
Donetsk State University

УДК 347.42

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Дзюбан Д.В.
Научный руководитель Липинский В.В., д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется правовая природа договора банковского счёта как самостоятельного гражданско-правового института, рассматриваются понятие, сущность, признаки и место договора банковского счёта в системе финансово-правовых и гражданско-правовых отношений. Особое внимание уделяется анализу нормативного определения, соотношению договора банковского счёта с договором банковского вклада, а также проблеме его отнесения к публичным договорам. В работе формулируется авторская редакция понятия договора банковского счёта, отражающая его юридическую природу, цели, содержание прав и обязанностей сторон, а также делается вывод о целесообразности признания данного договора автономным видом гражданско-правового договора.
Ключевые слова: договор банковского счёта, безналичные расчёты, кредитная организация, клиент, банковские операции.

В условиях цифровизации экономики и активного развития безналичных расчётов договор банковского счёта приобретает особое значение в системе гражданско-правовых и финансово-правовых отношений. Массовое распространение банковских карт, электронных платёжных средств и дистанционных банковских сервисов обуславливает устойчивый рост числа заключаемых договоров банковского счёта, что подтверждает их ключевую роль в современном гражданском обороте. Именно через данный договор реализуется большинство расчётных операций, обеспечивается сохранность денежных средств клиентов и стабильность платёжной системы в целом.

Несмотря на достаточно подробную и формально выверенную регламентацию договора банковского счёта, закреплённую в главе 45 Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), в современной юридической доктрине по-прежнему сохраняется широкий спектр дискуссионных вопросов, касающихся его правовой природы, функционального назначения и системного положения среди иных гражданско-правовых договоров. Особое внимание исследователей привлекает проблема соотношения договора банковского счёта с иными обязательственными конструкциями, в том числе с договором хранения, займа и возмездного оказания услуг, а также вопрос о возможности квалификации данного договора в качестве публичного в смысле статьи 426 ГК РФ.

Не менее значимым остаётся и вопрос легального определения договора банковского счёта, содержащегося в статье 845 ГК РФ. По мнению ряда авторов, указанная норма формулирует лишь базовую модель обязательства, не раскрывая в полной мере его экономико-правовую сущность, сложную структуру корреспондирующих прав и обязанностей сторон, а также специфику банковской деятельности как профессионального и лицензируемого вида предпринимательства. В условиях цифровизации финансовой сферы и активного внедрения дистанционных каналов обслуживания действующее нормативное определение всё в большей степени демонстрирует свою ограниченность и требует научного переосмысления.

В этой связи актуализируется проблема комплексного и системного анализа договора банковского счёта как самостоятельного, обособленного и функционально сложного вида гражданско-правового договора. Современные формы банковского обслуживания — включая использование мобильных приложений, систем дистанционного банковского обслуживания, электронных платёжных инструментов — существенно трансформируют практическое содержание соответствующего обязательства. Между тем правовая конструкция договора не всегда отражает данные

изменения, что может обусловливать возникновение правоприменительных коллизий, неоднозначность судебной практики и различия в доктринальных подходах к толкованию норм законодательства.

Недостаточная определённость отдельных элементов правовой модели договора банковского счёта способна повлечь сложности при квалификации спорных правоотношений, разграничении ответственности сторон, а также при определении объёма обязанностей кредитной организации по обеспечению сохранности денежных средств клиента и надлежащего исполнения распоряжений о перечислении средств. В условиях стремительного развития платёжных технологий и расширения спектра финансовых сервисов указанные проблемы приобретают не только теоретическое, но и выраженное практическое значение.

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ правовой природы договора банковского счёта, выявление его квалифицирующих признаков, определение места в системе гражданско-правовых договоров, а также формирование аргументированной позиции относительно необходимости уточнения и расширения его легального определения. Представляется целесообразным учитывать как сложившиеся доктринальные подходы, так и современные социально-экономические условия функционирования банковской системы, характеризующиеся цифровой трансформацией финансового рынка и усилением роли безналичных расчётов.

Актуальность обозначенной проблематики подтверждается и статистическими данными Банк России. Согласно сведениям статистического бюллетеня регулятора, по итогам четвертого квартала 2025 года общее количество выпущенных банковских карт достигло 15,45 млн единиц, что отражает увеличение показателя на 3,9 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Данная динамика свидетельствует о продолжающемся расширении использования банковских карт как одного из ключевых инструментов безналичных расчётов в Российской Федерации, а также о возрастании значения договора банковского счёта как правовой основы участия граждан и организаций в современном платёжном обороте. [6, 242].

Наибольший удельный вес в структуре эмиссии банковских карт традиционно приходится на физических лиц. Так, количество карт, выпущенных для данной категории клиентов, увеличилось на 14,3 млн единиц, что составляет рост на 2,9 %. Это отражает продолжающееся вовлечение населения в систему безналичных расчётов, активное использование банковских карт для осуществления повседневных платежей, получения заработной платы, социальных выплат, а также для дистанционного доступа к банковским услугам.

Одновременно наблюдается рост числа банковских карт, эмитированных для юридических лиц, которое увеличилось на 129 тыс. единиц, что соответствует приросту на 2,0 %. Несмотря на меньшие абсолютные показатели по сравнению с сегментом физических лиц, данная динамика свидетельствует о расширении использования корпоративных карт в предпринимательской деятельности, в том числе для расчётов с контрагентами, оплаты хозяйственных расходов и оптимизации финансовых процессов внутри организаций.

Для того чтобы получить карту, следует открыть счет и заключить соответствующий договор с банком, а вследствие этого возрастает также число заключенных договоров банковского счета, поэтому значимость изучения данного вида соглашений, в частности его правовой природы, весьма высока.

Открытие и ведение банковских счетов – традиционная банковская услуга, регулируемая гражданским законодательством. Предоставление банком услуг по ведению счёта привлекает клиентов, поскольку клиент заинтересован в сохранности денежных средств, находящихся в банке. Современный научно-технический прогресс предоставляет возможность реализовывать операции со счётом клиента эффективно и

надежно.

Использование банковского счёта подразумевает реализацию безналичных расчётов, что играет грандиозное экономическое значение в ускорении оборота денежных средств, уменьшении применения наличных денежных средств. Иными словами, банковский счёт – это вид взаимодействия между банком и его клиентом, либо же, – система взаимоотношений между банками и их клиентами, а также иными банками.

Прежде возникший договор банковского вклада был дополнен обязанностями банка по осуществлению новых банковских операций, ориентированных на обслуживание счёта, что стало базой договора, о котором пойдет речь в данной работе [1, 2].

Ранее Суд также давал разъяснения по обязательству банка по исполнению условий договора счёта, в том числе напоминая, что банк не вправе ограничивать распоряжение клиентских средств сверх установленных законов и договорных условий. Например, в Определении Верховного Суда РФ № 5-КГ20-8 от 09.06.2020 суд разъяснил ключевые обязательства банка по приёму и зачислению средств, а также по исполнению распоряжений клиента о перечислении и выдаче денежных средств в соответствии с условиями договора. Такое толкование обеспечивает защиту прав клиента и уточняет объективную обязанность банков по исполнению договорных условий. Эти позиции Верховного Суда РФ свидетельствуют о развитии практики, ориентированной на более чёткое соблюдение требований закона при исполнении договора банковского счёта, и укрепляют правовую позицию клиентов, выступающих слабой стороной в обязательстве.

Исторически договор банковского счёта сформировался в рамках договора банковского вклада, который на ранних этапах развития банковской деятельности выполнял преимущественно функцию хранения денежных средств граждан и обеспечения их сохранности. В условиях ограниченного оборота денежных средств и преобладания наличных расчётов банки выступали, по сути, хранителями капитала, а отношения между банком и вкладчиком носили относительно простой и односторонний характер, ориентированный на сбережение денежных средств.

С развитием товарно-денежных отношений, усложнением экономических связей и постепенным переходом к безналичным формам расчётов функции банков существенно расширились. Кредитные организации стали не только аккумулировать денежные средства, но и активно участвовать в их перераспределении, обеспечивать расчёты между хозяйствующими субъектами и физическими лицами, а также предоставлять комплексные финансовые услуги. В этих условиях договор банковского вклада перестал в полной мере отвечать потребностям экономического оборота, поскольку он не предусматривал активного распоряжения денежными средствами со стороны клиента.

Указанные изменения обусловили формирование нового договорного механизма, ориентированного не столько на хранение денежных средств, сколько на их движение и использование в гражданском обороте. Таким механизмом стал договор банковского счёта, в рамках которого на банк была возложена обязанность по зачислению денежных средств, исполнению распоряжений клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм, а также осуществлению иных расчётных операций. В отличие от договора банковского вклада, договор банковского счёта изначально был направлен на обслуживание текущих финансовых потребностей клиента и обеспечение его участия в системе безналичных расчётов. Изучаемый договор отличался от договора банковского вклада тем, что последний исполнял роль обслуживания гражданина. Это значило, что договор банковского счёта был независимым гражданско-правовым, самостоятельным, но в то же время смежным с договором вклада.

Основным нормативно-правовым актом, которым регулируется договор банковского счета, является ГК РФ, в нем данному договору посвящена глава 45[2].

Анализ легального определения договора банковского счёта позволяет сделать вывод о его функциональной направленности на обслуживание расчётных операций клиента. Банк, выступая профессиональным участником гражданского оборота, принимает на себя обязанность по зачислению денежных средств на счёт клиента, исполнению его распоряжений о перечислении и выдаче соответствующих сумм, а также осуществлению иных операций, предусмотренных договором и законодательством. В свою очередь, клиент наделяется правом распоряжения денежными средствами и несёт обязанность по оплате банковских услуг в установленном размере.

Ефимова Л.Г., доктор юридических наук, сопоставив нормы гражданского закона и иных нормативных правовых актов, пришла к формулировке более полного понятия договора банковского счёта [3, 179].

Взяв за основу позицию автора, представляется изложение исследуемого определения в новой форме: «Договор банковского счёта – соглашение, в соответствии с которым банк водружает на себя обязанность по зачислению денежных средств в доступной для клиента форме (наличной или безналичной), исполнять платежные поручения в части переводов безналичных денежных средств со счёта, открытого на имя клиента, на счёт третьих лиц либо на счёт клиента, имеющийся в ином кредитном учреждении, выдавать денежные средства со счёта клиенту, реализовывать ведение счёта в соответствии с договором, инструкциями или законом, а клиент возлагает на себя обязанность уплачивать предоставленную услугу в виде денежной комиссии».

Юридическая природа договора банковского счёта раскрывается посредством анализа совокупности его квалифицирующих признаков, позволяющих определить место данного обязательства в системе гражданско-правовых договоров. В отечественной цивилистической доктрине традиционно признаётся, что договор банковского счёта относится к числу консенсуальных, возмездных и двусторонне обязывающих договоров. Такая характеристика получила устойчивое закрепление как в научных исследованиях, так и в учебной литературе по гражданскому праву.

Консенсуальный характер договора означает, что он считается заключённым с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям в порядке, предусмотренном статьями 432 и 845 ГК РФ. Иными словами, возникновение прав и обязанностей сторон не ставится в зависимость от фактического зачисления денежных средств на счёт клиента. Само по себе открытие счёта и оформление договорных отношений уже образуют юридическую связь между банком и клиентом. Денежные средства, поступающие на счёт впоследствии, лишь наполняют обязательство экономическим содержанием, но не являются условием его возникновения. Такой подход подчёркивает автономность волеизъявления сторон и приоритет договорного начала в регулировании банковских отношений.

Возмездный характер договора банковского счёта проявляется во взаимном имущественном предоставлении сторон. В соответствии со статьёй 851 ГК РФ клиент обязан оплачивать услуги банка по совершению операций с денежными средствами, находящимися на счёте. В то же время статья 852 ГК РФ предусматривает обязанность банка уплачивать проценты за пользование денежными средствами клиента, если иное не установлено договором. Таким образом, экономическая модель рассматриваемого обязательства строится на принципе эквивалентности встречных предоставлений: клиент оплачивает расчётно-кассовое обслуживание, а кредитная организация использует привлечённые средства в своей предпринимательской деятельности, компенсируя это начислением процентов либо предоставлением иных выгодных условий обслуживания.

Двусторонне обязывающий (синаллагматический) характер договора обусловлен наличием взаимных прав и обязанностей у каждой из сторон. Банк принимает на себя обязанность открывать и вести счёт, зачислять поступающие денежные средства,

исполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче сумм, обеспечивать сохранность денежных средств и конфиденциальность информации о счёте. Клиент, в свою очередь, обязан соблюдать установленные правила банковского обслуживания, оплачивать услуги банка, предоставлять необходимые документы и распоряжения в надлежащей форме. Наличие корреспондирующих прав и обязанностей свидетельствует о балансе интересов сторон и исключает возможность квалификации данного договора как односторонне обязывающего.

Особое значение для характеристики договора имеет определение его субъектного состава. С одной стороны выступает кредитная организация — юридическое лицо, осуществляющее банковские операции на основании лицензии, выданной Банк России. С другой стороны — клиент, которым может быть как физическое, так и юридическое лицо. Специфика статуса кредитной организации, действующей в целях извлечения прибыли и находящейся под надзором Банка России, придаёт рассматриваемому обязательству профессиональный характер и обуславливает повышенные требования к качеству и безопасности банковских услуг.

В научной литературе высказанная позиция о консенсуальном, возмездном и двустороннем характере договора банковского счёта поддерживается рядом авторитетных исследователей, в том числе доктором юридических наук Е.А. Сухановым, который подчёркивает самостоятельность данного договорного типа и его сложную правовую природу, сочетающую элементы расчётных и обязательственных отношений.

Отдельного и детального рассмотрения в науке гражданского права заслуживает проблема публичного характера договора банковского счёта. Дискуссия вокруг данного вопроса обусловлена спецификой правового регулирования соответствующих отношений и двойственной природой обязанностей кредитной организации по заключению договора с клиентом.

Согласно статье 846 ГК РФ, банк обязан заключить договор банковского счёта с клиентом, который обратился с предложением об открытии счёта и выразил согласие соблюдать установленные банком условия, не противоречащие законодательству и банковским правилам. Тем самым законодатель закрепляет императивное требование к кредитной организации не уклоняться от вступления в договорные отношения при наличии объективной возможности обслуживания. Отказ допускается лишь в строго ограниченных случаях — например, при отсутствии технической или организационной возможности открытия счёта либо при наличии прямого запрета, установленного законом или иными нормативными правовыми актами.

В то же время статья 426 ГК РФ определяет публичный договор как соглашение, которое коммерческая организация обязана заключать с каждым, кто к ней обратится, на одинаковых условиях и без предпочтения одному лицу перед другим. Формально отдельные черты договора банковского счёта действительно совпадают с указанной моделью: банк осуществляет профессиональную деятельность, ориентированную на неопределённый круг лиц, а его право на отказ в заключении договора существенно ограничено законом.

Однако при более глубоком анализе выявляются и существенные отличия. Банковское законодательство и практика банковского обслуживания допускают дифференциацию условий договора в зависимости от категории клиента (физическое или юридическое лицо), объёма и характера операций, финансовых показателей, уровня риска, а также иных факторов, имеющих значение для кредитной организации. Тарифная политика банков, различные пакеты услуг, специальные условия для корпоративных клиентов, индивидуальные процентные ставки — всё это свидетельствует о том, что единообразие условий, характерное для классического публичного договора, в рассматриваемой сфере отсутствует.

Именно это обстоятельство обусловливает наличие различных доктринальных

подходов к квалификации договора банковского счёта. Часть исследователей считает его разновидностью публичного договора, аргументируя свою позицию социальной значимостью банковских услуг и обязанностью банка обслуживать каждого обратившегося при наличии возможности. Другие авторы, напротив, подчёркивают самостоятельность данной договорной конструкции и указывают лишь на её «приближённость» к публичному договору.

Так, в научной литературе высказывается позиция о том, что по своему характеру договор банковского счёта действительно близок к публичному, однако полностью отождествлять их неправомерно. Банк связан обязанностью заключить договор с обратившимся лицом при соблюдении установленных условий, но при этом сохраняет возможность отказа в случаях, прямо предусмотренных законом. Наличие подобных исключений, а также возможность варьирования условий обслуживания не позволяют говорить о безусловной публичности данного обязательства[4, 653].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о субъектном составе. В практике и доктрине нередко указывается, что элементы публичности наиболее отчётливо проявляются в случаях, когда клиентом выступает физическое лицо, использующее счёт для личных, семейных или иных непредпринимательских целей. В подобной ситуации банковская услуга приобретает черты социально значимой, а клиент фактически оказывается в более слабом положении по сравнению с профессиональным участником финансового рынка. Напротив, договор банковского счёта, заключённый с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем в целях осуществления предпринимательской деятельности, как правило, не рассматривается в качестве публичного, поскольку стороны находятся в более равном экономическом положении и могут согласовывать индивидуальные условия сотрудничества.

Следует также учитывать, что признание договора банковского счёта публичным в полном объёме автоматически означало бы распространение на него всех последствий, предусмотренных для публичных договоров. Между тем правовое регулирование в рамках ГК РФ предусматривает лишь два ключевых признака публичности:

– обязанность коммерческой организации заключить договор с любым обратившимся лицом при наличии возможности предоставления соответствующих услуг;

– установление одинаковых условий для всех потребителей, за исключением случаев предоставления льгот отдельным категориям граждан.

Если первый признак в значительной степени присущ договору банковского счёта, то второй реализуется лишь частично. Банки вправе устанавливать различные тарифы, специальные предложения и индивидуальные условия, что объективно исключает полное равенство договорных параметров для всех клиентов.

Следовательно оговор банковского счёта нельзя безусловно отнести к категории публичных договоров. Он обладает отдельными элементами публичности, связанными с ограничением свободы банка в отказе от заключения договора, однако по совокупности признаков представляет собой самостоятельную гражданско-правовую конструкцию со специфическим режимом правового регулирования. Подобная двойственность и порождает продолжающиеся научные дискуссии, требующие дальнейшего теоретического осмысления и уточнения на уровне правоприменительной практики.

Объект договора банковского счёта в гражданско-правовой доктрине раскрывается через характеристику тех юридически значимых действий, которые обязуется осуществлять кредитная организация в интересах клиента. Речь идёт о комплексной деятельности банка по открытию счёта, его ведению, отражению операций в учётных регистрах, исполнению платёжных распоряжений, а также по выдаче либо перечислению остатка денежных средств по требованию владельца счёта. Следовательно, объектом обязательства выступает не материальный носитель денежных

средств, а профессиональная деятельность банка по обеспечению функционирования счёта как инструмента участия в имущественном обороте.

Ключевым элементом рассматриваемого обязательства является исполнение операций по счёту от имени и по поручению клиента. Банк не действует по собственной инициативе (за исключением случаев, прямо предусмотренных законом или договором), а реализует волю владельца счёта, выраженную в форме платёжных поручений, заявлений или иных распоряжений. Таким образом, содержание договора ориентировано на обеспечение возможности клиента распоряжаться принадлежащими ему денежными средствами в безналичной форме через посредство банковской инфраструктуры.

Для владельца счёта основная цель заключения договора заключается в получении устойчивого и юридически гарантированного доступа к системе безналичных расчётов. Наличие банковского счёта позволяет участвовать в экономическом обороте, осуществлять переводы, оплачивать обязательства, получать доходы и иные поступления без использования наличных денежных средств. В современных условиях банковский счёт фактически становится обязательным элементом финансовой деятельности как граждан, так и организаций, обеспечивая их интеграцию в платёжную систему государства.

Важно учитывать и правовую специфику денежных средств на счёте. Они не сохраняют форму индивидуально-определённых вещей, а трансформируются в обязательственное требование клиента к банку на соответствующую сумму. Иначе говоря, клиент приобретает право требовать от банка совершения определённых действий — перечисления, выдачи либо иного распоряжения денежными средствами в пределах остатка по счёту. Следовательно, объект договора имеет обязательственно-правовую природу и связан с динамикой имущественных прав, а не с передачей конкретных денежных знаков.

Учеными выделяется два основных определения места договора банковского счёта в среде безналичных платежей. Мнение некоторых авторов (например, Е. Б Козлова) заключается в том, что договор является самостоятельным [5, с. 77-80]. Другие авторы (например, К.А. Костина) считают, что договор больше относится к смешанному типу, объединяя в себе обязанности договора кредита, поручения, агентирования, хранения и самого договора на возмездное оказание услуг.

Таким образом, понятие договора банковского счёта урегулированост. 845 ГК РФ, однако, по нашему мнению, это понятие не в полном размере отражает юридическую природу договора, что может вызывать правовые коллизии, следовательно, предлагаем внести изменения в ст. 845 ГК РФ, изложив термин в новой редакции:

«Договор банковского счёта – соглашение, в соответствии с которым банк водружает на себя обязанность по зачислению денежных средств в доступной для клиента форме (наличной или безналичной), исполнять платежные поручения в части переводов безналичных денежных средств со счёта, открытого на имя клиента, на счёт третьих лиц либо на счёт клиента, имеющийся в ином кредитном учреждении, выдавать денежные средства со счёта клиенту, реализовывать ведение счёта в соответствии с договором, инструкциями или законом, а клиент возлагает на себя обязанность оплачивать предоставленную услугу в виде денежной комиссии».

К признакам договора банковского счёта следует отнести: консенсуальность (договор признаётся заключенным с момента согласованиясущественных и иных его условий); возмездный характер отношений (взаимный расчёт); его двусторонность (участвуют две стороны: клиент и кредитная организация). Кроме того, договор банковского счёта следовало бы расценивать как обособленный (автономный) вид гражданско-правового договора, поскольку он выделяется объективной определенностью, субъектным составом, специальными обязанностями банка, что

отличает его от других договорных конструкций в гражданском законодательстве.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в уточнении места договора банковского счёта в системе гражданско-правовых обязательств и развитии доктринальных представлений о его правовой природе. Практическое значение исследования состоит в возможности использования сформулированных выводов при толковании и применении норм гражданского законодательства, а также при разработке и корректировке договорной документации кредитных организаций.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении связаны с анализом влияния цифровых технологий и дистанционных банковских сервисов на содержание и форму договора банковского счёта, а также с изучением особенностей правового регулирования отдельных видов банковских счетов и совершенствованием соответствующих норм гражданского законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витрянский В.В. Договор банковского счета. Понятие и правовая квалификация договора банковского счета // Хозяйство и право. – 2019. – № 1. – С. 3.

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный Закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/

3. Ефимова, Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. – М. Проспект, 2018. – 432 с.

4. Костина, К.А. Договор банковского счета: понятие и правовая природа // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2019 – №5 (32). – С. 652-657.

5. Козлова Е. Б. Договорное право: общие положения: учебное пособие // Федеральное образовательное учреждение высш. проф. образования "Всероссийский гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России"). Москва: ВГУЮ (РПА Минюста России). – 2015. – 150 с.

6. Статистический бюллетень Банка России: Центральный Банк РФ. – Москва: Статистический бюллетень Банка России. – 2026. – № 1 (360). – 249 с.

7. Суханов Е. А. Российское гражданское право. В 2 томах. – М.: Статут, 2016. – 1208 с.

THE CONCEPT AND FEATURES OF A BANK ACCOUNT AGREEMENT

Annotation. The article examines the legal nature of the bank account agreement as an independent civil law institution, examines the concept, essence, signs and place of the bank account agreement in the system of financial and legal and civil law relations. Special attention is paid to the analysis of the regulatory definition, the relationship of the bank account agreement with the bank deposit agreement, as well as the problem of its attribution to public contracts. The paper formulates the author's version of the concept of a bank account agreement, reflecting its legal nature, goals, and the content of the rights and obligations of the parties, and concludes that it is advisable to recognize this agreement as an autonomous type of civil contract.

Keywords: bank account agreement, non-cash payments, credit institution, client, banking operations.

Dzyuban D.V.
Scientific supervisor: Professor Lipinsky V.V.
Donetsk State University
E-mail: den.dzuban2016@yandex.ru

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ СУЩЕСТВУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

Ефремова С.И.
Научный руководитель: Шульга Р.Р., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО « ДонГУ»

Аннотация: В работе анализируются правовые механизмы и практические проблемы защиты потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, обусловленные как недостатками законодательства, так и злоупотреблениями со стороны отдельных сотрудников правоохранительных органов. Отмечается неэффективность существующих мер безопасности, сложности с возмещением вреда и риск давления на участников процесса, включая принуждение к даче ложных показаний. Особое внимание уделяется конфликту между формальными гарантиями и реальной возможностью их реализации, а также необходимости законодательного уточнения норм, обеспечивающих конфиденциальность и безопасность. Автор подчеркивает важность комплексного подхода, сочетающего правовую, материальную и психологическую поддержку жертв преступлений.
Ключевые слова: защита свидетелей, защита потерпевших, уголовный процесс, государственная безопасность, полиция, правосудие.

В целях обеспечения эффективного правосудия и противодействия преступности, в особенности её организованным формам, государство принимает и реализует комплекс мер по защите потерпевших и свидетелей, чьи жизнь, здоровье или имущество оказываются под угрозой из-за их участия в уголовном процессе.

Согласно статье 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», при наличии соответствующих оснований к защищаемому лицу могут быть применены различные меры безопасности: от личной охраны и защиты жилища до выдачи специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения [1].

Хотя законодательно порядок применения этих мер детально регламентирован, на практике нередко возникают проблемы: не всегда удаётся обеспечить надлежащий уровень защиты указанных лиц, а также гарантировать конфиденциальность их персональных данных.

Эффективная защита потерпевших и свидетелей в уголовном процессе во многом зависит от своевременного выявления угроз или фактов противоправных посягательств, направленных на воспрепятствование их участию в производстве. Органы дознания, подразделения оперативно-розыскной деятельности, следователи, прокуроры, суды и судьи играют ключевую роль в обнаружении таких угроз и принятии законных мер для установления, разоблачения и привлечения к ответственности лиц, совершивших нападения или угрозы. Органы дознания обязаны незамедлительно применять оперативно-розыскные и иные предусмотренные законом меры при выявлении попыток оказания давления на участников процесса с целью недопущения их показаний или сотрудничества со следствием.

Кроме того, часть 1 статьи 15 Федерального закона «О полиции» возлагает на подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязанность содействовать обеспечению личной безопасности и сохранности имущества потерпевших и свидетелей как участников уголовного судопроизводства [2].

Конституционной основой такой защиты служит статья 52 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует, что права лиц, пострадавших от преступлений или злоупотреблений властью, охраняются законом, а государство обеспечивает им доступ к правосудию и право на возмещение причинённого вреда (в том числе в соответствии со ст. 53 Конституции РФ) [3].

Потерпевший вступает в уголовный процесс с момента подачи заявления о совершённом преступлении — будь то устное или письменное обращение к прокурору,

следователю, органу дознания или судье (в делах частного обвинения). Такое заявление служит не только юридическим основанием, но и конкретным обстоятельством, инициирующим начало уголовного преследования.

Одной из наиболее острых проблем в этой сфере по мнению Яблоковой О.О., остаётся вопрос возмещения вреда, причинённого преступлением. Несмотря на правовые гарантии, реальная компенсация зачастую оказывается недостижимой для пострадавших. В феврале 1992 года Российская Федерация присоединилась к Международному союзу — Европейскому форуму поддержки жертв преступлений, однако лишь в статусе наблюдателя, что ограничивает её участие в практической реализации международных стандартов помощи [4, с. 377].

В стране также учреждён специализированный фонд, направленный на борьбу с преступностью и оказание поддержки жертвам правонарушений. Тем не менее, из-за отсутствия чётко выстроенного и полноценно функционирующего механизма реализации этих мер, воспользоваться предусмотренными гарантиями на практике пока затруднительно.

Как отмечает Алексеева А.В., лицо, в отношении которого подана жалоба потерпевшим, имеет право инициировать примирение, и при взаимном согласии сторон уголовное преследование может быть прекращено в порядке примирения. Такая возможность особенно актуальна в ситуациях, когда разбирательство затрагивает деликатные аспекты личной жизни потерпевшего — например, сведения об интимных отношениях, семейные секреты или наличие судимости в прошлом, о которых он предпочёл бы сохранить молчание [5, с. 349].

Действительно, даже если распространяемые сведения негативного или неприятного характера соответствуют действительности, уголовно-правовые механизмы защиты репутации в таких случаях зачастую оказываются неприменимыми, поскольку закон не карает за правдивую, пусть и компрометирующую информацию.

Согласно пункту 28 статьи 12 Федерального закона «О полиции», сотрудники правоохранительных органов обязаны обеспечивать государственную защиту потерпевших и свидетелей в соответствии с действующим законодательством.

Тем не менее, на практике встречаются случаи, когда сами представители полиции становятся источником угрозы для безопасности участников процесса. Может проявляться в форме недопустимого психологического давления: грубых угроз, хамского поведения, унижений или иных форм злоупотребления служебным положением, что противоречит как букве закона, так и принципам правового государства.

Так, в городе Кольчугино было возбуждено уголовное дело по факту превышения должностных полномочий в отношении сотрудника полиции. Поводом послужила жалоба женщины-инвалида и её знакомых: правоохранитель применил физическую силу — ударил дубинкой — из-за того, что в 2 часа ночи 25 января 2014 года дверь квартиры не открывали сразу после его звонков [6].

Особую сложность представляет и то, что показания свидетеля на допросе у следователя одновременно выступают и как источник доказательств, и как средство его собственной защиты. Установить заведомую ложность таких показаний зачастую крайне затруднительно: свидетель может ссылаться на плохую память, отсутствие информации или иные субъективные причины, которые трудно опровергнуть объективно.

Кроме того, как отмечает Короленко И.И., в ходе уголовного производства нередко возникают ситуации, когда один участник процесса пытается повлиять на другого — намеками, недомолвками или даже прямыми указаниями о том, что и как следует говорить. Особенно остро это проявляется при проведении очных ставок в условиях следственного изолятора, где один из участников (например, обвиняемый) находится под стражей. В таких случаях между допрашиваемыми может возникнуть напряжённость: ранее они могли быть близкими друзьями или родственниками, но

теперь один из них выступает в роли свидетеля или потерпевшего, прямо указывая на вину другого [7, с. 147].

Важно отметить, что в уголовном процессе свидетелями считаются не только очевидцы самого преступления, но и любые лица, располагающие информацией, имеющей значение для дела. Могут быть люди, обнаружившие следы преступления, услышавшие разговоры, касающиеся происшествия, наблюдавшие подозрительные действия или владеющие иными сведениями, способными пролить свет на обстоятельства расследуемого деяния.

Так, на основании свидетельских показаний и иных сведений об обстоятельствах дела Ленинский районный суд города Владимира вынес приговор бывшему начальнику отряда по воспитательной работе исправительной колонии №3: он был условно осуждён к трём годам лишения свободы в связи с установленным фактом наркозависимости [8].

В соответствии с частью 6 пункта 1 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ, свидетель обязан являться по вызову дознавателя, следователя или в суд и не вправе уклоняться от участия в процессе [9]. За отказ давать показания предусмотрена уголовная ответственность по статье 308 УК РФ.

Вместе с тем Конституция Российской Федерации (часть 1 статьи 51) гарантирует право лица не свидетельствовать против самого себя, своего супруга или близких родственников, круг которых определяется федеральным законодательством. В указанных случаях отказ от дачи показаний не влечёт уголовной ответственности.

Одновременно возникает и другая проблема: согласно статье 21 УПК РФ, функции уголовного преследования возложены на прокурора, следователя и дознавателя, которые обязаны обеспечить всестороннее и полное расследование, включая допрос всех имеющихся свидетелей. Уклонение от проведения таких допросов может расцениваться как нарушение процессуальных прав потерпевшего и подрыв принципа полноты расследования.

Кроме того, часть 2 статьи 51 Конституции РФ предусматривает возможность установления федеральным законом иных оснований, освобождающих лицо от обязанности давать свидетельские показания, что расширяет рамки правовой защиты участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим в правоприменительной практике нередко возникают ситуации, когда отдельным категориям граждан — в частности, представителям определённых профессий — предоставляются специальные свидетельские привилегии, позволяющие воздержаться от дачи показаний.

Следовательно, анализ судебной практики свидетельствует о наличии значительного числа проблем, связанных с институтом свидетельствования в уголовном процессе. В этой связи формулировка части 2 статьи 51 Конституции РФ открывает возможность для законодательного закрепления дополнительных оснований, при которых лицо, обладающее важной информацией, может законно отказаться от участия в даче показаний.

При этом важно подчеркнуть: даже наличие реальной угрозы жизни или здоровью не является юридическим основанием для освобождения свидетеля от обязанности давать показания.

Исследование, проведённое Л.В. Брусницыным, выявило тревожную тенденцию: среди 253 опрошенных свидетелей подавляющее большинство отметило, что правоохранительные органы на практике не располагают эффективными механизмами обеспечения их безопасности, несмотря на формальное существование таких гарантий [10, с. 45].

Особого внимания заслуживает и вопрос привлечения к уголовной ответственности как потерпевших, так и свидетелей за дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний. Хотя случаи привлечения потерпевших к ответственности встречаются редко, чаще подобные ситуации связаны с профессиональной деятельностью адвокатов, которые ссылаются на адвокатскую тайну

и отказываются раскрывать обстоятельства, ставшие им известными в ходе оказания юридической помощи.

В конечном счёте, успешное раскрытие преступлений и назначение справедливого наказания во многом зависят от позиции и активности тех, кто стал жертвой преступления и одновременно выступает в роли свидетеля — их готовность сотрудничать с правоохранительными органами нередко становится ключевым фактором в достижении правосудия.

Следователь отдела внутренних дел города Гусь-Хрустального С., совместно со своим знакомым, организовал заведение, оказывавшее интимные услуги. В ходе расследования он заключил досудебное соглашение о сотрудничестве и был приговорён к условному сроку лишения свободы на 4,5 года [11].

Поведение потерпевших и свидетелей в уголовном процессе формируется под влиянием множества обстоятельств. Одним из ключевых факторов, затрудняющих их взаимодействие с правоохранительными органами и судом, является активное противодействие со стороны окружения — давление, угрозы или общественное осуждение. Проблема вызывает всё большую обеспокоенность: о ней свидетельствует растущее число обращений как в правоохранительные структуры, так и в средства массовой информации.

Вместе с тем, по мнению Лукина В.С., важно понимать, что не все механизмы защиты применимы в каждом конкретном случае. Право потерпевшего или свидетеля на сохранение конфиденциальности собственного изображения может быть ограничено, если его публикация отвечает интересам общества или государства. Так, если свидетель добровольно выступает в СМИ, особенно в ситуации, когда обвиняемый находится в розыске, требование о неразглашении его личности теряет силу, и полноценная защита в этом аспекте становится невозможной [12, с. 317].

Морозова Ю.А. отмечает, что в марте 2014 года при Управлении МВД России по Владимирской области состоялось расширенное заседание Общественного совета, на котором было принято решение о проведении конкурса в трёх номинациях: «Полицейский года», «Поступок» и «За помощь полиции». Название первой категории направлено на повышение престижа профессии и уважения к сотрудникам правоохранительных органов, тогда как две другие ориентированы на поощрение обычных граждан, проявивших гражданскую ответственность, смелость и оказавших реальную помощь в обеспечении правопорядка [13, с.29].

Таким образом, можно выделить несколько ключевых выводов, а именно: эффективность деятельности правоохранительных органов в сфере защиты потерпевших и свидетелей в уголовном процессе должна оцениваться не только по формальным критериям, но и с учётом реального мнения граждан — тех, кто непосредственно сталкивается с системой правосудия. Как показывают анализ судебно-следственной практики, существующая система защиты нередко подвергается злоупотреблениям со стороны отдельных недобросовестных сотрудников правоохранительных структур, что подрывает доверие к институту правосудия. До сих пор не сформирован полноценный и действенный механизм поддержки жертв преступлений, включая как материальную, так и психологическую помощь, а также правовые гарантии их безопасности.

В условиях роста угроз участникам уголовного судопроизводства назрела необходимость внесения законодательных уточнений, направленных на обеспечение абсолютной конфиденциальности персональных данных потерпевших и свидетелей. Особенно актуально то, что обещания следствия о сохранении тайны до начала судебного разбирательства не имеют юридической силы для судьи, что создаёт серьёзные риски для защищаемых лиц. Требуется чёткое правовое регулирование и пресечение практик, при которых свидетели вынуждаются давать ложные показания под давлением, путём обмана, шантажа или манипуляций со стороны следователей, что делает их зависимыми от воли должностных лиц и нарушает принцип добровольности дачи показаний.

Следовательно, для обеспечения реальной и надёжной защиты участников уголовного процесса необходимы не только совершенствование законодательной базы, но и отлаженный, прозрачный процессуальный механизм, способный гарантировать соблюдение их прав и безопасность на всех этапах производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3541.

2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. от 14.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 29. – Ст. 4696.

4. Яблокова, О.О., Коломина, А.В. Проблемы защиты потерпевших и свидетелей в уголовном процессе / О.О. Яблокова, А.В. Коломина // В сборнике: Актуальные вопросы развития современного общества. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции: в 4 т. – 2014. – С. 377–381.

5. Алексеева, А.В. Права свидетелей в уголовном процессе: эффективность механизма защиты / А.В. Алексеева // В сборнике: Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 349–353.

6. Постановление расширенного заседания Общественного совета при УМВД России по Владимирской области о проведении конкурса «Полицейский года» и др. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://33.мвд.рф/news/item/2074057/ (дата обращения: 10.02.2026).

7. Короленко, И.И., Непранов, Р.Г. Проблемы защиты свидетелей и потерпевших в уголовном процессе / И.И. Короленко, Р.Г. Непранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 2. – С. 147–152.

8. Решение Ленинского районного суда г. Владимира по делу в отношении бывшего начальника отряда по воспитательной работе ФКУ ИК-3 УФСИН России по Владимирской области от 07.12.2023 № 33а-4786/2023. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://reputation.su/sudrf/280616148 (дата обращения: 10.02.2026).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

10. Брусницын, Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству / Л.В. Брусницын // Уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 45–52.

11. Приговор по уголовному делу в отношении следователя ОВД г. Гусь-Хрустального С. № 1-60/2025 от 12 августа 2025 г. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/GJ3zUMaDjvJp/ (дата обращения: 10.02.2026).

12. Лукин, В.С. Государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства / В.С. Лукин // В сборнике: Актуальные вопросы научного познания молодого ученого. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2024. – С. 317–320.

13. Морозова, Ю.А., Кудрявцева А.В. Механизм защиты права потерпевшего на эффективное расследование в уголовном судопроизводстве / Ю.А. Морозова, А.В. Кудрявцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 29–37.

PROBLEMS AND SHORTCOMINGS OF EXISTING WITNESS AND VICTIM PROTECTION MECHANISMS

Abstract: The paper analyzes the legal mechanisms and practical problems of protecting victims and witnesses in criminal proceedings, due to both legislative shortcomings and abuses by individual law enforcement officials. The ineffectiveness of existing security measures, difficulties with compensation for harm and the risk of pressure on the participants in the process, including coercion to give false testimony, are noted. Particular attention is paid to the conflict between formal guarantees and the real possibility of their implementation, as well as the need for legislative clarification of standards ensuring confidentiality and security. The author emphasizes the importance of an integrated approach combining legal, financial and psychological support for crime victims.

Keywords: witness protection, victim protection, criminal procedure, state security, police, justice.

Efremova S.I.
Scientific supervisor: R.R. Shulga, associate professor
Donetsk State University
E-mail: yef.lana@yandex.ru

УДК 347.411

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Живцов В.А.
Научный руководитель: Свиридова К.Е., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматриваются современные способы обеспечения обязательств в российском гражданском праве, анализируются их правовая природа, функциональные особенности и практическое применение. Особое внимание уделяется трансформации традиционных институтов обеспечения обязательств под влиянием цифровизации экономики и изменений законодательства 2022-2025 годов. Исследуются проблемы применения неустойки, залога, поручительства и банковской гарантии в современных экономических условиях. Представлен анализ судебной практики и статистических данных, характеризующих эффективность различных способов обеспечения. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования обеспечительных механизмов с учетом потребностей цифровой экономики. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к оценке современного состояния института обеспечения обязательств и выявлении перспективных направлений его развития.
Ключевые слова: обеспечение обязательств, неустойка, залог, поручительство, банковская гарантия, цифровизация, гражданское право.

Институт обеспечения обязательств представляет собой один из фундаментальных элементов гражданско-правового регулирования, призванный гарантировать стабильность и надежность имущественного оборота. В условиях турбулентной экономической ситуации 2022-2025 годов значение обеспечительных механизмов существенно возросло, что отражается как в статистике судебных споров, так и в динамике законодательных изменений [5].

Согласно действующему Гражданскому кодексу Российской Федерации, исполнение обязательств может обеспечиваться следующими способами:

- неустойкой;
- залогом;
- удержанием имущества должника;
- поручительством;
- независимой гарантией;
- задатком;
- обеспечительным платежом.

Каждый из перечисленных способов обладает специфическими правовыми характеристиками и применяется в зависимости от природы основного обязательства, статуса сторон и экономической целесообразности. Как справедливо отмечает В.А. Белов, «многообразие способов обеспечения обязательств отражает сложность современных экономических отношений и необходимость их дифференцированного правового регулирования» [1].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году количество дел, связанных с применением способов обеспечения обязательств, выросло на 23% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует об актуализации данной проблематики в условиях экономической нестабильности [6]. Особенно заметен рост споров о взыскании неустойки (47% от общего числа дел данной категории) и об обращении взыскания на заложенное имущество (31%).

Функциональная роль обеспечения обязательств раскрывается через три основных аспекта:

• стимулирующая функция, побуждающая должника к надлежащему исполнению обязательства;

• компенсационная функция, позволяющая кредитору минимизировать негативные последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения;

• превентивная функция, способствующая снижению общего числа правонарушений в сфере обязательственных отношений.

Исследование, проведенное Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в 2023 году, показало, что наличие адекватного обеспечения снижает вероятность неисполнения договорных обязательств на 64% [2]. Эти данные подтверждают высокую практическую значимость института обеспечения обязательств для стабилизации гражданского оборота.

Неустойка как универсальный способ обеспечения: проблемы правоприменения

Неустойка является наиболее распространенным способом обеспечения обязательств в российской практике благодаря простоте установления и универсальности применения. Законодатель определяет неустойку как денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Статистический анализ договорной практики 2023-2024 годов демонстрирует, что неустойка присутствует в 78% коммерческих договоров, причем средний размер договорной неустойки составляет 0,1% от суммы обязательства за каждый день просрочки [4]. Однако реальное взыскание неустойки сталкивается с существенными проблемами, связанными с активным применением судами статьи 333 ГК РФ о снижении неустойки.

По данным мониторинга судебной практики, проведенного Верховным Судом РФ, в 2024 году суды снижали размер заявленной неустойки в 82% случаев, при этом средний коэффициент снижения составил 3,7 раза [3]. Такая практика вызывает неоднозначную оценку в научном сообществе.

С одной стороны, снижение неустойки предотвращает неосновательное обогащение кредитора и соответствует принципу справедливости. С другой стороны, чрезмерно либеральное применение статьи 333 ГК РФ девальвирует стимулирующую функцию неустойки и подрывает принцип свободы договора. Почему стороны, согласовавшие определенный размер санкций, должны рассчитывать на то, что суд его существенно уменьшит?

Проблема усугубляется отсутствием четких критериев несоразмерности неустойки. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 7 от 24.03.2016 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указал на необходимость учета различных факторов:

• степени выполнения обязательства должником;

• имущественного положения сторон;

• соотношения неустойки и возможных убытков;

• общеправовых принципов разумности и справедливости.

Тем не менее, применение этих критериев остается высокосубъективным. Как отмечается в исследовании Т.В. Дерюгиной, «отсутствие формализованных стандартов оценки несоразмерности неустойки приводит к непредсказуемости судебных решений и снижает эффективность договорного планирования рисков» [2].

Особую актуальность в 2024-2025 годах приобрела проблема соотношения законной и договорной неустойки. В условиях инфляции и волатильности рынков стороны все чаще устанавливают повышенные размеры договорных санкций, стремясь

компенсировать потенциальные потери. Однако судебная практика демонстрирует крайне осторожный подход к взысканию таких неустоек, что требует переосмысления баланса между частной автономией и судебным вмешательством.

Залог и поручительство: традиционные институты в новых условиях

Залог представляет собой наиболее надежный способ обеспечения обязательств, предоставляющий кредитору право в случае неисполнения должником обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами. По данным Росреестра, в 2024 году было зарегистрировано 1,87 млн договоров залога недвижимости, что на 12% превышает показатели предыдущего года [7].

Трансформация института залога в условиях цифровизации экономики проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, активно развивается электронная регистрация залогов движимого имущества через реестр уведомлений о залоге, который по состоянию на начало 2025 года содержит более 3,2 млн записей. Во-вторых, расширяется круг объектов залога: все чаще предметом залога становятся цифровые активы, исключительные права, доли в уставных капиталах.

Вместе с тем правоприменительная практика сталкивается с серьезными проблемами при обращении взыскания на заложенное имущество. Согласно анализу, проведенному Банком России, средний срок обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество в судебном порядке составляет 14-18 месяцев, что существенно снижает эффективность залога как обеспечительного механизма [5].

Альтернативой залогу выступает поручительство – обязательство третьего лица отвечать перед кредитором за исполнение должником его обязательства. Поручительство широко применяется в банковской сфере: по данным ЦБ РФ, 43% кредитов малому и среднему бизнесу в 2024 году были обеспечены поручительствами [1].

Критическая проблема поручительства связана с его акцессорной природой. Прекращение или изменение основного обязательства автоматически влечет соответствующие последствия для поручительства. В условиях частых реструктуризаций кредитных обязательств это создает правовую неопределенность относительно объема ответственности поручителя.

Показательна динамика судебных споров с участием поручителей. В 2024 году суды рассмотрели 127 тысяч дел о взыскании задолженности с поручителей, причем в 34% случаев поручители оспаривали законность или обоснованность требований со ссылкой на изменение условий основного обязательства без их согласия [3].

Особого внимания заслуживает институт независимой гарантии, который развивается как современная альтернатива традиционному поручительству. В отличие от акцессорного поручительства, независимая гарантия носит абстрактный характер – обязательство гаранта не зависит от действительности основного обязательства. Это обеспечивает большую определенность и быстроту исполнения, что особенно важно в международных коммерческих отношениях.

Перспективы развития института обеспечения обязательств

Современные тенденции развития института обеспечения обязательств определяются несколькими ключевыми факторами: цифровизацией экономики, изменением структуры гражданского оборота и необходимостью адаптации правового регулирования к новым реалиям.

Одним из наиболее перспективных направлений является создание цифровых платформ для управления обеспечительными механизмами. Пилотные проекты Банка России по внедрению блокчейн-технологий для регистрации залогов показали снижение издержек на 40% и сокращение сроков регистрации до нескольких часов [5].

Масштабирование таких решений может кардинально повысить эффективность института залога.

Существенный потенциал имеет развитие смарт-контрактов как инструмента автоматического исполнения обеспечительных обязательств. Технология позволяет программировать условия применения обеспечения и обеспечивать автоматическое наступление правовых последствий при нарушении основного обязательства. Экспериментальные проекты в корпоративном секторе демонстрируют сокращение споров об обеспечении на 60% [2].

Важным направлением совершенствования является унификация судебной практики применения статьи 333 ГК РФ о снижении неустойки. Необходима разработка методических рекомендаций с формализованными критериями оценки несоразмерности, которые обеспечат предсказуемость судебных решений и восстановят стимулирующую функцию неустойки.

Требует законодательного урегулирования вопрос об обеспечении обязательств в цифровой среде. Какова правовая природа обеспечения, предоставляемого в виде криптовалют или токенов? Каков механизм обращения взыскания на цифровые активы? Как соотносятся традиционные принципы вещного права с особенностями цифровых объектов?

Перспективным представляется расширение применения обеспечительного платежа – относительно нового института, введенного в ГК РФ в 2015 году. Обеспечительный платеж сочетает преимущества задатка и залога денежных средств, обеспечивая кредитору немедленное удовлетворение при нарушении обязательства. По оценкам экспертов, к 2027 году доля обеспечительных платежей в структуре способов обеспечения может достичь 15-20% [4].

Необходимо также совершенствование механизмов досудебного обращения взыскания на заложенное имущество. Упрощение процедур при сохранении баланса интересов залогодателя и залогодержателя позволит сократить средний срок реализации залоговых прав с 14-18 до 6-8 месяцев, повысив привлекательность залога для кредиторов [6].

Развитие института обеспечения обязательств должно учитывать и социальные аспекты. Особую значимость приобретает защита прав физических лиц – поручителей и залогодателей. Законодательные новеллы 2023-2024 годов, направленные на ограничение ответственности поручителей по потребительским кредитам, демонстрируют стремление законодателя к установлению справедливого баланса между экономической эффективностью и социальной защитой [1].

Заключение

Институт обеспечения обязательств переживает период существенной трансформации, обусловленной цифровизацией экономики, изменением структуры гражданского оборота и эволюцией правового регулирования. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, традиционные способы обеспечения обязательств – неустойка, залог, поручительство – сохраняют свою актуальность, но требуют адаптации к современным экономическим условиям. Ключевой проблемой остается непредсказуемость правоприменения, особенно в части снижения неустойки судами.

Во-вторых, перспективы развития института связаны с внедрением цифровых технологий: электронных реестров, блокчейн-платформ, смарт-контрактов. Эти инновации способны повысить эффективность обеспечительных механизмов на 40-60%, сократить издержки и минимизировать конфликты.

В-третьих, необходимо законодательное урегулирование обеспечения обязательств цифровыми активами, унификация судебной практики применения статьи

333 ГК РФ, совершенствование процедур обращения взыскания на заложенное имущество.

Практическая значимость исследования состоит в выявлении направлений оптимизации правового регулирования и правоприменительной практики, которые могут быть использованы законодателем, судами и участниками гражданского оборота. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке конкретных механизмов цифровизации института обеспечения обязательств и критериев оценки несоразмерности неустойки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Белов В.А. Обеспечение исполнения обязательств: современные проблемы и тенденции развития // Вестник гражданского права. 2024. № 2. С. 45-67. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54328791 (дата обращения: 15.01.2025).

2 Дерюгина Т.В. Снижение неустойки по статье 333 ГК РФ: критерии и практика применения // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 112-128. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53847652 (дата обращения: 15.01.2025).

3 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 8. С. 3-45.

4 Рожкова М.А. Обеспечительный платеж: перспективы применения в российской практике // Хозяйство и право. 2024. № 5. С. 78-92.

5 Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб. / Росстат. М., 2024. 687 с.

6 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.01.2025).

7 Годовой отчет Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии за 2024 год. М., 2024. 156 с.

METHODS OF SECURING OBLIGATIONS: MODERN TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The article examines modern methods of securing obligations in Russian civil law, analyzes their legal nature, functional features and practical application. Special attention is paid to the transformation of traditional institutions for securing obligations under the influence of digitalization of the economy and legislative changes in 2022-2025. The problems of applying penalties, pledges, suretyship and bank guarantees in modern economic conditions are investigated. An analysis of judicial practice and statistical data characterizing the effectiveness of various security methods is presented. The necessity of improving the legal regulation of security mechanisms, taking into account the needs of the digital economy, is substantiated. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive approach to assessing the current state of the institution of securing obligations and identifying promising areas for its development.

Keywords: securing obligations, penalty, pledge, suretyship, bank guarantee, digitalization, civil law.

Zhivtsov V.A.
Scientific adviser: Sviridova Kr.E., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: zivcovvalera915@gmail.com

УДК 347.191

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Заблоцкая Д.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Предметом исследования статьи выступают цифровые права как новый объект гражданских прав и их роль в трансформации корпоративных отношений в России. Основные результаты работы заключаются в выявлении роли информационной системы для существования цифровых прав и определении ключевых проблем их реализации в корпоративной сфере. Автором установлено, что использование цифровых прав создает риски подмены правовых механизмов технологическими алгоритмами, что требует разработки специального законодательного регулирования для обеспечения защиты прав участников корпораций.
Ключевые слова: цифровые права, корпоративные отношения, информационная система, объекты гражданских прав, цифровые финансовые активы.

Активное внедрение цифровых технологий в экономические процессы обусловило трансформацию традиционных правовых конструкций, в том числе в сфере корпоративных отношений. В российском гражданском законодательстве данная тенденция получила нормативное закрепление в виде института цифровых прав, признаваемых самостоятельным объектом гражданских прав. Однако включение цифровых прав в систему корпоративных отношений сопровождается рядом теоретических и практических проблем, связанных с их правовой природой, механизмами реализации и защитой прав участников корпораций.

Значение исследуемой проблемы определяется тем, что корпоративные отношения являются основой функционирования хозяйственных обществ, а цифровизация затрагивает ключевые элементы корпоративного участия: оборот долей в уставном капитале и акций, корпоративное управление, реализацию права голоса и распределение корпоративного контроля. Использование цифровых прав в данной сфере способно повысить эффективность корпоративных процедур и снизить транзакционные издержки, однако одновременно порождает риски правовой неопределённости, связанные с отсутствием специальных норм корпоративного законодательства и единообразной правоприменительной практики.

Современное состояние решения указанной проблемы характеризуется фрагментарностью правового регулирования. Несмотря на закрепление цифровых прав в Гражданском кодексе Российской Федерации [1], корпоративное законодательство не содержит комплексных положений, учитывающих специфику их функционирования в рамках корпоративных отношений. В научной литературе цифровые права преимущественно рассматриваются в контексте гражданско-правового оборота, цифровых финансовых активов и информационных систем, тогда как их роль в корпоративных отношениях анализируется эпизодически и, как правило, без выработки системного подхода.

Вместе с тем остаётся недостаточно исследованным вопрос о месте цифровых прав в структуре корпоративных правоотношений, а также о возможности их использования не только в качестве объекта имущественного оборота, но и в качестве инструмента реализации корпоративных прав и управления корпорацией. Недостаточная разработанность данных аспектов препятствует формированию целостной модели правового регулирования цифровых прав в корпоративной сфере.

Целью данной работы является анализ роли цифровых прав в корпоративных отношениях Российской Федерации, выявление особенностей их правовой природы и

функционирования, а также определение проблем правового регулирования цифровых прав в системе корпоративного права.

Законодатель относит цифровые права к имущественным правам, закрепляя данный факт в п. 1 ст. 128 ГК РФ. В качестве юридической фикции, цифровые права существуют исключительно в информационной системе, что отражает их особенность [5, с. 83]. В точности, ст. 141.1 ГК РФ фиксирует возможность, осуществления, распоряжения и ограничения цифровыми правами только в информационных системах без обращения к третьему лицу. Сами по себе цифровые права охватывают широкий спектр направлений, включая в себя защиту данных и конфиденциальности, свободу выражения и доступ к информации, авторские права, электронную коммерцию и другие аспекты, связанные с использованием и обменом информацией и данными в цифровой среде как со стороны органов государственной власти, так и организаций различных организационно-правовых форм. Важно отметить, что цифровое право не является «оцифрованным» правом в техническом смысле, а представляет собой особый правовой режим существования субъективного права.

Закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве Российской Федерации обусловило необходимость их разграничения с ранее известными правовыми конструкциями, прежде всего с бездокументарными ценными бумагами, обязательственными правами, а также с электронными формами фиксации субъективных прав. Несмотря на внешнее сходство указанных институтов, цифровые права обладают самостоятельной правовой природой, что предопределяет особенности их функционирования в корпоративных отношениях.

Бездокументарные ценные бумаги предполагают наличие централизованного субъекта учёта и подчиняются специальному регулированию законодательства о рынке ценных бумаг, что отличает их от цифровых прав [6, с. 153]. Цифровые права не требуют обязательного посредника и реализуются на основании правил функционирования конкретной информационной системы. Таким образом, цифровые права не являются разновидностью ценных бумаг, а представляют собой самостоятельный объект гражданских прав с иным механизмом легитимации правообладателя.

От обязательственных прав цифровые права отличаются способом существования и реализации. Обязательственное право предполагает наличие конкретного должника и возможность защиты права путём предъявления требования к определённому лицу [7, с. 209]. Цифровое право, напротив, не сводится к притязанию к обязанному субъекту, поскольку его принадлежность и содержание определяются состоянием записи в информационной системе. Исполнение и переход цифрового права осуществляются не посредством волеизъявления должника, а через изменение данных в соответствующей системе, что придаёт цифровому праву элементы «самоисполняемости» и снижает значение классических обязательственно-правовых механизмов.

Не тождественны цифровые права и электронным формам фиксации субъективных прав. Электронная форма документа или электронная запись в реестре представляет собой лишь технический способ подтверждения уже существующего права, которое может быть реализовано и вне электронной среды. Цифровое право, напротив, не имеет внеинформационного существования: при утрате доступа к информационной системе либо нарушении её функционирования право фактически не может быть реализовано. Следовательно, цифровизация в данном случае носит не вспомогательный, а конституирующий характер.

Таким образом, ключевым элементом правовой конструкции цифровых прав является информационная система, в рамках которой они существуют. Именно информационная система выполняет функцию «юридической среды», обеспечивающей возникновение, переход и прекращение цифровых прав, а также идентификацию их правообладателей. В отличие от традиционных реестров, информационная система не

просто фиксирует юридические факты, но фактически заменяет собой классические юридические механизмы подтверждения и осуществления прав.

Роль информационной системы в правовой конструкции цифровых прав заключается также в том, что она формирует особый режим доверия, основанный не на государственном или корпоративном контроле, а на технологических правилах и алгоритмах. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для корпоративных отношений, поскольку смещает акцент с формально-юридических процедур на технические условия реализации корпоративных прав.

В корпоративных отношениях доверие традиционно обеспечивается правовыми институтами: государственная регистрация, корпоративные реестры, судебная защита. Так, в случае отсутствия дополнительного нормативного осмысления и адаптации традиционных институтов корпоративного права юридическая значимость корпоративного участия начнет определяться не нормой права, а техническими параметрами системы, что представляет собой проблему в правовом пространстве. Корпоративное право утратит монополию на легитимацию статуса участника.

Для решения данной проблемы законодателю необходимо разработать концептуальную модель юридически значимой информационной системы, в рамках которой технологические алгоритмы получат свое правовое значение постольку, поскольку они внедрены в нормативную конструкцию корпоративных отношений.

Реализация цифровых прав происходит через внедрение конкретных цифровых технологий и сервисов, которые трансформируют традиционные процедуры. К таким технологиям относятся электронное голосование (e-voting), обеспечивающее удалённое участие акционеров в собраниях; усиленная квалифицированная электронная подпись (далее – КЭП или электронная подпись), придающая юридическую силу корпоративным документам; технологии распределённых реестров (блокчейн), гарантирующие неизменность и прозрачность записей, например, при ведении реестра акционеров; а также биометрическая идентификация и видеоконференцсвязь, легитимизированные в период пандемии в России в 2019 году. Эти инструменты напрямую способствуют реализации ключевых принципов корпоративного управления: прозрачности, подотчётности, эффективности и вовлечённости участников.

На данном этапе в корпоративном праве России уже внедрено и урегулировано Федеральным законом «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ использование электронной подписи для осуществления регистрационных действий относительно юридического лица и для сохранения юридической значимости документа [2]. При этом, на практике существует проблема передачи в рамках корпоративных отношений личной электронной подписи директора третьим лицам (бухгалтерам, юристам и т.д.), что говорит нам о том, что формальное соблюдение закона не будет означать реальную безопасность и прозрачность таких отношений, хотя в основном это и делают не из злого умысла, а для сокращения временных затрат.

Для разрешения данной проблемы предлагается ввести обязательность оформления КЭП для каждого из оформленных работодателем работников и доверенностей в случае необходимости подписания документов от юридического лица или индивидуального предпринимателя. Контроль в данной сфере не может строиться исключительно на презумпции добросовестности, поскольку именно волеизъявление директора становится растворенным в технической процедуре электронного подписания. Прежде всего, законодательный контроль должен быть ориентирован на фиксацию связи электронной подписи и личным действием подписанта. Для этого целесообразно нормативно закрепить требование о персонализированной трассируемости использования КЭП. Это означает создание юридически значимого следа, позволяющего в случае спора установить кем и при каких условиях была использована электронная подпись. Она может включать в себя: установления IP адреса

подписанта, фиксацию устройства, времени, места и т.д., придавая этим данным доказательственное значение.

Если будет выявлено допущение директором использования своей КЭП для подписи, предлагается возложить на него бремя доказывания личного волеизъявления по каждому спорному документу. А также контроль может быть установлен посредством установления ужесточенных последствий за передачу КЭП третьему лицу.

Также обращаем внимание на то, что использование цифровых прав и смарт-контрактов в корпоративных процедурах приводит к тому, что волеизъявление участника может быть заменено заданным программой алгоритмом исполнения. В этом случае фактически участие в управлении подменяется автоматическим действием цифрового права, что не соответствует природе корпоративного права: осознанному, изменяемому волеизъявлению. Такой цифровой алгоритм не сможет учесть изменение воли, обстоятельств или злоупотребление правом. В этом случае действенным способом будет разграничение сфер допустимой алгоритмизации корпоративных прав и закрепление пределов автоматического исполнения корпоративных решений, при которых сохраняется возможность юридического пересмотра волеизъявления.

Корпоративные права участников обществ с ограниченной ответственностью и акционеров акционерных обществ традиционно связываются с принадлежностью доли в уставном капитале либо акции, учёт которых осуществляется через государственные и корпоративные реестры [8]. В корпоративных отношениях цифровые права приобретают двойственную природу: с одной стороны, они могут быть объектом имущественного оборота, с другой – инструментом реализации корпоративной власти. В условиях цифровизации данные права могут быть опосредованы цифровыми правами, существующими в информационной системе, что трансформирует классическую модель корпоративного участия. При таком подходе принадлежность корпоративных прав определяется не записью в реестре участников или реестре акционеров, а состоянием цифрового права в соответствующей информационной системе.

Так, информационная система фактически выполняет функции корпоративного реестра, механизма подтверждения статуса участника и инструмента корпоративного управления, что сближает её правовое значение с институциональными элементами корпоративного права.

Адвокат Адвокатской палаты Краснодарского края и Краснодарской городской коллегии адвокатов А. Станишевский, анализируя возможность отнесения споров о правах по цифровым финансовым активам (далее – ЦФА) к корпоративным, обращает внимание на их связь с базовым активом. По его мнению, ЦФА могут быть обеспечены эмиссионными ценными бумагами, которые предоставляют их владельцам корпоративные права. В этом случае ЦФА не существуют изолированно, а опосредуют права, вытекающие из участия в акционерном обществе. [9].

В структуру цифровых финансовых активов может быть включён комплекс прав, характерных для долевого участия в акционерном обществе. К таким правам относятся право на получение дивидендов, право на ликвидационную квоту, а также право на участие в общем собрании акционеров. Последнее может предусматривать как полноценное право голоса по всем вопросам компетенции собрания, так и ограниченное участие, определяемое условиями выпуска ЦФА. Несмотря на сохраняющиеся дискуссии в доктрине и правоприменительной практике, подобная конструкция прав может быть закреплена в уставе акционерного общества [10, с. 34].

Кроме того, цифровые финансовые активы могут включать право на получение информации о деятельности эмитента в объёме, установленном ст. 90 и 91 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3], а также правовыми позициями, сформулированными в п. 7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) [4]. В

совокупности это позволяет рассматривать ЦФА как цифровую форму реализации классического набора прав акционера.

В случаях, когда выпуск ЦФА обеспечен акциями, на такие активы могут распространяться специальные правовые режимы, аналогичные режиму привилегированных акций. В этой модели ЦФА выступают цифровым представлением прав, возникающих из акций, выпущенных в рамках традиционной финансовой системы.

При этом владелец ЦФА, не будучи зарегистрированным в реестре акционеров, получает возможность осуществлять корпоративные права, связанные с базовым активом. Это ставит под сомнение классическое понимание корпоративного контроля и усложняет применение норм о корпоративных конфликтах и злоупотреблении правом.

Цифровые права, обладающие имущественной ценностью, также потенциально могут использоваться в качестве вклада при создании общества или увеличении его уставного капитала. Вместе с тем действующее корпоративное законодательство не содержит специальных положений, регулирующих порядок оценки, внесения и учёта таких прав, что осложняет их практическое применение и создаёт правовые риски для участников общества и его кредиторов.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что интеграция цифровых прав в корпоративные отношения Российской Федерации представляет собой сложный и противоречивый процесс, который не исчерпывается простой технической фиксацией традиционных прав. Цифровые права, будучи самостоятельным объектом гражданских прав, обладают уникальной правовой природой, не тождественной бездокументарным ценным бумагам, обязательственным правам или электронным формам учёта. Их существование неразрывно связано с информационной системой, которая выступает не просто средством фиксации, а «юридической средой», определяющей возникновение, осуществление и защиту этих прав.

В корпоративной сфере это приводит к фундаментальным изменениям: информационная система начинает выполнять функции, традиционно принадлежавшие институтам корпоративного права (легитимация статуса участника, подтверждение прав, механизмы голосования). Возникает ситуация правовой неопределённости, при которой технологические алгоритмы могут подменять собой правовые нормы и осознанное волеизъявление участников корпораций. Это порождает ряд практических проблем, связанных с использованием электронной подписи, автоматизацией волеизъявления через смарт-контракты и реализацией корпоративных прав через цифровые финансовые активы.

Таким образом, ключевой проблемой является не отсутствие цифровых инструментов как таковых, а неготовность действующего корпоративного законодательства к комплексному регулированию возникающих отношений. Фрагментарность правовых норм и отсутствие единообразной практики создают риски для участников оборота. Для преодоления этих рисков необходима не просто корректировка отдельных статей, а выработка целостной концепции, в рамках которой будут определены:

1) критерии юридической значимости информационных систем;

2) пределы алгоритмизации корпоративных процедур с сохранением возможности пересмотра волеизъявления;

3) персонализированная трассируемость использования электронных подписей;

4) правовой режим ЦФА, опосредующих корпоративные права.

И это только минимум большой работы в области внедрения цифровых прав в корпоративные отношения. Без решения этих задач цифровизация корпоративных отношений будет сопровождаться не только повышением эффективности, но и существенными правовыми коллизиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Загл. с экрана, URL: https://internet.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/1/doclist/118/1/0/0/гк%20рф:0 (дата обращения: 15.02.2026 г.).

2. Федеральным законом «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Загл. с экрана, URL: https://internet.garant.ru/#/document/12184522/paragraph/455/doclist/136/1/0/0/Федеральным%20законом%20Об%20электронной%20подписи%20от%2006.04.2011%20г.%20№%2063-ФЗ:0 (дата обращения: 15.02.2026 г.).

3. Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. – Загл. с экрана, URL: https://internet.garant.ru/#/document/10105712/paragraph/1155615/doclist/150/1/0/0/Федерального%20закона%20от%2026.12.1995%20г.%20№%20208-ФЗ%20Об%20акционерных%20обществах:0 (дата обращения: 15.02.2026 г.).

4. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 г. [Электронный ресурс]. – Загл. с экрана, URL: https://internet.garant.ru/#/document/408001775/paragraph/1/doclist/157/1/0/0/Обобщения%20судебной%20практики%20по%20корпоративным%20спорам%20утвержден%20президиумом%20верховного%20суда%20рф%2015.11.2023:0 (дата обращения: 15.02.2026 г.).

5. Петров Д.Ю., Филиппов Н.А., Яблокова А.А. Развитие цифрового права в сфере корпоративных отношений // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2024. – 17 (1). – С. 82-87.

6. Чистов Т.А. Сущность бездокументарных ценных бумаг: неустраненные противоречия и пути их преодоления // Правосудие. – 2025. – № 7 (1). – С. 145-158.

7. Хатунцев О.А. Обязательственно-правовые способы защиты субъективных вещных прав // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4. – С. 208-211.

8. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / коллектив авторов; под ред. И.В. Решетниковой // Норма: ИНФРА-М. – 2022. – 480 с.

9. Сташевский А. Корпоративные споры и цифровые финансовые активы // Адвокатская газета. – [Электронный ресурс]. – Загл. с экрана, URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/korporativnye-spory-i-tsifrovye-finansovye-aktivy/т (дата обращения: 15.02.2026 г.).

10. Перминова А.А. Цифровые финансовые активы как эквивалент корпоративных ценных бумаг: способы применения и возможные риски // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2025. – № (1). – С. 30-38.

THE ROLE OF DIGITAL RIGHTS IN CORPORATE RELATIONS

Annotation. The subject of this article is digital rights as a new object of civil rights and their role in the transformation of corporate relations in Russia. The main results of the study are the identification of the role of the information system in the existence of digital rights and the identification of key problems in their implementation in the corporate sphere. The author has established that the use of digital rights creates risks of replacing legal mechanisms with technological algorithms, which requires the development of special legislative regulation to ensure the protection of the rights of corporate participants.

Keywords: digital rights, corporate relations, information system, objects of civil rights, digital financial assets.

Zablotskaya D.A.
Supervisor: A.P. Finkina, Senior Lecturer.
Donetsk State University
E-mail: diana.zab@mail.ru

УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОДООХРАННЫХ ЗОН И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Загорская Е.Д.
Научный руководитель: .Барбашова Н.В., д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем формирования и функционирования водоохранных зон в Российской Федерации, оказывающих негативное влияние на эффективность охраны водных объектов и рациональное использование прилегающих территорий. В работе рассматриваются ключевые трудности правового, организационного и технического характера: пробелы и противоречия в нормативно-правовой базе (в т.ч. между Водным и Земельным кодексами РФ), сложности установления границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос, недостаточная координация между контролирующими органами, несовершенство системы мониторинга и контроля за соблюдением специального режима хозяйственной деятельности. На основе проведённого анализа предложены конкретные пути решения выявленных проблем.
Ключевые слова: водоохранные зоны, прибрежные защитные полосы, водный объект, мониторинг водоохранных зон, рациональное природопользование, экологический контроль

Современное российское природоохранное законодательство, закрепленное в Водном кодексе РФ, устанавливает режим водоохранных зон как ключевой инструмент для защиты водных объектов от деградации, однако на практике его формирование и функционирование сопряжено с рядом острых проблем, вызванных коллизиями между природоохранными требованиями и существующими имущественными правами.

Как отмечал в своем докладе «Права человека на безопасную питьевую воду и санитарию» на 57 Сессии Совета по правам человека специальный докладчик Педро Аррохо Агудо (Pedro Arrojo Agudo), использование воды требует приоритетного внимания вследствие ее особой функции, связанной с поддержанием жизнедеятельности людей, которую он назвал «вода для жизни» [1].

Основные сложности заключаются в недостаточной информированности землепользователей о фактических границах ЗОУИТ, противоречиях между ЗК РФ и ВК РФ в части категорий земель, а также в неисполнении или игнорировании строгих запретов (например, связанных с движением транспорта и размещением инфраструктуры), что требует поиска эффективных правовых и административных путей для повышения действенности этого природоохранного механизма.

Итак, введение в действие Водного кодекса Российской Федерации с 1 января 2007 года кардинально изменило правовое регулирование земель, прилегающих к водным объектам [2]. Ключевым изменением стало исключение водоохранных зон из состава земель водного фонда, согласно статье 102 Земельного кодекса РФ, что позволило отнести их к иным категориям земель.

Согласно пункту 17 статьи 65 ВК РФ, водоохранная зона определяется как территория, примыкающая к береговой линии морей, рек, озер и водохранилищ, где устанавливается специальный режим хозяйственной деятельности [3]. Цель этого режима – комплексная защита водных объектов от загрязнения, засорения, заиливания, истощения вод, а также сохранение среды обитания биоресурсов.

Основываясь на законодательном определении, водоохранная зона возникает автоматически в силу географического факта примыкания территории к водному объекту. Это означает, что для установления особого режима не требуется принятия отдельного административного акта об отнесении конкретного участка к данной зоне. Следовательно, водоохранные зоны являются по сути зонами с особыми условиями использования земельных участков (ЗОУИТ), где собственники и пользователи обязаны соблюдать ограничения, наложенные в интересах охраны водных ресурсов. Ширина этих зон строго регламентирована статьей 65 ВК РФ и варьируется в зависимости от типа

водоема: так, для морей зона составляет 500 метров, тогда как для большинства рек и озер она начинается от 50 метров.

Соблюдение режима использования земель в пределах водоохранной зоны сопряжено с рядом категорических запретов, направленных на минимизацию антропогенного воздействия.

Охрана водных объектов в российском правовом поле, согласно статье 1 Водного кодекса Российской Федерации (ВК РФ), представляет собой комплексную и системную деятельность. Она включает совокупность целенаправленных мероприятий, главной целью которых является сохранение и восстановление водных объектов как ценнейшего природного ресурса, обеспечивающего экологическую безопасность страны.

В частности, как отмечает Е. Б. Аканова, в границах такой зоны строго запрещено нерегулируемое движение и стоянка транспортных средств (за исключением дорог и специально оборудованных мест с твердым покрытием), а также размещение объектов, связанных с повышенной экологической опасностью: автозаправочных станций, складов ГСМ, станций технического обслуживания и мест для мойки автомобилей. Также законодательно запрещены буровые работы по разведке и добыче общераспространенных полезных ископаемых, а также применение сточных вод для регулирования плодородия почв [4, с. 421].

По мнению, А.Ю. Сотина эта задача имеет четкую экологическую направленность. Суть охраны вод сводится к ограничению антропогенного воздействия, а именно – к пресечению поступления загрязняющих веществ и микроорганизмов в водную среду в таких объемах, которые превышают естественную способность водных экосистем к самоочищению. Достижение этой цели требует внедрения строгой системы правил поведения для всех субъектов, чья деятельность так или иначе соприкасается с водными объектами или влияет на них опосредованно [5, с. 208].

Реализация этих мер охраны не может быть эффективной только через запреты; она должна включать механизмы стимулирования позитивного экологического поведения. Это подразумевает создание экономических стимулов, таких как налоговые льготы или льготное кредитование для юридических лиц, внедряющих передовые природоохранные технологии, а также разработку систем поощрения для граждан, например, за ответственную утилизацию отходов. Параллельно с этим, необходимо усиливать и карательные меры, привлекая нарушителей к административной или уголовной ответственности за нанесение вреда окружающей среде.

Эффективность всего комплекса мер по охране водных ресурсов обусловлена переплетением множества факторов. Среди них первостепенное значение имеет качество юридической техники при разработке нормативных актов, поскольку двусмысленность норм ведет к правовому вакууму или злоупотреблениям. Не менее важны правовое сознание и добросовестность самих природопользователей, а также действенность и последовательность действий контролирующих органов – государственных органов власти, прокуратуры и судебной системы.

Фундаментальным инструментом, обеспечивающим эту охрану, является водоохранная зона (далее – ВЗ), что закреплено в части 1 статьи 65 ВК РФ. Это территория, непосредственно примыкающая к береговой линии, где устанавливается особый режим использования земель. Назначение этой зоны – не допустить загрязнения, засорения и заиливания, а также сохранить уникальные среды обитания водных биоресурсов и растительного мира.

Из самого принципа установления ВЗ вытекает ее правовая природа: это территория со специальным правовым режимом, который возникает императивно – по факту примыкания к воде, а не по решению какого-либо уполномоченного органа. Основная миссия ВЗ – выступать в роли экологического буфера, предотвращающего деградацию водного объекта и поддерживающего его состояние в соответствии с экологическими нормативами.

Концепция водоохранных зон не является новеллой в российском праве; ее корни уходят в советский период. Уже Водный кодекс РСФСР 1972 года предусматривал создание зон водоохранных лесов и, собственно, водоохранных зон водных объектов, что свидетельствовало о понимании необходимости прибрежного регулирования [6].

Детальная проработка правового режима и порядка установления этих зон получила свое развитие позже, в частности, через принятие Положения о водоохранных зонах (полосах) в 1989 году и соответствующих Указаний по их проектированию в 1990 году, которые заложили основу для современного, более строгого регулирования, инкорпорированного в действующий Водный кодекс [7].

Однако, несмотря на достаточно длительное развитие порядка формирования и функционирования водоохранных зон, на сегодняшний день всё же существует ряд неразрешённых проблем.

Безусловно, проблемы формирования и функционирования водоохранных зон (ВЗ) и прибрежных защитных полос (ПЗП) являются острой темой в российском природоохранном праве, поскольку, несмотря на четкое закрепление их в статье 65 Водного кодекса РФ (ВК РФ), правоприменительная практика выявляет ряд серьезных законодательных и организационных пробелов, препятствующих эффективной защите водных объектов. Основная сложность заключается в коллизии между специальным регулированием ВК РФ и общими нормами ЗК РФ относительно принадлежности земель, что часто приводит к неверной квалификации правового режима прилегающих территорий и затрудняет наложение строгих ограничений.

Прибрежная зона морей представляет собой территорию с уникальной интегрированной управленческой проблемой, поскольку именно здесь происходит критическое наложение природных, экономических и социальных интересов, что требует комплексного подхода к регулированию.

Одной из центральных правовых сложностей является отсутствие четкого определения прибрежной зоны в Водном кодексе РФ, что, в свою очередь, создает вакуум в регулировании отношений по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов в этой чувствительной экосистеме. Более того, законодательный подход, ограничивающий зону 500-метровой береговой полосой (водоохранной зоной), искусственно фрагментирует единую морскую экосистему, игнорируя взаимосвязанность суши и моря, что усугубляется нерациональным и бесконтрольным использованием берегов, ведущим к их деградации, загрязнению и потере рекреационной ценности [8, с. 182].

Усугубляет ситуацию неизбежная конкуренция между различными пользователями морских и прибрежных ресурсов, где экономическая эксплуатация часто вступает в конфликт с необходимостью сохранения экосистемы, провоцируя загрязнение и деградацию. Разрешение этих многоаспектных проблем требует не фрагментарных, а комплексных интегрированных мер управления, которые должны балансировать между необходимостью устойчивого социально-экономического развития прибрежных территорий и обязательной минимизацией антропогенной нагрузки на хрупкие морские экосистемы, что, вероятно, потребует внесения уточнений в действующее водное законодательство для охвата всего прибрежного ландшафта.

Серьезной проблемой является отсутствие четкой и общедоступной методики разграничения водоохранных зон и ПЗП на местности, особенно в условиях динамично меняющихся береговых линий морей и крупных водохранилищ. Хотя ВК РФ устанавливает фиксированные ширины, фактическое нанесение этих зон на кадастровые карты часто отстает или производится с ошибками, что порождает правовую неопределенность для землепользователей и создает основания для оспаривания запретов. Предлагается внести изменения в статью 65 ВК РФ, обязав Росводресурсы и Росреестр совместно разработать и внедрить унифицированный, автоматизированный электронный реестр границ ВЗ и ПЗП с обязательным требованием о внесении этих границ в ЕГРН в течение шести месяцев после утверждения методики.

Еще один критический аспект функционирования ВЗ – это недостаточная ответственность за нарушение режима использования земель, в частности, за движение и стоянку транспортных средств, не имеющих специального покрытия [9, с. 182]. Действующие санкции по КоАП РФ, в частности статья 8.42, зачастую оказываются недостаточными, поскольку либо сложно доказуемо привлечь нарушителя (из-за отсутствия инфраструктуры контроля), либо размер штрафа не соответствует экологическому ущербу. Необходимо ужесточить статью 8.42 КоАП РФ, введя дифференцированные, значительно увеличенные штрафы для юридических лиц, использующих тяжелую технику в пределах ПЗП, с возможностью приостановления деятельности за повторные нарушения [10].

Проблема усугубляется недостаком стимулирующих мер для собственников и арендаторов земель. В настоящее время ВК РФ фокусируется преимущественно на запретах, но не предлагает эффективных экономических механизмов поощрения природоохранного поведения. Для исправления этого необходимо дополнить статью 65 ВК РФ положением, обязывающим региональные органы власти разрабатывать региональные программы субсидирования или предоставления налоговых льгот (например, по земельному налогу) тем землевладельцам, которые добровольно используют земли ВЗ для создания водоохранных лесополос или обустройства экологически безопасных мест отдыха.

Касательно Прибрежных защитных полос (ПЗП), где ограничения наиболее строги (запрет распашки, размещения отвалов), существует проблема несогласованности правоприменительной практики в отношении уже существующих объектов капитального строительства. Внесение изменений в часть 15 статьи 65 ВК РФ должно включать четкие переходные положения, определяющие порядок приведения в соответствие уже построенных объектов, расположенных в ПЗП, с возможностью их легализации только при условии внедрения систем локальной очистки и компенсационного озеленения, а не автоматического сноса.

Слабость надзорной деятельности также является фактором неэффективности. Природоохранные органы часто не имеют достаточных ресурсов или полномочий для оперативного реагирования на нарушения в отдаленных районах. Решением может стать внедрение системы общественного экологического контроля, что требует внесения изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» [11]. Необходимо наделить общественные инспекции (при официальной регистрации) правом составлять протоколы по статье 8.42 КоАП РФ с последующим их направлением в уполномоченные органы для официального оформления и наложения взыскания.

Также следует обратить внимание на недостаточную детализацию требований к объектам хозяйственной деятельности в ВЗ. Например, требования к мойке транспортных средств или размещению АЗС слишком общие. Предлагается разработать и принять соответствующие подзаконные акты, детализирующие технические требования к очистным сооружениям, которые должны устанавливаться на объектах, разрешенных к эксплуатации в ВЗ, с обязательной ссылкой на эти требования в статье 65 ВК РФ.

Наконец, для устранения правовой неопределенности в части разграничения водного фонда и других категорий земель, необходима законодательная инициатива по уточнению формулировок в ЗК РФ и ВК РФ, чтобы исключить возможность произвольной интерпретации границ. Это может быть достигнуто через гармонизацию статьи 102 ЗК РФ с текущей редакцией статьи 65 ВК РФ, закрепив безусловный приоритет водного законодательства при определении границ водоохранных зон.

Таким образом, проблемы формирования и функционирования водоохранных зон в Российской Федерации носят комплексный характер и охватывают правовые, организационные, технические и социально-информационные аспекты: противоречия в законодательстве, сложности установления границ, слабую межведомственную координацию, несовершенство мониторинга, недостаточную ответственность за

нарушения и низкую осведомлённость собственников земель о действующих ограничениях.

Решение данных проблем требует системного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, унификацию процедур установления границ водоохранных зон, внедрение современных технологий контроля (спутниковый мониторинг, дроны), усиление административной ответственности, экономическое стимулирование соблюдения природоохранных требований и развитие экологического просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pedro Arrojo Agudo/ Report of the Special Rapporteur on the human rights to safe drinking water and sanitation. Human Rights Council. Fifty-seventh session 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/127/91/pdf/g2412791.pdf (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

2. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

4. Аканова, Е. Б. Необходимость установления водоохранных зон и полос / Е. Б. Аканова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 420– 422.

5. Сотин, А. Ю. Правовой режим земель, находящихся в водоохранной зоне / А. Ю. Сотин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 12 (302). – С. 208–209.

6. Водный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.06.1972) (ред. от 12.03.1980, с изм. от 18.01.1985) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3218/ (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

7. Барбашова, Н.В. Правовое регулирование прибрежной зоны морей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. – 2015. – № 1. – С. 44–49.

8. Постановление Совмина РСФСР от 17.03.1989 № 91 (ред. от 27.12.1994) «Об утверждении Положения о водоохранных зонах (полосах) рек, озер и водохранилищ в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1789/ (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

9. Цаплина, А. М. Эколого-правовые проблемы формирования и функционирования водоохранных зон. Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3 (124). – С. 177–184.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.03.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

11. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 04.03.2026). – Загл. с экрана.

PROBLEMS OF FORMATION AND FUNCTIONING OF WATER PROTECTION ZONES AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of formation and functioning of water protection zones in the Russian Federation, which have a negative impact on the effectiveness of protection of water bodies and the rational use of adjacent territories. The paper examines the key difficulties of a legal, organizational and technical nature: gaps and contradictions in the regulatory framework (including between the Water and Land Codes of the Russian Federation), difficulties in establishing the boundaries of water protection zones and coastal protection strips, insufficient coordination between regulatory authorities, imperfection of the monitoring and control system for compliance with a special regime of economic activity. Based on the analysis, specific solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: water protection zones, coastal protection strips, water body, monitoring of water protection zones, rational use of natural resources, environmental control, establishment of boundaries of water protection zones.

Zagorskaya E.D.
Scientific supervisor: Barbashova N.V., Doctor of Law, Professor,
E-mail: liza.zagorskaya.24.04.04@gmail.com

УДК 347.77

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИСТРАЦИОННОГО РЕЖИМА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ И УСЛУГ

Иванченко Т.В.
Научный руководитель: Липинский В. В., д-р истор. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы гражданско-правового регулирования регистрационного режима средств индивидуализации товаров и услуг в Российской Федерации. Авторы применяют сравнительно-правовой, формально-юридический и доктринальный методы для выявления коллизий законодательства, противоречий между национальными нормами и международными обязательствами (в частности, Парижской конвенцией), а также пробелов в процедуре регистрации. Установлено, что разрозненность регистрирующих органов, отсутствие единого реестра средств индивидуализации и несогласованность критериев охраноспособности создают правовые риски и способствуют недобросовестной конкуренции. Предложены меры по унификации регистрационного режима и усилению государственного контроля.
Ключевые слова: средства индивидуализации, регистрационный режим, товарный знак, фирменное наименование, исключительное право, гражданско-правовое регулирование, недобросовестная конкуренция, Роспатент, сходство до степени смешения.

В современной правовой действительности гражданско-правовое регулирование регистрационного режима средств индивидуализации товаров и услуг формирует многоаспектную проблему, обусловленную одновременным действием множества нормативных предписаний из различных отраслей законодательства, наличием коллизий между ними и острой потребностью в их систематизации на базе единой теоретико-правовой концепции. Средства индивидуализации функционируют как условные обозначения - словесные, изобразительные, объемные, звуковые, комбинированные или иные знаки и символы, - посредством которых коммерческая организация выделяется в среде однотипных субъектов хозяйствования, а также обеспечивается уникальная идентификация результатов ее предпринимательской деятельности. Ключевыми инструментами в данной системе выступают товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров, которые после прохождения процедуры государственной регистрации приобретают статус объектов исключительных прав соответствующих правообладателей.

Под товарным знаком и знаком обслуживания законодательство понимает обозначение, предназначенное для индивидуализации товаров либо услуг, производимых или оказываемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (ст. 1477 ГК РФ) [1].

В исследованиях Баттахова П.П. подчеркивается, что товарный знак представляет собой условный знак или символ, размещаемый непосредственно на товарной упаковке или сопроводительных документах и нередко заменяющий собой развернутое и громоздкое наименование производителя [2, с. 17]. Ученый обращает внимание на то, что в соответствии со ст. 1477 ГК РФ за правообладателем закрепляется исключительное право на товарный знак как на обозначение, служащее для идентификации товаров юридического лица или индивидуального предпринимателя, которое подтверждается выданным свидетельством.

Правовую охрану получает также наименование места происхождения товара - обозначение, которое полностью или частично включает современное либо историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное название государства, населенного пункта, местности или иного географического объекта, а равно

производное от такого наименования обозначение, получившее известность благодаря использованию в отношении товара, чьи специфические качества обусловлены преимущественно или исключительно природными особенностями данной территории и (или) традициями человеческой деятельности в этом регионе [2].

Особого внимания заслуживает позиция А.П. Сергеева, допускающего в отдельных случаях применение обозначений, не имеющих прямой этимологической связи с географическими названиями, однако приобретших в общественном сознании устойчивую географическую коннотацию. По мнению автора, для признания такого обозначения объектом промышленной собственности необходимо, чтобы у потребителей оно вызывало четкую ассоциацию с конкретным географическим регионом происхождения товара [3, с. 482].

Одним из наиболее острых вопросов в сфере гражданско-правового регулирования объектов индивидуализации выступает неоднородность и избыточная усложнённость правил их государственной регистрации. Стоит отметить, что именно регистрационный порядок формирует правовую основу для возникновения и последующего использования любого средства индивидуализации, определяя его правовой статус и охраноспособность.

Как справедливо указывают Короев А.А. и Газзаева М.Т., регистрацией средств индивидуализации юридических лиц, а также товаров, работ и услуг занимаются два независимых уполномоченных органа, что обусловливает существенные различия в процедурных подходах к оформлению разных категорий таких средств. По оценке исследователей, регистрация товарных знаков и знаков обслуживания принципиально отличается от порядка утверждения фирменных наименований. Прежде всего, полномочия по проведению данной процедуры возложены на Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент). Кроме того, процесс регистрации товарного знака или знака обслуживания отличается повышенной продолжительностью и многоэтапностью, поскольку каждый вновь заявленный объект подлежит обязательной экспертизе, направленной на установление его соответствия законодательным требованиям, наличия признаков новизны, а также отсутствия сходства до степени смешения с ранее зарегистрированными аналогичными средствами индивидуализации. Далее, сведения о прошедшей регистрацию вносятся в специализированный Единый государственный реестр товарных знаков и знаков обслуживания, формирование и ведение которого также находится в компетенции Роспатента. Завершающим этапом выступает выдача правообладателю Свидетельства на товарный знак либо Свидетельства на знак обслуживания - документа срочного характера, действующего в течение десятилетнего периода [4, с. 188].

Законодательное определение понятия «сходство до степени смешения» применительно к фирменным наименованиям, товарным знакам и знакам обслуживания сформулировано с достаточной степенью определённости. В частности, согласно положениям пункта 3 статьи 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации запрещается применение фирменного наименования, полностью совпадающего с наименованием другого юридического лица либо сходного с ним до степени смешения, при условии осуществления схожих направлений предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, по мнению Клейменовой М.О., серьёзным пробелом правового регулирования остаётся отсутствие нормативных ограничений, касающихся количества видов экономической деятельности, которые могут быть закреплены за юридическим лицом. Автор подчёркивает, что действующее российское законодательство не предусматривает каких-либо количественных рамок для включения видов деятельности в уставные документы организации. Юридическое лицо вправе вносить дополнения или изменения в перечень своих видов деятельности в любой момент без установления предельных ограничений. При этом, как отмечает исследователь, нормативные акты не

обязывают организацию корректировать своё фирменное наименование при изменении или расширении уставного перечня видов деятельности, даже если таковые связаны с присвоением новых кодов по классификатору Федеральной службы государственной статистики [5, с. 29].

Одной из наиболее дискуссионных проблем в сфере интеллектуальной собственности выступает определение юридических оснований и временного момента возникновения исключительного права на средства индивидуализации, в частности на фирменное наименование. Стоит отметить, что на протяжении длительного периода отечественная правовая система не имела однозначного подхода к решению данного вопроса, что проявлялось в двойственной позиции законодателя.

Согласно положению абзаца 2 пункта 4 статьи 54 Гражданского кодекса Российской Федерации исключительное право на фирменное наименование возникает исключительно у коммерческих организаций и обусловлено официальной регистрацией соответствующего наименования в порядке, установленном законодательством. Однако подобный подход вступает в коллизию с нормой статьи 8 Парижской конвенции по охране промышленной собственности, закрепляющей автоматическую правовую охрану фирменных наименований на территории всех государств - участников Конвенции без требования обязательной регистрации или подачи заявки, а также независимо от того, включено ли данное наименование в состав товарного знака. При этом следует учитывать, что в силу прямого указания статьи 15 Конституции РФ международные договоры обладают приоритетом над национальным законодательством при условии их официального опубликования и вступления в силу для Российской Федерации [6].

Научная доктрина неоднократно обращалась к анализу указанной коллизии, однако единой концепции относительно момента возникновения исключительного права на фирменное наименование выработано не было. Так, В.О. Калятин отстаивает позицию, согласно которой иностранное юридическое лицо, способное подтвердить факт использования своего фирменного наименования на территории любого государства - члена Парижского союза, вправе рассчитывать на правовую охрану в Российской Федерации даже при отсутствии его регистрации как на территории России, так и в иных государствах [7, с. 212].

Схожую точку зрения выражает В.В. Орлова, подчеркивая, что регистрация фирменного наименования в едином государственном реестре юридических лиц не порождает само по себе исключительное право, а лишь служит доказательственным средством для подтверждения приоритета в случае возникновения спорной ситуации [8, с. 7].

Корни подобных разногласий в научной и нормативной среде лежат в коллизионных противоречиях законодательства, сформировавшихся после принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик в 1991 году [9]. Именно с этого момента в правоприменительной практике утвердилась концепция, увязывающая возникновение исключительного права на фирменное наименование с моментом его внесения в государственный реестр юридических лиц как формальным юридическим актом, осуществляемым в силу закона при государственной регистрации организации.

Определение критериев охраноспособности средств индивидуализации представляет собой непростую задачу с точки зрения правоприменительной практики и теоретического осмысления. В отличие от объектов патентного права, для которых законодатель закрепляет чёткий и исчерпывающий перечень требований к охраноспособности, в сфере товарных знаков и знаков обслуживания подобного единого нормативного списка не существует. Однако вышеуказанное не означает, что к таким обозначениям не предъявляется никаких условий: они всё же присутствуют, но носят

скорее собирательный и условный характер, формируясь в рамках доктринальных подходов и находя отражение в учебных и научных изданиях.

В отечественной юридической литературе достаточно распространённой стала точка зрения, рассматривающая новизну как одно из существенных требований к обозначению, претендующему на регистрацию. Данная позиция выводится из норм, определяющих основания для отказа в предоставлении правовой охраны. Так, А.П. Рабец, развивая идеи, ранее сформулированные А.П. Сергеевым, указывает, что к категории новых следует относить те обозначения, которые не совпадают полностью и не обладают сходством до степени смешения с уже известными обозначениями, перечисленными в законе [10, с. 49].

Своё видение критерия новизны представляет и С.П. Гришаев, который, признавая его значимость для обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков или знаков обслуживания, трактует его сущность следующим образом: подобные обозначения не должны обладать сходством с уже зарегистрированными или заявленными знаками, используемыми для маркировки однородных товаров или услуг [11, с. 178].

В современных экономических условиях особую остроту приобрели вопросы противоправного оборота средств индивидуализации товаров, работ и услуг, что обусловлено их возрастающей ролью в формировании рыночной репутации производителей и продавцов. Как справедливо отмечают Кудасов О.И. и Кормильцев С.О., масштабы неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности, осуществляемого как изготовителями, так и реализаторами продукции, демонстрируют устойчивую тенденцию к расширению. При этом ключевым инструментом распространения контрафакта выступают цифровые платформы - глобальная сеть Интернет и многочисленные маркетплейсы, что закономерно привлекло повышенное внимание со стороны правоохранительных органов. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что ряд торговых площадок фактически превратился в основной канал дистрибуции поддельной продукции. В ответ на вызовы рынка такие крупные платформы, как Wildberries, Ozon и «Яндекс Маркет», разработали и внедрили комплексную систему борьбы с контрафактом, предусматривающую обязательную проверку у поставщиков разрешительной документации, включая подтверждение прав на использование товарных знаков при вводе товаров в оборот [12, с. 88].

Правовые последствия незаконного применения средств индивидуализации закреплены в нормах административного законодательства: ответственность за подобные деяния предусмотрена статьей 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [13]. Дополнительные разъяснения по вопросам квалификации таких правонарушений содержатся в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [14].

Несмотря на то, что законодательное определение товарного знака и знака обслуживания содержится в статье 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации, его практическое применение нередко сопровождается спорными коллизиями. Вместе с тем ряд авторов, в частности Д.Л. Цыбаков и И.А. Лисенкова, выражают поддержку позиции законодателя, характеризуя данное определение как «четкое и лаконичное» [15, с. 48].

В свою очередь Э.П. Гаврилов обоснованно проводит терминологическое разграничение между понятиями «товарный знак» и «обозначение», подчеркивая, что статус товарного знака возникает исключительно в момент официального юридического оформления соответствующего обозначения в установленном законом порядке, а не автоматически при его создании [16, с. 17].

Несмотря на то, что научная дискуссия вокруг толкования нормы сохраняет свою актуальность, исследователи сходятся во мнении относительно расширения круга субъектов, обладающих потенциальной возможностью стать правообладателями исключительных прав на товарные знаки. Значимым шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 28 мая 2022 г. «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», предоставившего физическим лицам - гражданам РФ - право регистрировать товарные знаки на свое имя [17].

Подобная новелла имеет двойственный характер: с одной стороны, она способствует уравниванию граждан в объеме реализации гражданских прав и открывает возможности для осуществления производных прав (включая наследование товарного знака или его передачу при реорганизации юридического лица); с другой - неизбежно повлечет рост числа регистрационных заявок, увеличивая нагрузку на Федеральную службу по интеллектуальной собственности, а также создаст предпосылки для недобросовестных действий со стороны отдельных заявителей, стремящихся извлечь выгоду из правовых коллизий с подлинными правообладателями. Дополнительную сложность представляет и проблема перегруженности реестра ранее зарегистрированными или заявленными обозначениями, сходными либо тождественными вновь подаваемым знакам.

Стоит отметить, что для упорядочения процедуры регистрации обозначений тем же Федеральным законом от 28 мая 2022 г. № 143-ФЗ в Гражданский кодекс РФ были внесены изменения, установившие запрет на регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, воспроизводящих или имитирующих географические указания и наименования мест происхождения товаров. На наш взгляд, данные поправки имеют принципиальное значение, поскольку наименования мест происхождения товаров (далее - НМПТ) и географические указания (далее - ГУ) представляют собой особую категорию объектов интеллектуальной собственности, призванную обеспечивать правовую охрану географических наименований, связанных с территорией производства товаров, обладающих уникальными качественными характеристиками, обусловленными природными и человеческими факторами (в качестве примеров можно привести такие наименования, как «Кубань», «Вологодское масло», «Тульский пряник»).

Одним из ключевых законодательных обновлений стало внесение изменений в пункт 7 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые устанавливают запрет на официальную регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, полностью совпадающих или обладающих сходством до степени смешения с наименованиями мест происхождения товаров и географическими указаниями. Несмотря на то, что в многочисленных нормативных документах, методических разъяснениях и судебных решениях достаточно подробно раскрывается содержание категории «сходства до степени смешения» применительно к товарным знакам, единой методологии её толкования до сих пор не выработано. Стоит отметить, что данная неопределённость порождает существенные сложности на практике, поскольку критерии, традиционно применяемые при оценке сходства товарных знаков, не всегда корректно переносятся на наименования мест происхождения товаров и географические указания с учётом их особой правовой природы и функционального назначения.

Серьёзной системной проблемой остаётся отсутствие единого информационного ресурса, консолидирующего данные обо всех зарегистрированных средствах индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг. Следовательно, такой пробел создаёт препятствия как для заявителей, стремящихся зарегистрировать новое средство индивидуализации, так и для уполномоченных органов, осуществляющих проверку на наличие сходства до степени смешения между фирменными

наименованиями и товарными знаками или знаками обслуживания. Особую уязвимость представляет регистрационный механизм фирменных наименований, поскольку проверка их на конфликт с ранее зарегистрированными средствами индивидуализации носит формальный характер и не обеспечивает должной надёжности. Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [18] не обязывает регистрирующий орган проводить правовую экспертизу поданных документов и сопоставлять предлагаемое фирменное наименование с уже существующими средствами индивидуализации, включая как фирменные наименования, так и товарные знаки.

В современных условиях констатация тождественности или сходства до степени смешения между средствами индивидуализации возможна лишь в отдельные моменты: при первичной регистрации товарного знака, знака обслуживания или фирменного наименования; при внесении изменений в сведения о видах деятельности юридического лица, обладающего правом на фирменное наименование или товарный знак (знак обслуживания); а также при корректировке профиля деятельности индивидуального предпринимателя, являющегося правообладателем товарного знака или знака обслуживания. Устранение из положений ГК РФ исключения, допускающего использование тождественного или сходного до степени смешения средства индивидуализации в случае осуществления иной, не аналогичной деятельности, могло бы существенно снизить масштабы недобросовестной конкуренции и минимизировать риски введения потребителей в заблуждение на территории Российской Федерации.

Учитывая устойчивую тенденцию к росту проявлений недобросовестной конкуренции и неправомерного использования средств индивидуализации, назрела острая необходимость в установлении государственного надзора за законностью их применения. Функции по осуществлению такого контроля логично возложить на Федеральную антимонопольную службу России, обладающую соответствующим опытом в сфере противодействия недобросовестной конкуренции. При этом как ФАС России, так и Федеральная налоговая служба должны быть наделены процессуальным правом инициировать судебные иски против правообладателей фирменных наименований, не отвечающих требованиям действующего российского и международного законодательства.

Стоит отметить, что для предотвращения спорных ситуаций, связанных с использованием тождественных или сходных до степени смешения фирменных наименований юридическими лицами, осуществляющими схожие виды деятельности, представляется целесообразным исключить из пункта 3 статьи 1474 ГК РФ словосочетание «...если указанные юридические лица осуществляют аналогичную деятельность» и сформулировать норму следующим образом: «Юридическому лицу запрещается использовать фирменное наименование, тождественное фирменному наименованию другого юридического лица или сходное с ним до степени смешения, при условии, что фирменное наименование второго юридического лица было внесено в единый государственный реестр юридических лиц ранее, чем фирменное наименование первого юридического лица».

В целях предотвращения коллизий между средствами индивидуализации участников гражданского оборота российское законодательство установило прямой запрет на государственную регистрацию товарного знака или знака обслуживания, если они тождественны или сходны до степени смешения с ранее возникшим фирменным наименованием, уже зарегистрированным товарным знаком либо знаком обслуживания. Вместе с тем нормативное регулирование содержит существенный дисбаланс: аналогичное ограничение не распространяется на регистрацию фирменного наименования, которое может быть идентично или сходно до смешения с товарным знаком или знаком обслуживания, зарегистрированными ранее.

Порядок практического использования фирменного наименования, товарного знака и знака обслуживания в целом унифицирован. Гражданский кодекс Российской Федерации допускает применение указанных обозначений на продукции, её упаковке, фирменных документах, этикетках, в рекламных материалах, публичных объявлениях, а также в сети «Интернет». Тем не менее пробел в правовом регулировании сохраняется: отсутствует норма, прямо запрещающая регистрацию фирменного наименования, сходного до степени смешения с ранее зарегистрированным товарным знаком, знаком обслуживания или коммерческим обозначением.

Следовательно, для устранения выявленного пробела представляется целесообразным внесение дополнения в статью 1473 Гражданского кодекса Российской Федерации путём включения пункта 6 следующего содержания: «Не могут быть зарегистрированы в качестве фирменных наименований обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с охраняемым в Российской Федерации товарным знаком, знаком обслуживания или коммерческим обозначением (отдельными элементами таких наименований или обозначений) либо с наименованием селекционного достижения, зарегистрированным в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений, права на которые в Российской Федерации возникли у них ранее даты приоритета регистрируемого фирменного наименования».

Таким образом, действующее законодательство Российской Федерации в сфере средств индивидуализации юридических лиц и объектов интеллектуальной собственности демонстрирует определённую незавершённость и требует системного совершенствования. Необходимость реформирования обусловлена, в частности, тем, что товарный знак формирует узнаваемость производителя и его репутацию на рынке, тогда как фирменное наименование может быть зарегистрировано юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем без достаточной связи с уставной деятельностью организации или реальным характером хозяйственных операций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

2. Баттахов, П. П. Проблемы правового регулирования средств индивидуализации / П. П. Баттахов // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 8(176). – С. 16–19.

3. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев. – Москва, 1996. – 624 с.

4. Короев, А.А., Газзаева, М.Т. Вопросы, возникающие при осуществлении регистрационного режима средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг / А.А. Короев, М.Т. Газзаева // В сборнике: Актуальные проблемы права. Сборник научных статей магистрантов. Под ред. Койбаева. Владикавказ, 2018. - С. 186-194.

5. Клейменова, М.О. Проблемы, возникающие при осуществлении регистрационного режима средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг / М.О. Клейменова // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2016. - № 4 (175). - С. 27-31.

6. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.02.2026)

7. Калятин, В. О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учебник / В. О. Калятин. – Москва: Юристъ, 2000. – 416 с.

8. Орлова, Е.Д. Новеллы правового регулирования регистрационных процедур распоряжения исключительным правом на Рид и средства индивидуализации / Е.Д. Орлова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. - 2016. - № 5. - С. 4-10.

9. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик" (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) (ред. от 26.11.2001) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_972/ (дата обращения: 05.02.2026)

10. Рабец, А.П. Правовая охрана товарных знаков в России: современное состояние и перспектива / А.П. Рабец // СПб., 2003. - С. 48-53.

11. Гришаев, С. П. Интеллектуальная собственность: учебное пособие / С. П. Гришаев. – Москва: Юстицинформ, 2003. – 248 с.

12. Кудасова О.И., Кормильцева С.О. Правовое регулирование незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / О.И. Кудасова, С.О. Кормильцева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2022. - № 4 (98). - С. 86-93.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

14. О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 11 // Вестник Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 5. – С. 3–12.

15. Цыбаков, Д. Л. Генезис понятия «Товарный знак» в правовой мысли и юридической практике / Д. Л. Цыбаков, И. А. Лисенкова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1. – С. 45–52.

16. Гаврилов, Э. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: законодательство и доктрина / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2018. – № 8. – С. 14–19.

17. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28 мая 2022 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 23. – Ст. 3892.

18. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3431.

PROBLEMS OF CIVIL LAW REGULATION OF THE REGISTRATION REGIME OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS AND SERVICES

Annotation. The article analyzes the current problems of civil law regulation of the registration regime of means of individualization of goods and services in the Russian Federation. The authors apply comparative legal, formal legal and doctrinal methods to identify legislative conflicts, contradictions between national norms and international obligations (in particular, the Paris Convention), as well as gaps in the registration procedure. It has been established that the fragmentation of the registration authorities, the lack of a unified register of means of individualization and the inconsistency of the criteria of protection create legal risks and contribute to unfair competition. Measures are proposed to unify the registration regime and strengthen state control.

Keywords: means of individualization, registration regime, trademark, brand name, exclusive right, civil law regulation, unfair competition, Rospatent, confusingly similar.

Ivanchenko T.V.
Scientific adviser: Lipinsky V. V., Professor
Donetsk State University
E-mail: ptv0206@mail.ru

УДК 347.12:366.5:[339.16:004.738.5]

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Игнатенко Я.В.
Научный руководитель: Мельниченко Ю. С., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых проблем защиты прав потребителей в условиях цифровой трансформации интернет-торговли. Методами системно-правового и сравнительно-юридического анализа выявлены ключевые пробелы действующего законодательства: отсутствие дефиниции «интернет-магазин», неурегулированность ответственности маркетплейсов, проблемы идентификации продавца и информационной асимметрии. Установлен кризис адаптивности норм ФЗ «О защите прав потребителей» к специфике цифровой коммерции. Обоснована необходимость принятия специального федерального закона «Об интернет-торговле» и формирования комплексной правовой модели с обязательными стандартами информационного сопровождения товаров и механизмами досудебного урегулирования споров.
Ключевые слова: защита прав потребителей, интернет-торговля, цифровая экономика, правовые пробелы, маркетплейсы, дистанционная продажа, информационная асимметрия, электронная коммерция.

В условиях цифровой трансформации экономики интернет-торговля утвердилась как ключевой сегмент розничного рынка, радикально изменив традиционные модели потребительского поведения и коммерческого взаимодействия. Стремительный рост дистанционных продаж, ускоренный пандемией и последующей нормализацией онлайн-форматов, обеспечил потребителям беспрецедентный доступ к товарам при одновременном снижении операционных издержек для бизнеса. Однако данная трансформация сопровождается формированием специфического правового поля, где технологическая динамика опережает нормотворческие процессы, создавая условия для системных нарушений прав потребителей: от несоответствия товара описанию и искусственного усложнения процедур возврата до распространения контрафактной продукции и мошеннических схем.

Современная правовая база, базирующаяся преимущественно на Федеральном законе «О защите прав потребителей» и дополненная Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463, а также отдельными нормами Гражданского кодекса РФ (ст. 497), демонстрирует принципиальную недостаточность для регулирования отношений в цифровой среде. Законодательство, изначально ориентированное на офлайн-торговлю, не учитывает специфику онлайн-взаимодействий: отсутствуют четкие дефиниции понятия «интернет-магазин», не определены критерии субъектного состава ответственности в цепочке «платформа - продавец - потребитель», а нормы о публичной оферте (ст. 437 ГК РФ) не адаптированы к практике алгоритмической персонализации цен и условий продажи. Особенно остро стоит проблема идентификации продавца: многочисленные онлайн-площадки умышленно скрывают юридические реквизиты, а продажи через физических лиц без статуса индивидуального предпринимателя (как в сетевом маркетинге) фактически лишают потребителя возможности реализовать предусмотренные законом механизмы защиты.

Нерешенной частью общей проблемы выступает комплексный дефицит регулирования трансграничной интернет-торговли, где коллизии применимого права, сложности юрисдикции и отсутствие международно-правовых механизмов защиты прав потребителей создают правовой вакуум. Параллельно остаются нерегламентированными вопросы ответственности маркетплейсов за действия сторонних продавцов, недостаточная защита персональных данных при онлайн-покупках, а также отсутствие обязательных стандартов информационного сопровождения товара (фотографии,

видеодемонстрации, достоверные отзывы), что усугубляет информационную асимметрию между продавцом и потребителем. Следовательно, вышеуказанные пробелы свидетельствуют о необходимости перехода от фрагментарного регулирования к системному правовому подходу, учитывающему технологическую специфику цифровой коммерции.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе правовых проблем защиты прав потребителей в интернет-торговле и разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства в указанной сфере.

В условиях стремительного цифрового развития современного общества интернет-торговля превратилась в одну из доминирующих форм коммерческой деятельности, кардинально трансформировав традиционные модели взаимодействия между продавцами и покупателями. Дистанционный способ продаж позволяет участникам рынка осуществлять коммерческие операции с минимальными издержками и в максимально удобном режиме: потребитель получает доступ к широкому ассортименту товаров, не выходя из дома, а продавец значительно снижает расходы, связанные с арендой торговых площадей и содержанием штатного персонала.

Однако подобная тенденция, несмотря на очевидные преимущества, сопровождается рядом негативных явлений, требующих пристального внимания со стороны государства и регулирующих органов. Нарушение сроков доставки, несоответствие товара заявленному описанию, искусственные барьеры при возврате и обмене продукции - все эти факторы создают серьезные угрозы для прав потребителей в онлайн-пространстве и требуют комплексного правового регулирования [1, с. 403].

Особый импульс развитию электронной коммерции придал период пандемии коронавируса, когда большинство стационарных торговых точек были вынуждены приостановить деятельность, в то время как онлайн-магазины продолжали функционировать в штатном режиме, столкнувшись с резким всплеском спроса на разнообразные категории товаров. Именно в этот период дистанционная торговля заняла приоритетное место в структуре розничных продаж, что одновременно спровоцировало обострение проблем, с которыми сталкивались потребители при совершении онлайн-покупок. Стремительный рост интернет-торговли, обусловленный ее доступностью и удобством, породил повышенные риски приобретения некачественной продукции, систематические нарушения сроков доставки, получение товаров, не соответствующих визуальному представлению и техническим характеристикам, заявленным на платформе, а также искусственное усложнение процедур возврата и обмена [2, с. 105].

Нормативно-правовую основу регулирования отношений в сфере защиты прав потребителей при интернет-торговле составляет Федеральный закон «О защите прав потребителей», дополненный рядом законодательных актов, регламентирующих особенности электронной коммерции. Отдельные аспекты дистанционной продажи затрагиваются статьей 497 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], устанавливающей специфику договора розничной купли-продажи, заключаемого на расстоянии.

В начале 2021 года Правительством РФ было принято Постановление от 31 декабря 2020 г. № 2463 [4], утвердившее Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи, а также перечни товаров длительного пользования и непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену.

Тем не менее, существующая система нормативно-правовых актов явно недостаточна для полноценного регулирования отношений, возникающих в рамках интернет-торговли. Законодатель не успевает своевременно реагировать на происходящие технологические и рыночные изменения, что создает правовые пробелы и затрудняет эффективную защиту прав потребителей. Современное законодательство, изначально разработанное для регулирования традиционных форм торговли,

демонстрирует недостаточную эффективность в условиях онлайн-продаж, а отсутствие четких дефиниций и процедурных норм существенно осложняет реализацию потребительских прав. В частности, остается неясным, что именно следует понимать под термином «интернет-магазин», какие именно сайты и онлайн-платформы подпадают под действие законодательства о защите прав потребителей, а какие остаются в правовом вакууме [5, с. 144].

Одной из наиболее острых проблем в сфере интернет-торговли выступает идентификация продавца. Если при покупке товара в традиционном магазине потребитель имеет возможность установить продавца и в случае нарушения своих прав обратиться за защитой в Роспотребнадзор или судебные инстанции, то при дистанционной покупке потребитель зачастую получает лишь товар без каких-либо идентифицирующих продавца признаков. Многие онлайн-площадки сознательно не указывают на своих сайтах ни наименование продавца, ни его юридический адрес, а в тех случаях, когда подобная информация присутствует, она нередко не совпадает с данными, указанными в товарных документах или платежных подтверждениях. В ряде ситуаций в качестве продавцов выступают физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, что полностью лишает покупателя возможности воспользоваться предусмотренными законодательством механизмами защиты прав. Ярким примером подобной практики служит продажа косметической продукции компаний Oriflame и Avon, где в качестве продавцов выступают частные лица, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя, вследствие чего при возникновении претензий к качеству косметики потребитель не имеет возможности предъявить их официальному продавцу в установленном законом порядке.

Закон «О защите прав потребителей» [6] не содержит четких правил, определяющих порядок заключения договоров в онлайн-режиме, особенно в отношении условий доставки, возврата товара и гарантийных обязательств продавца. Отсутствует типовой договор для упрощенного заключения договора купли-продажи дистанционным способом, что предоставляет интернет-магазинам неограниченную свободу в определении условий контракта, включая потенциально противоречащие законодательству положения. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить минимальный перечень сведений, которые обязан предоставить продавец при заключении электронного договора.

Фактически предложение о заключении договора купли-продажи дистанционным способом является публичной офертой, регламентируемой статьей 437 Гражданского кодекса РФ, предполагающей обязанность продавца заключить договор с каждым обратившимся лицом на равных условиях. Однако на практике равенство условий для всех покупателей в интернет-торговле гарантировано быть не может: цена товара, указанная на сайте продавца, может варьироваться в зависимости от географического положения покупателя и типа устройства, с которого совершается покупка (стационарный компьютер или мобильный телефон). Продавцы активно используют геолокационные технологии для определения местоположения потребителя и могут предлагать различную ценовую политику в зависимости от региона. Например, жителям удаленных регионов зачастую предлагаются более высокие цены по сравнению с жителями крупных городов, что формально обосновывается транспортными издержками. Поскольку потребитель не имеет возможности определить, какую цену платят другие покупатели за аналогичный товар, к договору купли-продажи крайне сложно применить правила о ничтожности дискриминационных условий. Соответственно, устранить данную проблему правовыми методами представляется затруднительным.

Кроме ценовых различий, факторами неравенства в интернет-торговле могут выступать региональные ограничения доступности отдельных товаров или их

доступность исключительно для пользователей определенных устройств. Стоимость и сроки доставки при этом могут существенно отличаться в зависимости от местоположения покупателя, создавая дополнительные барьеры для реализации прав потребителей. Особую сложность представляет определение применимого законодательства при разрешении споров, если продавец и покупатель находятся в разных странах, что требует разработки международно-правовых механизмов защиты прав потребителей в трансграничной электронной коммерции.

Не менее острой проблемой выступает недостаточный контроль за рекламными материалами и отзывами в интернет-пространстве, что способствует распространению недостоверной информации о товарах. Потребитель не имеет возможности полноценно оценить товар и его свойства до совершения покупки, поскольку в рекламных материалах могут содержаться завышенные характеристики продукции, искусственно завышенные скидки или неверные условия доставки. Пожалуй, наиболее критичным вопросом остается распространение через интернет-магазины некачественных товаров и контрафактной продукции. Дистанционный способ продажи затронул практически все сферы человеческой жизни, а отсутствие возможности осмотреть товар перед покупкой в сочетании с недостаточным контролем за деятельностью онлайн-продавцов создает благоприятную почву для мошенничества и реализации контрафакта [7, с. 174]. Особую остроту эта проблема приобретает в сфере продажи товаров, непосредственно влияющих на здоровье и безопасность потребителей, таких как медицинские изделия и лекарственные препараты, где риски для здоровья покупателей существенно возрастают.

Нередки ситуации нарушения сроков доставки товара, которые могут быть обусловлены как объективными логистическими проблемами, так и недобросовестностью продавца, создающей существенные неудобства для потребителя, особенно если товар необходимо получить в строго определенный срок. Дополнительные сложности возникают в случаях, когда фотографии и описание товара на интернет-платформах не соответствуют действительности: потребитель может получить продукцию, отличающуюся по размеру, цвету, качеству или комплектации от того, что он ожидал приобрести на основании представленной продавцом информации.

Процесс возврата товара, купленного онлайн, зачастую сопряжен с существенными трудностями и, как правило, оказывается сложнее, чем в традиционных магазинах. Продавцы не всегда предоставляют удобные и понятные инструкции по возврату, а в правилах интернет-магазина могут быть прописаны условия, искусственно затрудняющие возврат товара, например, чрезмерно строгие требования к сохранности упаковки или сокращенные сроки обращения. Нередки случаи, когда продавцы отказывают в возврате товара без предоставления четких аргументов, ссылаясь на «ненадлежащее использование», либо намеренно задерживают возврат денежных средств. В качестве особых площадок для интернет-торговли выступают маркетплейсы (Ozon, Wildberries, Lamoda, СберМаркет, Яндекс Маркет). Если вопросы возврата товара на крупных маркетплейсах в целом достаточно отрегулированы и построены в лояльном к потребителю ключе, то возврат некачественного товара в средних и малых интернет-магазинах все еще может быть существенно затруднен [8, с. 157].

В интернет-торговле возникают спорные вопросы относительно распределения ответственности за качество товара, особенно если он был приобретен у посредника, например, на интернет-площадке, где продавцом выступает частное лицо. Установление точного местонахождения продавца для предъявления ему претензии может представлять серьезную сложность для потребителя. Потребителю остается неясным, должна ли интернет-платформа нести ответственность за действия продавцов, осуществляющих продажи на ее площадке, что требует законодательного уточнения субъектного состава ответственности в цепочке «платформа - продавец - потребитель».

В современных условиях немаловажную роль играет защита персональных данных. Покупки в интернет-магазинах требуют предоставления определенной персональной информации: номера телефона, адреса доставки, банковских реквизитов. Недостаточная защита этой информации создает серьезные риски кражи личных данных и совершения мошеннических операций с использованием украденных сведений.

Все перечисленные проблемы свидетельствуют о том, что потребитель при совершении онлайн-покупок нуждается в повышенной защите своих прав со стороны государства. Как справедливо отмечает М.А. Горбунов, развитие отдельных институтов информационного общества затрагивает сущность государства как регулятора общественных отношений [9, с. 395]. Рассмотренные правовые проблемы убедительно свидетельствуют о необходимости создания более четкой и эффективной системы защиты прав потребителей в интернет-торговле.

В условиях стремительного развития электронной коммерции представляется необходимым разработка специального закона «Об интернет-торговле», который бы четко урегулировал все взаимоотношения между продавцом и покупателем в онлайн-пространстве, определил правила заключения договоров, ответственность сторон и механизмы защиты прав потребителей. Важно точно определить понятие «интернет-магазин», ввести четкие правила заключения дистанционного договора, описывающие процедуры заказа, оплаты, доставки, возврата и обмена товара, а также гарантийные обязательства продавца. Законодателю следует разработать и внедрить эффективные механизмы разрешения споров между продавцами и покупателями в онлайн-пространстве, включая создание специализированных онлайн-платформ для урегулирования конфликтных ситуаций в досудебном порядке.

Со стороны государственных органов необходимо усилить контроль за деятельностью интернет-магазинов, в том числе в аспекте проверки соответствия их деятельности законодательству, осуществления контроля за качеством товаров и условиями их продажи. Немаловажную роль играет повышение правовой грамотности потребителей: следует проводить информационные кампании в сфере онлайн-покупок, рассказывать гражданам об их правах и обязанностях, о способах защиты своих прав и о возможных рисках при приобретении товаров на интернет-площадках. Целесообразным представляется создание специализированного интернет-ресурса по повышению цифровой грамотности потребителей, формированию навыков поиска информации о товаре и правильной ее оценки, осознанности выбора при совершении онлайн-покупок [10, с. 21].

Поскольку потребитель не имеет возможности осмотреть товар перед покупкой и принимает решение о его приобретении исключительно на основании информации и изображений, предоставленных продавцом, целесообразно обязать продавца предоставлять подробные информационные материалы. Потребитель должен получать исчерпывающую информацию о товаре, включая его технические характеристики, фотографии в высоком разрешении с различных ракурсов, отзывы других покупателей и видеоматериалы с демонстрацией товара в действии. В связи с этим необходимо разработать механизмы компенсации за несоответствие представленного образца реальному товару, например, предоставление скидки или возмещение части стоимости товара [11, с. 170].

В заключение следует констатировать, что интернет-торговля, утвердившись как неотъемлемый элемент современной экономики, создала принципиально новую парадигму потребительских отношений, в которой технологическая динамика системно опережает развитие правовых механизмов их регулирования. Проведенный анализ свидетельствует о глубоком кризисе адаптивности действующего законодательства, базирующегося на нормах, разработанных для офлайн-торговли, к специфике цифровой коммерции. Ключевым проявлением данного кризиса выступает формирование

правового вакуума в наиболее чувствительных для потребителя аспектах: отсутствие легального определения понятия «интернет-магазин» порождает неопределенность субъектного состава, а неурегулированность ответственности маркетплейсов за действия сторонних продавцов фактически лишает потребителя эффективных инструментов защиты при приобретении некачественного товара. Не менее остро стоит проблема идентификации продавца, особенно в случаях реализации товаров физическими лицами без статуса индивидуального предпринимателя, что создает условия для полного ухода от ответственности и формирует зону правовой безответственности в цифровой среде.

Выявленные правовые пробелы обусловлены не только техническим устареванием нормативной базы, но и фундаментальным несоответствием традиционных правовых конструкций логике цифровой экономики. Принцип публичной оферты, закрепленный в статье 437 Гражданского кодекса РФ, теряет свою защитную функцию в условиях алгоритмической персонализации цен и условий продажи, когда потребитель лишен возможности установить факт дискриминации в ценообразовании. Параллельно отсутствие обязательных стандартов информационного сопровождения товара - включая требования к качеству визуального представления, достоверности отзывов и полноте технических характеристик - усугубляет информационную асимметрию, превращая потребителя в уязвимую сторону договора. Особенно критичной представляется ситуация в сфере трансграничной электронной коммерции, где коллизии применимого права, сложности установления юрисдикции и отсутствие международно-правовых механизмов защиты создают условия для полного игнорирования прав российских потребителей иностранными продавцами.

Стоит отметить, что для преодоления указанных системных дефектов необходим переход от фрагментарного совершенствования отдельных норм к формированию комплексной правовой модели, учитывающей технологическую специфику цифровой коммерции. В качестве первоочередной меры представляется целесообразным принятие специального федерального закона «Об интернет-торговле», который бы установил единые правила функционирования онлайн-рынка, четко определил статус и ответственность всех участников цифровой торговой цепочки, включая платформы, продавцов и посредников. Законодательное закрепление минимального перечня обязательных сведений в электронном договоре, включающего не только реквизиты продавца, но и детализированные условия доставки, возврата и гарантийного обслуживания, станет важным шагом к снижению информационной асимметрии. Необходимо также ввести нормативные требования к качеству информационного сопровождения товара - обязательные фотографии в высоком разрешении с различных ракурсов, видеодемонстрации функционала и механизмы верификации отзывов - с одновременным установлением ответственности продавца за существенное несоответствие реального товара его цифровому представлению.

Перспективы развития правового регулирования интернет-торговли связаны с созданием многоуровневой системы защиты прав потребителей, сочетающей усиление государственного контроля, развитие институтов саморегулирования и повышение цифровой грамотности населения. Целесообразно учредить специализированные онлайн-платформы для досудебного урегулирования споров с обязательным участием представителей маркетплейсов, что сократит издержки потребителей и ускорит разрешение конфликтов. Параллельно требуется разработка международно-правовых соглашений в рамках ЕАЭС и с ключевыми торговыми партнерами для унификации стандартов защиты прав потребителей в трансграничной электронной коммерции.

Таким образом, только комплексный подход, объединяющий законодательную модернизацию, технологическое обеспечение прозрачности торговых операций и просветительскую деятельность, позволит сформировать баланс интересов участников

цифрового рынка и обеспечить реализацию конституционного права граждан на защиту прав потребителей в условиях цифровой трансформации экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солдатова, Д. А. Проблемы защиты прав потребителей при дистанционной торговле // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: Сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Кострома, 22–23 апреля 2022. - Кострома: Костромской государственный университет, 2022. - С. 401-405.

2. Орел, В. И. Особенности защиты прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров / В. И. Орел, В. Г. Пузырев, И. В. Васильева // Медицина и организация здравоохранения. - 2023. - Т. 8. - № 4. - С. 103–110.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34983/ (дата обращения: 15.02.2026).

4. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 (ред. от 17.05.2024) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. Горбунов, М.А., Тимербаев, А.Р. Защита прав потребителей в интернет-торговле: правовые проблемы и перспективы / М.А. Горбунов, А.Р. Тимербаев // Закон и право. - 2025. - № 1. - С. 142-146.

6. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 15.02.2026).

7. Плахова, Е. С. Защита прав потребителей в России: административно-правовой аспект // Наука. Общество. Государство. - 2020. - Т. 8. - № 3 (31). - С. 169–179.

8. Бокхан, Л. Е. Проблемы защиты прав потребителей в интернет-торговле // Аграрное и земельное право. - 2023. - № 12 (228). - С. 157–158.

9. Горбунов, М. А. Государство и право в эпоху цифровой трансформации общества: новая парадигма или утрата правовой основы // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: В 3-х частях. Часть 3. – Москва: Проспект, 2019. - С. 391–399.

10. Черноштанова, Н.И. Проблема защиты прав потребителей при дистанционной торговле в сети "интернет" / Н.И. Черноштанова // Интернаука. - 2023. - № 23-4 (293). - С. 20-22.

11. Князев, И. К. Механизмы защиты прав потребителей в условиях интернет-торговли // МИР: Молодежь. Инициатива. Развитие: Материалы молодежного форума. Нижний Тагил, 13–14 апреля 2023 / Отв. ред. О. В. Калашникова. – Нижний Тагил – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. – С. 168–175.

CONSUMER PROTECTION IN ONLINE COMMERCE: LEGAL ISSUES AND PROSPECTS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the legal problems of consumer protection in the context of the digital transformation of online commerce. The methods of system-legal and comparative-legal analysis revealed the key gaps in the current legislation: the lack of a definition of "online store", the unresolved responsibility of marketplaces, the problems of seller identification and information asymmetry. The crisis of adaptability of the norms of the Federal Law "On Consumer Rights Protection" to the specifics of digital commerce has been identified. The necessity of adopting a special federal law "On online Commerce" and forming a comprehensive legal model with mandatory standards for information support of goods and mechanisms for pre-trial dispute resolution is substantiated.

Keywords: consumer protection, online commerce, digital economy, legal gaps, marketplaces, remote sales, information asymmetry, e-commerce.

Ignatenko Ya.V.
Scientific adviser: Melnichenko Yu.S., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 34.096

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Карпенко А.А.
Научный руководитель: Тимофеева А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых рисков, возникающих в связи интеграцией технологий искусственного интеллекта в судебные системы зарубежных стран (Европейский Союз, США, Китай). Исследуется теоретико-правовая проблема трансформации природы правосудия под воздействием алгоритмических систем принятия решений и выявляются угрозы реализации права на справедливое судебное разбирательство. На основе анализа судебной практики и законодательства определяются ключевые риски: алгоритмическая предвзятость, проблема «черного ящика», «синдром ленивого судьи» и феномен автоматизационной предвзятости. Обосновывается необходимость институционального закрепления «права на человеческого судью» как гарантии защиты основополагающих прав в условиях цифровизации.
Ключевые слова: конституционные права, конституционно-правовые риски, искусственный интеллект, нейросеть, судопроизводство, судопроизводство.

Введение. Современный этап развития мирового конституционализма характеризуется вызовом, спровоцированным стремительной интеграцией технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процессуальные правоотношения. В зарубежных правопорядках, в частности в США, Китае и ряде стран Европейского Союза, алгоритмизация судопроизводства перешла из стадии теоретического моделирования в фазу активной правоприменительной практики. Внедрение систем предиктивной аналитики (predictive justice) и автоматизированного принятия решений (ADM) направлено на оптимизацию судебной нагрузки и повышение эффективности администрирования правосудия. Однако это порождает конфликт с фундаментальными принципами верховенства права, ставя под угрозу саму гуманистическую сущность судебной власти [7].

Ключевая научная проблема исследования заключается в онтологическом противоречии между традиционной природой правосудия, основанной на моральной оценке и внутреннем убеждении судьи, и механистической парадигмой алгоритмического судопроизводства, базирующейся на обработке больших данных. Если человеческое правосудие строится на дедуктивном применении нормы к уникальным обстоятельствам, то машинное «правосудие» оперирует индуктивной статистикой, подменяя казуальность корреляцией. Это создает риски нарушения конституционных гарантий: права на справедливый суд, презумпции невиновности и принципа равенства сторон, превращая субъекта права в объект математического вычисления [8].

Несмотря на наличие значительного массива публикаций, посвященных этике ИИ (M. Ebers, G. Gentile), в доктрине отсутствует единая систематизация конституционно-правовых рисков, возникающих именно на стыке процессуального права и компьютерных технологий. Нерешенной остается проблема определения пределов допустимости делегирования дискреционных полномочий судьи программному обеспечению. Кроме того, в науке конституционного права наблюдается дефицит обоснований необходимости выделения нового поколения прав человека, в частности «права на человеческого судью» как самостоятельной конституционной гарантии [15].

Целью настоящей статьи является проведение анализа конституционно-правовых рисков применения ИИ в зарубежном судопроизводстве для выявления угроз правам человека и обоснования необходимости механизмов защиты. Анализируется практика

применения алгоритмов оценки рисков в США, опыт цифровизации судов в Китае, а также регулирование в Европейском Союзе, направленное на обеспечение прозрачности и подконтрольности искусственного интеллекта.

Основная часть. Фундаментальное противоречие конфликта между традиционным отправлением правосудия и механизмами работы ИИ кроется в природе машинного обучения. Классическое судебное познание строится на юридическом силлогизме: норма права применяется к фактам дела для получения судебного решения. При этом судья интерпретирует закон через призму конкретных обстоятельств, внутреннего убеждения и морали, оценивая доказательства в совокупности.

В противовес этому, предиктивные алгоритмы ИИ оперируют исключительно методами индуктивной статистики и теории вероятностей. Искусственный интеллект не способен к смысловому пониманию правовой нормы как социального регулятора. Для нейросети закон и факты дела представляют собой обезличенный массив данных, в котором необходимо найти скрытые математические закономерности (паттерны). Машина не исследует причинно-следственные связи в социальном контексте, а вычисляет вероятность наступления события на основе проекции прошлого опыта.

Такой подход создает онтологический разрыв: решение суда перестает быть актом применения права к уникальной жизненной ситуации и становится результатом вероятностного моделирования. В такой ситуации индивидуальная вина подменяется статистическим прогнозом, а судопроизводство утрачивает свою сущность восстановления справедливости, превращаясь в автоматизированную процедуру управления рисками, где человек рассматривается не как уникальная личность, а как набор цифровых параметров, подлежащих классификации [18].

Наиболее остро конституционные риски проявляются при использовании систем оценки рисков (risk assessment tools) в уголовном судопроизводстве США. Программы типа COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) или PSA (Public Safety Assessment) активно используются судами для прогнозирования вероятности рецидива при избрании меры пресечения или определении наказания. Алгоритм сопоставляет данные подсудимого с базой данных других правонарушителей.

Функционирование таких систем базируется на методологии группового профилирования, что подрывает основы индивидуальной уголовной ответственности. Алгоритмы оценивают не личную вину индивида, а степень статистического сходства с абстрактной группой лиц, совершавших преступления в прошлом. Фактически вводится презумпция опасности, основанная на коллективной статистике [13].

Ярким примером конституционно-правовой коллизии стало дело State v. Loomis (2016, Верховный суд штата Висконсин (США)). Подсудимый Эрик Лумис оспорил использование отчета алгоритма COMPAS, указав на нарушение права на надлежащую правовую процедуру. Защита аргументировала, что использование закрытого алгоритма лишает подсудимого права знать основания обвинения. Суд, признав определенные риски, постановил, что использование ИИ допустимо при условии рекомендательного характера выводов. При этом было признано право разработчика не раскрывать исходный код, ссылаясь на коммерческую тайну [17]. Это решение легитимизировало практику использования «секретных доказательств» (black box evidence), что несовместимо с принципами гласности и состязательности.

Ситуация усугубляется проблемой «черного ящика». Методы глубокого обучения (deep learning) создают настолько сложные модели, что процесс принятия ими решений становится непрозрачным даже для самих разработчиков. Нелинейные связи между миллионами параметров внутри нейросети делают невозможным объяснение конкретного вывода. Это порождает правовой тупик – судья не может мотивировать решение, логику которого не понимает, а подсудимый не может оспорить то, что скрыто в «черном ящике» [14].

Отсутствие интерпретируемости нарушает право на мотивированное судебное решение. Процесс превращается в процедуру веры в технологию, что лишает сторону защиты возможности реализовать принцип «равенства оружия» (equality of arms). А правосудие становится эзотерическим процессом, доступным пониманию лишь узкого круга технических специалистов и закрытым для участников процесса.

Системным риском является алгоритмическая предвзятость и цифровая дискриминация. ИИ обучается на исторических данных, содержащих социальные предрассудки. Расследование ProPublica (2016) показало, что алгоритм COMPAS систематически завышал риски рецидива для афроамериканцев (ложноположительные результаты). Машина таким образом консервирует и масштабирует историческую несправедливость [20].

Особую угрозу представляют «прокси-переменные». Даже при законодательном запрете ввода данных о расе или поле, ИИ находит коррелирующие факторы – почтовый индекс, уровень дохода, которые де-факто служат маркерами для сегрегации. Таким образом, нарушается конституционный принцип равенства перед законом: система дискриминирует людей не за их поступки, а за их социально-демографический профиль [19].

Отдельного внимания заслуживает феномен «автоматизационной предвзятости». Исследования показывают, что судьи, особенно в условиях высокой нагрузки и дефицита времени, склонны некритично доверять рекомендациям компьютерных систем, воспринимая их как более объективные. Это ведет к формированию зависимости от технологии, когда судья превращается в оператора ЭВМ, утверждающего машинные вердикты.

Такая практика ведет к фактическому делегированию судебной власти от государства к частным IT-корпорациям. Если судья систематически соглашается с алгоритмом, де-факто решение принимает разработчик кода, который не имеет конституционного статуса и не несет ответственности за судебные ошибки. Происходит потеря судейской независимости [16].

Внедрение систем алгоритмической оценки рисков вступает в коллизию с гарантиями Билля о правах. Использование алгоритмов лишает сторону защиты возможности отслеживать вычисление риска рецидива. Это создает угрозу нарушения Пятой и Четырнадцатой поправок к Конституции США в части права на надлежащую правовую процедуру, поскольку обвиняемый лишается доступа к данным, на которых базируется судебный акт. Невозможность провести перекрестный допрос алгоритма или его разработчиков ограничивает реализацию Шестой поправки, закрепляющей право на очную ставку и эффективную защиту. Кроме того, алгоритмическая предвзятость прямо противоречит Четырнадцатой поправке, гарантирующей равную защиту закона, так как машинное обучение способно воспроизводить латентную дискриминацию уязвимых групп населения [1].

Зарубежный опыт внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в судопроизводство демонстрирует разнообразие моделей. Китайская Народная Республика реализует модель «технологического императива», где система «Умный суд» (Smart Court) интегрирована во все этапы судопроизводства. ИИ автоматически генерирует проекты судебных решений и контролирует судей на предмет отклонения от «стандартной» практики. Особого внимания заслуживает система «206», внедренная в судах Шанхая. Она автоматически верифицирует доказательства и указывает судье на возможные ошибки. Если судья принимает решение, противоречащее рекомендациям системы, он обязан предоставить письменное обоснование, что создает «охлаждающий эффект» для судейских полномочий [19].

В тоже время в китайских «интернет-судах» (Ханчжоу, Пекин, Гуанчжоу) происходит трансформация самого принципа отправления правосудия. В этих судах

алгоритмы самостоятельно ведут процессы по мелким гражданским спорам: анализируют исковые заявления и предлагают сторонам автоматическое урегулирование. Несмотря на сокращение времени рассмотрения дел, существуют риски нарушения права на доступ к правосудию для лиц, не обладающих цифровой грамотностью. Фактически, состязательный процесс подменяется административной процедурой, где роль судьи сводится к техническому утверждению результата.

Ключевой проблемой китайской модели является реализация принципа «аналогичное дело – аналогичное решение» посредством ИИ. Система способствует унификации судебной практики, стимулируя судей к принятию решений, соответствующих статистической норме. Это нивелирует индивидуализацию наказания и ведет к формализации правосудия. Конституционный риск заключается в угрозе независимости судей, которые становятся заложниками алгоритмической беспринципности, опасаясь вынести справедливое, но нестандартное решение, которое система классифицирует как «аномальное» [19].

Интеграция платформы «Умный суд» и предиктивных систем в КНР порождает риски для конституционных основ правосудия. Согласно ст. 131 Конституции КНР, народные суды осуществляют судебную власть независимо, без вмешательства административных органов, общественных организаций и отдельных лиц. Однако делегирование ИИ полномочий по генерации проектов решений создает давление на судейский корпус. Обязанность судьи предоставлять письменное обоснование при любом отклонении от рекомендации фактически умаляет гарантию независимости. Одновременно с этим, полная автоматизация процессов в «интернет-судах» ставит под угрозу реализацию ст. 130 Конституции КНР, императивно закрепляющей гласность судопроизводства и право обвиняемого на защиту. Вытеснение состязательных процедур цифровой логикой сужает возможности сторон по отстаиванию своей позиции [4].

В противовес этому, Европейский Союз избрал жесткий риск-ориентированный подход. Принятый Регламент об искусственном интеллекте AI Act (2024) относит системы ИИ, используемые в правосудии, к категории «высокого риска». Документ устанавливает строгие требования к качеству данных, прозрачности, человеческому надзору и точности. Однако ключевым правовым барьером на пути бесконтрольной автоматизации в ЕС остается ст. 22 Общего регламента по защите данных (GDPR), закрепляющая право субъекта не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке данных, если оно порождает юридические последствия. Это положение де-юре запрещает полную замену судьи алгоритмом в европейском правовом пространстве [11].

На уровне отдельных государств ЕС конституционные риски имеют свою специфику. Во Франции развитие систем предиктивной аналитики создало угрозу независимости судей. Анализ персональной судебной практики влечет риск давления на внутреннее убеждение суда, что прямо нарушает ст. 64 Конституции Франции (гарантия независимости судебной власти). Для противодействия законодатель Законом о реформе правосудия (Loi n 2019-222) императивно запретил использование персональных данных судей и секретарей для прогнозирования их профессиональной практики. Данный запрет предотвращает манипулирование судейским корпусом со стороны разработчиков программного обеспечения [2; 11].

В ФРГ пределы применения ИИ в судопроизводстве ограничены принципом правового государства. Согласно абз. 1 ст. 101 Основного закона ФРГ, никто не может быть лишен законного судьи. Делегирование полномочий нейросетям рассматривается доктриной как незаконное изъятие дела из ведения надлежащего суда. Кроме того, оценка личности подсудимого алгоритмами противоречит ст. 1 Основного закона ФРГ о неприкосновенности человеческого достоинства. Сведение индивида к набору цифровых параметров для вынесения судебного акта квалифицируется как умаление

правосубъектности человека. Следовательно, полная автоматизация правосудия в ФРГ конституционно недопустима [3].

Европейская этическая хартия использования ИИ в судебных системах (CEPEJ) формулирует принцип «подконтрольности пользователю»: судья должен оставаться «основой» процесса, а ИИ - лишь вспомогательным инструментом [18]. Однако сложность алгоритмов, используемых для анализа доказательств или поиска прецедентов, создает риски латентного влияния. ЕС пытается это купировать через сертификацию систем ИИ и оценку воздействия на права человека перед их внедрением, что создает дополнительный уровень конституционной защиты [13].

В ЕС алгоритмизация судопроизводства пресекается через привязку к наднациональным стандартам прав человека. Применение ИИ в судебной деятельности рассматривается как фактор, способный нарушить ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ст. 47 Хартии Европейского союза об основных правах, которые гарантируют право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом [5, 6]. В ответ, европейский Регламент об искусственном интеллекте классифицирует ИИ-системы как системы «высокого риска», требуя внедрения механизмов человеческого надзора [12].

Следует отметить, что в западной юридической науке (M. Gorski, J.G. Roberts) формируется концепция «права на человеческого судью». Это право подразумевает, что любой акт правосудия, затрагивающий фундаментальные свободы, должен исходить от человека-судьи, наделенного эмпатией и способностью к моральному суждению. Человеческий фактор рассматривается как гарантия справедливости, поскольку только человек способен оценить нюансы, недоступные математической логике, и проявить милосердие там, где формальная логика требует жестокости [15].

«Право на человеческого судью» должно включать: запрет на полностью автоматизированные решения в уголовном и административном процессе; право знать об использовании ИИ в деле; право на объяснение логики алгоритма на доступном языке; право требовать пересмотра решения человеком без использования автоматизированных подсказок. Эти гарантии должны стать частью конституционного «цифрового надлежащего процесса». Внедрение ИИ также требует обеспечения реального равенства сторон, что может потребовать государственного субсидирования технологической экспертизы для защиты.

Критическим риском является латентная приватизация правосудия. Использование проприетарных алгоритмов, защищенных правом интеллектуальной собственности частных корпораций, делает ключевые элементы публичного механизма коммерческой тайной, что конфликтует с принципом гласности судопроизводства.

Правосудие должно не только свершаться, но и быть очевидным для общества, однако «алгоритмическое правосудие» скрыто за корпоративной завесой, что подрывает доверие граждан к судебной системе как гаранту справедливости и превращает суд в зависимого потребителя коммерческих IT-услуг, чьи внутренние механизмы неподконтрольны демократическому обществу [13].

Наконец, внедрение ИИ создает непреодолимые процессуальные барьеры для реализации права на эффективный пересмотр судебных решений. Традиционная апелляция базируется на критике логических ошибок и неверной оценки доказательств в мотивировочной части приговора. Однако в случае применения нейросетей, генерирующих результат без экспликации причинно-следственных связей, обжалование становится фактически невозможным. Сторона защиты лишается возможности указать на конкретную ошибку в суждениях, так как юридическое «суждение» заменено математической калькуляцией. Это диктует насущную необходимость разработки новых процессуальных стандартов «технологической надлежащей процедуры», включающих

обязательный независимый аудит алгоритмов и возможность оспаривания самих исходных данных, на которых обучалась система, а не только конечного результата [2].

Выводы. Проведенный анализ позволяет констатировать, что масштабная цифровая трансформация судебных систем обнажила конфликт между технократическим стремлением к эффективности и ценностями конституционализма. Бесконтрольная алгоритмизация, как показывает опыт США и Китая, ведет к деформациям правового поля: непрозрачные алгоритмы («черные ящики») разрушают стандарты надлежащей правовой процедуры, зависимость судей от ИИ нивелирует принцип независимости и беспристрастности, подменяя внутреннее убеждение математическим расчетом.

Установлено, что ключевыми рисками являются нарушение принципа индивидуализации ответственности и угроза дискриминации. Системы оценки рисков, основанные на групповом профилировании, фактически наказывают человека за его принадлежность к определенной социальной группе, а не за совершенные деяния. Использование исторических данных закрепляет системное неравенство на технологическом уровне и лишает уязвимые слои населения эффективных средств правовой защиты.

В ответ на эти вызовы правопорядки выстраивают защитные механизмы (например, AI Act в ЕС), закрепляя приоритет человеческого контроля. Однако законодательного регулирования недостаточно без доктринального переосмысления прав человека. Приоритет должен отдаваться конституционным ценностям, требующим прозрачности инструментов, ограничивающих свободу личности.

Основным вектором развития должно стать институциональное закрепление «права на человеческого судью». Это право гарантирует, что окончательное судебное решение всегда является результатом человеческого осмысления и моральной оценки. Только сохранение «человеческого лица» правосудия способно обеспечить легитимность судебной власти и защиту человеческого достоинства в эпоху алгоритмического управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: Пер. с англ. / сост. В. И. Лафитский, ред., вступит. ст. О. А. Жидкова. — Москва: Прогресс, 1993. — 768 с. — Текст: непосредственный. Т. 1. — 1993. — 336 с. — ISBN 5-01-002746-1: 25 р.

2. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. (с изм. и доп.): офиц. пер. на рус. яз. — Париж, 2009. — 55 с. — Текст: электронный. — URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 19.02.2025).

3. Основной закон Федеративной Республики Германия (Grundgesetz) : русскоязычное издание. — Бонн: Bundeszentrale für politische Bildung, 2022. — 115 с. — Текст: электронный. — URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/Grundgesetz%20Russisch.%20WEB_Zum%20Download.pdf (дата обращения: 19.02.2025).

4. Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г.) // Изд-во лит-ры на иностр. языках. – Пекин, 2021.

5. Хартия Европейского союза об основных правах (Принята в г. Ницце 07.12.2000) // Официальный журнал Европейского Союза. – 2012. – С 326. – С. 391–407.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – №2. – Ст. 163.

7. Остроумов, Н.В. Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителей искусственного интеллекта / Н.В. Остроумов // Законность и правопорядок. – 2021. – № 3(31). – С. 61-66.

8. Балалаева, Ю.С. Риски использования искусственного интеллекта в юридической сфере: анализ и пути минимизации / Ю.С. Балалаева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024.

9. Заготовкин, Д.Ф., Рыльский К. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации / Д.Ф. Заготовкин, К. Рыльский // Российские исследования. Право и политика. – 2025. №1.

10. Loi n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice // Journal Officiel de la République Française. – 2019. – 24 Mars. – Texte n° 2.

11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. – 2016. – L 119. – P. 1–88.

12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L.

13. Ebers, M. Truly Risk-based Regulation of Artificial Intelligence: How to Implement the EU's AI Act / M. Ebers // European Journal of Risk Regulation. – 2024. – Vol. 4.

14. Gentile G. AI in the courtroom and judicial independence: an EU perspective / G. Gentile // EUIdeas. – 2022.

15. Górski, M. Why a Human Court? On the Right to a Human Judge in the Context of the Fair Trial Principle / M. Górski // Eucrim. – 2023. – Vol. 18(1). – P. 83-88.

16. Roberts J. G. 2023 Year-End Report on the Federal Judiciary / J.G. Roberts // Supreme Court of the United States. – 2023. – 13 p.

17. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016).

18. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. – Council of Europe, 2018.

19. Shen, W. Revisiting AI Justice in China: Rationale and Risks behind the Progressive Movement / W. Shen // University of Oxford Centre for Socio-Legal Studies. – 2024.

20. Angwin J. Machine Bias: There’s software used across the country to predict future criminals. And it’s biased against blacks [Electronic resource] / J. Angwin, J. Larson, S. Mattu, L. Kirchner // ProPublica. – 2016. – URL: https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (date of access: 13.02.2026).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RISKS OF APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIARY OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. This article provides a comparative legal analysis of the constitutional and legal risks arising from the integration of artificial intelligence technologies into the judicial systems of foreign jurisdictions (the European Union, the USA, and China). It explores the theoretical and legal problem concerning the transformation of the nature of justice under the influence of algorithmic decision-making systems, identifying threats to the realization of the right to a fair trial. Based on an analysis of case law and legislation, the study identifies key risks: algorithmic bias, the 'black box' problem, 'lazy judge syndrome,' and the phenomenon of automation bias. The paper substantiates the necessity for the institutional enshrinement of the 'right to a human judge' as a safeguard for fundamental rights in the context of digitalization.

Keywords: artificial intelligence, judiciary, constitutional rights, due process, right to a human judge.

Karpenko A.A.
Scientific adviser: Timofeeva A.A. Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: alexandrkarpenko05@yandex.ru

УДК 342.95:628.1(470.72)

АДМИНИСТРАТИВНО - ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОСТАНОВЛЕНИЯ ВОДОСНАБЖЕНИЯ В ДНР: МОДЕЛЬ ОСОБОГО РЕЖИМА

Карцева К.И.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, заведующая кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье предложен подход к преодолению системного кризиса в сфере жизнеобеспечения через призму конструирования специального административно-правового режима. На примере ситуации с водоснабжением в Донецкой Народной Республике (ДНР) обосновывается тезис о дисфункции классических регуляторных моделей (тарифной, концессионной, надзорной) в условиях наложения факторов чрезвычайной ситуации, критического износа инфраструктуры и смены юрисдикции. Анализ практики создания Оперативного штаба и реализации Госпрограммы восстановления позволяет автору перейти от констатации проблем к правовому проектированию. Сформулированы ключевые элементы специального режима: легитимация чрезвычайных органов управления, финансовая модель «бюджетного донора», упрощенные процедуры и «дорожная карта» перехода к нормативному функционированию.
Ключевые слова: специальный административно-правовой режим, критическая инфраструктура, водоснабжение, чрезвычайная ситуация, правовое регулирование, дисфункция права.

Системный кризис, возникающий при коллапсе критической инфраструктуры, ставит под сомнение базовые презумпции административного права о стабильности объекта регулирования и соразмерности стандартных управленческих инструментов. Право, рассчитанное на нормальные, рутинные условия функционирования общества, оказывается в состоянии глубокой дисфункции, когда его нормы и процедуры перестают соответствовать реальности, а иногда и прямо препятствуют ее исправлению. Ситуация с водоснабжением в Донецкой Народной Республике (ДНР) выступает репрезентативным и крайне показательным кейсом, демонстрирующим это состояние правовой дисфункции в ее наиболее остром проявлении. Здесь классические регуляторные модели — тарифная, инвестиционная, надзорная — полностью теряют свою эффективность и предметность в условиях наложения множества экстраординарных факторов: последствий военных действий, искусственной блокады ключевых источников, климатических аномалий и многолетней, накопленной десятилетиями физической деградации объектов инфраструктуры. Целью настоящего исследования является правовой анализ сложившегося комплекса проблем не как набора технических неисправностей, которые можно устранить по отдельности, а как системного вызова управляемости, требующего для своего разрешения целенаправленного конструирования целевого, переходного специального административно-правового режима. Научная новизна работы заключается в синтезе анализа текущих, стихийно сложившихся чрезвычайных практик управления и разработке на их основе формализованной модели переходного правового регулирования, призванного обеспечить эволюционный, легитимный и предсказуемый путь от аварийного функционирования к устойчивому развитию и последующей интеграции в общее правовое поле Российской Федерации.

Кризис водоснабжения ДНР обладает уникальной многослойной структурой, где каждый фактор не просто добавляется к другим, но синергетически усугубляет их действие, создавая правовой вакуум и ситуацию, когда обычные нормы становятся фиктивными. Это не просто авария, это системный сбой условий существования территории.

1.1. Геополитический и исторический контекст: утрата магистрального источника. Традиционное жизнеобеспечение промышленного Донбасса с середины XX века было неразрывно связано с работой масштабных гидротехнических сооружений — каналов

«Северский Донец — Донбасс» и «Днепр — Донбасс», созданных в период индустриализации для обеспечения водой гигантских промышленных предприятий и растущих городов. После событий 2014 года, а особенно с февраля 2022 года, ключевые объекты этой системы, включая головные насосные станции в районе Славянска, критически важные участки каналов, были либо разрушены, либо оказались на неподконтрольной территории. Это привело не к случайной поломке, а к целенаправленной водной блокаде региона, имеющей стратегическое значение. Таким образом, проблема перестала быть сугубо технической или коммунальной; она трансформировалась в затяжной гуманитарный кризис и прямую угрозу экологической безопасности, поскольку остановка систем водоотведения грозит катастрофическим загрязнением. Это фундаментальное изменение условий существования территории, переводящее вопрос из сферы жилищно-коммунального хозяйства в плоскость чрезвычайной гуманитарной ситуации, национальной безопасности и выживания.

1.2. Физический коллапс распределительной сети и парадокс правоприменения. Наиболее острой внутренней проблемой, которая обессмысливает применение стандартных норм административного и жилищного права, является состояние внутригородских и поселковых распределительных сетей. Их физический износ, по экспертным оценкам, достигает 80-90%, что является показателем не просто плохого состояния, а предраспада системы. Это порождает ряд глубоких правовых коллизий, делающих обычное регулирование не только неэффективным, но и абсурдным. Коллапс тарифной модели является наиболее ярким примером. Экономически обоснованный тариф, краеугольный камень регулирования в сфере водоснабжения и водоотведения по Федеральному закону № 416-ФЗ, полностью теряет связь с реальностью, когда фактические потери воды в сетях из-за постоянных порывов (до 120 в сутки только в Донецке) составляют 50-68% от подаваемого объема, что в разы превышает любые допустимые нормативы. Тариф, рассчитанный для покрытия таких экстраординарных, аварийных потерь, был бы социально неподъемным для населения, находящегося в тяжелейших экономических условиях. Невозможность контрольно-надзорной деятельности также очевидна. Требования законодательства о бесперебойности и качестве услуг объективно невыполнимы в условиях, когда вода подается по жесткому графику раз в 2-4 дня, а каждый запуск системы после перерыва сопровождается гидравлическими ударами, приводящими к новым авариям. Санкции за нарушение этих требований теряют всякий предупредительный и восстановительный смысл, превращаясь в формальное, бессмысленное наказание за объективную невозможность.

1.3. Ограниченность и временный характер альтернативных инженерных решений. В качестве экстренного, вынужденного ответа на водную блокаду в 2023 году в рекордные сроки был построен водовод «Дон — Донбасс» проектной мощностью 288 тыс. кубометров в сутки. Безусловно, это грандиозное инженерное и трудовое достижение, предотвратившее гуманитарную катастрофу. Однако необходимо трезво оценивать его компенсаторный и временный характер. Во-первых, его текущая реальная подача (около 250 тыс. кубометров) покрывает менее трети от необходимых региону 850 тыс. кубометров в сутки, что вынуждает сохранять режим жесткой экономии и подачи по графику. Во-вторых, его эффективность в значительной степени нивелируется колоссальными потерями в изношенных распределительных сетях: вода, с таким трудом доставленная из Дона, буквально уходит в землю через многочисленные порывы. В-третьих, он сам является уязвимым линейным объектом и зависит от водного баланса реки Дон, который в последние годы также страдает от маловодья и климатических изменений. Таким образом, этот масштабный инфраструктурный проект, будучи жизненно важным, является не окончательным решением, а критически необходимой временной мерой. Он лишь подчеркивает, что для полного восстановления требуется не только инженерный подвиг, но и комплексный правовой подход, создающий

специальные условия для управления восстановлением всей системы в переходный период.

2. Стихийное формирование практик чрезвычайного управления и их правовая маргинальность.

Осознание полной неработоспособности обычных административных механизмов привело к спонтанному возникновению на практике элементов управления, характерных для режима чрезвычайной ситуации. Эти элементы сложились как вынужденная и адекватная реакция на кризис, однако существуют они в условиях правового вакуума или прямого противоречия с действующими нормами, что снижает их легитимность, предсказуемость и конечную эффективность.

2.1. Фактический отказ от стандартных регуляторных институтов. В условиях глубокого, многофакторного кризиса классические инструменты государственного регулирования демонстрируют свою полную несостоятельность и оторванность от реальности. Инвестиционные модели, такие как государственно-частное партнерство (ГЧП) или концессионные соглашения, которые могли бы привлечь частный капитал для восстановления, здесь не работают. Высокие политические, инфраструктурные, репутационные и правовые риски, связанные с нестабильностью территории и неясностью долгосрочных правовых гарантий, полностью блокируют приток частных инвестиций, которые работают по логике возврата и прибыли. Тарифное регулирование, как уже было подробно показано, также теряет свой базовый экономический смысл. Его фундаментальная логика — возмещение экономически обоснованных затрат эффективного оператора — разрушена в условиях, когда основная часть затрат приходится не на производство услуги, а на компенсацию аварийных потерь. Формальное применение тарифных методик в такой ситуации приводит к абсурдным результатам.

2.2. Спонтанные административные практики как прообраз специального режима. Реакцией на этот управленческий и правовой вакуум стали меры, по своей сути верные и необходимые для выживания, но выходящие за рамки типовых процедур, предусмотренных административным и жилищным законодательством. Эти практики требуют срочной правовой легитимации, чтобы превратиться из разрозненных указаний в целостную систему. Во-первых, это создание ежедневно работающего Оперативного штаба, осуществляющего прямое межведомственное управление, оперативное распределение ресурсов (людей, техники, материалов) и координацию аварийных работ в режиме реального времени, что характерно для центральных органов специального режима. Во-вторых, введение нетарифных механизмов снабжения: организация подвоза воды автоцистернами в отрезанные районы, установка накопительных емкостей во дворах, прямое административное регулирование розничных цен на бутилированную питьевую воду (например, снижение с 5-6 до 3,5 рублей за литр) и предоставление адресных субсидий населению для компенсации возросших расходов. В-третьих, реализация целевой Государственной программы восстановления ДНР, утвержденной Постановлением Правительства РФ, которая устанавливает режим прямого бюджетного финансирования капитальных работ, фактически замещая собой рыночные и тарифные механизмы мобилизации средств. В-четвертых, четкая постановка высшим руководством стратегической цели: окончательное решение проблемы водоснабжения напрямую увязывается с освобождением Славянска и восстановлением канала «Северский Донец — Донбасс», что определяет не только инженерную, но и политическую, инфраструктурную логику всех действий на годы вперед. Эти содержательно верные и вынужденные практики существуют сегодня как набор разрозненных административных решений, оперативных распоряжений и программных документов, а не как целостный, прозрачный и предсказуемый правовой режим. Их правовая маргинальность создает риски произвола, затрудняет долгосрочное

планирование, осложняет отчетность и в конечном счете снижает общую эффективность управления восстановлением.

3. Проект специального административно-правового режима восстановления: от практики к правовой конструкции

Для перехода от реактивных, хотя и жизненно необходимых мер к стратегии планомерного, легитимного и эффективного системного восстановления требуется целенаправленное правотворчество. Необходим специальный нормативный акт высшей юридической силы (отдельный Федеральный закон или комплексное Постановление Правительства РФ, наделенное силой закона для данной территории), целенаправленно конструирующий целевой переходный административно-правовой режим восстановления критической инфраструктуры. Его ключевыми, взаимосвязанными элементами должны стать следующие блоки, призванные легализовать и систематизировать сложившуюся практику.

1. Легализация и наделение полномочиями чрезвычайного координирующего органа (на базе Оперативного штаба). Закон должен не просто констатировать существование такого органа, а четко закрепить его правовой статус, состав, порядок формирования и подчиненность (непосредственно Правительству РФ или уполномоченному вице-премьеру). Ему должны быть делегированы исключительные права на оперативное перераспределение финансовых, материальных и человеческих ресурсов между федеральными и региональными ведомствами, подрядными организациями и силовыми структурами для решения приоритетных задач. Ключевым полномочием должно стать право принимать обязательные решения, которые на период действия специального режима временно приостанавливают действие отдельных административных барьеров, не связанных напрямую с безопасностью жизни и здоровья. Речь идет об избыточно длительных процедурах государственных и муниципальных закупок по 44-ФЗ и 223-ФЗ для аварийно-восстановительных работ, о многочисленных и длительных согласованиях в области градостроительства, землепользования и экологической экспертизы для объектов восстановления.

2. Установление переходной финансовой модели «бюджетного донора» на период 5-7 лет. Специальный режим должен честно, открыто и законодательно закрепить тот факт, что на период активного восстановления магистральной и распределительной инфраструктуры основное бремя финансирования капитального ремонта, реконструкции и нового строительства несет федеральный бюджет в рамках целевых программ. Местный тариф на водоснабжение и водоотведение в этот переходный период должен быть законодательно ограничен в своей функции: он может использоваться исключительно для покрытия текущих эксплуатационных расходов — заработной платы персонала, закупки реагентов для очистки, оплаты электроэнергии. Это социально устойчиво, так как сохраняет тариф на низком, доступном для населения уровне, и экономически прозрачно — население платит только за текущее содержание системы, а за ее масштабное обновление платит государство как гарант жизнеобеспечения территории и субъект, ответственный за ее интеграцию.

3. Введение упрощенного порядка организации восстановительных работ. Режим должен включать пакет специальных, ускоренных административных процедур, действующих на подконтрольной территории ДНР для объектов, включенных в программу восстановления. К ним должны относиться: специальный, максимально сокращенный порядок проведения закупок товаров, работ и услуг для нужд восстановления (например, упрощенный конкурс или прямое заключение контрактов с организациями, имеющими соответствующий опыт и допуски); ускоренные, «зеленые» коридоры для проведения обязательных государственных экспертиз проектной документации и результатов работ; «оконный» механизм приемки завершенных этапов работ с минимальной бюрократической волокитой и оперативным доступом к

финансированию. Эти меры критически важны в условиях чрезвычайной ситуации, когда промедление в ремонте напрямую угрожает жизнеобеспечению тысяч людей.

4. Принятие императивной «дорожной карты» с четкими этапами. Документ, учреждающий специальный режим, не должен быть бессрочным. Он должен законодательно закрепить четкую последовательность фаз восстановления с ясными критериями перехода от одной к другой, что создаст предсказуемость для всех участников. Первый этап — аварийно-восстановительный (ориентировочно 1-2 года). Его цель — стабилизация системы, ликвидация основных аварийных участков, обеспечение минимально приемлемого, но гарантированного графика подачи воды. Второй этап — этап полной реконструкции сетей и источников (3-5 лет). Цель — плановая замена изношенных распределительных сетей, восстановление или строительство новых источников водоснабжения и современных очистных сооружений. Третий этап — интеграции в нормативное правовое поле РФ. Его суть — постепенный, по факту готовности конкретных объектов и систем, возврат к действию стандартных регуляторных требований ФЗ № 416-ФЗ, Жилищного кодекса, внедрение экономически обоснованных тарифов и полноценных рыночных механизмов хозяйствования. Специальный режим должен автоматически прекращать свое действие на конкретной территории по достижении целевых показателей, зафиксированных в «дорожной карте».

Таким образом, кризис водоснабжения ДНР вскрыл фундаментальный пробел в административном праве России: отсутствие разработанных, легитимных и гибких правовых механизмов для управления критической инфраструктурой в условиях ее комплексного, многофакторного коллапса, когда обычное отраслевое регулирование не просто затруднено, а становится дисфункциональным и неадекватным. Стихийно сложившиеся практики чрезвычайного управления, включая прямое бюджетное финансирование, создание оперативных штабов и вынужденный отход от тарифных принципов, являются адекватным, но несистемным и слабо проработанным в правовом отношении ответом на вызов. Следующим необходимым шагом является правовая институционализация этих практик через создание специального переходного административно-правового режима. Такой режим не является и не должен быть перманентным. Его суть и ценность — выполнять роль правового «костыля» или «переходного моста», позволяющего кризисной системе пройти путь от состояния аварийного выживания до точки, где вновь становятся применимы, эффективны и справедливы общие нормы отраслевого законодательства. Предложенная модель, основанная на легитимации чрезвычайных органов, модели финансирования-донора, упрощенных процедурах и четкой законодательной этапности, может служить правовым шаблоном не только для решения водной проблемы Донбасса. Она актуальна для правового регулирования восстановления иных элементов критической инфраструктуры (энергетика, транспорт, связь, теплообеспечение) в условиях схожих комплексных кризисов, будь то последствия масштабных природных катастроф, техногенных аварий или иных чрезвычайных ситуаций, ведущих к правовой дисфункции. Опыт ДНР актуализирует задачу формирования в отечественной науке административного права нового научно-практического направления, посвященного правовым режимам посткризисного восстановления и управления в условиях системных сбоев и временной неработоспособности общего регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин рассказал, когда решится проблема с водоснабжением Донецка // Парламентская газета. – 2025. – 19 декабря. URL: https://www.pnp.ru/social/prezident-rasskazal-kogda-reshitsya-problema-s-vodosnabzheniem-donecka.html

2. Донбасс готовится встретить «Большую воду» // Публично-правовая компания «Военно-строительная компания». – 2023. – 30 апреля. URL: https://vskmo.ru/2023/04/30/donbass-gotovitsya-vstretit-bolshuyu-vodu/

3. Пушилин Д.В. о причинах водной блокады в ДНР и их устранении // Официальный сайт Главы ДНР. – 2025. – 15 августа. URL: https://denis-pushilin.ru/press/denis-pushilin-rasskazal-o-prichinah-vodnoj-blokady-v-dnr-i-ih-ustranenii/

4. Постановление Правительства РФ от 22.12.2023 № 2255 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики"». URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-22122023-n-2255/

5. Матюшин А. Водоснабжение Донбасса: как предотвратить катастрофу // Литературная газета. – 2025. – 21 августа. URL: https://lgz.ru/article/vodosnabzhenie-donbassa/

ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT FOR THE RESTORATION OF WATER SUPPLY IN THE DPR: A SPECIAL REGIME MODEL

Annotation. The article proposes an approach to overcoming a systemic crisis in the field of life support through the prism of constructing a special administrative and legal regime. Using the example of the water supply situation in the Donetsk People's Republic (DPR), the thesis is substantiated that classical regulatory models (tariff, investment, supervisory) lose their effectiveness under the combined influence of military operations, artificial blockade, critical infrastructure wear, and climate anomalies. The author analyzes the spontaneous formation of emergency management practices (Operational Headquarters, direct budget financing, non-tariff mechanisms) and proves their legal marginality in the absence of a formalized regime. The scientific novelty of the work lies in the transition from stating problems to legal design: a model of a special transitional administrative and legal regime is proposed. Its key elements are the legitimization of emergency coordinating bodies, a temporary "budget donor" financial model, simplified procedures, and a clear roadmap for the transition from emergency operation to sustainable development and integration into the common legal framework of the Russian Federation.
Keywords: special administrative and legal regime, critical infrastructure, water supply, emergency situation, legal regulation, legal dysfunction, post-crisis recovery, Donetsk People's Republic, state program.

Kartseva K.I.
Scientific adviser: E.M. Synkova, Dr. of Law, Prof., Head of the Department
of Administrative and Financial Law,
Donetsk State University
E-mail: nora11@bk.ru

УДК 342.951:628.1

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ В СФЕРЕ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ: ВЫЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Карцева К.И.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В представленной статье проводится анализ административно-правового механизма, регулирующего отношения в области водоснабжения и водоотведения в Российской Федерации. Раскрывается публично-правовая сущность данной сферы, обуславливающая активное участие государства. Основной акцент сделан на изучении ключевых системных противоречий, снижающих действенность существующего правового режима. В их число входят внутренние коллизии и пробелы в нормативно-правовой базе, институциональные рассогласования, недостатки тарифно-инвестиционной модели, а также низкая результативность контрольно-надзорной деятельности. В заключительной части работы автор предлагает комплекс взаимодополняющих мер, нацеленных на усовершенствование системы регулирования. К ним отнесены шаги по гармонизации законодательства, реструктуризации институциональной среды, модернизации экономических механизмов отрасли и внедрению риск-ориентированной модели контроля.
Ключевые слова: водоснабжение и водоотведение, административное право, публичный сервис, естественная монополия, гарантирующая организация, тарифообразование, концессия, государственный надзор.

Водоснабжение и водоотведение представляют собой критически важный сегмент национальной инфраструктуры, от устойчивого функционирования которого напрямую зависит не только бытовой комфорт, но и санитарно-эпидемиологическое благополучие, состояние окружающей среды, а в конечном счете — социальная стабильность и национальная безопасность. Эта отрасль является материальным фундаментом для реализации целого ряда конституционных прав и свобод граждан, что предопределяет ее особый статус в системе публичного управления. В настоящее время отрасль сталкивается с комплексом серьезных вызовов структурного характера: критический уровень износа основных фондов, достигающий в среднем по стране 60-70%, финансовая неустойчивость многих операторских компаний, особенно в малых населенных пунктах, необходимость технологического перевооружения в условиях импортозамещения, а также ужесточение экологических и санитарных нормативов. В данных условиях качество и адекватность административно-правового регулирования приобретают значение стратегического приоритета, определяющего возможность преодоления накопленных дисбалансов [1, с. 4]. Однако, несмотря на существование развитого законодательного поля во главе с Федеральным законом № 416-ФЗ, правоприменительная практика повсеместно выявляет устойчивые системные сбои, носящие институциональный характер. Эти сбои препятствуют эффективной реализации публичных интересов, блокируют инвестиции и консервируют техническую отсталость. Целью настоящего исследования является проведение комплексного, многоаспектного анализа административно-правового режима как целостного управленческого механизма, регулирующего сферу водоснабжения и водоотведения, глубокая диагностика его ключевых дисфункций и формулировка концептуальных, взаимосвязанных предложений по его системной модернизации.

1. Обоснование специального административно-правового режима в сфере водоснабжения и водоотведения

Формирование и поддержание специального правового режима в рассматриваемой области не является произвольным решением законодателя, а объективно обусловлено уникальной публично-правовой природой регулируемых отношений. Эта природа проявляется в трех фундаментальных, взаимосвязанных аспектах, которые в своей совокупности исключают возможность регулирования исключительно рыночными методами и требуют активного, системного участия государства.

1.1. Социально-гарантийная функция. Услуги водоснабжения и водоотведения в современном обществе перестали быть просто экономическим благом, предметом обычного гражданско-правового обмена. Они трансформировались в материальную основу, необходимое условие для реализации фундаментальных конституционных прав человека на жизнь, охрану здоровья и благоприятную окружающую среду, что прямо закреплено в статьях 41 и 42 Конституции РФ. Данное обстоятельство кардинально меняет их правовую природу, превращая в объект публичной заботы и социальной гарантии. Это возлагает на государство не негативную обязанность невмешательства, а позитивную обязанность по активному обеспечению всеобщей, непрерывной и безопасной доступности данных услуг. Выполнение этой обязанности должно осуществляться вне зависимости от краткосрочной коммерческой целесообразности их оказания на отдельных, особенно депрессивных или малонаселенных, территориях. Таким образом, сфера ВВ становится зоной прямой ответственности социального государства, что предопределяет необходимость специального правового режима, гарантирующего исполнение данной социальной функции.

1.2. Естественно-монопольная модель. Технологическая специфика отрасли, неразрывно связанная с созданием и эксплуатацией уникальных, крайне капиталоемких и недублируемых сетевых инфраструктур (трубопроводы, очистные сооружения, насосные станции), объективно исключает саму возможность формирования конкурентной среды на рынках транспортировки воды и сточных вод. Потребитель оказывается в структурно неравном, зависимом положении по отношению к единственному оператору на конкретной территории. В таких условиях классические механизмы свободного рынка — конкуренция, законы спроса и предложения — перестают работать как регуляторы качества и цены. Это фундаментальное обстоятельство делает прямое государственное регулирование не просто допустимым, а необходимым. Оно реализуется через утверждение тарифов, установление обязательных стандартов качества и надежности, введение разрешительного (лицензионного) порядка осуществления деятельности и детальный контроль за инвестиционными программами операторов. Государство в этой модели выступает как суррогат конкуренции, защищая интересы конечного потребителя.

1.3. Высокий уровень публичных рисков. Технологические процессы в данной сфере изначально сопряжены с прямыми и масштабными угрозами безопасности населения и экосистемам. Риски носят публичный характер: поставка воды ненадлежащего санитарно-эпидемиологического качества может привести к вспышкам заболеваний; нарушение бесперебойности подачи, особенно в крупных городах, — к социальной дестабилизации; аварии на сетях водоотведения — к загрязнению водных объектов и необратимому экологическому ущербу. Высокая концентрация таких рисков обуславливает необходимость установления детализированных императивных требований технического и санитарно-эпидемиологического характера, которые носят превентивный характер. Это также требует функционирования жесткой системы лицензирования, отсеивающей непрофессиональных участников, и осуществления комплексного, постоянного государственного надзора, направленного на минимизацию вероятности реализации угроз.

Совокупность указанных факторов — социальной гарантии, естественной монополии и высоких рисков — объективно требует формирования целостного административно-правового режима. Под таким режимом понимается не просто набор законов, а стабильная, внутренне согласованная система правовых норм, институтов, процедур и методов властного воздействия, специально предназначенная для достижения публичных целей (безопасность, доступность, надежность, долгосрочная устойчивость) в условиях, когда рыночные регуляторы неэффективны или опасны [2, с. 10-13]. Данный режим характеризуется повышенной плотностью и детализированностью регулирования, специфическим составом субъектов с особым правовым статусом

(гарантирующие организации, регуляторы) и сочетанием методов прямого административного предписания с элементами экономического стимулирования.

2. Комплекс системных проблем, препятствующих эффективному регулированию
Тщательный анализ текущего состояния отрасли и правоприменительной практики позволяет выявить не разрозненные недостатки, а устойчивый комплекс взаимосвязанных дисфункций. Эти дисфункции носят системный характер и образуют «порочный круг», который ставит под сомнение результативность действующего правового режима, блокируя позитивные изменения и воспроизводя кризисные явления.

2.1. Несовершенство нормативно-правовой базы. Законодательство в сфере водоснабжения и водоотведения, несмотря на наличие базового закона, отличается фрагментарностью, внутренней противоречивостью и несогласованностью с другими отраслями права. Наблюдаются устойчивые коллизии между нормами Федерального закона № 416-ФЗ, Жилищного кодекса РФ (регулирующего отношения в МКД) и Водного кодекса РФ (регулирующего отношения водопользования). Это приводит к дублированию регулирования и, что хуже, к правовым пробелам на стыке различных правовых режимов. Яркий пример — процедуры технологического присоединения новых объектов к централизованным системам, где пересекаются требования градостроительного, жилищного, земельного и водного законодательства, создавая почву для длительных согласований и коррупционных рисков. Кроме того, массив подзаконных актов (правил, постановлений) чрезмерно велик и часто нескоординирован. Особую проблему представляют устаревшие технические регламенты (СанПиН, своды правил), зачастую не соответствующие современным технологическим реалиям. Они основаны на жестких предписывающих нормах («как делать»), а не на регулировании по результату («что должно быть достигнуто»), что создает искусственные барьеры для модернизации инфраструктуры и внедрения энергоэффективных технологий [1, с. 18-26].

2.2. Институциональные противоречия. Ключевой проблемой практической реализации режима является отсутствие четкого, бесспорного разграничения зон ответственности между ресурсоснабжающей организацией (РСО) и управляющей компанией (УК/ТСЖ) за качество услуг на конечном участке сети — так называемой «последней миле», внутри дома. Неопределенность в установлении границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности (часто по умолчанию — по границе внешней стены МКД) приводит к классической ситуации взаимного снятия ответственности. В случае порыва внутридомового стояка или ухудшения качества воды из-за состояния внутридомовых сетей потребитель оказывается в центре затяжного спора между РСО и УК, что делает невозможным оперативное устранение нарушения и защиту его прав. Также наблюдается глубинный конфликт между публичным статусом гарантирующей организации (ГО), обязанной обеспечивать бесперебойность и качество для всех потребителей на территории, и ее хронической экономической неустойчивостью, особенно в малых муниципальных образованиях с низкой платежеспособностью населения. Двойственная природа организаций ВВ — коммерческий субъект, стремящийся к прибыли, и субъект, несущий публичные обязанности в сфере экологической и санитарной безопасности — порождает постоянный внутренний конфликт интересов. Этот конфликт разрешается, как правило, в пользу экономии средств в ущерб долгосрочным инвестициям в безопасность и надежность [3, с. 27-41].

2.3. Дисфункции тарифно-инвестиционной модели. Финансовая система отрасли исторически и до сих пор базируется на модели всеобъемлющего перекрестного субсидирования, при которой искусственно заниженные тарифы для населения компенсируются завышенными тарифами для промышленных потребителей и бюджета. Эта архаичная модель, унаследованная из плановой экономики, создает целый каскад негативных последствий. Она грубо искажает рыночные сигналы, скрывая реальную стоимость услуги. Она снижает инвестиционную привлекательность отрасли для

частного и институционального капитала, так как прибыльность ограничена политически мотивированными тарифами. Она напрямую подрывает конкурентоспособность отечественной промышленности, необоснованно увеличивая ее издержки. Но самое главное — она лишает самих операторов внутренних источников финансирования для технического обновления, создавая замкнутый круг «низкий тариф — нет денег на ремонт — рост износа — рост аварийности». Дополнительным фактором кризиса ликвидности является хронически низкая платежная дисциплина населения и бюджетов всех уровней. Доминирование затратного метода тарифообразования (ориентация на покрытие текущих издержек) и крайне медленный, непоследовательный переход к современным инвестиционным моделям, таким как метод доходности инвестированного капитала (RAB-регулирование), не создают долгосрочных, предсказуемых и стабильных условий для привлечения масштабных инвестиций. Инвестор не уверен, что вложенные средства вернутся с разумной доходностью через 10-15 лет. Эта неопределенность законсервировала проблему критического износа инфраструктуры [4, с. 47-59].

2.4. Низкая эффективность надзорной деятельности и механизма ответственности. Контрольно-надзорные функции в сфере ВВ рассредоточены между множеством органов, что приводит к размытости ответственности и отсутствию синергии. Роспотребнадзор контролирует качество питьевой воды, Росприроднадзор — сбросы сточных вод, Федеральная антимонопольная служба — тарифы и конкуренцию, государственная жилищная инспекция — исполнение обязанностей УК. Такая дисперсия полномочий приводит не к повышению, а к снижению эффективности: возникает дублирование проверок, избыточная административная нагрузка на добросовестный бизнес, отсутствие единой скоординированной стратегии надзора и, как следствие, низкая результативность в выявлении и предупреждении системных рисков. Надзор часто носит формальный, кампанейский характер. Институт административной ответственности также демонстрирует низкую сдерживающую силу: размеры налагаемых штрафов, как правило, несопоставимы с масштабами потенциального ущерба (например, от загрязнения реки) или выгодой, полученной нарушителем от экономии на безопасности. Штрафы не выполняют ни компенсационной, ни превентивной функции, воспринимаясь многими операторами как необременительные операционные издержки. Сложность, длительность и затратность процедур привлечения к ответственности, особенно в запутанных спорах между РСО и УК, делают этот механизм малопригодным для оперативной защиты прав конечных потребителей, которые остаются один на один с проблемой [5, с. 60-76].

3. Стратегические направления реформирования административно-правового регулирования

Преодоление накопленных, взаимосвязанных системных проблем требует не косметических изменений и точечных мер, а комплексной, глубокой трансформации правового режима как системы. Реформа должна быть сфокусирована на следующих взаимодополняющих и синхронизированных направлениях, изменение в каждом из которых будет усиливать эффект от других.

3.1. Устранение правовых коллизий и цифровая трансформация регулирования. Первоочередной задачей является ликвидация внутренних противоречий и пробелов в законодательстве. Возможны два пути. Первый, радикальный, но наиболее эффективный — разработка Водно-коммунального кодекса РФ как единого кодифицированного акта, консолидирующего нормы, регулирующие водоснабжение, водоотведение, управление МКД в части коммунальных ресурсов и использование водных объектов для хозяйственно-питьевых нужд. Второй, эволюционный путь — проведение масштабной ревизии Федерального закона № 416-ФЗ с целью его согласования с нормами Жилищного и Водного кодексов, унификации понятийного аппарата и четкого, императивного распределения ответственности между всеми субъектами (РСО, УК, потребитель). Параллельно необходима консолидация и радикальная актуализация всего

массива подзаконных актов. В техническом регулировании необходим парадигмальный переход от жестких предписывающих норм к регулированию, ориентированному на результат и наилучшие доступные технологии. Технологической основой и драйвером этой трансформации должна стать единая государственная цифровая платформа управления отраслью, созданная на базе и в развитие ФГИС «Водное хозяйство». Такая платформа позволит внедрить риск-ориентированный надзор в реальном времени на основе данных с интеллектуальных приборов учета, датчиков давления и качества, обеспечит прозрачность для потребителей и даст аналитику для прогнозного управления активами.

3.2. Институциональная реструктуризация. Для преодоления экономической несостоятельности множества мелких, неэффективных операторов, особенно в малых и депрессивных регионах, необходимо законодательно стимулировать процессы добровольной или инициативной консолидации локальных систем ВВ в составе более крупных, финансово устойчивых и профессиональных организаций. Это могут быть региональные государственные унитарные предприятия (ГУПы), создаваемые по решению субъектов РФ, или крупные частные операторы, работающие в рамках долгосрочных концессионных соглашений на значительных территориях. Консолидация позволит добиться эффекта масштаба, снизить удельные затраты, привлечь квалифицированных специалистов и проводить единую техническую политику. Отдельного, пристального внимания требует повышение компетенций органов местного самоуправления как ключевых заказчиков коммунальных услуг и регуляторов «на земле». Для них необходимо создать систему непрерывного профессионального образования, методической поддержки и обмена лучшими практиками, возможно, на базе подведомственных Минстрою России учебных центров.

3.3. Корректировка экономической модели функционирования отрасли. Центральным элементом финансовой реформы должен стать планомерный, социально взвешенный и гласный отказ от всеобщего перекрестного субсидирования как основы тарифообразования. Социальная защита малообеспеченных категорий граждан при этом должна обеспечиваться не через заниженные для всех тарифы, что искажает экономику всей отрасли, а через адресную, достаточную и удобную систему жилищных субсидий, выплачиваемых непосредственно гражданам из бюджета. Для привлечения масштабных долгосрочных инвестиций в модернизацию и новое строительство критически важно законодательно закрепить и гарантировать применение долгосрочных тарифных методик, основанных на принципе доходности инвестированного капитала (RAB). Это гарантирует инвестору возврат и норму доходности на вложенный капитал на протяжении всего инвестиционного цикла (10-15 лет). Сама тарифная модель должна быть существенно усовершенствована за счет внедрения стимулирующих механизмов, увязывающих конечный финансовый результат операторов с достижением ключевых показателей эффективности (KPI), таких как снижение потерь воды, повышение энергоэффективности, сокращение частоты и длительности аварийных отключений, повышение качества очистки стоков.

3.4. Модернизация системы контроля и санкций. Контрольно-надзорная деятельность должна быть кардинально перестроена на принципах риск-ориентированного подхода, использующего данные единой цифровой платформы. Плановые проверки следует консолидировать (в идеале — в рамках одного профильного надзорного органа или их тесной координации) и сосредоточить на объектах с наивысшим расчетным уровнем риска для населения и экологии. Санкционный аппарат требует существенного ужесточения и большей гибкости. В КоАП РФ необходимо ввести для наиболее серьезных нарушений в сфере ВВ штрафы, кратные выручке нарушителя или причиненному экологическому/санитарному ущербу, а также установить прогрессивную шкалу наказаний за повторные и систематические нарушения, вплоть до приостановки деятельности и отзыва лицензии. Для ускорения и упрощения защиты прав потребителей целесообразно законодательно установить

упрощенную внесудебную процедуру рассмотрения массовых жалоб, в рамках которой при подтверждении факта поставки некачественной или недоступной услуги (например, с помощью фото-, видеофиксации, показаний приборов учета) вина поставщика (ГО/РСО) будет презюмироваться, а бремя доказывания обратного ляжет на него. Это сместит баланс сил в пользу потребителя.

Таким образом, административно-правовой режим, регулирующий сферу водоснабжения и водоотведения в России, представляет собой необходимый, но переживающий глубокий кризис управляемости инструмент публичной власти. Выявленные проблемы носят структурный и взаимозависимый характер, формируя «замкнутый круг» низкой эффективности, который блокирует развитие отрасли и подрывает доверие к государству как к регулятору. Предлагаемая программа реформ, включающая гармонизацию законодательства, институциональные преобразования, изменение экономической модели и модернизацию контроля на цифровой основе, представляет собой целостную концепцию системных изменений. Ее реализация является сложной управленческой и политической задачей, требующей последовательности, политической воли и высокой управленческой компетентности на всех уровнях. Однако только такой комплексный, сбалансированный и последовательный подход способен перевести отрасль из состояния постоянного, затратного реагирования на аварии в режим опережающего, устойчивого, безопасного и технологически современного обеспечения населения жизненно важными услугами. Обеспечение такого обеспечения является не просто технической функцией, а одной из ключевых, конституционно значимых функций социального государства, напрямую влияющей на качество жизни граждан, экологическое благополучие и долгосрочную стабильность общества в целом. Без решительной модернизации правового режима преодоление системного кризиса в водно-коммунальном комплексе представляется маловероятным, что будет нести в себе растущие социальные, экономические и экологические риски для страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О водоснабжении и водоотведении» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7357.

2. Карцева К.И. Административно-правовое обеспечение водоснабжения и водоотведения: магистерская диссертация. Донецк: ДонГУ, 2026.

3. Административное право России: учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий; отв. ред. А. П. Алехин. - Москва: ИКД «Зерцало-М», 2013. – 752 с.

4. Ряховская, А. Н. Тарифная и ценовая политика в жилищной и коммунальной сферах: монография / А.Н. Ряховская, Ф.Г. Таги-Заде. - Москва: ИНФРА-М, 2024. – 124 с. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME IN THE SPHERE OF WATER SUPPLY AND WASTEWATER DISPOSAL: IDENTIFICATION OF SYSTEMIC PROBLEMS AND REFORM PROSPECTS

Annotation. This article analyzes the administrative-legal mechanism regulating relations in the field of water supply and wastewater disposal in the Russian Federation. The public-legal nature of this sphere, which necessitates active state involvement, is revealed. The main focus is on studying the key systemic contradictions that reduce the effectiveness of the existing legal regime. These include internal collisions and gaps in the regulatory framework, institutional misalignments, shortcomings of the tariff-investment model, and low efficiency of control and supervisory activities. In the final part, the author proposes a set of complementary measures aimed at improving the regulatory system. These include steps to harmonize legislation, restructure the institutional environment, modernize the industry's economic mechanisms, and implement a risk-oriented control model.

Keywords: water supply and wastewater disposal, administrative law, public service, natural monopoly, guaranteeing organization, tariff setting, concession, state supervision.

Kartseva K.I.
Scientific adviser: E.M. Synkova, Dr. of Law, Prof., Head of the Department
of Administrative and Financial Law, Donetsk State University
E-mail: nora11@bk.ru

УДК 347.961

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ВИДЕОФИКСАЦИЯ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМА БАЛАНСА МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ ПРАВ ГРАЖДАН И СОХРАНЕНИЕМ НОТАРИАЛЬНОЙ ТАЙНЫ

Касьян С.С.
Научный руководитель: Ефремова А.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается законопроект № 1138192-8 об обязательной видеофиксации нотариальных действий с недвижимостью. Анализируется противоречие между защитой граждан от мошенничества и сохранением нотариальной тайны. На основе анализа текста законопроекта и зарубежного опыта предлагаются меры по совершенствованию законодательства.
Ключевые слова: нотариат, видеофиксация, нотариальная тайна, защита прав граждан.

Резонансное дело народной артистки Ларисы Долиной, не сумевшей оспорить продажу своей квартиры из-за отсутствия доказательств мошенничества, вскрыло системную проблему российского правосудия. Верховный Суд РФ в декабре 2025 года окончательно признал право собственности на квартиру за покупательницей Полиной Лурье, что создало прецедент и активизировало поиск новых правовых механизмов защиты граждан [4]. Реагируя на эту проблему, 1 февраля 2026 года в Государственную Думу внесен законопроект № 1138192-8, предлагающий дополнить Основы законодательства о нотариате нормой об обязательной видеофиксации всех нотариальных действий, связанных с отчуждением недвижимости [2]. Согласно пояснительной записке, с 2019 года количество мошенничеств в сфере недвижимости превысило 40 тысяч случаев, причем жертвами чаще всего становятся пожилые граждане, которые, сохраняя формальную дееспособность, в силу возрастных особенностей могут быть более уязвимы для манипуляций и психологического давления [3].

Законопроект предлагает дополнить Основы законодательства о нотариате новой статьей, устанавливающей обязанность нотариуса осуществлять видеофиксацию всех нотариальных действий, связанных с отчуждением недвижимости. Как следует из пояснительной записки, целью является создание дополнительных гарантий защиты прав граждан и получение надежных доказательств для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о мошенничестве [3].

Детальный анализ текста выявляет ряд существенных пробелов. Во-первых, требование о видеофиксации сформулировано как императивное и распространяется на все без исключения сделки с недвижимостью. Исключений не сделано даже для случаев, когда стороны возражают против записи, а также для действий, затрагивающих особо чувствительные аспекты частной жизни: брачных договоров, завещаний, наследственных соглашений. Во-вторых, порядок и сроки хранения видеозаписей будут определяться Федеральной нотариальной палатой по согласованию с Министерством юстиции РФ с учетом сроков давности уголовного преследования, однако конкретные параметры в тексте законопроекта отсутствуют. Это означает, что важнейший вопрос — как долго будут храниться записи с личной информацией граждан — отдан на откуп подзаконному нормотворчеству. В-третьих, законопроект указывает, что полученные материалы могут служить доказательствами при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, но порядок доступа к этим материалам, перечень лиц, имеющих право их истребовать, а также процедура их предоставления не регламентируются. В-четвертых, законопроект не содержит требований к качеству видеозаписи, ее формату, разрешению, а также не устанавливает обязанности нотариуса

получать согласие сторон на видеофиксацию и разъяснять им последствия такой фиксации [2]. Таким образом, законопроект носит рамочный характер, что создает риск правовой неопределенности и может привести к тому, что благие намерения законодателя обернутся на практике серьезными проблемами.

Ключевая проблема, порождаемая законопроектом в его нынешней редакции, — потенциальный конфликт с принципом нотариальной тайны, закрепленным в статье 5 Основ законодательства о нотариате [1]. Нотариальная тайна является одним из фундаментальных принципов нотариата, а ее суть заключается в запрете нотариусу и лицам, работающим в нотариальной конторе, разглашать сведения, ставшие им известными в связи с совершением нотариальных действий. Этот запрет носит абсолютный характер, и закон предусматривает строго ограниченный перечень исключений: предоставление сведений только по требованию суда в связи с находящимися в его производстве делами, а также правоохранительным органам в рамках возбужденных уголовных дел.

Обязательная видеофиксация создает риск размывания этого принципа, поскольку видеозапись фиксирует значительно больше информации, чем необходимо для подтверждения факта совершения сделки. На записи могут оказаться зафиксированными не только юридически значимые действия (подписание документов, волеизъявление сторон), но и случайные реплики, обсуждение личных вопросов, эмоциональные реакции, интимные подробности — все то, что составляет частную жизнь граждан и не подлежит разглашению. При этом законопроект не содержит механизмов, обеспечивающих защиту этой информации: он не определяет, кто, при каких условиях и в каком порядке может получить доступ к видеозаписям, не устанавливает ответственности за их незаконное распространение, не предусматривает процедуры уничтожения записей по истечении срока хранения [2]. Фактически предлагается создать огромный массив конфиденциальной информации без четких правил обращения с ней.

Для наглядной демонстрации пробелов законопроекта рассмотрим несколько потенциальных ситуаций, которые могут возникнуть в случае его принятия в нынешней редакции.

Ситуация первая (семейный конфликт). Супруги обращаются к нотариусу для заключения брачного договора. В процессе подготовки они обсуждают интимные подробности семейной жизни, мотивы раздела имущества, взаимные претензии, личные обстоятельства. Весь этот разговор фиксируется на видео. Через год, при расторжении брака, один из супругов требует от нотариуса предоставить копию видеозаписи для использования в суде. Нотариус оказывается перед дилеммой: если он выдаст запись, он нарушит тайну второго супруга; если откажет — его действия могут быть обжалованы, и суд, руководствуясь отсутствием в законе четких ограничений, может обязать выдать запись. Законопроект не дает ответа на вопрос, как должен поступить нотариус.

Ситуация вторая (коммерческая тайна). Юридическое лицо продает объект коммерческой недвижимости. В ходе нотариального удостоверения стороны проговаривают конфиденциальные условия сделки, не нашедшие отражения в тексте договора: реальную цену, особые обязательства, договоренности о будущем сотрудничестве. Через некоторое время конкурент одной из сторон инициирует судебный процесс и требует истребовать видеозапись в качестве доказательства. Суд, руководствуясь отсутствием в законе четких ограничений и принципом получения максимальной информации для установления истины, удовлетворяет это требование, и коммерческая тайна становится достоянием конкурента.

Ситуация третья (наследственный договор). Гражданин при жизни заключает наследственный договор, подробно излагая мотивы распределения имущества. После его смерти недовольный наследник оспаривает договор и требует предоставить видеозапись.

Интимные подробности жизни умершего, семейные конфликты становятся предметом судебного разбирательства.

Эти примеры показывают, что отсутствие четких правил может свести пользу от видеофиксации к нулю. В результате цель законопроекта — создать доказательственную базу — может оказаться недостигнутой.

Обращение к зарубежному опыту представляет значительный интерес для решения выявленных проблем и демонстрирует возможность построения сбалансированной системы.

Германское законодательство о нотариате (Bundesnotarordnung — BNotO) и Закон о порядке удостоверения (Beurkundungsgesetz — BeurkG) предусматривают возможность использования электронных форм удостоверения сделок, включая видеофиксацию. Что касается доступа к записям, германское законодательство исходит из принципа максимальной защиты конфиденциальности: доступ возможен только на основании мотивированного судебного решения, а сами участники не вправе требовать выдачи копии записи без взаимного согласия всех зафиксированных лиц [5].

Во Франции также существует развитая система регулирования цифровых нотариальных действий. В стране действует централизованный электронный архив — Минутный центральный электронный архив нотариусов Франции (MICEN). Согласно официальным данным, срок хранения электронных актов в MICEN составляет 75 лет, при этом более 90% нотариальных актов во Франции сегодня подписываются в электронной форме [6]. Кроме того, французский нотариат активно исследует возможности применения технологии блокчейн для дополнительной защиты документов.

Таким образом, зарубежный опыт демонстрирует, что видеофиксация нотариальных действий вполне совместима с защитой конфиденциальной информации при условии соблюдения четкой регламентации доступа к записям и централизованного хранения с системой контроля.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, законопроект носит рамочный характер, оставляя значительное число принципиальных вопросов на усмотрение подзаконного нормотворчества. Отсутствие в самом законе четких параметров видеофиксации, сроков хранения, порядка доступа создает риск правовой неопределенности.

Во-вторых, законопроект не содержит механизмов, обеспечивающих защиту нотариальной тайны. Отсутствие четких правил доступа к записям, их хранения и уничтожения создает риски вторжения в частную жизнь и злоупотреблений. Особую тревогу вызывает распространение обязательной видеофиксации на сделки, затрагивающие наиболее чувствительные аспекты частной жизни: брачные договоры, завещания, наследственные договоры.

В-третьих, законопроект не учитывает возможность возражений сторон против видеофиксации. Обязательный характер записи без права отказа ставит граждан перед выбором: отказаться от сделки или согласиться на фиксацию частной жизни без гарантий ее защиты.

В-четвертых, зарубежный опыт (Германия, Франция) демонстрирует возможность построения сбалансированной системы, сочетающей видеофиксацию с надежной защитой конфиденциальной информации. Ключевыми элементами такой системы являются четкая регламентация доступа, централизованное хранение и судебный контроль за выдачей записей.

На основе проведенного анализа представляется необходимым внести следующие изменения в законопроект № 1138192-8 до его принятия Государственной Думой:

Необходимо прямо указать в законопроекте, что видеозаписи нотариальных действий составляют предмет нотариальной тайны и подлежат защите в соответствии со

статьей 5 Основ законодательства о нотариате. Нарушение правил обращения с видеозаписями должно влечь ответственность, аналогичную ответственности за разглашение нотариальной тайны. Это позволит распространить на видеозаписи весь комплекс гарантий, уже существующих в законодательстве.

Следует установить исчерпывающий перечень лиц и органов, имеющих право доступа к видеозаписям:

–участники нотариального действия — по совместному письменному требованию;

–суд, правоохранительные органы — на основании судебного решения, вынесенного в рамках возбужденного уголовного дела или рассматриваемого гражданского дела;

–нотариальная палата — в рамках контроля за профессиональной деятельностью нотариуса.

Истребование записи одной из сторон без согласия всех иных участников должно допускаться только на основании судебного решения, которое суд выносит, руководствуясь принципами необходимости и соразмерности вмешательства в частную жизнь.

1. Требуется определить срок хранения записей. Целесообразно установить, что видеозаписи хранятся в течение пяти лет с момента совершения нотариального действия. Этот срок коррелирует с общими сроками исковой давности по гражданско-правовым спорам. В случае возникновения спора срок хранения продлевается до вступления в законную силу судебного решения. По истечении срока хранения записи подлежат уничтожению с составлением акта, что гарантирует невозможность их использования в будущем.

2. Необходимо предусмотреть, что обязательная видеофиксация применяется только при отсутствии возражений со стороны участников. При наличии возражений нотариус совершает действие в обычном порядке, делая отметку в реестре. Это позволит защитить права граждан, для которых видеофиксация неприемлема по религиозным, личным или иным соображениям, а также сохранить доверие к нотариату как институту, уважающему частную жизнь.

3. Следует обязать нотариуса перед началом видеофиксации получать письменное согласие участников, разъяснять им цели видеофиксации, порядок хранения и доступа, а также возможные правовые последствия. Информированное согласие — необходимое условие законности обработки персональных данных и личной информации.

4. Необходимо поручить Федеральной нотариальной палате утвердить технические требования к качеству видеозаписи, ее формату и разрешению, обеспечивающие пригодность записей для использования в качестве доказательств. Это позволит избежать ситуации, когда записи низкого качества не могут быть использованы в суде, и вся процедура теряет смысл.

Законопроект № 1138192-8, внесенный в Государственную Думу 1 февраля 2026 года, представляет собой важную и своевременную инициативу, направленную на защиту граждан от мошенничества в сфере недвижимости. Рост числа таких преступлений, сложность доказывания в судах, появление новых технологических угроз — все это требует выработки эффективных правовых механизмов, и обязательная видеофиксация нотариальных действий действительно может стать одним из таких механизмов.

Однако анализ текста законопроекта в его нынешней редакции выявляет существенные пробелы, способные свести на нет его позитивный потенциал. Отсутствие четкого регулирования доступа к видеозаписям, их хранения и защиты создает риски вторжения в частную жизнь, нарушения нотариальной тайны, злоупотреблений со стороны недобросовестных участников оборота. Более того, сам факт осознания

гражданами того, что их частная жизнь фиксируется без гарантий конфиденциальности, может подорвать доверие к нотариату.

Поскольку законопроект еще не принят и находится на стадии рассмотрения, у научного сообщества и законодателя есть возможность устранить выявленные недостатки. Предложенные в настоящей статье поправки направлены на создание сбалансированного механизма, в котором видеофиксация действительно служила бы защите прав граждан, не подрывая фундаментальных принципов нотариальной деятельности. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с анализом правоприменительной практики после возможного принятия закона, изучением технических аспектов реализации видеофиксации, а также сравнительным анализом опыта других стран, внедряющих подобные механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 18.02.2026).

2. Законопроект № 1138192-8 «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (внесен в ГД ФС РФ 01.02.2026) // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». — URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/1138192-8 (дата обращения: 17.02.2026).

3. Пояснительная записка к законопроекту № 1138192-8 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». — URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/1138192-8 (дата обращения: 17.02.2026).

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 // ИПП «Гарант». — URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 18.02.2026).

5. Bundesnotarordnung (BNotO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 24. Februar 2021 (BGBl. I S. 226), die zuletzt durch Artikel 12 des Gesetzes vom 23. Oktober 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 323) geändert worden ist // Bundesministerium der Justiz. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bnoto/ (дата обращения: 18.02.2026).

6. 20 millions d'actes notariés électroniques signés depuis 2008 // Office Notarial de Baillargues. — 17 novembre 2021. — URL: https://www.onb-france.com/actualites/20-millions-dactes-notaries-electroniques-signes-depuis-2008

MANDATORY VIDEO RECORDING OF NOTARIAL ACTS: THE PROBLEM OF BALANCE BETWEEN PROTECTING THE RIGHTS OF CITIZENS AND PRESERVING NOTARIAL SECRECY

Annotation. The article examines draft law No. 1138192-8 on mandatory video recording of notarial acts with real estate. The contradiction between protecting citizens from fraud and preserving notarial secrecy is analyzed. Based on the analysis of the draft law and foreign experience, measures to improve legislation are proposed.

Keywords: notary, video recording, notarial secrecy, protection of citizens' rights.

Kasyan S.S.
Scientific adviser: Yefremova A.V., Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: seregasteam436@gmail.com

УДК 347.168

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Касьян С.С.
Научный руководитель: Ефремова А.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей модернизации деятельности института нотариата в условиях цифровизации. Выявлена ключевая роль Единой информационной системы нотариата для обеспечения нотариального сопровождения гражданско-правовым отношениям, реализуемым посредством цифрового пространства. Перечислены основные нормативные правовые акты, регулирующие процессы формирования «электронного нотариата». Отмечены признаки данной системы, характеризующие её как цифровую экосистему. Выявлено отставание законодательства в вопросах нормирования цифровых платформ и экосистем, необходимость его устранения.
Ключевые слова: цифровая платформа, цифровая экосистема, цифровые права, электронный нотариат

В настоящее время наблюдается активное внедрение цифровых сервисов во все сферы гражданско-правовых отношений. Наиболее многочисленной аудиторией интернет-пользователей является молодёжь (80,3 %) [1, с. 124]. Следовательно, вовлеченность населения России в пользование интернет-технологиями будет только расти. При этом данные технологии неуклонно развиваются. Так меньше, чем за десять лет переход на электронный документооборот привёл к формированию специализированных онлайн-сервисов всех государственных и муниципальных органов.

Пожалуй, можно считать, что в результате активного проникновения интернета и цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности, начало 21 века ознаменовалось формированием многочисленных информационных систем или цифровых платформ, а далее их интеграцией и формированием так называемых «экосистем». Правовой основой этому послужила легитимация качественно нового вида гражданских прав - «цифровых прав», которые теперь определены статьёй 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [2]. Причём от времени дополнения ГК РФ соответствующей статьёй (внесена на основании Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ) до активного формирования целых «экосистем» прошло лишь семь лет [3]. Это указывает на стремительный характер развития новой отрасли права.

Поскольку система нотариата обеспечивает защиту прав граждан, то в рамках данной работы рассмотрим, как эта задача решается в настоящее время, какие появляются новые технологические инструменты и возможности. Как известно, правовую деятельность нотариусов регулируют нотариальные палаты субъектов РФ, а их деятельность координирует и организует Федеральная нотариальная палата (ФНП). ФНП по сути является организационным центром (ядром) нотариальной деятельности в стране. О значимости института нотариата в регулировании гражданско-правовых отношений в меняющихся стремительно условиях жизнедеятельности говорит то, что, пожалуй, он единственный, чья технологическая трансформация неизбежна и регулируется на законодательном уровне. Так, ФЗ от 03.07.2016 №360-ФЗ нормировал полный переход данного правового института на электронный документооборот, а ФЗ 27.12.2019 № 480-ФЗ обеспечил его переход в цифровое пространство, урегулировав возможность осуществления некоторых правовых действий в удалённом режиме [4, 5].

Безусловно перенесение нотариальных действий в цифровое пространство было бы невозможно без формирования специализированной платформы – Единой информационной системы нотариата (ЕИСН) [6].

Цель работы – исследовать особенности функционирования ЕИСН как цифрового продукта, обеспечивающего деятельность нотариата в условиях цифровизации.

Начиная наше исследование, попытаемся рассмотреть модернизацию деятельности нотариата как неотъемлемую часть государственной политики в отношении цифровизации в целом. Так, Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества ...» были инициированы радикальные перемены в жизни россиян [7]. В частности, Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р была принята Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [8].

На основании этих нормативно-правовых актов (НПА) профильными министерствами (Минстрой РФ и Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ) были утверждены «Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» и «Стандарт «Умный город» - базовые и дополнительные требования к умным городам…» [9, 10].

В Ежегодном послании к Федеральному Собранию в 2020 г. В. В. Путин также отмечал необходимость интенсификации темпов цифровизации, что затем было закреплено в соответствующем Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [11]. В Послании Президент РФ отметил: «… сегодня во всём мире скорость технологических изменений многократно возрастает, и мы должны создать собственные технологии и стандарты по тем направлениям, которые определяют будущее. Речь прежде всего об искусственном интеллекте, …, цифровых технологиях».

В продолжение законодательных инициатив Президента и Правительства РФ был принят ФЗ от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [12]. Тем самым государство, запустив процессы цифровизации, по сути, также инициировало реформу всех отраслей права. Как уже отмечалось выше, несколько специализированных НПА (ФЗ от 03.07.2016 №360-ФЗ, ФЗ 27.12.2019 № 480-ФЗ, ФЗ от 21.12.2013 № 379-ФЗ) фактически обеспечили вхождение системы нотариата в цифровое поле. В нынешнее время данный правовой институт поэтому называют «электронный нотариат» или «цифровая экосистема нотариата» [13, с. 19]. Последнее связано с работой ЕИСН, которая по мнению исследователей содержит в себе все признаки экосистемы.

Рассмотрим особенности работы ЕИСН, насколько они соответствуют характеристикам «цифровой экосистемы» (ЦЭ). Прежде всего отметим, что данное понятие ещё не нормировано, но феномен цифровых экосистем уже сформировался на практике. Однако уже есть ряд работ, описывающих их свойства, что поможет нам в данном исследовании. Например, известно, что тремя обязательными компонентами ЦЭ являются – цифровая платформа в качестве основы, сервисы по предоставлению услуг или обеспечению функций, а кроме этого, также и приложения, обеспечивающие интеграцию компонентов системы как внутри, так и взаимодействие её с другими платформами и сервисами [14].

Как видим это технические составляющие ЦЭ, однако они же подойдут и для любой отдельной специализированной цифровой платформы. В тоже время цифровая платформа, согласно Стырина Е. М. и соавт., это система, обеспечивающая on-line взаимодействие между пользователями, за счёт «использования механизмов программно-аппаратного обеспечения, необходимого для анализа, передачи, хранения данных об участниках цифровой платформы в целях взаимодействия» [15, с. 58].

Отметим, что ст. 141.1 ГК РФ косвенно указывает на цифровую платформу как на информационную систему, однако не даёт ей определения [2]. Из данной статьи лишь следует, что «деятельность в пределах цифровой информационной системы, может быть легализована путем реализации цифровых прав и соответствующих обязательств». В

тоже время имеется законодательный опыт обеспечения безопасности и конфиденциальности пользователям ЕИСН. Согласно ст. 51 ФЗ 27.12.2019 № 480-ФЗ, нормирована проверка информации о нотариальном документе через ЕИСН «с использованием машиночитаемой маркировки», что не является разглашением сведений о совершении нотариального действия [5]. Приказ Минюста РФ от 14.12.2022 № 397 определил порядок хранения в ЕИСН и технические требования к электронным нотариальным документам и их цифровым образам [16].

Согласно этим НПА в ЕИСН регистрируются все нотариальные действия, реализуются внутренние взаимодействия между членами нотариальных палат субъектов Российской Федерации, уполномоченными консульств и посольств, так и межведомственные взаимодействия (через подключение ЕИСН к Системе межведомственного электронного взаимодействия) [17, с. 301]. Данный сервис уникален, например, он позволяет не зависимо от часового пояса, круглосуточно, безвозмездно государственным и муниципальным органам устанавливать подлинность нотариальных документов, предоставляемых при оказании услуг.

Как следует из ст. 34^6 ФЗ 27.12.2019 № 480-ФЗ, порядок взаимодействия ЕИСН с другими информационными системами, а также требования к участникам информационного взаимодействия, помимо законодательства РФ устанавливаются её оператором, которым согласно ст. 34^1 является ФНП [18]. Следует отметить, что Основы законодательства о нотариате были дополнены целой главой VII^1 «Единая информационная система нотариата», регламентирующей функции системы.

К их числу также относится обеспечение межведомственных электронных взаимодействий нотариусов (с Росреестром, Пенсионным фондом РФ, МИД РФ, МВД России, ФНС, ФССП, органами ЗАГС, Единым государственным реестром недвижимости, ЕГРЮЛ/ЕГРИП, банками по получению и проверке достоверности информации) [19, с. 34].

Такая тесная кооперация между информационными сервисами стала возможной благодаря сложным техническим решениям. Например, чтобы уполномоченные консульских отделов посольств могли бы оформлять на платформе ЕИСН нотариальные документы, передавать в систему сведения о них была разработана отдельная программа «Автоматизированная информационная система обеспечения передачи в Федеральную нотариальную палату сведений об удостоверении или отмене в консульских загранучреждениях доверенности и завещания (АИС «Консул- Нотариат»)» [20, с. 25].

Широкие межведомственные взаимосвязи ЕИСН – результат создания программных продуктов и специальных приложений. Это позволяет оказывать услуги юридическим и физическим лицам, как отмечается, действуя в режиме «единого окна», через самостоятельное получение нотариусом или уполномоченным лицом необходимой информации для совершения нотариального действия [13, с. 21].

Именно эта особенность – интеграция и взаимодействие с информационными ресурсами всех уровней (федеральными, государственными, муниципальными) выводят ЕИСН за рамки исключительно «цифровой специализированной платформы», придают ей свойства «цифровой экосистемы нотариата» [13, с. 21].

К числу специализированных сервисов ЕИСН относятся:

- сервис поиска наследственных дел;
- сервис нотариальной «телепортации» документов (конвертация бумажного в цифровой и обратно) и отправка [21];
- реестр уведомлений о залоге движимого имущества;
- принятие на депонирование безналичных денежных средств для расчетов по сделке;
- принятие на депозит нотариуса безналичных денежных средств для исполнения обязательств и др.

Отметим, что интеграция деятельности нотариусов с цифровыми технологиями привела к формированию качественно новых способов осуществления нотариальных действий – дистанционному удостоверению сделки двумя и более нотариусами, когда стороны сделки присутствуют удалённо в формате видеосвязи. Кроме этого, внедрен инновационный способ - совершение ряда нотариальных действий в удалённом порядке. Это возможно для тех правовых действий, когда не требуются проверка соответствия воли и волеизъявления заявителя, разъяснение правовых последствий. При этом взаимодействие нотариуса и заявителя происходит исключительно в цифровом формате на платформе ЕИСН, путём совершения ряда определённых действий [13, с. 21; 17, с. 300].

Таким образом, цифровизация нотариата расширяет перечень нотариальных действий и полномочия нотариата. При этом выявлено отставание законодательства в вопросах определения цифровых платформ и экосистем, что необходимо устранить. Согласно обобщенным современным данным, ЕИСН обладает признаками экосистемы, соответствуя трём основным их признакам. Во-первых, является платформой; во-вторых, имеет специализированные сервисы по предоставлению нотариальных правовых услуг, а также приложения, необходимые для деятельности самой ЕИСН и для её работы с другими информационными системами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы экономики и права в эпоху цифровизации: сборник материалов международной конференции (Москва, 15–16 ноября 2021 года) / под ред. Д. А. Шевелько. — Москва: Издательство Московского университета, 2021. - 130 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] //Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 15.02.2026).

3. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2019. - № 12. - ст. 1224.

4. Федеральный закон от 03.07.2016 №360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. - №27 (часть II). - ст.4293.

5. Федеральный закон от 27.12.2019 №480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. - №296. - 31.12.2019

6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.12.2013 № 379-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191492/ (дата обращения: 08.02.2026).

7. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026).

8. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] //Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – URL: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» - Правительство России (government.ru) (дата обращения: 03.02.26).

9. Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» [Электронный ресурс] // Сайт Минстрой России [сайт]. – URL: https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/ (дата обращения: 10.02.2026).

10. Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город»), утвержденные Минстрой России от 04.03.2019 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/553829628 (дата обращения: 10.02.2026).

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию (15 января 2020 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Государственной Думы Российской Федерации [сайт]. – URL: http://duma.gov.ru/news/47509/ (дата обращения: 08.02.2026).

12. Федеральный закон "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" от 31.07.2020 N 258-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ / (дата обращения: 15.02.2026).

13. Каплунова Н. А., Пенская Н. А., Гончаров А. И. Цифровая экосистема нотариата как гарантия безопасности и правопорядка в интернет-пространстве // Цифровые платформы и трансформация правового регулирования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,- 2025. – С. 19 – 23

14. Цифровые экосистемы для бизнеса: быть или не быть ФЗ [Электронный ресурс] // [сайт]. - URL: https://secrets.tinkoff.ru/blogi-kompanij/chto takoe-cifrovye-ekosistemy/ (дата обращения: 19.02.2026).

15. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2019. - № 4. - С. 31-60.

16. Приказ Минюста России от 14.12.2022 № 397 «Об утверждении Порядка хранения нотариальных документов в электронной форме, электронных образов нотариальных документов, созданных на бумажном носителе, содержащихся в единой информационной системе нотариата, включая технические требования к форматам таких документов, использования усиленной квалифицированной электронной подписи при их хранении и доступа к таким документам» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения 12.02.2026).

17. Таирова А. Т., Захаренко Н. А. Цифровизация нотариальной деятельности // Образование и право. - 2023. - №9. - С. 299-303.

18. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1): по сост. на 03 августа 2018 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - №10. - Ст. 357.

19. Петровский А. А. Единая информационная система как база для использования цифровых технологий в деятельности нотариата // Юридический факт. – 2021. – № 148. – С. 32-34.

20. Глушкова Е. М. Проблемы и перспективы межведомственного взаимодействия Министерства иностранных дел Российской Федерации и Федеральной нотариальной палаты России по вопросам совершения нотариальных действий за рубежом // Нотариальный вестник. – 2023. – № 12. – С. 24-35.

21. Нотариальная «телепортация» документов: быстро и в любую точку страны [Электронный ресурс] // Нотариальная палата Ямало-Ненецкого автономного округа: офиц. сайт. – URL: https://89.notariat.ru/ru-ru/news/notarialnaya-teleportaciya-dokumentov-bystro-i-v-lyubuyu-tochku-strany-2306 (дата обращения 15.02.2026).

THE PERSPECTIVES OF THE NOTARIAL CHAMBER DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The peculiarities of the notary institute's modernization specifics in the context of digitalization had been determined. The key role of the Unified Notariate Information System for providing notarial support to civil law relations implemented through the digital space has been identified. The main regulatory legal acts regulating the formation of an "electronic notariate" are listed. The properties of this system are noted, characterizing it as a digital ecosystem. The backlog of legislation in the regulation of digital platforms and ecosystems and the necessity to eliminate it has been revealed.

Keywords: digital platform, digital ecosystem, digital rights, electronic notariate

Kasyan S.
Scientific adviser: Yefremova A.V., Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: seregasteam436@gmail.com

УДК 347.45/.47

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ УСЛУГ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Коваль К.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Договор на информационно-консультационные услуги в России пока не имеет отдельной главы в ГК РФ, что порождает неопределенность квалификации, предмета, приемки и цифрового следа. Авторы показывают: без четкого описания результата стороны сталкиваются со спорами о качестве, объеме и праве собственности. Предлагаются пути решения: отдельная глава в Гражданском кодексе Российской Федерации, электронное техническое задание с SMART-метриками, блокчейн-фиксация и отраслевые стандарты, чтобы сделать нематериальный консультационный продукт измеримым и защищенным.
Ключевые слова: консультационные услуги, информационные услуги, возмездное оказание услуг, информация, договор, услуга.

Актуальность обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, отражающих насущные потребности современной цифровой экономики и пробелы действующего правового регулирования:

1. Взрывной рост сектора информационных и консультационных услуг. В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни спрос на профессиональные консультации (от IT-аудита до стратегического планирования) растет экспоненциально.

2. Правовая коллизия в квалификации договоров. Судебная практика демонстрирует противоречивые подходы: одни суды относят такие соглашения к подряду, другие – к возмездному оказанию услуг, третьи – к смешанным договорам.

3. Неопределенность предмета договора. Консультационные услуги носят нематериальный характер, их результат сложно формализовать.

4. Пробелы в регулировании цифрового взаимодействия. Передача результатов через мессенджеры, PDF-файлы создает риски утраты доказательств.

5. Отсутствие объективных критериев приемки. Оценка качества консультационных услуг (например, рыночного анализа) часто возможна лишь спустя месяцы после их оказания.

В современном мире информация носит значимый характер в жизни общества и понятия «информационные» и «консультационные» услуги встречаются значительно чаще. По мнению Н.В. Квициния информация «не является частью перечня объектов гражданских прав на законодательном уровне. Тем не менее, налицо ее участие в товарно-денежных отношениях внутри государства, что является важным аргументом в пользу исследования, но по каким-то причинам – ее правовая основа все еще остается не до конца изученной» [1, с. 91].

Информационные и консультационные услуги стали неотъемлемой частью цифровой экономики: от маркетингового анализа до IT-аудита бизнес-процессов. Однако российское договорное право до сих пор не выработало единого и четкого механизма регулирования таких сделок. Сам факт, что в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] нет специальной главы об «информационно-консультационном договоре», уже порождает массу споров: стороны не понимают, применяются ли к ним правила подряда, возмездного оказания услуг вообще или все-таки смешанный договор. Отсюда первая проблема – неопределенность квалификации. Судьи в одном и том же деле то квалифицируют договор как бытовой, то как

технологический, то вовсе говорят об «оказании услуг в сфере интеллекта», что влечет разные последствия по рискам, срокам и ответственности.

Вторая проблема, с которой сталкиваются участники договорных отношений в сфере оказания консультационных услуг, заключается в неопределенности предмета договора. Законодательство требует, чтобы в качестве предмета договора возмездного оказания услуг были четко определены конкретные товары, работы или услуги. Однако консультационные услуги по своей природе являются нематериальными, и их результат зачастую трудно поддается количественной оценке и объективному измерению.

Попытка конкретизировать предмет договора, например, путем описания процесса «разработки стратегии цифровой трансформации», приводит к тому, что объем и содержание услуги становятся неопределенными и трудно поддающимися формализации. В результате в договоре часто фигурирует обобщенная формулировка «оказание консультационных услуг в объеме, определенном техническим заданием». Техническое задание, содержащее детализированное описание объема и содержания услуг, составляется и подписывается уже после завершения процесса оплаты.

Такая практика порождает ряд правовых и практических проблем, связанных с оценкой качества оказанных услуг, распределением рисков между сторонами и разрешением возможных споров. Для повышения эффективности регулирования договорных отношений в сфере оказания консультационных услуг необходимо разработать более четкие критерии определения предмета договора и предусмотреть механизмы контроля за его исполнением.

Ряд авторов, например А.Н. Лазарев и К.Г. Скрипкин, считают, что предметом информационных услуг является реализация информационного продукта: компьютерные коды, базы данных, программное обеспечение и иные цифровые объекты [3; 4].

При этом К.Г. Скрипкин отмечает, что информационные продукты используются при реализации информационной услуги, но не составляют ее содержание. Сама информационная услуга в процессе производства, реализации и потребления нацелена на удовлетворение информационных потребностей экономических субъектов, таких как в информации, в доступе к информации, в передаче информации и др.

Н.А. Дорохова определяет предметом предоставление доступа к какому-либо массиву информации [5].

А.Ю. Галаев предлагает рассматривать предметом информационных услуг деятельность по сбору, обработке, хранению или передаче сведений, при этом делая акцент на том, что результат предоставления услуг обусловлен творческим и качественным исполнением [6].

В контексте оказания консультационных услуг ключевым аспектом является обеспечение заказчика релевантной информацией о конкретном объекте, а также предоставление рекомендаций и нормативных предписаний, применимых к данному объекту. Данный подход позволяет обеспечить максимальную точность и релевантность предоставляемых данных, что является критически важным для достижения целей заказчика.

С точки зрения классификации услуг, консультационные и информационные услуги имеют ряд общих характеристик, определяющих их сущностное сходство. В частности, в обоих случаях конечным результатом взаимодействия между исполнителем и заказчиком является передача информации, что является основополагающим критерием для отнесения данных услуг к одной категории.

Договор об оказании консультационных, информационных и аналогичных услуг признается заключенным при условии, что в его тексте четко определены конкретные действия, которые исполнитель обязуется выполнить, либо указана конкретная деятельность, подлежащая осуществлению. Отсутствие в договоре перечня

предоставляемых услуг может привести к его признанию судом незаключенным, что подчеркивает важность детальной проработки и формализации договорных обязательств.

Третья проблема, с которой сталкивается исследователь, заключается в недостаточной конкретности критериев приемки. Заказчик формально обязан утвердить акт, однако как можно объективно оценить «качество» рыночного анализа, если экспертная оценка становится возможной лишь по истечении шестимесячного периода реальных продаж. В контексте судебной практики данный вопрос порождает различные подходы. Наиболее распространенной является позиция, согласно которой заказчик сохраняет право представить в суд возражения касательно качества выполненных работ, даже если обе стороны подписали акт приемки без выявленных замечаний.

С другой стороны, есть пример, когда суд отказал в удовлетворении требований заказчика, поскольку тот принял работы и не выявил конкретных недостатков, не отразил их в акте. В таком случае заказчик лишается права ссылаться на эти обстоятельства, и риск ответственности за недостатки лежит на нем [7].

Четвертая проблема, с которой сталкиваются стороны в рамках оказания профессиональных услуг, связана с регулированием цифрового следа. Консультации зачастую проводятся в платформе Zoom, а итоговые материалы предоставляются в виде PDF-файлов через мессенджеры. Вся коммуникация фиксируется на корпоративном Telegram-канале, доступ к которому утрачивается при увольнении менеджера. В случае возникновения споров, связанных с претензиями заказчиков о передаче «всех исходных материалов и промежуточных расчетов», исполнители ссылаются на защиту своих внутренних ноу-хау. Судебная практика по данному вопросу демонстрирует значительную вариативность в интерпретации того, следует ли рассматривать электронную переписку как часть «результата услуг». На сегодняшний день не сформировано единого подхода к определению обязанности хранения и передачи метаданных, что создает дополнительные сложности в правоприменительной практике.

Некоторые суды считают, что если при заключении договора стороны прямо не согласовали, как именно исполнитель должен направлять заказчику результаты выполненных работ или оказанных услуг, но при этом установили возможность электронной переписки, то результаты можно передать по электронной почте. К таким выводам пришел Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 07.02.2024 №Ф07-22750/2023 по делу №А26-7122/2022 [8].

Другие суды полагают, что переписка посредством обмена сообщениями по электронной почте и через мессенджеры не может быть доказательством оказания услуг. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, такая переписка не подтверждает ни объем, ни стоимость услуг, не содержит объективной информации о конкретном отправителе сообщений, а поскольку она не заверена оператором связи, то невозможно подтвердить ее достоверность [9].

Ученые в отношении регулирования информационных услуг приходят к следующему выводу. В.В. Нахратов считает, что информационные услуги следует рассматривать как объект гражданских прав, совершаемых в пользу услугополучателя. Ученый причисляет информацию к интеллектуальной собственности наравне с торговыми знаками, произведениями искусства и т. п., что отличается от общепринятого понятия информации [10, с. 464].

С.А. Чернякова считает наиболее приемлемой такую трактовку: информационная услуга является согласованным процессом, который сформирован в результате целевого использования информационных продуктов, ориентированных на удовлетворение [11, с. 130].

О регулировании консультационных услуг можно сказать следующее: в договоре возмездного оказания консультационных услуг для заказчика важно получение по итогу

информации, конкретного объекта, а также прописываются рекомендации и выделяются основные нормы для данного объекта.

Первый подход заключается в легитимизации самостоятельной конструкции. В ГК РФ следует рассмотреть возможность включения новой главы, посвященной информационно-консультационным договорам, которая будет включать следующие ключевые аспекты:

1. Предмет договора: необходимо четко определить категории информационно-консультационных услуг, которые могут включать аналитические, стратегические, технологические, юридические, маркетинговые и HR-консультации.

2. Результат: следует прописать, что результатом исполнения договора является документ, содержащий обоснованные рекомендации, оценку или выводы, оформленные в письменной (электронной) форме.

3. Право собственности: необходимо четко разграничить права на итоговый продукт. Заказчик должен получить исключительные права на финальный доклад, в то время как исполнитель сохраняет права на используемые методики и промежуточные материалы.

Во-вторых, необходимо внедрить обязательное использование электронного технического задания, подписываемого усиленной квалифицированной электронной подписью, до начала оказания услуг. Электронное техническое задание должно включать в себя формулировку целей в соответствии с критериями SMART, метрики оценки успешности выполнения и распределение ответственности между сторонами за каждый этап проекта.

Следующее – внедрить использование смарт-контрактов и блокчейн-технологий. В случае, если результат услуги представляет собой набор данных или программный код, его хэш может быть интегрирован в блокчейн Ethereum или в отечественную платформу «Мастерчейн». В случае возникновения спорной ситуации любая из сторон сможет предоставить неопровержимое доказательство. На сегодняшний день компания «СберКонсалтинг» активно тестирует использование смарт-контрактов в сотрудничестве с крупными металлургическими холдингами, а «Яндекс» предлагает специализированный программный интерфейс для «упаковки» результатов консультационных услуг в NFT-токены с автоматической передачей прав интеллектуальной собственности [12].

Таким образом, в настоящее время в гражданском законодательстве не нашлось детального закрепления информационных и консультационных услуг. Совокупность выявленных теоретико-правовых и практических коллизий свидетельствует: отсутствие самостоятельной главы Гражданского кодекса Российской Федерации об информационном и консультационном договоре превращает «экономику знаний» в зону правовой неопределенности, где риски квалификации, неясность предмета, отсутствие объективных критериев приемки и размытость границ цифрового следа становятся системным барьером для развития рынка. Предложенные пути – легитимация специального договора с четким дефинитивным треугольником «предмет – результат – права», обязательное электронное техническое задание, фиксация в блокчейн и использование смарт-контрактов – позволяют до внесения кодификационных изменений обеспечить баланс интересов сторон, снизить долю споров и создать правовую основу для перехода российской консультационной отрасли в режим цифровой «экономики доверия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев М.Р. Особенности договора возмездного оказания информационных и консультационный услуг // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №9-2 (84). – С. 91-93.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 16.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – №5. – Ст. 410.

3. Лазарев А.Н. Мировой рынок информационных услуг в условиях глобализации: тенденции и направления развития: автореф. дис. … д.э.н.: 08.00.14. – Москва, 2011. – 39 с.

4. Скрипкин К.Г. Экономика информационных продуктов и услуг: учебник / К.Г. Скрипкин; Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва: Проспект: ЭФ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – 189 с.

5. Дорохова Н.А. Договоры об оказании информационных услуг: виды и отграничение от гражданско-правовых договоров с информационной обязанностью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – №10. – С. 116-124.

6. Галаев А.Ю. Договор возмездного оказания информационных услуг: автореф. дис. … к.ю.н.: 12.00.03. – Москва, 2009. – 22 с.

7. Возражения заказчика о недостатках работ после их принятия: проблемы правоприменения // Право.ру [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.ru/opinion/249957/ (дата обращения: 28.12.2025). – Загл. с экрана.

8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2024 №Ф07-22750/2023 по делу №А26-7122/2022 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=294824#jPiIc6VOETB4zBSp (дата обращения: 28.12.2025). – Загл. с экрана.

9. Определение Верховного Суда РФ от 04.10.2021 №308-ЭС21-16811 по делу №А32-7562/2020 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04102021-n-308-es21-16811-po-delu-n-a32-75622020/ (дата обращения: 28.12.2025). – Загл. с экрана.

10. Слипченко А.А. Договоры об оказании информационных услуг: законодательные проблемы и противоречия // Аллея науки. – 2021. – №4 (55). – Т. 1. – С. 464-470.

11. Чернякова С.А. Правовая характеристика сферы оказания информационных услуг в России // Сервис plus. – 2018. – №3. – Т. 12. – С. 117-133.

12. Сбер стал первым в России, кто использовал смарт-контракт для сделки [Электронный ресурс]. – URL: https://waymorr.ru/news/novosti/sber-stal-pervyim-v-rossii,-kto-ispolzoval-smart-kontrakt-dlya-sdelki (дата обращения: 28.12.2025). – Загл. с экрана.

PROBLEMATIC ASPECTS OF REGULATING THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID INFORMATION AND CONSULTING SERVICES AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. The contract for information and consulting services in Russia does not yet have a separate chapter in the Civil Code of the Russian Federation, which creates uncertainty about qualifications, subject matter, acceptance and digital footprint. The authors show that without a clear description of the result, the parties face disputes about quality, volume and ownership. Solutions are proposed: a separate chapter in the Civil Code of the Russian Federation, an electronic terms of reference with SMART metrics, blockchain fixation and industry standards to make an intangible consulting product measurable and secure.

Keywords: consulting services, information services, paid services, information, contract, service.

Koval K.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Process.
Donetsk State University
E-mail: kariina.kovall@yandex.com

УДК 332.334

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В КАЧЕСТВЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА ЗАЩИТЫ ПРАВ В ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРАХ

Ковтун Ф.Л.
Научный руководитель: Кравчук К.А., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе исследованы предпосылки более широкого внедрения медиации в Российской Федерации в качестве альтернативы судебному и административному способам защиты земельных прав. Отмечен ряд характеристик, который может способствовать её практическому применению, выявлены объективные причины низкой популярности медиации в настоящее время. Изучен имеющийся зарубежный опыт применения этой примирительной процедуры при разрешении земельных споров. Сформулированы предложения по совершенствованию регулирования процедуры медиации отечественным законодательством.
Ключевые слова: земельные споры, медиация, медиатор, альтернативный способ защиты

Во все исторические периоды развития гражданско-правовых отношений в России земля являлась одним из ключевых объектов гражданского оборота. Удельный вес исковых заявлений, подаваемых в суды общей юрисдикции по вопросам, связанным с землепользованием и землевладением, остаётся не только крайне высоким, но и продолжает расти [1]. Земельные споры, не смотря на их правовую неопределённость, ведь Земельный кодекс Российской Федерации (ЗК РФ) не даёт их легального определения, всё же очень многочисленные и поэтому оказывают существенную нагрузку на судебную систему [2, с. 171].

Законодатель предпринимает шаги к оптимизации системы защиты земельных прав, так в ст. 64 ЗК РФ нормирован административный способ их защиты [3]. Этот порядок защиты земельных прав регулируют также специализированные нормативно-правовые акты (НПА), в частности Федеральный закон (ФЗ) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ и ФЗ от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [4, 5]. Арбитражные разбирательства не относят к судебной системе, однако они не решают задачи существенного снижения нагрузки на суды. Поэтому ряд исследователей указывает на назревшую необходимость судебной реформы, видя выход в формировании специализированных судов по рассмотрению земельных споров [2, с. 170]. Нам представляется актуальным рассмотреть существующие, так называемые, альтернативные способы защиты земельных прав, прежде всего, медиацию. Определить возможные направления, которые могут способствовать её популяризации.

Цель работы – изучить особенности применения процедур медиации для урегулирования земельных споров на современном этапе развития гражданско-правовых отношений.

В ряде случаев данный способ, по мнению ряда авторов, может быть самостоятельным (альтернативным административному и судебному способам защиты земельных прав) [6, с. 84]. Отметим, что медиация как способ закреплена законодательно. Так, в 2010 г. был принят специализированный НПА - ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [7]. В 2018 г. дальнейшему внедрению механизмов медиации способствовали постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации (ВС РФ) от 18 января 2018 г. По его результатам в Госдуму был внесён законопроект, призванный утвердить медиацию и судебное примирение в качестве легитимных примирительных процедур [8, с. 56].

Однако, не смотря на государственную поддержку, этот способ защиты прав не

стал популярным. Так, по данным Судебного Департамента при ВС РФ в последующие годы, а именно в 2020 и 2021 гг. число исковых заявлений по земельным спорам, подававшихся в суды общей юрисдикции росло, соответственно от 83.580 до 196.927, в то время как число земельных споров (ЗС), разрешённых с применением медиации, оставалось предельно низким, а именно, 22 и 69 дел [9, с. 25].

Среди мнений, поясняющих причины такой, по сути, невостребованности механизмов медиации в разрешении ЗС, указывают низкую осведомлённость граждан и отсутствие механизмов популяризации этого способа, который может быть применён для урегулирования ЗС [8, с. 55].

В ходе настоящего исследования нами были сопоставлены некоторые характеристики медиации по сравнению с судебным способом защиты земельных прав (ЗП), который наиболее востребован и в настоящее время. На этом основании составлена таблица 1, где представлены их некоторые особенности (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ особенностей судебного и альтернативного способов защиты земельных прав (ЗП)

Некоторые свойства	Способы защиты ЗП	
	Судебное разбирательство	Медиация
основание правового регулирования	Конституция РФ, ст. 45, ЗК РФ, ст. 64	ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ
востребованность	преимущественно	менее 0,007 %[1]
цели	установить законность	взаимовыгодное решение
предмет спора	отдельный аспект	спор в целом
участие второй стороны	принудительное	добровольное
принцип конфиденциальности	базы судебных решений в открытом доступе	соблюдается
посредник	нет	медиатор
вынесение решения	за судьёй	за сторонами спора
основания для решения	юридические факты	интересы сторон
эскалация спора	возможна	нет
«проигравшая сторона»	есть	нет

Примечания: [1] – согласно данных www.arbitr.ru [10].

Несмотря на то, что ЗС, по мнению Панина Е. В. и Бахметьева Ж. И. являются по своей природе «самыми медиативными», а подаваемые судебные иски их категории самые распространённые, всё же пока, как видим, процент их разрешения путём применения процедур медиации ничтожен [8, с. 57]. В то же время, имеющийся исторический опыт решения споров в досудебном порядке указывает на возможность изменить ситуацию в вопросе популяризации данного альтернативного способа. Так, например, до 1917 г в Российской Империи решением ЗС занимались специализированные уездные комиссии, после отмены частной собственности на землю – товарищеские суды, однако, ближе всего к медиации, вероятнее был «маслаат» - урегулирование с участием старейшин, распространённое на Северном Кавказе [2, с. 171; 8, с. 54].

Уточним, какие же именно преимущества имеет медиация. Учитывая, что решение спора предполагает добровольное согласие сторон, то, вероятно, этот способ даёт возможность окончательно его урегулировать, учитывая при этом интересы всех его сторон. Вероятно, что конфиденциальный характер медиации также может быть её

положительным фактором. Ведь принимаемое в результате суда решение вносится в соответствующую базу, находящуюся в открытом доступе [8, с. 56; 9, с. 26].

Исследуя имеющийся зарубежный опыт, можно отметить, что наиболее эффективным способом широкого внедрения медиации в практику является законодательное закрепление обязательного применения примирительных методов на досудебном этапе разбирательств по ЗС. Так, в Германии, принятый в начале прошлого века специализированный Указ «О разгрузке судов», нормировавший обязательный характер применения медиации, привёл в результате к росту заключённых в досудебном порядке количества мировых соглашений до 22% в течение 13 лет [11, с. 51].

В Великобритании имеется такой же опыт нормирования обязательного применения медиации при разрешении споров [2, с. 169]. Уклонение от данной процедуры суд расценивает как «сопротивление сторон в разрешении спора», что предусматривает санкции в виде системы штрафов, компенсаций судебных издержек для стороны, уклонившейся от медиации.

В странах, входящих в Евразийский экономический союз, в частности, в Белоруссии и Казахстане внедрение примирительных процедур происходит в более мягком варианте, носит рекомендательный характер. Так, в законодательстве Казахстана принят специализированный НПА о медиации. В нём нормирован перечень конфликтов, при урегулировании которых медиаторы могут легитимно применить медиацию как примирительную процедуру [12, с. 763]. В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, ни в Кодексе Республики Беларусь о земле, ни в специализированном Законе Республики Беларусь «О медиации» не содержится прямых указаний о применении этого способа в разрешении ЗС. Однако практика применения данного альтернативного способа защиты земельных прав существует [12, с. 761]. В частности, медиация применяется в разрешении ЗС, в которых объектами земельных правоотношений являются земельные участки (споры по установлению границ, устранении препятствий в пользовании землёй, по установлению или прекращению сервитутов). Также, медиацию применяют в урегулировании имущественных споров, связанных с земельными отношениями [12, с. 761]. Аналогично правоприменительной практике в РФ, медиация не применяется, если ЗС затрагивают интересы третьих лиц, а также если сторона спора, признана судом недееспособной; либо, когда в качестве стороны спора выступает государство. Среди мер, способствующих более широкому внедрению принципов медиации в практику рассматривается возможность её отнесения к внеадминистративному способу, соответствующее дополнение существующего порядка разрешения ЗС путём внесения указания на этот способ в гл. 11 о разрешении ЗС в Кодекс РБ о земле, а также закрепление медиации как способа разрешения ЗС в соответствующем специализированном НПА «О медиации», путём внесения дополняющей его поправки.

Рассматривая особенности нормирования процедур медиации в Российской Федерации, можно отметить, что одной из причин «непопулярности» этого альтернативного способа защиты ЗП является предписываемая законом квалификация медиаторов, а точнее её отсутствие [7]. Так, в ст. 15 ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закреплена возможность медиатора осуществлять свою деятельность «как на профессиональной основе, так и без таковой». Даже при добровольном намерении в разрешении ЗС у сторон спора возникнут сомнения в целесообразности прохождения процедуры медиации, чья значимость обесценивается возможным отсутствием юридического образования у медиатора. Поэтому в качестве важной меры, повышающей доверие к исследуемому в рамках статьи альтернативному способу защиты ЗП, является исключение из специализированного НПА данной трактовки квалификационного уровня медиатора. Отметим, что это не единственная проблема. Так, по мнению Баскаковой Я.

А., не способствуют широкому применению медиации «высокая стоимость услуг медиатора, отсутствие свободного доступа к информации о данной процедуре и о самих медиаторах непосредственно в судах, а также отсутствие механизма взаимодействия между судьями и медиаторами» [9, с. 27].

Таким образом, в ходе данного выявлен ряд проблем, нуждающихся в решении. Это может способствовать развитию института медиации, сформированного в Российской Федерации в 2010 г, однако не претерпевшего за последние 15 лет существенного развития.

В заключении можно сделать следующие выводы. Считаем, что частноправовая природа ЗС позволяет применять для их урегулирования процедуру медиации. При этом институт медиации в РФ находится на стадии становления. Нуждаются в регулировании на законодательном уровне требования к квалификации медиаторов, стоимость их посреднических услуг при разрешении споров, механизмы взаимодействия с судьями, а также, возможно, с нотариусами для заверения достигнутых соглашений между сторонами ЗС. В этом случае считаем возможным ст. 64 Земельного кодекса РФ, нормирующую возможность урегулирования ЗС административным способом, дополнить медиативным альтернативным способом защиты прав. Для оптимизации процедур медиации, а, возможно, снижения стоимости услуг медиаторов, также предлагаем дополнить ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ указанием на возможность проведения сессий медиации в онлайн формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 и 2020 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL:http://www.cdep.ru/ (Дата обращения: 08.02.2026)

2. Негодаева Е. Г. Способы разрешения земельных споров в Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – № 4(103). – С. 168-173.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 29.10.2001. № 44. ст. 4147.

4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ [Электронный ресурс]// СПС Консультант Плюс [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 15.02.2026) .

5. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33774/ (дата обращения: 11.02.2026) .

6. Слугина А. В. Медиация как правовой способ разрешения споров, вытекающих из земельных правоотношений // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 20 декабря 2023 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 84-86.

7. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) (ред. от 26.07.2019): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

8. Панин Е. В., Бахметьева Ж. И. Медиация как эффективный механизм досудебного урегулирования земельных споров// Модели и технологии природообустройства (региональный аспект). – 2020. – № 2(11). – С. 54-58.

9. Баскакова Я. А. Медиация в урегулировании земельных споров // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 91-3. – С. 25-27.

10. Использование медиации и других примирительных процедур [Электронный ресурс] // [сайт]. URL:http://www.arbitr.ru/conciliation (дата обращения: 13.02.2026).

11. Михель Д.Е. Развитие медиации в Германии как социального и правового института // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – №4. – С. 50-58.

12. Руденкова А. Ю. Перспективы применения медиации для урегулирования земельных споров // Материалы 76-й научная конф. студ. и асп. БГУ. В 3-х частях, Минск, 13–24 мая 2019 года. Том Часть 3. Минск: БГУ, 2019. – С. 761-764.

ABOUT THE POSSIBILITY OF MEDIATION USING AS AN ALTERNATIVE WAY TO PROTECT RIGHTS IN LAND DISPUTES

Annotation. The paper explores the prerequisites for a wider mediation introduction in the Russian Federation as an alternative to judicial and administrative methods of protecting land rights. A number of characteristics have been noted that can contribute to its practical application, objective reasons for the low popularity of mediation at present have been identified. The available foreign experience of applying this conciliation procedure in resolving land disputes was studied. Proposals have been formulated to improve the regulation of the mediation procedure by domestic legislation.

Keywords: land disputes, mediation, mediator, alternative method of protection

Kovtun F.L
Scientific adviser: Kravchuk K.A., Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: fedyakovtun@mail.ru

УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ ИЗНАСИЛОВАНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ И ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Козорез Т.А.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе проанализированы объективные признаки изнасилования, как преступления, которое посягает на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Выявлены объект и объективная сторона рассматриваемого преступления, а также предложены изменения в действующее российское законодательство, что поспособствует улучшению правоприменительной и судебной практики.
Ключевые слова: состав преступления, объект, объективная сторона, неприкосновенность личности, изнасилование.

В документах ООН неоднократно подчеркивается, что насилие над женщинами остается одной из серьезнейших глобальных проблем. В частности, изнасилование признается одним из самых распространенных и опасных преступлений, нарушающих половую свободу и неприкосновенность человека. Психическое расстройство, как последствие изнасилования, нередко преследует женщину в течение всей её жизни. Посттравматический синдром жертв изнасилования зачастую проявляется в ощущении страха, повышенной тревожности и состоянии постоянного нервного напряжения.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что в современных складывающихся реалиях эпохи информационного общества, половая неприкосновенность и половая свобода отдельно взятой личности является важнейшим благом и ценностью человеческого общества, передается ему на генетическом уровне и относится к главенствующему объекту уголовно-правовой охраны в Российской Федерации, в связи с чем государство устанавливает за совершение рассматриваемой группы общественно-опасных деяний повышенную уголовную ответственность.

Сложившаяся в России криминогенная ситуация по-прежнему остается достаточно напряженной и объективно оценивается правоприменителями как одна из основных угроз безопасности личности, общества и государства в целом, что требует незамедлительного разрешения. Связывается это в первую очередь с тем, что изнасилования грозят не только физическими последствиями, но и социальными и психологическими.

Исходя из сложившейся правоприменительной практики, изнасилование представляется одним из наиболее распространённых видов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: на долю совершенных общественно-опасных деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности традиционно приходится значительная доля от общего числа зарегистрированных в нашем государстве преступлений (более 50%). В частности, как показывает анализ данных МВД России за 2024 год, число изнасилований в Российской Федерации выросло на 0,3% до 3104 случаев по сравнению с 2023 годом (3096 случаев), в 2022 – 3311, в 2021 – 3457. В результате иных преступных посягательств рассматриваемой группы преступлений в каждом году страдает около 1000 потерпевших [1]. Как видно из материалов официальной статистики, именно преступным посягательством в виде изнасилования образовано основное содержание всей регистрируемой в Российской Федерации половой преступности. И это, не учитывая тот факт, что большинство потерпевших не решаются обращаться в правоохранительные

органы, опасаясь за собственную репутацию или невозможность доказать произошедшее.

Помимо этого, анализ практики реализации уголовного законодательства в сфере преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы наглядно иллюстрирует, что соответствующее регулирование, содержащее в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ), является весьма противоречивым: в нем наблюдаются некоторые недостатки и противоречия, требующие разработки научных концепций и законодательных инициатив по их устранению, что и является главенствующей проблемой. В этой связи считается целесообразным рассмотреть объективные признаки изнасилования.

С целью правильной квалификации преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, в частности – изнасилования, сотрудникам правоохранительных органов необходимо обладать всеобъемлющими знаниями норм действующего уголовного законодательства и теории уголовного права, в частности – элементов рассматриваемого преступления.

Как обоснованно указывает А.А. Князьков, сущность квалификации состоит в подведении признаков реально совершенного деяния под формальные признаки состава преступления, зафиксированного в уголовно-правовой норме [2, с. 8].

Следовательно, эффективное функционирование института уголовного преследования и отправления правосудия в целом возможна лишь при условии установления в правоприменительной практике полного состава преступления, под которым понимается совокупность всех обязательных элементов, детерминированных законодателем в нормах Особенной части УК РФ.

При этом, необходимо отметить, что действующее законодательство Российской Федерации не содержит в себе ни дефиниции состава преступления в целом, ни его объективных или субъективных признаков. В связи с этим, в теории уголовного права возникают оживленные дискуссии различных научных исследователей о том, что же является объектом преступления. Проведя анализ научной литературы, необходимо отметить, что большинство ученых сходятся во мнении о том, что под объектом преступления подразумевается «совокупность общественных отношений, которые складываются в обществе и государстве в целом» [3, с. 87]. Однако существуют и другие точки зрения, к числу которых следует отнести:

- социально значимые ценности, интересы и блага [4, с. 18]; правовые нормы, жизнь, здоровье, свобода, интересы и честь человека, как индивида [5, с. 31]; безопасность личности, общества и государства [6, с. 39]; общественные отношения и социально значимые блага (интересы) [7, с. 319].

В вышеупомянутых определениях объекта преступления происходит своеобразное смешение разновидных социальных явлений: общественные отношения являются целым, в то время как блага, права и свободы – его составными элементами и субъективными категориями (интересы и ценности отдельно взятой личности).

При этом, необходимо отметить, что именно объект, как элемент состава преступления, определяет общественную опасность содеянного, поскольку те отношения, на которые своим общественно-опасным деянием посягает правонарушитель, вне зависимости от состава преступления, представляют собой особую значимость для общества и охраняются государством в лице его государственных органов власти. Общественная опасность каждого преступления напрямую зависит от особо ценного в правоприменительной практике объекта преступного посягательства.

Помимо этого, объект играет основополагающее значение при разграничении составов преступлений и правильной квалификации статей Особенной части УК РФ, к примеру, квалифицировать деяния по части первой или второй статьи 131;

произошедший факт является изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера и так далее.

В научной литературе современности выделяют общий, специальный (родовой), групповой (видовой) и непосредственный объекты преступления, которые положены в основу деления Особенной части уголовного законодательства на разделы, главы и статьи, соответственно.

Наиболее общим объектом всех преступлений являются «совокупность охраняемых уголовным законодательством наиболее важные, социально значимые общественные отношения, складывающиеся в обществе или государстве и которым общественно-опасным деянием конкретного лица (или нескольких лиц) причиняется вред или создается реальная угроза его причинения» [8]. Положения части 1 статьи 2 УК РФ закрепляют общий объект уголовно-правовой охраны, интегрирующий все виды общественных отношений, защищаемые данной отраслью права. Конкретизация этого объекта происходит на уровне отдельных составов.

Так, состав изнасилования, криминализированный статьей 131 УК РФ, имеет своим непосредственным объектом общественные отношения, обеспечивающие половую неприкосновенность и свободу личности, что определяет его место в соответствующем разделе Кодекса. Следовательно, не вызывает ни малейших сомнений, что родовым объектом для группы преступлений, расположенных в седьмом разделе, в том числе для изнасилования, выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование личности.

Видовым объектом, в свою очередь, является узкая группа общественных отношений, отражающая определенный круг родственных социальных интересов. Законодательная конструкция состава изнасилования помещена в главу 18 УК РФ, что является внешним выражением его видовой (родовой) объектной принадлежности. Данная уголовно-правовая охрана предоставляется специфической группе социальных благ – половой неприкосновенности и половой свободе, что и отражено в названии соответствующей главы.

Кроме этого, в юридической доктрине встречается мнение, согласно которому видовым объектом изнасилования является «нормальный уклад половых отношений» [9, с. 84]. Представляется, что вышеуказанная позиция носит сугубо теоретический характер, не имеющий юридической силы, поскольку российский законодатель не использует указанный термин в текстах уголовного закона. При этом, понятие «уклад половых отношений» встречается в Декларации сексуальных прав, принятой Всемирной сексологической ассоциацией в 1997 году и представляющий собой «половую свободу и половую неприкосновенность, а также право на сексуальное здоровье личности» [10].

Л.А. Андреева в своих научных трудах отмечает: «…в качестве непосредственного объекта преступления при изнасиловании выступает сама половая свобода и половая неприкосновенность лица женского пола» [11, с. 19]. При этом, необходимо конкретизировать вышеупомянутую точку зрения, поскольку непосредственный объект напрямую зависит от потерпевшей. Так, в случае изнасилования совершеннолетней потерпевшей объектом преступления выступает ее половая свобода (право на выбор полового партнера). Когда же жертва — несовершеннолетняя или лицо в беспомощном состоянии, противоправное деяние причиняет вред половой неприкосновенности. При этом, исходя из сложившейся правоприменительной практики, разделение половой свободы и половой неприкосновенности носит сугубо теоретический характер и в некоторой мере противоречит статье 22 Конституции Российской Федерации, где свобода и неприкосновенность характеризуется как единое цельное право физических лиц [12].

Под половой свободой необходимо понимать способность человека самостоятельно, в отсутствие принуждения, решать, как и с кем удовлетворять

собственные физиологические потребности. Общепринятым является мнение, согласно которому «половой свободой обладают лица, достигшие 16-летнего возраста и способные четко осознавать социальную сущность и значимость половых отношений» [13, с. 35].

Ввиду изложенного представляется целесообразным выработать самостоятельное определение вышеуказанного понятия. Оптимальным представляется его закрепление в примечании к ст. 131 УК РФ, изложив норму следующим образом: «Под половой свободой следует понимать право совершеннолетнего и дееспособного лица на добровольный выбор полового партнера и характера сексуальных отношений, исключающее применение обмана, насилия или угроз». Связывается это в первую очередь с тем, что вышеупомянутое определение отсутствует в действующем законодательстве и разъясняются весьма изолировано, найдя свою формулировку исключительно в научных текстах различных мыслителей.

Личностью, в свою очередь, по мнению Н.С. Тыдыковой, «может считаться только тот, кто получает права на свободу при рождении, способен самостоятельно владеть, использовать, распоряжаться ими и самостоятельно выполнять обязательства, установленные государством» [14, с. 22]. Подобная формулировка, по мнению автора, является не совсем корректной, поскольку в юридическом смысле личностью не могут быть граждане, признанные недееспособными и новорожденные дети и, соответственно, раздел 7, именуемые «преступления против личности» не должен охранять их права и законные интересы, что в корне представляется не верной позицией.

В рамках настоящего исследования, кроме объекта преступного посягательства, следует также провести анализ понятия потерпевшей, а также соотнести указанное понятие с понятием «жертвы преступления». Исходя из сложившейся юридической доктрины, потерпевшим принято считать физическое лицо (в случае изнасилования – это совершеннолетняя женщина, либо несовершеннолетний ребенок женского пола), чьи права и законные интересы были нарушены и в отношении, которого субъектом преступления было совершенно общественно-опасное деяние.

Более широким понятием является «жертва преступления», под которым следует понимать «лицо, которое получило физический, моральный или имущественный вред от совершенного в отношении него противоправного деяния, независимо от того, признано ли это лицо в установленном законом порядке «потерпевшей» по данному преступлению или нет». Иными словами, жертва представляет собой виктимологическое понятие, используемое в криминологии, в то время как потерпевший – понятие исключительно уголовно-процессуальное. Соответственно, вышеуказанные понятия могут не совпадать друг с другом, поскольку чтобы лицо стало «потерпевшей», необходимо признание ее в качестве таковой в установленном действующим законодательством порядке.

Далее считается целесообразным определить объективную сторону изнасилования, представляющую собой внешнюю характеристику преступного посягательства. Объективная сторона указывает на общественную опасность преступления, посягающего на охраняемые действующим уголовным законодательством общественные отношения. Помимо этого, практическая значимость рассматриваемого явления заключается в возможности разграничения общественно-опасных деяний, являясь обязательным элементом состава преступления. Объективная сторона заключается в следующих признаках: действии или бездействии, причиненных последствиях, а также причинно-следственной связи между ними. Помимо этого, существуют факультативные признаки, к числу которых необходимо отнести: способ, место, время, средства, орудие и окружающая обстановка на момент совершения преступного посягательства.

При этом, в юридической доктрине объективная сторона преступления рассматривается двояко: как динамическое и статистическое явление. В первом случае –

«как процесс общественно-опасного и противоправного нарушения охраняемых законом интересов, который воспринимается извне, с точки зрения последовательного развития событий и явлений, начинающихся с преступного действия или бездействия человека и заканчивается появлением определенного преступного результата» [15, с. 124]. Во втором, как уже было отмечено ранее, под объективной стороной понимается совокупность признаков, которые способны охарактеризовать внешний акт общественно-опасного деяния, характерного для охраняемого уголовным законом объекта.

Преступление, являясь актом поведения человека, посягает на охраняемые законом общественные отношения, являясь неразделимой единицей субъективных и объективных особенностей. В связи с этим, исходя из характеристики объективной стороны, они неотрывно связаны с содержанием субъективной стороны преступления. Тем не менее, их правовой анализ имеет отдельное важное значение, в частности в тех целях, чтобы определить, является ли назначение уголовной ответственности за изнасилование обоснованным.

Объективная сторона состава изнасилования, закрепленная в диспозиции статьи 131 УК РФ, выражается в совершении полового акта против воли потерпевшего лица. Это достигается путем: сопряженное с применением насилия (или реальной угрозы его применения) к самой потерпевшей либо другим лицам; использования неспособности потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, оказать сопротивление или выразить свою волю.

При этом, необходимо отметить, что в действующем уголовном законе термин «насилие» используется исключительно в качестве физического воздействия, не учитывая психологические факторы угрозы и опасности ее реального причинения, что является очевидным пробелом, поскольку применение насилия к гражданам возможно, как в виде физического воздействия (причинение вреда здоровья, истязания и т.д.), так и психического (угрозы физическим насилием, подстрекательство к самоубийству и т.д.).

Под физическим насилием в общем смысле принято понимать нанесение телесных повреждений внешнего покрова кожи (ушибы, ссадины и т.д.), а также ограничение свободы посредством связывания и прочих действий. При этом, необходимо отметить, что изнасилование с причинением вреда по части 1 статьи 131 УК РФ включает в себя причинение всех видов вреда здоровья, кроме тяжкого, ответственность за причинение, которого при изнасиловании предусмотрена частью 2 вышеупомянутой статьи.

Психическое насилие при совершении изнасилования, а также угроза его причинения, может быть направлена как к потерпевшей, так и лицам близкого социального круга общения, родственникам, лицам, пользующимся положением социальной важности для потерпевшей и любым иным лицам, в том числе и незнакомым, которым в случае ее отказа грозит физическая расправа или причинение любого другого вреда. При этом угроза применения физического насилия должна быть реальной и восприниматься потерпевшей как осуществимая. Именно такой характер угрозы позволяет преступнику парализовать волю жертвы к сопротивлению, делая её дальнейшее противодействие невозможным или крайне опасным. Иными словами, угроза в полной мере входит в объективную сторону рассматриваемого преступления, в связи с чем, дополнительная квалификация деяния по статье 119 УК РФ – угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью, не требуется.

Наиболее ярким примером на практике могут послужить ситуации, при которых насильник, благодаря собственному физическому превосходству, или, к примеру, знакомству с жертвой и ее близкими, удается заполучить в свое распоряжение несколько объектов преступления одновременно. В подобных ситуациях, обладая физиологическими преимуществами, преступник может угрожать не только жертве, но

и близким для нее людям, в случаях, когда она не перестает оказывать сопротивления, несмотря на поступающие в ее адрес угрозы.

Второй законодательно установленной формой данного преступления выступает изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. Данное понятие нашло свое законодательное закрепление в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», к числу которых «относятся:

- потерпевшая, в силу физиологического или психического статуса (малолетний возраст, старческая немощь, физические недостатки, психическое расстройство, иное болезненное или бессознательное состояние) не способно осознавать характер и значение совершаемых действий; потерпевшая не понимала сути происходящего, либо не может оказать сопротивление; психическое отношение виновного, которое должно включать сознание того, что он действует в отношении беспомощного лица» [16].

Иными словами, под беспомощным состоянием необходимо понимать такое состояние потерпевшей (психическое расстройство, физические недостатки, малолетний возраст и т.д.), при котором она в силу собственного физического или психического состояния не имеет возможности в полной мере осознавать характер совершаемых с ней деяний или не способно оказать надлежащее сопротивление. При этом, исходя из правоприменительной практики, в целях привлечения лица к уголовной ответственности за изнасилование, сотрудниками правоохранительных органов не учитывается, что конкретно являлось следствием нахождения лица в беспомощное состояние. При этом, практическое значение имеет то, целенаправленно ли насильник привел жертву в подобное состояние. В случаях, когда преступление просматривается самостоятельно, необходимо дополнительно квалифицировать эти деяния по иным статьям УК РФ, которые будут предусматривать уголовную ответственность за деяния, произошедшие до совершения изнасилования.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что объективная сторона изнасилования состоит из объекта и объективной стороны. Объект изнасилования, в свою очередь, подразделяется на родовой (общественные отношения, обеспечивающие наиболее ценные права и интересы человека), видовой (половая свобода и половая неприкосновенность), а также непосредственный.

В соответствии с диспозицией ст. 131 УК РФ, объективная сторона изнасилования заключается в половом сношении, совершенном против воли потерпевшей. Законодатель устанавливает два способа совершения данного преступления, каждый из которых является достаточным для квалификации:

- с применением насилия или угрозы его применения (в отношении самой потерпевшей либо других лиц);

- с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

В этой связи считается целесообразным выработать самостоятельное определение вышеуказанного понятия, формулировку которого следует закрепить в примечании к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, изложив в следующей редакции: «Под половой свободой следует понимать право совершеннолетнего и дееспособного лица на добровольный выбор полового партнера и характера сексуальных отношений, исключающее применение обмана, насилия или угроз». Связывается это в первую очередь с тем, что вышеупомянутое определение отсутствует в действующем законодательстве и разъясняются весьма изолировано, найдя свою формулировку исключительно в научных текстах различных мыслителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистика МВД по состоянию на 01 января 2025 года / Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/reports/ (дата обращения: 14.11.2025). – Загл. с экрана.

2. Князьков А.А. Теория и практика квалификации преступлений: учебное пособие / А.А. Князьков. – Ярославль: ЯрГУ, 2018. – 100 с.

3. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 560 с.

4. Попов А.Н. Объект преступления: учебное пособие / А.Н. Попов., Л.С. Аистова. –СПб, 2014. – 40 с.

5. Кадников Н.Г. Уголовное право. Общая и особенная части / Н.Г. Кадников. – М.: Юрайт, 2022. – 944 с.

6. Новоселов Г.П. Ученик об объекте преступления: методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М.: Изд-во НОРМА, 2021. – 208 с.

7. Харабара И.В. Объект преступления и его виды / И.В. Харабара // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 318-323.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.01.2026). – Загл. с экрана.

9. Исмаилов Э.Э. Некоторые вопросы по определению объекта изнасилования / Э.Э. Исмаилов // Евразийский научный журнал. Юридические науки. – 2019. – № 9. С. 84-87.

10. Декларация Всемирной сексологической ассоциацией о сексуальных правах от 25.06.1997 / СПС Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ivo.garant.ru/#/startpage:1 (дата обращения: 24.12.2025). – Загл. с экрана.

11. Андреева Л.А. Квалификация изнасилования: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп / Л.А. Андреева. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2025. – 83 с.

12. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.01.2026). – Загл. с экрана.

13. Серскова А.Г. Проблемы квалификации изнасилования / А.Г. Серскова // Наука. Общество. Государство. 2020. – № 4. – С. 132-138.

14. Тыдыкова Н.С. О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 35.

15. Акопов Э.М. Уголовно-правовая характеристика и проблемы общественно опасных последствий изнасилования / Э.М. Акопов // Трибуна молодого ученого. – 2020. – № 5. – С. 123-126.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

ON THE ISSUE OF OBJECTIVE SIGNS OF RAPE AS A CRIME INFRINGING ON SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INTEGRITY OF A PERSON

Annotation. The paper analyzes the objective signs of rape as a crime that encroaches on sexual freedom and sexual integrity of the individual. The object and objective side of the crime under consideration have been identified, as well as amendments to the current Russian legislation have been proposed, which will contribute to improving law enforcement and judicial practice.

Keywords: corpus delicti, object, objective aspect, inviolability of personality, rape.

Kozorez T.A.
Scientific supervisor: Ushakova K.S., senior lecturer.
Donetsk State University
E-mail: kozorez.tanya@bk.ru

УДК 347.13 + 004.8

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛОК НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Коляда Д.М.
Научный руководитель: Соколенко А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы использования электронной формы сделок участников гражданско-правовых отношений на основе искусственного интеллекта. Рассматривается проблема правосубъектности интеллектуальных систем в вопросах гражданско-правовых отношений. Выделяются краеугольные аспекты, связанные с электронной формой гражданско-правовых сделок и регуляторных подходов их урегулирования.
Ключевые слова: электронная форма сделок, гражданско-правовые отношения, искусственный интеллект, интеллектуальные системы в гражданском праве, признание электронных сделок.

Электронные формы сделок в рамках гражданско-правовых отношений с применением искусственного интеллекта охватывают множество вопросов, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) при заключении и исполнении договоров между гражданами, организациями и госорганами. Тема затрагивает юридические, технологические и этические аспекты взаимодействия сторон сделки, которые возникают на фоне прогресса цифровых технологий и автоматизации контрактной деятельности.

Системы ИИ активно внедряются в сферу гражданского права: *управление сделками на расстоянии, автоматизация финансовых и имущественных операций, страхование, кредитование, вопросы интеллектуальной собственности* и другие направления. В России правовое поле для ИИ пока сложное и фрагментированное: в гражданском кодексе отсутствует единый блок норм, регламентирующий ИИ как таковой; в большинстве случаев применяются нормы гражданской ответственности, договорного права, защиты прав потребителей и персональных данных. Возникают вопросы, такие как правовой статус автономных агентов, ответственность за их действия, правовая личность, квалификация сделок, доказательственная база и возможности страхования связанных рисков.

Современный искусственный интеллект представляет собой технологически-техническую систему, которая *не обладает правосубъектностью*. Это означает, что он не может выступать самостоятельным субъектом права и, соответственно, не может быть стороной какой-либо сделки. Тем не менее, практическое применение ИИ в роли инструмента или агента, действующего от имени пользователя (например, через алгоритмы, чат-ботов или автоматизированные системы управления), становится все более популярным.

Интеллектуальные системы, в сфере гражданско-правовых отношений чаще всего используются для составления «умных» контрактов, а также для получения рекомендаций в онлайн-коммерции. Они способны обрабатывать большие объемы данных, формировать выводы и предпринимать шаги, соответствующие человеческому решению [1, с. 26].

Среди всех направлений, где искусственный интеллект приносит существенную помощь, чаще всего реализуют, так называемые *смарт-контракты* [2, с. 69], которые исполняются автоматически при выполнении заданных критериев без вмешательства человека. Хотя подобные механизмы функционируют автономно, они фактически работают на благо и по поручению физических лиц или организаций, которые изначально разработали соответствующую программу [3, с. 67]. Согласно пункту 1

статьи 182 Гражданского кодекса Российской Федерации, одно лицо вправе представлять другое исключительно при наличии специальных полномочий, подтвержденных доверенностью, правовыми нормами или иными законными причинами [4]. Это закрепляется двумя путями установления представителя: получением специально выданного официального разрешения (доверенности) и прямым установлением такого права законом или иными актами. Важным моментом является то, что *представительские отношения возникают лишь при добровольном согласии* представляемого делегировать конкретные юридические полномочия другому субъекту.

Искусственный интеллект, являясь технологическим инструментом для анализа и преобразования данных, существенно отличается от традиционных представителей - людей. У ИИ отсутствует способность самостоятельно формулировать намерение, подписывать бумаги или ставить подписи от собственного имени, ведь он функционирует исключительно на основе заложенного программного кода и ограничен рамками собственной архитектуры. Из-за указанных ограничений нормы пункта 1 статьи 182 Гражданского кодекса РФ неприменимы к системам искусственного интеллекта напрямую. Исходя из буквального толкования закона, ИИ не признается самостоятельным представителем физического или юридического субъекта. Тем не менее, он может успешно помогать реализовывать цели доверителей, действуя строго в рамках возложенных обязанностей и предварительно установленных команд [5, с. 878]. Следовательно, несмотря на формальное отсутствие статуса представителя в понимании гражданского права, ИИ служит эффективным вспомогательным механизмом, упрощающим выполнение множества задач, поставленных человеком, наделенным полномочиями выступать представителем доверителя в отношениях с третьими сторонами.

Другим направлением сферы гражданского права, являются особенности электронной формы сделок и проблемы электронного взаимодействия сторон договора по отчуждению недвижимости [6, с. 26].

Обратимся к пункту 2 ст. 434 ГК РФ, который изложен в новой редакции: «Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса» [4] (п. 7 ст. 1 Закона № 34-ФЗ).

Иными словами, проводится эволюция взаимно разных по своей природе явлений с целью определить для них единый правовой режим: договор, заключенный в формате бумажного носителя и содержащий единый подписанный документ, приравнивается к договору, оформленному в виде электронного документа, заверенного электронными подписями сторон.

На практике новые законодательные положения породили ряд проблем: распространили неоднозначные трактовки в доктрине по ст. 434 ГК РФ и привели к разным судебным выводам [7; 8]. В частности, при совершении сделок с объектами недвижимости возникли вопросы о возможности применения электронной формы договора и использования искусственного интеллекта. Если такая возможность допустима, то какая именно разновидность простой письменной формы им соответствует?

Также возникает закономерный вопрос по поводу недействительности следующих видов сделок:

- доверительное управление недвижимостью;
- аренда зданий, сооружений;
- аренда или продажа предприятий;
- купля-продажа объектов недвижимости.

Одним из основных условий легитимности сделки является *обоюдное согласие*

участников. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации [8], применение электронных средств связи не исключает возможности признания договора заключенным. Если сделка инициируется с помощью систем на базе искусственного интеллекта, она будет считаться действительной при условии, что она отражает волю лица, участвующего в гражданском обороте. Ответственность за действия, осуществляемые ИИ, распределяется между действующими юридическими или физическими лицами, которые обладают правом собственности или законным основанием для его использования. Рассмотрим конкретный случай.

Например, покупатель оформил электронный договор купли-продажи недвижимости с застройщиком, применяя систему на основе ИИ. Позже выяснилось, что цена недвижимого имущества значительно превышает рыночную стоимость. В этом случае возникает вопрос о возможности оспаривания данного договора и восстановлении прав потребителя.

Тематика электронных форм сделок и влияния искусственного интеллекта активно исследуется российскими юристами и IT-специалистами. Ниже представлены некоторые важные научные исследования, которые освещают проблемы и будущие перспективы применения ИИ в сферах электронного документооборота и гражданско-правовых сделок.

Правовед-исследователь Д. А. Казанцев рассматривает проблему определения субъекта юридически значимого действия, совершенного с использованием искусственного интеллекта, а также распределения ответственности за последствия его работы [9]. Например, если стороны заключили электронную сделку купли-продажи товаров с автоматической доставкой, использовав систему искусственного интеллекта, и система ошибочно отправила товар другому покупателю, вызвав убытки продавца, то проблема решается путем введения обязанности разработчиков проверять работоспособность ИИ и предусматривать компенсацию ущерба пострадавшей стороне.

Авторы статьи Б. Е. Кошелюк и И.С. Тарарышкина анализируют специфику использования искусственного интеллекта в сфере разработки и заключения гражданского договора. Они выделяют преимущества внедрения такого рода технологий составлении договоров [10].

А. А. Соколова, рассматривая риски внедрения искусственного интеллекта в юриспруденции [11], предлагает конкретные меры минимизации негативных последствий и путей снижения юридических рисков при использовании интеллектуальных систем. В качестве примера проблемы, она приводит следующий случай. Один из пользователей использовал сервис ИИ для составления искового заявления против другого участника сделки. Иск оказался некорректным, нарушив нормы процессуального права. Решение состоит в создании механизма предварительной экспертизы документов, составленных системами ИИ, до подачи в суд.

Даже данный краткий обзор научных публикаций иллюстрирует ключевые проблемы, касающиеся электронной формы сделок в гражданских правоотношениях, основанных на использовании искусственного интеллекта. Важнейшие из них можно выделить следующим образом:

Признание юридической силы электронной формы сделок. Это включает в себя создание правовых норм, которые обеспечивают равнозначность электронных документов, подписанных с помощью электронных средств, аналогичным традиционным бумажным бумагам. Например, в законодательстве многих стран прописаны правила идентификации участников онлайн-сделок, включая применение квалифицированных электронных подписей.

Влияние искусственного интеллекта на формирование условий договора. Современные технологии способны автоматически разрабатывать условия контракта, основываясь на анализе больших объемов информации и методах машинного обучения.

Это создает множество проблем, например, возможные несоответствия между истинными намерениями сторон и параметрами, предложенными алгоритмом, а также необходимость установления стандартов для проверки правовой обоснованности алгоритмов формирования условий договоров.

Ответственность за решения, принимаемые с помощью искусственного интеллекта. Возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность, когда стороны полагаются на автоматизированные системы для принятия решений. Если система принимает ошибочное решение, необходимо определить, кто виноват: разработчик, владелец системы или сам искусственный интеллект [12].

Проблемы исполнения и расторжения электронных сделок. Автоматизация процесса подписания контрактов усложняет контроль за выполнением обязательств сторонами. Автоматизированные инструменты требуют разработки четких механизмов для прекращения договоров и компенсации убытков в случае нарушения условий.

Кроме того, среди мер регулирования можно выделить следующие направления:

- четкое определение уровней сервиса и времени безотказной работы систем ИИ;
- строгие нормативы по защите данных и их разглашению;
- распределение рисков через установление лимитов ответственности и страхование киберрисков;
- определения правовых режимов обработки данных, включая цели обработки и основы для этого;
- установление условий передачи данных между сторонами, включая кросс-границы и анонимизацию;
- установление ответственности за нарушения конфиденциальности и утечку информации [12].

Считаем, что существуют конкретные пути для решения вышеуказанных вопросов, а также перспективы развития искусственного интеллекта в гражданских правоотношениях. К ним относятся создание *унифицированных принципов ответственности для ИИ*, а также *внедрение регламента по страхованию киберрисков и профессиональной ответственности*. Ключевым элементом в регулировании таких отношений является *стандартизация и сертификация инструментов ИИ*, а также *гибридное регулирование обработки данных в интеллектуальных системах*.

Что касается этических и социальных аспектов данной проблемы, то мы рекомендуем *ввести требования к прозрачности, объяснимости и недопустимости дискриминации в системах ИИ*. Также следует *разработать принципы разумного риска и понятные механизмы защиты прав граждан*.

Итак, несмотря на значительный интерес к развитию ИИ и попыткам адаптировать правовую базу к новым реалиям, поиск унифицированного подхода к регулированию остается предметом споров и требует дальнейшего анализа и дискуссий.

Внедрение электронной формы сделок с применением искусственного интеллекта ставит перед юристами и учеными целый комплекс новых задач и проблем. Ключевые из них включают разработку правовых норм, обеспечение защиты данных и создание эффективных механизмов разрешения споров. Необходимы дальнейшие исследования для повышения правовой защиты всех участников гражданского оборота на фоне растущего влияния цифровых технологий.

Таким образом, развитие электронной формы сделок на основе искусственного интеллекта ставит перед юристами и исследователями целый спектр новых задач и проблем, среди которых важнейшими являются разработка правового регулирования, обеспечение безопасности данных и формирование эффективных механизмов разрешения споров. Дальнейшие научные исследования необходимы для повышения уровня правовой защищенности всех участников гражданско-правовых отношений в условиях растущего влияния цифровых технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зульфугарзаде, Т. Э. Особенности гражданско-правового регулирования смарт-контрактов в современных российских условиях / Т.Э. Зульфугарзаде // Трансформация гражданского права в цифровую эпоху: сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 17 декабря 2021 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2022. – С. 26-31.
2. Примак, Т. К. Смарт-контракты: настоящее и будущее / Т. К. Примак, Г. В. Казакова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2(60). – С. 69-72.
3. Гагиева, А. В. Цифровизация и трансформация гражданско-правовых отношений / А.В. Гагиева // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2025. – № 71. – С. 62-80.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// Собрание законодательства РФ.1994. N 32.ст. 3301. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.
5. Феофентова, А. С. Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий / А. С. Феофентова, Е. В. Михайлова // Аллея науки. – 2024. – Т. 1, № 7(94). – С. 877-884.
6. Василевская, Л. Ю. Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации / Л. Ю. Василевская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 11(123). – С. 25-34.
7. Абдрахманова, А. С. Трансформация договорного права в цифровую эпоху / А.С. Абдрахманова, Д. Ф. Юсупова // Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Симферополь, 22 октября 2024 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80654130&pff=1 (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.
8. Обзор судебной практики от 26 декабря 2018 г. №3. – Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039358/?ysclid=mkycmxbvn356099974 (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.
9. Казанцев, Д. А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта / Д. А. Казанцев // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-regulirovaniya-otnosheniy-v-ramkah-sdelki-sovershennoy-s-uchastiem-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.
10. Кошелюк, Б. Е. Использование искусственного интеллекта при заключении сделок / Б. Е. Кошелюк, И. С. Тарарышкина // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 12(228). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?edn=csofcd (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.
11. Соколова, А. А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения / А. А. Соколова // Юридическая техника. – 2019. – № 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-yurisprudentsii-riski-vnedreniya (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.
12. Апостолова, Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / Н. Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-vred-prichinennyy-iskusstvennym-intellektom (дата обращения: 03.02.2026). – Загл. с экрана.

ELECTRONIC TRANSACTIONS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. This paper examines the problems of using the electronic form of transactions of participants in civil law relations based on artificial intelligence. The problem of the legal personality of intellectual systems in matters of civil law relations is considered. The article highlights the key aspects related to the electronic form of civil law transactions and regulatory approaches to their settlement.

Keywords: electronic form of transactions, civil law relations, artificial intelligence, intelligent systems in civil law, recognition of electronic transactions

Koliada D.M.
Scientific adviser: senior lecturer Sokolenko A.V., Donetsk State University
E-mail: david.koliada@mail.ru

УДК 343.953:343.622

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Кошель В.В.
Научный руководитель, Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется личность преступника как элемент криминалистической характеристики убийства матерью новорождённого ребёнка, предусмотренного ст. 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). В ходе исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и анализ судебно-следственной практики. Рассматриваются социально-демографические, психологические и психофизиологические особенности матери-убийцы, их влияние на механизм преступного поведения и тактику расследования. По результатам исследования обоснована необходимость уточнения оценочных понятий ст. 106 УК РФ и обязательного привлечения психолога при допросе по делам данной категории.
Ключевые слова: личность преступника, криминалистическая характеристика, детоубийство, латентность, амбивалентные эмоции.

Преступления против жизни относятся к числу наиболее опасных деяний, посягающих на фундаментальные ценности общества. Особое место среди них занимает преступление, предусмотренное статьёй 106 УК РФ [1], которое отличается сложностью выявления. Статистика показывает, что в 2022 году приговоров по статье «Убийство матерью новорожденного ребенка» было вынесено 27, однако, с 2019 года число остается стабильным: 26-27 случаев ежегодно [2]. Впрочем, по своей сущности убийство матерью новорожденного ребенка является латентным преступлением. Особенность рассматриваемого преступления обусловлена как наличием специального субъекта [3, с. 70], так и психофизиологическим состоянием женщины в период родов и послеродового состояния.

Целью настоящей статьи является исследование личности преступника как элемента криминалистической характеристики убийства матерью новорожденного ребенка и обоснование её значения для совершенствования методики расследования данной категории уголовных дел.

В криминалистике личность преступника традиционно рассматривается как один из системообразующих элементов криминалистической характеристики преступления. Иными словами, личность преступника – это, прежде всего, система знаний о лице, совершившем преступление, которая может быть использована для его раскрытия и расследования.

Р.С. Белкин в качестве элемента криминалистической характеристики называет характеристику личности преступника [4, с. 123]. И.А. Возгрин также выделяет не личность преступника в целом, а только лишь сведения о типичных личностных особенностях преступника, указывая на то, что между ними и определенным видом преступного посягательства, а также жертвой имеется связь. Причем «выявление этих черт и связей позволяет уже по последствиям преступления предположительно судить о личностных особенностях преступника и его жертвы, а также определять направления и программы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений» [5, с. 55].

Требуется отметить, что, личность матери, совершившей убийство новорожденного, имеет свои особенности, которые формируются под влиянием как биологических, так и социальных факторов. Эта особенность обуславливает необходимость отдельного изучения личности матери-убийцы при анализе рассматриваемого преступления.

Анализ научных источников позволяет выделить типичные социально-демографические признаки женщин, совершающих убийство новорожденного ребенка. Как правило, это женщины детородного возраста, чаще всего от 18 до 40 лет.

Более 50% детоубийств женщины совершают в возрасте 30-40 лет. Отметим, что указанная возрастная категория является самой репродуктивной [6, с. 132].

В возрасте 25-30 лет убийство матерью новорожденного совершается почти в 26% случаев.

В возрасте 12-16 лет детоубийства совершаются почти в 11% случаев, от 16-18 лет – около 5%, в возрасте 18-25 лет – примерно 18%.

Распространенными причинами совершения преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ, являются:

1. неблагоприятные жилищно-бытовые условия жизни;

2. мнение убийцы о то, что новорожденный будет являться препятствием для самореализации, а также карьеры [7, с. 135].

Для значительной части указанных лиц характерны финансовые трудности, отсутствие постоянного источника дохода, а также ограниченные социальные связи на момент зачатия, беременности и рождения ребенка. Нередко такие женщины проживают в неблагоприятно жилищно-бытовых условиях, что повышает уровень психологического напряжения.

Перечисленные обстоятельства имеют криминалистическое значение, так как позволяют сузить круг возможных подозреваемых на первоначальном этапе расследования.

Особое место в характеристике личности матери-убийцы занимают психологические и психофизиологические особенности, обусловленные состоянием беременности и послеродового периода.

При формулировании ст. 106 УК РФ законодатель учитывает не только наличие психического расстройства, не исключающего вменяемость, но и его связь с физиологическими и психологическими процессами, происходящими у женщины во время беременности и послеродовом периоде [8, с. 188].

Беременность и роды сами по себе не всегда вызывают психические нарушения, но, все же, при определенных условиях могут способствовать их проявлению. Мы можем подтвердить это судебной практикой.

Так, Бакчарский районный суд Томской области 12.01.2012 года вынес приговор в отношении Ю. А. Кузнецовой, совершившей преступление по ст. 106 УК РФ. В приговоре отмечено, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости, было связано с послеродовым периодом: «Изменения психики в сочетании с состоянием после родов в момент совершения преступления лишали Ю. А. Кузнецову возможности полностью осознавать характер и общественную опасность своих действий и контролировать их, но не исключали её вменяемости» [8, с. 188].

Для большинства женщин, совершающих преступление, предусмотренное статьёй 106 УК РФ, характерны повышенная тревожность, эмоциональная нестабильность, страх общественного осуждения, чувство стыда за беременность и рождение вне брака, а также склонность к импульсивным решениям. Указанные состояния зачастую усугубляются отсутствием поддержки со стороны близких лиц.

Во время первого триместра у беременных отмечается головная боль, утомляемость. Осознание факта беременности у женщины становится доминирующей идеей, вызывает волнение, а также, важно отметить, амбивалентные эмоции. Во многом эмоции женщины в период беременности зависят и от того, планировалась ли беременность, какая реакция на новость будет у мужчины, от которого ребенок, а также реакция других близких людей [9, с. 75].

Послеродовой период характеризуется радикальной гормональной перестройкой: уровень эстрогенов [10, с. 16] и прогестерона снижается, что напрямую влияет на серотониновую и дофаминовую системы. В результате у 10–15% женщин возникает острая послеродовая депрессия, а у 0,1–0,2% — послеродовой психоз, сопровождающийся диссоциацией, аффективными вспышками и нарушением самосознания.

Важно отметить, что наличие указанных психоэмоциональных и гормональных особенностей не свидетельствует автоматически о невменяемости лица. Однако, мы считаем, что указанные особенности подлежат обязательному учету при оценке субъективной стороны преступления, а также при назначении и производстве судебно-психологических и психиатрических экспертиз.

На первоначальном этапе расследования сведения о признаках личности матери-убийцы позволяют определить круг возможных подозреваемых, установить направления поисковой деятельности и правильно распределить силы и средства следствия. Особенно это актуально в ситуациях обнаружения трупа новорождённого при отсутствии сведений о личности матери.

Знание социально-демографических характеристик позволяет следователю сосредоточить внимание на женщинах детородного возраста, проживающих в непосредственной близости от места обнаружения тела ребёнка, а также на лицах, ранее скрывавших факт беременности. Данные обстоятельства активно используются при опросе медицинских работников, анализе обращений в медицинские учреждения.

Особое значение личность преступника приобретает при выборе тактики допроса. Кравцова А.Н. и Лунина Е.С. в своей научной работе отмечают то, что допрос с подозреваемой в убийстве новорожденного ребенка в большинстве случаев происходит в конфликтной ситуации. В целях повышения эффективности допроса подозреваемой следователь должен в полном объеме использовать привлечение к нему специалистов (психологи, акушеры, судебные медики и др.) [11, с. 101]. Текущее законодательство не обязывает следователя привлекать психолога при производстве допроса. Хотя ст. 168 Уголовно Процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) предусматривает такую возможность, на практике она почти не используется.

Анализ личности матери новорожденного ребенка способствует выявлению возможных соучастников преступления либо лиц, косвенно способствовавших его совершению или сокрытию. Такими лицами могут выступать отец ребёнка, родственники, близкие знакомые либо иные лица, осведомлённые о беременности и родах. Установление их роли возможно только при детальном изучении образа жизни и социального окружения матери.

Современное состояние следственной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего развития криминалистических рекомендаций по расследованию убийств матерью новорождённого ребенка. В особенности, представляется целесообразным разработать типовую модель личности матери-убийцы, которая могла бы использоваться в качестве ориентира при планировании первоначального этапа расследования.

Кроме того, актуальным является вопрос о расширении использования специальных знаний психолога и врача-акушера при расследовании данной категории уголовных дел. Их участие на ранних этапах расследования позволит более точно оценить психофизиологическое состояние женщины и избежать следственных ошибок.

Подводя итог проведенного исследования, мы еще раз убедились в том, что личность матери, совершившей убийство новорождённого ребёнка, является ключевым элементом криминалистической характеристики преступления, предусмотренного статьёй 106 УК РФ. Социально-демографические, психологические и психофизиологические особенности матери-убийцы в значительной степени определяют

механизм преступного поведения, а также направления и тактику расследования на первоначальном этапе уголовного судопроизводства.

Анализ правоприменительной практики показывает, что одной из ключевых проблем расследования данной категории уголовных дел является оценочный характер понятий «психотравмирующая ситуация» и «особое психическое состояние, обусловленное родами», используемых законодателем в диспозиции ст. 106 УК РФ.

Предлагаем, в целях совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, дополнить статью 106 Уголовного кодекса Российской Федерации примечанием:

«Примечание. Под психотравмирующей ситуацией, указанной в настоящей статье, понимается совокупность обстоятельств, связанных с беременностью, родами либо послеродовым периодом, которые оказали существенное негативное влияние на психическое состояние женщины и обусловили временное снижение её способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими».

Введение указанного примечания позволит конкретизировать содержание уголовно-правовой нормы, обеспечить единообразие её применения и повысить эффективность использования данных о личности преступника в процессе расследования убийств матерью новорождённого ребёнка.

Вместе с тем анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что привлечение специалиста-психолога к допросу подозреваемой по делам об убийстве матерью новорождённого ребёнка носит факультативный характер и на практике используется крайне редко. Это снижает эффективность следственных действий и не позволяет в полной мере учитывать психоэмоциональное состояние допрашиваемой.

Предлагаем ч. 3 ст. 168 УПК РФ [12] «Участие специалиста» изложить в следующей редакции:

«3. При производстве допроса подозреваемой или обвиняемой по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьёй 106 УК РФ, участие специалиста-психолога является обязательным.»

Включение психолога в следственные действия по делам ст. 106 УК РФ позволяет не только повысить достоверность показаний, но и реализовать один из ключевых принципов современного уголовного процесса — индивидуализацию производства с учётом личности участника. В этой связи представляется целесообразным институционализировать такую практику через нормативное закрепление.

Учет совокупности психологических и психофизиологических факторов, характеризующих личность преступника, способствует более глубокому пониманию механизма преступного поведения и повышает эффективность раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ. Дальнейшее развитие научных исследований в данном направлении представляется необходимым условием совершенствования как законодательства Российской Федерации, так и практики его применения, а также разработки современных криминалистических рекомендаций, ориентированных на защиту жизни и здоровья новорождённых детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. МИЦ «Известия»: генеральный директор Владимир Тюлин. — 2017 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 02.02.2026. — URL: https://iz.ru/1562836/sergei-gurianov/bremia-umirat-pochemu-rossiianki-vybrasyvaiut-novorozhdennykh (дата обращения: 02.02.2026).

3. Попов А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное

пособие. — Санкт Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — 136 с.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. Общая теория криминалистики: учебное пособие. — Москва: Юристъ, 1997. — 408 с.

5. Гаджиев А.А. Личность жертвы и преступника по делам о заказных убийствах // Государственная служба и кадры. — 2022. — № 1. — С. 55-56.

6. Резник Ж.Я., Душин Е.А. Социально-психологический и демографический статус матери - убийцы новорожденного ребенка как элементы криминологической характеристики личности // Вестник Самарского юридического института. — 2018. — № 5. — С. 131-135.

7. Натура А.И., Злобина Л.А. Социально-психологический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 12. — С. 134-138.

8. Мухачева И.М. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 2. — С. 183-190.

9. Добряков И.В. Перинатальная психология: монография. — СПб.: Питер, 2010. — 234 с.

10. Хасханова Л.Х., Мусаева Я.В. Физиологический и патологический послеродовый период: учебное пособие. — Грозный: Чечен. гос. ун-т, 2016. — 96 с.

11. Кравцова А.Н., Лунина Е.С. Специфика расследования убийства матерью новорожденного ребенка // Уголовно-правовые науки. — 2022. — № 2 (85). — С. 99–102.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

THE CRIMINAL'S PERSONALITY AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTICS OF THE MOTHER'S MURDER OF A NEWBORN CHILD

Annotation. The article examines the personality of the criminal as an element of the forensic characteristics of the murder of a newborn child by its mother, as provided for in Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study uses formal legal, comparative legal, statistical, and forensic practice analysis. It examines the socio-demographic, psychological, and psychophysiological characteristics of the murderous mother, their impact on the mechanism of criminal behavior, and the tactics of investigation. Based on the results of the study, it is necessary to clarify the evaluative concepts of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation and to involve a psychologist in interrogations in cases of this category.

Keywords: criminal personality, forensic characteristics, infanticide, latency, and ambivalent emotions.

Koshel V.V.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk National University
E-mail: koshelvika4@gmail.com

УДК 347.464

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРА РЕНТЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Кравченко Е.С.
Научный руководитель: Смирнова Е.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается развитие договора ренты, как актуального соглашения на протяжении долгого времени. Проведен ретроспективный анализ, выявлены пробелы в удостоверении договора и законодательстве. Изучен современный договор ренты, правовой аспект и виды соглашения, предложены способы развития, признаки и значение данного договора.
Ключевые слова: договор, рента, закон, право, обязательство, граждане.

В настоящее время удостоверение договора ренты является распространенной практикой для жителей Российской Федерации (далее РФ, Россия). Благодаря обращению к нотариусу, который осуществляет необходимые проверки, с использованием специальных программ, формируется один из видов соглашения: постоянная рента, пожизненная рента или договор пожизненного содержания с иждивением. Независимо от вида, цель - заключение сторонами соглашения, порождающего взаимные права и обязанности. По своей природе рента может выражаться в твердой денежной сумме, выплачиваемой ежемесячно получателю и его наследникам, либо в обеспечении всех его жизненных потребностей, включая уход [1].

Немало важным является исследование института договора ренты. Нами проведен ретроспективный анализ данного соглашения на основе отечественного и зарубежного законодательства и правоприменительной практики: его зарождение, становление, проблемные аспекты, факторы, оказывающие влияние на этот процесс в конкретные периоды времени.

Рассмотрим теоретическую сторону ренты. В данном случае проблематикой являлось неполноценное описание его понятия. Термин «Рента» появился в Древнем Риме. В переводе с латинского языка, термин reddita, означает «отданная», в немецком языке - rente, французском - unte, в итальянском – rendita, в английском – rent [2, с.1272-1275]. Обращаясь к современной терминологии, определение «рента» имеет несколько формулировок:

1) регулярный доход с капитала, имущества или земли, не связанный с предпринимательской деятельностью получателя;

2) установленная ежегодная сумма, выплачиваемая страховой компанией страхователю [3, с.4].

Следовательно, со временем, термин «рента» приобрел полное теоретическое определение, понятное для граждан с целью его практического применения и дальнейшего развития.

Что касается возникновения непосредственно договора ренты, то впервые подобные соглашения появились еще в Средние века, создаваясь как полноценный и самостоятельный вид гражданско-правового договора.

Изучением причин его возникновения занимался французский цивилист Жюллио де ла Морандьера. Ученый выделил основания возникновения, с которыми трудно не согласиться, рассмотрим их.

Во-первых, в европейских государствах существовало сильное расслоение между социальными группами. Приобрести имущество полностью или частично было крайне сложно. Особенно тяжелым было положение большинства граждан, находившихся на низкой социальной и материальной ступени.

Во-вторых, «церковь, а также светское законодательство того времени полностью запрещали займы под процент, которые считались ростовщическими».

В результате граждане стали использовать договор об установлении ренты в рамках религиозных и политических концепций, господствовавших в эту эпоху. Заемщик, получавший капитальную сумму, брал на себя обязательство выплачивать ежегодную ренту, вместо процентов по долгу. Собственник, желавший продать недвижимость, легче находил покупателя, согласного выплачивать ему постоянную ренту, чем того, кто мог бы единовременно уплатить крупную сумму, так как необходимых наличных средств часто не было [4].

Стоит отметить, что изначально такие договоры заключались с монастырями и церквями путем передачи им имущества в обмен на пожизненное содержание, а затем получили распространение и между частными лицами. Рентные отношения широко применялись в двух основных видах в зависимости от источника: рента с недвижимости (наследственная или вечная) и рента с капитала.

Официальное закрепление в гражданском законодательстве договор ренты получил лишь в 1804 г. во Франции. Гражданский кодекс Франции 1804 г. (далее – ГК Франции) содержал главу о договоре пожизненной ренты, его условиях, требованиях к действительности и последствиях для сторон. Согласно этому нормативно-правовому акту, рента могла устанавливаться путем дарения или завещания с самостоятельным определением ее размера.

Помимо французского права, договор ренты нашел отражение и в Германском гражданском уложении (далее - ГГУ), где отдельная глава (три нормы), регулировала договор пожизненной ренты, выплачиваемой авансом. Также была установлена обязательная письменная форма, несоблюдение которой влекло недействительность (ничтожность) сделки.

Что касается отечественного законодательства, Е.Т. Соловьев отмечает, что в дореволюционном российском гражданском законодательстве договор ренты закреплен не был, упоминаний о нем ни в одном из трех изданий Свода законов Российской империи не было, однако на практике применялись факты заключения, что не было запрещено в государстве. Как указывает ученый, продажа дома с правом проживания в нем продавца до смерти была частым явлением в Поволжье [5, с.91].

Незадолго до начала Октябрьской революции и Гражданской войны в России была предпринята попытка закрепить институт договора ренты в книге пятой («Обязательства») проекта Гражданского уложения, главе 19 «Пожизненный доход (рента) и пожизненное содержание» делением на два отделения.

Как «Пожизненный доход» рента основывалась на меновой идее: выплата лицу пожизненного дохода взамен уплаченной суммы денег или переданного имущества. Под доходом понимались регулярные денежные выплаты и предоставление «жизненных припасов или иных заменимых вещей» [6, с.20].

Как «Пожизненное содержание» рента имела явно выраженный социальный характер: предоставление контрагенту жилья, ухода, заботы, попечения в случае болезни или потери дееспособности.

Можно заметить, что в правовом анализе отечественного законодательства был найден пробел – отсутствие понятия ренты, как в начале XX века, так и после революции 1917 г. (Гражданский кодекс 1922 года). Законодательные органы государственной власти того времени не видели необходимости закреплять формы и нормы рентных отношений, несмотря на их практическое применение [7, 373-378].

Поскольку правовая природа была неясна и не урегулирована законом, судебная практика не осуществлялась в должном качестве и понимании. Судьи применяли аналогию права, ссылаясь лишь на схожие договоры.

В период Великой Отечественной войны и после ее окончания значение рентных отношений возросло: увеличилось количество пострадавших и тех, кто нуждался в уходе. Судам вновь пришлось разрешать споры, вытекающие из договоров отчуждения жилья под условием пожизненного содержания продавца.

Таким образом, социально-экономические условия в стране стали серьезно влиять на необходимость законодательного урегулирования ренты, чтобы иметь четкие ориентиры в теории и судебной практике. С принятием ГК РСФСР 1964 г. рентные отношения были допущены в очень узкой сфере. Нормы, регулирующие договор купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания продавца, разрешали такие отношения только для случаев отчуждения индивидуальных жилых домов нетрудоспособными гражданами. Такое положение сохранялось до 1991 года. [8]

После распада СССР и перехода Российской Федерации к рыночным отношениям, нивелирующим принцип недопустимости ростовщичества, было предопределено появление в новейшем гражданском законодательстве института договора ренты.

В дальнейшем стал вопрос о создании четких правил и эффективных механизмов для полноценного использования рентных отношений. Данный институт был закреплен в Главе 33 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), что стимулировало его теоретическую разработку и накопление правоприменительного опыта [9, с.265-274].

Следовательно, основными факторами, повлиявшими на становление договора ренты являются социально-экономические, правовые и политические. За долгий период это соглашение прошло сложный путь развития, чтобы в итоге обрести современную форму и четкое понимание.

Проведенный ретроспективный анализ позволил выделить проблемные аспекты в отечественном законодательстве, что дает основу для исследования современного состояния договора ренты в России и за рубежом. Ключевой проблемой, на наш взгляд, являются различия в законодательном регулировании и нотариальном удостоверении ренты. Однако наличие аналогов и новых подходов способствует совершенствованию правового поля, повышению квалификации специалистов и появлению новых научных позиций.

В первую очередь, необходимо рассмотреть договор ренты в современном российском гражданском праве. Рента относится к группе институтов, связанных с отчуждением имущества (платным или бесплатным), которая обеспечивает регулярный гарантированный доход, получаемый лицом в обмен на отчуждение имущества, сопряженный с риском и неопределенностью размера.

Тогда, следует определить, что договор ренты — это соглашение о передаче недвижимого имущества рентоплательщику, за периодически выплачиваемую ренту рентополучателю. Соглашение между данными субъектами, предметом которого является это передаваемое имущество, именуется договором ренты [10, с.290].

Следовательно, обратимся к норме Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно ч.1 ст.583 ГК РФ, которая гласит, что по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме. Договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации (ст.584 ГК РФ) [11].

Также характеристику договора ренты даёт в своём учебнике профессор Б.М. Гонгало. Договор ренты – соглашение, в силу которого одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственности имущество, а

плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо представление средств на его содержание в другой форме. Договор всегда заключается в нотариальной форме, а если предметом становится недвижимость, то также подлежит государственной регистрации. Имущество может передавать как платно, так и бесплатно [12, с.228-235].

Рентные правоотношения заключаются в обязанности одного лица предоставлять пожизненное или постоянное содержание другому лицу, которое для последнего нередко является единственным источником получения средств к существованию. Возникающие из договора ренты отношения носят длительный, стабильный, а при пожизненном содержании с иждивением и доверительный характер. Объем исполнения со стороны плательщика ренты не может быть четко определен в момент возникновения рентного правоотношения [13].

Тогда в соответствии с действующим российским законодательством можно выделить основные признаки договора ренты:

1) возмездность - предусматривается встречное удовлетворение;

2) реальность - право требовать выплаты рентных платежей возникает у получателя лишь после передачи принадлежащего ему имущества в собственность плательщика ренты, а для заключения договора необходима передача имущества от получателя ренты её плательщиком. Однако указанная точка зрения не является общепризнанной. Так, по мнению В.С. Ем, «договор ренты является реальным при передаче (отчуждении) движимого имущества под выплату ренты в собственность плательщика ренты бесплатно… Договор ренты является консенсуальным в случаях, когда передача движимого имущества в собственность плательщика ренты осуществляется за плату».

3) односторонность - право возникает у одной стороны - получателя ренты, а обязанность у другой - плательщика;

4) алеаторность - элемент риска присутствует во всех видах договора ренты, размер рентных платежей в сумме может сказаться как больше, так и меньше стоимости имущества, которое передано под выплату ренты;

5) длительность - предполагает систематическое длительное исполнение плательщиком ренты своих обязанностей по содержанию получателя;

6) фидуциарность – только договор пожизненного содержания с иждивением, поскольку только в этой разновидности ренты отношения сторон носят особый доверительный характер [14, с.307-311].

Далее перейдем к зарубежному формату договора ренты. Во Франции формой передачи недвижимости, особенно среди пожилых людей является Viager. Собственность на объект передается от продавца (аннуитет) покупателю в обмен на пожизненную аннуитетную выплату - регулярное финансовое обязательство, которое покупатель соглашается выплачивать в течение жизни продавца, с непределенной до конца стоимостью (занятая и свбодная сделка). По мнению М. Пляниоля важную роль при заключении соглашения играет нотариус, предусматривая риски и юридические последствия [15].

В Германии положение о ренте полностью сохранилось в современной редакции Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) в неизменном виде в главе «Рентный долг» (является разновидностью ипотеки). Это обременение земельного участка с периодическими денежными выплатами. Право на погашение рентного долга принадлежит собственнику, предупредив кредитора о выкупе за шесть месяцев при отсутствии ухудшения объекта. Допускается ограничение этого права на тридцать лет.

Нами исследовано, что в современном ГГУ, в разделе «Отдельные виды обязательств» содержатся положения о пожизненной ренте, которая характеризуется продолжительностью и размером выплаты, письменной формой и авансом за три месяца.

В разделе «Собственность» содержится еще одна интересная конструкция ренты. Если собственник земельного участка при возведении сооружения без умысла или грубой небрежности с его стороны застроил часть соседнего участка, и сосед не заявил о своем возражении до или сразу после нарушения границ, то в этом случае выплачивается денежная рента, ежегодно, авансом за год вперед, прекращается с устранением нарушения границ. Данное право на ренту является приоритетным [16].

В Великобритании договор ренты характеризуется как вид ипотечного кредита, предназначенный для пожилых людей (Lifetime Mortgage). Гражданин Великобритании, 55 лет, вправе получить доступ к части стоимости своего дома при сохранении права собственности, а после смерти заемщика недвижимость продается. Профессор Лондонского университета Эдуард Дженксом («Свод гражданского права» 1938 года) считает, что способом защиты ренты является самопомощь (distress). В случае недоимок по уплате, управомоченный на ее получение мог войти на участок, захватить и продать найденные движимые вещи. Если обременена недвижимость и платежи были просрочены на большой срок - удерживать в своем владении до покрытия претензии или передать доверительному собственнику для ипотеки или продажи (Акт о праве собственности 1925 года). Интерес для изучения представляют работы Самонда и Вильямса «Основы договорного права», В. Ансона «Договорное право» с анализом судебных прецедентов [17].

В Италии преобладает пожизненная рента - договор, по которому получатель получает материальную поддержку от плательщика до конца своей жизни исключительно в денежной форме, не передаётся по наследству, оформляется у нотариуса, фиксируются размер регулярных выплат и стоимость недвижимости. Историческая форма - тонтина, при которой выплаты распределяются среди группы лиц или все сбережения с процентами достаются последнему живому участнику [18].

В США аналогом договора ренты является обратная ипотека (Reverse Mortgage) - необслуживаемый кредит под залог недвижимости, механизм поддержки пенсионеров через монетизацию жилья, как пожизненный беспроцентный кредит под залог своей с сохранением права собственности. После смерти заёмщика банк продаёт жильё и возвращает средства вместе с процентами, а оставшуюся сумму передаёт наследникам. Общие требования к заёмщикам - возраст не менее 62 лет, отсутствие налоговых и страховых задолженностей, хорошая кредитная история, недвижимость - основное место жительства, наличие прямого права собственности [19].

Следовательно, рентные правоотношения заключаются в обязанности одного лица предоставлять пожизненное или постоянное содержание другому, которое для последнего нередко является единственным источником получения средств к существованию. Возникающие правоотношения носят длительный, стабильный, а при пожизненном содержании с иждивением и доверительный характер.

Таким образом, в данном исследовании был рассмотрен ретроспективный анализ договора ренты, становление, развитие и положения договора ренты, проблемные аспекты и правовая природа российского и зарубежного законодательства (Франция, Германия, Великобритания, Италия и США)

Можно сделать вывод, что договор ренты имел пробел в праве, рентополучатель часто сохраняет право проживания в переданной недвижимости, формы договора достаточно разнообразны. Важно отметить, что договор ренты играет важную роль в жизни граждан, особенно преклонного возраста, чьи права подлежат защите в случае правовых рисков и регулируются законодательством того государства, где он заключается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор ренты [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mos.ru/otvet-dom-i-dvor/kak-zaklyuchit-dogovor-renty/ (дата обращения: 07.02.2026)

2. Дакашев, М. Ж. История развития договора ренты / М. Ж. Дакашев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 11 (115). — С. 1272-1275.

3. Маркова О. А. Договор ренты в российском гражданском праве. Изд. Торговый центр — пресс, 2011. – 32 с.

4. Морандьер Жюллио де ла. Гражданское право Франции. В 3-х томах. Том 1.-М.: Иностранная лит-ра. 1958.

5. Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. 1893. Вып.2. – 110 с.

6. Токарева К. Г. Институт ренты: история и развитие законодательства // История государства и права России. 2010. № 21. – С.19-22.

7. Верхорубов И.Н. К вопросу о рентных отношениях в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Экономика и социум – 2017. - №3(34). – С.373-378.

8. Гражданский кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) / СПС «КонсультантПлюс» - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 08.02.2026)

9. Уколов Д.С. История становления и развития рентных отношений в странах Европы и России // Genesis: исторические исследования. 2015. № 4. С. 265-274.

10. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. 1208 с.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2022) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 08.02.2026)

12. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. – 602 с.

13. Кириллов А.К. Россия капиталистическая [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sov.opredelim.com/docs/136400/index-3942.html (дата обращения: 08.02.2026)

14. Мищенко А.В. Понятие ренты. основные признаки ренты как гражданско-правового договора // «Вестник науки». – 2023. - № 10(67). – С.307-311.

15. Виаже во Франции [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://property-serviceazur.com/info/articles/pokupka-nedvizhimosti-viazhe/ (дата обращения: 08.02.2026)

16. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=3683 (дата обращения: 08.02.2026).

17. Ансон Вильям Рейнель. Договорное право. Перевод с английского с издания: Ansons Law of Contract (Oxford, 1979) М. Юридическая литература, 1984 г. – С.91-98.

18. Provera G. Locazione : disposizioni generali : art. 1571–1606. – Bologna: N. Zanichelli, 1980. – 515 p.

19. Обратная ипотека в США [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tranio.ru/articles/reverse_mortgage/ (дата обращения: 08.02.2026)

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF THE RENT AGREEMENT: RETROSPECTIVE ANALYSIS AND MODERNITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

Annotation. This paper examines the development of the rent agreement as an important agreement over a long period of time. A retrospective analysis is conducted, and gaps in the certification of the agreement and legislation are identified. The article studies the modern rent agreement, its legal aspect and types, and suggests ways to develop, identify, and understand this agreement.

Keywords: agreement, rent, law, right, obligation, citizens.

Kravchenko E.S.
Scientific adviser: Smirnova E.V., Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: kravchenkoeva10@mail.ru

УДК 343.13

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СТОРОН И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВСЕСТОРОННОСТЬ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Краснянская Д.В.
Научный руководитель: Левендаренко О.А., канд. юрид. наук, зав кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется влияние принципа состязательности сторон на обеспечение всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном разбирательстве. Анализируются положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, практика Верховного Суда Российской Федерации и доктринальные подходы к соотношению состязательности и активной роли суда. Выявляются проблемы формального применения принципа состязательности, предлагаются пути их разрешения с целью повышения качества уголовного правосудия.
Ключевые слова: уголовный процесс, состязательность сторон, судебное разбирательство, доказательства, роль суда.

Вступление. Принцип состязательности сторон занимает ключевое место в системе начал уголовного судопроизводства и рассматривается как одна из важнейших гарантий справедливого судебного разбирательства. Его нормативное закрепление в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации направлено на обеспечение равенства процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты, а также на исключение обвинительного уклона в деятельности суда [7]. Конституционно-правовое значение принципа состязательности вытекает из положений Конституции Российской Федерации, закрепляющих гарантии судебной защиты прав и свобод личности [2].

В то же время уголовный процесс по своей правовой природе носит публичный характер, что обусловливает особую роль суда в установлении фактических обстоятельств дела. В соответствии со статьёй 6 УПК РФ задачами уголовного судопроизводства являются защита прав и законных интересов личности, а также обеспечение справедливого разрешения уголовного дела. Реализация указанных задач невозможна без всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, поскольку именно от качества судебного разбирательства зависит законность и обоснованность итогового судебного решения.

Практика применения принципа состязательности в уголовном процессе выявляет ряд устойчивых проблем. Одной из них является формальное толкование состязательности, при котором суд занимает пассивную позицию, ограничиваясь оценкой доказательств, представленных сторонами, без восполнения пробелов в доказывании. Подобный подход способен привести к неполному выяснению обстоятельств дела и нарушению требований статьи 17 УПК РФ о свободной оценке доказательств на основе их всестороннего исследования. Данная проблема усугубляется фактическим неравенством процессуальных возможностей сторон, прежде всего обвинения и защиты, что неоднократно отмечалось в научной литературе [1, с. 214; 3, с. 115].

Особое значение указанная проблема приобретает в контексте целей уголовной ответственности, закреплённых в статье 43 Уголовного кодекса Российской Федерации [6]. Назначение справедливого и индивидуализированного наказания возможно лишь при достоверном установлении обстоятельств совершённого преступления, формы вины и личности виновного. Формальный подход к состязательности сторон способен негативно сказаться на реализации принципов законности и справедливости уголовного наказания.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации заключается в том, что состязательность не освобождает суд от обязанности активно участвовать в судебном

разбирательстве и проверять доказательства в их совокупности. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» подчёркивается недопустимость признания обстоятельств дела доказанными без их надлежащего исследования в судебном заседании [4]. Аналогичный подход прослеживается и в разъяснениях, касающихся практики назначения уголовного наказания, где указывается на необходимость опоры суда на фактически установленные обстоятельства дела [5].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии теоретической и практической проблемы соотношения принципа состязательности сторон и активной роли суда в обеспечении всесторонности судебного исследования. В этой связи актуальным является научный анализ влияния состязательности сторон на качество установления обстоятельств уголовного дела и выработка подходов к её реализации, позволяющих обеспечить достижение задач уголовного судопроизводства.

Целью исследования является анализ влияния принципа состязательности сторон на всесторонность судебного исследования обстоятельств уголовного дела с учётом положений УПК РФ, УК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и современных доктринальных подходов.

Основная часть. Реализация принципа состязательности сторон в уголовном процессе оказывает прямое влияние на характер и качество судебного исследования обстоятельств уголовного дела. Несмотря на нормативное закрепление данного принципа в уголовно-процессуальном законодательстве, его практическое воплощение сопряжено с рядом теоретических и прикладных проблем, затрагивающих вопросы всесторонности, полноты и объективности доказывания. Анализ правоприменительной практики и научных подходов свидетельствует о том, что формальное понимание состязательности, фактическое неравенство процессуальных возможностей сторон и ограничение судебной инициативы способны негативно сказаться на достижении задач уголовного судопроизводства и реализации целей уголовной ответственности. В этой связи представляется необходимым последовательно рассмотреть ключевые проблемные аспекты реализации принципа состязательности сторон и определить их влияние на всесторонность судебного исследования обстоятельств уголовного дела:

1. Формализация принципа состязательности и её влияние на всесторонность судебного исследования.

Принцип состязательности закреплён в ст. 15 УПК РФ и предполагает разделение процессуальных функций: обвинение и защита представляют и исследуют доказательства, а суд не является органом преследования и не выступает на стороне одной из сторон. Однако из этого положения не следует, что суд обязан занимать пассивную позицию. Напротив, требования к качеству познания в суде прямо закреплены в ст. 17 УПК РФ: внутреннее убеждение формируется на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств. То есть закон одновременно закрепляет состязательность и возлагает на суд обязанность обеспечить надлежащий уровень исследования.

Формализация возникает, когда суд «перепутал» нейтралитет с бездействием: не задаёт уточняющих вопросов, не проверяет логические разрывы в версии обвинения, не реагирует на противоречия, не мотивирует отказ в ходатайствах защиты исследовать доказательства, ограничивает судебное следствие формальным набором действий. В итоге состязательность превращается в процедуру, где «выигрывает тот, у кого больше готовых материалов», что в уголовном процессе особенно рискованно.

Предмет доказывания по ст. 73 УПК РФ включает не только событие преступления и виновность, но и форму вины, мотив, характер и размер вреда, обстоятельства, смягчающие/отягчающие наказание, и др. Если суд ограничивается «пакетом доказательств» обвинения, то, как правило, хуже исследуются:

- альтернативные версии события;

- данные о достоверности и допустимости доказательств;

- обстоятельства, влияющие на квалификацию и наказание;

- факторы, значимые для справедливости (личность обвиняемого, причины и условия, поведение потерпевшего и т. п.).

В результате формальная состязательность напрямую подрывает то, что УПК требует доказать.

Пленум ВС РФ в разъяснениях о приговоре указывает, что выводы суда должны опираться на доказательства, исследованные в судебном заседании, а признание обстоятельств установленными без надлежащего исследования недопустимо. Это означает, что «формальная» логика вроде «в деле есть протокол, значит всё доказано» не соответствует стандарту судебного разбирательства.

Активность суда в состязательном процессе должна иметь процедурный характер (не замена сторон, а обеспечение качества исследования), например:

- постановка уточняющих вопросов, устраняющих противоречия;

- инициирование обсуждения «слабых мест» доказательственной системы;

- мотивированное реагирование на ходатайства (особенно защиты) об исследовании доказательств;

- фиксация в приговоре логики оценки доказательств по ст. 17 УПК РФ.

Такой подход согласуется и с публичными задачами уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), и с конституционной гарантией судебной защиты.

2. Неравенство процессуальных возможностей сторон как фактор нарушения полноты доказывания.

Ст. 16 УПК РФ закрепляет равенство прав сторон. Однако равенство прав (де-юре) не тождественно равенству возможностей (де-факто). В уголовном процессе обвинение формирует доказательственную базу на стадии предварительного расследования, опирается на аппарат государства. Защита часто действует в условиях ограниченного доступа к источникам доказательств и ограниченных ресурсов.

На практике неравенство усиливается в таких ситуациях:

- обвинение приносит «систему» доказательств, а защита — единичные опровержения;

- защита заявляет ходатайства об исследовании материалов, которые могут изменить картину, а суд отказывает формально;

- доказательства обвинения воспринимаются как «базовая версия», а версия защиты — как «альтернатива, которую надо доказать сверх меры».

Это снижает полноту исследования обстоятельств ст. 73 УПК РФ и увеличивает вероятность того, что суд рассмотрит дело в рамках одной доминирующей версии.

К.Ф. Гуценко отмечает, что при пассивности суда состязательность может деформироваться: суд фактически опирается на то, что создано предварительным расследованием, а судебное следствие перестаёт выполнять функцию критической проверки. В этой ситуации снижается качество внутреннего убеждения суда по ст. 17 УПК РФ, а приговор становится уязвимым.

Пленум ВС РФ указывает на необходимость проверки доказательств в совокупности и недопустимость вывода о доказанности без надлежащего исследования. Это фактически означает: если дисбаланс между сторонами приводит к пробелам или односторонности, суд обязан процессуально «развернуть» исследование, чтобы устранить искажение картины.

Реалистичное решение — не «уравнять ресурсы», а обеспечить процессуальные компенсаторы:

- суд обеспечивает полноценное исследование доказательств, значимых для версии защиты (при обоснованности ходатайств);

- суд требует ясности и непротиворечивости обвинительной версии (вопросами, уточнениями, сопоставлением источников);

- суд мотивирует отказ в ходатайствах так, чтобы было видно соблюдение принципа равенства и стандартов доказывания.

Это соответствует задачам уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ) и конституционному требованию справедливого правосудия.

3. Активная роль суда как условие реализации свободы оценки доказательств.

Ст. 17 УПК РФ закрепляет свободу оценки доказательств, но не как произвол, а как внутреннее убеждение, основанное на всестороннем и объективном исследовании. Это означает: суд обязан сформировать убеждение через проверку взаимосвязи доказательств, их допустимости, достоверности и достаточности.

Без активного судебного исследования свобода оценки превращается в формальность: если доказательства не проверены и не сопоставлены, «внутреннее убеждение» становится психологическим впечатлением, а не результатом процесса познания. Поэтому активность суда — это не «вмешательство в спор», а условие того, чтобы ст. 17 УПК РФ реально работала.

Активность суда в состязательной модели — это прежде всего:

- уточняющие вопросы для устранения противоречий;

- постановка на обсуждение обстоятельств, важных для квалификации и наказания;

- контроль допустимости: исключение недопустимых доказательств и мотивированная оценка иных;

- обеспечение исследования материалов, влияющих на полноту предмета доказывания по ст. 73 УПК РФ.

Важно: суд не «доказывает вместо стороны», он обеспечивает корректный процесс исследования.

Пленум ВС РФ о судебном приговоре требует, чтобы выводы суда вытекали из исследованных доказательств и были логически обоснованы. Если суд пассивен, он часто не может качественно мотивировать, почему одни доказательства приняты, а другие отвергнуты. Это повышает риск отмены и снижает доверие к правосудию.

В научной литературе подчёркивается, что состязательность эффективна только тогда, когда суд обеспечивает реальный процессуальный баланс и препятствует формализации. Иначе «состязательность» становится просто названием процедуры, не обеспечивающей справедливости.

4. Состязательность и реализация целей уголовной ответственности (УК РФ).

Судебное разбирательство в уголовном процессе завершает путь к уголовной ответственности. Поэтому качество установления обстоятельств дела определяет, будет ли наказание соответствовать целям, закреплённым в ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение преступлений.

Если из-за формализма или дисбаланса сторон неверно установлены обстоятельства (например, мотив, роль лица, степень участия, наличие смягчающих обстоятельств), суд рискует:

- неверно квалифицировать деяние (ошибка по основаниям ответственности — ст. 8 УК РФ);

- нарушить принцип вины (ст. 5 УК РФ);

- назначить наказание, не соответствующее общественной опасности и личности виновного.

Это уже не просто процессуальная проблема, а проблема реализации уголовного закона.

Пленум ВС РФ по практике назначения наказания требует учитывать характер и степень общественной опасности, данные о личности, смягчающие/отягчающие обстоятельства и иные факторы. Но все эти элементы должны быть достоверно

установлены в судебном разбирательстве. Если состязательность реализуется формально (суд не исследует полно и объективно), суд не получает надёжной фактической базы для справедливого наказания.

Активность суда (в допустимых формах) обеспечивает:

- выявление и проверку обстоятельств, влияющих на ответственность и наказание;
- оценку версии защиты, которая может влиять на квалификацию или объём обвинения;
- предотвращение чрезмерно обвинительной интерпретации фактов.

Тем самым обеспечивается достижение целей ст. 43 УК РФ и соответствие разъяснениям Пленума.

Состязательность должна быть инструментом получения качественной фактической картины, иначе страдают задачи УПК РФ и цели УК РФ.

5. Состязательность и задачи уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Ст. 6 УПК РФ фиксирует задачи уголовного судопроизводства: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения/осуждения, обеспечение справедливого разрешения уголовного дела. Состязательность — инструмент достижения этих задач, но при формализме она может работать против них.

Если суд пассивен:

- защита может не реализовать право на эффективное представление позиции;
- суд хуже выявляет пробелы и противоречия;
- возрастает риск незаконного/необоснованного осуждения, что прямо противоречит задачам ст. 6 УПК РФ.

С другой стороны, чрезмерная активность суда тоже опасна: если суд фактически «помогает обвинению», это нарушает разделение функций по ст. 15 УПК РФ. Поэтому важен баланс.

Оптимальная модель — когда суд:

- обеспечивает сторонам равные условия исследования доказательств (с учётом ст. 16 УПК РФ);
- предотвращает формализацию оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ);
- обеспечивает исследование ключевых обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ);
- действует в соответствии со стандартами Пленума ВС РФ о приговоре.

Это и есть практическая реализация состязательности как средства достижения задач уголовного процесса.

Конституционные гарантии судебной защиты прав личности задают общий стандарт: судопроизводство должно обеспечивать реальную защиту прав, а не формальную процедуру. Поэтому состязательность должна наполняться содержанием через активное и качественное судебное исследование, иначе конституционный стандарт не реализуется.

В.А. Лазарева подчёркивает, что состязательность эффективна только при наличии условий для реального баланса сторон и предотвращения процессуальной односторонности. Это прямо соотносится с задачами ст. 6 УПК РФ и с судебными разъяснениями.

Выводы. Принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) является фундаментом уголовного процесса, однако его практическая реализация часто носит формальный характер. Основная проблема заключается в пассивной позиции суда, который ограничивается оценкой представленных доказательств. Такой подход противоречит принципу свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и позициям Пленума Верховного Суда РФ, указывающим на недопустимость признания обстоятельств доказанными без их надлежащего исследования.

Анализ показывает, что при формальном равенстве сторон обвинение фактически доминирует, опираясь на государственные ресурсы и результаты следствия. В этих условиях активная роль суда становится необходимым инструментом обеспечения реального равенства и преодоления односторонности доказывания. Судебная инициатива по восполнению пробелов в деле не противоречит состязательности, а, напротив, служит условием её эффективной реализации и соответствует задачам уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Особое значение активность суда приобретает в контексте ст. 43 УК РФ: назначение справедливого наказания невозможно без достоверного установления всех обстоятельств дела и личности виновного. Таким образом, состязательность должна рассматриваться не как самоцель, а как средство достижения правосудия. Перспективным направлением исследований остается разработка четких критериев допустимой судебной инициативы, что позволит повысить качество и устойчивость судебных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / [Гуценко Константин Федорович и др.] ; под ред. Гуценко К. Ф. — М. : Норма, 2022. — 544 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.01.2026).

3.Лазарева В. А. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 112-121.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 (ред. от 09.12.2025) "О судебном приговоре" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ (дата обращения: 16.01.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 23.12.2025) "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 18.01.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.01.2026).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.01.2026).

ADVERSARIAL PRINCIPLE AND ITS IMPACT ON THE COMPREHENSIVENESS OF JUDICIAL EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the impact of the adversarial principle on ensuring the comprehensiveness, completeness, and objectivity of the investigation into the circumstances of a criminal case during trial. It analyzes the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, and doctrinal approaches to the correlation between the adversarial nature of proceedings and the active role of the court. The author identifies issues regarding the formal application of the adversarial principle and proposes ways to resolve them in order to improve the quality of criminal justice.

Keywords: criminal procedure, adversarial principle, trial, evidence, role of the court.

Krasnyanskaya D.V.
Scientific adviser: Levendarenko O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure,
Donetsk State University.
E-mail: diana.krasnyanskaya@inbox.ru

УДК 347.637

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Круковская В.И.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе исследуются правовые проблемы использования материнского (семейного) капитала для улучшения жилищных условий, связанные с несовершенством регулирования отношений общей долевой собственности. На основе анализа нормативных правовых актов, судебной практики и доктринальных источников рассматриваются особенности заключения договора купли-продажи жилья с привлечением средств материнского (семейного) капитала, порядок выделения долей детям и последствия неисполнения данной обязанности.
Ключевые слова: материнский (семейный) капитал, доли, ипотека, жилая недвижимость.

Современная государственная политика Российской Федерации ориентирована на укрепление института семьи, защиту материнства, отцовства и детства. В условиях демографических вызовов поддержка семей с детьми и создание эффективных механизмов, обеспечивающих их достойными жилищными условиями, приобретает характер безусловного национального приоритета. Ключевым инструментом реализации этой политики выступает материнский (семейный) капитал – мера государственной поддержки, доказавшая свою востребованность.

Масштабы применения данной меры впечатляют: к ноябрю 2025 года Социальный фонд России зафиксировал рассмотрение и удовлетворение более 1,5 млн заявок от семей на целевое использование материнского капитала. Анализ структуры этих заявлений наглядно демонстрирует приоритеты семей. Значительная часть – свыше 407 тысяч распоряжений – была направлена на улучшение жилищных условий, что подтверждает острейшую потребность граждан в решении квартирного вопроса. Еще 455 тысяч семей направили капитал на обучение детей, инвестируя тем самым в будущее подрастающее поколение [8].

Однако длительное время реализация права на улучшение жилищных условий с использование материнского капитала, особенно в рамках ипотечного кредитования, была сопряжена с существенными бюрократическими и правовыми барьерами. Центральной проблемой являлась процедура оформления общей долевой собственности на жилье для всех членов семьи. Законодатель попытался разрешить это противоречие путем внесения изменений, вступивших в силу с 2025 года, что и обуславливает актуальность настоящего исследования. Важно оценить, насколько принятые изменения соответствуют заявленной цели – обеспечению баланса интересов семьи (получение гарантированного жилья в общую долевую собственность) и кредитора (сохранение обеспечения по кредиту), а также выявить потенциальные правовые коллизии, которые могут возникнуть в процессе реализации обновленных норм.

Конституционная обязанность государства защищать материнство, детство и семью находит свою практическую реализацию в Федеральном законе от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – ФЗ №256). Согласно законодательству, материнский (семейный) капитал (далее – МСК) – это государственные деньги, которые выделяются из федерального бюджета Социальному фонду России. Эти средства предназначены для тех семей, которые имеют право на дополнительную поддержку от государства по закону [2].

Размер МСК не является статичной величиной и подлежит ежегодной индексации, в соответствии с ч. 2 ст. 6 ФЗ №256. Пересмотр осуществляется с 1 февраля каждого года с учетом роста потребительских цен, на основании которого Правительство РФ устанавливает коэффициент индексации. На 2026 год размер материнского капитала на первого ребенка, рожденного с 01.01.2020 составляет почти 729 тысяч, что на 5,6% больше, чем в прошлом году [4]. Важно отметить, что размер капитала дифференцирован: он зависит не только от количества детей, но и от того, за какого по счету ребенка возникло право, а также от того, возникало ли такое право ранее (Таблица 1).

Таблица 1. Размер материнского капитала в 2025-2026 годах.

	Размер материнского капитала (в рублях)			
Период	На первого ребенка (рожденного с 01.01.2020)	На второго ребенка (если первый рожден с 01.01.2020)	На второго ребенка (если первый рожден до 01.01.2020)	На третьего и последующих (если ранее право не возникало)
С 01.02.2026	728 921,90	234 321,27 (общая сумма 963 243,17)	963 243,17	963 243,17
С 01.02.2025 по 31.01.2026	690 266,95	221 895,14 (общая сумма 612 162,09)	912 162,09	912 162,09

Законодатель устанавливает императивные требования к целям расходования средств МСК. Исчерпывающий перечень областей применения МСК закреплен в ч.3 ст. 7 ФЗ №256, к ним относятся: улучшение жилищных условий, финансирование образовательных услуг для детей, формирование накопительной пенсии матери (или других лиц, имеющих право), расходы на социальную адаптацию детей-инвалидов, получение ежемесячной выплаты на ребенка до трех лет. Любое иное использование средств, не предусмотренное законом и их обналичивание, квалифицируется как нецелевое и может повлечь уголовную ответственность по ст. 159.2 УК РФ. Запрет на перевод средств МСК, направляемых на приобретение жилого помещения, на личные счета держателей сертификатов также подтверждается судебной практикой [6].

Как обращают внимание В.В. Долинская и Н.Н. Кулемина, при очевидных достоинствах публично-правового аспекта закона его частноправовая составляющая порождает множество спорных моментов как в теории, так и на практике. Наибольшую остроту эти противоречия приобретают в контексте использования МСК на улучшение жилищных условий – одного из ведущих направлений программы, на долю которого приходится свыше 60% обращений [7, с. 45].

Основные правила и способы эксплуатации МСК для улучшения жилищных условий закреплены в ст. 10 ФЗ №256, а их детальная регламентация содержится в подзаконных актах, прежде всего в Постановлении Правительства РФ от 12.12.2007 №862 «О правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» (далее – Постановление Правительства РФ №862). В соответствии с указанными нормами семье предоставляется широкий, но строго очерченный законом круг возможностей. В частности, средства МСК могут быть направлены на:

1) Приобретение жилого помещения по договору купли-продажи, договору участия в долевом строительстве или уступке прав требования (п. 1 ч. 1 ст. 10 ФЗ №256);

2) Строительство или реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства (ИЖС) (п. 2,3 ч. 1 ст. 10 ФЗ №256);

3) Уплата первоначального взноса, погашение основного долга и процентов по ипотечным кредитам (займам), включая кредиты, оформленные до возникновения права на МСК и рефинансированные кредиты (ч. 2 ст. 10 ФЗ №256; пп. «в» п. 3 Постановления Правительства №862) [5].

Важной особенностью, отличающей ипотечное направление от иных способов распоряжения, является возможность использовать средства МСК непосредственно после рождения ребенка, без обязательного ожидания достижения им трехлетнего возраста (ч. 6, 6.1 ст. 7 ФЗ №256).

При этом законодатель устанавливает четкие запреты:

- Запрет на погашение штрафов, пеней, комиссий (пп. «б», «в» п. 3 Постановления Правительства №862);
- Запрет на погашение долга по договору купли-продажи с рассрочкой платежа до трехлетия ребенка;
- Недопустимость использования средств, если стороной кредитного договора не является владелец сертификата или его супруг [6].

Приобретение жилого помещения с использованием средств МСК осуществляются на основании договора купли-продажи, который заключается с соблюдением требований, установленных ст. 158, 549-558 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]. Специальных требований относительно формы такого договора законодательство не предусматривает, поэтому он заключается в простой письменной форме, хотя нотариальное удостоверение возможно по соглашению сторон [9]. Между тем, как отмечается в практических руководствах, при составлении договора необходимо учитывать ряд существенных отличительных черт, связанных с правовой природой средств МСК.

Во-первых, оплата по договору производится не единовременно: после регистрации права собственности покупатель обращается в Социальный фонд России, и в течение пяти рабочих дней средства перечисляются продавцу. Поэтому договор должен содержать условие о рассрочке платежа, а до полной оплаты имущество находится в залоге у продавца. При привлечении кредита залог оформляется в пользу банка.

Во-вторых, средства МСК перечисляются только безналично на счет продавца, банка или эскроу.

Анализируя право общей собственности, возникающее из семейных правоотношений, И.В. Заикина и М.О. Гоголева подчеркивают, что вопрос реализации прав граждан напрямую связан с недостаточной урегулированностью отношений на стыке гражданского и семейного права, особенно в части выделения имущества, определяемого как совместно нажитое [10, с. 99]. Эта неопределенность усугубляется тем, что специальное целевое назначение средств МСК принципиально меняет режим собственности: в отличие от общего правила, объект не поступает в совместную собственность супругов, а сразу становится общей долевой собственностью, где на стороне собственников наряду с родителями выступают и дети [7, с. 45] Суды неоднократно подтверждали такую позицию, указывая, что именно целевое назначение средств служит основанием для исключения из общего режима имущества супругов (п. 12 «Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал» от 22.06.2016) [11]

Ключевой особенностью правового режима такого жилья является императивное требование, закрепленное в ч. 4 ст. 10 ФЗ №256: родители обязаны оформить жилое помещение в общую долевую собственность на себя, своих супругов и всех детей (включая последующих) с определением размера долей по соглашению. Общие положения об общей долевой собственности закреплены в ст. 244-252 ГК РФ. В

соответствии с п. 1 ст. 245 ГК РФ, если доли участников долевой собственности не могут быть определены на основании закона и не установлены соглашением всех ее участников, доли считаются равными. Однако применительно к жилью, приобретенному с использованием МСК, законодатель не установил четких критериев определения размера долей, что порождает многочисленные споры на практике. Как разъясняет Д.И. Новинова, если распределение долей непосредственно отражено в самом договоре купли-продажи, заключение отдельного соглашения не требуется [9]. В противном случае необходимо составить отдельное соглашение об определении долей, которое, по разъяснениям Минфина России, подлежит нотариальному удостоверению. При этом важно отметить, что положения ч. 1.1 ст. 30 Жилищного кодекса РФ, устанавливающие минимальный размер общей площади жилого помещения, приходящейся на долю каждого собственника (не менее 6 кв. м), в данном случае не применяются.

До недавнего времени серьезным препятствием в оформлении долей являлось требование о получении согласия залогодержателя. Поскольку недвижимость, приобретенная средствами господдержки, чаще всего находится в ипотеке, для выделения долей детям требовалось согласие банка, что было длительной и сложной бюрократической процедурой. Существенные изменения в регулировании данного вопроса внесены Федеральным законом от 07.07.2025 №195-ФЗ. Статья 2 данного закона дополнила ст. 7 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» пунктом 3, согласно которому для оформления в общую долевую собственность родителей и детей жилья, купленного на материнский капитал и находящегося в залоге (до снятия ипотечного обременения), получать согласие банка-залогодержателя не нужно [3]. Данное нововведение, действующее с 7 июля 2025 года, снимает один из основных административных препятствий и заметно облегчает процесс оформления долей детям в приобретенном жилье.

Неисполнение родителями обязанности по выделению долей детям в жилом помещении, приобретенном с использованием средств МСК, влечет серьезные правовые последствия, среди которых особое место занимает возможность квалификации таких действий как неосновательного обогащения и, как следствие, взыскание средств МСК в бюджет. Принципиальное значение для понимания правовой природы данного нарушения и механизма привлечения к ответственности имеет правовая позиция, сформулированная в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.09.2025 года №45-КГ25-20-К7.

Фабула дела, рассмотренного Верховным Судом РФ, показательна для типичных нарушений при использовании средств маткапитала. В 2011 году гражданка ФИО1, мать двоих несовершеннолетних детей, направила средства МСК (338 860 руб.) на приобретение квартиры. К заявлению было приложено нотариальное обязательство оформить жилье в общую долевую собственность с детьми в течение шести месяцев после перечисления средств продавцу. Данное обязательство является ключевой гарантией соблюдения прав несовершеннолетних при использовании бюджетных средств.

В нарушение ч. 4 ст. 10 ФЗ №256 и взятого на себя обязательства ответчица не оформила квартиру в собственность детей, а в 2012 году продала ее, распорядившись вырученными средствами по своему усмотрению. Последующее приобретение иного жилья и выделение долей в нем (на что ссылалась ответчица) не может считаться надлежащим исполнением первоначального обязательства, поскольку целевой характер данной господдержки предполагает их использование на улучшение жилищных условий в конкретном объекте либо соблюдение установленной процедуры изменения объекта инвестирования.

Ключевым выводом стало признание того, что подобные действия образуют состав неосновательного обогащения. Денежные средства, выделенные государством на строго

определенные цели, будучи потраченными без соблюдения условия улучшения жилищных условий семьи с обязательным наделением детей долями в праве собственности, подлежат возврату в бюджет как неосновательно сбереженные. Верховный Суд РФ в своем определении подтвердил, что Пенсионный фонд (сейчас – Социальный фонд России) является органом, уполномоченным на контроль за использованием средств МСК, и именно государство в лице этого органа выступает потерпевшей стороной в подобных правоотношениях [12].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что принятие Федерального закона от 07.07.2025 №195-ФЗ, безусловно, стало важным шагом на пути упрощения процедуры выделения долей, однако, как показал анализ научной литературы и судебной практики, устранение процедурных препятствий не решает глубинных, сущностных проблем правового регулирования.

Ключевой проблемой остается полное отсутствие в законе критериев определения размера долей, которые должны быть выделены детям. Законодатель, установив обязанность наделить детей долями, не определил ни минимального размера такой доли, ни порядка ее исчисления. Это порождает ситуацию, при которой родители могут выделить ребенку долю, не имеющую экономического и потребительского значения. Приведенные в доктрине данные судебной практики, где доля ребенка составляет от 1 до 2,87%, наглядно демонстрирует, что цель государственной поддержки – реальное обеспечение ребенка жильем – в таких случаях не достигается.

Правовая позиция Верховного Суда РФ, изложенная в определении от 09.09.2025 года, подтверждает, что неисполнение такой обязанности влечет взыскание всей суммы использованных средств МСК в бюджет. Это подчеркивает императивный характер указанной обязанности, но не устраняет главного – пробела в определении того, какой размер доли является достаточным для надлежащего исполнения обязательства.

Решением обозначенных проблем видится в необходимости комплексного законодательного совершенствования. Полностью разделяем мнение о предложении В.В. Долинской и Н.Н. Кулеминой о закреплении в законе принципа соразмерности: доля детей в праве собственности на жилое помещение должна определяться пропорционально доле средств материнского капитала в общей стоимости жилья, но при этом не может быть ниже установленного законом минимального размера [7, с. 45].

До внесения соответствующих изменений в законодательство целесообразным представляется принятие Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений, устанавливающих для судов ориентиры, позволяющие определить, какой размер доли является достаточным для признания обязательства по наделению детей собственностью исполненным надлежащим образом. В качестве ориентира мог бы выступать критерий, согласно которому доля ребенка должна обеспечивать ему возможность реального проживания в данном помещении (например, исходя из нормы в 6 кв. м, установленной в ст. 30 ЖК РФ). Предложенный подход позволит судам единообразно разрешать споры до момента законодательного урегулирования и обеспечит баланс интересов всех участников правоотношений. Принцип соразмерности, в свою очередь, будет гарантировать, что доля собственности ребенка в жилом помещении не будет сведена к символической величине, а также государство будет уверено в целевом расходовании средств МСК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32, Ст. 3301.

2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. N 1 (1 ч.). Ст. 19.

3. О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и статью 7 Федерального закона «Об ипотеке (залоге

недвижимости)»: Федеральный закон РФ от 07.07.2025 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 14.07.2025. N 28. Ст. 3835.

4. Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2026 году: Постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.2026 №30 // Собрание законодательства РФ. 02.02.2026. N 5. Ст. 466.

5. О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий: Постановление Правительства РФ от 12.12.2007 N 862 // Собрание законодательства РФ. 17.12.2007. N 51. Ст. 6374.

6. Спор о признании незаконным отказа в распоряжении средствами материнского капитала (на основании судебной практики московского городского суда) // Электронный журнал «Помощник адвоката», 2025 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=99357&cacheid=FD35E5AFC911D9A3625F7CBCEFC69087&mode=splus&rnd=YOpToA#GrUAUBVGq9NgRRnj (дата обращения: 13.02.2026)

7. Долинская В.В., Кулемина Н.Н. Жилые помещения, приобретенные с использованием средств материнского капитала: проблемы отношений собственности // Правовые вопросы недвижимости. – 2025. – № 2. С. 45-52.

8. Сакина Нуриева Стало известно, на что родители чаще всего тратили маткапитал в 2025 году // Газета.Ru. – 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/11/07/27127436.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 13.02.2026)

9. Новина Д.И. Договор купли-продажи с использованием материнского капитала // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. [consultant.ru]. – Режим доступа: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=104390&cacheid=2991F1675EF5C6C373C294C99CB7C16A&mode=splus&rnd=YOpToA#BAheUBVlQtVkplXW (дата обращения: 16.02.2026)

10. Заикина И.В., Гоголева М.О. Право общей собственности, возникшее из семейных правоотношений: проблемы законодательства и практики // Правовые вопросы недвижимости. – 2024. – № 4. С. 99-108.

11. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 12. декабрь, 2016.

12. По делу № 2-425/2024: Определение Верховного суда от 8 сентября 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «Судебные и нормативные акты РФ»: https://sudact.ru/vsrf/doc/zScQ6lKaiflv/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=45-КГ25-20-К7+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1771364716353 (дата обращения: 16.02.2026)

PROBLEMS OF USING MATERNAL (FAMILY) CAPITAL TO IMPROVE HOUSING CONDITIONS AND THEIR SOLUTIONS

Annotation. This work investigates legal problems of use of maternal (family) capital to improve housing conditions, related to the imperfect regulation of common property shares. On the basis of an analysis of normative legal acts, judicial practice and doctrinal sources, the details of conclusion of a contract for the purchase-sale of housing with the use of funds from the mother (family) capital, the procedure for allocating shares to children and the consequences of failure to fulfill this obligation are considered.

Keywords: parent (family) capital, shares, mortgage, living real estate.

Krykovskaya V. I.
Scientific supervisor: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: krykovskavika63@gmail.com

УДК 34

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИФ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Кущенко А.А.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация.В статье рассматриваются ключевые направления совершенствования правового поля деятельности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. На основе анализа федеральных законов, внесённых в 2011–2012 гг., выявлены основные тенденции расширения полномочий ФССП: внедрение цифровых технологий для обеспечения прозрачности исполнительного производства, передача функций по розыску должников и принудительному выдворению иностранных граждан, усиление административных и уголовно-правовых механизмов обеспечения исполнения решений. Применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Установлено, что модернизация законодательства способствует повышению эффективности и безопасности исполнительного производства, а также укреплению верховенства права.
Ключевые слова:Федеральная служба судебных приставов, исполнительное производство, правовое регулирование, принудительное исполнение, розыск должников, цифровизация правосудия, правоохранительные органы.

Совершенствование правового поля деятельности государственных органов в условиях трансформации российской правовой системы приобретает особую значимость, особенно когда речь идет о структурах, непосредственно обеспечивающих реализацию судебных решений и иных юрисдикционных актов. Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (ФССП России), являясь ключевым звеном механизма принудительного исполнения, сталкивается с постоянно возрастающими вызовами: уклонением должников от исполнения обязательств, недостаточной эффективностью розыскных мероприятий, фрагментарностью межведомственного взаимодействия и ограниченностью административно-правовых инструментов. В этих условиях обновление и систематизация нормативно-правовой базы становятся не просто технической задачей, а стратегической необходимостью для обеспечения верховенства права и защиты законных интересов граждан и организаций.

На протяжении последнего десятилетия законодательство в сфере исполнительного производства претерпело существенные изменения, направленные на расширение полномочий ФССП, повышение прозрачности и оперативности исполнительных действий, а также усиление ответственности участников исполнительного производства. Особенно значимыми стали реформы 2011–2012 годов, закрепленные в таких нормативных актах, как Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 196-ФЗ [1], «О судебных приставах»[2]и другие законодательные акты Российской Федерации, касающиеся функционирования службы.

Важным этапом совершенствования законодательства стал Федеральный закон от 1 июля 2011 года № 196-ФЗ [3], направленный на внесение изменений в вышеупомянутые законы. Стоит отметить, что вышеуказанный документ заложил правовые основы для размещения общедоступной информации о ходе исполнительных производств в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Стоит отметить, что вышеуказанные изменения позволили внедрить цифровые технологии - в частности, создать общедоступный банк данных исполнительных производств; передать ФССП функции по розыску должников и принудительному выдворению иностранных граждан; а также наделить судебных приставов-исполнителей расширенными процессуальными возможностями при проведении розыскных

мероприятий и обращении взыскания на имущество и имущественные права. Несмотря на достигнутый прогресс, ряд вопросов остается недостаточно проработанным: отсутствие четкого статуса ФССП как правоохранительного органа ограничивает применение специальных мер воздействия; слабая координация с полицией при совершении опасных исполнительных действий подвергает риску безопасность сотрудников; а разрозненность квалификационных требований к персоналу снижает единообразие правоприменительной практики.

Исходя из этого, актуальной и до конца не решенной частью общей проблемы выступает необходимость комплексного совершенствования правового регулирования деятельности ФССП России с учетом современных социально-экономических и технологических реалий. Цель настоящей статьи - выявить ключевые направления развития законодательства об исполнительном производстве, проанализировать их влияние на эффективность работы службы судебных приставов и обосновать предложения по дальнейшему укреплению ее правового статуса, включая наделение ФССП полноценным статусом правоохранительного органа, усиление социальных гарантий сотрудников, стандартизацию профессиональных требований и обеспечение обязательного полицейского сопровождения при выполнении рискованных исполнительных действий. Решение вышеуказанных задач будет способствовать не только повышению качества исполнения судебных актов, но и укреплению доверия общества к правосудию в целом.

По мнению Шушковской В.В. такая система позволяет получать информацию о названии суда или другого органа, выдавшего исполнительный документ, его дате и номере, а также данные о возбуждении исполнительного производства, включая дату и номер дела, и сведения о должнике. Автор отмечает, что данное нововведение значительно облегчило процесс контроля за задолженностями, дав каждому гражданину возможность своевременно узнать о своей обязанности и погасить её в установленные сроки для добровольного исполнения [4, с. 124].

Дополнительное развитие правового поля произошло благодаря Федеральному закону от 6 декабря 2011 года № 410-ФЗ, который передал ряд важных функций из компетенции органов внутренних дел в ведение Федеральной службы судебных приставов. Теперь именно судебные приставы занимаются исполнением постановлений суда о принудительном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации. Стоит отметить, что данная функция реализуется через механизм исполнительного производства, где судебные приставы-исполнители действуют как главные ответственные лица.

Кроме того, как считает Богданова Э.Ю. законодательство предусматривает участие судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов в организации сопровождения выдворяемых лиц до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации. При этом, по мнению автора, они должны осуществлять доставку таких лиц в специальные учреждения, создаваемые органами исполнительной власти субъектов РФ, а затем обеспечивать их дальнейшее перемещение до момента фактического пересечения границы [5, с. 160].

Следовательно, служба судебных приставов получила дополнительные полномочия, которые требуют высокой организованности и координации действий между различными структурами государства

Таким образом, внесенные изменения существенно расширили правовые возможности ФССП России, сделав её работу более эффективной и прозрачной. Новая система взаимодействия между органами власти, а также использование современных технологий позволяют улучшить качество исполнения судебных решений и других юрисдикционных актов, что способствует укреплению верховенства права в обществе.

По мнению Улетова Г.Д. и Малиновского О.Н. эффективная организация процесса розыска должников и их имущества является одной из ключевых гарантий фактического исполнения требований исполнительных документов. Автор отмечает, что данное направление деятельности ФССП России представляет собой перспективный вектор развития, особенно в условиях современной социально-экономической ситуации, связанной с повышением правовой грамотности населения и попытками должников скрыть принадлежащее им имущество для исключения возможности обращения на него взыскания [6, с. 27].

Однако долгое время процесс розыска должников и их имущества, а также розыска ребенка осуществлялся недостаточно эффективно. Это во многом объяснялось недостатками правового регулирования данной сферы. Прежде всего, это касалось розыска должников – граждан, осуществление которого было отнесено к компетенции органов внутренних дел. Однако в системе органов внутренних дел не был определен конкретный орган, на который возлагались бы соответствующие функции.

В своей работе Сарычев А.Н. отмечает, что в результате сложилась практика массового отказа органов внутренних дел принимать к исполнению постановления судебных приставов-исполнителей о розыске граждан. При этом, по мнению автора, для органов внутренних дел, учитывая значительный объем возложенных на них задач, розыск граждан по исполнительным производствам никогда не являлся приоритетным направлением и осуществлялся по остаточному принципу[7, с. 19].

С января 2012 года ситуация кардинально изменилась благодаря Федеральному закону от 3 декабря 2011 года № 389-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Стоит отметить, что на ФССП России в полном объеме были возложены функции по розыску должников-граждан, розыску ребенка по исполнительному документу, содержащему требование об отобрании ребенка, а также по розыску на основании судебного акта гражданина-ответчика по гражданскому делу. Розыск в рамках исполнительного производства может осуществляться на всей территории Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных международными договорами, также на территории иностранных государств.

По мнению Улюкова В.В. для проведения указанных розыскных мероприятий расширены полномочия судебных приставов-исполнителей. В частности, как указывает автор, им предоставлено право запрашивать сведения из банка данных оперативно-справочной, розыскной информации, Бюро кредитных историй, а в некоторых случаях бесплатно использовать возможности средств массовой информации. Кроме того, автор отмечает, что впервые у судебного пристава-исполнителя появилось право в процессе принудительного исполнения по заявлению взыскателя использовать информацию, полученную от детективных агентств[8, с. 136].

Необходимо отметить, что, как указывает в своей работе Бастрыгин С.М., судебный пристав-исполнитель вправе по своей инициативе или по заявлению взыскателя объявить розыск должника или его имущества по исполнительным документам, содержащим требования о защите интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также требования о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, в связи со смертью кормильца и об отобрании ребенка[9, с. 69].

В целях оптимизации деятельности судебных приставов-исполнителей и сокращения временных затрат на розыск должника статья 13 Закона об исполнительном производстве, устанавливающая требования, предъявляемые к содержанию исполнительного документа, дополнена новыми положениями. Теперь обязательными реквизитами исполнительного документа для должника-организации являются ее наименование и место нахождения, фактический адрес (если он известен), дата

государственной регистрации в качестве юридического лица, идентификационный номер налогоплательщика.

Кроме того, предусмотрено, что, если должник является индивидуальным предпринимателем, обязательным требованием к исполнительному документу является наличие информации о дате и месте его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, идентификационный номер налогоплательщика.

Следовательно, вышеуказанные изменения направлены на повышение эффективности работы судебных приставов-исполнителей и улучшение качества исполнения исполнительных документов.

В современной правоприменительной практике особое внимание уделяется совершенствованию механизма исполнения судебных актов и других документов, содержащих требования об исполнении обязательств. В данном контексте работы Ловцовой В.А. подчеркивают важность законодательного закрепления понятия исполнительных действий, которые представляют собой совокупность мер, совершаемых судебным приставом-исполнителем в соответствии с Федеральным законом "Об исполнительном производстве"[10, с. 286].

Следовательно, вышеуказанные действия направлены на создание необходимых условий для применения мер принудительного исполнения и стимулирования должника к добросовестному и своевременному исполнению требований, изложенных в исполнительном документе [11, с. 286].

Стоит отметить, что законодательная база продолжает развиваться, и среди значимых изменений можно выделить конкретизацию порядка обращения взыскания на имущественные права должников. Так, статья 75 Закона об исполнительном производстве получила более четкий перечень имущественных прав, на которые может быть обращено взыскание судебным приставом-исполнителем. Кроме того, действие статьи 76 данного закона распространено также на случаи обращения взыскания на право получения денежных средств, принадлежащее должнику.

Одним из прогрессивных нововведений является возможность передачи арестованного имущества на хранение не только должнику или членам его семьи, но и взыскателю без заключения договора. Следовательно, вышеуказанное позволяет исключить риски незаконных действий со стороны должника в отношении арестованного имущества и обеспечить его сохранность. Теперь в подразделениях службы судебных приставов могут находиться не только документы, подтверждающие наличие и объем имущественных прав должника, но и само движимое имущество при условии соблюдения мер по его сохранности.

Однако даже при наличии качественного законодательства эффективность исполнительного производства во многом зависит от администраторских и уголовно-правовых механизмов обеспечения исполнения судебных и иных юрисдикционных актов. В этой связи ФССП России получила дополнительные полномочия по осуществлению привода в суд лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Однако, ранее такие функции выполнялись органами внутренних дел. Тем не менее, новые положения способствуют исключению дублирования функций между различными федеральными органами власти и концентрации задач по приводу уклоняющихся от явки в суд граждан в рамках одного органа – Федеральной службы судебных приставов, которая уже осуществляет приводы в суды по гражданским и уголовным делам.

Особую роль играет законодательное закрепление норм, побуждающих должников к добровольному исполнению своих обязательств. Одним из наиболее действенных инструментов здесь выступает установление уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение требований исполнительных документов.

Согласно изменениям, внесенным в Уголовный кодекс Российской Федерации, появились дополнительные меры, стимулирующие должников к исполнению кредитно-денежных обязательств. Например, согласно мнению Степанюка В.В., осужденный может быть освобожден от уголовной ответственности, предусмотренной статьей 177 УК РФ, если он полностью возместит причиненный ущерб гражданину, организации или государству и перечислит в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба [12, с. 240].

Следовательно, вышеуказанные изменения в уголовном законодательстве позволяют достигать целей наказания, восстанавливая социальную справедливость и предотвращая совершение новых преступлений. Тем самым усиливается гарантия защиты прав взыскателей и повышается эффективность всей системы исполнительного производства в Российской Федерации [13, с.24].

В настоящее время в связи с расширением полномочий службы судебных приставов и передачей ей новых функций, существенно повысились требования к лицам, претендующим на замещение должности судебного пристава-исполнителя [14, с.28]. Так, например, гражданин не может быть назначен на должность судебного пристава, если он был осужден по приговору суда, который вступил в законную силу, имеет или имел судимость, даже если она была погашена или снята.

Кроме того, как указывает в своей работе Каширин А.В. ограничения распространяются на лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование либо было прекращено по различным основаниям – истечению срока давности, примирению сторон, акту об амнистии или в связи с деятельным раскаянием [15, с. 96].

Согласно федеральному закону «О судебных приставах», наличие высшего профессионального образования является обязательным требованием исключительно для старшего судебного пристава, его заместителя и судебного пристава-исполнителя. Однако для эффективной работы всей службы судебных приставов требуется глубокое знание юриспруденции, поскольку нормативно-правовое регулирование принудительного исполнения распределено между множеством отраслей права.

Следовательно, в этой связи представляется целесообразным привести федеральный закон «О судебных приставах» в соответствие с законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Необходимо установить квалификационные требования для всех сотрудников службы, включающие наличие высшего юридического образования и стажа работы по специальности. Помимо этого, следует организовать проведение лекций и семинаров внутри районных отделов службы судебных приставов.

Таким образом, вышесказанное позволит не только оценить текущий уровень знаний сотрудников, но и разъяснить спорные моменты в рамках исполнительных производств.

Стоит отметить, что на практике сотрудники органов внутренних дел зачастую не оказывают необходимого содействия судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства. Как следствие, последние вынуждены действовать самостоятельно, что создает угрозу их безопасности и здоровью. В этой ситуации представляется актуальным внесение изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ.

Следовательно, на наш взгляд, необходимо закрепить обязанность сотрудников правоохранительных органов обеспечивать сопровождение судебных приставов-исполнителей по их запросу при осуществлении мер принудительного исполнения.

Полагаем, что служба судебных приставов-исполнителей должна сохранять свой государственный характер и оставаться единственным органом, осуществляющим принудительное исполнение судебных решений. Следовательно, такая организация

процесса позволяет гарантировать соблюдение процессуальных прав участников исполнительного производства. Переход к частноправовой системе исполнения чреват активизацией деятельности преступных группировок и ростом коррупционных проявлений в данной сфере.

Отнесение Федеральной службы судебных приставов (ФССП) России к категории правоохранительных органов значительно расширит возможности применения мер воздействия в отношении лиц, уклоняющихся от исполнения судебных решений. При этом новый статус должен сопровождаться предоставлением сотрудникам дополнительных социальных гарантий. Подчеркнем еще раз, что служба судебных приставов-исполнителей должна сохранять государственную форму организации и выступать исключительным органом принудительного исполнения судебных актов и иных документов, содержащих исполнительные надписи.

Таким образом, в соответствие с вышесказанным следует сделать вывод о том, что совершенствование правовой основы функционирования государственных органов в современных условиях является актуальным вопросом.

В целях совершенствования порядка исполнения судебных актов и закрепления за ФССП новых функций были внесены существенные изменения в федеральные законы "Об исполнительном производстве" и "О судебных приставах". Особое внимание следует уделить закону от 1 июля 2011 года № 196-ФЗ, который создал правовые основы для размещения информации об исполнительных производствах в сети Интернет.

Федеральным законом от 6 декабря 2011 года № 410-ФЗ на ФССП возложена функция по принудительному выдворению иностранных граждан за пределы РФ, ранее выполнявшаяся органами внутренних дел. Также была оптимизирована система розыска должников и их имущества после принятия закона № 389-ФЗ от 3 декабря 2011 года, который передал эти полномочия полностью ФССП.

В ходе проделанной работы установлено, что были расширены права судебных приставов-исполнителей при проведении розыскных мероприятий, включая возможность запроса информации из различных баз данных и использование услуг детективных агентств. Внесенные изменения затронули также порядок обращения взыскания на имущественные права и условия хранения арестованного имущества.

Также, стоит отметить, что для обеспечения эффективного исполнения судебных решений необходимо не только совершенствовать законодательство, но и усиливать административные и уголовные меры воздействия. Законом от 18 июля 2011 года № 225-ФЗ функции по приводу лиц в суд переданы непосредственно ФССП, что исключает дублирование с другими органами власти.

Особое внимание уделяется повышению требований к кандидатам на должности судебных приставов, включая наличие высшего профессионального образования и отсутствие судимости. Предлагается также введение системы постоянного профессионального обучения сотрудников и обязательное сопровождение сотрудниками полиции при осуществлении сложных взыскательных действий.

В заключении следует отметить, что мы считаем необходимым сохранить статус ФССП как государственного органа принудительного исполнения для обеспечения процессуальных гарантий прав участников исполнительного производства. Отнесение службы к правоохранительным органам позволит расширить спектр мер воздействия на злостных неплательщиков и повысить социальные гарантии сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об исполнительном производстве: ФЗ РФ от 21.07.1997 N 119-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15297/ (дата обращения: 10.02.2026)

2. О судебных приставах: федеральный закон РФ от 21.07.1997 № 118-ФЗ (с изм. от 29.12.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 10.02.2026)

3. О внесении изменений в Федеральный закон "Об исполнительном производстве" и статью 8 Федерального закона "О судебных приставах: ФЗ РФ от 11.07.2011 N 196-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 10.02.2026)

4. Шушковская, В. В. Системные особенности правового регулирования исполнительного производства в современной России / В. В. Шушковская // Правовая позиция. – 2025. – № 9(70). – С. 124-129

5. Богданова, Э.Ю. Совершенствование правового поля деятельности федеральной службы судебных приставов РФ: основные направления / Э.Ю. Богданова // Современное общество и власть. - 2018. - № 4 (18). - С. 159-163.

6. Улетова, Г.Д., Малиновский, О.Н. Исполнительное производство России и проблема создания альтернативной системы исполнения судебных актов / Г.Д. Улетова, О.Н. Малиновский // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Европейского суда по правам человека. Краснодар - Санкт-петербург: «Юридический центр пресс». - 2017. - С. 25-29.

7. Сарычев, А.Н. Судебный пристав - лицо должностное / А.Н. Сарычев // Право. - 2017. - № 3. - С. 18-21.

8. Улюкова, В.В. Правовые основы деятельности федеральной службы судебных приставов по связям с общественностью / В.В. Улюкова // Актуальные проблемы науки и практики. - 2022. - № 2 (27). - С. 134-140.

9. Бастрыгин, С.М. Исполнительное производство: сроки предъявления исполнительных актов / С.М. Бастрыгин // Право и экономика. - 2014. - № 11. - С. 67-74.

10. Ловцова, В.А. Правовые основы организации и деятельности федеральной службы судебных приставов / В.А. Ловцова // Вектор научной мысли. - 2025. - № 2 (19). - С. 284-288.

11. Сынкова, Е. М. Об административном принуждении в публично-правовой сфере / Е. М. Сынкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2023. – № 3. – С. 240-246.

12. Степанюк, В.В. Административно-правовая деятельность судебных приставов / В.В. Степанюк // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - № 10. - С. 117-121.

13. Усатенко, К. П. Некоторые аспекты формирования органов государственной власти в Донецкой Народной Республике в переходный период / К. П. Усатенко // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 24-31. – DOI 10.5281/zenodo.17694831

14. Усатенко, К. П. Цифровизация в органах государственной власти как инновационный процесс в государствах-членах Евразийского экономического союза / К. П. Усатенко // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 3. – С. 28-36.

15. Каширин, А.В. Приставы за расширение полномочий / А.В. Каширин // Эж-ЮРИСТ. - 2017. - № 12. - С. 92-98.

IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: MAIN DIRECTIONS

Annotation. The article discusses the key areas of improvement of the legal field of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation. Based on the analysis of federal laws introduced in 2011-2012, the main trends in expanding the powers of the FSSP have been identified: the introduction of digital technologies to ensure transparency in enforcement proceedings, the transfer of functions to search for debtors and forcibly expel foreign citizens, and the strengthening of administrative and criminal law enforcement mechanisms. Formal legal and comparative legal methods are applied. It has been established that the modernization of legislation contributes to improving the efficiency and security of enforcement proceedings, as well as strengthening the rule of law.

Keywords: Federal Bailiff Service, enforcement proceedings, legal regulation, enforcement, debtor search, digitalization of justice, law enforcement agencies.

Kushchenko A.A.
Scientific adviser: Synkova E.M., Head of the Department
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 34.03

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кязимова Д.Р.,
Научный руководитель: Завгородняя А.А., канд. юрид. наук, доцент
Донбасский государственный университет юстиции

Аннотация. В представленной статье раскрываются теоретические аспекты, а также анализируется историческое развитие института злоупотребления правом. Автором проводится анализ различных подходов к пониманию юридической природы злоупотребления правом. Выявлены основные признаки злоупотребления правом. В работе предлагаются возможные варианты решения дискуссионных вопросов. Предметом исследования настоящей работы стали нормы гражданского права, закрепляющие категорию злоупотребления правом, а также совокупность проблем, связанных с определением понятия и особенностей злоупотребления гражданскими правами. В процессе исследования применялись частнонаучные методы, например, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой методы познания. В результате исследования авторы делают вывод, что злоупотребление правом необходимо рассматривать как комплексное правовое явление, а именно специальное гражданско-правовое последствие. Сущность гражданско-правовой природы категории злоупотребления правом заключается в достижении целей права и его социальной значимости. Недобросовестное осуществление субъективных гражданских прав является видом противоправного поведения, которое нарушает принципы и цели права.
Ключевые слова: границы субъективных гражданских прав, добросовестность участников гражданских правоотношений, злоупотребление правом, правомерное поведение, справедливость, «шикана».

Актуальность исследования института злоупотребления правом в современной гражданско-правовой науке определяется тем, что он концентрирует в себе комплекс ключевых и теоретически сложных проблем цивилистики, правовой доктрины и правоприменения. Рассматриваемый институт закреплён в законодательстве преимущественно с использованием оценочных категорий, что порождает противоречивые интерпретации его правовой природы. Использование таких абстрактных философско-этических ориентиров, как разумность, справедливость, мораль, добросовестность и их содержательное наполнение существенно варьируется в зависимости от конкретного исторического периода.

Вместе с тем, реализация соответствующих норм в правоприменении в значительной степени оказывается обусловленной уровнем правосознания и ценностных установок конкретного правоприменителя. Указанное порождает устойчивые доктринальные и практические дискуссии, что обусловливает возрастающий интерес к теоретическому осмыслению института злоупотребления правом, а также к анализу его правовой природы. Перечисленное в совокупности обусловливает необходимость более глубокого теоретического осмысления и доктринальной конкретизации института злоупотребления правом.

Теоретические основы анализируемой правовой категории с различных позиций рассматривались в работах многих учёных-правоведов, например, М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, Л.А. Бирюковой, А.В. Волкова, С.Г. Зайцевой, Н.С. Малеина, И.А. Покровского, Н.К. Соколова, Н.И. Сухова, А.С. Шабурова многих других.

Целью настоящего исследования является теоретический анализ исторических аспектов формирования, характерных признаков и понятия злоупотребления гражданским правом.

Следует отметить, что проблематика института злоупотребления правом сводится не только к множественности его доктринальных трактовок. При этом современная цивилистика пока не сформировала действенных механизмов профилактики злоупотреблений и противодействия недобросовестным участникам гражданских

правоотношений, что предопределяет продолжение научной дискуссии и устойчивый исследовательский интерес к дальнейшей разработке соответствующих правовых конструкций.

Институт злоупотребления гражданскими правами не представляет собой новое явление для современной цивилистики, поскольку соответствующий феномен прослеживается на протяжении практически всей истории развития государства и права, а также сопровождает эволюцию частноправового регулирования с ранних этапов его формирования. Рассмотрим все этапы.

Возникновение и становление проблематики злоупотребления гражданскими правами традиционно соотносится с ранними правовыми конструкциями античной цивилистики, в частности, ассоциируют с «Дигестами» Юстиниана, «Институциями» Гая, а также с памятниками права Древнего Востока, например, с Кодексом Хаммурапи [1, с. 56].

В период правления Юстиниана Великого в юридической практике получает развитие идея правомерного ограничения права собственности с учетом прав и законных интересов иных носителей субъективных прав. Именно в это время в римском праве фактически формируется конструкция «шиканы». В частности, данный процесс реализуется через институт частных сервитутов и закрепление принципа недопустимости злоумышленного осуществления права. Вместе с тем, считаем важным обратить внимание, что римские юристы не только одними из первых акцентировали внимание на феномене злонамеренного пользования субъективными правами, но и предприняли попытку выработки правовых механизмов его пресечения и компенсации возникающих последствий [1, с. 56].

Так, проведённый анализ позволяет утверждать, что связующим звеном принципа недопустимости злоупотребления правом в различных историко-правовых контекстах выступала категория добросовестности. Вместе с тем, считаем важным отметить, что в представлениях античных юристов право по своей природе мыслилось как справедливое. И, следовательно, право не могло вступать в противоречие с идеями добросовестности и справедливости, которые рассматривались в качестве его аксиологических оснований.

Далее отметим, что дальнейшее принципиальное осмысление проблематики злоупотребления правом, восходящее к римско-правовым конструкциям, получает заметное развитие лишь в период позднесредневековой рецепции римского права. Указанное обусловлено тем, что средневековая юриспруденция не характеризовалась высокой интенсивностью теоретико-правовых новаций.

Новый импульс исследованиям был задан в эпоху формирования капиталистических общественных отношений и демонтажа феодальных структур в ведущих европейских странах, таких как Нидерланды, Франция, Англия. Указанный период знаменовался буржуазными революциями Нового времени. Именно на этом этапе категория «шиканы» входит в официальный юридический дискурс и начинает использоваться в качестве самостоятельного понятия, обозначающего особый вид злоупотребления субъективными правами [1, с. 56].

Так, в рассматриваемый период институт злоупотребления правом фактически получает «второе рождение», сопровождаемое формированием развернутой теоретической основы, во многом корреспондирующей современной парадигме его понимания. Кроме того, в научной доктрине дальнейшая концептуализация и догматическая разработка данного института была связана прежде всего с развитием французского частного права и именами его ведущих представителей, таких как Жана Дома, Раймона Салейля и многих других, чьи труды заложили фундамент для последующей доктринальной и практической эволюции анализируемой категории.

Отдельно отметим, что указанные авторы ввели в правовой оборот категорию «шиканы», под которой понималось злонамеренное осуществление субъективного права

с целью причинения вреда другому лицу. Данная конструкция впоследствии получила нормативное выражение в конце XIX века при редакционной переработке Французского гражданского кодекса, где был закреплён запрет подобного рода поведения. Вместе с тем, в качестве самостоятельной юридической модели запрет «шиканы» (как формы недопустимости злоупотребления субъективным правом) был впервые кодифицирован среди европейских государств, а именно в Прусском земском уложении 1794 года [2, с. 65].

Считаем важным подчеркнуть, что аналогичный подход к нормативному ограничению осуществления субъективных прав предполагалось реализовать и в проекте Российского гражданского уложения, где концепция злоупотребления правом должна была получить кодифицированное выражение.

Вместе с тем, проблематика теории злоупотребления правом получила развитие и в отечественной правовой доктрине, тесно ориентированной на анализ и обобщение практики высших судебных инстанций. Как указывает в своих трудах О.А. Поротикова, в судебной практике конца XIX века неоднократно были приняты решения в пользу лиц, понесших ущерб в результате недобросовестного осуществления субъективных прав их контрагентами по гражданским правоотношениям [3, с. 67].

Отечественная юридическая доктрина рассматривала принцип добросовестности как ключевой морально-правовой регулятор общественных отношений и признавала необходимость установления запрета на злоупотребление правом, хотя соответствующие категории не получили прямого выражения в тогдашнем позитивном законодательстве [4, с. 185].

Отдельно отметим, что в начале XX века в цивилистической науке имела место интенсивная полемика относительно правовой природы и границ осуществления субъективных гражданских прав. В обсуждении участвовали ведущие юристы того времени, такие как Ю.С. Гамбаров, В.П. Доманжо, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и другие. Их концептуальные подходы к рассматриваемой проблематике нередко носили взаимоисключающий характер, что свидетельствовало о высокой степени теоретической сложности и дискуссионности вопроса [1, с. 57].

Кроме того, в советской правовой системе феномен злоупотребления субъективным правом не получил прямого нормативного закрепления. При этом данный правовой феномен неоднократно становился объектом научного анализа в работах видных теоретиков права, таких как М.М. Агаркова, М.И. Бару, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе и другие. Особое значение для разработки ключевых аспектов данной проблематики имели труды профессора В.П. Грибанова, заложившие фундаментальные теоретические основы советской цивилистической концепции института злоупотребления правом [1, с. 57].

Правовая природа института злоупотребления правом и в настоящее время сохраняет выраженно дискуссионный характер. Вместе с тем, среди современных исследователей отсутствует консолидированная позиция относительно сущностных характеристик данного института. Доктринальная неразработанность рассматриваемой категории транслируется и в правоприменительную плоскость, порождая заметные затруднения в судебной практике. Анализ научных подходов свидетельствует о наличии нескольких конкурирующих концепций: от трактовки злоупотребления правом в качестве особого вида правового поведения до его квалификации как разновидности правонарушения [5, с. 15].

Так, исторически сложившиеся представления о морали и нравственности отражали специфику соответствующей эпохи, однако по мере эволюции общества и закрепления субъективных прав и свобод возникла необходимость не только их юридической фиксации, но и установления пределов осуществления.

Далее отметим, что между указанными полярными позициями располагается ряд концепций, в том числе подходы, фактически выводящие злоупотребление правом за пределы собственно правовой материи и отрицающие его связь с субъективным правом [5, с. 14]. В свою очередь, отдельные авторы ставят под сомнение саму необходимость существования юридической конструкции «злоупотребление правом», минимизируя ее значимость для правоприменения. Так, например, имеет место позиция, согласно которой, если субъект действует в пределах предоставленного ему субъективного права, то говорить о злоупотреблении оснований нет; при этом если поведение выходит за установленные законом рамки, то речь должна идти о классическом правонарушении [5, с. 15].

Кроме того, исходя из понимания злоупотребления правом как специфического вида противоправного поведения, ряд исследователей предпринимали попытки выработать его классифицирующие признаки. В частности, О.А. Поротикова, опираясь на модель состава преступления, предложила выделять четыре элемента данного явления: внешнюю форму в виде противоправности деяния, наличие имущественных потерь (ущерба), причинно-следственную обусловленность вреда соответствующим поведением и виновность субъекта, осуществляющего злоупотребление [3, с. 67].

Отдельно отметим, что В.П. Камышанский к числу правовых характеристик злоупотребления правом как предельного ограничения осуществления субъективных гражданских прав целесообразно относит следующие положения: внешнее выражение в форме общей нормы гражданского законодательства; специфику внутренней структуры соответствующей правовой нормы; нормативное закрепление перечня способов осуществления гражданских прав; функцию одной из ключевых юридических гарантий добросовестной реализации субъективных гражданских прав; оценочный характер рассматриваемой категории, предполагающий необходимость интерпретации с учётом принципов добросовестности, разумности и справедливости [6, с. 538].

Считаем важным подчеркнуть, что преимущество данного подхода заключается в том, что гражданско-правовые нормы устанавливают необходимые пределы осуществления субъективных прав, внутри которых их участник сохраняет свободу усмотрения. Вместе с тем, одновременно такие пределы функционируют как механизм защиты гражданских прав, препятствуя их нарушению со стороны иных лиц и обеспечивая предсказуемость гражданско-правовых связей.

Существенное значение для субъектов гражданских правоотношений имеют положения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [7], где категория «добросовестности» выступает ключевым нравственно-правовым критерием поведения субъектов. Указанные положения прямо запрещают недобросовестное осуществление гражданских прав, рассматривая его в качестве самостоятельной формы злоупотребления правом и тем самым придавая указанной категории чёткое позитивно-правовое содержание.

При этом принцип добросовестности функционирует во взаимной связке с принципом справедливости, образуя аксиологическую основу для оценки злоупотребления правом. В то же время вопрос о соотношении и взаимодействии указанных принципов с институтом злоупотребления правом до настоящего времени не стал предметом самостоятельного и комплексного исследования в современной цивилистической доктрине [1, с. 57].

Анализ статьи 10 ГК РФ [7] позволяет констатировать, что рассматриваемый принцип сконструирован преимущественно в формате определённо-императивной нормы, ориентированной на виновное поведение субъекта, действующего с умыслом, за которое предусмотрены формально закреплённые правовые последствия. Фактически при недоказанности соответствующих элементов подобное поведение оказывается допустимым, что вступает в противоречие с доктринальным представлением о праве как

о регуляторе, изначально призванном пресекать социально нежелательные формы осуществления субъективных прав независимо от полноты их формальной квалификации. Кроме того, очевидно, что принцип добросовестности по своей природе существенно отличается от традиционных правовых институтов и категорий.

Таким образом, институт злоупотребления правом представляет собой один из наиболее сложных и теоретически насыщенных феноменов гражданского права, поскольку концентрирует проблемы доктрины, законодательства и правоприменения. В свою очередь, гражданско-правовая сущность категории злоупотребления правом заключается не столько в формально-юридической оценке конкретного акта поведения, сколько в соотнесении такого поведения с целями и социальной функцией права.

Вместе с тем, недобросовестное осуществление субъективных гражданских прав следует квалифицировать как разновидность противоправного поведения, подрывающего базовые принципы и целевые установки правового регулирования. Лицо, намеренно (умышленно) эксплуатирующее предоставленные ему правомочия вопреки требованиям добросовестности и разумности, наносит ущерб законным интересам иных участников гражданского оборота и тем самым вступает в конфликт с ценностно-целевыми основаниями гражданского права.

Несмотря на длительную историю развития и устойчивый исследовательский интерес к институту злоупотребления правом, в современной доктрине отсутствует единая позиция относительно его сущности, признаков и правовой природы. Это препятствует выработке общепринятой дефиниции категории «злоупотребление правом», способной одновременно удовлетворить большинство авторов и адекватно отразить сложившуюся правоприменительную реальность.

Представляется обоснованным рассматривать злоупотребление правом как сложное правовое явление, выражающееся в особом гражданско-правовом последствии, выступающем системной охранительной мерой. Ключевым критерием, позволяющим отграничить злоупотребление правом от правомерного осуществления субъективного права, является форма его реализации, поскольку именно характер внешнего проявления поведения даёт возможность квалифицировать его как надлежащее либо противоправное.

Кроме того, под злоупотреблением субъективным правом как предельной формой его осуществления целесообразно понимать выход субъекта за допустимые пределы свободы усмотрения при реализации предоставленных ему гражданско-правовых возможностей, когда удовлетворение частноправового интереса происходит в несоразмерности с социальными и правовыми ограничениями, имманентно присущими данному праву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никулин А.С. Генезис и правовая сущность института злоупотребления правом // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 55-59.

2. Токарев В.Б. О понятии «Злоупотребления правом» // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте – 2020. – № 3 (25). – С. 64-70.

3. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография / О.А. Поротикова. – 3-е изд., доп. – М.: Издательство Юрайт. – 2018. – 241 с.

4. Яковлева Ю.В. Генезис представлений о правовом феномене «злоупотребление правом» // Новый ракурс. – 2022. – № 1. – С. 179-192.

5. Сухова Н.И. Злоупотребление правом как форма противодействия осуществлению закона в контексте современного научного дискурса и правоприменительной практики // Правоприменение. – 2022. – № 1. – С. 5-17.

6. Камышанский В.П. О понятии злоупотребления гражданскими правами // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2016. – С. 537-538.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г. № 315-ФЗ) // [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.02.2026).

ABUSE OF LAW: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS

Annotation. This article explores the theoretical aspects and analyzes the historical development of the institution of abuse of law. The author analyzes various approaches to understanding the legal nature of abuse of rights. The main signs of abuse of the law have been identified. The paper proposes possible solutions to the discussed issues. The subject of this study is the norms of civil law that establish the category of abuse of rights, as well as the set of problems related to defining the concept and features of abuse of civil rights. The study used private scientific methods, such as formal legal, historical legal, and comparative legal methods of cognition. As a result of the study, the authors conclude that abuse of rights should be considered as a complex legal phenomenon, namely a special civil law consequence. The essence of the civil law nature of the category of abuse of law is to achieve the goals of law and its social significance. Unfair exercise of subjective civil rights is a type of illegal behavior that violates the principles and goals of law.

Keywords: the boundaries of subjective civil rights, the good faith of participants in civil legal relations, abuse of rights, lawful behavior, justice, chicane.

Kyazimova D.R.
Scientific adviser: Zavgorodnaya A.A. Ph.D., associate professor Donbass State University of Justice
E-mail: darishcka.kyazimova122@gmail.com

УДК 347.45/.47

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АВТОРСКИХ ДОГОВОРОВ

Леонтьева Е.И.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается правовая природа авторских договоров как инструмента регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. Анализируются научные подходы к определению понятия «авторский договор» и выявляются пробелы законодательства – в частности, отсутствие этого термина в Гражданском кодексе РФ. В работе систематизированы виды авторских договоров, детально рассмотрены их существенные условия, а также выявлены специфические проблемы применения в цифровой среде. Особое внимание уделено рискам, связанным с нечёткой фиксацией предмета договора и способов использования произведений. В качестве решений предложены конкретные меры по совершенствованию правового регулирования: законодательное закрепление определения авторского договора, детализация договорных условий, а также введение примерного перечня существенных нарушений.
Ключевые слова: авторский договор, интеллектуальная собственность, автор, заказчик, ответственность сторон за нарушение авторского договора.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации информационного пространства вопросы правовой охраны интеллектуальной собственности приобретают особую актуальность. Авторские договоры выступают основным инструментом регулирования отношений между создателями результатов интеллектуальной деятельности и лицами, заинтересованными в их использовании.

Актуальность темы обусловлена не только стремительной цифровизацией культурного пространства, но и необходимостью адаптации традиционных правовых конструкций к новым реалиям. Правовая защита произведений науки, литературы и искусства тесно связана с авторскими договорами, которые выполняют важную функцию по закреплению прав, определению условий использования и обеспечению справедливого вознаграждения авторам. Без эффективной системы авторских договоров невозможно стимулировать творчество, обеспечить доступ к культурным благам и развивать цифровую экономику.

Изучением данного исследования занимались такие ученые-правоведы, как Архипова О.А., Близнец И.А., Гаврилов Э.П., Дворянкин О.А., Елизаров Е.А., Моргунова Е.А., Рожкова М.А., Рузакова О.А., Савчук Л. Ф., Савельева И.В. и другие.

Договор, регулирующий передачу имущественных авторских прав, относится к самостоятельным гражданско-правовым договорам, которые называются авторскими договорами.

Множественность доктринальных подходов к определению термина «авторский договор» свидетельствует о его сложности и многогранности.

Так, Э. П. Гаврилов определяет авторский договор как разрешение на использование произведения или договор о передаче имущественных прав на произведение. Он подчеркивает важное различие между «передачей прав» (добровольное действие автора) и «переходом прав» (когда права переходят помимо воли автора, например, по наследству) [1, с. 36]. Это разграничение имеет принципиальное значение для понимания свободы волеизъявления сторон в договорных отношениях.

А.П. Сергеев предлагает более развернутое определение: по авторскому договору автор передает или обязуется передать приобретателю свои права на использование произведения в пределах и на условиях, согласованных сторонами [2, с. 93]. Данное определение акцентирует внимание на двух ключевых аспектах: передаче прав и

договорном характере регулирования.

Н.Л. Клык определила данный договор как: авторский договор – это соглашение автора и организации-пользователя по поводу создания и использования произведения науки, литературы и искусства [3, с. 80]. Это определение подчеркивает роль договора в регулировании отношений между автором и пользователем, а также охватывает как процесс создания, так и последующего использования произведения.

Законодатель, отказавшись от использования общего термина «авторский договор» в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулирует отдельные виды договоров, связанные с использованием интеллектуальной собственности. Такой подход, с одной стороны, позволяет более детально регламентировать специфические формы договорных отношений, но с другой – создает определенные трудности для системного понимания и применения норм, а также вызывает вопросы относительно применимости общих положений об авторском договоре, разработанных в доктрине.

На наш взгляд, авторский договор должен быть четко определён в законодательстве как соглашение между автором и пользователем, регулирующее создание и использование произведений науки, литературы и искусства. В данном определении необходимо предусмотреть обязанность автора по созданию произведения и передаче прав на его использование, а также по обеспечению защиты его личных и материальных интересов.

На основе ст. 1287 и 1288 ГК РФ авторский договор можно определить так: это договор, по которому автор (или его правопреемники) передаёт пользователю имущественные права в установленных пределах на согласованный срок и территорию за вознаграждение или безвозмездно [4, с. 495]. Это определение охватывает ключевые элементы договора, его предмет, стороны и основные условия.

По своей юридической природе авторский договор относится к числу возмездных (как правило, предусматривает вознаграждение автору), двусторонних (порождает права и обязанности для обеих сторон) и консенсуальных (считается заключенным с момента достижения согласия по всем существенным условиям).

В современной юридической науке выделяют несколько видов авторских договоров, предусмотренных ГК РФ:

1. Договор об отчуждении исключительного права (ст. 1285 ГК РФ). По нему право передается в полном объеме, и автор утрачивает статус правообладателя.

2. Лицензионный договор (ст. 1286 ГК РФ). Предполагает предоставление права использования в ограниченных пределах. Лицензия может быть простой (неисключительной) или исключительной.

3. Договор авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ). Его специфика заключается в том, что на момент заключения договора объект интеллектуальной собственности еще не существует [5].

Помимо вышеуказанной классификации, авторские договоры могут быть классифицированы по другим критериям:

1. По виду произведения: договоры, касающиеся литературных произведений, музыкальных произведений, произведений изобразительного искусства, программ для ЭВМ, баз данных и т.д.

2. По готовности произведения: договор о готовом произведении и договор авторского заказа.

3. По субъектному составу: с участием физических лиц (авторов), юридических лиц (издательств, продюсерских центров, цифровых платформ).

Содержание авторского договора определяется совокупностью его условий, которые делятся на существенные, обычные и случайные. Особое значение имеют существенные условия, отсутствие согласования которых может привести к признанию

договора незаключенным.

К существенным условиям авторского договора традиционно относят:

1. Предмет договора: конкретное произведение, права на использование которого передаются, или обязательство создать такое произведение. Произведение должно быть индивидуализировано (название, жанр, объем и др.).

2. Способы использования произведения: перечень конкретных способов, которыми пользователь вправе использовать произведение (воспроизведение, распространение, публичное исполнение, сообщение в эфир/по кабелю, переработка, доведение до всеобщего сведения и т.д.). В условиях цифровой среды этот аспект приобретает особую актуальность, поскольку новые способы использования появляются постоянно.

3. Размер вознаграждения: для возмездных договоров размер или порядок его определения. Отсутствие этого условия при возмездном характере договора может повлечь его недействительность. Вознаграждение может быть фиксированным, процентным от дохода пользователя или комбинированным.

4. Срок действия договора: период, в течение которого пользователь вправе использовать произведение. В случае отсутствия указания срока, по общему правилу (ст. 1286 ГК РФ), он считается равным пяти годам, если законом не предусмотрено иное.

5. Территория использования: территория, в пределах которой пользователь вправе использовать произведение. Если территория не указана, договор действует на территории Российской Федерации.

Конструкция авторских договоров требует письменной формы и четких условий. Однако в цифровой экономике согласование часто проходит в переписке, а результат создается итерационно и встраивается в различные платформы. Конфликты возникают, когда стороны называют отношения «развитием» или «оказанием услуг», не фиксируя детали, а затем пытаются вывести передачу прав из факта оплаты. Показательным является дело № А40-170030/2023, в котором Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 18.04.2024 подтвердил вывод о проблемах согласования существенных условий и формы договора при заказе доработки интернет-платформы [6], а впоследствии Арбитражный суд Московского округа постановлением от 11.04.2025 № Ф05-2092/25 по делу № А40-170030/2023 оставил судебные акты без изменения, что демонстрирует практическую уязвимость договоров, составленных как «универсальные» документы без юридически проверяемой идентификации результата и без корректной конструкции распоряжения правом [7].

Правовое решение данной группы конфликтов достижимо за счет усиления договорной определенности через детализацию результата в техническом задании, акте приемки с конкретными идентификаторами (файл, ссылка на репозиторий).

Содержание авторского договора представляет собой сложную систему взаимных прав и обязанностей, где автор обязуется создать и передать произведение, соответствующее условиям договора, а заказчик – принять, рассмотреть и обеспечить его использование с соблюдением авторских прав и выплатой вознаграждения.

Ключевым элементом, определяющим действительность и исполнимость договора, выступает его предмет, включающий в себя конкретные передаваемые права и способы использования произведения. Важным аспектом, часто упускаемым из виду, является определение судьбы так называемых «промежуточных» или «побочных» результатов интеллектуальной деятельности (эскизов, черновиков, прототипов, фрагментов кода), созданных в процессе работы над основным произведением. Во избежание споров о правах на такие объекты, которые могут обладать самостоятельной ценностью, в договоре следует специально оговаривать, переходят ли исключительные права на них заказчику, или за ним закрепляется право использования на условиях лицензии.

В цифровой среде использование произведения часто выходит за рамки

согласованного из-за общих формулировок в договоре. Необходима детализация в договоре не только абстрактных правомочий, но и конкретных цифровых каналов, форматов, территории, срока. Также следует отдельно регулировать вопросы переработки и создания производных произведений. Эффективно включать условия о необходимости дополнительного соглашения и оплаты при выходе за согласованные способы использования.

Договор заключается на основе общих норм гражданского права.

Авторский договор может быть заключен путем направления оферты одной из сторон и ее акцепта другой стороной. А также, по мнению О. А. Дворянкина, может быть заключен путем свершения конклюдентных действий (волеизъявления), из которых следует намерение (воля) совершить конкретную сделку [8, с. 15].

Изменение авторского договора чаще всего осуществляется по взаимному согласию сторон путем заключения дополнительного соглашения. В судебном порядке договор может быть изменен при существенном нарушении его условий одной из сторон или в связи с существенным изменением обстоятельств. Изменение договора может быть связано с продлением срока договора, изменением жанра произведения, увеличением или уменьшением ставки вознаграждения и т.д.

Прекращение авторского договора, может быть, по следующим основаниям: существенное нарушение договора одной из сторон, исполнение обязательства, отступное, зачет, новация, прощение долга, невозможность исполнения, издание акта государственного органа, смерть гражданина, ликвидация юридического лица. Законодательство предусматривает право автора на односторонний отказ от исполнения договора в ряде случаев, например, при неисполнении издателем обязанности по выпуску произведения в свет в установленный срок (ст. 1287 ГК РФ). В цифровой среде прекращение договора также может быть связано с отзывом произведения автором, что, однако, налагает на него обязанность по возмещению убытков, причиненных пользователю.

В практике авторских договоров возникает проблема из-за неопределенности понятия «существенное нарушение договора» как основания для расторжения.

Для решения данной проблемы предлагаем внести следующие изменения в законодательство:

1. Ввести в Гражданский кодекс РФ примерный перечень существенных нарушений авторского договора. Например: использование произведения способом, не предусмотренным договором; систематическая задержка выплаты вознаграждения (более двух раз подряд); передача прав на использование произведения третьим лицам без согласия правообладателя, если это прямо запрещено договором; нарушение исключительных прав автора, повлекшее значительный ущерб его репутации или имущественным интересам.
2. Предоставить сторонами договора возможность самостоятельно определять в договоре, какие нарушения будут считаться существенными. Это позволит сторонам учесть специфику конкретного договора и установить более четкие критерии для его расторжения.

Введение примерного перечня существенных нарушений в ГК РФ позволит унифицировать судебную практику и снизить риск произвольных решений.

При неисполнении или ненадлежащем исполнении своих обязанностей по авторскому договору стороны несут гражданско-правовую ответственность. Под ней понимается мера государственного принуждения имущественного характера, направленная на восстановление нарушенного состояния и компенсацию потерпевшей стороне. Как отмечает С. Г. Богацкая, ответственность автора и пользователя проявляется в имущественной форме: возмещении убытков, уплате неустойки и т.д. [9, с. 154]. Ответственность за нарушение авторского договора регулируется общими

положениями главы 25 ГК РФ с учетом специфики интеллектуальных прав.

Нарушения авторских договоров многообразны и могут включать:

1. Неправомерное использование произведения: за пределами согласованных способов, территории или срока действия договора; передача прав третьим лицам без разрешения. Это наиболее распространенный вид нарушения, фактически приравниваемый к несанкционированному использованию исключительного права.

2. Неисполнение обязательств по созданию/предоставлению произведения (по договору авторского заказа): несоздание, несвоевременное создание/передача, создание с нарушением качества.

3. Нарушение финансовых обязательств: невыплата или несвоевременная выплата вознаграждения (гонорара) автору.

4. Несоблюдение неимущественных прав автора: использование без указания имени, искажение произведения без согласия.

Ответственность автора часто ограничивается размером реального ущерба, причиненного заказчику (пользователю), не включая упущенную выгоду. Это обусловлено спецификой творческого труда и необходимостью защиты автора от чрезмерных рисков.

Ответственность пользователя (приобретателя права) как правило, наступает независимо от вины, что соответствует общим правилам для предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Пользователь отвечает за причинение убытков, задержку гонорара, нарушение срока распространения и другие обязательства.

За нарушение авторского договора применяются следующие меры:

1. Возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ). Включает реальный ущерб (расходы, утрата имущества) и упущенную выгоду (неполученные доходы). Доказывание убытков, особенно упущенной выгоды в сфере интеллектуальной собственности, часто затруднено.

2. Взыскание неустойки (штрафа, пени) (ст. 330 ГК РФ). Применяется, если предусмотрена договором. Стимулирует к исполнению обязательств.

3. Выплата компенсации (ст. 1301 ГК РФ). Специфическая мера за нарушение исключительного права. По выбору правообладателя может быть взыскана вместо убытков в размере от 10 тыс. до 5 млн рублей (по усмотрению суда) либо в двукратном размере стоимости экземпляров произведения или права его использования. Преимущество – не требует доказывания размера убытков.

4. Принуждение к исполнению обязательства в натуре. Например, требование о передаче произведения.

5. Расторжение договора. При существенном нарушении условий договора одной из сторон, другая сторона вправе требовать его расторжения в судебном порядке (ст. 450 ГК РФ).

Цифровизация усложняет применение ответственности. Доказывание нарушений в цифровой среде становится вызовом из-за трудностей с установлением факта, объема и территории неправомерного использования, что требует цифровых следов и экспертной оценки. Нарушения приобретают трансграничный характер, когда действия в одной юрисдикции влияют на правообладателя в другой, порождая коллизионные вопросы. Ответственность посредников, таких как цифровые платформы и социальные сети, за действия их пользователей регулируется статьей 1253.1 ГК РФ с определенными условиями освобождения от ответственности. Кроме того, влияние искусственного интеллекта вызывает новые вопросы распределения ответственности, если произведение было создано или модифицировано с его участием, что требует новых подходов.

Таким образом, в данном исследовании был проведен комплексный анализ авторских договоров, исследование их содержания, выявление существующих проблем правоприменения и предложение эффективных механизмов их разрешения.

Законодательно определение авторского договора не закреплено в ГК РФ, суть авторского договора сводится к соглашению, по которому одна сторона (автор) передает или обязуется передать в будущем имущественные права на произведение, а другая сторона (правообладатель) обязуется выплатить обусловленное сторонами вознаграждение, обеспечив при использовании указанных прав личные неимущественные права автора. Существующее правовое регулирование порождает правовые неопределённости и споры.

Для снижения конфликтности необходимо: законодательно закрепить ясное определение авторского договора; детально прописывать в договорах предмет, способы использования, срок, территорию, вознаграждение и иные существенные условия; особое внимание уделять закреплению прав на промежуточные результаты творческого процесса; ввести в ГК РФ примерный перечень существенных нарушений договора; предусмотреть возможность сторон самостоятельно определять критерии существенных нарушений.

Это позволит унифицировать практику, защитить интересы авторов и пользователей и обеспечить правомерное использование произведений в цифровой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов Э.П. Постатейный комментарий к Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах»: учеб. пособие / Э. П. Гаврилов. М.: Правовая культура, 1996. – 50 с.
2. Сергеев А.П. Гражданское право: учеб. пособие / А. П. Сергеев. М., 2012. – 800 с.
3. Клык Н.Л. Охрана интересов сторон по авторскому договору / Н. Л. Клык, Красноярск, 2012. – 182 с.
4. Чернышева С. А. Современные проблемы права интеллектуальной собственности / С.А. Чернышева. М.: Юрид. литер, 2009. – 502 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая / Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. №5 230-ФЗ (с изм. от 18 июля 2019г.) // Российская газета. – 2006. – №52.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2024 г. по делу № А40-170030/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.01.2026).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 апреля 2025 г. № Ф05-2092/25 по делу № А40-170030/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.01.2026).
8. Дворянкин О.А. Защита авторских и смежных прав. Ответственность за их нарушение: научно-практическое пособие / О. А. Дворянкин. – М.: Весь мир, 2008. – 464 с.
9. Богацкая С.Г. Авторское право: учебное пособие / С. Г. Богацкая. М., 2005. – 196 с.

PROBLEMATIC ASPECTS OF COPYRIGHT AGREEMENTS

Annotation. This paper examines the legal nature of copyright contracts as a tool for regulating relations in the field of intellectual property in the context of digitalization. It analyzes scientific approaches to defining the concept of "copyright contract" and identifies gaps in legislation, such as the absence of this term in the Civil Code of the Russian Federation. The paper systematizes the types of copyright contracts, examines their essential conditions in detail, and identifies specific challenges in their application in the digital environment. Special attention is given to the risks associated with the unclear definition of the subject matter of the contract and the methods of using works. The solutions include specific measures to improve legal regulation, such as the legislative definition of an author's contract, the detailed specification of contractual terms, and the introduction of a sample list of significant violations.

Keywords: copyright agreement, author, customer, liability of the parties for violating the copyright agreement.

Leontyeva E.I.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: leontevaelizaveta05@xmail.ru

УДК 343

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лушпа С.Н.
Научный руководитель: Гулина С.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы реализации целей наказания в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Проанализированы законодательные дефекты целеполагания, включая межотраслевую рассогласованность Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов, декларативность цели восстановления социальной справедливости, отсутствие верифицируемых критериев исправления осужденных и неопределенность содержания специальной превенции. Выявлена подмена содержательных результатов формальными показателями правопослушного поведения, ориентированными на условно-досрочное освобождение. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: замена цели восстановления социальной справедливости на цель защиты государственных и общественных интересов, нормативное закрепление измеримых критериев исправления, унификация положений о предупреждении преступлений.
Ключевые слова: цели наказания, исправление осужденных, предупреждение преступлений, восстановление социальной справедливости, уголовно-исполнительная система.

Актуальность исследования. Реализация целей наказания, закрепленных в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации, составляет смысловое ядро всей пенитенциарной деятельности, однако именно в этой плоскости сегодня обнаруживается устойчивый разрыв между законодательными декларациями и реальными возможностями уголовно-исполнительной системы. В ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплено, что наказание направлено на восстановление социальной справедливости, на исправление осужденного и на предупреждение совершения новых преступлений [1]. В ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) закреплено, что исправление осужденного выражается в формировании у него уважительного отношения к человеку, к обществу и к труду, а также в стимулировании его поведения, соответствующего требованиям закона [2]. Вместе с тем, в научной доктрине обоснованно ставится под сомнение сама возможность достижения указанных целей в условиях изоляции, а также констатируется рассогласованность подходов к отраслевому пониманию исправления и восстановления социальной справедливости на стадиях назначения и исполнения наказания.

Проблематике реализации целей наказания в российской уголовно-исполнительной системе уделяли внимание в своих работах З.С. Урцмиханов, И.В. Овсянников, П.А. Акименко, И.В. Дворянсков и др.

В научной литературе сформированы подходы к пониманию содержания целей уголовного наказания и их отраслевой трансформации при переходе от уголовного к уголовно-исполнительному законодательству, разработаны позиции относительно соотношения целей исправления, специальной и общей превенции, а также средств их достижения в процессе исполнения наказания.

Тем не менее, сохраняются дискуссионные вопросы, связанные с наличием в российском законодательстве неустранимых противоречий в определении целей наказания и механизмов их реализации, среди которых: межотраслевая рассогласованность целей, закрепленных в УК РФ и УИК РФ, при фактическом отсутствии в уголовно-исполнительном законодательстве цели восстановления социальной справедливости и неопределенности средств ее косвенной реализации; доктринальная неразрешенность споров о сущности исправления (юридическое или

нравственное) и критериях его достижения, подменяемых формальными показателями правопослушного поведения в период отбывания наказания; концептуальная неопределенность целей наказания, порождающая противоречивую правоприменительную практику, и законодательная фрагментарность и декларативность целевых установок.

Цель исследования состоит в проведении комплексного теоретико-правового анализа проблем, возникающих при реализации целей наказания в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, и в подготовке на основе полученных выводов научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

В ч. 1 ст. 1 УИК РФ закреплено, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации ориентировано на исправление осуждённых и на предупреждение совершения новых преступлений осуждёнными и иными лицами. В ч. 2 ст. 43 УК РФ закреплены цели наказания, среди которых названы исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений, что позволяет рассматривать указанные направления как общие для уголовного и уголовно-исполнительного регулирования. При сопоставлении формулировок указанных норм видно, что в ч. 1 ст. 1 УИК РФ предупреждение совершения новых преступлений описано с указанием лиц, на поведение которых направлено данное предупреждение, то есть названы осуждённые и иные лица.

В научных работах по уголовному праву при анализе предупреждения преступлений используется разграничение между предупреждением совершения преступлений самим осуждённым и предупреждением совершения преступлений другими лицами. З.С. Урцмиханов указывает, что вопросы предупреждения преступлений как в отношении осуждённого, так и в отношении иных лиц длительное время обсуждаются в отечественной юридической науке и остаются дискуссионными, поскольку исследователи по-разному определяют содержание данной цели наказания, её основные признаки и момент, с которого допускается оценивать её достижение. З.С. Урцмиханов также отмечает, что в научной среде отсутствует единая позиция по вопросам соотношения предупреждения преступлений и исправления осуждённого, а также по вопросам разграничения предупреждения преступлений и перевоспитания осуждённого [8, с. 45].

Частное (специальное) предупреждение понимается как порядок исполнения наказания, при котором поведение осуждённого изменяется таким образом, что после освобождения снижается вероятность совершения им нового преступления. Исправление осуждённого связывается с преодолением антиобщественных взглядов и устойчивых привычек, а также с формированием уважительного отношения к закону, правопорядку, правам других лиц и общественно полезному труду. Достижение исправления зависит от вида наказания, поскольку при наказаниях без лишения свободы воздействие часто обеспечивается самим фактом назначения наказания и установленными ограничениями, а при лишении свободы применяется режим отбывания наказания, труд, воспитательная работа, общее образование и профессиональное обучение. Механизм частного предупреждения включает воспитательное воздействие и ограничения, которые уменьшают возможность совершения новых преступлений, а также влияние карательных последствий наказания и осознание осуждённым риска повторного наказания.

Ошибочная идеализация целей уголовного наказания ведёт к искажению целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами в процессе противодействия преступности. Указанное обстоятельство приводит к созданию условий, при которых правопорядка ориентируются не на реальную эффективность своих действий, а на

достижение формальных показателей. Подобная ситуация стимулирует «накручивание» статистических данных, что, в конечном итоге, способствует укреплению формализма в подходах к борьбе с преступностью. Таким образом, критический анализ и переосмысление установленных целей уголовного наказания выступают не только как академическая необходимость, но и как практический призыв к повышению эффективности правоохранительной системы в целом.

Цель предупреждения совершения новых преступлений включает предупреждение преступлений со стороны лиц, ранее не совершавших преступления, и предупреждение повторных преступлений со стороны осуждённых. При описании данной цели как общественно желаемого результата возникает методологическая трудность, поскольку отсутствуют точные и единообразные критерии, по которым можно надёжно определить, достигнуто ли предупреждение новых преступлений и в какой мере оно обеспечено действием уголовного наказания. Совершенствование уголовного законодательства предполагает расширение и развитие норм и механизмов, направленных на предупреждение преступлений, поскольку предупреждение новых преступлений относится к числу направлений, через которые проявляется общественное назначение уголовного наказания.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано, что при назначении наказания суду следует исходить из требования справедливости наказания. В статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено, что справедливость наказания выражается в соответствии назначенного наказания характеру и степени общественной опасности совершённого преступления, обстоятельствам его совершения и данным о личности лица, признанного виновным [4].

И.В. Овсянников отмечает, что справедливость наказания достигается при условии, что суд учитывает обстоятельства, которые имели место до постановления обвинительного приговора либо существуют на момент его постановления, и которые установлены в ходе судебного разбирательства. И.В. Овсянников также указывает, что при назначении наказания суд применяет нормы уголовного закона, действующие на день постановления обвинительного приговора [6, с. 43].

В УИК РФ цель восстановления социальной справедливости не указана, поскольку в ч. 1 ст. 1 УИК РФ перечислены иные цели уголовно-исполнительного законодательства. По этой причине в УИК РФ не приведён перечень средств, предназначенных специально для достижения восстановления социальной справедливости. При этом анализ мер, применяемых при исполнении наказания, даёт возможность выделить средства, которые по своему содержанию могут быть направлены на восстановление социальной справедливости. К таким средствам относятся установленный порядок исполнения и отбывания наказания, общественно полезный труд осуждённых, а также меры, обеспечивающие возмещение ущерба либо заглаживание вреда, причинённого преступлением.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года сформулированы ориентиры деятельности уголовно-исполнительной системы, среди которых указаны исправление осуждённых, их ресоциализация и социальная адаптация, при этом восстановление социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания в тексте Концепции не упоминается [5]. Отсутствие упоминания данной цели в указанном документе даёт основания утверждать, что при определении направлений развития уголовно-исполнительной системы внимание направлено на иные цели и показатели.

Следует учитывать, что при текущих изменениях в экономической сфере, в государственном управлении и в правовом регулировании, которые затрагивают Российскую Федерацию и иные государства, обсуждение реальной достижимости цели

уголовного наказания, выраженной как восстановление социальной справедливости, вызывает обоснованные затруднения. В качестве примера можно привести положения Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации“», в котором предусмотрено, что призыву на военную службу по мобилизации не подлежат граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, а также за преступления, предусмотренные ст.ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276–280, 282.1–282.3, 360 и 361 УК РФ. В прежней редакции соответствующих положений было предусмотрено, что призыву по мобилизации не подлежат граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение любого тяжкого преступления [3].

П.А. Акименко указывает, что при действующей редакции правового регулирования осуждённый за тяжкое или особо тяжкое преступление, которое не относится к категориям, прямо перечисленным в законе, в отдельных случаях может получить возможность освобождения от дальнейшего отбывания наказания раньше срока, определённого вступившим в законную силу приговором суда, по причине его призыва по мобилизации. П.А. Акименко подчёркивает, что при таком подходе решающее значение получает сам факт мобилизации, тогда как обстоятельства уголовного дела, характеризующие общественную опасность совершённого преступления, мотивы поведения, сведения о личности виновного, а также данные о возмещении причинённого преступлением вреда, могут не оказывать определяющего влияния на итоговое решение [7, с. 220].

Цель исправления иногда излагается как описание действий, которые осуществляют органы и должностные лица при исполнении наказания, а не как состояние, которое должно быть достигнуто у осуждённого к определённой дате. При таком изложении исправление понимается как проведение мер, направленных на формирование у осуждённого уважительного отношения к требованиям закона и на побуждение его к правопослушному поведению. Из этой формулировки не следует, что у осуждённого должны сформироваться устойчивые изменения личности, и не указаны показатели, по которым можно подтвердить достижение исправления как проверяемого результата.

И. В. Дворянсков обращает внимание на то, что данное обстоятельство порождает научные споры о том, что именно следует понимать под исправлением осуждённого. И. В. Дворянсков отмечает, что в научной литературе выделяются два подхода к решению указанного вопроса. В рамках первого подхода исправление признаётся достигнутым, если после отбытия наказания осуждённый не совершает новых преступлений независимо от причин такого поведения, и данный подход описывается как юридическое, или формальное, исправление [9, с. 250].

Формальное понимание исправления не предполагает обязательного изменения правосознания и устойчивых личностных установок осуждённого, поскольку внешне правопослушное поведение может быть обусловлено прагматическими мотивами. Осуждённый может демонстрировать соблюдение требований режима, корректное отношение к окружающим и участие в предусмотренных мероприятиях с целью получения предусмотренных законом льгот, включая условно-досрочное освобождение.

В ч. 1 ст. 79 УК РФ закреплено, что лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, может быть условно-досрочно освобождено, если суд признает, что для исправления данное лицо не нуждается в полном отбывании наказания, назначенного приговором суда. При применении условно-досрочного освобождения оценка обычно основывается на данных о поведении осуждённого в период отбывания наказания, в том числе на соблюдении

установленного порядка отбывания наказания и на отсутствии взысканий за его нарушения. Наличие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания, особенно при признании осуждённого злостным нарушителем, снижает вероятность принятия судом решения об условно-досрочном освобождении.

Условно-досрочное освобождение используется как средство побуждения осуждённых к соблюдению требований режима и к правомерному поведению во время отбывания наказания. Вместе с тем правопослушное поведение в условиях контроля со стороны администрации учреждения и установленных ограничений не позволяет автоматически сделать вывод о том, что после освобождения лицо не совершит нового преступления.

И. В. Дворянсков указывает, что правопослушное поведение осуждённого в период отбывания наказания не позволяет считать исключённым совершение нового преступления после условно-досрочного освобождения, и ссылается на данные о повторной преступности после освобождения. В официальной статистике для ориентировочной оценки повторной преступности используется доля лиц, ранее совершавших преступления, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления за соответствующий период, и данный показатель, по приводимым данным, составляет около 30–33% [9, с. 251]. При этом, указанная доля не позволяет установить влияние деятельности исправительных учреждений на поведение освобождённых и не даёт возможности оценить эффективность конкретных направлений работы, включая подготовку осуждённых к условно-досрочному освобождению.

Оценка деятельности уголовно-исполнительной системы часто опирается на отчётные показатели, поскольку в федеральном законодательстве отсутствуют единые критерии достижения целей наказания. Неопределённость формулировок восстановления социальной справедливости, исправления и предупреждения новых преступлений не позволяет выработать проверяемые признаки достижения каждой цели, поэтому на практике используются косвенные признаки, такие как соблюдение режима, отсутствие взысканий и участие в труде и обучении. Различия в формулировках целей в уголовном законодательстве и уголовно-исполнительном законодательстве приводят к неодинаковому подходу суда и администрации учреждения при решении вопросов об условно-досрочном освобождении, замене наказания более мягким видом и применении поощрений и взысканий, в связи с чем в научной литературе обсуждается уточнение целей и критериев, а также возможность замены цели восстановления социальной справедливости целью защиты государственных интересов с определением её содержания и пределов применения.

Таким образом, институт целей уголовного наказания в российском законодательстве страдает рядом системных дефектов: во-первых, цель восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ) имеет декларативный характер, не подкреплена механизмами реализации в УИК РФ и фактически проигнорирована в Концепции развития УИС до 2030 года; во-вторых, цель исправления осуждённых не имеет верифицируемых критериев достижения, что на практике подменяется формальным правопослушным поведением для получения УДО и не снижает высокий уровень постпенитенциарного рецидива; в-третьих, наблюдается межотраслевая рассогласованность: УК и УИК по-разному определяют содержание и адресатов предупреждения преступлений.

Для решения указанных проблем предлагается: 1) заменить абстрактную цель «восстановление социальной справедливости» в ст. 43 УК РФ на прагматичную цель «защита государственных и общественных интересов», поддающуюся нормативной конкретизации; 2) законодательно закрепить в УИК РФ исчерпывающий перечень измеримых критериев исправления осуждённого (возмещение ущерба, прохождение программ психокоррекции, отсутствие злостных нарушений режима), что позволит

объективировать основания для УДО и оценивать эффективность деятельности учреждений УИС; 3) унифицировать положения УК РФ и УИК РФ о целях предупреждения преступлений, закрепив единое понимание специальной и общей превенции и распространив профилактический потенциал наказания на весь период судимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.01.1997. – № 2. – ст. 198.

3. Федеральный закон от 04.11.2022 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405578199/ (дата обращения: 13.02.2026). – Загл. с экрана.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.

5. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.05.2021. – № 19. – ст. 3281.

6. Овсянников, И.В. О целях наказания и целях уголовно-исполнительного законодательства / И.В. Овсянников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 10 (221). – С. 42-46.

7. Акименко, П.А. Проблемы достижения цели уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости в условиях современной российской уголовно-исполнительной политики / П.А. Акименко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 3 (54). – С. 217-223.

8. Урцмиханов, З.С. Цели и проблемы уголовного наказания / З.С. Урцмиханов // На пути к гражданскому обществу. – 2022. – № 1 (45). – С. 43-50.

9. Дворянсков, И.В. Концептуальные проблемы целей наказания / И.В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2021. – № 2. – С. 247-259.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF EQUALITY OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MEN AND WOMEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the problems of implementing the goals of punishment in the penal system of the Russian Federation. The article analyzes legislative defects in goal setting, including the intersectoral inconsistency of the Criminal and Penal Enforcement Codes, the declarative nature of the goal of restoring social justice, the lack of verifiable criteria for correcting convicts, and the uncertainty of the content of special prevention. The substitution of meaningful results with formal indicators of law-abiding behavior, focused on parole, is revealed. The methodological basis consists of formal legal, systematic and comparative legal methods. Proposals have been formulated to improve criminal and penal enforcement legislation: replacing the goal of restoring social justice with the goal of protecting state and public interests, standardizing measurable criteria for correction, and unifying provisions on crime prevention.

Keywords: goals of punishment, correction of convicts, prevention of crimes, restoration of social justice, penal enforcement system.

Lushpa S. N.
Scientific adviser: Gulina S.N., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: sofa13112019228@mail.ru

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лыдина Е.Р.
Научный руководитель: Семыкин Н.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируется актуальность и системные проблемы реализации гражданского иска в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены теоретические и практические трудности: от формального подхода к исковым требованиям и отсутствия единых правил подачи до ограничений при оправдательном приговоре, прекращении дела и передаче вопросов о размере ущерба в гражданское судопроизводство. Выявлены пробелы в законодательстве. Предложены рекомендации по совершенствованию норм. Сделаны выводы о необходимости унификации подходов для обеспечения восстановительного правосудия.
Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, возмещение ущерба, гражданский истец, гражданский ответчик.

Актуальность исследования обусловлена тем, что на практике реализация гражданского иска сталкивается с существенными трудностями – от нежелания и неумения следователей и судей устанавливать размер материального ущерба и морального вреда до формального подхода к рассмотрению исковых требований, что приводит к вынесению «пустых» решений о взыскании, за которыми не следует реального возмещения, что подрывает саму идею восстановительного правосудия, оставляя потерпевших в положении, когда уголовное дело завершено, а причиненный вред не компенсирован, что порождает недоверие к правоохранительной системе и побуждает граждан искать неправовые способы разрешения конфликтов.

Цель работы состоит в исследовании системных теоретических и практических проблем реализации гражданского иска в уголовном судопроизводстве России.

Для компенсации ущерба, причинённого гражданину, законодательство устанавливает упрощённый порядок рассмотрения и разрешения исковых требований в рамках гражданского иска, рассматриваемого в уголовном процессе. Данный способ защиты прав широко используется на практике, обладает богатой и разнообразной историей применения и требует детального изучения сущности гражданского иска как такового. Он даёт возможность оперативно и эффективно восстановить справедливость, не прибегая к сложным и длительным судебным разбирательствам. В современных условиях особенное значение приобретает Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 13.10.2020 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», посвящённое судебной практике рассмотрения гражданских исков в рамках уголовных дел [5].

Указанное постановление, являясь основополагающим и крайне необходимым, тем не менее, не лишено определённых недостатков, что отражается в процессе его практического применения.

А.Р. Сайфутдинова считает, что поскольку гражданский иск в уголовном процессе носит зависимый характер, его удовлетворение возможно только при наличии вступившего в силу обвинительного приговора. Суд не может обязать лицо к исполнению гражданско-правовых обязательств, даже если для этого существуют основания, если это лицо не признано виновным в совершении преступления [6, с. 163].

Если суд выносит оправдательный приговор из-за отсутствия события преступления, гражданский иск остаётся без движения. Данное обстоятельство связано с тем, что гражданское право в определённых ситуациях допускает наступление ответственности независимо от вины, что неприемлемо в уголовном праве. Уголовно-

процессуальные нормы в представленном контексте демонстрируют различное понимание допустимости «ответственности без вины» в уголовном и гражданском праве. При этом, право потерпевшей стороны на защиту своих интересов в суде по делу о возмещении ущерба остаётся незыблемым и не может быть ограничено.

Когда суд завершает уголовное разбирательство, опираясь на статью 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), гражданский иск, связанный с данным делом, остаётся без рассмотрения. Это объясняется тем, что суд, не рассматривающий уголовное дело по существу, не может вынести решение и по гражданскому иску [2]. Исключением выступает ситуация, когда прокурор отказывается от обвинения из-за отсутствия преступления или непричастности обвиняемого.

Согласно части 2 статьи 306 УПК РФ, суд должен прекратить уголовное дело и отказать в удовлетворении гражданского иска, что может лишить потерпевшего возможности обратиться с иском в гражданском порядке. Поскольку требования истца не получают оценки, по существу, из-за обстоятельств, от него не зависящих, данное обстоятельство может расцениваться как ограничение права на судебную защиту, гарантированного статьей 46 Конституции Российской Федерации [1].

Также проблемой, по мнению Д.В. Васильева, является то, что ни законодателем, ни судебной практикой не сформирован единый подход к перечню и наименованию документов, которые требуется представить в следственный орган для безусловного принятия гражданского иска [7, с. 646].

Закон содержит термины гражданский иск, гражданский истец, гражданский ответчик, однако на практике не всегда понятно, как именно должен выглядеть сам гражданский иск в уголовном деле, что необходимо приложить к нему, на чьё имя он должен подаваться, требуется ли предъявление лишь ходатайства о признании лица гражданским истцом или дополнительно необходимо прикладывать текст отдельного гражданского иска.

Ситуация усложняется также тем, когда по уголовному делу не установлены подозреваемые, обвиняемые, не собраны доказательства их виновности, само дело ещё не передано в суд для рассмотрения по существу.

В частности, возникает правовая неопределённость в вопросе на чьё же имя требуется подавать гражданский иск – на имя следователя, в производстве которого находится уголовное дело, либо в адрес неизвестного на момент расследования суда общей юрисдикции.

В данном случае решением послужила бы разработка единого подхода к правилам подачи, принятия гражданского иска, необходимых документах, который закрепить в разъяснениях Верховного Суда путём принятия соответствующих изменений в действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

В качестве следующей проблемы можно обозначить, что при вынесении приговора, связанного с передачей вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, индивид (гражданский истец), с точки зрения своего правового положения, обладает лишь правом на обращение в «гражданский» суд, но не правом на конкретный размер компенсации вреда, причинённого преступлением, т.к. данный размер вреда и обязанность лица компенсировать причинённый вред не определены приговором суда. И если гражданский истец в дальнейшем не обратится в «гражданский суд», то такого права у него и не возникнет, будет отсутствовать правоустанавливающий документ, на основании которого подобное право базируется.

Терехов И.Д. считает, что, фактически для того, чтобы можно было говорить о разрешенности гражданского иска, связанного с передачей вопроса о размере возмещения возмещении ущерба для рассмотрения в порядке гражданского

судопроизводства по существу, необходимо участие гражданского истца в двух разных судебных процессах, что приводит к умножению процессуальных форм и затягивает восстановление прав потерпевшего (гражданского истца) на возмещение вреда: первый – при разрешении уголовного дела в судебном следствии, второй – в гражданском судопроизводстве, после вступления приговора в законную силу [8, с. 76].

Можно прийти к заключению, что гражданский иск, связанный с передачей вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, разрешается при вынесении приговора лишь в части и только в тех пределах, которые предусмотрены действующим законодательством, а именно о праве на иск, в том числе в контексте разрешения вопроса о сроках исковой давности. Для решения существующих проблем требуется провести ряд изменений. Во-первых, систематизация гражданско-правовых норм в уголовно-процессуальном законодательстве посредством введения ссылочных норм к статьям Гражданского процессуального кодекса о требованиях к иску. Во-вторых, предоставление возможности взыскания ущерба и убытков во время рассмотрения уголовного дела в соответствии с нормами гражданского права. Второе изменение представляет особую важность ввиду необходимости снижения нагрузки с судов по гражданским делам, которые возможно рассмотреть при уголовном производстве. В контексте уголовных дел, связанных с хищением чужого имущества, анализ трудностей, возникающих при рассмотрении гражданского иска, приобретает особую значимость, поскольку такие преступления неотделимы от причинения имущественного вреда физическим и юридическим лицам, что обязывает правоприменителя уделять повышенное внимание заявлению потерпевшего о компенсации понесённого ущерба. Как указывает Корягина О.В., в тех случаях, когда гражданский истец требует возмещения вреда в размере стоимости похищенного, определенной в сложившейся на настоящее время цене, вопрос о размере возмещения передается на рассмотрение в рамках гражданского судопроизводства либо же суд отказывает в удовлетворении гражданского иска. По её мнению, подобная позиция несостоятельна, создает для потерпевшего необоснованные трудности при взыскании причиненного преступлением вреда, связанные с подачей самостоятельного иска и инициированием дополнительного судебного процесса [9, с. 65].

Гражданский иск представляет собой институт смежного правового регулирования, а реальный ущерб – категория, определяемая нормами гражданского законодательства, поэтому при решении вопроса о его компенсации необходимо учитывать положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Из содержания ч. 2 ст. 307, ч. 3 ст. 393, ст. 1064 ГК РФ вытекает, что факт причинения вреда порождает обязанность возместить убытки, величина которых исчисляется по ценам, действовавшим на день подачи иска [3, 4]. Эти нормы основаны на принципе полного возмещения вреда, который применяется и в случаях, когда ущерб нанесён в результате преступного деяния. Следовательно, исходя из требования полной компенсации причинённого вреда, гражданский иск может быть заявлен и рассмотрен в рамках уголовного процесса с учётом цен, актуальных на момент его предъявления. Установление стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления для обоснования обвинения и квалификации действий подозреваемого не исключает возможности для гражданского истца представить доказательства текущей рыночной стоимости похищенного имущества и обосновать требование о его возмещении. Вместе с тем, в условиях реализации принципа состязательности сторон и соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства указанное требование подлежит удовлетворению лишь при наличии доказательств, подтверждающих объём запрашиваемой компенсации. В качестве такого доказательства может служить заключение специалиста, содержащее вывод о рыночной стоимости похищенного имущества, определённой на дату составления отчёта. Кроме того, при ознакомлении с постановлением о назначении

экспертизы, направленной на установление стоимости имущества на момент преступления.

Таким образом, основными проблемами гражданского иска являются его жёсткая процессуальная зависимость от обвинительного приговора, лишающая потерпевшего возмещения при прекращении дела или оправдании, и отсутствие чёткого регламента подачи и оформления иска на досудебной стадии, что создаёт правовую неопределённость. Кроме того, распространённая практика передачи вопроса о размере возмещения в гражданское судопроизводство вынуждает потерпевшего участвовать в двух процессах, а также существует противоречие между оценкой ущерба на момент совершения преступления и необходимостью его возмещения по текущим ценам.

В качестве решений вышеуказанных проблем предлагается: законодательно закрепить возможность рассмотрения гражданского иска по существу при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; внести в УПК РФ и разъяснения Верховного Суда чёткие требования к форме и процедуре предъявления иска следователю; установить обязанность суда определять размер возмещения в приговоре на основе доказательств, включая заключение специалиста о текущей стоимости ущерба, исключая тем самым необходимость повторного обращения в суд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 29.01.1996. – № 5. – ст. 410.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 1.

6. Сайфутдинова, А.Р. Актуальные проблемы гражданского иска в уголовном процессе / А.Р. Сайфутдинова // Вестник науки. – 2025. – № 9 (90). – С. 161-168.

7. Васильев, Д.В. Некоторые проблемы гражданского иска в уголовном деле и пути их решения / Д.В. Васильев, А.А. Ласкин // Гуманитарное пространство. – 2024. – № 7. – С. 644-649.

8. Терехов, И.Д. Актуальные проблемы гражданского иска в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / И.Д. Терехов // Вестник магистратуры. – 2025. – № 3-1 (162). – С. 75-77.

9. Карягина, О.В. Проблемные аспекты определения размера возмещения причиненного вреда при разрешении гражданского иска по уголовным делам о хищении имущества / О.В. Карягина, А.А. Шевченко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2023. – № 2 (38). – С. 64-68.

PROBLEMS OF CIVIL LAW SUITS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article analyzes the relevance and systemic problems of implementing the institution of civil claims in Russian criminal proceedings. Theoretical and practical difficulties are considered, from a formal approach to claims and the lack of unified rules for filing claims to restrictions on acquittals, dismissals, and the transfer of issues related to the number of damages to civil proceedings. Gaps in legislation are identified. Recommendations for improving the norms are proposed. Conclusions are made about the need to unify approaches to ensure restorative justice.

Keywords: civil claim, criminal proceedings, compensation for damages, material damage, moral damage, civil claimant, civil defendant.

Lydina E.R.
Semykin N.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk State University

УДК 347.21

МЕТЕОРИТ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Лыкова К.В.
Научный руководитель: Воробьева О.Р., ассистент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируется правовой статус метеоритов в российском гражданском праве. С использованием формально-юридического и сравнительно-правового методов рассматриваются их соотношение с вещами, недрами и культурными ценностями, а также зарубежные модели регулирования. Выявлены пробелы законодательства, создающие неопределённость в вопросах собственности, оборотоспособности и научного доступа. Обоснована необходимость формирования единого правового режима метеоритов и установления порядка их обращения.
Ключевые слова: метеорит, гражданское право, право собственности, правовой режим, оборотоспособность.

Метеорит как объект гражданского права представляет собой уникальное явление, находящееся на пересечении естественно-научных и юридических категорий: с одной стороны, метеорит является космическим телом, существующим вне пределов земного правового регулирования; с другой стороны, после падения на Землю он утрачивает свой астрономический статус и превращается в материальный объект, который может рассматриваться как вещь и, следовательно, как потенциальный объект гражданско-правовых отношений. Такая трансформация ставит перед правовой наукой вопрос о возможности признания метеорита объектом права собственности, его оборотоспособности и месте в системе объектов гражданского права.

В современном гражданском праве статус метеорита остаётся юридически неоднозначным: действующее законодательство РФ не содержит прямых норм, определяющих его правовую природу как объекта гражданских правоотношений. Начнем с того, что согласно статье II Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва - Вашингтон - Лондон, 27 января 1967 г.): *«Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами»* [1]. Таким образом, правовой статус метеорита как потенциального объекта гражданских прав возникает только после его падения на поверхность Земли, когда он перестаёт быть элементом космического пространства и становится материальным объектом, доступным для физического обладания и включения в гражданский оборот.

Именно после падения на Землю возникает необходимость рассматривать метеорит сквозь призму гражданско-правовых категорий. Прежде всего рассмотрим метеорит как вещь по статье 128 Гражданского кодекса РФ, где к объектам гражданских прав отнесены *«вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество…»* [2]. Метеорит, оказавшись на поверхности планеты, приобретает пространственную локализацию и физическую осязаемость, что формально соответствует материальному характеру вещи. Однако его правовая квалификация осложняется отсутствием прямого регулирования в законодательстве. Стоит отметить статью 33 Закона РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 31.07.2025) «О недрах». Данный нормативно правовой акт обязывает пользователей недр при обнаружении метеоритов приостановить работы и сообщить об этом органам, предоставившим лицензию. А также в статье 1.2 того же закона прямо установлено, что недра на территории Российской Федерации и все ресурсы, находящиеся в них, включая полезные ископаемые и

энергетические материалы, принадлежат государству. Исходя из этого, можно сделать вывод: если метеорит обнаружен в недрах, он подпадает под режим государственной собственности. Однако возникает вопрос – как быть с метеоритом, который упал и остался на поверхности? Закон умалчивает об этом, и именно здесь проявляется правовой пробел: для недр правило существует, для поверхности – нет.

Поскольку законодательство не содержит прямой нормы, определяющей правовой режим метеорита, то обратимся к положениям Гражданского кодекса РФ о приобретении права собственности. Согласно статье 225 Гражданского кодекса РФ, бесхозяйной признаётся вещь без собственника, с неизвестным собственником или от которой собственник отказался. Однако применение данной нормы к метеориту вызывает сомнения: до падения он не мог иметь собственника (в силу статьи II Договора о космосе 1967 г.), а после приземления его правовая принадлежность остаётся неопределённой, при этом аналогия с недрами теоретически может распространяться и на поверхностные находки. Обратимся к приобретательной давности –это статья 234 Гражданского кодекса РФ. Согласно данной норме, лицо, добросовестно и открыто владеющее вещью как своей в течение пяти лет, приобретает право собственности на неё. Тем не менее использование данного механизма в отношении метеорита осложняется продолжительным сроком владения и необходимостью подтверждения добросовестности. К примеру, владелец не может достоверно знать, не относится ли найденный метеорит к объектам государственной собственности.

Ещё один возможный режим – клад (ст. 233 Гражданского кодекса РФ), предполагающий разделение прав между нашедшим и собственником земельного участка. Однако метеорит не соответствует юридическому определению клада как *«зарытых или сокрытых иным способом денег или ценных предметов»* [2]. Его нахождение на поверхности или в недрах земли является результатом естественного падения, а не целенаправленного сокрытия человеком. Следовательно, применение норм о кладе к метеориту представляется некорректным.

Кроме того, статус метеорита может зависеть от его специфических свойств, что влечёт применение специальных законов. Первый случай: если в составе метеорита выявлены драгоценные металлы (золото, платина, металлы платиновой группы), его оборот попадает под действие Федерального закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 № 41-ФЗ, требующего лицензирования добычи, сертификации и соблюдения правил государственного контроля, при этом незаконно добытые металлы признаются собственностью РФ. Второй случай: если метеорит обладает радиоактивностью, вступает в силу Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 21.11.1995 № 170-ФЗ, который может ограничить или вовсе запретить его оборот – закон устанавливает обязательные требования радиационной безопасности, а также предусматривает государственный надзор за оборотом радиоактивных материалов. Третий случай: когда метеорит представляет научный или минералогический интерес, он может быть признан культурной ценностью в соответствии с Законом РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». В особенности, Постановление Правительства РФ от 14 сентября 2020 г. №1425 определяет критерии отнесения метеоритов к культурным ценностям. К указанным критериям относятся: каменные метеориты массой свыше 5 кг, железокаменные метеориты массой более 100 кг и железные метеориты массой более 200 кг. Это влечёт необходимость получения специального разрешения на вывоз, а при признании объекта памятником истории или культуры предполагает его передачу государству с выплатой компенсации в размере 50 % от стоимости собственнику участка и нашедшему. Следовательно, специфика метеорита способна трансформировать его правовой статус: от объекта гражданского оборота до государственной собственности или культурного наследия.

Перейдём к анализу зарубежной практики регулирования метеоритов как объектов гражданских прав. В США вопрос о принадлежности метеоритов решается по принципу «finders keepers»: если метеорит найден на частной земле, он считается собственностью владельца участка [5]. На федеральных землях, напротив, присваивать такие находки запрещено, и они подлежат передаче государству. В Северной территории Австралии действует Meteorites Act 1988, который прямо устанавливает, что все метеориты являются собственностью Короны и должны передаваться государству для научного изучения. Кроме того, экспорт метеоритов регулируется Protection of Movable Cultural Heritage Act 1986, требующим получения специального разрешения [6]. В Дании и Швейцарии метеориты считаются государственной собственностью. Нашедшему необходимо сдать находку в музей, который выплачивает рыночную стоимость образца [7]. Таким образом, зарубежный опыт показывает, что подходы к правовому статусу метеоритов варьируются от строгой государственной монополии до признания частной собственности, что отражает различие национальных правовых систем и приоритетов.

Отсутствие чёткого регулирования поиска и сбора метеоритов указывает на наличие существенного правового пробела, препятствующего формированию прозрачного и контролируемого режима их обращения. В российском законодательстве нет прямого запрета на поиск и сбор метеоритов, что позволяет людям заниматься этим без соблюдения правовых норм. Согласно статье 1.2 Закона РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1, *«недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью»* [8]. Если метеорит обнаружен при пользовании недрами, то есть ниже почвенного слоя, он считается собственностью государства. Пользователи недр обязаны при его обнаружении приостановить работы и сообщить об этом органам, предоставившим лицензию (ст. 33 Закона «О недрах»).

Отсутствие обязательного уведомления государственных органов о находке и её регистрации создаёт лазейки для незаконного оборота. Кроме того, нет чёткого механизма контроля за продажей и перемещением метеоритов. Вывоз метеоритов за границу требует разрешения Минкультуры как для культурных ценностей, но на практике это требование часто нарушается. Например, в феврале 2026 года *«балтийские таможенники при сканировании морского контейнера в порту Санкт-Петербурга обнаружили осколок метеорита Алетай весом более 2,5 тонны»* [9]. Фрагмент пытались вывезти из Петербурга в Великобританию, задекларировав его как ландшафтную скульптуру. Экспертиза подтвердила, что это часть редкого железного метеорита, возраст которого около 4,5 млрд лет. По факту происшествия возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ (контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей). Также отсутствие обязанности передавать найденные метеориты в научные учреждения приводит к тому, что ценные образцы попадают в частные коллекции. В Российской империи закон 1898 года определял метеориты как государственную собственность: *«Метеориты подлежат передаче в Правительственные Музеи, и лицо, нашедшее метеорит, обязано либо само препроводить находку в Музей по своему выбору, либо сдать его кому-нибудь из чинов учебных ведомств либо местной администрации, указав в точности место находки»* [10]. Это ограничивает доступ исследователей к уникальным образцам, которые могли бы способствовать развитию науки. Ведь метеориты имеют огромную научную ценность, так как содержат информацию о ранних этапах формирования Солнечной системы, процессах в далёких звёздах и эволюции планетных тел. Утрата таких образцов для науки означает потерю возможности изучать внеземное вещество и расширять знания о Вселенной. Например, метеорит «Чёрная красавица», один из 75 известных метеоритов с Марса, был частично утрачен из-за действий «чёрных копателей», которые использовали сильные магниты при поиске осколков [11]. Это уничтожило данные о

магнитном поле Марса, которые могли бы дать учёным важную информацию о прошлом планеты.

Не менее значимым является тот факт, что на практике нередко реализуются обычные камни, выдаваемые за метеориты, что вводит покупателей в заблуждение. Отличить настоящий метеорит от подделки визуально сложно – космические тела часто похожи на руды или обычные металлы. Для точной идентификации требуется химический анализ в лаборатории. Мошенники используют ажиотаж вокруг метеоритных падений, чтобы продавать подделки. В интернете появляются объявления о продаже фрагментов якобы недавно упавших метеоритов, но часто это обычные камни, выдаваемые за космические объекты. Геммолог Алексей Туев отмечает, что *«отличить метеорит от обычного камня довольно сложно: космические тела очень похожи на руды и обычные металлы; визуально определить это никак нельзя, только с помощью химического анализа в лаборатории» [12]*.

Некоторые метеориты могут содержать опасные вещества, включая природные радиоактивные изотопы, что делает их хранение и обработку без специальных мер безопасности потенциально опасными для человека и окружающей среды. Отсутствие же чёткого и комплексного регулирования в этой сфере затрудняет координацию между научными учреждениями, коллекционерами и государственными органами, что снижает эффективность исследований, препятствует сохранению научно значимых образцов и осложняет контроль за их оборотом. Для преодоления указанных проблем требуется формирование системного нормативного подхода, включающего закрепление единого правового режима метеоритов, определение порядка приобретения права собственности, установление критериев их оборотоспособности с учётом специфики таких объектов, а также согласование норм различных отраслей права. Создание целостной модели регулирования позволит обеспечить баланс интересов государства и частных лиц, минимизировать риски незаконного оборота, утраты научно ценных материалов и распространения мошенничества, а также повысить эффективность государственного контроля и научного взаимодействия.

В российском праве отсутствует единое регулирование статуса метеорита как объекта гражданских прав. Хотя после падения он приобретает признаки вещи – материальность и определённое местонахождение, его правовая квалификация остаётся затруднённой из-за пробелов в законодательстве. Ныне действующие нормы лишь частично охватывают отдельные аспекты оборота метеоритов и не дают ответа на ключевые вопросы: когда возникает право собственности, как разграничить частную и государственную собственность, какие условия делают метеорит оборотоспособным. Это приводит к неопределённости, спорам о принадлежности и рискам незаконного оборота. Для устранения проблемы необходимо разработать системное регулирование: закрепить единый правовой режим метеоритов, определить порядок приобретения права собственности, установить критерии их оборотоспособности с учётом специфики и согласовать нормы разных отраслей права, обеспечив баланс интересов государства и частных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом организации Объединенных Наций (принята ООН 24.10.1970 г.)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

5. Кому принадлежит найденный метеорит. Космические гости: кому принадлежат найденные метеориты? – 2024. – URL: https://graph.org/Komu-prinadlezhit-najdennyj-meteorit-Kosmicheskie-gosti-komu-prinadlezhat-najdennye-meteority-07-28 (дата обращения: 21.02.2026).

6. Protection of Movable Cultural Heritage Act 1986: Act No. 11, 1986 as amended. – Compilation start date: 1 July 2014; includes amendments up to Act No. 62, 2014. – Canberra: Office of Parliamentary Counsel,

2014. – ComLaw Authoritative Act C2014C00597. – Prepared on 13 August 2014. – URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A03252/2024-03-20/text (дата обращения: 21.02.2026).

7. Метеорит в законе: грибы, клад или памятник / Collective of authors, VEGAS LEX. – 21 февраля 2013. – URL: https://www.vegaslex.ru/mobile/en/analytics/publications/62961/ (дата обращения: 21.02.2026).

8. О недрах: Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-I (в ред. от 29.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 16.04.1992. – № 16. – Ст. 834; Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.03.1995. – № 10. – Ст. 823; Российская газета. – 15.03.1995. – № 52.

9. Контрабанда космического уровня // Коммерсантъ. – 2026. – 5 февр. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8401388 (дата обращения: 28.02.2026).

10. Задатки Вселенной // Коммерсантъ. – 2008. – 18 авг. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1011194 (дата обращения: 28.02.2026).

11. Метеориты «забывают» прошлое. Как самый популярный метод поиска осколков небесных тел уничтожает научные данные // Сноб. – 2023. – 11 апр. – URL: https://snob.ru/science/meteority-zabyvayut-proshloe-kak-samyj-populyarnyj-metod-poiska-oskolkov-nebesnyh-tel-unichtozhaet-nauchnye-dannye/ (дата обращения: 28.02.2026).

12. Ювелиры обманывают россиян, втридорога продавая украшения под видом «метеоритного железа» // Life. – 2024. – 20 окт. – URL: https://life.ru/p/1696336 (дата обращения: 28.02.2026).

METEORITE AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

Annotation. The article analyses the legal status of meteorites in Russian civil law. Using formal-legal and comparative legal methods, their relationship with things, subsoil and cultural property is examined, as well as foreign regulatory models. Gaps in legislation have been identified that create uncertainty regarding ownership, ability to circulation and scientific access. The necessity of forming a unified legal regime for meteorites and establishing the procedure for their circulation is substantiated.

Keywords: meteorite, civil law, property rights, legal regime, ability to circulation.

Lykova K.V.
Scientific adviser: Vorobyeva O.R., assistant
Donetsk State University
E-mail: lykova_ksy@mail.ru

УДК 342.7

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДНР В КОНТЕКСТЕ ПОЛУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лыкова К.В.
Научный руководитель: Тимофеева А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется эволюция правового положения жителей Донецкой Народной Республики в контексте приобретения гражданства Российской Федерации после изменения государственно-территориального статуса региона. Анализ основан на сопоставлении двух механизмов приобретения гражданства – натурализации и оптации, применявшихся в разные периоды и при различных юридических условиях. Особое внимание уделяется правовым последствиям сочетания этих процедур, возникновению внутренней неоднородности статуса граждан, а также коллизиям, связанным с применением мер государственного контроля к лицам, получившим гражданство до 2022 года. На основе сравнительного анализа, включая опыт Республики Крым, выявляются ключевые проблемы действующего регулирования и обосновывается необходимость нормативного уточнения статуса жителей ДНР, получивших гражданство в порядке приема.
Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, гражданство Российской Федерации, натурализация, оптация, правовой статус.

Интеграция Донецкой Народной Республики (ДНР) в правовое пространство Российской Федерации после 2022 года характеризуется сочетанием двух различных механизмов приобретения гражданства Российской Федерации – натурализации и оптации. До изменения территориального статуса региона большинство жителей получали российское гражданство в порядке приема (натурализации), что предполагало индивидуальную процедуру, проверку оснований и возможность применения ряда мер государственного контроля, включая прекращение гражданства в исключительных случаях. После 2022 года значительная часть населения приобрела гражданство РФ по модели оптации, традиционно применяемой при изменении государственной принадлежности территории. Сочетание таких механизмов создает прецедент в современной российской правовой практике, поскольку одно и то же население оказалось охвачено разными юридическими режимами приобретения гражданства. Для оценки последствий данной ситуации необходимо рассмотреть специфику институтов натурализации и оптации в сравнительном аспекте.

Для понимания правовой природы оптации и ее последствий следует обратиться к нормативной базе, регулирующей включение ДНР в состав Российской Федерации. Основополагающее значение в этом процессе имеет Федеральный Конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики». Согласно ч. 1 ст. 5 данного закона, со дня принятия Донецкой Народной Республики в Российскую Федерацию ее жители, а также граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на территории ДНР, признаются гражданами Российской Федерации при условии принесения Присяги гражданина РФ [1]. Эта норма закрепляет механизм оптации, предусматривающий автоматическое приобретение гражданства в связи с изменением государственной принадлежности территории. Закрепленный механизм носит автоматический и территориально обусловленный характер. Однако, поскольку до 2022 года значительная часть населения уже получила гражданство в порядке приема, внутри одной социальной группы сформировалась правовая неоднородность. В этих условиях особое значение приобретает анализ оптации как правового института, ее содержания и последствий для статуса жителей ДНР.

Для раскрытия сущности оптации считаем необходимым обратиться к ее теоретико-правовой характеристике. Как отмечают В. Л. Рассказов и К. Ю. Гальченко, «оптация предполагает выбор гражданства лицом, проживающим на определенной территории, государственная принадлежность которой была изменена» [2]. Ключевая особенность оптации заключается в ее связи с территориальными трансформациями и необходимостью обеспечить правовой определенности статуса населения в условиях смены суверенитета. В отличие от индивидуальных процедур приобретения гражданства, оптация ориентирована на массовое включение жителей территории в правовое пространство нового государства, выступая инструментом стабилизации правового режима.

В научной литературе подчеркивается комплексный характер оптации, сочетающей нормы международного и национального права. Как отмечает Б. М. Суханов, оптация как основание приобретения российского гражданства должна быть предусмотрена не только национальным, но и международным законодательством, так как право на выбор гражданства определяется договоренностью государств, имеющей взаимный и двухсторонний характер [3, с. 44]. Это позволяет рассматривать оптацию не только как внутренний механизм, но и как инструмент международно-правового урегулирования. В условиях изменения суверенитета она обеспечивает непрерывность правового статуса личности, предотвращая апатридию и обеспечивая интеграцию населения в правовую систему нового государства.

Применительно к ДНР оптация приобрела специфические черты, обусловленные особенностями переходного периода. Автоматический характер признания гражданства (при условии принесения Присяги), отсутствие индивидуальной проверки оснований и территориальный критерий свидетельствуют об адаптации классической модели оптации к условиям масштабной трансформации статуса региона. Такая модификация обеспечивает правовую определенность, однако порождает вопросы соотношения данного механизма с ранее действовавшей процедурой натурализации.

До изменения государственного статуса региона основным способом получения гражданства Российской Федерации жителями ДНР являлась натурализация. Как отмечают А. Е. Мун и Д. В. Кононенко, «натурализация – это способ приобретения гражданства в обычном (естественном, законном) порядке на основе добровольного соглашения получателя гражданства» [4]. В то же время подчеркивается сложность и многоэтапность процесса, направленного на проверку степени интеграции иностранца в правовое и социальное пространство государства.

Ж. И. Овсепян определяет натурализацию как своеобразный «тест на совместимость, представляющий собой совокупность условий, требований, цензов, процедур, которым должно соответствовать лицо для того, чтобы быть принятым в гражданство (подданство) какого-либо государства» [5]. Центральным элементом процедуры выступает домицилий – требование длительного проживания на территории государства, рассматриваемое как показатель реальной включенности заявителя в общественные отношения.

Применительно к жителям ДНР до 2022 года натурализация означала прохождение всех установленных законодательством этапов: подтверждение законности проживания, владение русским языком, наличие источника средств к существованию, отсутствие судимости и иных препятствующих обстоятельств. Заявитель обязан был представить полный пакет документов и пройти проверку в органах внутренних дел.

В результате правовой статус лиц, получивших гражданство в порядке натурализации, формировался в условиях строгой административной регламентации и персональной оценки. Связь с Российской Федерацией закреплялась не автоматически, а через подтвержденную готовность интегрироваться в систему государства, что придавало их статусу выраженный индивидуальный характер.

Различия в механизмах приобретения гражданства отразились на правовом положении жителей ДНР, сформировав специфическую структуру их статуса.

Изменение государственного суверенитета произошло в условиях, когда значительная часть населения уже завершила правовую интеграцию в рамках прежнего порядка. В результате в регионе сформировалась группа лиц, обладающих гражданством РФ, но получивших его на разных основаниях и при соблюдении различных требований.

Далее рассмотрим ситуацию, связанную с применением мер государственного контроля к лицам, получившим гражданство в порядке натурализации до 2022 года. В соответствии с Федеральным законом от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ст. 22, 24) если лицо получило гражданство РФ в порядке приема и совершило особо тяжкое преступление (убийство, терроризм, экстремизм и др.), его гражданство может быть прекращено (аннулировано). Нарушение условий предоставления гражданства влечет прекращение гражданства и последующее выдворение или депортацию.

Однако применительно к жителям ДНР, прошедшим натурализацию до 2022 года, возникает правовая коллизия. До принятия Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации данная территория рассматривалась российским правом как иностранное государство. После вступления в силу Федерального конституционного закона от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» она стала субъектом Российской Федерации. В ст. 5 ФКЗ № 5-ФКЗ указано, что гражданство жителей ДНР признается приобретенным по механизму оптации только с момента принятия республики в состав РФ. Следовательно, лица, получившие гражданство ранее, юридически продолжают считаться натурализованными гражданами, «страна происхождения» которых находится внутри российской юрисдикции.

Это создает парадоксальную ситуацию: закон допускает прекращение гражданства и депортацию таких лиц, но фактически исполнить решение о депортации невозможно, поскольку территория их прежнего проживания утратила статус иностранного государства. Данная правовая неопределенность демонстрирует, что различия в механизмах приобретения гражданства порождают противоречия в правоприменении, требующие адаптации законодательства к новым территориальным реалиям.

Для более полного понимания специфики ситуации целесообразно обратиться к опыту Республики Крым. В Крыму не возникло проблемы существования значительной группы лиц, получивших гражданство РФ до изменения государственного статуса территории. До 2014 года полуостров не входил в состав Российской Федерации, и его жители не могли массово получать российские паспорта, проживая на этой территории. Поэтому законодатель применил единый механизм признания гражданства.

В Федеральном конституционном законе от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ст. 4 ч.1) закреплено, что граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, признаются гражданами Российской Федерации, за исключением лиц, заявивших о желании сохранить иное гражданство либо остаться лицами без гражданства» [6]. Процедура носила массовый и автоматический характер [7].

Ситуация в ДНР развивалась принципиально иначе. С 2019 года действовал Указ Президента РФ от 24.04.2019 № 183, предоставивший жителям ДНР и ЛНР право на упрощенное получение гражданства РФ. В результате десятки тысяч жителей ДНР получили российские паспорта до 2022 года, когда республика еще рассматривалась как

иностранное государство. После принятия ДНР в состав Российской Федерации в 2022 году законодатель установил, что гражданство признается по механизму оптации только с момента включения в состав РФ. Это прямо закреплено в Федеральном конституционном законе от 04.10.2022 № 5-ФКЗ.

Проведенный анализ показывает, что правовое регулирование гражданства на территории ДНР сформировалось в условиях, отличных от иных случаев изменения государственного суверенитета, что привело к внутренней неоднородности статуса жителей.

С учетом выявленной коллизии представляется необходимым нормативное уточнение статуса жителей ДНР, получивших гражданство в порядке натурализации до 2022 года. Целесообразно закрепить в законодательстве специальную норму, устраняющую разрыв между прежним порядком приема в гражданство и последующим изменением статуса региона.

Предлагается дополнить Федеральный Конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ следующим положением: «Граждане Донецкой Народной Республики, граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на территории Донецкой Народной Республики до ее принятия в состав Российской Федерации и получившие гражданство Российской Федерации в порядке приема, признаются гражданами Российской Федерации на тех же основаниях и в том же объеме прав и обязанностей, что и лица, приобретшие гражданство Российской Федерации в результате признания по пункту 1 настоящей статьи».

Введение подобной формулировки позволит устранить правовую неопределенность, исключить возможность применения мер, фактически неисполнимых в новых условиях, и обеспечить единый, стабильный правовой статус для всех жителей региона.

Правовое положение жителей ДНР после 2022 года сформировалось под воздействием двух последовательно примененных механизмов приобретения гражданства, что создало уникальную для российской практики ситуацию. Сочетание натурализации, осуществлявшейся в условиях прежнего государственного статуса, и последующей оптации обусловило внутреннюю неоднородность статуса граждан и породило ряд правовых последствий, не предусмотренных действующим законодательством. Выявленные особенности свидетельствуют о необходимости дальнейшего нормативного уточнения, направленного на устранение противоречий и обеспечение единообразия правового положения всех жителей ДНР в рамках правовой системы Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 28.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 05.10.2022.

2. Рассказов, В. Л. Оптация как основание приобретения гражданства Российской Федерации / В. Л. Рассказов, К. Ю. Гальченко // Вестник экономики и права. – 2024. – № 98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optatsiya-kak-osnovanie-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.02.2026). – Загл. с экрана.

3. Суханов Б. М. Основания приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации // Мавлютовские чтения: материалы XIV Всероссийской молодежной научной конференции: в 7 т. Уфа, 2020. С. 40–46.

4. Мун, А. Е. Натурализация как способ приобретения гражданства в зарубежных странах / А. Е. Мун; науч. рук. Д. В. Кононенко // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://moluch.ru/archive/416/92137 (дата обращения: 15.02.2026). – Загл. с экрана.

5. Овсепян, Ж. И. Филиация и натурализация как ключевые категории конституционно-процессуального института возникновения и прекращения гражданства / Ж. И. Овсепян // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/filiatsiya-i-naturalizatsiya-kak-klyuchevye-kategorii-konstitutsionno-protsessualnogo-instituta-vozniknoveniya-i-prekrascheniya (дата обращения: 15.02.2026). – Загл. с экрана.

6. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 30.11.2024) // Российская газета. – 24.03.2014. – № 66; Официальный интернет-портал правовой информации. – 21.03.2014; Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.03.2014. – № 12. – Ст. 1201.

7. Совфед одобрил закон о вхождении Крыма и Севастополя в состав России // Российская газета. – 2014. – URL: https://rg.ru/2014/03/21/sovfed-anons.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.02.2026).

THE EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF DPR RESIDENTS IN THE CONTEXT OF OBTAINING RUSSIAN CITIZENSHIP: A COMPARATIVE ANALYSIS OF NATURALISATION AND OPTATION AND THEIR CONSEQUENCES

Annotation. The article examines the evolution of the legal status of residents of the Donetsk People's Republic in the context of acquiring citizenship of the Russian Federation after the change in the state-territorial status of the region. The analysis is based on a comparison of two mechanisms of acquiring citizenship –naturalization and option –which were applied in different periods and under varying legal conditions. Particular attention is given to the legal consequences of combining these procedures, the emergence of internal heterogeneity in citizens' status, and the conflicts associated with the application of state control measures to individuals who obtained citizenship before 2022. Based on a comparative analysis, including the experience of the Republic of Crimea, the article identifies key problems in the current regulatory framework and substantiates the need for normative clarification of the status of DPR residents who acquired citizenship through the admission procedure.

Keywords: Donetsk People's Republic, citizenship of the Russian Federation, naturalisation, optation, legal status.

Lykova K.V.
Scientific adviser: Timofeeva A.A., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: lykova_ksy@mail.ru

УДК 346.2

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Макаренко Д.Д.
Научный руководитель: Еременко Л.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДГУЮ»

Аннотация. В данной работе осуществлен комплексный анализ гражданско-правовых аспектов определения субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на основе исторических, правовых и системных подходов. Используя методы исторического и статистического анализа, сравнительно-правового исследования и логического толкования, автор очерчивает эволюцию гражданско-правового регулирования, классификационные критерии и проблемы законодательной формулировки рассматриваемого понятия. По результатам исследования обоснована целесообразность внесения изменений в пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ с целью его соответствия существующей на сегодняшний день классификации субъектов малого и среднего предпринимательства и повышения эффективности государственной поддержки и гражданско-правового регулирования.
Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, субъекты, малое и среднее предпринимательство, критерии классификации, правовая природа.

Вступление. Согласно данным Министерства экономического развития Российской Федерации, к концу 2025 года количество малых и средних предприятий на территории Российской Федерации превысило 6,7 миллионов, отразив значительное развитие рассматриваемого сегмента экономической инфраструктуры [12]. Отмеченные данные свидетельствуют об усилении роли малого и среднего предпринимательства в формировании конкурентной среды, обеспечении занятости населения и стимулировании инновационной активности. В то же время количественный рост субъектов хозяйствования не устраняет имеющихся проблем их правовой идентификации, в частности в сфере гражданско-правового определения критериев отнесения их к категории субъектов малого и среднего предпринимательства.

Действующее законодательство устанавливает формализованные критерии классификации таких субъектов по численности работников и размеру дохода, а также предусматривает их обязательное включение в соответствующий реестр. Однако, в научной доктрине сохраняется дискуссионность относительно содержания самого понятия «субъект малого и среднего предпринимательства», соотношения его с категориями «хозяйствующий субъект» и «предприятие», а также относительно достаточности законодательно закрепленных признаков для полной гражданско-правовой характеристики соответствующей группы лиц. Существующие научные подходы к формулированию содержания гражданско-правового понятия «субъектов малого и среднего предпринимательства» существенно различаются, затрудняя создание единой нормативно-правовой базы и внедрение эффективных механизмов государственной поддержки.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования нормативного определения субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом современных социально-экономических условий и тенденций развития предпринимательской деятельности. Рассмотрение гражданско-правовых особенностей определения субъектов малого и среднего предпринимательства позволит сформулировать обоснованные предложения по оптимизации законодательного регулирования и повышению эффективности государственной поддержки данного сектора экономики.

Целью работы является исследование гражданско-правовых особенностей определения субъектов малого и среднего предпринимательства.

Основная часть. Полноценное исследование гражданско-правовых особенностей определения субъектов малого и среднего предпринимательства невозможно без обращения к историческим этапам становления и развития гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности. Именно историческая динамика формирования гражданско-правовых подходов к определению статуса, критериев и организационно-правовых форм субъектов малого и среднего предпринимательства заложила основу современного законодательства в данной сфере.

Закрепление гражданско-правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства на законодательном уровне происходило от этапа нормативного закрепления базовых принципов хозяйственной самостоятельности до формирования комплексного механизма государственной поддержки и регулирования. Каждый исторический период привносил новые правовые конструкции, уточнял критерии отнесения субъектов к категории малого или среднего предпринимательства, а также определял границы их гражданской правосубъектности. Поэтому, гражданско-правовая характеристика субъектов малого и среднего предпринимательства неразрывно связана с первостепенным рассмотрением процесса формирования и закрепления соответствующих правовых норм в отечественном законодательстве.

Начала правового регулирования предпринимательской деятельности в России восходят к периоду Древней Руси, когда формировались первые представления о порядке осуществления торговли, вводилась ответственность за нарушение обязательств и провозглашалась защита имущественных прав. В XI веке появились правовые нормы, устанавливавшие порядок имущественного обращения [11, с. 36]. Порядок регулирования торговых отношений определялся положениями сборника правовых норм «Русская правда» (начиная с 1016 года) (статья 48). Таким образом, уже на ранних этапах государственности прослеживается стремление упорядочить хозяйственные связи и обеспечить правовые гарантии всем участникам экономической деятельности.

Предпринимательская деятельность в рассматриваемый период имела преимущественно ремесленный и кустарный характер. Производство было сосредоточено в рамках отдельных хозяйств или небольших мастерских и ориентировалось, прежде всего, на удовлетворение внутренних потребностей местного населения. Торговля, хотя и развивалась (в частности на междугороднем и международном уровнях), все же не приобрела массового промышленного масштаба. Учитывая это, хозяйственную деятельность того времени можно условно определить как малое предпринимательство в современном понимании: характеризовался небольшими объемами производства, ограниченным кругом потребителей и тесной связью с местным обществом. Именно в таких исторических условиях закладывались основы правового регулирования предпринимательства, которые в дальнейшем развивались и усложнялись вместе с преобразованием экономических отношений и государственных институтов.

Постепенное формирование более дифференцированной правовой системы, закладывающей основы для гражданско-правового регулирования малого предпринимательства, произошло с переходом к периоду Российской империи XIX века. Так, принятое в 1898 году «Положение о государственном промышленном налоге» ознаменовало начало системного государственного гражданско-правового регулирования и поддержки малого предпринимательства в Российской империи, создавав ряд льгот для малых предприятий, снизив налоговую нагрузку и способствовав активизации предпринимательской деятельности. Положение о государственном промышленном налоге первые определило в Российской империи подходы к классификации предприятий по размеру и характеру деятельности (статья 1) [10, с. 12].

Как отмечает В. В. Никулин, в советский период (1917-1991 годы) произошел существенный перелом гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности. Государственная идеология и плановая экономика преобразовали институт частного предпринимательства, исключив его из системы экономических отношений, снизив роль и влияние частного сектора в хозяйственной деятельности и закрепив преобладание государственной формы собственности и централизованного планирования [8, с. 74].

С началом переходного периода и проведением реформ в 1990-х годах возобновилась деятельность частных субъектов хозяйствования. В данный период были заложены основы современного гражданско-правового регулирования малого и среднего предпринимательства. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25.12.1990 N 445-1 впервые закрепил право физических и юридических лиц на предпринимательскую деятельность [4].

Затем, с принятием Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ были заложены системные гражданско-правовые основы функционирования малого и среднего предпринимательства [2]. Нормативный правовой акт упорядочил правовое поле, единообразно обозначив статус субъектов предпринимательства, их права и обязанности, а также принципы взаимодействия с государством. Законодатель предоставил толкование ключевых терминов, применяемых в сфере поддержки предпринимательства, способствовав единому пониманию правовых норм и их практическому применению. Отдельное внимание было уделено определению критериев отнесения хозяйствующих субъектов к категории малых или средних по показателям численности работников и объемов дохода. Кроме того, были закреплены механизмы государственной поддержки, в том числе и финансовые, имущественные, информационные и консультационные инструменты. В результате была создана комплексная правовая основа для стимулирования развития предпринимательской деятельности и повышения экономической активности на территории Российской Федерации.

Неотъемлемым звеном исторического развития гражданско-правового законодательства о регулировании малого и среднего предпринимательства является также принятие нормативных актов Президента Российской Федерации на федеральном уровне, учитывающих локальные особенности предпринимательской деятельности и способствующих формированию эффективных механизмов поддержки в различных субъектах Российской Федерации.

Неотъемлемой составляющей гражданско-правового регулирования малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации является формирование и развитие нормативно-правовой базы на федеральном уровне, в частности путем принятия актов главы государства. Акты Президента Российской Федерации играют ключевую роль в определении стратегических ориентиров государственной политики, направленной на обеспечение устойчивого функционирования и институционального укрепления субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом специфики социально-экономического развития отдельных территорий. Такой подход позволяет совместить единые федеральные стандарты правового регулирования с необходимостью учета региональных особенностей осуществления предпринимательской деятельности.

Так, изданным Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 N 309 были определены стратегические приоритеты государственной политики, в том числе в части совершенствования институциональной среды малого и среднего предпринимательства [1]. Указанный акт закрепляет ориентиры по повышению роли предпринимательской инициативы в структурной трансформации экономики и

предусматривает реализацию комплекса мероприятий в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Данный механизм программного регулирования способствует систематизации мероприятий государственной поддержки, обеспечению доступа субъектов хозяйствования к финансовым, информационным и консультационным ресурсам.

Ключевое значение для надлежащего функционирования всей системы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства имеет четкое гражданско-правовое определение круга субъектов малого и среднего предпринимательства. В соответствии с пунктом 1 статьи 3 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ, такими субъектами признаются хозяйствующие субъекты, соответствующие установленным законом критериям и включенные в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. В то же время законодатель предоставляет широкое толкование понятия «хозяйствующий субъект», охватывая им как юридических лиц, так и физических лиц – индивидуальных предпринимателей. Именно указанные категории лиц и формируют институциональную основу малого и среднего предпринимательства, обеспечивая реализацию принципов свободы предпринимательской деятельности, конкуренции и равенства участников гражданского оборота в пределах единого правового пространства Российской Федерации.

Рассмотрение субъектов малого и среднего предпринимательства невозможно без правового анализа учета положений статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ, определяющей юридическое лицо как организацию, имеющую обособленное имущество и отвечающую по своим обязательствам [3]. Исходя из этого, субъекты малого и среднего предпринимательства составляют специфическую группу, которая характеризуется соответствием определенным в отечественном гражданско-правовом законодательстве критериям, отличающим ее от других форм предпринимательской деятельности.

Таким образом, можно выделить следующие критерии гражданско-правовой классификации субъектов малого и среднего предпринимательства:

а) по правовому статусу субъекта: юридическое лицо или физическое лицо-индивидуальный предприниматель;

б) по организационно-правовой форме хозяйствующих субъектов: хозяйственные общества, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, а также индивидуальные предприниматели;

в) по численности работников: микропредприятия (не более 15 человек), малые предприятия (до 100 работников), средние предприятия (до 250 работников;

г) по уровню дохода: микропредприятия (предельный доход за предыдущий год не превышает 120 миллионов рублей), малые предприятия (до 800 миллионов рублей), средние предприятия (до 2 миллиардов рублей).

С учетом вышеизложенного следует констатировать, что в современной гражданско-правовой научной доктрине сформировалось несколько концептуальных подходов к определению понятия «субъектов малого и среднего предпринимательства», которые отражают как законодательное, так и доктринальное видение их правовой природы. Значительная часть авторов исходит из приоритета действующего законодательного регулирования, рассматривая его как достаточную основу для идентификации соответствующей категории участников предпринимательской деятельности. В Частности, А. Ю. Дмитриева поддерживает позицию, согласно которой определение, закрепленное в пункте 1 статьи 3 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ, является системно завершенным и охватывающим совокупность существенных

признаков, необходимых для отграничения субъектов малого и среднего предпринимательства от других участников хозяйственной деятельности. По убеждению других авторов, законодательная конструкция содержит достаточные критерии количественного и организационного характера, обеспечивающие правовую определенность [6, с. 103; 9, с. 165].

В то же время в научной среде высказывается и критический подход к действующей дефиниции. Так, А. А. Бирич обращает внимание на условность применения категории «предприятие» в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, предполагая с одной стороны, их самостоятельность, а с другой – необходимость формирования более точной законодательной формулировки во избежание неоднозначности трактования [5, с. 19-20]. Подобную позицию занимает и И. В. Ершова, предлагая исключить из текста законодательного определения термины «хозяйствующий субъект» и «предприятие» или же обеспечить их нормативное уточнение непосредственно в законе, с целью повышения уровня юридической определенности и системности гражданско-правового регулирования субъектов малого и среднего предпринимательства [7, с. 3-4].

Следовательно, современное гражданско-правовое определение «субъектов малого и среднего предпринимательства» должно основываться на их юридических характеристиках, соответствии установленным критериям и обязательному внесению их в реестр – именно этим обеспечивается их правовой статус и возможность государственной поддержки в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации. Поэтому, формирование определения рассматриваемого понятия позволит повысить эффективность государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства и способствовать их устойчивому развитию.

Выводы. Малое и среднее предпринимательство является системной составляющей современной экономической инфраструктуры Российской Федерации, характеризующейся относительной независимостью, инновационной активностью и высокой динамичностью развития, а его субъектами выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые соответствуют установленным законодательством критериям по численности работников, доходам и активам, и внесены в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Анализируя особенности субъектов малого и среднего предпринимательства, важно подчеркнуть, что их классификация по признакам численности работников и дохода является ключевой для определения правового статуса и доступа к государственной поддержке. В то же время, различные категории субъектов имеют свои особенности в гражданско-правовом режиме, объеме поддержки и механизмах регулирования.

Учитывая внутреннюю многомерность и институциональное разнообразие субъектов малого и среднего предпринимательства в Российская Федерация, проявляющееся в различиях их организационно-правовых форм, структур собственности, масштабов хозяйственной деятельности и функционального назначения, возникает объективная потребность в совершенствовании нормативного определения соответствующей категории. Действующая редакция Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ не в полной мере отражает современную эволюцию предпринимательской среды, в рамках которой происходит обновление критериев отнесения субъектов хозяйствования к сектору малого и среднего предпринимательства, а также усложнение механизмов их государственной поддержки. Поэтому, представляется целесообразным внесение изменений в пункт 1 статьи 3 Закона путем его изложения в новой редакции. Предложенная формулировка позволяет совместить формально-юридические критерии идентификации субъектов с их фактическим включением в институциональное

пространство государственной поддержки, имеющее принципиальное значение для обеспечения гражданско-правовой определенности.

В новой редакции пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ целесообразно изложить следующим образом:

«*1) субъекты малого и среднего предпринимательства – это юридические лица и физические лица-индивидуальные предприниматели, соответствующие определенным Законом критериям относительно размеров доходов, численности работников и активов, и внесенные в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства с целью реализации предпринимательской деятельности и участия в программах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 13.05.2024. – № 20. – Ст. 2584.

2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 30.07.2007. – № 31. – Ст. ст. 3, 4.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 1994. – № 32. – Ст. 48.

4. О предприятиях и предпринимательской деятельности: Закон РСФСР от 25.12.1990 N 445-1 (ред. от 30.11.1994) (утратил силу) // «Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР». – 27.12.1990. – № 30. – Ст. 418.

5. Бирич, А. А. Понятие малого и среднего предпринимательства / А. А. Бирич / Право и управление. – 2023. – № 1. – С. 18-21.

6. Дмитриева, А. Ю. Понятие субъектов малого и среднего предпринимательства и критерии отнесения к ним / А. Ю. Дмитриева // Вестник магистратуры. – 2017. – № 10 (73). – С. 102-104.

7. Ершова, И. В. Правовое регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства лекция в рамках учебной дисциплины "государственная поддержка малого и среднего бизнеса" магистерской программы "Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)") / И. В. Ершова // Право и бизнес. – 2013. – № 2. – С. 3-17.

8. Никулин, В. В. Государство и частник. Государственно-правовое регулирование частного предпринимательства в условиях новой экономической политики (1921-1930): Государственно-правовое регулирование частного предпринимательства в условиях новой экономической политики (1921-1930): монография: / В. В. Никулин. – Москва: Юстицинформ, 2024 (Москва). – 345 с.

9. Горький, А. С. Правовое регулирование малого и среднего инновационного предпринимательства / А. С. Горький // Образование и право. – 2025. – № 2. – С. 166-170.

10. Россия. Законы и постановления. Положение о государственном промысловом налоге: Новый торговый и промышленный устав: (Собр. узаконений и распоряжений Правит. № 76. 27 июня 1898 г.). – Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: тип. И. М. Комелова, 1898. – 80 с.

11. Русская правда. "Правда Русская": Учеб. пособие: Утв. ВКВШ при СНК СССР в качестве учеб. пособия для историч. фак-тов, ун-тов и пед. ин-тов / [Отв. ред. акад. Б. Д. Греков]; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1940 (Ленинград). – 112 с.

12. Численность малых и средних предприятий в России обновила рекорд и превысила 6,7 млн // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislennost_malyh_isrednih_predpriyatiy_vrossii_obnovila_rekord_iprevysila_67_mln.html?ysclid=mhrv0svok0246050460 (дата обращения: 10.02.2026). – Загл. с экрана.

CIVIL LAW FEATURES OF THE DEFINITION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Annotation. This paper provides a comprehensive analysis of the civil law aspects of defining small and medium-sized businesses in the Russian Federation based on historical, legal and systemic approaches. Using the methods of historical and statistical analysis, comparative legal research and logical interpretation, the author outlines the evolution of civil law regulation, classification criteria and problems of legislative formulation of the concept under consideration. Based on the results of the study, the expediency of amending paragraph 1 of Article 3 of the Federal Law "On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation" dated

07/24/2007 No. 209-FZ is substantiated in order to comply with the current classification of small and medium-sized businesses and increase the effectiveness of state support and civil law regulation.
Keywords: civil law regulation, subjects, small and medium-sized enterprises, classification criteria, legal nature.

Makarenko D.D.
Scientific adviser: Eremenko L.V. Candidate of Law, Associate Professor,
Donbass State University of Justice
E-mail: danil.makarekno@yandex.com

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Малиновская И.А.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация/ Обосновано, что для оптимизации процедур рассмотрения споров в арбитражных судах в условиях реформирования особое значение имеет внедрение упрощенной процедуры, основанной на взаимодействии стороны процесса и суда с использованием сети Интернет, которая может быть использована при рассмотрении споров до 300 тысяч руб. между юридическими лицами и до 100 тысяч руб. между предпринимателями, а также, когда требования истца основаны на документах, которые подтверждают признание ответчиком требований.

Ускорение рассмотрения дел и снижение нагрузки на суды связано с внедрением упрощённыз процедур в арбитражном производстве России и Беларуси. Данные процедуры могут косвенно способствовать противодействию коррупции за счёт минимизации возможностей для злоупотреблений, связанных с затягиванием процессов и человеческим фактором. Повышению прозрачности рассмотрения дел способствует также совершенствование форм фиксации хода судебных заседаний в арбитражных судах с использованием аудио- и видеозаписи, а также внедрение форм контроля служебной связи в суде.

Ключевые слова: арбитражный суд, реформирование, противодействие коррупции, конфликт интересов, арбитражный суд, административно-правовое регулирование, правовой статус

Актуальность темы исследования определяется комплексом насущных административно-правовых проблем, связанных с деятельностью арбитражных судов.

Важность и необходимость исследования правового обеспечения деятельности арбитражных судов предопределена тем, что она является составной частью деятельности судебной системы в целом, способствуя росту ее авторитета и формированию общественного мнения относительно судебного рассмотрения дел, относительно возможности защитить главные ценности человека – права и свободы, защита которых является одной из приоритетных обязанностей государства.

Россия все больше интегрируется в евразийские политико-правовые и экономические институты. И это требует приведения всей системы законодательства в соответствие с евразийскими стандартами.

Всё это даёт основание рассматривать проблему административно-правового обеспечения деятельности арбитражных судов как актуальную научную задачу, представляющую существенное научное и практическое значение для совершенствования отечественного административного смежных с ним отраслей законодательства, а также правоохранительной практики.

Указывая на необходимость исследования теоретических и практических вопросов административно-правового обеспечения деятельности арбитражных судов, можно отметить, что различные аспекты данной деятельности исследовались раннее.

К числу ученых, затрагивающих в той или иной мере вопросы противодействия коррупции, относятся такие российские и белорусские учёные как А. Э. Банлуева, С.П.Беседина, Д.Е. Голошумов, Г.Ю.Кулик, Е.В.Михайлова, М.С.Носенко и другие.

В то же время, в данных работах комплексно проблема анализа административно-правового обеспечения деятельности арбитражных судов на уровне монографий и самостоятельных диссертационных работ не изучалась. Это обстоятельство обусловливает необходимость проведения теоретических исследований данной проблемы.

Цель исследования–выполнить анализ норм действующего законодательства, касающихся административно-правового регулирования деятельности арбитражных

судов Российской Федерации и Республики Беларусь, разработка теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования деятельности арбитражных судов, соответствующим современным экономическим и социальным интересам общества.

В 2026 году в России и Беларуси произошли значимые изменения в системах арбитражных и экономических судов, направленные на повышение эффективности правосудия в экономической сфере [1,2].

С 1 января 2026 года вступили в силу поправки в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ), расширяющие компетенцию арбитражных судов. Минюст России предложил отнести к их исключительной подсудности экономические споры в сфере интеллектуальной собственности, стороной в которых является физическое лицо. Это касается дел о защите исключительных прав на:

–программы для ЭВМ;

– базы данных;

– изобретения, полезные модели, промышленные образцы;

– топологии интегральных микросхем;

– ноу-хау;

– товарные знаки, знаки обслуживания, географические указания и наименования мест происхождения товаров.

Ранее такие споры, если одной из сторон было физлицо, рассматривались судами общей юрисдикции. Теперь они полностью переходят в компетенцию арбитражных судов, что должно повысить качество рассмотрения дел, связанных с предпринимательской деятельностью и коммерциализацией интеллектуальной собственности.

Поправки также предусматривают исключение из АПК РФ положений о праве использования результата интеллектуальной деятельности в составе единой технологии в связи с признанием утратившей силу гл. 77 ГК РФ.

Дела и жалобы, принятые к производству судами общей юрисдикции до вступления поправок в силу, должны рассматриваться по правилам, действовавшим на день их принятия.

В Беларуси начал с 1 января 2026 года работу Апелляционный экономический суд. Это стало частью масштабной судебной реформы, связанной с введением нового Кодекса гражданского судопроизводства, который объединил Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы. Основные изменения:

Трёхзвенная система экономических судов. Теперь система включает:

– суды первой инстанции (областные экономические суды и Экономический суд города Минска);

– апелляционную инстанцию (Апелляционный экономический суд);

– надзорную инстанцию (Верховный Суд Республики Беларусь).

Компетенция апелляционного экономического суда:

–рассмотрение в апелляционном порядке жалоб на решения судов первой инстанции;

–рассмотрение в качестве суда первой инстанции споров между административно-территориальными единицами, дел, содержащих государственные секреты, и иных дел, отнесённых к его подсудности;

–кассационное рассмотрение жалоб на вступившие в силу судебные постановления;

–пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам;

–надзор за деятельностью нижестоящих судов, изучение и обобщение судебной практики.

Суд сформирован за счёт судей и работников аппаратов иных судов без увеличения общего числа должностей. В его составе образованы президиум, апелляционная судебная коллегия, судебная коллегия по рассмотрению гражданских дел и по делам об административных правонарушениях. Апелляционный экономический суд оснащен современными аудиовизуальными системами для фиксации судебных процессов.

В период с 2024 по 2026 год в системе арбитражных судов РФ происходили значительные изменения, направленные на повышение эффективности судопроизводства, снижение нагрузки на судей и развитие альтернативных способов разрешения споров [3,с. 32]. Основные реформы касались процессуального законодательства, процедур банкротства, цифровизации и внедрения внесудебных механизмов [4,с.198].

С 5 января 2024 года вступили в силу поправки, внесённые Федеральным законом от 25 декабря 2023 года №667-ФЗ. В частности произошло расширение сферы упрощённого и приказного производства. Сумма требований для приказного производства увеличена с 500 тыс. до 750 тыс. рублей, для упрощённого производства – с 400 тыс. до 600 тыс. рублей для ИП и с 800 тыс. до 1,2 млн. рублей для организаций. В упрощённое производство включены дела о взыскании взносов членами некоммерческих организаций.

Упрощенное производство – особый порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 29 АПК РФ. К делам, указанным в пунктах 3 и 4 статьи 227 АПК РФ, относятся дела об административных правонарушениях, рассматриваемые в порядке упрощенного производства. Целью введения упрощенных процедур в арбитражное разбирательство является процессуальная экономия денежных средств и времени арбитражных судов и участников арбитражного разбирательства при неоспоримости требований. Но при этом должны быть выполнены все задачи судопроизводства арбитражного суда, указанные в статье 2АПК РФ, и соблюдены основные принципы арбитражного процесса.

Порядок рассмотрения дел в упрощенном порядке имеет свои особенности, в частности, рассмотрение происходит без вызова сторон после истечения сроков, установленных судом для представления доказательств и иных документов, кроме того, предварительное судебное заседание не проводится.

Согласно разъяснению Президиума ВС РФ бесспорными применительно к части 1 статьи 226 АПК РФ следует считать требования, основанные на документах, подтверждающих имущественные обязательства ответчика и неисполнение им этих обязательств, либо требования, признанные ответчиком.

Упрощённые процедуры в арбитражном производстве России и Беларуси направлены на ускорение рассмотрения дел и снижение нагрузки на суды. Они могут косвенно способствовать противодействию коррупции за счёт минимизации возможностей для злоупотреблений, связанных с затягиванием процессов и человеческим фактором.

В России упрощённое производство регулируется главой 29 Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ). Оно предполагает рассмотрение дела без проведения судебного заседания на основе письменных материалов.

Особенности рассмотрения данной категории дел состоят в том, что дело рассматривает судья единолично, срок рассмотрения дела составляет не более 2 месяцев,с даты поступления иска, однако если суд назначает заседание, срок увеличивается до 3 месяцев. Решение сначала выносится в резолютивной части, мотивированное решение можно запросить в течение 5 дней после размещения резолютивной части на сайте суда.

Упрощённое производство снижает риск затягивания дела и манипуляций с процессуальными сроками, что может уменьшать возможности для коррупционных

схем, связанных с затягиванием процесса или давлением на суд. Однако отсутствие судебного заседания и ограниченного контроля за представлением доказательств потенциально может создавать условия для принятия решений на основе неполных данных, что требует строгого соблюдения правил представления документов.

В Беларуси упрощённое производство регулируется Кодексом гражданского судопроизводства (КГС РБ). Оно также предполагает рассмотрение дела без судебного заседания и вызова сторон, если обстоятельства очевидны и подтверждаются письменными документами.

Инициировать упрощённое производство может как суд, так и стороны при взаимном согласии.

Упрощённое производство в Беларуси также направлено на ускорение рассмотрения дел и снижение процессуальных затрат. Это позволяет уменьшать возможности для коррупционных действий, связанных с затягиванием процесса или влиянием на суд через многочисленные заседания. Однако, как и в России, требуется строгое соблюдение правил представления документов и контроля за законностью решений.

Упрощённые процедуры сами по себе не являются прямыми инструментами борьбы с коррупцией, но могут снижать некоторые риски:

– сокращение сроков рассмотрения дел уменьшает возможности для затягивания процессов и связанных с этим злоупотреблений.

– ограничение личного взаимодействия сторон и суда снижает риск неформальных контактов, которые могут использоваться для коррупционных целей.

– акцент на письменных доказательствах повышает прозрачность процесса и затрудняет манипулирование фактами в ходе устных слушаний.

Однако для эффективного противодействия коррупции важны и другие меры:

– совершенствование антикоррупционного законодательства;

– повышение прозрачности судопроизводства;

– обучение судей и сотрудников судов антикоррупционным стандартам;

– контроль за соблюдением процедур.

В обоих странах действуют отдельные законы и методические рекомендации по противодействию коррупции в судебной системе, которые включают принципы законности, ответственности, мониторинга и повышения осведомлённости сотрудников судов

В упрощенном порядке существует проблема реализации принципов состязательности и избирательности по делам об административных правонарушениях, а особенностью процедуры является участие должностных лиц административных органов (административных учреждений), представляющих властные структуры и наделенных полномочиями.

Реформа направлена на повышение оперативности и качества экономического правосудия, а также на разделение функций рассмотрения дел и их обжалования, что должно снизить риски предвзятости.

Таким образом, в обоих государствах реформы нацелены на совершенствование судебной системы в экономической сфере, но реализуются через разные механизмы: в России – через расширение компетенции существующих судов, в Беларуси – через создание новой судебной инстанции и структурные изменения.

Реформа арбитражных судов в России им Беларуси является многогранным процессом, охватывающим изменения в организационной структуре, процессуальных процедурах и судебной практике. Основной целью этих реформ является повышение эффективности судебной системы, улучшение доступа к правосудию и обеспечение более прозрачного и качественного судебного разбирательства на основе цифровых технологий [5, с.27].

Арбитражные суды в России и Беларуси играют ключевую роль в разрешении экономических споров, но их правовой статус и процедуры имеют свои особенности. Россия имеет более сложную многослойную систему арбитражных судов, в то время как Беларусь придерживается более простой структуры. Процессуальные права и обязанности сторон, а также процедуры обжалования в целом схожи, но детали могут варьироваться в зависимости от национального законодательства.

Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации определяется Федеральным конституционным законом «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и Арбитражным процессуальным кодексом РФ (АПК РФ). Арбитражные суды осуществляют правосудие путём разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесённых к их компетенции. Экономические суды в Республике Беларусь рассматривают споры и дела, связанные с предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельностью. Они входят в систему судов общей юрисдикции и действуют на основе Хозяйственного процессуального кодекса (ХПК).

В настоящее время в обоих государствах проходят реформы, которые нацелены на совершенствование судебной системы в экономической сфере, но реализуются через разные механизмы: в России – через расширение компетенции существующих судов, в Беларуси – через создание новой судебной инстанции и структурные изменения.

Реформа арбитражных судов в России и Беларуси является многогранным процессом, охватывающим изменения в организационной структуре, процессуальных процедурах и судебной практике [6, с.13].. Основной целью этих реформ является повышение эффективности судебной системы, улучшение доступа к правосудию и обеспечение более прозрачного и качественного судебного разбирательства, развитие этических стандартов [7, с.37].

В России и Беларуси внедряется упрощённое производство, которое направлено на ускорение рассмотрения дел и снижение процессуальных затрат. Это позволяет уменьшать возможности для коррупционных действий, связанных с затягиванием процесса или влиянием на суд через многочисленные заседания [8, с.24]. Однако, требуется строгое соблюдение правил представления документов и контроля за законностью решений.

Обосновано, что упрощённые процедуры сами по себе не являются прямыми инструментами борьбы с коррупцией, но могут снижать некоторые риски:

– сокращение сроков рассмотрения дел уменьшает возможности для затягивания процессов и связанных с этим злоупотреблений.

– ограничение личного взаимодействия сторон и суда снижает риск неформальных контактов, которые могут использоваться для коррупционных целей.

– акцент на письменных доказательствах повышает прозрачность процесса и затрудняет манипулирование фактами в ходе устных слушаний.

В обоих странах действуют отдельные законы и методические рекомендации по противодействию коррупции в судебной системе, которые включают принципы законности, ответственности, мониторинга и повышения осведомлённости сотрудников судов

В упрощенном порядке существует проблема реализации принципов состязательности и избирательности по делам об административных правонарушениях, а особенностью процедуры является участие должностных лиц административных органов (административных учреждений), представляющих властные структуры и наделенных полномочиями.

Реформа направлена на повышение оперативности и качества правосудия, а также на разделение функций рассмотрения дел и их обжалования, что должно снизить риски предвзятости.

Реформа арбитражных судов в России им Беларуси является многогранным процессом, охватывающим изменения в организационной структуре, процессуальных процедурах и судебной практике. Основной целью этих реформ является повышение эффективности судебной системы, улучшение доступа к правосудию и обеспечение более прозрачного и качественного судебного разбирательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) //Официальный интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., N 0001202210060013 - URL: http://cdep.ru (дата обращения 04.10.2025).

2.Конституция Республики Беларусь № 2875-XII (Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. №2875-XII // https://etalonline.by/document/?regnum=V19402875(Дата обращения – 12.10.2025)

3.Полякова, Н. Г. К вопросу о правовой регламентации принципа добросовестности в публичных правоотношениях / Н. Г. Полякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 32-42

4.Коробейникова, К. В. О правовом регулировании использования документов в цифровой форме / К. В. Коробейникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 198-204.

5. Олейникова, А. В. К вопросу о правовом статусе субъектов цифрового права / А. В. Олейникова, А. В. Бакуров // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 2. – С. 27-32. – DOI 10.5281/zenodo.17753583

6.Степанова, Ю. С. Проблематика юридической техники в условиях цифровизации общественных отношений / Ю. С. Степанова // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 13-18

7.Тимошенко, Н. А. Проблемы соблюдения адвокатами правил профессиональной этики в уголовном судопроизводстве / Н. А. Тимошенко // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 37-42.

8.Усатенко, К. П. Некоторые аспекты формирования органов государственной власти в Донецкой Народной Республике в переходный период / К. П. Усатенко // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 24-31

FEATURES OF THE REFORM OF ARBITRATION COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ECONOMIC COURTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract: It has been substantiated that, in order to optimize dispute resolution procedures in arbitration courts under the reform, the introduction of a simplified procedure based on online interaction between the litigants and the court is of particular importance. This procedure can be used for disputes of up to 300,000 rubles between legal entities and up to 100,000 rubles between entrepreneurs, as well as when the plaintiff's claims are based on documents confirming the defendant's acknowledgement of the claims.

The introduction of simplified procedures in arbitration proceedings in Russia and Belarus has accelerated case review and reduced the workload on the courts. These procedures can indirectly contribute to combating corruption by minimizing opportunities for abuse associated with protracted proceedings and human error. Improved forms of recording court hearings in arbitration courts using audio and video recordings, as well as the introduction of forms of monitoring official communications in court, also contribute to increased transparency.

Keywords: arbitration court, reform, anti-corruption, conflict of interest, arbitration court, administrative and legal regulation, legal status

Keywords: arbitration court, reform, anti-corruption, conflict of interest, arbitration court, administrative regulation, legal status

Malinovskaya I.A.
Scientific supervisor: Synkova E.M., Ph.D.,
associate professor Donetsk State University
E-mail: osyn@inbox.ru

УДК 347.45/.47

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА КАРШЕРИНГА

Малышко Н.А.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе проведен правовой анализ особенностей заключения договора каршеринга с целью выявления недостатков правового регулирования каршеринга в Российской Федерации. Были применены такие методы исследования как логический метод, формально-юридический метод, контент-анализ. Автором был сделан вывод о том, что договор каршеринга заключается дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде с помощью конструкции click-wrap и представляет собой рамочный договор и договор присоединения. При этом на данный момент отсутствует надлежащее нормативно-правовое регулирование процесса заключения договора каршеринга.
Ключевые слова: договор каршеринга, конструкция click-wrap, договор присоединения, рамочный договор.

Модернизация правовой сферы жизни общества вследствие стремительного развития информационных технологий и цифровых возможностей привела к появлению новых разновидностей договоров, широкому распространению дистанционного способа заключения договоров в электронной форме, автоматизации и оптимизации многих процессов юридической деятельности. В настоящее время все большую популярность среди граждан Российской Федерации набирает каршеринг как вид краткосрочной аренды транспортного средства у профильных компаний на основе поминутной тарификации физическим лицам для целей, не связанным с осуществлением такими физическими лицами предпринимательской деятельности.

Механизм использования услуги каршеринга относительно прост. Для начала будущему пользователю необходимо скачать мобильное приложение соответствующего оператора, зарегистрироваться в нем и загрузить фотографии паспорта, водительского удостоверения, а также селфи с паспортом. После проверки документов клиенту поступит предложение о заключении договора, согласившись с условиями которого ему будет предоставлен логин и пароль к личному кабинету в сервисе. К своей учетной записи клиенту необходимо прикрепить банковскую карту, с которой автоматически будут списываться денежные средства по окончании поездки, а также штрафы за нарушения условий договора. Далее пользователь с помощью мобильного приложения может арендовать автомобиль каждый раз, когда у него возникнет в этом потребность. Для этого ему следует зайти в мобильное приложение, найти на карте ближайший свободный автомобиль, который располагается на специальной парковке, и забронировать его на определенное время. Затем клиенту необходимо подойти к автомобилю и внимательно его осмотреть в соответствии с требованиями сервиса. В случае обнаружения каких-либо недостатков следует незамедлительно сообщить об этом оператору с предоставлением подтверждения в виде фотографий или видео. Если никаких недостатков нет, то клиент открывает автомобиль с помощью мобильного приложения и начинает поездку. По окончании поездки машину необходимо оставить на ближайшей специально предназначенной для каршеринговых автомобилей парковке, закрыть её с помощью мобильного приложения и завершить поездку.

Одной из особенностей договора каршеринга является дистанционный способ заключения договора в электронной форме с помощью конструкции click-wrap, который позволяет пользователям заключить договор каршеринга буквально за несколько минут, обеспечивая тем самым значительную экономию времени и средств, а также удобство и быстрый обмен документацией.

Пункт 2 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает заключение договора в письменной форме путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 ГК РФ [1]. Из абзаца 2 пункта 1 статьи 160 ГК РФ следует, что письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Согласно определению, которое содержится в пункте 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», электронный документ представляет собой документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [2].

На наш взгляд, при заключении договора каршеринга соблюдается письменная форма путем составления одного электронного документа, поскольку соглашение заключается в мобильном приложении соответствующего оператора каршеринга, его возможно воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде, а также при выражении воли клиента заключить договор каршеринга используется способ, который позволяет определить волю зарегистрированного пользователя (конструкция click-wrap).

Конструкция click-wrap (от англ. click – щелчок мыши, wrap – упаковка) представляет собой юридически значимый способ заключения договора путем нажатия кнопки или установки флажка («галочки») согласия на веб-сайте или в приложении продавца товаров или исполнителя услуг. Следовательно, договор каршеринга заключается в мобильном приложении соответствующего оператора одним простым действием клиента, а именно путем нажатия на кнопку «Я согласен» или иным аналогичным способом. В качестве преимуществ click-wrap соглашений можно назвать следующее: 1) быстрый и простой процесс заключения соглашения (клиент может принять условия соглашения буквально одним кликом, что сокращает затраты времени на оформление документов и повышает скорость обработки заказов); 2) быстрое и стандартизированное взаимодействие с клиентами (с помощью конструкции click-wrap осуществляется автоматизация процессов продаж и обслуживания большого числа потребителей, что позволяет оперативно обрабатывать большие объемы запросов); 3) сохранение доказательств согласия (система автоматически фиксирует факт акцепта условий путем записи IP-адреса устройства, метаданных браузера, отметки времени и места нахождения клиента. Это обеспечивает доказательство факта согласия стороны с условиями договора).

Актуальным является вопрос о применении норм о публичной оферте к click-wrap соглашениям. Некоторые ученые полагают, что электронное соглашение, при заключении которого сторона принимает условия договора путем нажатия кнопки или установки флажка («галочки») согласия, представляет собой форму публичной оферты, поскольку имеют место следующие признаки: 1) условия договора адресованы неопределенному кругу лиц; 2) лицо, принимающее условия, имеет четкое представление обо всех существенных аспектах предлагаемого соглашения; 3) оферент обязан заключить договор с каждым, кто выразил своё согласие с предложением путём

совершения определённого действия (нажатия кнопки или установки флажка («галочки») согласия). Однако не всегда click-wrap соглашение обладает всеми признаками публичной оферты. Например, условия договора каршеринга адресованы определенному кругу лиц, а именно лицам, соответствующим требованиям определенного оператора каршеринга, касающиеся возраста клиента, его водительского стажа, документов и кредитной истории. Следовательно, не каждое click-wrap соглашение рассматривается как публичная оферта.

Необходимо отметить, что в российской научной литературе нет единого мнения относительно правовой природы договоров, заключаемых с помощью конструкции click-wrap. Наиболее популярными являются следующие три точки зрения:

1. Click-wrap соглашение является договором, заключаемым путем обмена электронными документами (механизм подтверждения согласия (например, нажатие кнопки «Я согласен») трактуется как форма подписи электронного документа).

2. Click-wrap соглашение – это договор, который заключается посредством определенного конклюдентного действия, а именно путем нажатия кнопки или установки флажка («галочки») согласия на веб-сайте или в приложении продавца товаров или исполнителя услуг.

3. Договоры, заключаемые с помощью конструкции click-wrap, не имеют юридической силы [3].

Таким образом, в Российской Федерации отсутствует на данный момент какое-либо нормативно-правовое регулирование процесса заключения договора в электронной форме с помощью конструкции click-wrap, а также не определены правовые последствия указанных договоров, что создает определенные трудности в правоприменительной практике и порождает необходимость дальнейшего исследования и разработки специальных правовых норм, регулирующих электронную коммерцию и цифровые контракты.

Следующей особенностью договора каршеринга, заключаемого дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде, является то, что он представляет собой рамочный договор.

В соответствии с ч.1 ст. 429.1 ГК РФ рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. Из положений п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» следует, что рамочным договором могут быть установлены организационные, маркетинговые и финансовые условия взаимоотношений, условия договора (договоров), заключение которого (которых) опосредовано рамочным договором и предполагает дальнейшую конкретизацию (уточнение, дополнение) таких условий посредством заключения отдельных договоров, подачи заявок и т.п., определяющих недостающие условия [4].

Особенностями рамочного договора являются долгосрочный характер, многократное использование, а также то, что данный договор откладывает согласование именно существенных условий. Один раз зарегистрировавшись в мобильном приложении соответствующего оператора и подписав после регистрации договор каршеринга с помощью конструкции click-wrap, клиент может неограниченное количество раз арендовать автомобиль. Следовательно, договор каршеринга носит долгосрочный характер и рассчитан на многократное использование.

В качестве существенных условий договора каршеринга выступают предмет и цена договора. Предметом договора каршеринга выступает автомобиль, однако

каршеринговые компании в соглашении не указывают индивидуально-определенные признаки транспортного средства (марка, модель, год выпуска, регистрационный номер и т.д.), поскольку клиент из целого автопарка машин арендует ближайший и свободный на данный момент автомобиль. Соответственно, ему необходимо каждый раз заключать дополнительный договор с определенным предметом (конкретным автомобилем). Ценой договора каршеринга является арендная плата, размер которой устанавливается в соответствии с тарифами, определенными в мобильном приложении соответствующего оператора при выборе конкретного транспортного средства. Следовательно, цена договора каршеринга будет устанавливаться в каждом конкретном случае (в дополнительных соглашениях) с учетом класса автомобиля и количества использованных минут.

Таким образом, договор каршеринга, заключаемый при регистрации в мобильном приложении соответствующего оператора, является рамочным договором, устанавливающим общие организационные условия взаимоотношений сторон, а существенные условия (предмет и цена договора) конкретизируются посредством заключения отдельных договоров при каждом использовании услуг каршеринга.

По способу заключения договор каршеринга является договором присоединения, который, в свою очередь, представляет собой договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (ч.1 ст. 428 ГК РФ). Со всеми пользователями каршеринга заключается стандартный (типовой) договор, условия которого определяются каршеринговой компанией и принимаются арендатором-водителем (пользователем) путем присоединения к договору в целом (пользователь либо принимает все условия договора, даже если некоторые ущемляют его права, и пользуется услугами каршеринга, либо он не пользуется услугами каршеринга). В качестве условий, ущемляющих права пользователей по договору каршеринга можно выделить следующие:

1) безакцептное списание денежных средств за пользование услугами каршеринга, которое подразумевает, что списание средств с банковской карты пользователя осуществляется без его прямого распоряжения. Иногда это приводит к неправомерному списанию денежных средств, которые впоследствии трудно вернуть обратно;

2) автоматическое вменение в вину предыдущему пользователю всех обнаруженных следующим клиентом недостатков автомобиля. Перед началом аренды потребителю необходимо осмотреть внешний вид автомобиля и его салон на наличие повреждений. Выявленные недостатки нужно сфотографировать и отправить фотографии арендодателю. Невнимательность, ненадлежащий осмотр машины или неправильная фиксация недостатков по окончанию движения может в последующем привести к возникновению у потребителя обязанности возместить каршеринговой компании стоимость ремонта автомобиля, даже если пользователь не виноват в повреждении автомобиля, поскольку ответственность за состояние автомобиля несет последний водитель. При этом, как было уже указано выше, осуществляется безакцептное списание денежных средств с банковской карты пользователя;

3) серьезные штрафы за нарушения условий договора каршеринга, которые могут быть несоразмерны последствиям нарушения обязательств. Например, штраф за передачу автомобиля другому лицу может составлять от 50 000 до 200 000 руб., за оставление мусора от 1000 до 5000 руб., за оставление каршерингового автомобиля в неположенном месте водителю придется заплатить помимо штрафных санкций согласно договору каршеринга от 7000 до 25000 руб., и административный штраф, а также оплатить эвакуацию и хранение автомобиля на штрафстоянке;

4) повышенные финансовые риски клиента в случае попадания в ДТП на каршеринговом автомобиле. Кроме ответственности за причинение имущественного

ущерба автомобилю, каршеринговые компании достаточно часто предусматривают в договоре ответственность и за нарушение сроков передачи документов о ДТП, их неправильное оформление. Так, один из самых популярных сервисов краткосрочной аренды, «Яндекс.Драйв», установил, что клиент обязан выплатить всю сумму ущерба, если некорректно запротоколирует ДТП. Этот подход связан с отказом страховой компании оплачивать ремонт машины. Если арендатор является виновником аварии, то помимо штрафа от ГИБДД за нарушение правил дорожного движения, возмещения всех убытков (в том числе расходы на услуги оценщика, эвакуатора, ремонт автомобиля, упущенная выгода) водителю необходимо будет ещё выплатить каршеринговой компании обязательный штраф, сумма которого индивидуальна у каждой компании и зависит от класса автомобиля.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что договор каршеринга заключается дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде с помощью конструкции click-wrap и представляет собой рамочный договор и договор присоединения. При этом на данный момент отсутствует надлежащее нормативно-правовое регулирование процесса заключения договора каршеринга, что влечет неопределенность относительно правовых последствий заключения договора каршеринга, в частности возникают следующие вопросы: какова правовая природа договоров, заключаемых с помощью конструкции click-wrap; является ли конструкция click-wrap достоверным способом определения лица, выразившего волю воспользоваться услугами каршеринга; злоупотребляют ли каршеринговые компании принципом свободы договора при установлении условий, ущемляющих права пользователей по договору каршеринга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 16.01.2026).

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «ГАРАНТ»: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 17.01.2026).

3. Click-wrap соглашение: понятие и критерии действительности [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/5/11/click-wrap_soglashenie_ponyatie_i_kriterii_dejstvitelnosti (дата обращения: 17.01.2026).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779 / – Дата обращения: 19.01.2026. – Загл. с экрана.

FEATURES OF CONCLUDING A CARSHARING AGREEMENT

Annotation. In this work, a legal analysis of the specifics of concluding a car-sharing agreement was carried out in order to identify the shortcomings of the legal regulation of car-sharing in the Russian Federation. Such research methods as a logical method, a formal legal method, and content analysis were applied. The author concluded that the car sharing agreement is concluded remotely through a specially developed mobile application of the corresponding operator in electronic form using the click-wrap construction and is a framework agreement and an accession agreement. At the same time, there is currently no proper regulatory regulation of the process of concluding a car sharing agreement.

Keywords: carsharing agreement, click-wrap construction, accession agreement, framework agreement.

Malyshko N.A.
Scientific adviser: Oleinikova A.V., Senior Lecturer, Department of Civil Law and Process
Donetsk State University
E-mail: natahamal2003@gmail.com

УДК 330.342.2

НАЛОГОВОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Манжула Т.Ю.
Научный руководитель: Пефтиев О.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье проведено исследование роли налогового права как инструмента государственной социально-экономической политики. Анализируются шесть ключевых направлений политики (экономический рост, социальное неравенство, поддержка семьи, корректировка потребления, экология, рынок недвижимости) и соответствующие им инструменты налогового законодательства РФ (вычеты, льготы, акцизы, специальные ставки). На примерах из российской и мировой практики показано, как государство через налоговые механизмы влияет на экономическое поведение для достижения стратегических целей.
Ключевые слова: налоговое право, льготы, вычеты, акцизы государственная политика, налоговые инструменты.

Современное государство для достижения стратегических целей – обеспечения устойчивого экономического роста, повышения уровня и качества жизни населения, социальной стабильности – активно использует комплекс правовых и экономических инструментов. Среди них налоговое право занимает центральное место, выступая не только как источник формирования доходов бюджета, но и как мощный рычаг прямого и косвенного воздействия на все процессы общественного воспроизводства. Таким образом, налоговое право трансформируется из сугубо фискального института в многофункциональный инструмент реализации государственной социально-экономической политики.

Налоговая система является не просто механизмом сбора средств для бюджета, но и тонким инструментом достижения стратегических целей государства. Каждое направление политики реализуется через конкретные фискальные механизмы, которые оказывают прямое воздействие на поведение экономических агентов, что в итоге формирует ожидаемый социально-экономический эффект. Рассмотрим эти взаимосвязи на примере ключевых целей или направлений политики и инструментов налогового законодательства (табл. 1).

Таблица 1: Инструменты налогового законодательства в реализации социально-экономической политики государства

Цель / Направление политики	Инструменты налогового законодательства (Нормативные акты, нормы)
1. Стимулирование экономического роста и инвестиций	• Инвестиционные налоговые вычеты (НК РФ, ст. 219.1). • Особые налоговые режимы (ОСН, УСН, Патент) для малого бизнеса (НК РФ, гл. 26.2, 26.5). • Льготы по налогу на прибыль для IT-сектора, резидентов ОЭЗ, ТОСЭР (НК РФ, ст. 284). • Ускоренная амортизация (НК РФ, ст. 259.3).
2. Сглаживание социального неравенства (Перерас-пределительная функция)	• Прогрессивная или плоская шкала НДФЛ (НК РФ, ст. 224). • Стандартные и социальные налоговые вычеты (НК РФ, ст. 218, 219). • Повышенные ставки на предметы роскоши

	(транспортный, имущественный налоги). • Налог на сверхприбыль (в кризисные периоды).
3. Стимулирование социально значимого поведения и поддержка семьи	• Вычеты на детей по НДФЛ (НК РФ, ст. 218). • Налоговые льготы для социальных предпринимателей, НКО. • Освобождение от НДФЛ отдельных видов соц. выплат (материальная помощь, компенсации).
4. Корректировка структуры потребления и защита здоровья	• Акцизы на вредные товары (алкоголь, табак, сахаросодержащие напитки) (НК РФ, гл. 22). • Потенциальные налоги на продукты с высоким содержанием соли, жира (в мировой практике).
5. Обеспечение экологической устойчивости («Зеленое» налогообложение)	• Плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС). • Повышенные налоговые коэффициенты для «грязных» производств. • Льготы и вычеты для предприятий, внедряющих «зеленые» технологии.
6. Регулирование рынка недвижимости и землепользования	• Налог на имущество физических и юридических лиц (НК РФ, гл. 30, 32). • Земельный налог (НК РФ, гл. 31). • Налоговые вычеты при покупке жилья (НК РФ, ст. 220).

Как видно из таблицы 1, каждая цель государственной социально-экономической политики обеспечивается конкретными, закреплёнными в законодательстве налоговыми инструментами. Однако для полного понимания их роли необходимо рассмотреть не только их перечень, но и механизм их воздействия на экономическое поведение, ожидаемые социально-экономические последствия, а также реальные примеры их применения. Такой анализ позволяет перейти от простой классификации мер к оценке их эффективности и пониманию логики государственного регулирования.

1. Цель: Стимулирование экономического роста и инвестиций. Для достижения этой цели налоговое законодательство предоставляет ряд льгот и преференций. Ключевыми инструментами являются инвестиционные налоговые вычеты (ст. 219.1 НК РФ), особые режимы для малого бизнеса - УСН и патентная система (гл. 26.2, 26.5 НК РФ), льготы по налогу на прибыль для IT-компаний и резидентов особых экономических зон (ОЭЗ, ТОСЭР) по ст. 284 НК РФ, а также механизм ускоренной амортизации (ст. 259.3 НК РФ) [1].

Механизм воздействия основан на снижении фискальной нагрузки на целевые субъекты (инвесторы, малые предприятия, приоритетные отрасли), что напрямую увеличивает их чистую прибыль и высвобождает внутренние ресурсы для реинвестирования в развитие, модернизацию и расширение.

Ожидаемый социально-экономический эффект включает рост капиталовложений, развитие конкурентоспособных отраслей, создание новых рабочих мест и, как следствие, расширение налоговой базы в долгосрочной перспективе.

Примеры из практики иллюстрируют работу этих инструментов: в России резиденты ОЭЗ «Иннополис» могут применять нулевую ставку по налогу на прибыль в первые 10 лет, а для IT-компаний действует льготная ставка страховых взносов (7,6%). В мировой практике показательной стала реформа «Tax Cuts and Jobs Act» 2017 года в США, которая радикально снизила ставку корпоративного налога для стимулирования инвестиций [2].

2. Цель: Сглаживание социального неравенства (Перераспределительная функция). Перераспределительная функция реализуется через инструменты, которые

дифференцируют налоговое бремя. К ним относятся шкала НДФЛ (ст. 224 НК РФ), стандартные и социальные налоговые вычеты (ст. 218, 219 НК РФ), повышенные ставки транспортного и имущественного налогов на предметы роскоши, а также специальные налоги на сверхприбыль, вводимые в кризисные периоды [1; 3].

Механизм воздействия заключается в изъятии пропорционально большей доли дохода у высокодоходных групп населения и бизнеса с последующим перераспределением этих средств через бюджет на социальные программы или напрямую через вычеты для поддержки малообеспеченных граждан.

В результате ожидается снижение уровня доходного неравенства, стабильное финансирование социальной сферы (образование, здравоохранение) и укрепление социальной стабильности за счёт повышения воспринимаемой справедливости налоговой системы.

На практике в России эту функцию выполняют социальные вычеты на лечение и образование, а также прогрессивная ставка транспортного налога на дорогие автомобили. В мире широко распространены прогрессивные шкалы подоходного налога (Франция, Германия), а в 2022-2023 гг. многие страны (Великобритания, ЕС) ввели временный налог на сверхприбыль энергетических компаний.

3. Цель: Стимулирование социально значимого поведения и поддержка семьи. Государство поощряет социально ответственные действия через целевые налоговые льготы. Основными инструментами являются вычеты на детей по НДФЛ (ст. 218 НК РФ), налоговые льготы для социальных предпринимателей и НКО, а также освобождение от НДФЛ отдельных социальных выплат (материальная помощь, компенсации) [1; 3].

Механизм воздействия прям и понятен: предоставление льготы выступает как финансовое «вознаграждение», которое делает желательное поведение (рождение детей, благотворительность, ведение социального бизнеса) экономически более выгодным, напрямую увеличивая располагаемые доходы семей и соответствующих организаций.

Социально-экономический эффект проявляется в формировании просемейной демографической политики, развитии некоммерческого сектора и социального предпринимательства, что в целом усиливает социальную защиту через механизмы гражданского общества.

Конкретные примеры: в России действует повышенный размер вычета на детей-инвалидов, а услуги по уходу за больными освобождены от НДС. За рубежом мощным стимулом являются семейные налоговые кредиты (Child Tax Credit) в США и Канаде, которые напрямую сокращают итоговую сумму налога к уплате для семей с детьми.

4. Цель: Корректировка структуры потребления и защита здоровья. Для защиты общественного здоровья государство воздействует на потребление через акцизы на вредные товары (гл. 22 НК РФ): алкоголь, табак, а в мировой практике - и на сахаросодержащие напитки [1; 4].

Механизм воздействия, известный как «налог на грехи» (sin tax), заключается в искусственном увеличении розничной цены вредного продукта через высокий акциз. Поскольку спрос на такие товары эластичен, это приводит к снижению их потребления. Ожидаемый эффект - это улучшение общественного здоровья, снижение нагрузки на систему здравоохранения и формирование здоровых привычек у населения. Параллельно создаётся целевой источник доходов бюджета, который потенциально может быть направлен на медицинские программы.

Практика применения: В России основным методом является регулярная индексация ставок акцизов на табак и алкоголь. Мировым трендом стало введение налога на сахаросодержащие напитки (Великобритания, Мексика), а в Австралии действуют одни из самых высоких в мире акцизов на табачные изделия. В последние годы ряд стран ввёл акцизы на вейпы и жидкости для них.

5. Цель: Обеспечение экологической устойчивости («Зеленое» налогообложение). «Зелёное» налогообложение строится на принципе «загрязнитель платит». Его инструменты включают плату за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), повышенные налоговые коэффициенты для «грязных» производств, а также льготы и вычеты для предприятий, внедряющих «зелёные» технологии.

Механизм воздействия финансово мотивирует бизнес: увеличивает издержки экологически вредной деятельности и одновременно снижает налоговую нагрузку при переходе на чистые технологии и возобновляемые источники энергии [5].

В результате ожидается стимулирование экологической модернизации промышленности, сокращение вредных выбросов, развитие рынка экологичных технологий и, в конечном счёте, улучшение качества жизни.

Примеры: В России, помимо платы за НВОС, действуют такие меры, как утилизационный сбор на автотранспорт и льготы по налогу на имущество для объектов, использующих наилучшие доступные технологии (НДТ). На глобальном уровне ключевыми примерами являются система торговли квотами на выбросы (EU ETS) в Евросоюзе и прямой углеродный налог в Канаде, Сингапуре и Швеции.

6. Цель: Регулирование рынка недвижимости и землепользования. Регулирование осуществляется через налоги, связанные с владением и сделками с недвижимостью: налог на имущество физических и юридических лиц (гл. 30, 32 НК РФ), земельный налог (гл. 31 НК РФ) и налоговые вычеты при покупке жилья (ст. 220 НК РФ) [1; 3].

Механизм воздействия позволяет государству влиять на стоимость владения активами. Повышенные ставки на дорогое или дополнительное жильё сдерживают спрос и спекуляции, а налоговые вычеты, наоборот, стимулируют приобретение первого жилья, поддерживая граждан [6].

Социально-экономический эффект заключается в сдерживании спекулятивного роста цен, повышении эффективности использования земель и жилого фонда, а также в формировании стабильных доходных источников для местных бюджетов.

Практика: В России с переходом на расчёт налога на имущество от кадастровой стоимости и сохранением имущественного вычета при покупке жилья (до 260 тыс. руб.) государство пытается совместить фискальные и социальные задачи. В мире налог на недвижимость (property tax) — основа финансирования муниципалитетов в США и Канаде. Для охлаждения перегретых рынков в таких странах, как Китай и Сингапур, успешно применяются прогрессивные ставки при покупке второго и последующего жилья.

Эффективное использование налогового права как инструмента сталкивается с рядом вызовов:

Диспропорция между функциями: чрезмерная фискальная нагрузка может подавлять экономическую активность и нивелировать стимулирующий эффект.

Усложнение системы: обилие льгот и исключений снижает прозрачность, увеличивает издержки администрирования и создает почву для уклонения от налогов.

Проблема правоприменения: несовершенство законодательства и неоднозначность трактовок норм приводят к конфликтам между налогоплательщиками и фискальными органами.

Глобальные вызовы: цифровизация экономики, трансграничные операции требуют гармонизации налоговых правил на международном уровне (проекты OECD по налогообложению цифровой экономики, борьба с размыванием налоговой базы – BEPS).

Перспективы развития лежат в плоскости поиска баланса:

Между справедливостью и эффективностью: поиск оптимальной налоговой нагрузки, стимулирующей, а не угнетающей экономику.

Между стабильностью и гибкостью: налоговая система должна быть предсказуемой для бизнеса, но способной адаптироваться к новым экономическим реалиям.

Между фискальными и регулятивными целями: четкое определение приоритетов политики на каждом этапе развития.

Таким образом, налоговое право представляет собой сложный и гибкий регуляторный механизм. Путем целенаправленного подбора и настройки конкретных инструментов (вычетов, льгот, акцизов, специальных ставок) государство может тонко воздействовать на инвестиционные решения, потребительское поведение, социальные установки и экологическую ответственность, напрямую влияя на достижение стратегических целей национального социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 24.02.2025).

2. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение: теория и практика: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023.

3. Письмо ФНС России от 26.02.2021 № БС-4-21/2797@ «О разъяснении порядка применения социальных налоговых вычетов».

4. Эдилов, М. С. А. Влияние принципов налогового права на финансовую безопасность государства / М. С. А. Эдилов // Юридическая наука. – 2024. – № 4. – С. 77-81. – EDN ETPPJX.

5. Финансово-правовые отношения : учебное пособие / М. А. Булгакова, В. Ф. Гапоненко, Н. В. Гладкая [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – 140 с. – ISBN 978-5-907721-72-2. – EDN YBAUGU.

6. Машко, Д. П. Юридические аспекты налоговой политики / Д. П. Машко // Российский научный вестник. – 2025. – № 6. – С. 72-74. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-6-72-74. – EDN KRVBRU.

TAX LAW AS AN INSTRUMENT FOR IMPLEMENTING STATE SOCIO-ECONOMIC POLICY

Abstract. This study examines the role of tax law as an instrument of state socio-economic policy. It analyzes six key policy areas (economic growth, social inequality, family support, consumption adjustment, ecology, and the real estate market) and the corresponding tools of Russian tax legislation (deductions, benefits, excise taxes, special rates). Using examples from Russian and international practice, the article demonstrates how the state influences economic behavior through tax mechanisms to achieve strategic goals.

Keywords: tax law, benefits, deductions, excise taxes, state policy, tax instruments.

Manzhula T.Y.

Scientific supervisor: O.V. Peftiev, Candidate of Law, Associate Professor Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

E-mail: tatyana.manzhula88@mail.ru

УДК 343.61

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА ОТ ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Маркевич К.А.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная работа посвящена комплексному анализу одной из наиболее сложных и общественно значимых проблем уголовного права – разграничению состава преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) (Доведение до самоубийства), со смежными составами преступлений против жизни и здоровья, в частности с причинением вреда здоровью (ст. 111–115 УК РФ) и убийством (ст. 105 УК РФ). Проблема кроется в специфике объективной стороны доведения — формировании у потерпевшего устойчивого намерения покончить с собой вследствие длительного или систематического противоправного поведения виновного. В статье рассматриваются критерии, используемые судебно-следственной практикой для разграничения преступлений, в том числе причинно-следственная связь, форма вины (косвенный умысел на доведение до самоубийства в отличие от прямого умысла на убийство), а также длительность и систематичность воздействия. На основе анализа действующего законодательства и актуальных судебных прецедентов выявляются основные сложности квалификации, такие как доказывание умысла именно на доведение до самоубийства и отграничение его от убийства, совершенного с косвенным умыслом. В заключительной части предлагаются конкретные пути решения, направленные на совершенствование правоприменительной практики и, возможно, на уточнение формулировок соответствующих статей УК РФ для повышения ясности правоприменения.
Ключевые слова: Доведение до самоубийства, статья 110 УК РФ, разграничение составов преступлений, убийство, причинение вреда здоровью, умысел, причинно-следственная связь, судебная практика, квалификация преступлений, пути совершенствования законодательства.

Проблема отграничения доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) от смежных составов преступлений против жизни и здоровья, таких как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) или даже умышленное убийство, является одной из самых сложных и тонких тем в российской судебной практике и теории уголовного права [1].

Сложность обусловлена тем, что в основе доведения до самоубийства лежит психологическое воздействие, требующее доказательства прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и суицидальным поведением жертвы, при этом мотивы и форма воздействия (угрозы, систематические оскорбления, травля) могут пересекаться с признаками других преступлений.

Итак, в первую очередь, необходимо отметить, что от точности определения правовой природы деяния зависит защита прав потерпевших и назначение справедливого наказания виновным. Это также напрямую влияет на авторитет государственных органов: суда, прокуратуры, Следственного комитета и органов дознания. При толковании уголовного законодательства крайне важно соблюдать принципы законности и справедливости, причем справедливость ставится во главу угла, поскольку только учет всех обстоятельств и точная квалификация позволяют ее достичь.

Наиболее частые ошибки связаны с неверным определением объекта посягательства, форм вины, мотивов преступления. Эти ошибки могут быть вызваны как объективными факторами, такими как нечеткость формулировок норм или наличие оценочных понятий в законе, так и субъективными факторами. К последним относятся недостаточный профессионализм правоприменителей, поверхностное изучение обстоятельств дела, неверная оценка доказательств и трудности в разграничении схожих преступлений.

Особую трудность представляет отграничение доведения до самоубийства от убийства. Научные исследования в этой области немногочисленны, и мнения ученых

расходятся. Основное различие, которое выделяют, – это форма вины. Дискуссионным остается вопрос о том, может ли доведение до самоубийства совершаться с прямым умыслом, что порождает полярные точки зрения среди исследователей.

Некоторые учёные, в частности Д.С. Ашкалов, придерживаются мнения, что если виновный умышленно доводит человека до самоубийства, создавая для этого соответствующие условия, то его действия следует рассматривать как убийство, совершённое особым способом. Иными словами, при такой трактовке конечным результатом, независимо от механизма, является лишение жизни, а характер действий виновного лишь определяет способ его совершения [2, с. 141].

Противоположную точку зрения выдвигает О.А. Гусак. Он подчёркивает, что при доведении до самоубийства, в отличие от убийства, виновный не совершает действий, непосредственно лишающих жизни. Потерпевший самостоятельно принимает решение о самоубийстве и реализует его, находясь под влиянием действий виновного [3, с. 34].

Е.К. Болышева, соглашаясь с этим, указывает на возможность ситуаций, когда потерпевшему не оставляют выбора, ставя его в условия мучительной смерти или вынуждая совершить самоубийство быстро, как в примере с предложением спрыгнуть с крыши под угрозой насилия [4, с. 253].

А. И. Коробеев критикует попытки квалифицировать доведение до самоубийства как убийство, считая, что эти понятия не следует смешивать. Он указывает, что даже в экстремальных ситуациях, когда потерпевшему предлагается выбор между крайне тяжёлыми условиями и самоубийством, содеянное не всегда можно квалифицировать как убийство. Ключевым моментом является наличие у потерпевшего возможности выбора, даже если этот выбор крайне ограничен. В случае крайней степени угрозы и принуждения, когда у человека фактически не остаётся выбора и его действия являются прямым следствием действий виновного, возможна квалификация как убийство [5, с. 203].

Основным объектом преступного посягательства при убийстве является жизнь другого человека. Закон выделяет ряд квалифицирующих признаков, значительно усугубляющих ответственность: убийство двух или более лиц, а также убийство лиц, связанных с потерпевшим служебными или общественными отношениями, или же убийство малолетних и лиц, находящихся в заведомо беспомощном состоянии. В отличие от убийства, статья 110 УК РФ, касающаяся доведения до самоубийства, не содержит подобных квалифицирующих признаков, хотя объект преступления – жизнь человека – остаётся тем же.

Объективная сторона убийства проявляется в активных действиях или бездействии виновного, которые непосредственно приводят к смерти потерпевшего. Ключевым элементом является наличие прямой причинно-следственной связи между деянием виновного и наступившими последствиями. В случаях, когда умысел на убийство возникает спонтанно в процессе совершения другого преступления или когда выбранный способ причинения смерти очевиден, дополнительная квалификация по статьям, описывающим сам способ, может не потребоваться.

Часть 2 статьи 105 УК РФ устанавливает ряд квалифицирующих признаков, характеризующих объективную сторону убийства и влияющих на его тяжесть. К ним относятся: совершение убийства, сопряжённого с похищением человека, с особой жестокостью, общеопасным способом, а также в сочетании с разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. Наличие любого из этих признаков значительно ужесточает наказание.

Тогда как объективная сторона доведения до самоубийства включает в себя определённое поведение виновного, выраженное в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении человеческого достоинства потерпевшего. Важным элементом является самостоятельное решение потерпевшего лишить себя жизни, а также

причинно-следственная связь между действиями виновного и этим решением. В отличие от убийства, где смерть является обязательным последствием, для доведения до самоубийства достаточно попытки суицида, то есть преступление считается завершённым с момента попытки [6, с. 372].

Также, на практике возникают сложности с разграничением доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), поскольку объект преступного посягательства совпадает. Ключевое отличие кроется в характере объективной стороны: угрозы, жестокое обращение и унижение достоинства, присущие доведению до самоубийства, нетипичны для неосторожного причинения смерти, которое связано с нарушением правил бытовой или профессиональной безопасности.

Субъективная сторона также различается – при причинении смерти по неосторожности вина выражается в легкомыслии или небрежности, без умысла на причинение смерти, в то время как при доведении до самоубийства присутствует прямой умысел на побуждение к суициду.

Важным отличием является и субъект преступления: субъектом убийства может быть лицо, достигшее 14 лет, а субъектом доведения до самоубийства – только лицо, достигшее 16 лет. Различия в санкциях также существенны: максимальный срок наказания за обычное убийство составляет 15 лет, а за доведение до самоубийства – до 3 лет. Эти различия подчёркивают разную степень общественной опасности и направленность умысла при совершении данных преступлений.

Таким образом, в данном вопросе сложности возникают из-за того, что в разных ситуациях общественная опасность сильно варьируется.

Например, подстрекательство к самоубийству и помощь в его совершении могут наказываться по-разному, в зависимости от конкретного события. В одной ситуации это может быть помощь из жалости, а в другой – с целью завладеть имуществом потерпевшего или из хулиганских побуждений.

Ещё одна проблема связана с тем, что в правовой литературе нет единой позиции в отношении содержания субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства). Некоторые исследователи считают, что вина возможна только в форме умышленного умысла, другие полагают, что она может быть как умышленной, так и неосторожной [7, с. 69].

Кроме того, существуют различия в составах доведения до самоубийства в разных странах. Они касаются личности жертвы, способа доведения и квалифицирующих обстоятельств.

Основная сложность в разграничении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»), и иных преступлений против жизни (например, убийства, совершенного с косвенным умыслом, или склонения к суициду) заключается в необходимости доказывания прямой причинно-следственной связи между противоправным поведением виновного и решением потерпевшего добровольно лишить себя жизни, а также в установлении умысла на доведение. Существующая формулировка диспозиции ст. 110 УК РФ недостаточно чётко очерчивает грань между активными действиями, направленными именно на вызвать суицидальное решение, и иными формами угроз, насилия или унижений, которые могут лишь косвенно способствовать трагическому исходу. Это приводит к риску неправильной квалификации деяния как более тяжкого преступления (убийства, совершенного с косвенным умыслом) или, наоборот, к необоснованному применению ст. 110, когда действия виновного явно содержали угрозу для жизни, но не были направлены исключительно на возбуждение суицидальных мотивов.

Для устранения данной неопределённости и повышения эффективности квалификации необходимо внести уточнения как в Уголовный кодекс Российской Федерации, так и в практику его применения:

1. Необходимо законодательно конкретизировать способы доведения до самоубийства, отграничив их от применения насилия, свойственного убийству.

2. Внести дополнение в примечание к статье 110 УК РФ, перечислив конкретные формы противоправного поведения, которые не могут быть квалифицированы как убийство (например, угрозы, систематическое унижение, распространение порочащих сведений), но которые при наличии прямого суицидального умысла могут быть квалифицированы по ст. 110 УК РФ. В то же время необходимо более чётко разграничивать косвенный умысел на убийство (когда виновный предвидит возможность наступления смерти, но желает её наступления, даже если жертва сама совершает действие) от прямого умысла на доведение до самоубийства (когда виновный желает, чтобы потерпевший сам совершил акт самоубийства).

3. Ввести более строгие критерии для разграничения доведения (более активное воздействие, часто включающее угрозы и шантаж) и подстрекательства (более пассивное вовлечение или пропаганда).

4. Разработать и закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ Предложение по изменению: чёткие разъяснения, основанные на интенсивности воздействия: доведение должно предполагать создание невыносимой ситуации, непосредственно подталкивающей к суициду, в то время как склонение может быть связано с идеологическим влиянием или побуждением. Это поможет избежать избыточного применения ст. 110.1, когда действия виновного содержат явные признаки физического или психологического принуждения, подпадающие под ст. 110.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.02.2026). – Загл. с экрана.

2. Ашкалов, Д. С. Разграничение доведения до самоубийства и смежных составов преступления / Д. С. Ашкалов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 13. – С. 139–142.

3. Гусак, О.А. Уголовно-правовая характеристика доведение до самоубийства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Одесса. – 2017. – 60 с.

4. Большева, Е. К. Отграничение доведения до самоубийства от иных составов преступления / Е. К. Большева, И. В. Котов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 52. – С. 252–254.

5. Круковский, В. Е., Мосечкин, И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 201–204.

6. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л. М. Прозументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. – 2019. – 581 с.

7. Аксенова, И. К., Штефан, А.В. К вопросу о разграничении преступлений, связанных с доведением до самоубийства от смежных преступлений. Вестник магистратуры. – 2025. – № 5-1 (164). – С. 68–70.

TESTIMONY OF THE ACCUSED AND THE SUSPECT

Abstract. This work is devoted to a comprehensive analysis of one of the most complex and socially significant problems of criminal law – the differentiation of the corpus delicti provided for in Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (Causing suicide) with related crimes against life and health, in particular, causing harm to health (Articles 111-115 of the Criminal Code) and murder (Article 105 of the Criminal Code Russian Federation). The problem lies in the specifics of the objective side of the communication — the formation of the victim's stable intention to commit suicide as a result of prolonged or systematic unlawful behavior of the perpetrator. The article examines the criteria used by judicial and investigative practice to distinguish crimes, including causality, the form of guilt (indirect intent to commit suicide as opposed to direct intent to murder), as well as the duration and systematic impact. Based on the analysis of current legislation and current judicial precedents, the main difficulties of qualification are identified, such as proving intent to commit suicide and distinguishing it from murder committed with indirect intent. In the final part, specific solutions are proposed

aimed at improving law enforcement practice and, possibly, clarifying the wording of the relevant articles of the Criminal Code of the Russian Federation in order to increase the clarity of law enforcement.
Keywords: driving to suicide, Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, delineation of crimes, murder, injury to health, intent, causal relationship, judicial practice, qualification of crimes, ways to improve legislation.

Markevich K.A.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: kristina_markevich_09@mail.ru

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»

Маруева Д. А.
Научный руководитель: Тимофеева А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена проблематике защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации. Рассматриваются вопросы правового регулирования конституционных гарантий приватности в цифровой среде. Аргументируется необходимость баланса между общественной безопасностью и неприкосновенностью частной жизни индивида. Сделан вывод о том, что внедрение инноваций не должно осуществляться в ущерб фундаментальным правам человека.
Ключевые слова: конституционное право, неприкосновенность частной жизни, приватность, конфиденциальность, цифровизация, большие данные, персональные данные, защита данных.

В XXI веке мир претерпевает беспрецедентные трансформации, обусловленные стремительным развитием информационных технологий, появлением феноменов «цифровизации» и «больших данных» (Big Data). Эти процессы, с одной стороны, открывают новые горизонты для развития общества, экономики и науки, предоставляя гражданам невиданные ранее возможности для получения информации, коммуникации и самореализации. С другой стороны, они ставят под сомнение традиционные представления о границах личной жизни, приватности и защите персональных данных.

Сегодня право на неприкосновенность частной жизни, являющееся одним из фундаментальных прав человека, закрепленное в большинстве конституций государств и международных правовых актах, подвергается серьезным испытаниям. Массовый сбор, хранение, обработка и анализ огромных массивов персональной информации, осуществляемые как государственными органами, так и частными корпорациями, создают реальные угрозы для конституционных гарантий приватности. В условиях, когда цифровой след человека становится все более детализированным и доступным, а технологии позволяют с высокой степенью вероятности реконструировать его личные предпочтения, убеждения и даже мысли, остро встает вопрос о механизмах защиты этого фундаментального права. Недостаточная осведомленность граждан о рисках, связанных с распространением их персональных данных, а также постоянное совершенствование технологий сбора и анализа информации делают проблему защиты частной жизни в эпоху цифровизации и «больших данных» одной из наиболее острых и актуальных для современного конституционного права. Поэтому изучение данной проблемы необходимо для обеспечения баланса между интересами личности, общества и государства, гарантирования прав и свобод человека в условиях новой информационной реальности и предотвращения потенциальных злоупотреблений.

В отечественной конституционно-правовой науке существенный вклад в раскрытие сущности и содержания основных прав и свобод, включая право на неприкосновенность личной жизни, семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений внесли такие ученые как: С.А. Авакьян, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, А.И. Лепешкин и др.

С развитием информационных технологий и усилением роли государства в обработке персональных данных научный интерес к проблеме защиты частной жизни значительно возрос. Современные исследования направлены на правовое регулирование доступа к информации, применение технических средств контроля, защиту персональных данных от несанкционированного доступа, а также на специфику интернет-технологий, социальных сетей, биометрических данных и искусственного

интеллекта. Тем не менее, проблематика реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни в условиях «цифровизации» и «больших данных» требует дальнейшей систематизации и глубокого анализа.

Право на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации закреплено в ст. 23 Конституции Российской Федерации [1], а международно-правовое признание получило в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

По мнению И.Л. Лисова, «право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени предполагает запрет любых форм произвольного вмешательства в частную жизнь со стороны государства. Вместе с тем, последнее должно гарантировать каждому защиту от такого вмешательства третьих лиц» [2, с. 362].

В свою очередь, О.В. Судакова считает, что право на неприкосновенность частной жизни – это естественное право человека, которое принадлежит ему от рождения. Автор определяет частную жизнь как семейную и личную сферу человека, контролируемую им и свободную от внешнего вмешательства [3, с. 381].

При этом Н.Г. Беляева уточняет, что право на неприкосновенность частной жизни предполагает не только защиту человека от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, но и обязанность государства воздерживаться от такого вмешательства, а также совершать позитивные действия [4].

Анализ научных подходов позволяет констатировать, что право на неприкосновенность частной жизни является фундаментальным элементом правового государства и демократического общества. Традиционно оно охватывает личные, семейные, интимные отношения, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений. Исторически сформировавшись как барьер против произвольного вмешательства государственной власти и третьих лиц, оно призвано обеспечивать автономию личности, свободу самоопределения и формирование собственного жизненного пространства без постоянного надзора.

Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации осуществляется через следующие механизмы:

– правовое регулирование: национальные законодательства и международные стандарты устанавливают нормы, касающиеся сбора, хранения, использования и передачи персональных данных;

– технические средства защиты: шифрование данных, использование псевдонимности и анонимности, развитые системы аутентификации и авторизации, технологии защиты от вредоносного программного обеспечения [5, с. 31];

– институты надзора и контроля: государственные органы по защите прав субъектов персональных данных (например, Роскомнадзор в России);

– согласие на обработку данных: это получение информированного и добровольного согласия пользователя на сбор и обработку его персональных данных, однако его реальная эффективность в условиях «больших данных» часто подвергается сомнению.

Как отмечают А.Д. Гиндулина и Г.А. Суромкина, в современных условиях формируется широкое правовое регулирование на стыке цифровизации и основополагающего права человека на неприкосновенность частной жизни [6, с. 1].

Систему нормативного обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации составляют следующие акты:

1. Конституция Российской Федерации, в которой закреплено право на неприкосновенность частной жизни в ст. 23 Конституции РФ;

2. Международные нормативные правовые акты: Всеобщая декларация прав человека (ст. 12), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 17), а также Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 8);

3. Федеральные законы: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (устанавливает, что обработка данных, в том числе сведений о частной жизни, допускается преимущественно с согласия субъекта), Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Отдельного внимания заслуживает Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данный акт регулирует отношения, связанные с внедрением цифровых инноваций, и предусматривает, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу при реализации экспериментального правового режима, подлежит возмещению в соответствии с гражданским законодательством РФ.

4. Кодифицированные акты. Гражданский кодекс РФ относит к информации о частной жизни сведения о происхождении, месте пребывания или жительства, личной и семейной жизни (п. 1 ст. 152.2). Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, в том числе за незаконное распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну (ст. 137). Трудовой кодекс РФ (ст. 86) запрещает работодателю получать и обрабатывать данные работника о его политических, религиозных убеждениях и частной жизни без письменного согласия, если это не связано с трудовыми отношениями.

Постановления Конституционного Суда РФ. В Постановлениях от 26.10.2017 № 25-П и от 28.04.2023 № 22-П Конституционный Суд РФ отметил, что сбор сведений в цифровом виде создает благоприятные условия для их неконтролируемого распространения. В Постановлении от 18.01.2024 № 2-П разъяснено, что сведения о частной жизни, полученные с помощью приложений родительского контроля, не подлежат незаконному распространению и могут использоваться исключительно для обеспечения безопасности ребенка. Кроме того, Конституционный Суд неоднократно раскрывал содержание понятия «частная жизнь» (Постановление от 16.06.2015 № 15-П, Определения от 16.07.2013 № 1217-О, от 22.12.2015 № 2906-О и др.).

Несмотря на сформированную нормативную базу, сохраняются риски утечки личной информации и персональных данных. Совершенство систем информационной безопасности нивелируется ростом числа правонарушений в цифровом пространстве, а также практикой сбора избыточных сведений о субъекте в коммерческих целях. Это создает угрозу превращения любых сведений, составляющих приватность, в публичное достояние. По словам заместителя руководителя Роскомнадзора Милоша Вагнера: «не утекут только те данные, которые никто не сохранил или не предоставил» [7, с. 52]. Ярким примером служит инцидент 2019 года, когда в открытом доступе оказались персональные данные 703 тысяч сотрудников РЖД (96% от общей численности). Злоумышленники сопроводили публикацию ироничной надписью: «Спасибо ОАО "РЖД" за предоставленную информацию путем бережного обращения с персональными данными своих сотрудников» [8].

В последние годы неоднократно фиксировались случаи утечки персональных данных клиентов крупных финансовых организаций, в частности Сбербанка. Незаконно полученная информация используется киберпреступниками для взлома мобильных приложений, получения услуг посредством чужих персональных данных, оформления кредитов и иных мошеннических действий. Организованные преступные группы

применяют эти данные в более широких масштабах. Наиболее распространенным видом такого противоправного поведения является телефонное мошенничество.

По данным МВД России, с начала 2025 года более 424,9 тысячи преступлений – около 40 процентов от их общего числа – совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий. Ежедневно фиксируется более 40 миллионов попыток мошеннических звонков. При этом значительная часть противоправных деяний характеризуется высокой степенью общественной опасности: почти половина (48%) относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Материальный ущерб граждан значителен: убытки от дистанционных хищений составили около 200 миллиардов рублей, в то время как возмещено лишь 8,8 миллиарда рублей. Приведенные статистические данные свидетельствуют о системных проблемах не только в сфере профилактики подобных преступлений, но и в механизмах возмещения вреда, что напрямую затрагивает защиту имущественных прав граждан [9].

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения еще больше усугубляет ситуацию. Алгоритмы способны анализировать огромные объемы данных, выявляя скрытые закономерности и делая точные прогнозы относительно поведения, предпочтений и даже уязвимостей человека. Это открывает возможности для персонализированной рекламы и услуг, но одновременно создает риски манипуляций, дискриминации и тотального контроля. Внедрение систем распознавания лиц, анализ мимики и голоса, сбор биометрических данных – все это инструменты, которые, будучи использованы без надлежащего контроля, могут свести на нет само понятие личного пространства. Интеграция ИИ в системы видеонаблюдения, умные города и даже бытовые устройства означает, что мы находимся под постоянным, хотя и невидимым, наблюдением.

Существующая правовая база, формировавшаяся в доцифровую эпоху, зачастую оказывается неспособной адекватно реагировать на новые вызовы. Понятия «вмешательство в частную жизнь» и «персональные данные», закрепленные в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» требуют переосмысления в контексте необратимости цифрового следа и возможностей его обработки. Кроме того, возникает дилемма между необходимостью обеспечения безопасности государства и защитой прав граждан. Борьба с терроризмом, организованной преступностью и киберугрозами часто требует доступа к персональным данным, что создает соблазн для расширения полномочий правоохранительных органов и спецслужб, потенциально нарушая баланс интересов.

К сожалению, традиционные методы правоохранительной деятельности отстают от темпов технологического развития криминальных схем в цифровом пространстве. Несмотря на существующие механизмы защиты, цифровизация и распространение технологий «больших данных» (Big Data) порождают ряд серьезных проблем.

Во-первых, речь идет о массовом сборе и анализе информации: государственные органы и крупные корпорации способны собирать и анализировать беспрецедентные объемы информации о гражданах, зачастую без их осознанного и явного согласия. Полученные данные могут быть использованы для целей наблюдения, таргетированной рекламы, социального скоринга и иных задач.

Во-вторых, сохраняются высокие риски утечек и злоупотреблений: хранение огромных массивов персональных данных делает их привлекательной мишенью для киберпреступников [9].

В-третьих, актуальным остается трансграничный характер оборота данных: перемещение персональной информации через национальные границы затрудняет ее правовую защиту и создает коллизии между различными юрисдикциями.

В-четвертых, наблюдается трансформация понятия «персональные данные»: способность технологий «больших данных» (Big Data) выявлять личные характеристики

человека путем анализа косвенной информации ставит под вопрос адекватность существующих определений персональных данных [5].

Для эффективной защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации и «больших данных» необходим комплексный подход, включающий следующие меры:

Совершенствование законодательства. Принятие норм, четко определяющих границы неприкосновенности частной жизни в цифровой среде.

Внедрение технологических решений. Разработка и внедрение технологий, ориентированных на защиту приватности. Например, внедрение технологий шифрования и анонимизации данных может значительно повысить уровень безопасности личной информации.

Институциональное обеспечение. Создание независимых организаций для мониторинга и контроля за соблюдением прав граждан в цифровом пространстве.

Повышение правовой культуры. Реализация общественными организациями кампаний по повышению осведомленности граждан и защите их интересов.

Усиление надзора и контроля. Укрепление роли и полномочий национальных органов по защите персональных данных.

Этическое регулирование. Разработка и соблюдение этических кодексов компаниями, работающими с «большими данными», что может быть реализовано через создание специализированных органов по защите прав граждан в цифровом пространстве.

Предложенные меры могут быть интегрированы в действующее законодательство Российской Федерации. Например, в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» целесообразно внести нормы, определяющие специфику обработки данных в контексте «больших данных» (Big Data) и алгоритмических систем, установив жесткие ограничения на вторичное использование, профилирование и принятие решений исключительно на основе автоматизированной обработки. В статью 152.2 Гражданского кодекса РФ («Охрана частной жизни гражданина») рекомендуется ввести конкретизированные составы нарушений в цифровой среде, такие как сбор метаданных для формирования поведенческого портрета без явного согласия, и закрепить право на забвение (право на удаление информации). В Кодекс об административных правонарушениях РФ необходимо включить новые составы правонарушений с существенными штрафами за нарушения в сфере цифровой приватности, а в Уголовный кодекс РФ - ввести отдельную статью, предусматривающую ответственность за грубые и умышленные нарушения, повлекшие тяжкие последствия.

Таким образом, цифровизация и феномен «больших данных» представляют собой фундаментальный вызов для конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Традиционные представления о приватности трансформируются, а механизмы защиты сталкиваются с новыми, зачастую технологически более изощренными, угрозами. Современное общество стоит перед сложной задачей поиска баланса между прогрессом, обеспечением национальной безопасности, эффективностью государственных услуг и защитой фундаментальных прав и свобод человека. Поэтому сегодня требуется точное законодательное определение границ законного вторжения в личное пространство граждан. Совершенствование законодательства, применение передовых технических средств защиты, повышение цифровой грамотности граждан, этическое регулирование деятельности технологических компаний и развитие механизмов контроля – все это звенья одной цепи. Обеспечение баланса между инновационным развитием и защитой фундаментальных прав человека является одной из ключевых задач XXI века, от решения которой зависит будущее демократического общества и правового государства. Представляется, что в контексте цифрового общества

и государства принцип незыблемости частной жизни должен стать основополагающим в противодействии цифровому тоталитаризму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Лисов, И.Л. Некоторые аспекты правового регулирования частной жизни в условиях развития информационных технологий // Молодой ученый. – 2024. – № 15 (514). – С. 362–365.

3. Судакова, О.В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 1 (30). – С. 381–384.

4. Романовский, Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке // Гражданин и право. – 2016. – № 4. – URL: https://base.garant.ru/57285279/ (дата обращения: 11.02.2026)

5. Бородин, С.С. К вопросу о выборе способов защиты частной жизни гражданина // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 31–35.

6. Гиндулина А.Д., Суромкина Г.А. Защита прав граждан на неприкосновенность частной жизни в условиях информационного общества // Международный студенческий научный вестник. – 2023. – URL: https://scienceforum.ru/2023/article/ (дата обращения: 11.02.2026)

7. Волкова, Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. – 2022. – № 1. – С. 52–58.

8. Названа причина массовой утечки в интернет персональных данных сотрудников РЖД // Новые Известия [сайт]. – 2019. – URL: https://dlib-eastview-com.proxylibrary.hse.ru/brow8391 (дата обращения: 11.02.2026)

9. Фесько, Д. Как защитить права человека в цифровой среде // Российская газета [сайт]. – 2025. – URL: https://rg.ru/2025/10/30/reg-urfo/ (дата обращения: 11.02.2026)

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND BIG DATA

Abstract. The article examines the impact of digital technologies on the provision and protection of the constitutional right to privacy, emphasizing the importance of legal regulation and improvement of legislation in the field of constitutional provisions that directly affect the right to privacy in the digital environment. The article substantiates the need to find a balance between the interests of the state and society and the privacy of the individual. The author concludes that a balance between the innovative development of society and the protection of fundamental human rights is necessary.

Keywords: constitutional law, privacy, confidentiality, digitalization, big data, personal data, data protection.

Daria Marueva
Scientific supervisor: Timofeeva A.A.,
Senior Lecturer Department of Constitutional and International Law
Donetsk State University
E-mail: Marueva05@yandex.ru

УДК 34.069

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ

Марценюк Е.И.
Научный руководитель: Свиридова К. Е., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе прослеживается эволюция правового регулирования защиты персональных данных – от зарождения идеи неприкосновенности частной жизни в США конца XIX века до формирования современных международных и национальных правовых механизмов. Особое внимание уделено ключевым этапам становления права на защиту персональных данных как самостоятельной категории, включая принятие универсальных документов ООН, актов Совета Европы и ЕС, а также развитие законодательства в США и странах Европы. Проанализировано также российское законодательство в этой сфере, начиная с первых норм 1995 года и заканчивая действующим Федеральным законом «О персональных данных» и сопутствующими методическими документами. Подчёркивается, что несмотря на относительно недавнее оформление персональных данных как объекта правовой охраны, сегодня складывается комплексная система защиты, интегрирующая правовые, организационные и технические меры.

Ключевые слова: персональные данные, международное право, защита информации, информационная безопасность, правовое регулирование.

Дефиниция понятия «персональные данные», хотя и кажется общепринятой, исторически потребовала значительной правовой проработки для своего выделения в самостоятельную правовую категорию, обусловливающую необходимость создания специфических организационных и защитных мер. Этот процесс формализации является недавним достижением в развитии правового регулирования. Тем не менее данные о личности сопутствуют развитию человеческой цивилизации с самых ранних этапов её существования. Накапливаясь на протяжении жизни и являясь неотъемлемой частью процесса социализации, персональные данные создают уникальный «информационный профиль» личности. Именно этот профиль обеспечивает её распознавание в социальной среде и во многом делает возможным само участие индивида в общественной жизни.

Идея права на неприкосновенность частной жизни как самостоятельной юридической категории впервые оформилась в Соединённых Штатах. Её ключевым моментом стало заявление судьи Верховного суда США Луиса Брендайса в 1928 году, который утверждал, что Конституция страны гарантирует гражданам право «оставаться в покое» — иными словами, право на личную обособленность. Однако корни этого правового принципа уходят гораздо глубже: ещё в 1890 году, будучи молодым адвокатом из Бостона, Брендайс вместе с Сэмюэлем Уорреном опубликовал знаменитую статью «Право на частную жизнь», в которой впервые системно обозначил юридические и моральные вызовы, порождённые тогдашней практикой вторжения в личную сферу [1].

К середине XX века в американской правовой доктрине сформировалось понятие privacy – права индивида контролировать собственное «жизненное пространство». Оно включает, в частности, защиту от несанкционированного изъятия личных документов, возможность самостоятельно распоряжаться информацией о себе, а также определять, кому, в каких формах и в каком объёме эта информация может быть раскрыта [2, с. 157].

После завершения Второй мировой войны концепция прав человека пережила качественный скачок: она вышла за рамки национальных и региональных правовых систем и оформилась как универсальный, общемировой принцип. Ключевым этапом этого процесса стало принятие 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека – документа, получившего широкое

международное признание. В нём чётко провозглашено, что никто не должен подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, а также несанкционированным посягательствам на честь и репутацию. При этом каждый человек имеет право на правовую защиту от подобных вторжений [3].

Нормы получили дальнейшее развитие и конкретизацию в международных договорах, ратифицированных нашей страной, в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в Конвенции СНГ о правах и свободах человека. Во всех этих актах закреплено право на уважение частной и семейной жизни, а любые формы посягательства на личное достоинство и честь объявлены недопустимыми.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года и вступивший в силу 23 марта 1976 года, закрепляет важнейшую гарантию: никто не может быть подвергнут произвольному или незаконному вмешательству в свою личную и семейную жизнь, неправомерному вторжению в неприкосновенность жилища, нарушению тайны корреспонденции, а также незаконным посягательствам на честь и репутацию. Согласно статье 17 Пакта, каждый человек имеет право на правовую защиту от подобных вмешательств и посягательств [4].

Однако если до 1970-х годов основное внимание уделялось защите частной жизни как таковой, то с появлением и массовым внедрением автоматизированных систем обработки информации акцент сместился на персональные данные – как на самостоятельный объект правовой охраны. Лидирующую роль в этом процессе сыграли европейские страны. Именно в Европейской конвенции по правам человека (а позже – в практике Европейского суда по правам человека) впервые было официально признано право на защиту персональных данных как одно из фундаментальных прав личности. В частности, в соответствующих документах прямо утверждается: «Каждый имеет право на защиту персональных данных, касающихся его или её» [5].

Формирование права на защиту персональной информации стало итогом продолжительной законодательной и институциональной эволюции. Уже к 1980 году ряд стран, включая Австрию, Канаду, Данию, Францию, Германию, Люксембург, Норвегию, Швецию и США, приняли национальные законы, регулирующие обработку личных данных. В то же время Бельгия, Исландия, Нидерланды, Испания и Швейцария находились на этапе разработки соответствующих законопроектов.

Международные стандарты в области защиты персональных данных закреплены и в документах Совета Европы, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. При этом Конвенция предусматривает возможность ограничения права на частную жизнь, если такое вмешательство является необходимым в условиях демократического общества, например, для обеспечения национальной безопасности, поддержания общественного порядка, защиты экономического благосостояния государства, предотвращения преступлений или беспорядков, а также для охраны здоровья, морали или прав и свобод других лиц [6].

В 1990 году Организация Объединённых Наций разработала «Руководство по компьютерным файлам, содержащим персональные данные», в котором сформулированы ключевые принципы, подлежащие закреплению в национальном законодательстве для обеспечения надёжной защиты личной информации. Среди них – законность и справедливость обработки, достоверность и актуальность данных, чёткое определение целей их сбора, ограничение доступа со стороны посторонних лиц, запрет дискриминации, а также обеспечение контроля и надёжной защиты персональной информации [7].

Дальнейшее развитие правовых стандартов в этой сфере произошло 24 октября 1995 года с принятием Директивы Европейского парламента и Совета ЕС № 95/46/ЕС «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и о

свободном обращении таких данных». Согласно положениям этого документа, любое лицо, имеющее доступ к персональным данным, будь то сам обработчик или третье лицо, действующее по указанию оператора или обработчика, не вправе осуществлять обработку этих данных без прямого поручения оператора, за исключением случаев, когда такая обработка прямо предусмотрена законом [8].

В целях уточнения и развития положений Директивы № 95/46/ЕС был принят акт Директивы 2002/58/ЕС, посвящённый защите персональных данных и частной жизни в сфере электронных коммуникаций. Документ устанавливает строгий запрет на просмотр, запись, хранение или иные формы вмешательства и наблюдения за содержанием сообщений пользователя, а также за данными о трафике, связанными с ними, без предварительного согласия самого пользователя [9].

Отдельное внимание вопросам защиты конфиденциальности цифровой информации уделяется в Конвенции Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS № 185). Одной из её ключевых задач является противодействие правонарушениям, направленным на нарушение конфиденциальности, доступности и целостности компьютерных данных и сетей. В соответствии с Конвенцией каждая сторона обязуется принимать необходимые законодательные и иные меры для квалификации в качестве уголовно наказуемых деяний следующих действий: несанкционированный доступ к компьютерным системам, неправомерный перехват данных, вмешательство в данные или функционирование систем, а также незаконное использование технических средств, предназначенных для совершения подобных преступлений [10].

Согласно положениям Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (ETS № 108), государства-участники обязаны обеспечивать соблюдение принципов конфиденциальности и секретности как в процессе обработки персональных данных, так и в отношении сведений, сопровождающих запросы о правовой или административной помощи [11].

В Российской Федерации ведётся целенаправленная работа по созданию нормативно-методической базы, регулирующей защиту персональных данных. Правовую основу этих отношений составляет статья 24 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица возможны только с его согласия [12].

Впервые понятие персональных данных как категории документированной информации с ограниченным доступом было закреплено в Федеральном законе от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Под ними понимались сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие установить его личности [13].

Позднее этот закон был заменён Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [14], однако в нём уже не содержится прямого определения термина «персональные данные», несмотря на его широкое употребление – в основном при характеристике общедоступной информации. Такой подход объясняется тем, что детальное раскрытие понятия и правовой режим персональных данных были переданы специальному закону – Федеральному закону «О персональных данных» [15].

Именно в этом акте (статья 3) даётся юридическое определение персональных данных, а в статье 2 чётко обозначена его главная цель – обеспечение прав и свобод человека и гражданина при обработке их личной информации, включая защиту права на неприкосновенность частной жизни, а также на тайну личной и семейной жизни.

Формирующаяся в Российской Федерации система нормативно-правового регулирования в области защиты персональных данных в целом согласуется с общепринятыми международными стандартами. Помимо базового Федерального закона

«О персональных данных», она включает ряд специализированных документов, направленных на практическую реализацию требований безопасности.

Среди ключевых элементов этой системы — «Методический документ. Методика оценки угроз безопасности информации» [16], позволяющий адаптировать защитные меры к конкретным условиям; а также Приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 года № 21, утверждающий состав и содержание организационных и технических мер, необходимых для обеспечения безопасности персональных данных в информационных системах [17]. Документы в совокупности формируют комплексный подход к защите личной информации, сочетающий правовые, организационные и технологические аспекты.

Таким образом, согласно анализу нормативно-правового регулирования защиты персональных данных, можно выделить, что системное формирование как международных, так и национальных правовых рамок в этой области началось лишь в 1980-х годах XX века. При этом опыт разработки полноценных законодательных и наднациональных актов, регулирующих защиту персональных данных в условиях автоматизированной обработки информации, насчитывает менее двадцати лет.

Лидирующую роль в становлении этого правового направления сыграли страны Европейского Союза и Соединённые Штаты, ставшие пионерами в создании комплексных механизмов защиты личной информации.

В Российской Федерации первые правовые нормы, касающиеся персональных данных, были закреплены на законодательном уровне в 1995 году. На сегодняшний день основным регулятором в этой сфере выступает Федеральный закон «О персональных данных» от 2006 года. Параллельно с этим продолжается активная работа по разработке методических и практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности и адаптивности системы защиты персональных данных к современным вызовам цифровой эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shils E. The Torment of Secrecy: The Background & Consequences of American Security Policies / E. Shils. – Chicago: Dee, 1956.

2. Лушникова, М.В., Лушников, А.М. Очерки теории трудового права / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. – СПб., 2006. – 274 с.

3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67. – 05.04.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 (резолюция 2200 (XXI)) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 470.

5. Charter of Fundamental Rights of the European Union. Nice, 7 December 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cvce.eu/obj/charter_of_fundamental_rights_of_the_european_union_nice_7_december_2000-en-bd4834f5-deff-4ad0-abdf-071ae4a85edf.html (дата обращения: 11.02.2026).

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004, вместе с Протоколами № 1, № 4, № 7) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

7. Руководство относительно компьютерных файлов персональных данных: принято Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 г. // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 11.02.2026).

8. Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» от 24.10.1995 (с изм. от 29.09.2003) [рус., англ.] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=49528&ysclid=mls8vhs3vz377487460 (дата обращения: 11.02.2026).

9. Директива № 2002/58/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О обработке персональных данных и защите конфиденциальности в секторе электронных средств связи (Директива о конфиденциальности и электронных средствах связи)» от 12.07.2002 (с изм. от 25.11.2009) [рус., англ.] //

СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2570354/?ysclid=mls8wtw2b7145788694 (дата обращения: 11.02.2026).

10. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185). Заключена в г. Будапеште 23.11.2001 (с изм. от 28.01.2003) [рус., англ.] // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13526&ysclid=mls8y6u58k884872737 (дата обращения: 11.02.2026).

11. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS № 108). Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981 (с изм. от 08.11.2001) [рус., англ.] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/?ysclid=mls8yt4avi442094903 (дата обращения: 11.02.2026).

12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ; от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

13. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 8. – Ст. 603.

14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

16. Методический документ. Методика оценки угроз безопасности информации (утв. ФСТЭК России 05.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378330/?ysclid=mls94x54rq243925309 (дата обращения: 11.02.2026).

17. Приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146520/a6615f7b0ffcc68aa0e0796336836d16febbfb4b/?ysclid=mls90n0iqg908649995 (дата обращения: 11.02.2026).

REGULATORY AND LEGAL SUPPORT FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LEGISLATION

Annotation. The paper traces the evolution of the legal regulation of personal data protection — from the origin of the idea of privacy in the United States at the end of the 19th century to the formation of modern international and national legal mechanisms. Special attention is paid to key stages in the development of the right to personal data protection as an independent category, including the adoption of universal UN documents, acts of the Council of Europe and the EU, as well as the development of legislation in the United States and European countries. The Russian legislation in this area has also been analyzed, starting with the first norms of 1995 and ending with the current Federal Law "On Personal Data" and related methodological documents. It is emphasized that despite the relatively recent registration of personal data as an object of legal protection, today a comprehensive protection system is being developed that integrates legal, organizational and technical measures.

Keywords: personal data, international law, information protection, information security, legal regulation.

Martsenyuk E.I.
Scientific supervisor: K. E. Sviridova, Ph.D., associate professor Donetsk State University
E-mail: liza.martseniuk@gmail.com

УДК 343.72

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Медведева А.Э.
Научный руководитель: Семыкина Л. А., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования по ст. 159.1 УК РФ, возникшие после введения специального состава преступления Федеральным законом № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 года. На основе анализа судебной и следственной практики выявлены трудности в определении предмета преступления, момента окончания хищения, размера имущественного ущерба, а также в разграничении с общим составом мошенничества (ст. 159 УК РФ) и незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ). Автор предлагает пути унификации правоприменительной практики и уточнения признаков состава для повышения эффективности уголовно-правовой защиты в кредитной сфере.
Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, квалификация преступлений, имущественный ущерб, субъективная сторона, специальный состав мошенничества, незаконное получение кредита.

Актуальность проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования обусловлена как ростом числа преступлений, совершаемых под видом законных финансовых операций, так и недостаточной устойчивостью правоприменительной практики при разграничении смежных составов преступлений. Введение в действие Федерального закона № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 года, которым в Уголовный кодекс Российской Федерации была включена специальная норма - статья 159.1 УК РФ, - стало важным шагом в дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления [1].

Однако на практике вышеуказанное нововведение породило целый ряд сложностей, связанных с толкованием объективных и субъективных признаков состава, а также с его соотношением как с общей нормой о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), так и с другими специальными составами, в частности - незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ). Анализ судебной и следственной практики свидетельствует о том, что ключевые трудности возникают уже на этапе установления самого предмета преступления: несмотря на то что заемщик может приобретать конкретное имущество (например, бытовую технику), объектом хищения выступают именно денежные средства, переданные банком по кредитному договору. Следовательно, вышеуказанное требует четкого разграничения ситуаций, когда отсутствует формальное кредитование, но имеет место обман, - такие деяния подлежат квалификации исключительно по ст. 159 УК РФ.

Особую сложность представляет определение момента окончания преступления и размера причиненного ущерба. Стоит отметить, что на сегодняшний день в практике сохраняется неоднозначность в вопросе включения в сумму ущерба начисленных процентов и страховых платежей, хотя с точки зрения теории уголовного права реальный имущественный вред при хищении ограничен стоимостью похищенного, то есть суммой кредита. В свою очередь, не менее противоречивым остается и толкование способа совершения преступления: ст. 159.1 УК РФ строго ограничивает его предоставлением заведомо ложных или недостоверных сведений, влияющих на решение кредитора, исключая такой способ, как злоупотребление доверием, характерный для общего состава мошенничества. Вместе с тем, судебная практика зачастую не проводит четкого разграничения между понятиями «ложные» и «недостоверные» сведения, используя их как синонимы, что, с одной стороны, упрощает квалификацию, а с другой - снижает юридическую точность описания преступного деяния.

Также, не менее острой проблемой является установление субъективной стороны преступления, в частности - доказывание корыстного умысла на безвозмездное обращение кредита в свою пользу. Стоит отметить, что именно данный признак позволяет отличить мошенничество от незаконного получения кредита, где заемщик изначально намерен вернуть средства, а также от административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.11 КоАП РФ [2]. Отсутствие четких критериев доказывания умысла часто приводит к переквалификации деяний, что подрывает стабильность правоприменения и справедливость уголовного преследования.

Таким образом, несмотря на наличие специальной нормы, остаются нерешенными вопросы унификации подходов к квалификации мошенничества в сфере кредитования, что создает пробелы в обеспечении эффективной защиты интересов кредиторов и соблюдении принципа законности.

Цель настоящей статьи - выявить и систематизировать актуальные проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования, обусловленные как несовершенством нормативного регулирования, так и противоречиями в правоприменительной практике, а также предложить пути их решения на основе теоретико-правового анализа и обобщения судебных решений.

В результате вступления в силу Федерального закона № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 года в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены существенные изменения, касающиеся преступлений, связанных с мошенничеством. Законодатель дифференцировал виды мошенничества, выделив, помимо общего состава, предусмотренного статьей 159 УК РФ, еще шесть новых видов, среди которых особое место занимает мошенничество в сфере кредитования, регламентированное статьей 159.1 УК РФ.

Данное нововведения в уголовном законодательстве повлекли за собой ряд проблем, связанных с квалификацией специальных видов мошенничества. Однако, сложности возникают при толковании как объективных, так и субъективных признаков данных составов, а также при их отграничении от общего состава мошенничества, закрепленного в статье 159 УК РФ.

Анализ судебной и следственной практики показывает, что наибольшие трудности при квалификации мошенничества в сфере кредитования вызваны неоднозначным толкованием ряда признаков состава данного преступления.

В судебной практике имеют место случаи, когда виновное лицо заключает кредитный договор не с целью получения денежных средств, а для приобретения какого-либо имущества. Так, например, К. пришел в магазин «5 Элемент», где путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений (сотруднику ОАО «Лето Банк» указал заведомо ложные сведения относительно места своей работы и суммы ежемесячного дохода), заключил с ОАО «Лето Банк» кредитный договор. После этого, не останавливаясь на достигнутом, продолжая реализовывать свой преступный умысел, К. приобрел в магазине «5 Элемент» на условиях кредитного договора бытовую технику на общую сумму 42 786 руб., незаконно обратив ее в свое пользование, тем самым доведя свой преступный умысел до конца [3].

При анализе подобных ситуаций важно подчеркнуть, что объектом преступления является не имущество, приобретённое на кредитные средства, а непосредственно сами денежные средства, фигурирующие в кредитном договоре. Банк, предоставляя кредит, фактически передаёт заёмщику не конкретные товары или услуги (будь то бытовая техника или телефон), а именно денежные средства, предназначенные для их приобретения.

Следовательно, в контексте уголовных дел предметом преступления могут выступать исключительно денежные средства, полученные в результате кредитования. Стоит отметить, что если же денежные средства были переданы без

оформления кредитных обязательств, например, в качестве долга при устной договорённости о возврате, то такие действия не могут квалифицироваться по статье 159.1 Уголовного кодекса РФ (мошенничество в сфере кредитования). В случае обмана или злоупотребления доверием при таких обстоятельствах деяние может подпадать под действие общей статьи о мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

Стоит отметить, что второй актуальной проблемой является установление объективной стороны преступления.

Так, хищение с объективной стороны представляет собой противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение денежных средств, совершаемое с корыстной целью и причиняющее имущественный ущерб.

Хищение представляет собой двухоперационный процесс, включающий в себя не только изъятие имущества, но и его последующее обращение. Стоит отметить, что данное обстоятельство определяет момент окончания преступления. В частности, мошенничество в сфере кредитования считается оконченным в момент, когда сумма кредита переходит в незаконное владение виновного или других лиц, предоставляя им реальную возможность пользоваться этими средствами или распоряжаться ими по своему усмотрению.

Как правило, сам факт поступления денежных средств на расчётный счёт уже свидетельствует о наличии такой возможности.

Как считает Ермакова О.В., если представить ситуацию, что по прошествии определенного времени (это могут быть минуты, часы, месяцы и т.д.), при выяснении обстоятельств, счет будет заблокирован, сможем ли мы говорить об оконченном хищении? Думается, нет, поскольку виновное лицо не имеет возможности снятия денежных средств со счета [4, с. 135].

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, выступают преступные последствия в виде причинения имущественного ущерба.

В отдельных уголовных делах сумма ущерба включает в себя и стоимость услуги по добровольному страхованию жизни и здоровья [5].

На наш взгляд, практика учёта начисленных процентов как части имущественного ущерба при мошенничестве в сфере кредитования некорректна. Также, стоит отметить, что реальный имущественный ущерб при хищении ограничивается стоимостью похищенного имущества.

Важно отметить, что в случае мошенничества в сфере кредитования полученное имущество (сумма кредита) не включает в себя проценты за пользование, следовательно, эти проценты не должны учитываться при оценке ущерба.

Ключевым признаком мошенничества в сфере кредитования является способ совершения преступления: предоставление банку или другому кредитору заведомо ложных и/или недостоверных сведений. Однако, данное положение порождает ряд вопросов, а именно какие обстоятельства должны быть отражены в представленных сведениях, а также В чем разница между ложными и недостоверными сведениями?

Некоторые авторы пытаются определить содержание необходимых сведений, перечисляя их: место работы, уровень заработной платы и другие данные, влияющие на решение кредитора о выдаче займа. Однако такой подход, учитывая многообразие требуемой документации для получения кредита, представляется неэффективным и сложным. Следовательно, более приемлемым является подход, согласно которому значение имеют любые сведения, которые могут повлиять на решение кредитора.

П.С. Яни верно указывает, что «они могут содержаться в представляемых кредитору документах, а также в иной информации, в том числе устной. В последнем случае заведомо ложные сведения могут быть представлены кредитору, в частности, в процессе интервью с потенциальным заемщиком банка» [6].

Однако, по нашему мнению, используемые законодателем понятия «ложные» и «недостоверные сведения» по своей сути являются синонимами и означают такую информацию, которая не соответствует действительности. Представленное толкование также используется и судебной практикой.

Так, анализ 28 уголовных дел, квалифицированных по ст. 159.1 УК РФ, показывает, что судебные и следственные органы, также описывая способ совершения мошенничества, ограничиваются формулировкой «путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений» [7].

Мошенничество в сфере кредитования, в отличие от общего состава мошенничества, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса РФ, не включает в себя такой способ совершения преступления, как злоупотребление доверием. Важно отметить, что принципиальное отличие означает, что если в ходе уголовного разбирательства будет установлено, что виновное лицо не предоставляло ложных или недостоверных данных, а лишь получило кредит, опираясь на доверительные отношения с кредитором, то его действия подлежат квалификации по статье 159 УК РФ, регламентирующей общий состав мошенничества.

Следовательно, при возбуждении уголовного дела по статье 159.1 УК РФ, посвящённой мошенничеству в сфере кредитования, нет необходимости ссылаться на общие способы мошенничества, такие как обман или злоупотребление доверием. Важно отметить, что в данном составе способ совершения преступления чётко определён и ограничивается исключительно предоставлением банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Таким образом, в заключении отметим, что отсутствие данного конкретного способа делает невозможным применение статьи 159.1 УК РФ и, при наличии прочих признаков, позволяет квалифицировать деяние по общей статье о мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

Также, стоит отметить, что в настоящее время существуют проблемы определения субъекта преступления.

Так, согласно статье 159.1 Уголовного кодекса РФ, субъектом преступления, связанного с мошенничеством в сфере кредитования, может быть только заемщик, то есть лицо, непосредственно участвующее в кредитных отношениях в качестве стороны, получающей денежные средства.

Важно отметить, что если мошеннические действия выявляются до того момента, как лицо официально становится заемщиком (например, на этапе рассмотрения предоставленных документов), то содеянное квалифицируется как покушение на мошенничество в сфере кредитования согласно части 3 статьи 30 и части 1 статьи 159.1 УК РФ.

Таким образом, определение статуса заемщика играет ключевую роль при решении вопроса о возможности квалификации действий именно по статье 159.1 УК РФ.

Мошенничество в сфере кредитования является специальной нормой по отношению к общей норме, установленной статьей 159 УК РФ, которая предусматривает ответственность за мошенничество в целом. Следовательно, вышеуказанное означает, что при отсутствии хотя бы одного из специфических признаков мошенничества в сфере кредитования деяние должно квалифицироваться по общей норме о мошенничестве.

Однако, стоит отметить, что помимо конкуренции между общей и специальной нормами возникает проблема конкуренции между самими специальными нормами, регулирующими отношения в кредитной сфере. В частности, необходимо проводить чёткое разграничение между составами мошенничества в сфере кредитования (статья 159.1 УК РФ) и незаконным получением кредита (статья 176 УК РФ), поскольку они описывают различные виды противоправных действий в этой сфере.

Как отмечает в своей работе Ермакова О.В. в отличие от мошенничества в сфере кредитования состав незаконного получения кредита имеет следующие особенности:

- субъектом ст. 176 УК РФ является не любой заемщик (как в ст. 159.1 УК РФ), а только индивидуальный предприниматель или руководитель организации;

- предметом состава незаконного получения кредита, в сравнении со ст. 159.1 УК РФ, являются не только денежные средства, но и льготные условия кредитования;

- при мошенничестве умысел преступника существует уже в момент введения кредитора в заблуждение и направлен на противоправное и безвозмездное с корыстной целью изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. При незаконном получении кредита умысел преступника направлен на временное получение кредита с последующим, пусть и несвоевременным, возвращением денежных средств, взятых в кредит [8, с. 198].

Важно отметить, что основной сложностью для правоприменителей является доказывание умысла в преступлениях, связанных с невозвратом кредитных средств. Большинство обвиняемых отрицают намерение совершить хищение, объясняя невозврат кредита ухудшением своего финансового положения из-за различных факторов, таких как экономические кризисы, недобросовестность контрагентов или неэффективное управление.

Недостаточное доказательство умысла часто приводит к переквалификации мошенничества на незаконное получение кредита. В случаях конкуренции составов преступлений, предусмотренных статьями 159.1 (мошенничество в сфере кредитования) и 176 (незаконное получение кредита) Уголовного кодекса РФ, квалификация должна определяться исходя из нормы, наиболее точно отражающей признаки совершенного деяния.

Помимо вопросов разграничения уголовных преступлений в сфере кредитования, правоприменители сталкиваются с проблемой отделения уголовно наказуемых деяний от административных правонарушений.

По мнению Агишева Д.С. административная ответственность за незаконное получение кредита либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о своем хозяйственном положении, либо финансовом состоянии предусмотрена ст. 14.11 КоАП. Автор отмечает, что данная статья распространяется только на те ситуации, когда виновное лицо, не имея умысла на хищение и невозвращения незаконно получаемых денежных средств, путем предоставления ложной информации, получает кредит. Соответственно, указанное правонарушение, в первую очередь, является смежным со ст. 176 УК РФ [9, с. 205].

Таким образом, в соответствие с вышесказанным следует сделать вывод о том, что введение в уголовное законодательство специального состава мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) стало важным шагом в дифференциации ответственности за экономические преступления, однако на практике породило ряд сложностей, связанных с квалификацией данного деяния. Анализ судебной и следственной практики свидетельствует о том, что ключевые проблемы возникают при установлении объективных и субъективных признаков состава, а также при его разграничении как с общей нормой о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), так и с другими специальными составами, в частности - незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ).

Особую трудность представляет определение предмета преступления: несмотря на то, что заёмщик может приобретать конкретное имущество (например, бытовую технику), объектом хищения выступают именно денежные средства, переданные банком по кредитному договору. Стоит отметить, что вышеуказанное требует чёткого разграничения случаев, когда отсутствует формальное кредитование, но имеет место обман - такие деяния подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ.

Также вызывает споры момент окончания преступления и определение размера ущерба: начисленные проценты и страховые платежи не должны включаться в сумму причинённого вреда, поскольку реальный ущерб ограничивается размером полученного кредита.

Способ совершения преступления, предусмотренный ст. 159.1 УК РФ, строго ограничен предоставлением заведомо ложных или недостоверных сведений, влияющих на решение кредитора. При этом злоупотребление доверием, характерное для общего состава мошенничества, в данном случае исключается. Следовательно, отсутствие указанного способа делает невозможным применение специальной нормы и требует квалификации по ст. 159 УК РФ. Кроме того, субъектом преступления может быть только лицо, уже ставшее заемщиком; действия до заключения договора квалифицируются как покушение.

Также, следует отметить, что наиболее острым остаётся вопрос доказывания субъективной стороны: наличие корыстного умысла на безвозмездное обращение кредита в свою пользу отличает мошенничество от незаконного получения кредита, где заёмщик изначально намерен вернуть средства. Стоит отметить, что данная грань особенно важна при столкновении уголовной и административной ответственности: при отсутствии умысла на хищение, но наличии крупного ущерба (свыше 1,5 млн руб.), применяется ст. 176 УК РФ, а при меньшем ущербе - ст. 14.11 КоАП РФ.

Таким образом, в заключении стоит отметить, что перспективы решения указанных проблем лежат в плоскости унификации правоприменительной практики, разработки методических рекомендаций по установлению умысла и чёткого толкования признаков состава, что позволит повысить эффективность борьбы с мошенничеством в кредитной сфере и обеспечить справедливое применение уголовного закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2026)

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.02.2026)

3. Обвинительный акт по уголовному делу № 327116. ОД ОМВД России по г. Новоалтайску // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://actofact.ru/case-22RS0015-1-171-2021-2021-01-26-2-0/ (дата обращения: 10.02.2026)

4. Ермакова О.В. Специальные виды мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ): вопросы квалификации законодательных новелл // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2014. - № 3 (35). - С. 134–136.

5. Приговор № 1-10/2016. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-g-arzamas-nizhegorodskoj-oblasti-s/act-226538997 (дата обращения: 10.02.2026)

6. Ермакова О.В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации, связанные с отграничением от смежных составов преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2017. - № 1 (32). - С. 180-181.

7. Приговор №1-254 Ленинского районного суда г. Барнаула, № 1-408 Октябрьского районного суда г. Барнаула; приговор № 1-12/2016. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-107-samarskoj-oblasti-s/act-226543376. (дата обращения: 10.02.2026)

8. Ермакова О.В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования // Вестник Томского государственного университета. - 2016. - № 406. - С. 197-201.

9. Агишева, Д.С. Мошенничество в сфере кредитования как новый вид преступления // Вестник науки. - 2024. - Т. 2. - № 4 (73). - С. 203-207.

CURRENT PROBLEMS OF FRAUD QUALIFICATION IN THE FIELD OF LENDING AND PROSPECTS FOR THEIR SOLUTION

Annotation. The article analyzes the current problems of fraud qualification in the field of lending under Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which arose after the introduction of a special offense by Federal Law No. 207-FZ of November 29, 2012. Based on the analysis of judicial and investigative practice, difficulties have been identified in determining the subject of the crime, the moment of the end of the theft, the amount of property damage, as well as in distinguishing between the general composition of fraud (art. 159 of the Criminal Code) and illegal obtaining of credit (art. 176 of the Criminal Code). The authors propose ways to unify law enforcement practice and clarify the characteristics of the composition in order to increase the effectiveness of criminal law protection in the credit sector.
Keywords: fraud in the field of lending, Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification of crimes, property damage, subjective side, special composition of fraud, illegal loan receipt, law enforcement practice.

A.E. Medvedeva.
Scientific adviser: Semykina L. A., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: turchinovich3112@gmail.com

УДК 316.344.4:321.7(470)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМАТИКА, ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Неласова О. В.
Научный руководитель: Степанова Ю. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данном исследовании пристальное внимание уделено комплексному анализу процессов, сопровождающих становление и укрепление гражданского общества в условиях современной Российской Федерации. Особый акцент сделан на идентификации ключевых трудностей и барьеров, препятствующих эффективному функционированию гражданских инициатив. В ходе анализа исторического опыта, постсоветской трансформации и текущей социально-политической ситуации автор применяет сравнительно-правовой, историко-юридический и системный методы. Установлено, что развитие гражданского общества сдерживается такими факторами, как доминирование вертикали власти, слабость третьего сектора, низкий уровень правовой культуры и социальной активности, а также недостаточная самостоятельность местного самоуправления. Вместе с тем отмечены позитивные тенденции - рост числа НКО, правовое закрепление общественного контроля и потенциал для перехода к модели «общества солидарности».
Ключевые слова: гражданское общество, государственная власть, некоммерческие организации, общественный контроль, правовая культура, местное самоуправление, политическая система, социальная активность.

Гражданское общество в современной России представляет собой сложный, динамично развивающийся социальный феномен, находящийся на пересечении исторических традиций, постсоветского наследия и глобальных вызовов. Гражданское общество выступает неотъемлемым элементом политической системы, призванным обеспечивать баланс между государственной властью и интересами граждан, способствовать укреплению демократии и правового государства. Однако, несмотря на декларируемую поддержку со стороны власти и наличие формальных институтов, процесс его становления остается противоречивым и незавершённым.

Актуальность темы обусловлена как внутренними вызовами – наследием авторитарных практик, низким уровнем доверия к институтам, слабостью третьего сектора, так и внешними факторами – геополитической напряжённостью, экономической нестабильностью и трансформацией ценностных ориентиров общества. Следовательно, в этих условиях особенно остро встаёт проблема поиска устойчивой модели взаимодействия между государством и гражданским обществом, способной обеспечить не только формальное сосуществование, но и конструктивное партнёрство, основанное на принципах равноправного диалога, общественного контроля и совместной ответственности за развитие страны.

Современное состояние гражданского общества в России характеризуется рядом структурных и культурных ограничений: доминированием «синдрома авторитаризма» в массовом сознании, низким уровнем правовой культуры, слабостью местного самоуправления, ограниченной социальной ответственностью бизнеса и узостью среднего класса – традиционной опоры гражданской активности. При этом в научной литературе отсутствует консенсус относительно самой природы гражданского общества: одни исследователи рассматривают его как универсальный продукт модернизации, другие – как специфический результат западноевропейского исторического развития, малоприменимый к российской действительности. Именно в этом контексте возникает нерешённая часть общей проблемы: отсутствие комплексного, междисциплинарного анализа закономерностей и тенденций формирования гражданского общества в России с

учётом её уникального историко-культурного кода, институциональных особенностей и текущих социально-политических реалий.

Цель настоящей статьи – восполнить указанный пробел, осуществив системный анализ проблематики, закономерностей и тенденций формирования гражданского общества в современной России.

В своей работе В.В. Прилепский отмечает, что в гражданское общество выступает в качестве «лакмусовой бумаги» успешности/неуспешности модернизации в России, которая, согласно концепции Эйзенштадта, представляет собой, «…процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической системы, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» [1, с. 160].

В трактовке Е.А. Попова и С.Г. Максимова, масштабные трансформационные сдвиги выступили своеобразным катализатором, значительно повысившим внимание российского академического сообщества к категориальному аппарату гражданского общества. Исследователи усматривают прямую зависимость между этим научным трендом и текущими социально-экономическими реалиями, сложившимися в стране в период перемен. При этом авторы акцентируют внимание на том, что активизация дискуссий вокруг данной темы продиктована насущной потребностью интерпретировать глубинные причины, по которым прогнозируемый экономический успех не был достигнут. Следовательно, обращение к концепту гражданского общества обусловлено стремлением ученых найти рациональное объяснение феномену несостоявшегося «российского экономического чуда» [2, с. 15].

Реализация либеральных реформ в России в начале 90-х годов XX века, хотя и привела к появлению свободного рынка, обернулась катастрофическим падением экономических показателей и снижением уровня жизни для большинства населения.

Отметим, что данный неутешительный результат ставит под вопрос применимость концепции гражданского общества к российской социальной реальности. Особенно если учесть, что идея гражданского общества исторически возникла в западной культуре и цивилизации.

Некоторые ученые считают его исключительно продуктом западной цивилизации, в то время как другие утверждают, что гражданское общество – универсальное явление, основанное на рыночной экономике. Тем не менее, очевидно, что в традиционных и модернизирующихся обществах, к которым относится Россия, необходимые условия для существования гражданского общества отсутствуют. Сама модернизация свидетельствует о догоняющем развитии, что затрудняет формирование устойчивой гражданской сферы.

Т.М. Сафонов акцентирует внимание на том, что отдельные институты, которые можно отнести к гражданскому обществу, зародились еще в советскую эпоху. В качестве иллюстрации приводятся массовые всесоюзные объединения, такие как общества людей с ограниченными возможностями здоровья, сумевшие консолидировать вокруг себя сотни тысяч граждан. Исследователь подчеркивает двойственность их положения: при формальном статусе независимых структур де-факто они функционировали как составная часть государственного механизма, что наиболее ярко проявлялось в деятельности профсоюзов [3, с. 45].

Кардинальная трансформация данной сферы произошла после ухода советской системы. По данным И.В. Мерсияновой и В.Б. Беневоленского, в этот период возникли принципиально иные автономные структуры. Их развитие пошло по разным векторам: часть организаций вовлеклась в политическую борьбу и электоральные процессы, в то время как другие прошли процедуру институционализации, закрепив за собой статус представителей «третьего сектора» [4, с. 90].

В то же время вопрос о исторических корнях отечественной демократии остается дискуссионным. И.Я. Фроянов оспаривает существование значимых республиканских традиций в истории России, указывая на несостоятельность ссылок на опыт Новгорода и Пскова. Согласно его позиции, эти образования были локальными феноменами, не повлиявшими на становление политического уклада Московского государства и Российской империи. Более того, внутреннее устройство Новгородской и Псковской республик базировалось на олигархических принципах, а не на подлинном народовластии [5, с. 200].

Однако, с начала 2000-х годов наблюдается новый этап развития гражданского общества, характеризующийся укреплением его институтов. Важным фактором в развитии гражданского общества стало принятие федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» № 212-ФЗ от 21 июля 2014 г. Этот закон, создав правовую базу для национальной системы общественного контроля, позволил шире вовлечь общественность в модернизационные процессы и реализацию гражданских инициатив [6].

По мнению отечественного исследователя А.И. Феталиева, даже при передаче государству широкого круга общественных задач социум не утрачивает свою автономность. Ключевым условием поддержания такой самостоятельности выступает качественно организованная система общественного контроля [7, с. 90].

Тем не менее, анализ правоприменительной практики свидетельствует о низкой эффективности действующих нормативных актов: инструменты вроде общественного мониторинга, проверок и экспертиз фактически игнорируются некоммерческими организациями. Вероятным источником подобной инертности является недостаточная профессиональная подготовка активистов НКО. Совокупность этих факторов обуславливает уязвимость третьего сектора, выражающуюся в нехватке квалифицированных кадров, разобщенности организаций и отсутствии системной работы с медиапространством.

В качестве меры по стабилизации положения Г.А. Миннигалеева рекомендует вовлечь НКО в процесс оказания социальных услуг. Реализация данного подхода, как полагает автор, позволит расширить возможности развития сектора за счет улучшения финансового обеспечения, внедрения инновационных практик и налаживания прямой коммуникации с населением [8, с. 40].

Вместе с тем, в современной динамике наблюдаются и негативные сдвиги. А.В. Зайцев акцентирует внимание на тенденции интеграции институтов гражданского общества в государственную властную вертикаль. Эксперт предупреждает, что тиражирование авторитарных форматов взаимодействия ведет к подавлению общественной инициативы, росту апатии среди граждан и блокированию процессов социальной модернизации [9, с. 70].

Согласно исследованиям В.К. Левашова и других авторов, существующие деструктивные тенденции в обществе могут иметь катастрофические последствия для развития гражданского общества. Они призывают к комплексной перестройке взаимодействия между государством и институтами гражданского общества на основе открытого и равноправного диалога.

Негативное влияние на развитие гражданского общества оказывают как внутренние, так и внешние факторы, что подтверждается сложностями, с которыми сталкивается современное российское общество [10, с. 156]. Ситуация осложняется растущим числом россиян, участвующих в несанкционированных акциях и мероприятиях.

Развитие гражданского общества в России можно рассматривать в контексте концепции «маятниковой модели» трансформаций, предложенной известным российским социологом В.А. Ядововым [11, с. 61]. Данная модель предполагает

цикличность развития российского общества между крайними полюсами «коллективизма, державных настроений» и «либерализма, либеральных ценностей».

Современные правоведы единодушны в том, что формирование гражданского общества в России сталкивается с серьезными препятствиями. В российском обществе до сих пор наблюдается так называемый «синдром авторитаризма». Значительная часть населения, независимо от возраста, поддерживает идею сильной власти, которая, по их мнению, должна обеспечить порядок и безопасность. Однако, их понимание “жесткой руки” отличается от общепринятого в политической науке определения авторитарного режима. Россияне хотят видеть сильное государство, которое эффективно регулирует экономику, защищает граждан от произвола и беззакония, но при этом сохраняет политические свободы [12, с. 50].

Следовательно, такая позиция отражает пассивность населения и веру в то, что государство само способно решить все проблемы, не требуя от граждан активного участия в политической жизни. Причиной такой пассивности является, в первую очередь, неэффективность работы государственного аппарата. Низкая степень доверия к политическим лидерам обусловлена неудовлетворительными результатами их деятельности, что приводит к ощущению бессилия и скептицизму в отношении возможности влиять на политические решения [13, с. 135].

Низкий уровень доверия граждан к политическим лидерам России обусловлен, в том числе, высоким уровнем коррупции и сохранением олигархической модели экономики. По оценкам экспертов, ежегодные потери российской экономики от коррупции составляют 8-10 триллионов рублей, что превышает 50% государственного бюджета. Кроме того, значительная часть крупных компаний находится в собственности Правительства РФ или лиц, приближенных к власти.

Современная архитектура российской власти выстроена таким образом, что её безусловным центром тяжести выступают Президент и его Администрация. Остальные политические субъекты, хотя формально и включены в систему управления, функционируют в строго очерченных правовых рамках, из-за чего их реальное влияние на выработку ключевых государственных решений оказывается существенно ограниченным. При более глубоком анализе нормативного фундамента страны обнаруживается определенный концептуальный дуализм. С одной стороны, Конституция Российской Федерации гарантирует идеологический плюрализм, запрещая утверждение какой-либо обязательной государственной доктрины и допуская свободное существование различных взглядов. С другой стороны, в тексте Основного закона, по мнению исследователей, фактически закреплены принципы либеральной идеологии. Главным проводником данного курса является партия «Единая Россия», располагающая парламентским большинством и обеспечивающая всестороннюю поддержку как внутренней, так и внешней политике главы государства [14, с. 217].

В современной России наблюдается имитация многопартийности, где продвигаемая идеология, не являясь отражением политики правящей партии, навязывается обществу как государственная путем подавления оппозиции. Отметим, что данная идеология была внедрена вскоре после распада СССР «сверху вниз», в условиях отсутствия альтернативы для общества, находящегося в переходный период становления демократии, объективна.

Российский политический ландшафт представлен партиями с различными идеологическими платформами: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) отстаивает коммунистическую идеологию, в то время как Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) ориентируется на консервативные и патриотические ценности; в свою очередь «Справедливая Россия» провозглашает приверженность социал-демократическим принципам, дополняя их идеями модернизированного социализма.

Таким образом, либеральные, консервативно-патриотические и социалистические идеологии занимают доминирующие позиции в российском идеологическом пространстве. Стоит отметить, что данная тенденция подтверждается также идеологическими платформами внепарламентских партий, которые, как правило, придерживаются сходных концепций.

Несмотря на наличие многообразия политических сил, полный плюрализм в российском политическом пространстве пока не реализован. Однако потенциал для его развития существует, открывая перспективы для дальнейшего укрепления демократических принципов.

В ведущих странах мира, таких как Евросоюз (75%), Соединенные Штаты (65%) и Япония (80%), малый бизнес играет ключевую роль в экономике, обеспечивая работой значительную часть населения. В России же этот показатель существенно ниже, составляя всего 26%, что свидетельствует о недостаточной развитости предпринимательского сектора.

Исследование текущего социального устройства Российской Федерации свидетельствует о наличии серьезного диспропорционального распределения среди общественных страт. Несмотря на то, что классический средний класс исторически считается фундаментом общественной устойчивости и базой для развития гражданских институтов, его количественный показатель в стране остается достаточно низким, составляя порядка 20–25% от общей численности населения. При этом гораздо более масштабной группой выступают так называемые прото-средние слои, которые превосходят по численности устоявшийся средний класс примерно на 60%. Специфика данной категории заключается в том, что ее представители обладают лишь набором отдельных характеристик, типичных для среднего класса, не отвечая при этом его полным критериям [15, с. 130].

Дееспособность гражданского общества находится в прямой зависимости от эффективности работы органов местного самоуправления, однако формирование новой муниципальной модели сопровождалось рядом стратегических ошибок. Разработчики реформы упустили из виду существенную социально-экономическую дифференциацию российских регионов, а также разнородность самих муниципальных образований. Пренебрежение такими важными параметрами, как географические масштабы территорий, степень их хозяйственного освоения и ресурсный потенциал, привело к внедрению жесткого принципа унификации там, где требовался гибкий и дифференцированный подход. Реальное разнообразие муниципальной практики в субъектах было заменено едиными шаблонами, что вступило в противоречие с фактическим положением дел. В итоге значительное количество муниципалитетов в настоящее время испытывает трудности даже с обеспечением базовых потребностей жителей, что делает невозможным их полноценное функционирование в качестве институтов гражданского общества [16, с. 40].

Местные администрации все больше интегрируются в единую вертикаль власти, подчиняясь федеральным и региональным исполнительным органам. В финансовой сфере отмечается относительная финансовая самостоятельность, муниципалитеты активно привлекают дотации в силу недостаточности налоговой базы для покрытия всех расходов [17, с. 3].

Несмотря на то, что государство предпринимает шаги по решению комплекса проблем, их недостаточно. С одной стороны, существует много людей, в том числе молодежи, которые активно стремятся к изменениям в стране, как в государственном управлении, так и в общественных отношениях. С другой стороны, государственный аппарат громоздкий и негибкий, не способен быстро реагировать на изменения в обществе.

Следовательно, такое положение дел свидетельствует о том, что гражданское общество в России находится этапе развития, нуждаясь в дальнейшем формировании и укреплении.

В современной российской науке, опирающейся на глубокий анализ и предвидение социальных сдвигов, сформировалось представление о трех возможных траекториях эволюции гражданского общества в стране [18, с. 120]. Наиболее благоприятный прогноз, именуемый моделью солидарности, строится на предположении, что улучшение экономического положения и рост уровня образования станут катализаторами общественной активности. В такой среде фундаментом взаимоотношений выступают доверие и ответственность, позволяющие людям осознавать свою реальную причастность к управлению государственными процессами и чувствовать свою способность влиять на них.

Промежуточное положение занимает инерционный сценарий, при котором структуры гражданского общества существуют номинально и демонстрируют внешнее разнообразие, однако лишены внутренней прочности. Уровень вовлеченности граждан в подобные практики варьируется от незначительного до умеренного. Критической проблемой здесь становится то, что локальная общественная активность часто фактически монополизируется муниципальными структурами, что существенно сужает пространство для самостоятельных инициатив и снижает автономию гражданских институтов, делая их зависимость от власти более выраженной.

Крайне негативная перспектива описывается через модель социальной пассивности. Для нее характерна хрупкость социального фундамента, особенно заметная в отдаленных регионах, а также системная нестабильность третьего сектора, обусловленная острой нехваткой ресурсов. В данных условиях государственные органы не рассматривают общественные организации как значимых партнеров в развитии территорий, каналы взаимодействия сужены, а само население проявляет низкую готовность к самоорганизации и коллективным действиям, что консервирует отчужденность общества от власти.

Систематизация полученных в ходе работы данных приводит к заключению, что наиболее перспективным вектором для полноценного становления гражданских структур является именно первоначально предложенный сценарий. Имеется достаточно аргументов в пользу того, что практическое воплощение этой модели лежит в плоскости реальности, а не остается исключительно гипотетической конструкцией. При этом ключевым условием для сохранения поступательного и конструктивного развития данной сферы выступает выстраивание сбалансированной системы кооперации между всеми значимыми участниками процесса.

Речь идет о необходимости достижения консенсуса между личными устремлениями, общественными потребностями, предпринимательским сектором и государственным аппаратом, куда в обязательном порядке должны быть интегрированы представители как действующей власти, так и альтернативных политических сил. Фундаментальное значение приобретает формирование в Российской Федерации здоровой социально-политической атмосферы, способной послужить катализатором для проявления жителями самостоятельных общественных инициатив.

Практическое применение указанных рекомендаций позволит заложить крепкий базис для устойчивого прогресса в области социальной самоорганизации. Это, в свою очередь, создаст благоприятные условия для последующего укрепления и масштабирования сети профильных институтов в рамках отечественного государства, гарантируя их жизнеспособность и результативность на длительном временном отрезке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прилепский, В. В. Гражданское общество в современной России: проблемы становления и развития / В. В. Прилепский // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 6. – С. 155–167.
2. Попов, Е. А., Максимова, С. Г. Современное гражданское общество в России: проблемы становления и регионального развития / Е. А. Попов, С. Г. Максимова // NB: Проблемы общества и политики. – 2012. – № 1. – С. 1–20.
3. Сафонов, Т. М. Проблемы становления институтов гражданского общества в современной России / Т. М. Сафонов // Юный ученый. – 2024. – № 3 (77). – С. 44–47.
4. Мерсиянова, И. В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон / И. В. Мерсиянова, В.Б. Беневоленский // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 2. – С. 83–104.
5. Фроянов, И. Я. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть / И. Я. Фроянов. – М.: Русский издательский центр. – 2012. – 276 с.
6. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон № 212-ФЗ : принят Государственной Думой 04.07.2014 : одобрен Советом Федерации 09.07.2014. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/ (дата обращения: 09.02.2026). – Режим доступа: свободный.
7. Феталиев, А. И. Об общественном (гражданском) контроле и его законодательной концепции в России / А. И. Феталиев // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 1. – Ч. 3. – С. 89–95.
8. Миннигалеева, Г. А. Инновации в некоммерческих организациях: управленческий контекст / Г. А. Миннигалеева // Менеджмент в России и за рубежом. – 2015. – № 5. – С. 36–43.
9. Зайцев, А. В. Государство и гражданское общество: дефицит диалога / А. В. Зайцев // Гуманитарные научные исследования. – 2019. – № 8. – С. 67–73.
10. Состояние гражданского общества в России / В. К. Левашов, А. Ф. Афанасьев, О. П. Новоженина, И. С. Шушпанова. – М.: ФБГУН ИСПИ РАН. – 2017. – 322 с.
11. Ядов, В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3. – С. 55 – 64.
12. Калиниченко, А. О. Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы развития / А. О. Калиниченко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 2 (43). – С. 46-52.
13. Троицкая, Т. В. Проблемы становления гражданского общества в России / Т. В. Троицкая // Economic Consultant. – 2016. – № 1. – С. 132-139.
14. Углов, С. А. Становление и развитие института гражданского общества в современной России / С. А. Углов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 3. – С. 214-221.
15. Хайрутдинова, Л. Р. Перспективы развития институтов гражданского общества в России: иллюзия или реальность? / Л. Р. Хайрутдинова // ВУЗ. – XXI век. – 2014. – № 1 (44). – С. 128–132.
16. Хасанов, Э. Р. Перспективы развития гражданского общества в России / Э. Р. Хасанов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 39–43.
17. Федотов, А. А. Перспективы развития гражданского общества в современной России / А. А. Федотов // На пути к гражданскому обществу. – 2012. – № 1–2 (5–6). – С. 3.
18. Ивахина, А. Е. Перспективы развития гражданского общества в современной России. / А. Е. Ивахина // Экономика и право. – 2020. – №. 8. – С. 119–126.

FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS, PATTERNS AND TRENDS

Annotation. In this study, close attention is paid to a comprehensive analysis of the processes accompanying the formation and strengthening of civil society in the conditions of the modern Russian Federation. Special emphasis is placed on identifying key difficulties and barriers that hinder the effective functioning of civic initiatives. During the analysis of historical experience, the post-Soviet transformation and the current socio-political situation, the author applies comparative legal, historical, legal and systematic methods. It is established that the development of civil society is hindered by such factors as the dominance of the vertical of power, the weakness of the third sector, the low level of legal culture and social activity, as well as the lack of independence of local self-government. At the same time, positive trends were noted - an increase in the number of NGOs, the legal consolidation of public control, and the potential for a transition to a "solidarity society" model.

Keywords: civil society, Russia, state power, non-profit organizations, public control, legal culture, local government, modernization, political system, social activity.

Nelasova O.V.
Scientific adviser: Stepanova Yu.S., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: k.nelasova@vk.com

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Никишина В.В.
Научный руководитель: Хоруженко К.А., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе анализируются ключевые проблемы правового регулирования договора строительного подряда в Российской Федерации, обусловленные пробелами и неопределённостями в действующем законодательстве. Особое внимание уделяется вопросам формы договора, содержания его существенных условий — в частности, предмета и цены, — а также разногласиям в судебной практике и научной доктрине. Обосновывается необходимость законодательных изменений, включая обязательное закрепление письменной формы ДСП и уточнение критериев пересмотра сметы при непредвиденном превышении затрат. Предлагается унификация понимания «предмета» договора через разъяснения Верховного Суда РФ для повышения предсказуемости и стабильности в сфере строительных правоотношений.
Ключевые слова: договор строительного подряда, существенные условия, форма договора, предмет договора, цена договора, судебная практика.

Современное законодательство Российской Федерации, регулирующее применение и исполнение договора строительного подряда (далее — ДСП), содержит ряд спорных и недостаточно проработанных моментов.

По этому поводу Н. Андрианов отмечает, что судебная практика по строительным спорам отличается значительным объёмом, однако устойчивый рост числа таких дел указывает на то, что участники правоотношений при заключении и исполнении договоров на выполнение строительных работ зачастую недостаточно внимательно оценивают сопряжённые с ними правовые риски [1, с. 7].

В первую очередь стоит обратить внимание на вопрос о форме заключения ДСП: в соответствующих нормах Гражданского кодекса Российской Федерации она прямо не установлена [2]. Данное обстоятельство делает необходимым обращение к общим положениям статьи 161 ГК РФ, согласно которым сделка должна оформляться единым документом, подписанным сторонами, при этом нотариальное удостоверение не требуется.

Вместе с тем, согласно статье 162 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), отсутствие письменной формы договора само по себе не влечёт его недействительность — это возможно лишь в тех случаях, когда закон прямо обязывает оформлять соответствующий договор именно в письменном виде. Поскольку в отношении договора строительного подряда (ДСП) такое требование законодателем прямо не установлено, вопрос о необходимой форме его заключения остаётся неурегулированным. Следовательно, формально допускается возможность заключения ДСП и в устной форме.

С учётом изложенного, представляется целесообразным внесение изменений в действующее гражданское законодательство Российской Федерации. В частности, российскому законодателю следует закрепить чёткое требование о письменной форме договора строительного подряда (ДСП). Для этого, на наш взгляд, целесообразно дополнить статью 740 Гражданского кодекса РФ новым пунктом 4 следующего содержания: «Договор строительного подряда подлежит заключению в письменной форме». Такая нормативная конкретизация не только устранит правовую неопределённость, связанную с формой ДСП, но и существенно усилит гарантии защиты прав и законных интересов всех участников данного вида обязательственных отношений.

Судебная практика показывает, что одной из наиболее острых проблем при оформлении договоров подряда является ненадлежащее определение их существенных условий. В соответствии со статьями 432 и 708 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), отсутствие или нечёткая формулировка таких условий может повлечь признание договора строительного подряда (ДСП) незаключённым.

В таком случае стороны теряют возможность ссылаться на его положения и защищать свои права в судебном порядке. Например, Арбитражный суд города Москвы в одном из дел отказал в удовлетворении требований по ДСП, установив, что соглашение не содержит согласованных сторонами сроков завершения работ, что является существенным условием, предусмотренным законом [3].

При установлении того, были ли соблюдены все существенные условия договора строительного подряда (ДСП), суды тщательно анализируют совокупность обстоятельств конкретного дела. Так, Арбитражный суд Пермского края отказал в признании ДСП незаключённым, исходя из того, что подрядчик фактически выполнил работы, направил заказчику акты о выполнении работ, а последний не представил мотивированного отказа от их подписания [4].

Примечательно, что в данном решении не раскрывается, какие именно условия ответчик считал несогласованными и почему, по его мнению, соглашение не может считаться заключённым.

Тем не менее очевидно, что именно пробел в законодательстве — отсутствие чётко установленного перечня существенных условий ДСП — становится источником правовой неопределённости и порождает значительные сложности при рассмотрении споров такого рода. Данная проблема требует системного решения на нормативном уровне для обеспечения единообразия правоприменительной практики и повышения предсказуемости гражданско-правовых отношений в сфере строительного подряда.

Важно подчеркнуть, что действующее российское законодательство предусматривает возможность установления в договоре подряда либо твёрдой, либо приблизительной (ориентировочной) цены. При отсутствии иного указания в соглашении цена по умолчанию считается твёрдой и может быть изменена исключительно по взаимному согласию сторон.

Правило распространяется и на случаи, когда в ходе исполнения договора возникают непредвиденные расходы, связанные, например, с необходимостью выполнения дополнительных работ, которые не могли быть учтены на момент заключения контракта. В процессе строительства нередко выявляются недостатки или неточности в технической документации, требующие выполнения работ, не предусмотренных изначально, но объективно необходимых для обеспечения надлежащего качества и продолжения строительства.

Заказчик вправе вносить коррективы в техническую документацию, однако объём дополнительных работ, вызванных такими изменениями, не должен превышать 10 % от общей стоимости, указанной в утверждённой смете. В случае если стоимость дополнительных работ выходит за этот предел, стороны обязаны согласовать и утвердить дополнительную смету, отражающую новые объёмы и расходы.

В этой связи уместно согласиться с точкой зрения К. А. Изотовой, которая отмечает, что положение пункта 3 статьи 744 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствует современным реалиям правоприменительной практики [5, с. 303].

Представляется целесообразным закрепить за подрядчиком право на пересмотр сметы во всех случаях, когда фактическая стоимость выполненных работ превышает изначально установленную в договоре строительного подряда сумму — независимо от конкретного процента этого превышения.

В связи с этим логичным шагом стало бы исключение из указанной нормы жёсткого количественного ограничения в виде «10 %» и формулировка пункта в следующем виде: «…подрядчик вправе требовать в соответствии со статьёй 450 настоящего Кодекса пересмотра сметы, если по обстоятельствам, не зависящим от него, стоимость работ значительно превысила утверждённую смету…».

Особое внимание здесь заслуживает категория «значительно», которая, будучи оценочной, предоставляет судам гибкость в анализе конкретных обстоятельств дела и позволяет принимать более сбалансированные и справедливые решения с учётом экономической реальности каждого отдельного случая.

Вопросы, связанные с определением, согласованием и судебной квалификацией существенных условий договора строительного подряда (ДСП), сохраняют свою актуальность и по сей день.

Согласно части 1 статьи 740 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), подрядчик берёт на себя обязательство в установленный договором срок выполнить по заданию заказчика строительные работы — в том числе возвести конкретный объект или осуществить иные виды строительной деятельности. В свою очередь, заказчик обязан обеспечить необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и выплатить обусловленное вознаграждение.

Согласно разъяснениям Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, к числу существенных условий ДСП относятся:

— предмет договора;

— срок выполнения (или завершения) работ.

Ранее судебная практика также причисляла к существенным условиям цену договора. Однако в настоящее время отсутствие в тексте ДСП конкретной цены само по себе не служит основанием для признания договора незаключённым.

Анализ особенностей согласования существенных условий ДСП логично начать с рассмотрения его предмета. При этом важно отметить, что действующее законодательство не содержит чёткого нормативного определения понятия «предмет договора строительного подряда», оставляя его правовое содержание на усмотрение правоприменителей.

В научной доктрине до сих пор не выработано единого взгляда на содержание понятия «предмет договора строительного подряда». Так, А. В. Бежан и С. А. Киракосян отмечают: «Под предметом договора (строительного подряда — прим. автора) традиционно понимается конечный результат работ — то есть продукт деятельности подрядчика. Вместе с тем в ряде подходов предмет трактуется шире — как сам процесс выполнения работ по возведению и последующей сдаче строительного объекта.

Наиболее широкое признание в юридической литературе получила концепция «сложного предмета», согласно которой предмет договора строительного подряда включает два взаимосвязанных компонента: непосредственно работы (процесс их осуществления) и результат этих работ (материализованный, овеществлённый объект)» [6, с. 28].

Арбитражные суды, определяя содержание предмета договора строительного подряда, акцентируют внимание на таких его компонентах, как характер, вид и объём работ, подлежащих выполнению [7].

В то же время суды общей юрисдикции чаще всего формулируют предмет ДСП более обобщённо — как «строительство» конкретного объекта [8] или просто как «строительные работы» [9].

Такое расхождение в подходах свидетельствует о том, что на сегодняшний день ни в правовой доктрине, ни в судебной практике не сложилось единого понимания того, что именно следует считать предметом договора строительного подряда.

Сложившаяся неопределённость в понимании предмета договора строительного подряда порождает значительные трудности на этапе его составления и формулирования условий, что нередко ведёт к юридическим коллизиям.

Одним из возможных путей преодоления этих разногласий могло бы стать принятие разъяснений со стороны Верховного Суда Российской Федерации. В частности, целесообразно было бы официально закрепить, что под предметом договора строительного подряда следует понимать конкретный перечень строительных работ, выполнение которых приводит к созданию определённого строительного объекта.

Унификация подхода к трактовке предмета ДСП существенно упростила бы участникам гражданского оборота процесс разработки и согласования договорных условий. Кроме того, это позволило бы минимизировать риски признания договоров незаключёнными по формальному основанию — отсутствию чёткого согласования такого ключевого элемента, как предмет договора.

Таким образом, анализ действующего законодательства и судебной практики показывает, что регулирование договора строительного подряда в РФ сопряжено с рядом существенных пробелов и неопределённостей — от отсутствия обязательного требования о письменной форме до нечёткого определения его существенных условий, включая предмет и цену. Отсутствие единого подхода к пониманию «предмета» ДСП как в науке, так и в правоприменении, создаёт риски признания договоров незаключёнными и затрудняет их корректное оформление. Для повышения правовой определённости и защиты интересов сторон необходимо внесение изменений в ГК РФ, в том числе закрепление письменной формы ДСП и уточнение содержания его существенных условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов, Н.А. Договор строительного подряда. Риски и споры / Н.А. Андрианов // М. - ЭЖ-Юрист. - 2016. - № 37. - С. 7-15.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Решение Арбитражного суда города Москвы от 15 января 2024 г. по делу № А40-183486/2023.

4. Постановление Арбитражного суда Пермского края от 30 января 2024 г. по делу № А50-3197/2022.

5. Изотова, К.А. Проблематика реализации сторонами прав и обязанностей, распределения рисков в договоре строительного подряда на этапе его исполнения / К.А. Изотова // Научный электронный журнал Меридиан. - 2020. - № 3 (37). - С. 303-305.

6. Бежан, А.В., Киракосян, С.А. Заключение договора строительного подряда на выгодных условиях / А.В. Бежан, С.А. Киракосян // Юрист. - 2014. - № 1. - С. 28–32.

7. Постановление ФАС Уральского округа от 03.02.2014 № Ф09-14516/13 по делу № А76-3744/2013.

8. Постановление ФАС Поволжского округа от 27.01.2011 по делу № А55-1256/2010.

9. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 23.06.2016 по делу № 11-8305/2016.

PROBLEMS AND CHARACTERISTICS OF CONSTRUCTION CONTRACTS

Abstract. This paper analyzes key issues in the legal regulation of construction contracts in the Russian Federation, stemming from gaps and uncertainties in current legislation. Particular attention is paid to the contract form, the content of its essential terms—in particular, the subject matter and price—as well as discrepancies in judicial practice and scientific doctrine. The need for legislative changes is substantiated, including mandatory written form of the DSP and clarification of the criteria for budget revision in the event of unforeseen cost overruns. A unified understanding of the "subject matter" of the contract is proposed through clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation to improve predictability and stability in construction legal relations.

Keywords: construction contract, essential terms, contract form, subject matter, contract price, judicial practice.

V.V. Nikishina
Scientific adviser: K.A. Khoruzhenko associate professor
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 347.252.3

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Николаева Ю.Н.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассмотрено историческое развитие арендных отношений как одних из наиболее распространенных в настоящее время, а также исследована правовая природа института аренды на разных этапах его становления.
Ключевые слова: аренда, договор, арендатор, арендодатель, арендные отношения, историческое развитие, институт аренды.

Историческое развития возникновения и становления института арендных отношений берет свое начало с древних времен.

Договор аренды (наем) как самостоятельная разновидность консенсуальных договоров в Древнем Риме возник в древние времена и на протяжении столетий практически не изменялся и определялся как единый договор locatio-conductio. Необычность этого наименования объясняется его первоначальным смыслом: когда предметом аренды становился скот или рабы, арендодатель (locator) демонстрировал их на рынке, а арендатор (conductor) забирал их для временного пользования. Именно в Древнем Риме договор аренды приобрел юридическую силу и юридические элементы, сохранившие свою актуальность до сих пор в нашем современном обществе.

В Древнем Египте аренда появилась, когда развитие хозяйства достигло на то время высокого уровня, а имущественное и социальное расслоение имело четкую градацию. В Древнем Вавилоне, приблизительно в это же время, также наблюдается сепарация населения на две группы: полноправные (авилум), определяющие основную долю населения, и неполноправные (мушкенум), состоящие из основной массы населения покоренных городов, которые не владели достаточным капиталом для ведения хозяйства, что вынуждало население брать во временное пользование земельные участки.

Дальнейшее развитие арендных отношений прослеживается во франкской монархии. В VII веке н.э. аренда меняет свой первоначальный замысел, а именно становится механизмом «закабаления» крестьян, что позже будет наблюдаться в Древней Руси и Российской Империи. В этот период во франкской монархии наблюдаются зачатки зарождения финансовой аренды. Данный вид аренды представляет собой арендные отношения между крестьянином и сеньором, где крестьянин передает сеньору собственный земельный участок с последующим возвратом данного участка, но уже в качестве условного владения с правом выкупа (опцион действовал примерно семь лет) [1].

Во времена Древней Руси славяне периодически совершали походы в Византию. Примечательно, что первые упоминания договорных отношений, напоминающих современную аренду, прослеживаются в практике передачи земельных участков во временное владение. В своде законов Древней Руси отсутствовали конкретные нормы, регулирующие именно договор аренды. Однако, существуют источники, которые содержат некоторые положения о правовом регулировании арендных отношений. Так, Псковская судная грамота предусматривала право арендатора жилого помещения или его части инициировать судебное разбирательство против собственника. Кроме того, документ устанавливал обязанность нанимателя возмещать арендную плату путем выполнения трудовых повинностей [2].

Дальнейшее развитие арендных отношений в России отражено в законодательных актах. Первыми централизованными источниками стали Судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.), которые регулировали учет прибытков и приплодов от временного пользования имуществом. Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года также содержало нормы, касающиеся аренды, но конкретные тексты и примеры этого периода не сохранились.

В XVIII столетии произошли существенные изменения в развитии правоотношений, связанных с использованием земли. Была введена практика сдачи земельных участков в наем для целей строительства. Данное нововведение было отражено в законодательных актах, а именно в Указе Петра I от 30 января 1701 года и Указе Анны Иоанновны от 8 июня 1738 года. Согласно смыслу этих указов, арендатор получал землю в пользование на длительный период, обязывался возвести на ней сооружения, пользовался ими в течение всего срока действия договора, а по его окончании передавал построенные объекты в собственность первоначального владельца земли. При этом важно отметить, что в дореволюционном законодательстве термин «аренда» не применялся, а использовались более общие понятия, такие как «имущественный наём» и «наём вещей» [2].

Ключевым моментом в эволюции российской государственности и правовой системы стало проведение крестьянской реформы 1861 года. Однако, данная реформа не предоставила крестьянам права собственности на землю; вместо этого они были вынуждены арендовать земельные участки у помещиков. Впоследствии, после революции, «Декрет о земле» 1917 года полностью упразднил частную собственность на землю, а также право аренды, установив исключительное государственное владение земельными ресурсами.

Наиболее полная система регулирования договорных отношений сформировалась только к началу XX века. М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивает, что аренда входила в состав института имущественного найма, который распространялся на вещи, услуги и работы. Исходя из этого, можно заключить, что аренда являлась значимым элементом имущественного найма. При этом, в ряде случаев, временное пользование земельным участком предоставлялось за арендную плату, но с существенными ограничениями для пользователя. Следует отметить, что исторические правовые акты зачастую лишь поверхностно затрагивали договор найма, оставляя множество неурегулированных аспектов. Отсутствие нормативно закрепленного определения договора имущественного найма или аренды имущества является ярким примером такого пробела [3].

Стоит отметить, что позже имущественный наём был включен в Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. Данный законодательный акт значительно расширил и детализировал регулирование арендных отношений, особенно в части сроков и прочих условий найма земли, что имело особую важность, поскольку земля, как ключевая категория имущества, находилась во владении, как государства, так и частных лиц.

В соответствии со ст. 152 ГК РСФСР 1922 года, а также ст. ГК РСФСР 1964 года, договором имущественного найма считался такой договор, по которому одна сторона, именуемая наймодатель, обязуется предоставить другой – нанимателю, имущество во временное пользование за плату. Однако, в действительности из этого традиционного определения нет той специфики, присущей этому договору на самом деле в указанный период времени. Для понимания, в каком аспекте рассматривался данный договор в советском гражданском праве, можно обратиться к характеристике, предложенной Е.А. Павлодским: «Договор имущественного найма, именуемый также арендой или прокатом, представляет собой одну из форм распределения средств производства предметов потребления между социалистическими организациями и гражданами, между

гражданами с целью удовлетворения их кратковременной потребности в различного рода имуществе». [4]

Необходимо отметить, что законодательство советского периода ограничивало круг объектов имущественного найма. Примечательно, что ГК РСФСР 1922 года предусматривал нормы, регламентирующие наем государственных или коммунальных предприятий, наем жилых помещений и земельных участков. Следует отметить, что Гражданский кодекс РСФСР 1964 года исключил положения, касающиеся сдачи внаем упомянутых объектов. Это было обусловлено изменением правового статуса государственных предприятий: они перестали рассматриваться как самостоятельные объекты гражданского оборота. В то же время, отношения, связанные с наймом жилых помещений, были выделены в отдельный вид договора – договор жилищного найма.

Кроме того, как указывал Е.А. Павлодский, предметом найма не могли быть права граждан, земли сельскохозяйственного назначения, а также не могли передаваться внаем гражданам средства производства. [4]

Примечательно, что в 1937 г. была запрещена любая аренда земель, составляющих собственность колхозов, поскольку по Конституции РСФСР 1937 г. такие земли считались закрепленными исключительно за государством и находились лишь в его пользовании (национализация).

Принятие Гражданского кодекса РСФСР в 1964 году привело к существенным изменениям в сфере арендных отношений. Данный законодательный акт не только значительно расширил и уточнил правовые нормы, но и внес ряд ключевых нововведений: максимальный срок аренды был сокращен до десяти лет, появилась возможность бытового проката для временного пользования личными вещами (от спортивного инвентаря до музыкальных инструментов), а также были ужесточены требования к договорам найма недвижимости, заключаемым между государственными и общественными организациями. [5]

В дальнейшем развитие советского законодательства связано с принятием Земельного кодекса РСФСР 1970 г., и стоит отметить, что требования, регламентировавшие отношения из аренды, претерпели существенные изменения, частично были преобразованы или утратили силу.

Исследование правовых норм, регулирующих земельные отношения и имущественные права в условиях централизованного государственного управления, выявляет их сходство с хозяйственной системой дореволюционной России. В рамках такой модели земельной собственности государство являлось единственным правообладателем, что исключало возможность частного владения земельными ресурсами. Отсутствие у граждан права на землю могло служить существенным препятствием для общественного развития.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 сентября 1985 года был утвержден типовой договор найма жилого помещения в домах государственного, муниципального и общественного жилищного фонда, а также условия его заключения и документального оформления с приложением паспорта жилого помещения.

7 апреля 1989 года выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об аренде и арендных отношениях в СССР». Ввиду вступления в силу нормативно-правового акта договор аренды претерпевает существенные изменения, вводя тем самым типичный по сегодняшним меркам гражданско-правовой договор аренды. Он закрепил определение аренды – срочное и возмездное хозяйственное пользование, и установил перечень допустимого для сдачи в аренду имущества, такие как земля и природные объекты, имущество государственных, кооперативных и общественных организаций и их подразделений, отдельные здания и сооружения, техническое оборудование, транспорт, скот и иные материальные ценности. При этом аренда земли, сооружений и имущества организаций носила долгосрочный характер – от 5 до 50 лет. Документ также определил

понятие организации арендаторов – созданного на добровольной основе юридического лица, членами которой могли быть и работники государственных предприятий, и иные граждане старше 16 лет. [1]

Аренда в XX веке приобрела упорядоченный и нормированный характер благодаря созданию гражданских кодексов и расширению законодательства. Формы договора стали приходить к единообразию, стали учитываться все детали процедуры сдачи в аренду и ее документирования.

С 1992 года началась "перестройка" государственной собственности. В ходе приватизации государственные и муниципальные предприятия превращались в акционерные общества и другие хозяйствующие субъекты. Законодательство того времени позволяло также обособлять арендованное имущество как самостоятельный хозяйственный субъект. Таким образом, аренда в этот период стала одним из способов передачи государственной собственности к частным лицам [6].

В настоящее время арендные отношению регулируются Главой 34 Гражданского кодекса РФ, принятой в 1996 году, в которой подробно указаны основные элементы договора аренды, права и обязанности сторон сделки.

О.С. Иоффе отмечает, что в контексте современного российского правопорядка договор аренды занял центральное место как основной инструмент для возмездной передачи имущества во временное пользование. Его применение охватывает множество сфер, включая выделение земельных участков под строительство, долгосрочную эксплуатацию объектов недвижимости и краткосрочный прокат. Из этого следует, что согласно российскому гражданскому законодательству, договор аренды формирует не только относительные права и обязанности между арендатором и арендодателем, но и абсолютное право арендатора, которое должно уважаться всеми без исключения третьими лицами, не имеющими права вмешиваться в его владение и пользование арендованным объектом. [7].

Исторический анализ свидетельствует о многообразии подходов к формированию институтов имущественных и земельных отношений, в рамках которых аренда или право пользования землей были строго регламентированы государством. Дореволюционная и советская модели земельных отношений базировались на государственной форме собственности, что исключало землю из сферы полноценной аренды и ограничивало права нанимателей, не предоставляя им достаточных гарантий. Переход к рыночной экономике актуализировал необходимость не только реформирования институтов собственности, но и о внедрении эффективных земельных отношений с соблюдением принципов социальной справедливости, добровольности и эффективности.

Современный институт аренды демонстрирует устойчивое развитие, внося значительный вклад в повышение общественного благосостояния и стимулируя рост показателей в промышленном и аграрном секторах. Аренда выступает в качестве инструмента, позволяющего как частным лицам, так и государственным организациям эффективно преодолевать дефицит необходимых ресурсов. Совершенствование документального оформления арендных сделок обеспечивает юридическую фиксацию ключевых условий, что, в свою очередь, способствует правовому разрешению возникающих разногласий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукин А.М., Новосёлов Д.О., Федотова В.Б. ЗАРОЖДЕНИЕ И ПРАВОВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА АРЕНДЫ // Вестник науки №8 (65) том 4. С. 234 - 243. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/9844 (дата обращения: 12.01.2026 г.).

2. Памятники русского права. Т. 4. — М.: Юриздат, 1954.

3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 742 с.

4. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2012. — Т. 2. — 846 с.

5. Иванова Е. В., Владимиров Н. Н. Аренда земли в истории российского государства // Oeconomia et Jus. 2017. № 4. С. 7–12.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. - М.: Статут, 1997. - 290 с. Памятники русского права. Т. 4. - М.: Юриздат, 1954. С. 445.
7. Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 т. Т. III: Обязательственное право. – СПб., 2004. – С. 325.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE LEGAL REGULATION OF LEASE RELATIONS

Annotation. This work considers the historical development of lease relations as one of the most common at present, and also examines the legal nature of the institution of lease at various stages of its formation.
Keywords: lease, contract, tenant, landlord, lease relations, historical development, lease institution.

Nikolaeva Y.
Scientific adviser: Oleinikova A.V. Docent
Donetsk State University
E-mail: nulia039@gmail.com

УДК 347.21

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Новиченко А.А.
Научный руководитель: Цыба Е. В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются ключевые тенденции и перспективы развития системы правовой защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации на фоне глобализации и цифровой трансформации. Применяются методы сравнительно-правового анализа, системного подхода и прогнозирования. Выявлены пять основных тенденций: гармонизация законодательства с международными стандартами, внедрение блокчейн-технологий, использование ИИ и больших данных, разработка Национальной стратегии по интеллектуальной собственности и усиление экономических стимулов для правообладателей. Авторы формулируют комплекс мер по устранению существующих коллизий и пробелов, направленных на формирование эффективной, технологически оснащённой и экономически мотивированной системы защиты интеллектуальных прав, соответствующей задачам обеспечения технологического суверенитета и инновационного развития страны.
Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовая защита, цифровая трансформация, блокчейн, искусственный интеллект, Национальная стратегия, Роспатент, технологический суверенитет, инновационное развитие, специализированный суд.

В современных условиях глобализации экономики интеллектуальная собственность трансформировалась из узкоспециализированной правовой категории в стратегический ресурс национального развития, становясь неотъемлемым элементом мировой экономической системы наряду с товарами, работами и услугами. Актуализация данного института обусловлена осознанием прямой корреляции между уровнем цивилизованности рынка интеллектуальной собственности и потенциалом инновационного развития государства. В Российской Федерации в последние годы наблюдается постепенное накопление обширной правоприменительной практики в сфере интеллектуальных прав, что свидетельствует о становлении институциональных основ данного направления. Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, в правовом регулировании сохраняются существенные коллизии, пробелы и противоречия, требующие системного подхода к их устранению.

Особую сложность, как считает О.А. Пятаева представляет двойственная природа глобализационных процессов: с одной стороны, они способствуют трансграничному обороту интеллектуальных активов, с другой - порождают серьезные вызовы в виде массовой контрафактной торговли и несанкционированного доступа к оцифрованным объектам интеллектуальной собственности в виртуальном пространстве сети Интернет, где границы правового регулирования размываются под воздействием технологических трансформаций [1, с. 94].

Анализ современного состояния системы правовой защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации позволяет выделить пять ключевых тенденций, определяющих вектор ее дальнейшего развития.

Так, как отмечает А.О. Бычкова первая тенденция связана с комплексным усовершенствованием интеллектуального законодательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с целью его гармонизации с международными стандартами. Данный процесс реализуется через последовательное внесение изменений в смежные отрасли права - административное и уголовное законодательство, что повышает эффективность механизмов ответственности за нарушение исключительных прав. Параллельно в научной среде и среди практиков активно обсуждается идея создания специализированного Суда по интеллектуальным правам, который мог бы

обеспечить единообразие правоприменительной практики и повысить качество рассмотрения споров в данной сфере [2, с. 265].

Вторая тенденция обусловлена технологическим прорывом и предполагает создание единого государственного реестра результатов интеллектуальной деятельности с использованием распределенных реестров на базе технологии блокчейн. Такое решение позволит не только обеспечить неизменность и прозрачность данных о правообладателях, но и создать технические предпосылки для легального использования контента через смарт-контракты, автоматизирующие процессы лицензирования и расчета вознаграждения.

Третья тенденция заключается во всеобъемлющем внедрении современных цифровых технологий на всех этапах жизненного цикла интеллектуальных прав - от регистрации и экспертизы до монетизации и защиты. Искусственный интеллект, машинное обучение и большие данные становятся инструментами повышения эффективности государственного регулирования интеллектуальной собственности как на федеральном, так и на региональном уровнях, позволяя оптимизировать процессы анализа патентных заявок и выявления нарушений.

Четвертая тенденция связана с разработкой и утверждением Национальной стратегии развития интеллектуальной собственности, которая должна сформировать единый концептуальный подход к управлению интеллектуальными активами в государстве, интегрировав усилия различных ведомств и субъектов хозяйствования.

Пятая тенденция предполагает создание комплекса стимулирующих факторов, направленных на повышение мотивации правообладателей к официальной регистрации своих прав на территории Российской Федерации. Для реализации данной задачи необходимы изменения в налоговой политике государства, включая введение льготного налогообложения доходов от реализации интеллектуальных прав, снижение трудозатрат при постановке объектов на учет, а также сокращение сроков экспертизы и регистрации, что особенно актуально для высокотехнологичных отраслей с коротким жизненным циклом продуктов.

До 2024 года в рамках государственной политики в области интеллектуальной собственности были определены пять стратегических задач, требующих безотлагательного решения. Первая задача касается критического снижения патентной активности в Российской Федерации, зафиксированного в предшествующие годы. Статистические данные свидетельствуют о стагнации в данной сфере, что негативно отражается на инновационном потенциале экономики. Причины данного феномена носят преимущественно экономический характер - высокая стоимость патентования, длительные сроки экспертизы, недостаточная защищенность прав в судебных спорах - и требуют принятия системных мер, выходящих за рамки чисто правового регулирования [3].

Вторая задача связана с необходимостью увеличения оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности. Парадокс современной ситуации заключается в том, что при росте объемов инвестиций в инновационную деятельность наблюдается снижение ее результативности. Данная тенденция указывает на неэффективное распределение и использование ресурсов, а также на отсутствие развитых механизмов коммерциализации интеллектуальных активов, что в конечном итоге тормозит экономическое развитие страны.

Третья задача предполагает развитие современных практик патентной аналитики, включая проведение глубоких патентных исследований и разработку патентных ландшафтов, которые позволяют оценить технологическую зрелость отраслей, выявить перспективные направления НИОКР и минимизировать риски нарушения чужих прав при разработке новых продуктов.

Четвертая задача направлена на формирование комфортной для правообладателей системы государственных услуг в сфере интеллектуальной собственности. Устранение бюрократических барьеров, цифровизация процедур регистрации и внедрение искусственного интеллекта для ускоренной обработки обращений - все это повышает привлекательность официальной регистрации прав. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) активно реализует программу повышения качества предоставляемых государственных услуг, что уже приносит первые результаты в виде сокращения сроков рассмотрения заявок.

Пятая задача касается стратегического использования отечественных товарных знаков и наименований мест происхождения товаров как инструмента развития внутренних рынков сбыта и экспортного потенциала. Данная мера призвана решить проблему недостаточной конкурентоспособности отечественной продукции на мировых рынках и способствовать снижению зависимости от импортных товаров путем формирования узнаваемых национальных брендов.

2024 год стал переломным в истории регулирования интеллектуальной собственности в России, ознаменовавшись рядом значимых законодательных изменений, обусловленных геополитической ситуацией и необходимостью обеспечения технологического суверенитета государства. Были внесены существенные коррективы в порядок получения разрешений на совершение сделок по приобретению исключительных прав у правообладателей из так называемых «недружественных» стран, а также в механизм исполнения денежных обязательств по таким сделкам. Эти изменения отражают адаптацию правовой системы к новым реалиям международных отношений и стремление государства контролировать трансграничный оборот критически важных интеллектуальных активов [4, с. 130].

Одновременно был четко регламентирован порядок использования объектов авторских и смежных прав с неизвестным автором: законодательно закреплена процедура установления отсутствия информации об авторе и получения разрешения на использование таких объектов. Федеральным законом от 22 июля 2024 года № 190-ФЗ [5] в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации были внесены поправки, предусматривающие специальный механизм выплаты вознаграждения за использование произведений с неустановленными правообладателями - средства направляются на специальный номинальный счет, управляемый уполномоченным органом.

С 30 сентября 2024 года Роспатент прекратил публикацию сведений об обладателях исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в целях обеспечения информационной безопасности и защиты коммерческой тайны правообладателей. Дополнительно были упрощены процедуры государственной аккредитации малых технологических компаний, осуществляющих деятельность в сфере информационных технологий, что является частью комплекса мер государственной поддержки инновационного бизнеса и стимулирования создания отечественных высокотехнологичных решений.

Несмотря на прогрессивный характер принимаемых мер, направленных на формирование качественного рынка интеллектуальной деятельности, их практическая эффективность будет объективно оценена лишь по истечении определенного времени в процессе реального функционирования новых институтов и механизмов. Как отмечает Т.К. Чернышева совместно с В.С. Новиковой в своем исследовании «Интеллектуальная собственность в Российской Федерации: сущность, проблемы реализации и перспективы развития», «положительный характер мер, которые принимаются для создания качественного рынка в сфере интеллектуальной деятельности, прогрессивность и нацеленность данных мер на эффективное функционирование законодательства в современных условиях очевидны. Однако практическая польза нововведений станет

заметна только по истечении определенного времени в процессе их реализации» [6, с. 72].

Аналогичную позицию занимает К.О. Будников, подчеркивающий в работе «Перспективы развития права интеллектуальной собственности», что дальнейшее совершенствование института интеллектуальной собственности в России требует не только законодательных новаций, но и формирования правовой культуры среди участников оборота, развития судебной практики и создания экономических стимулов для легального использования интеллектуальных активов [7, с. 167].

Таким образом, комплексный подход, объединяющий нормативное регулирование, технологическое оснащение, экономическую мотивацию и просветительскую деятельность, становится ключевым условием успешного развития системы правовой защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации глобальной экономики.

В заключение следует констатировать, что система правовой защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации находится на этапе трансформации от имитационного следования международным стандартам к формированию самостоятельной модели регулирования, отвечающей вызовам цифровой экономики и условиям обеспечения технологического суверенитета. Проведенный анализ позволяет утверждать: несмотря на накопление значительной правоприменительной практики и принятие ряда прогрессивных законодательных решений, в том числе в 2024 году, институт интеллектуальной собственности продолжает испытывать системные дисбалансы между нормативным оформлением прав и их реальной защищенностью в судебных и досудебных процедурах, между декларируемой поддержкой инноваций и экономическими барьерами их коммерциализации.

Стоит отметить, что для преодоления указанных дисбалансов и перехода к качественно новому этапу развития предлагается реализовать комплекс взаимосвязанных мер. Во-первых, необходимо ускорить создание специализированного Суда по интеллектуальным правам с формированием кадрового резерва судей, обладающих не только юридическими, но и техническими компетенциями в сферах ИТ, биотехнологий и инженерии, что обеспечит профессиональное рассмотрение споров и формирование предсказуемой правоприменительной практики.

Во-вторых, следует завершить разработку и утвердить Национальную стратегию развития интеллектуальной собственности, интегрирующую усилия Роспатента, Минэкономразвития, Минцифры и Минобрнауки в единую систему управления интеллектуальными активами на всех этапах их жизненного цикла - от генерации до монетизации.

В-третьих, требуется радикальная оптимизация экономических условий для правообладателей: введение налоговых каникул для впервые зарегистрированных патентов и полезных моделей, снижение патентных пошлин для субъектов МСП и научных организаций, а также создание государственного фонда страхования рисков при защите исключительных прав в судебных спорах.

В-четвертых, необходимо завершить цифровую трансформацию Роспатента через внедрение блокчейн-реестра интеллектуальных прав с функцией смарт-контрактов для автоматизации лицензирования и распределения вознаграждения, что сократит транзакционные издержки и повысит прозрачность оборота интеллектуальных активов.

В-пятых, следует развивать институт патентных поверенных путем введения обязательной сертификации и создания профессиональной палаты, а также запустить масштабную программу правового просвещения предпринимателей и исследователей в части управления интеллектуальной собственностью как стратегическим активом.

Особое внимание должно быть уделено балансировке интересов в условиях геополитической трансформации: механизмы параллельного импорта и принудительного лицензирования следует дополнить четкими критериями их применения исключительно в целях обеспечения национальной безопасности и технологической независимости, избегая произвольного применения, способного подорвать доверие к правовой системе. Одновременно требуется укрепление международного сотрудничества в рамках ЕАЭС и стран БРИКС для формирования альтернативных механизмов защиты прав за пределами юрисдикции недружественных государств.

Таким образом, будущее системы правовой защиты интеллектуальной собственности в России определяется не столько количеством принимаемых законов, сколько последовательностью их имплементации в экономическую и социальную практику. Успех реформ будет зависеть от формирования синергии между нормативным регулированием, технологической инфраструктурой, экономическими стимулами и правовой культурой участников оборота. Следовательно, только такой комплексный подход позволит трансформировать интеллектуальную собственность из формального юридического института в действенный драйвер инновационного развития, обеспечивающий конкурентоспособность российской экономики в условиях глобальной цифровой трансформации и укрепляющий позиции страны как самостоятельного центра генерации и защиты интеллектуальных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пятаева, О.А. Возможности защиты интеллектуальных прав и правовой охраны объектов интеллектуальной собственности в России / О.А. Пятаева // Наука: общество, экономика, право. - 2020. - № 3. - С. 92-97.

2. Бычкова, А. О. Тенденции и перспективы развития системы правовой защиты интеллектуальной собственности в России / А. О. Бычкова // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». - 2025. - № 1(82). - Том 4. - С. 264–268.

3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Правительством РФ 29.09.2018 // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 40. - Ст. 6115.

4. Мартынова, А.И., Власова, У.А. Теорико-правовые аспекты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: охрана и перспективы развития в России / А.И. Мартынова, У.А. Власова // Человек. Социум. Общество. - 2023. - № S4. - С. 127-132.

5. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 22.07.2024 N 190-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481248/ (дата обращения: 10.02.2026).

6. Чернышева, Т. К. Интеллектуальная собственность в Российской Федерации: сущность, проблемы реализации и перспективы развития / Т. К. Чернышева, В. С. Новикова // Научные записки молодых исследователей. - 2018. - № 2. - С. 70–76.

7. Будников, К. О. Перспективы развития права интеллектуальной собственности / К. О. Будников // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2020. - № 10(50). - С. 165–168.

TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF LEGAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN RUSSIA

Annotation. The article analyzes key trends and prospects for the development of the system of legal protection of intellectual property in the Russian Federation against the background of globalization and digital transformation. Methods of comparative legal analysis, a systematic approach and forecasting are used. Five main trends have been identified: the harmonization of legislation with international standards, the introduction of blockchain technologies, the use of AI and big data, the development of a National Intellectual Property Strategy and increased economic incentives for copyright holders. The authors formulate a set of measures to eliminate existing conflicts and gaps aimed at creating an effective, technologically equipped and economically motivated intellectual property rights protection system that meets the objectives of ensuring technological sovereignty and innovative development of the country.

Keywords: intellectual property, legal protection, digital transformation, blockchain, artificial intelligence, National Strategy, Rospatent, technological sovereignty, innovative development, specialized court.

Novichenko A.A.
Scientific adviser: Tsyba E. V., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: hashivskaya@rambler.ru

УДК 347.232.4

ПРИОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ ДАВНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Оберемко Р.А.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе проводится комплексный анализ института приобретательной давности в современном российском гражданском праве. Целью исследования является выявление правовой природы, условий применения и практических проблем реализации норм о давностном владении, ведущем к приобретению права собственности. В заключение формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики в целях обеспечения эффективной реализации этого уникального гражданско-правового механизма, призванного обеспечить стабильность гражданского оборота и устранить неопределённость в правах на имущество.
Ключевые слова: Приобретательная давность, гражданское право, право собственности, добросовестность, владение, недвижимое имущество.

В современном гражданском праве институт приобретательной давности (давности приобретения права) занимает противоречивую и многогранную позицию: с одной стороны, он призван обеспечить устойчивость оборота и защиту фактического владения в условиях длительной хозяйственной практики; с другой стороны, по-прежнему вызывает споры относительно его правовой природы, условий вступления права, соотношения с состоянием регистрации прав и размером срока владения. Вопросы возникают по ряду оснований: какие именно объекты и виды владения подпадают под действие института; какие критерии владения считаются достаточными; как соотносятся механизмы приобретательной давности с регистрацией прав и с охраной правоотношений третьих лиц. Эти проблемы порождают правовую неопределённость, судебные коллизии и риски для участников оборота.

Изучение института приобретательной давности имеет ключевое значение для юридической защиты стабильности владения, экономической предсказуемости сделок и устойчивости имущественного оборота. Правильная рамка давности приобретения влияет на условия инвестирования, на обеспеченность прав владельцев на землю и иное имущество, на баланс между охраной добросовестного владения и защитой законного собственности третьих лиц. В условиях модернизации кадастровой и регистрирующей систем, а также глобализации имущественных оборотов, необходимость ясных и предсказуемых правил становится особенно актуальной.

В отечественной теории и практике существуют разногласия по статусу и режиму приобретательной давности. Правовые нормы гражданского законодательства устанавливают рамки для владения и передачи прав по истечении установленного срока, однако единая концепция полного природного правонаследования по давности нередко расходится с юридической практикой регистрации и соединения владения с реестрами. В научной литературе присутствуют различные подходы: часть авторов подчеркивает природу приобретательной давности как средства защиты фактического владения и стимула для социальных и экономических функций оборота; другие указывают на риски правовой неопределённости, неравенство между добросовестными владетелями и теми, кто формально лишился права, но фактически продолжил владение.

Проблема исследования обусловлена отсутствием унифицированного подхода к определению круга объектов (недвижимых и движимых вещей, земельных участков), в отношении которых допустимо применение приобретательной давности. Правовая неопределенность сохраняется в вопросах содержания условий владения: его длительности, непрерывности и открытости, а также в части влияния фактора добросовестности на механизм приобретения права. Особого внимания требует

проблема соотношения приобретательной давности с системой государственной регистрации: иерархия титулов при конкуренции существующих записей и фактического владения остается дискуссионной. Кроме того, актуален вопрос обеспечения баланса интересов добросовестного владельца, титульного собственника и третьих лиц. Существует потребность в имплементации релевантного зарубежного опыта с учетом национальных конституционных принципов, а также в разрешении прикладных проблем: определении критериев доказывания владения и оценке влияния института на стабильность гражданского оборота и ипотечного кредитования.

Целью статьи является комплексный анализ теоретических основ и правоприменительной практики института приобретательной давности для выявления системных пробелов и разработки научно обоснованных предложений по их устранению.

Приобретательская давность представляет собой первоначальный способ приобретения права собственности, основанный на длительном фактическом обладании вещью. Социально-экономический смысл данного института заключается в устранении неопределенности в правовом статусе имущества и возвращении объектов в гражданский оборот. Как отмечает законодатель и подтверждает судебная практика, «правопорядок не может игнорировать ситуацию, когда лицо годами содержит имущество, не имея на него титула, в то время как юридический собственник проявляет полное бездействие».

Для трансформации фактического владения в право собственности необходимо наличие кумулятивной совокупности условий, закрепленных в п. 1 ст. 234 ГК РФ.

Добросовестность владения. Это наиболее дискуссионный критерий. Традиционный подход требовал, чтобы в момент начала владения лицо не знало и не должно было знать об отсутствии у него оснований для возникновения права собственности. Однако современная Постановление КС РФ от 26.11.2020 № 48-П [4] значительно расширила это понятие.

Жесткое требование «абсолютной добросовестности» делает институт приобретательской давности практически нежизнеспособным. В контексте современной доктрины добросовестность должна пониматься не как незнание о пороке, а как отсутствие неправомерного (силового или обманного) завладения чужим имуществом.

Открытость владения. Владелец не должен скрывать факт нахождения вещи в его распоряжении. При этом совершение обычных действий по эксплуатации имущества (уплата налогов, ремонт, охрана) является достаточным доказательством открытости.

Непрерывность владения. Срок (5 лет для движимого и 15 лет для недвижимого имущества) не должен прерываться.

Важным аспектом является возможность сингулярного правопреемства (п. 3 ст. 234 ГК РФ), где наследник или иной преемник может присоединить ко времени своего владения все время, в течение которого имуществом владел тот, чьим преемником он является. Это обеспечивает стабильность гражданского оборота.

Владение имуществом как своим собственным. Это означает отсутствие договорных обязательств (аренда, хранение, безвозмездное пользование) между владельцем и собственником. Давностный владелец относится к вещи как к своей, неся бремя её содержания.

Долгое время существенной преградой для применения ст. 234 ГК РФ [1] была норма п. 4, согласно которой течение срока приобретательской давности начиналось не ранее истечения срока исковой давности по соответствующим требованиям.

С учетом последних изменений законодательства и позиций высших судов, можно констатировать отход от этой логики в пользу более оперативного признания прав за добросовестными владельцами, что сокращает период правовой неопределенности.

Приобретательская давность на цифровые активы, вопрос инновационный и

находится на стыке классической цивилистики и цифрового права.

1. Цифровой актив как объект приобретательской давности.

Первым этапом исследования стало обоснование возможности применения ст. 234 ГК РФ к цифровым правам и иным цифровым активам. Несмотря на то, что цифровой актив не обладает признаком телесности, он включен в категорию «имущество» (ст. 128 ГК РФ). Для целей приобретательской давности цифровые активы (криптовалюты, токены, NFT) следует приравнивать к движимому имуществу. Отсутствие физической формы не исключает возможности фактического господства над объектом через обладание уникальным кодом (приватным ключом). Таким образом, правовой режим движимых вещей является наиболее близкой аналогией для регулирования данных отношений.

2. Трансформация категории «владение» в цифровой среде.

Классическое владение предполагает физическое удержание вещи. В цифровом праве этот критерий претерпевает изменения. Выявлено, что под «владением» цифровым активом следует понимать исключительный фактический контроль над доступом к активу (владение приватным ключом или учетной записью). Владелец ключа обладает монополией на распоряжение активом, аналогичной власти собственника над физической вещью. Если лицо добросовестно получило контроль над «забытым» или ошибочно переданным активом и удерживает его, оно вступает в стадию давностного владения.

3. Критерии добросовестности и открытости в блокчейн-системах

Применение реквизитов ст. 234 ГК РФ к цифровым активам сталкивается с проблемой анонимности (псевдонимности).

В цифровой среде добросовестность должна оцениваться через стандарт «разумной осмотрительности» при совершении транзакции. Добросовестным является владелец, который приобрел актив вне криминальных площадок и не имел технических средств для установления порока титула предыдущего владельца.

Открытость. Это наиболее сложный критерий. Владение в блокчейне «публично» по своей природе (транзакции видны всем), но личность владельца скрыта. Предлагается признать критерий открытости соблюденным, если данные о транзакциях доступны в публичном реестре (леджере), а владелец не предпринимал специальных мер по микшированию (обфускации) истории происхождения актива с целью скрыть его от правообладателя.

4. Проблема сроков: адаптация к динамике цифрового рынка

Действующий срок в 5 лет для движимого имущества представляется избыточным для цифровых активов ввиду их высокой волатильности и скорости оборота. Обоснована необходимость установления сокращенного срока приобретательской давности для цифровых прав.

Оптимальный срок от одного года до трех лет.

Учитывая, что жизненный цикл многих цифровых проектов короче 5 лет, сохранение общего срока сделает институт приобретательской давности неэффективным («мертвым») в цифровой сфере.

5. Основания для возникновения права собственности

Приобретательская давность на цифровые активы чаще всего будет возникать в случаях: ошибочного перечисления токенов на кошелек (при условии бездействия отправителя); Наследования цифровых активов без надлежащего оформления (когда наследник получает доступ к ключам, но не имеет свидетельства).

В ходе работы было установлено, что институт приобретательской давности в современном российском праве претерпевает существенную трансформацию, отходя от жесткого требования «абсолютной добросовестности» в сторону защиты фактического владельца, который открыто и непрерывно содержит имущество при бездействии

титульного собственника. Ключевым научным результатом является обоснование того, что добросовестность в контексте ст. 234 ГК РФ должна трактоваться не как формальное незнание о пороке титула, а как отсутствие неправомерного завладения вещью.

Теоретическая ценность заключается в уточнении правовой природы приобретательской давности как первоначального способа приобретения прав, позволяющего «излечивать» дефекты гражданского оборота.

Практическое применение полученных выводов возможно в судебной практике для разрешения споров о правах на бесхозяйное и выморочное имущество, а также при подготовке разъяснений высших судебных инстанций. Предложенные подходы помогут минимизировать количество «правовых вакуумов», когда объект фактически существует, но юридически исключен из оборота.

Дальнейшее изучение темы целесообразно направить на анализ специфики приобретательской давности в отношении земельных участков и цифровых активов, а также на поиск механизмов автоматизации подтверждения сроков владения через данные государственных реестров и цифровые следы эксплуатации имущества.

На основании изложенного можно сделать вывод, что исследуемый институт характеризуется высокой степенью стабильности: за весь период его существования изменения в нормативную базу вносились лишь единожды (Федеральным законом № 430-ФЗ от 16.12.2019). Вместе с тем лаконичность законодательной регламентации обусловила существенную зависимость института приобретательной давности от правовых позиций высших судебных инстанций. Данное обстоятельство актуализирует необходимость дальнейшей унификации судебной практики для обеспечения единообразия правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. — 2010. — № 102.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации...» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2020. — № 1.

5. Алексеев, С. С. Право собственности. Проблемы теории / С. С. Алексеев. — 3-е изд. — М.: Норма, 2021. — 240 с.

6. Белов, В. А. Понятие и виды цифровых прав в российском гражданском праве / В. А. Белов // Вестник экономического правосудия РФ. — 2020. — № 11. — С. 156–172.

7. Вайпан, В. А. Правовое регулирование цифровой экономики / В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М.: Юстицинформ, 2022. — 552 с.

THE STATUTE OF LIMITATIONS IN CIVIL LAW

Annotation. This paper provides a comprehensive analysis of the institution of the statute of limitations in modern Russian civil law. The purpose of the study is to identify the legal nature, conditions of application and practical problems of implementing the rules on prescription ownership, leading to the acquisition of ownership rights. In conclusion, proposals are formulated to improve current legislation and law enforcement practice in order to ensure the effective implementation of this unique civil law mechanism designed to ensure the stability of civil turnover and eliminate uncertainty in property rights.

Keywords: Statute of limitations, civil law, ownership, good faith, ownership, real estate.

Oberemko R.A.
Scientific supervisor: Oleinikova A.V., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: oberemko.rostislav@mail.ru

УДК 347.663

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАСЛЕДНИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Пейлова Е. А.
Научный руководитель: Харжевская Т., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы защиты прав наследника в Российской Федерации, возникающие в процессе реализации наследственных правоотношений. Анализируются законодательные и правоприменительные аспекты, связанные с восстановлением пропущенных сроков принятия наследства несовершеннолетними лицами, информированием наследников о наличии кредитных обязательств наследодателя, правовым регулированием завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках, а также особенностями защиты прав несовершеннолетних наследников при управлении наследственным имуществом. Выявляются системные проблемы, включая отсутствие единообразной судебной практики по восстановлению сроков для несовершеннолетних, недобросовестное поведение кредиторов, скрывающих информацию о задолженности, недостатки системы регистрации завещательных распоряжений и отсутствие специальных процедур управления крупным наследственным имуществом несовершеннолетних. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Сформулированы предложения по совершенствованию гражданского законодательства и правоприменительной практики, направленные на обеспечение эффективной защиты прав наследников.
Ключевые слова: наследование, защита прав наследников, несовершеннолетние наследники, наследственный договор, нотариальная защита.

Актуальность исследования. Институт наследования имеет важнейшее значение для стабильности гражданского оборота и обеспечения преемственности в правах и обязанностях граждан. Право наследования гарантируется государством и является неотъемлемым элементом правового статуса личности, позволяя каждому реализовать свое право распорядиться имуществом на случай смерти и получить причитающееся от умерших родственников.

Вместе с тем, практика применения наследственного законодательства свидетельствует о наличии ряда проблемных вопросов, связанных с защитой прав наследников, которые возникают как на стадии открытия и принятия наследства, так и в процессе его раздела и оформления наследственных прав.

Целью исследования является теоретико-правовой анализ актуальных проблем защиты прав наследника в Российской Федерации и разработка на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию гражданского законодательства и правоприменительной практики.

В контексте защиты наследственных прав несовершеннолетних лиц А.Ю. Матвеева обращает внимание на недопустимость сложившейся судебной практики, при которой отдельные суды отказывают в восстановлении срока для принятия наследства по причине бездействия законных представителей, формулируя позицию о том, что несовершеннолетний возраст сам по себе не признается уважительной причиной пропуска установленного законом срока [5, с. 131]. Такой подход противоречит конституционному императиву социального государства, обязанного проявлять повышенную заботу о детях как о группе, находящейся в состоянии социальной уязвимости, и требует закрепления в законе нормы, согласно которой наследник, не достигший совершеннолетия на момент открытия наследства, имеет безусловное право на восстановление срока в течение шести месяцев после достижения восемнадцатилетнего возраста, что обусловлено необходимостью оценивать реальную способность самого несовершеннолетнего реализовать свои права, а не его представителя – иначе возникает риск формирования опасного прецедента

индивидуализированного подхода там, где требуется единый, системный механизм защиты интересов всех детей, независимо от их осведомлённости или жизненных обстоятельств.

Н.А. Аблятипова, исследуя проблему защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами наследодателя, констатирует отсутствие единообразной судебной практики по вопросам взыскания задолженности по кредитным договорам спустя длительное время после смерти заемщика [1, с. 112]. Только вышестоящие инстанции в отдельных случаях квалифицировали подобные действия как недобросовестные и отменяли вынесенные решения, что свидетельствует о слабой защищённости наследников, добросовестно не знавших о наличии долга и не имевших возможности своевременно его погасить.

В качестве потенциального решения исследователи предлагают ввести специальный шестимесячный срок после смерти заемщика, в течение которого кредитор вправе предъявить иск к наследникам, что позволит сбалансировать интересы сторон и исключить необоснованное накопление процентов за длительные периоды бездействия взыскателя.

Следует также обратить внимание на критические ситуации, связанные с обращением наследников к нотариусу и направлением запросов в банковские учреждения для выявления состава наследственного имущества. Банки, получив от нотариуса запрос о наличии вкладов и завещательных распоряжений, сообщают исключительно об остатках денежных средств на счетах, умалчивая о существовании кредитных договоров и образовавшейся задолженности, что вводит наследников в заблуждение относительно истинного объёма наследственной массы.

При последующем обращении кредитора в суд наследники сталкиваются с требованием о взыскании не только основного долга, но и процентов за длительный период, включая время, прошедшее после смерти наследодателя, при этом суды не всегда учитывают факт недобросовестного поведения банка, скрывшего информацию о задолженности при наличии официального запроса.

Для устранения этой проблемы предлагается закрепить правило, согласно которому требования банка не подлежат удовлетворению не только в части процентов, начисленных после смерти наследодателя, но и в части основного долга, если кредитор не сообщил о наличии задолженности в ответ на официальный запрос нотариуса или наследников, поскольку удовлетворение таких требований означало бы получение выгоды за счёт недобросовестного поведения.

И.Н. Кроча подчеркивает, что наследственный договор, будучи двусторонним соглашением, создает взаимные обязательства сторон в отношении имущества, которое перейдет в собственность наследников в будущем, что принципиально отличает его от традиционного завещания как одностороннего акта волеизъявления. В качестве наиболее актуальных проблем называются вопросы соотношения наследственного договора с правилами об обязательной доле в наследстве, возможность заключения нескольких договоров в отношении одного и того же имущества, а также неопределенность процедуры одностороннего расторжения договора при изменении жизненных обстоятельств, что создает риски для наследников и может порождать длительные судебные споры [4, с. 45].

В связи с этим возникает необходимость внедрения более чётких механизмов регулирования обязательной доли, которая должна обеспечиваться независимо от условий наследственного договора, что позволит минимизировать конфликты между наследниками и обеспечить справедливую защиту прав всех заинтересованных сторон, включая несовершеннолетних и нетрудоспособных граждан.

Блиндерман Е.С., исследуя нотариальную защиту наследственных прав граждан, детально анализирует правовую природу завещательного распоряжения правами на

денежные средства в банках и приходит к выводу об отсутствии в законодательстве достаточных оснований считать его разновидностью завещания, несмотря на размещение соответствующей нормы в главе о наследовании по завещанию [2, с. 37].

Здесь важно отметить существенную особенность завещательного распоряжения – его простую письменную форму, в отличие от обязательной нотариальной формы завещания, а также специфический порядок оформления наследственных прав: нотариус может установить наличие и содержание такого распоряжения исключительно через запрос в банк, при этом наследники зачастую не знают не только о самом распоряжении, но и о существовании вклада в конкретном финансовом учреждении.

Критике подвергается действующая система регистрации завещаний в наследственном реестре, которая не охватывает завещательные распоряжения вкладчиков, что существенно затрудняет работу нотариуса на этапе выявления полного объёма наследственного имущества и может приводить к нарушению прав наследников, не получивших причитающиеся им денежные средства. В качестве решения предлагается распространить систему регистрации на завещательные распоряжения либо возложить на банки обязанность самостоятельно информировать нотариальную палату о составленных распоряжениях для включения их в единую информационную систему.

Также важен вопрос о нецелесообразности указания в свидетельстве о праве на наследство конкретной суммы денежных средств, причитающейся наследнику по вкладу, поскольку за период между получением нотариусом информации и фактической выплатой средства могут измениться вследствие начисления процентов и компенсаций. В связи с этим целесообразно ограничиться формулировкой о переходе к наследнику всей суммы вклада со всеми причитающимися процентами и компенсациями, что позволит избежать необходимости внесения корректировок в свидетельство и дополнительных обращений к нотариусу при изменении размера выплат.

В.С. Гнездилова, исследуя проблемы наследования несовершеннолетними, обращает внимание на комплексный характер защиты их прав, включающий участие нотариуса, органов опеки и попечительства, родителей и уполномоченного по правам ребенка. Исследователь подчеркивает, что несовершеннолетние лица являются наследниками первой очереди по закону и обладают правом на обязательную долю в наследстве независимо от содержания завещания, однако на практике вопросы ущемления их прав остаются распространенными и требуют эффективного правового регулирования [3, с. 69]. Анализ судебной практики выявляет две ключевые категории проблем: разрешение споров о признании завещания недействительным и установление юридического факта отцовства или материнства наследодателя.

В первом случае рассматривается ситуация, когда завещание было составлено менее чем за месяц до смерти наследодателя в пользу лица, не являющегося родственником, при этом суд, несмотря на доводы о тяжелом психологическом состоянии наследодателя, не нашел оснований для признания завещания недействительным. Во втором случае исследуются случаи, когда отсутствие документального подтверждения родства затрудняет или делает невозможным наследование – что особенно актуально в современных условиях, где признание отцовства или материнства часто сопряжено со сложностями, включая отсутствие своевременной регистрации, споры между сторонами и необходимость проведения генетической экспертизы.

В настоящее время также возникла необходимость совершенствования действующего законодательства для надежной защиты наследственных прав несовершеннолетних, включая введение специальных процедур управления крупным наследственным имуществом несовершеннолетних.

В законодательстве отсутствуют чёткие нормы по управлению таким имуществом, что создаёт риски его утраты или неэффективного использования до достижения наследником совершеннолетия. Исследователь предлагает внедрить отдельные процедуры с участием профессиональных управляющих и обязательным контролем со стороны органов опеки для защиты имущественных интересов детей.

Кроме того, важно усиление контроля за соблюдением прав и интересов несовершеннолетних со стороны уполномоченных органов, поскольку в настоящее время такой контроль осуществляется фрагментарно или лишь при поступлении жалобы из учебного заведения, от родственников или из органов внутренних дел – что недостаточно для обеспечения полноценной защиты наследственных прав детей в современных условиях.

Также крайне актуальной является проблема неотчуждаемости наследственных прав, вытекающих из наследственного договора: согласно действующему законодательству такие права не могут быть переданы третьим лицам, кроме как в рамках наследования, что создаёт сложности для наследников, которым может потребоваться передать свои права на наследуемое имущество по различным причинам. Это ограничение связано с личностным характером наследственных правоотношений, однако необходимо подчеркнуть, что в условиях развития гражданского оборота и появления новых экономических механизмов возникает необходимость поиска баланса между сохранением личностного начала и обеспечением оборотоспособности имущественных прав.

В качестве перспективного направления предлагается рассмотреть возможность введения института уступки прав из наследственного договора при условии соблюдения интересов наследодателя и сохранения его права контролировать судьбу будущего наследства – что потребует детальной проработки на законодательном уровне с учётом всего комплекса прав и обязанностей, возникающих из такого договора.

Таким образом, основными проблемами защиты прав наследника в Российской Федерации являются отсутствие единообразной судебной практики по восстановлению сроков для несовершеннолетних, когда суды отказывают в восстановлении по причине бездействия законных представителей, а также недостаточная информированность наследников о наличии кредитных обязательств, поскольку банки в ответ на запросы нотариусов сообщают лишь об остатках на счетах, скрывая информацию о задолженности, что впоследствии приводит к взысканию процентов за длительные периоды бездействия кредитора.

Для решения указанных проблем предлагается законодательно закрепить безусловное право несовершеннолетнего наследника на восстановление срока в течение шести месяцев с момента достижения совершеннолетия, установить специальный шестимесячный срок для предъявления кредиторами требований к наследникам после смерти заемщика, а также ввести правило об отказе в удовлетворении требований банка как в части процентов, так и основного долга при несообщении кредитором информации о задолженности в ответ на официальный запрос нотариуса или наследников.

Дополнительно требуется совершенствование системы регистрации завещательных распоряжений путем распространения на них действия наследственного реестра либо установления обязанности банков информировать нотариальную палату о составленных распоряжениях, а также внедрение специальных процедур управления крупным наследственным имуществом несовершеннолетних с участием профессиональных управляющих и обязательным контролем органов опеки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблятипова, Н.А. Актуальные проблемы защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами / Н.А. Аблятипова, И.Ю. Волкова // Legal Concept. – 2024. – № 2. – С. 109-115.

2. Блиндерман, Е.С. Нотариальная защита наследственных прав граждан / Е.С. Блиндерман // Вестник науки. – 2019. – № 8 (17). – С. 33-45.

3. Гнездилова, В.С. Некоторые проблемы наследования несовершеннолетними и защита их наследственных прав / В.С. Гнездилова, Н.А. Седова // Вестник экономики и права. – 2025. – № 104. – С. 65-72.

4. Кроча, И.Н. Наследственный договор в российском гражданском праве / И.Н. Кроча // CETERIS PARIBUS. – 2025. – № 1. – С. 43-47.

5. Матвеева, А.Ю. Проблемы защиты наследственных прав несовершеннолетнего наследника в гражданском процессе / А.Ю. Матвеева, К.Б. Кораев // Вестник магистратуры. – 2025. – № 5-4 (164). – С. 130-132.

CURRENT ISSUES OF PROTECTING HEIRS' RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO RESOLVING THEM

Annotation. This article examines current issues of protecting heirs' rights in the Russian Federation that arise during the implementation of inheritance legal relationships. It analyzes legislative and law enforcement aspects related to reinstating missed deadlines for accepting an inheritance by minors, informing heirs of the testator's credit obligations, legal regulation of testamentary dispositions of rights to bank accounts, and the specifics of protecting the rights of minor heirs in the management of inherited property. Systemic problems are identified, including the lack of uniform judicial practice regarding reinstatement of deadlines for minors, the unscrupulous behavior of creditors concealing information about their debts, deficiencies in the testamentary disposition registration system, and the lack of special procedures for managing large inherited assets of minors. The methodological basis is comprised of formal legal, comparative legal, and systemic methods. Proposals for improving civil legislation and law enforcement practices aimed at ensuring the effective protection of heirs' rights are formulated.

Keywords: inheritance, protection of heirs' rights, minor heirs, inheritance agreement, notarial protection.

Peylova E. A.
Scientific advisor: Kharzhevskaya T., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: nyura.stepura@mail.ru

УДК 342

ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Петров А.Д.
Научный руководитель: Соколенко А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается, как цифровизация влияет на ценности и цели современного государства. Показано, что цифровые сервисы и управление на основе данных повышают удобство и скорость госуслуг, но усиливают риски для права на частную жизнь, равенства доступа и доверия к решениям, принимаемым с участием алгоритмов. На основе Конституции РФ, федеральных законов и стратегических документов выделены ориентиры правового сопровождения цифровой трансформации: законность, соразмерность вмешательства, прозрачность процедур, ответственность власти и включённость. Сформулированы практические предложения по снижению рисков и укреплению правовых гарантий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое государство, права человека, персональные данные, государственные услуги

Цифровизация стала для государства не «дополнительным удобством», а новым способом работы. Сегодня большинство жизненных ситуаций — от записи в учреждения до получения справок — постепенно переводятся в электронный формат, а управление всё чаще опирается на данные и межведомственный обмен [2; 4; 7]. Для граждан это обычно выглядит как плюс: меньше очередей, меньше бумаги, меньше лишних визитов. Однако в юридическом смысле переход к цифровым каналам означает и другое: государство получает возможность обрабатывать большие массивы сведений, быстрее связывать разные реестры и, в перспективе, автоматизировать решения.

Технологические изменения затрагивают не только организацию услуг, но и то, как государство понимает свои цели. Если раньше цель «качественная услуга» измерялась в основном скоростью рассмотрения заявления и количеством отказов, то теперь появляется масса новых метрик: доля онлайн-обращений, число проактивных сервисов, полнота данных в реестрах и т.д. Проблема в том, что не все государственные ценности легко измеряются цифрами. Доверие граждан, ощущение справедливости, уважение достоинства личности, равный доступ к правам — это вещи, которые нельзя заменить красивым процентом автоматизации.

Отдельная сложность связана с тем, что цифровизация создаёт «эффект домино»: ошибка в исходных данных или сбой в системе может повлиять на множество решений сразу. В реальной жизни это заметно на простом примере: если в реестре неверно указан статус или адрес, то гражданин может получить отказ в услуге или уведомление, которое к нему не относится. В аналоговой процедуре такую ошибку иногда проще увидеть и исправить на месте, а в цифровой — она может долго «гулять» по системе и воспроизводиться автоматически. Поэтому правовые гарантии в цифровой среде становятся особенно важными.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации [1], федеральные законы об информации и персональных данных [5; 6], законодательство об организации предоставления государственных услуг и о порядке рассмотрения обращений граждан [7; 8], а также документы стратегического планирования в сфере цифрового развития [2; 3; 4]. Цель статьи — показать, какие ценности и цели государства сохраняют приоритет в условиях цифровизации и какие правовые принципы помогают сочетать технологическое развитие с защитой прав человека. В качестве задач выделяются: (1) раскрыть содержание ценностей и целей государства в цифровом контексте; (2) описать, как цифровизация меняет способы

достижения целей; (3) обозначить ключевые правовые риски; (4) предложить практические меры, которые выглядят реалистичными для внедрения.

В юридической науке и практике под ценностями государства обычно понимают те фундаментальные ориентиры, которые ограничивают публичную власть и придают ей легитимность. В российской системе права такие ориентиры закрепляются прежде всего на уровне Конституции: человек, его права и свободы являются высшей ценностью; государство обязано их признавать, соблюдать и защищать [1]. Из этого вытекают связанные принципы: законность, равенство, справедливость, социальная направленность государства, обеспечение безопасности. Для цифровизации это означает простую вещь: даже самый удобный сервис не оправдывает нарушение конституционных гарантий, если «цена удобства» — чрезмерное вмешательство в частную жизнь или невозможность защитить свои права.

Ценности важно отличать от целей. Цели государства — более конкретные, «прикладные»: повышать качество управления, обеспечивать безопасность, развивать экономику, улучшать социальную сферу. Они могут меняться в зависимости от условий и технологий. В эпоху цифровизации многие цели получают новое содержание. Например, «доступность услуг» теперь означает не только наличие МФЦ, но и работоспособность цифрового канала; «безопасность» включает не только традиционные угрозы, но и киберриски; «справедливость» — в том числе отсутствие дискриминации в алгоритмических решениях.

Проблема возникает там, где цифровизация начинает подменять ценности целями, а цели — показателями. В управленческой логике это выглядит так: чем больше автоматизации, тем лучше. Но в правовой логике автоматизация — всего лишь средство, которое должно работать внутри правовых рамок. Поэтому при внедрении цифровых решений важно держать «границы допустимого». Например, государство может собирать персональные данные, если есть законная цель и соблюдены требования минимизации и безопасности [6]. Но сбор «на всякий случай» или слишком широкое объединение реестров без понятных ограничений создают риск, что гражданин фактически лишается контроля над своей частной жизнью.

Ещё один момент, который часто недооценивают: цифровизация меняет привычную коммуникацию между государством и гражданином. В классической модели человек понимает, куда он пришёл, кто принимает решение, какие документы нужны, где можно уточнить. В цифровой модели часть контакта заменяется интерфейсом: гражданин видит «статус» и «результат», но не всегда понимает, на основании чего он получен. Поэтому такие ценности, как открытость и ответственность власти, должны проявляться и в цифровых процедурах: объяснение решения, возможность исправить ошибку, понятный порядок обжалования.

Если говорить о целях государства в условиях цифровизации, то первое, что обычно называется, — повышение качества и удобства услуг. Закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг закрепляет общую направленность на доступность и упорядоченность процедур [7]. На практике это выражается в стремлении убрать лишние документы, сократить сроки, сделать понятные маршруты для гражданина. В идеале человек должен решать задачу, а не «ходить по ведомствам». Цифровые сервисы действительно помогают: часть услуг становится доступной круглосуточно, уменьшается зависимость от конкретного сотрудника, быстрее проходят проверки.

Вторая цель — повышение эффективности управления. Государство стремится быстрее принимать решения, точнее распределять ресурсы, видеть реальную картину по сферам. Здесь появляются межведомственные платформы, аналитические системы, электронный документооборот. На уровне стратегических документов цифровое развитие связывается с модернизацией управления и инфраструктуры данных [2; 4].

Важно, однако, понимать: эффективность в цифровую эпоху измеряется не только экономией времени и денег. Юридически значимо, чтобы эффективность не была достигнута ценой снижения гарантий. Например, если автоматизация ускорила выдачу отказов, но при этом гражданин не понимает их причин и не может исправить ошибку, то такой «успех» спорен.

Третья цель — безопасность и устойчивость. В цифровой среде государственные системы становятся объектом кибератак и технологических сбоев. Закон об информации и о защите информации задаёт общую рамку обеспечения безопасности информации [5]. Стратегические документы также подчёркивают важность устойчивого развития информационного общества и защиты инфраструктуры [2]. С правовой точки зрения безопасность — это не только защита государства, но и защита гражданина: сохранность его данных, отсутствие несанкционированного доступа, понятные процедуры реагирования на инциденты.

Наконец, в последние годы усиливается цель технологической самостоятельности и контроля над ключевыми платформами. В дискуссиях часто используется термин «технологический суверенитет». Для темы статьи важно, что зависимость от внешних решений может приводить к рискам устойчивости и доступности услуг. Но даже при развитии собственных технологий принципиально сохраняется правовая логика: любой цифровой инструмент должен быть подчинён конституционным ценностям и законам, а не наоборот.

В целом можно сказать, что цели цифрового государства складываются в «треугольник»: сервисность (удобство), управляемость (эффективность) и безопасность (устойчивость). Задача права — не мешать развитию, а поставить для него ясные правила: что допустимо, что недопустимо, какие гарантии обязательны, и как защищаются права в спорных ситуациях.

Цифровизация порождает риски разного уровня, но для юриста важно выделить те, которые напрямую затрагивают права и свободы. На первом месте обычно стоит вопрос персональных данных. Проактивные услуги и межведомственный обмен невозможны без обработки сведений о гражданине, а закон о персональных данных требует соблюдать цель обработки, минимизацию данных и обеспечивать безопасность [6]. На практике это означает, что нужно заранее отвечать на вопросы: какие данные действительно необходимы для услуги, кто и на каком основании их использует, как ограничен доступ, что происходит при ошибке или утечке. Если на эти вопросы нет ясных ответов, система выглядит удобной, но юридически уязвимой.

Второй риск связан с качеством данных и «эффектом реестра». Цифровое государство опирается на базы и регистры. Если в реестре ошибка, она может привести к отказу в услуге или к неправильному начислению платежей, а гражданину придётся доказывать, что данные неверны. Поэтому в цифровой модели особенно важен доступный порядок исправления сведений, понятный регламент сроков и ответственность за внесение/невнесение изменений. Иначе у человека возникает ощущение, что он «борется с системой», которая на стороне цифры, а не на стороне фактов.

Третий риск — непрозрачность решений, особенно при применении алгоритмов. Технологии ИИ и автоматизированные правила используются для фильтрации обращений, выявления несоответствий, распределения ресурсов. С точки зрения права ключевым становится вопрос: может ли гражданин получить мотивировку и понять логику результата. Если решение затрагивает права, оно должно быть проверяемым и оспоримым. На практике это выражается в требовании объяснения и возможности «человеческого пересмотра», иначе цифровизация превращается в «чёрный ящик» [11].

Четвёртый риск — цифровое неравенство. Не все люди имеют одинаковый доступ к интернету и цифровым навыкам. Если государство делает цифровой канал

единственным, то часть граждан оказывается в более слабом положении и фактически теряет доступ к услугам и правовой защите. Поэтому важно сохранять оффлайн-каналы и обеспечить поддержку пользователя. Это не «техническая мелочь», а проявление принципа равенства доступа к правам и услугам [7].

Пятый риск — доверие. Цифровизация работает, пока граждане доверяют, что их данные защищены, решения справедливы, а ошибки можно исправить. Если же человек сталкивается с отказом без объяснения или с утечкой данных, то отношение к цифровым сервисам меняется. В итоге государство может получить формально современную систему, но с низким уровнем реального использования и высоким уровнем конфликтов.

Чтобы цифровизация соответствовала ценностям правового государства, важно закреплять и соблюдать несколько практических принципов. Во-первых, законность и определённость: любая обработка данных и любое решение должны иметь ясное правовое основание. Во-вторых, соразмерность: государство не должно собирать больше данных, чем необходимо для конкретной цели, и не должно объединять реестры без понятного ограничения доступа и ответственности [6].

Во-третьих, прозрачность процедур. В цифровом сервисе гражданин должен видеть понятное объяснение: какие сведения использованы, почему получен именно такой результат, куда обратиться при несогласии. Это снижает конфликтность и экономит ресурсы самого государства, потому что меньше обращений «наугад» и больше целевых запросов по сути проблемы.

В-четвёртых, ответственность. Использование автоматизации не снимает ответственности с должностных лиц и органа власти. Должна быть понятна «цепочка ответственности»: кто отвечает за качество данных, кто — за корректность решения, кто — за безопасность системы. Без этого цифровизация превращается в ситуацию, где «виноват алгоритм», а у гражданина нет адресата для защиты права.

В-пятых, включённость и равенство доступа. Даже при развитии онлайн-каналов должны сохраняться оффлайн-альтернативы (МФЦ, приём, письменное обращение), а также понятная помощь пользователю. Это соответствует логике закона о госуслугах и поддерживает равные возможности для разных групп граждан [7].

В качестве конкретных предложений можно выделить следующие меры. Первое — внедрять оценку воздействия цифровых решений на права человека на стадии проектирования (особенно для сервисов, связанных с персональными данными и социальной сферой). Такая оценка может включать анализ рисков, меры защиты, порядок информирования и порядок обжалования. Второе — закреплять стандарты «объяснимости» для решений, влияющих на права, и возможность ручного пересмотра результата в разумный срок. Третье — развивать регламенты качества данных и исправления ошибок в реестрах: это простая, но критически важная часть правовой защиты.

Отдельно стоит отметить ограничение настоящей статьи: в рамках небольшого объёма невозможно детально разобрать отраслевые особенности (например, цифровизацию правосудия или налогового администрирования). Тем не менее общий вывод остаётся одинаковым: цифровая трансформация должна строиться вокруг ценностей, а не вокруг интерфейса. Тогда цели государства (эффективность, сервисность и безопасность) будут достигаться без ослабления правовых гарантий.

Таблица 1. Примеры баланса целей и правовых ограничений в цифровых сервисах

Цель цифровизации	Типичный риск	Правовая «точка опоры»
Ускорить услугу	Отказ без понятной мотивировки	Прозрачность процедуры, обжалование [8]
Сделать услугу проактивной	Избыточная обработка данных	Цель и минимизация данных [6]
Повысить безопасность	Чрезмерный контроль / утечки	Законность, меры защиты информации [5]

Снизить затраты	Исключение оффлайн-каналов	Равный доступ и альтернативы [7]

Цифровизация заметно меняет способы достижения целей государства: повышает удобство услуг, усиливает управляемость и переносит часть решений в цифровые каналы. Однако конституционные ценности остаются пределом допустимых технологических решений [1].

Ключевые юридически значимые риски связаны с персональными данными, качеством реестров, непрозрачностью алгоритмических решений и цифровым неравенством. Снижение рисков требует не только технологий, но и регламентов ответственности, прозрачности и доступных процедур защиты прав [6; 7; 8; 11].

Практическая ориентация цифрового государства должна быть человекоцентричной: законность, соразмерность вмешательства, прозрачность и возможность обжалования — это не «дополнение», а условие доверия и устойчивости цифровых сервисов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.02.2026). – Загл. с экрана.

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 20.02.2026). – Загл. с экрана.

3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/ (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018, протокол № 16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/72190282/(дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

7. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

8. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

9. Арзамасов, Ю. Г. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности / Ю. Г. Арзамасов, В. Ю. Арзамасов // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 4(43). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=58656758 (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

10. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллективная монография / под ред. Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/824160461.pdf (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

11. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Норма; ИНФРА-М, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://izak.ru/upload/iblock/1c9/Kontseptsiya-tsifrovogo-gosudarstva-i-tsifrovoy-pravovoy-sredy_Blok.pdf (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

VALUES AND GOALS OF THE MODERN STATE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The paper discusses how digitalization reshapes the goals of the modern state while preserving constitutional values. Digital services and data-driven governance improve accessibility and speed of public services but increase risks to privacy, equality of access and trust in algorithm-assisted decisions. Based on Russian constitutional provisions, federal laws and strategic documents, the study highlights key legal principles for digital transformation: legality, proportionality, transparency, accountability and inclusiveness.
Keywords*:* digitalization, digital state, human rights, personal data, public services

Petrov A.D.
Scientific adviser: senior lecturer Sokolenko A.V.
Donetsk State University
E-mail: dexrazer34@gmail.com

УДК 347

СПОСОБЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Пилипенко И.И.
Научный руководитель: Липинский В.В., д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В работе анализируются гражданско-правовые механизмы защиты средств индивидуализации в Российской Федерации, включая товарные знаки, фирменные наименования и другие обозначения. Рассматриваются проблемы доказывания нарушений, неоднозначность судебной практики и недостатки законодательного регулирования, особенно в части определения сходства до степени смешения и приоритета регистрации над фактическим использованием. Автор подчеркивает необходимость совершенствования норм, в том числе расширения возможностей взыскания компенсации за нематериальный вред и уточнения критериев ответственности. Предлагается баланс между регистрационной определённостью и защитой добросовестных участников рынка.
Ключевые слова: средства индивидуализации, исключительное право, гражданско-правовая защита, компенсация, сходство до степени смешения, фирменное наименование, товарный знак, репутационный вред, судебная практика, интеллектуальные права.

В современном правовом пространстве Российской Федерации средства индивидуализации занимают центральное место в системе объектов гражданских прав, приравненных к результатам интеллектуальной деятельности. Обозначения — фирменные наименования, товарные знаки, коммерческие обозначения, географические указания и наименования мест происхождения товаров — выполняют ключевую функцию: они позволяют выделять субъектов предпринимательской деятельности и их продукцию среди множества аналогичных объектов на рынке.

Как отмечает Бобров М.Е., индивидуализация как особый процесс осуществляется при помощи использования системы разнообразных обозначений (знаков), которые именуются «средствами индивидуализации [1, с. 173].

Данная функция не только способствует формированию узнаваемости бренда и деловой репутации, но и служит важнейшим инструментом защиты интересов потребителей, обеспечивая им возможность осознанного выбора. Однако эффективность этого института напрямую зависит от надежности и доступности механизмов его защиты, предусмотренных законодательством. В Российской Федерации такая защита носит межотраслевой характер, охватывая нормы гражданского, административного и уголовного права, однако именно гражданско-правовые способы защиты являются основополагающими, поскольку они направлены на восстановление нарушенного права и компенсацию причиненного вреда.

Гражданское законодательство, в частности часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), закрепляет за правообладателями исключительное право на использование средств индивидуализации. Право, предусмотренное статьей 1229 ГК РФ, включает в себя два аспекта: позитивный — право самостоятельно использовать средство индивидуализации в предпринимательской деятельности, и негативный — право запрещать его использование третьими лицами без разрешения. Именно этот негативный аспект является основой для применения мер гражданско-правовой ответственности [2].

Для наступления такой ответственности, согласно общим принципам, необходимо наличие состава гражданского правонарушения, включающего противоправное поведение, наличие убытков или вреда, причинно-следственную связь между ними и вину нарушителя. Тем не менее, в доктрине и практике ведутся дискуссии о том, какой из этих элементов должен играть определяющую роль.

По мнению Хазиковой З.И., приоритет следует отдавать принципу причинения вреда, а не принципу вины нарушителя [3, с. 15]. Она полагает, что такой подход обеспечит более надежную правовую защиту для правообладателей и будет стимулировать участников гражданского оборота к должной осмотрительности и уважительному отношению к чужим интеллектуальным правам. Позиция представляется особенно актуальной в условиях, когда ущерб от незаконного использования средства индивидуализации может быть трудноценимым, проявиться не сразу или носить нематериальный, репутационный характер, который не всегда поддается точному денежному выражению.

Способы защиты исключительных прав на средства индивидуализации перечислены в статье 1252 ГК РФ и включают в себя как общие, так и специальные меры.

К общим способам относятся требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, а также о возмещении убытков. Специфическим и наиболее востребованным на практике способом является присуждение компенсации. Механизм, предусмотренный, например, статьей 1515 ГК РФ для случаев нарушения прав на товарные знаки, позволяет правообладателю не доказывать размер понесенных убытков, что часто является сложной и затратной процедурой.

Суд вправе присудить компенсацию в размере от 10 тысяч до 5 миллионов рублей, исходя из характера нарушения и иных обстоятельств дела. Однако, как справедливо отмечает Болотин С.С., судебная практика порой фактически подменяет один способ защиты другим [4, с. 73]. Несмотря на то, что закон предоставляет правообладателю выбор между возмещением убытков и присуждением компенсации, суды иногда требуют от истца доказательства убытков даже в тех случаях, когда он избрал именно присуждение компенсации. Такая практика противоречит позиции Верховного Суда РФ, который в своем Обзоре судебной практики от 23 сентября 2015 года прямо указывает, что выбор способа защиты — прерогатива самого правообладателя и не может быть изменен судом по его собственной инициативе [5].

Связь между размером компенсации и реальными убытками, хотя и логична для целей соразмерности, не должна превращаться в обязательное условие для ее взыскания, так как это подрывает саму суть данного механизма, созданного для упрощения защиты прав.

Особую сложность представляет собой доказывание самого факта нарушения, особенно в спорах, связанных с товарными знаками. Согласно пункту 3 статьи 1484 ГК РФ, запрещается использование без разрешения правообладателя обозначений, сходных с его товарным знаком до степени смешения, в отношении однородных товаров, если такое использование создает вероятность смешения. Критерии определения этого сходства установлены

Приказом Роспатента от 31 декабря 1997 г. № 179, согласно которому сходство означает возникновение ассоциации одного обозначения с другим, несмотря на отдельные различия [6].

Однако установление этой «степени смешения» является сугубо вопросом факта, и судебная практика по этому поводу крайне неоднозначна. Суды могут ориентироваться либо на формальное сравнение обозначений, либо на реальные ассоциации потребителей, что приводит к разным результатам. Болотин С.С. приводит примеры, когда суды отказывают в удовлетворении исков, даже если формально имеет место сходство, способное ввести в заблуждение, если зарегистрированный товарный знак содержит общеупотребительные элементы или неохраняемые символы [4, с. 80].

Свидетельствует о необходимости более глубокого анализа не только самого обозначения, но и его эффекта в коммерческом обороте, что позволит сделать судебные решения более предсказуемыми и справедливыми.

Не менее спорными являются вопросы, связанные с защитой прав на фирменные наименования, регулируемые статьей 1474 ГК РФ. Закон запрещает использование юридическим лицом наименования, тождественного или сходного до степени смешения с наименованием другого юридического лица, если они осуществляют аналогичную деятельность. Здесь возникает коллизия между формальным критерием — датой включения наименования в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), и фактическим — характером осуществляемой деятельности.

Судебная практика, которая иногда слишком буквально толкует закон, руководствуясь лишь данными из учредительных документов и ЕГРЮЛ, игнорируя реальные доказательства того, что компании на самом деле работают в разных сферах.

Предлагаем внести изменения в законодательство, установив, что преимущественное право на использование фирменного наименования должно принадлежать не тому, кто зарегистрировал его первым, а тому, кто начал осуществлять соответствующую деятельность под этим наименованием раньше. Лишь в случае невозможности установить приоритет по времени начала деятельности приоритет должен отдаваться более ранней регистрации.

Такой подход, по его мнению, лучше защищает интересы потребителей и предотвращает злоупотребления со стороны недобросовестных конкурентов, которые могут регистрировать известные наименования, не имея намерения вести под ними реальный бизнес.

В научной литературе данная проблема рассматривается по-разному. Клейменова М.О., например, предлагает радикальное решение — полностью исключить из статьи 1474 ГК РФ требование об осуществлении аналогичной деятельности, тем самым запретив регистрацию сходных наименований вообще [7, с. 27].

В то же время Короткова К. полностью соглашается с текущей позицией законодателя, считая, что защите подлежит исключительное право на фирменное наименование юридического лица, которое было включено в ЕГРЮЛ раньше других, вне зависимости от того, какое из них фактически начало деятельность первым [8, с. 3].

Позиция Болотина представляется наиболее сбалансированной, поскольку она учитывает, как необходимость правовой определенности, обеспечиваемой регистрацией, так и реальные экономические интересы добросовестных участников рынка.

Помимо гражданско-правовой ответственности, за незаконное использование средств индивидуализации предусмотрена и административная ответственность по статье 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [9]. Норма применяется в тех случаях, когда действия нарушителя не содержат признаков преступления, предусмотренного статьей 180 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) [10]. Административная ответственность наступает за незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания или наименования места происхождения товара, а также сходных с ними обозначений для однородных товаров, работ или услуг. Санкция статьи предусматривает наложение штрафа на граждан, должностных и юридических лиц с обязательной конфискацией предметов, содержащих незаконное воспроизведение.

Однако для привлечения к административной ответственности недостаточно просто установить факт отсутствия разрешения правообладателя; необходимо доказать, что нарушитель использовал эти средства в предпринимательской деятельности, например, на товарах, этикетках или упаковке.

Самым строгим видом ответственности является уголовная, предусмотренная статьей 180 УК РФ. Статья применяется в случаях, когда незаконное использование средств индивидуализации совершено неоднократно или причинило крупный ущерб. Жилкин М.Г. обращает внимание на одну из ключевых проблем применения данной нормы: в законе не раскрывается, кому именно и каким образом должен быть причинен

этот «крупный ущерб», что создает трудности для правоприменителей при установлении его точного размера и квалификации деяния [11, с. 21].

Навроцкая А.С. предлагает совершенствовать диспозицию статьи 180 УК РФ, дополнив ее таким конструктивным признаком, как «извлечение дохода в крупном размере», что позволило бы более точно квалифицировать преступления в сфере незаконного оборота средств индивидуализации [12, с. 78].

Кроме того, она считает целесообразным расширить перечень объектов преступного посягательства, включив в него такие средства индивидуализации, как фирменное наименование и коммерческое обозначение, по аналогии с законодательством некоторых других стран. Предложение представляется логичным, поскольку все средства индивидуализации выполняют схожую функцию на рынке и их незаконное использование может причинять сопоставимый вред.

Возвращаясь к гражданско-правовым способам защиты, следует отметить, что они реализуются в рамках межотраслевой системы, где каждая отрасль права играет свою роль. Гражданское право обеспечивает восстановление имущественного положения правообладателя, административное — наказывает за правонарушение и конфискует контрафактную продукцию, а уголовное — карает за наиболее опасные деяния, причинившие крупный ущерб. Однако эффективность всей системы во многом зависит от того, насколько хорошо отработаны именно гражданско-правовые механизмы, так как именно они являются первым и основным барьером на пути нарушителей.

В этой связи заслуживает внимания мнение Чумаковой П.Л. о том, что достаточным основанием для применения мер гражданско-правовой ответственности должен являться сам факт нарушения обеспеченного правовой охраной интеллектуального права, вне зависимости от размера причиненных убытков [13, с. 75]. Такой подход упростил бы процедуру защиты и сделал бы ее более доступной для правообладателей.

Кроме того, предлагаем законодательно закрепить возможность взыскания компенсации не только за материальный, но и за нематериальный вред: морального — для физических лиц и репутационного — для юридических лиц. Предложение является крайне актуальным, поскольку репутация компании, ее деловая репутация и узнаваемость на рынке часто являются ее самым ценным активом, и ущерб, нанесенный этим нематериальным благам, может быть гораздо более существенным, чем прямые финансовые потери. Включение такого вида компенсации в законодательство позволило бы более полно и справедливо восстанавливать нарушенные права.

Таким образом, система гражданско-правовой защиты прав на средства индивидуализации в Российской Федерации является комплексной и многоуровневой, но в то же время содержит ряд пробелов и неясностей, которые порождают споры и неоднозначную судебную практику. Для ее совершенствования необходимы как доктринальные разработки, так и законодательные инициативы. Предложения ученых, направленные на уточнение критериев доказывания, пересмотр приоритетов в защите фирменных наименований и расширение возможностей для взыскания компенсации, представляют собой важный вклад в развитие данного института. Реализация этих предложений позволит создать более предсказуемую и справедливую правовую среду, способствующую развитию добросовестной конкуренции и защите интересов как правообладателей, так и потребителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров, М.Е. Средства индивидуализации товаров, работ и услуг как объекты интеллектуальных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / М.Е. Бобров. – М., 2013. – 206 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5497.

3. Хазикова, З.И. Гражданско-правовая ответственность за нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / З.И. Хазикова. – Краснодар, 2013. – 26 с.

4. Болотин, С.С. Спорные вопросы защиты прав на средства индивидуализации / С.С. Болотин // Ex jure. – 020. – № 1. – С. 73–84.

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 12.

6. Приказ Роспатента от 31 декабря 1997 г. № 179 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» // Ведомости Роспатента. – 1998. – № 1.

7. Клейменова, М.О. Проблемы, возникающие при осуществлении регистрационного режима средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг / М.О. Клейменова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С. 27–31.

8. Короткова, К. Опасности неноваторского мышления / К. Короткова // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 27. – С. 1-6.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

11. Жилкин, М.Г. Проблемы дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / М.Г. Жилкин // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 4 (35). – С. 21-27.

12. Навроцкая, А.С. Уголовная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации: сравнительно-правовой анализ РФ и зарубежного законодательства / А.С. Навроцкая // Образование и право. – 2020. – № 5. – С. 78-82.

13. Чумакова, П.Л. Защита прав на средства индивидуализации: проблемы правоприменительной практики / П.Л. Чумакова // Российская государственная академия интеллектуальной собственности. – 2026. – 127 с.

METHODS OF CIVIL PROTECTION OF RIGHTS TO MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Abstract: The paper analyzes civil law mechanisms for the protection of means of individualization in the Russian Federation, including trademarks, trade names and other designations. The problems of proving violations, the ambiguity of judicial practice and the shortcomings of legislative regulation are considered, especially in terms of determining the similarity to the degree of confusion and the priority of registration over actual use. The author emphasizes the need to improve standards, including expanding the possibilities of collecting compensation for non-material damage and clarifying liability criteria. A balance is proposed between registration certainty and the protection of bona fide market participants.

Keywords: means of individualization, exclusive right, civil protection, compensation, confusingly similar, brand name, trademark, reputational harm, judicial practice, intellectual property rights.

Pilipenko I.I.
Scientific supervisor: Lipinsky V.V., associate professor
Donetsk State University
E-mail: danon.469@mail.ru

УДК 342.14

СУДЕБНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ: РОЛЬ СУДА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Плахотнюк С.С.
Научный руководитель: Соколенко А.В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется ключевая роль суда в процессе судебного доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. На основе анализа норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики раскрывается многогранный характер деятельности суда: от определения предмета доказывания и руководства процессом до оценки доказательств и формирования выводов для судебного решения.

Особое внимание уделено полномочиям суда по содействию сторонам в сборе доказательств, контролю за их допустимостью, а также принципу свободной оценки доказательств. Показано, что суд не является пассивным наблюдателем, а активно управляет процессом, обеспечивая его законность и объективность.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства, процесс доказывания, достаточность, состязательность сторон.

Судебное доказывание является краеугольным камнем судопроизводства, служащим инструментом установления объективной истины по делу. Данный процессуальный механизм представляет собой систематизированную совокупность действий, в рамках которой стороны представляют доказательства, а суд осуществляет их исследование и оценку, что в конечном итоге направлено на принятие законного и обоснованного судебного решения.

В соответствии с частью 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ), под доказательствами понимают «полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела».

С.С. Алексеев отмечает, что «доказывание представляет собой исследовательскую деятельность, образующую само содержание опосредованного юридического познания» [2, с. 25].

П.П. Гуреев определяет «доказывание как способ познания обстоятельств, подтверждающих требования и возражения сторон, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела» [3, с. 113].

Судья должен обладать рядом профессиональных навыков и личных качеств, чтобы эффективно собирать и анализировать доказательства в соответствии с правовыми нормами, регулирующими процесс доказывания в суде. Основная сложность заключается в правильном понимании и оценке значимых для дела данных, определении предмета спора и установлении, на кого возлагается обязанность доказывания. Часто судьи не полностью или несправедливо подходят к сбору фактов, что влияет на выносимые решения и ущемляет права участвующих сторон [4, с. 196].

В пунктах 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 №23 «О судебном решении» [5] разъяснено, что решение является законным, если оно вынесено в строгом соответствии с процессуальными нормами и материальным правом, применимым к данному правоотношению. Также оно может быть обосновано применением аналогии закона или права в случае необходимости. Решение является обоснованным, если все значимые для дела факты подтверждены доказательствами, которые суд исследовал и которые соответствуют требованиям закона об их допустимости и относимости. Кроме того, оно должно содержать исчерпывающие

выводы, вытекающие из установленных фактов, и не требовать дополнительного доказывания обстоятельств.

Суд играет ключевую роль в процессе доказывания, охватывая все стадии судебного разбирательства. Он устанавливает предмет доказывания, определяя круг обстоятельств, значимых для правильного разрешения дела. На основании норм материального права и заявленных требований суд формирует список фактов, которые необходимо установить, что задает основное направление всему процессу доказывания. Следует подчеркнуть, что суд не ограничивается лишь доводами сторон: в предусмотренных законом случаях он может выйти за рамки заявленных требований и исследовать дополнительные обстоятельства, что способствует более полному и всестороннему рассмотрению дела.

Одной из ключевых задач судебной инстанции является управление процессом доказывания. Суд следит за соблюдением процессуальных норм и обеспечивает равные возможности для обеих сторон в представлении доказательств. Он также разъясняет участникам процесса их права и обязанности, связанные с представлением доказательств и последствиями их непредставления. В случаях, когда сторона по объективным причинам не может получить необходимое доказательство, суд, по ее ходатайству, оказывает содействие в истребовании доказательств. Для этого суд может выдавать соответствующие запросы или обязывать противоположную сторону предоставить запрашиваемые материалы.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [6], если представленные доказательства недостаточно подтверждают требования истца или возражения ответчика либо не содержат иных необходимых данных, судья вправе предложить им представить дополнительные доказательства.

Особое значение имеет полномочие суда по оценке доказательств. В соответствии с принципом свободной оценки доказательств суд оценивает каждое доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [7, с. 86]. При этом никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы – каждое исследуется индивидуально с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства – с точки зрения достаточности и взаимной связи.

В процессе судебного разбирательства суд выполняет важную функцию, тщательно анализируя доказательства. Он проводит допросы свидетелей, экспертов и специалистов, а также осматривает вещественные улики. Суд также зачитывает письменные доказательства и, при необходимости, назначает экспертизы. Если для разрешения сложных вопросов требуются специальные знания, суд может привлечь эксперта или специалиста и четко сформулировать вопросы для экспертизы. В рамках судебного процесса суд имеет право задавать вопросы участникам, уточнять и дополнять представленные доказательства, что способствует всестороннему и объективному исследованию фактических обстоятельств дела.

В контексте теории гражданского процессуального права наблюдается дискуссия относительно функциональной роли суда в процессе доказывания. В данной области существуют две диаметрально противоположные научные позиции:

1. Суд как активный субъект процесса доказывания, обладающий полномочиями по сбору и представлению доказательств. В рамках данной концепции суд вправе инициировать проведение экспертиз, направлять запросы для истребования доказательств от третьих лиц и осуществлять иные процессуальные действия, направленные на формирование доказательственной базы.

2. Суд как пассивный субъект, чья роль ограничивается оценкой доказательств, представленных сторонами. В соответствии с этой точкой зрения суд не должен

принимать участие в процессе собирания доказательств, ограничиваясь исключительно анализом и критическим осмыслением материалов, представленных истцом и ответчиком.

Таким образом, обе позиции отражают различные подходы к определению границ компетенции суда в рамках гражданского судопроизводства и требуют детального анализа с точки зрения их теоретического обоснования и практического применения.

Буквальное толкование вышеобозначенных норм позволяет выявить диапазон полномочий суда при рассмотрении дела в суде первой инстанции. На суд возложена обязанность осуществлять руководство процессом, а также создавать необходимые условия для реализации процессуальных прав сторон. Благодаря суду доказательства, предоставляемые сторонами, исследуются всесторонне и объективно. Именно в компетенцию суда входит формирование предмета доказывания за счет правильного установления обстоятельств, оказывающих влияние на его разрешение. Суд также разрешает вопросы, которые связаны с распределением доказательственного бремени между сторонами [8, с. 179].

Важным элементом работы судебной системы является строгое соблюдение процессуальных норм при сборе и оценке доказательств. Это необходимо для поддержания законности и справедливости судебного процесса. Суд внимательно проверяет, чтобы все доказательства были получены законным путём и соответствовали установленным требованиям. В соответствии с процессуальным законодательством, доказательства, собранные с нарушением закона, считаются недопустимыми и не могут быть использованы при вынесении судебного вердикта.

В рамках своей компетенции суд обладает полномочиями исключать из рассмотрения доказательства, не соответствующие установленным критериям допустимости, и обязан мотивировать свои решения об этом, что способствует обеспечению прозрачности и обоснованности судебного процесса.

На сегодняшний момент роль суда в процессе доказывания, в частности собирания доказательств, не может быть определена ни как активна, ни как пассивная. Это связано с тем, что суд рассматривает различные дела, к каждому из которых необходим индивидуальный подход. Законодательная конструкции, устанавливающая принцип равенства и состязательности, определяющая суд, как беспристрастного и независимого участника разбирательства, но в тоже время предоставляющая некоторую свободу суда в содействии сторонам при собирании доказательств, является наиболее удачной для разрешения споров и вынесения законного и обоснованного решения [9, с. 110].

В процессе рассмотрения доказательств суд формирует свое мнение о том, подтверждены ли обстоятельства дела. Хотя это мнение может показаться субъективным, оно основывается на детальном анализе всех представленных доказательств и должно быть ясно и последовательно изложено в решении суда. В мотивировочной части постановления необходимо четко указать, какие доказательства были учтены, какие отвергнуты и на каких методологически обоснованных критериях. Также следует подробно объяснить, почему одни доказательства были признаны более значимыми, чем другие. Это обеспечивает прозрачность и обоснованность судебных решений, что является ключевым аспектом легитимности и справедливости правосудия.

М.С. Строгович указывает, что оценка доказательства представляет собой результат его проверки и сводится к признанию наличия или отсутствия факта, который данное доказательство подтверждает [10, с. 164].

Так, в соответствии с Определением Конституционного Суда РФ от 28.03.2013 №752-О, суд уполномочен оценивать доказательства и должен руководствоваться при этом только Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и другими нормативными актами. Соблюдение этих принципов гарантирует проверка его решений судами вышестоящих инстанций [11].

На завершающей стадии процесса доказывания суд подводит итоги исследования доказательств, систематизирует установленные факты и на их основе делает выводы о правах и обязанностях сторон. Эти выводы составляют основу судебного решения, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Обоснованность решения напрямую зависит от качества проведенного доказывания и корректности оценки доказательств судом.

При этом, в соответствии с Апелляционным определением Свердловского областного суда от 25.05.2021 по делу №33-6570/2021, согласно части 7 статьи 67 ГПК РФ, нельзя считать доказанными обстоятельства, которые подтверждаются только копией документа, если оригинал утрачен и не передан суду, а представленные сторонами копии не тождественны между собой и невозможно установить подлинное содержание оригинала с помощью других доказательств [12].

Как мы видим, в гражданском судопроизводстве не предусмотрено иного субъекта разрешения ходатайств, кроме как судом, тем самым в очередной раз подчеркивается основополагающая роль суда. При разрешении заявленного ходатайства суд также заслушивает мнение иных участников процесса, учитывая их мнение о том, имеет ли значимость для рассмотрения дела удовлетворение заявленного ходатайства [13, с. 109]. То есть, суд не принимает решение по удовлетворению или отказу в удовлетворении ходатайства произвольно, без учета позиции иных участников процесса, тем самым реализуя закрепленные за ними ГПК РФ процессуальные права.

Таким образом, роль суда в процессе судебного доказывания является центральной и определяющей. Суд не просто фиксирует представленные сторонами доказательства, но активно управляет процессом доказывания, обеспечивает его законность и объективность, оценивает доказательства по внутреннему убеждению и на основе этой оценки формирует выводы, лежащие в основе судебного решения. Именно от компетентности, беспристрастности и профессионализма суда во многом зависит достижение главной цели доказывания – установления объективной истины по делу и вынесения справедливого судебного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 №138- ФЗ (ред. от 22.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.11.2002. – №46. – Ст. 4532.

2. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск, 1973. – Т. 2. – 401 с.

3. Российское гражданское право: учебник / Крылова З.Г., Гаврилов Э.П., Гуреев В.И. и др.; под ред. З.Г. Крыловой, Э.П. Гаврилова. – 2 изд. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2001. – 437 с.

4. Гливенко, Д.Б. Роль суда в процессе доказывания // Форум молодых ученых. – 2020. – №6 (46). – С. 195-198.

5. О судебном решении: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2003 №23 (ред. от 09.12.2025) // Российская газета. – 26.12.2003. – №260.

6. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2008 №11 (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. – 02.07.2008. – №140.

7. Нахова, Е.А. Принцип свободной оценки доказательств в системе принципов доказательственного права в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – №1 (39). – С. 85-92.

8. Скиданова, А.А. Проблематика роли суда в процессе доказывания // Молодой ученый. – 2022. – №42 (437). – С. 178-181.

9. Александров, А.Ю. Роль суда в доказывании по гражданским делам // Форум молодых ученых. – 2019. – №2 (30). – С. 107-111.

10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / Чл.-кор. Акад. наук СССР прос. М.С. Строгович; Акад. наук СССР, Ин-т права им А.Я. Вышинского. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 67 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 №752-О // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=340424#Q2GVcAVgmtk6JoA6 (дата обращения: 07.02.2026).

12. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25.05.2021 по делу №33-6570/2021 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=267856#Fw4WcAVrGJuBSWLK (дата обращения: 07.02.2026).

13. Баазан, Д.В. Роль суда как основного субъекта гражданских процессуальных правоотношений в процессе доказывания // Вестник магистратуры. – 2023. – №11-2 (146). – С. 108-110.

JUDICIAL EVIDENCE: THE ROLE OF THE COURT IN THE EVIDENTIARY PROCESS

Annotation. The article examines the key role of the court in the process of judicial evidence in the civil proceedings of the Russian Federation. Based on the analysis of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice, the multifaceted nature of the court's activities is revealed: from determining the subject of evidence and guiding the process to evaluating evidence and drawing conclusions for a court decision.

Special attention is paid to the powers of the court to assist the parties in collecting evidence, monitoring its admissibility, as well as the principle of free evaluation of evidence. It is shown that the court is not a passive observer, but actively manages the process, ensuring its legality and objectivity.

Keywords: civil procedure, evidence, proof process, sufficiency, adversarial nature of the parties.

Plahotniuc S.S.
Scientific adviser: Sokolenko A.V., Senior lecturer.
Donetsk State University
E-mail: ssplahotnyuk@yandex.ru

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВ РЕАБИЛИТИРУЕМОГО

Пономарёва А.Р.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ института реабилитации в российском уголовном судопроизводстве как ключевого механизма реализации конституционного права на возмещение государством вреда. На основе исследований современных учёных выявляются системные проблемы, препятствующие эффективному восстановлению прав лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию. Рассматривается концептуальная двойственность института, терминологические противоречия в законе, неопределённость круга субъектов, а также практические сложности в возмещении имущественного, морального вреда и восстановлении пенсионных прав. Особое внимание уделяется процедурным барьерам и недостаточным гарантиям окончательности реабилитирующих решений. В работе обосновывается необходимость не частных изменений, а системной реформы законодательства для превращения права на реабилитацию из декларативной нормы в действенный инструмент защиты достоинства личности и восстановления справедливости.
Ключевые слова: институт реабилитации, возмещение государством вреда, моральный вред, имущественный ущерб, восстановление пенсионных прав, процессуальные гарантии.

Институт реабилитации представляет собой одну из фундаментальных государственных гарантий, призванных исправить последствия судебной ошибки и восстановить нарушенные права личности, незаконно или необоснованно подвергнутой уголовному преследованию.

Конституционное право каждого на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц ст. 53 Конституции Российской Федерации, (далее Конституция РФ) находит свою конкретизацию в уголовно-процессуальном институте реабилитации глава 18 Уголовно Процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) [1]. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Егорова, правового закрепления государственной ответственности недостаточно для её полноценной реализации на практике, о чём свидетельствуют многочисленные обращения в Конституционный Суд РФ [6, с. 191].

Право на реабилитацию в российском уголовном процессе следует рассматривать как состоящее из двух равнозначных составляющих: материальной (размер возмещения вреда) и процессуальной (исполнимость решений и сроки их пересмотра). Ключевой проблемой является отсутствие в УПК РФ чёткого срока, в течение которого кассационная инстанция может ухудшить положение реабилитированного лица. Представляется, что такой срок не должен превышать шести месяцев, поскольку более длительный период нарушает принцип правовой определённости и не соответствует требованиям справедливого правосудия. Исполнимость судебных решений о выплатах должна быть реальной, а не декларативной, что требует строгого соблюдения процессуальных гарантий и мотивированности судебных решений» [5, с. 44].

Важную роль в унификации судебной практики призвано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», которое подвергалось неоднократным изменениям, последние из которых датированы 2025 годом [4]. Данный документ даёт ключевые разъяснения, направленные на преодоление пробелов и коллизий в законе. В нём, в частности, подчёркивается, что реабилитация понимается как порядок

восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причинённого ему вреда. Однако даже наличие такого масштабного руководящего разъяснения не устраняет системных противоречий.

Первоосновой многих практических затруднений служит внутренняя противоречивость самого понятийного аппарата, закрепленного в законе. Так, законодатель вводит два взаимосвязанных, но не тождественных определения. Согласно пункту 34 статьи 5 УПК РФ, под реабилитацией понимается как единый порядок восстановления прав и свобод и возмещения причиненного вреда. Однако в пункте 35 той же статьи понятие «реабилитированный» неоправданно сужено до лица, имеющего лишь право на возмещение вреда [2]. Тем самым из сущностного содержания статуса реабилитированного выпадает важнейший компонент — восстановление его в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Этот терминологический разрыв создает почву для ограничительного толкования и ослабления гарантий, предоставляемых лицу, признанному невиновным.

Исторический экскурс, проведённый А.А. Ларинковым, показывает, что институт реабилитации долгое время был фрагментарным, а его развитие в советский и современный российский период сопровождалось существенными правовыми пробелами, особенно в части возмещения морального вреда [9, с. 9]. Несмотря на детальную регламентацию в УПК РФ, механизм восстановления прав реабилитируемого остаётся сложным, противоречивым и порождает множество проблем на практике.

Первая группа проблем имеет фундаментальный характер и связана с двойственной правовой природой института и неопределённостью ключевых понятий. Как отмечает А.А. Ларинков, анализ научных взглядов и опросов практикующих юристов показывает, что институт реабилитации воспринимается как уголовно-процессуальный (30%), гражданско-правовой (30%) или смешанный (40%) [9, с. 14]. Эта дуальность ведёт к коллизии норм УПК РФ и ГК РФ, регулирующих порядок и условия возмещения вреда. И.В. Кутузов подчёркивает, что, несмотря на закреплённую законом денежную форму компенсации морального вреда, фактически возмещение включает и в неимущественные формы: официальные извинения, опровержение порочащих сведений [8, с. 234].

Федюнин А.Е. и Перетятько Н.М. в своей статье предлагают концептуальное решение этой проблемы через структурное разделение института реабилитации на два самостоятельных субинститута:

1) полной реабилитации (для случаев незаконного или необоснованного преследования);

2) возмещения вреда, причинённого в рамках правомерного уголовного преследования (когда преследование в целом законно, но допущены отдельные нарушения) [10, с. 221].

Это разграничение, по их мнению, позволит устранить смешение оснований и процедур, присущее современному регулированию.

При этом процедура принесения извинений, как указывает Е.В. Егорова, законодательно не конкретизирована — неясно, каким именно прокурором и в какой форме (публичной или частной) они должны быть принесены для действительного восстановления чести и достоинства [6, с. 195].

Вторая группа проблем касается круга лиц, имеющих право на реабилитацию. Е.В. Егорова обращает внимание на парадоксальную ситуацию: законодательно понятия «реабилитируемое лицо» нет среди участников уголовного судопроизводства. Право возникает лишь при волеизъявлении оправданного, и если он не заявит требования, государство не признает его реабилитированным. Дискуссионным является и вопрос о распространении института на юридических лиц. Анализируя ст. 133 и 139 УПК РФ, Е.В. Егорова указывает на существующую коллизию: юридическое лицо может возмещать

убытки от незаконных действий в общем порядка, а в рамках реабилитации — только через специальную процедуру ст. 139 УПК РФ, что нарушает принцип равенства. Более того, вызывает споры возможность компенсации морального вреда (вреда деловой репутации) юридическому лицу через механизм реабилитации [6, с. 191-194].

Третья группа проблем сконцентрирована вокруг процедуры возмещения имущественного ущерба. Е.В. Дубина в своей статье ставит ключевой вопрос об ответственности государства в целом, а не конкретных должностных лиц, что вытекает из публично-правовой природы уголовного преследования [7, с. 25]. Однако, как показывает исследование, на практике возникает сложность с определением подлежащих возмещению расходов. Е.В. Егорова ссылается на позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой расходы на юридическую помощь, понесённые родственниками, возмещаются только если доказано, что они действовали по поручению обвиняемого. В противном случае реабилитированный вынужден обращаться в порядке гражданского судопроизводства, что усложняет и затягивает процесс [6, с. 195]. Эта проблема усугубляется, по данным А.А. Ларинкова, сохранением действия ряда подзаконных актов СССР 1981-1982 гг., что создаёт правовую неразбериху и противоречия с современным законодательством [9, с. 11].

Особую и социально значимую подгруппу проблем составляет восстановление пенсионных прав реабилитированных. Как отмечает А.В. Шигуров, здесь существует системное противоречие между уголовно-процессуальным и пенсионным законодательством. УПК РФ гарантирует полное возмещение вреда, включая пенсионные права за периоды вынужденной безработицы [11, с. 27]. Однако Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» содержит критические пробелы. Перечень периодов, включаемых в страховой стаж (содержание под стражей, отбывание наказания, ссылка, отстранение от должности), является неполным. В него не входят, например, периоды домашнего ареста или запрета определённых действий, ограничивающих трудоспособность. Кроме того, ключевая проблема заключается в отсутствии механизма расчёта индивидуального пенсионного коэффициента за эти периоды, так как закон устанавливает правила только для отстранения от должности. Это создаёт парадоксальную ситуацию, когда даже при наличии судебного решения о реабилитации и взыскании средств для пенсионных взносов, государственные органы (Минфин, Пенсионный фонд) не имеют чёткой процедуры для их перечисления и учёта, что на практике лишает реабилитированных возможности получить пенсию во внесудебном порядке [3].

Наиболее острые споры и трудности правоприменения связаны с возмещением морального вреда. И.В. Кутузов определяет моральный вред реабилитированного как комплекс негативных психоэмоциональных изменений, включающих страдания, ущерб репутации, чувство несправедливости, которые сохраняются и после формальной реабилитации. Главная проблема, которую выделяют все авторы, — отсутствие чётких критериев для определения размера компенсации. И.В. Кутузов отмечает, что суд, руководствуясь ст. 1101 ГК РФ, учитывает степень физических и нравственных страданий, длительность преследования, но эти категории крайне субъективны [8, с. 235]. Е.В. Егорова добавляет, что на практике это приводит к неоправданно заниженным, «символическим» суммам, несоразмерным перенесённым страданиям. В качестве решения она ссылается на предложения некоторых исследователей установить минимальный тариф, например, фиксированную сумму за каждый день незаконного преследования [6, с. 194].

Важным шагом в развитии практики называют прецедентное решение Верховного Суда РФ, который, ориентируясь на практику ЕСПЧ, существенно повысил размер компенсации, учитывая не только страдания самого реабилитированного, но и ущерб его

семейной жизни, материальную зависимость от него престарелых родителей и детей. Это указывает на необходимость учёта комплексного характера морального вреда.

Наконец, значительные препятствия носят процедурный характер. Е.В. Егорова критикует необоснованные попытки правоохранительных органов урегулировать вопрос компенсации морального вреда на досудебных стадиях, хотя закон прямо отводит эту прерогативу суду [6, с. 194]. А.А. Ларинков, опираясь на статистику, указывает на массовый характер нарушений в ходе предварительного расследования, ведущих к реабилитации (тысячи случаев ежегодно), что свидетельствует как о ошибках в работе, так и о несовершенстве самого законодательства. Он же обращает внимание на важную проблему, отмеченную Конституционным Судом: закон не гарантирует незыблемости решения о прекращении дела по реабилитирующему основанию, если в течение года появятся «новые данные». Это создаёт угрозу повторного преследования и подрывает саму суть реабилитации [9, с. 16].

Проведённый анализ позволяет констатировать, что институт реабилитации в России, несмотря на детальное нормативное закрепление, страдает от комплекса системных проблем. К ним относятся:

1) Концептуальная двойственность, ведущая к коллизии уголовно-процессуальных и гражданско-правовых норм.

2) Неопределённость в отношении круга субъектов, особенно юридических лиц.

3) Сложный и противоречивый порядок возмещения имущественного вреда, осложнённый наследием устаревших нормативных актов.

4) Отсутствие объективных критериев оценки и хронически заниженные размеры компенсации морального вреда.

5) Наличие процессуальных барьеров и недостаточных гарантий окончательности решений о реабилитации.

Для преодоления этих проблем требуется не частная корректировка, а системное совершенствование законодательства. Необходимо чёткое разграничение процедур, устранение межотраслевых противоречий, закрепление методики расчёта компенсаций, введение гарантий против пересмотра реабилитирующих решений по надуманным основаниям и усиление роли судебного контроля на всех этапах. Только так конституционное право на реабилитацию может превратиться из декларации в эффективный механизм восстановления справедливости и защиты достоинства личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Закон РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Федеральный закон "О страховых пенсиях" от 28.12.2013 N 400-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/?ysclid=ml48bqhcvr405523673 (дата обращения: 30.01.2026).

4. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122458/?ysclid=ml46jf9ltk671323848 (дата обращения: 30.01.2026).

5. Алексеева Т.М. Право на реабилитацию в контексте права на исполнение судебного решения / Т.М. Алексеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – №1 (15). – С. 35-48.

6. Егорова Е.В. Проблемные аспекты реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве / Е.В. Егорова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 3 (58). – С. 191-197.

7. Дубина Е.А. Проблемные вопросы возмещения имущественного вреда реабилитированному лицу / Е.А. Дубина // Science Time. – 2020. – № 5 (77). – С. 25-29.

8. Кутузов И.В. Возмещение морального вреда реабилитированным лицам / И.В. Кутузов // Вестник науки. – 2025. – Т. 1. – № 5 (86). – С. 231-237.

9. Ларинков А.А. Отдельные проблемы правового регулирования института реабилитации в уголовном судопроизводстве // А.А. Ларинков // КриминалистЪ, – 2018. – № 3 (24). – С. 9-17.

10. Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Вопросы совершенствования процессуальной регламентации возмещения реабилитированному имущественного вреда / А.Е. Федюнин, Н.М. Перетятько Н.М. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 2 (145). – С. 216-227.

11. Шигуров А.В. Проблемы правового регулирования восстановления пенсионных прав реабилитированных лиц на страховую пенсию по старости. / А.В. Шигуров // Социальные нормы и практики. – 2025. – № 2. – С. 25-34.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RESTORATION OF THE REHABILITATED PERSON'S RIGHTS

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the institution of rehabilitation in Russian criminal proceedings as a key mechanism for implementing the constitutional right to compensation for harm caused by the state. Based on the research of contemporary scholars, the article identifies systemic problems that hinder the effective restoration of the rights of individuals who have been unlawfully subjected to criminal prosecution. The article examines the conceptual duality of the institution, the terminological inconsistencies in the law, the uncertainty of the range of subjects, and the practical difficulties in compensating for property damage, moral harm, and restoring pension rights. Special attention is given to procedural barriers and insufficient guarantees for the finality of rehabilitating decisions. The paper argues that what is needed is not individual changes, but a systemic reform of the legislation to transform the right to rehabilitation from a declarative norm into an effective tool for protecting the dignity of the individual and restoring justice.

Keywords: the institution of rehabilitation, state compensation for harm, moral harm, property damage, restoration of pension rights, and procedural guarantees.

Ponomareva A.R.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: ponomarevanastya04@mail.ru

УДК 347.672.5

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Попова К.В.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается концепция введения в российское гражданское законодательство нового правового института совместного волеизъявления супругов. Актуальность темы отражается в проблемах, существующих как в теории, так и на практике, а именно: отсутствие юридического определения понятия «завещание» в российском законодательстве; проблема видеофиксации процедуры составления совместного завещания; возможность отмены совместного завещания лицом, совершившим совместное завещание. оставшийся в живых супруг. В рамках рассматриваемого института проводится анализ и сопоставление норм зарубежного законодательства ряда стран (Германии, Колумбии, Англии и др.). Целью данной работы является изучение норм отечественного законодательства, теоретических основ и правоприменительной практики, которые направлены на формирование института совместного волеизъявления супругов, а также анализ зарубежного законодательства с целью установления его влияния на отечественные нормы.
Ключевые слова: наследование, завещание, совместное завещание супругов, наследники, распоряжение имуществом на случай смерти, обременение имущества, наследственное право.

Наследственные отношения представляют собой сложное правовое явление, отражающее общественную и государственную заинтересованность, а не только личные интересы индивида. В Российской Федерации каждому гражданину предоставляется конституционное право владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. Кроме того, в стране гарантируется право на наследование, что закреплено статьей 35 Конституции Российской Федерации.

Данные нормы имеют как теоретическое, так и практическое значение, что определяет наследственное право, как одну из ключевых подотраслей гражданского права.

Институт совместного завещания супругов имеет многовековую историю, что подтверждается рядом научных исследований, включая работу [1, с. 38].

Впервые нормы наследственного права были закреплены в Германском гражданском уложении (ГГУ) 1896 года. Эти нормы действуют и в настоящее время. Германское наследственное право опирается на принципы континентальной правовой системы, что имеет значение для гражданского законодательства Российской Федерации.

С 1 июня 2019 года в Российской Федерации появилась возможность составления совместного завещания супругами. Данный институт позволяет заранее урегулировать вопросы распоряжения совместным имуществом после смерти одного из супругов. Ранее такое завещание признавалось недействительным в соответствии со статьёй 1131 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [2].

Цель введения института совместного завещания заключается в снижении конфликтов в семьях при разделе наследства. Однако, как отмечают некоторые исследователи, такие как Гаврилов В. Н. и Ушаков Р. М. [3], данная конструкция является сложной и не имеет достаточной практики применения из-за своей новизны в российской правовой системе.

Другие авторы, включая Алексикову О. Е. и Мельник Е. А. [4], обращают внимание на проблему защиты интересов умершего супруга в случае недобросовестного поведения пережившего супруга. Будылин С. Л. [5], Воронцов В. М. и Сигов А. С., [6] Каймакова Е. В. [9], Колесников К. В. [10], Рождественский С. Н. [11], Ходырева Е. А. [13] и другие

исследователи также изучают различные аспекты наследственного права и, в частности, институт совместного завещания супругов.

В результате изучения указанных источников и анализа современного российского и зарубежного законодательства был выявлен ряд проблем в данной области правоотношений. В частности, в гражданском законодательстве Российской Федерации отсутствует точное определение понятия «классическое» завещание и, соответственно, совместное завещание супругов. Кроме того, существуют вопросы, связанные с процедурой видеофиксации заключения совместного завещания, а также с возможностью его отмены пережившим супругом. Эти аспекты вызывают существенные нарушения прав и законных интересов умершего лица.

Вышеизложенные обстоятельства подчёркивают необходимость совершенствования правовых норм, регулирующих институт совместного завещания. Это позволит устранить выявленные пробелы и обеспечить надлежащую правовую защиту интересов участников данных правоотношений.

Актуальность настоящего исследования обусловлена новизной института совместного завещания и недостаточным уровнем его правового регулирования в Российской Федерации.

Настоящее исследование базируется на использовании как общенаучных, так и специализированных методологических подходов. В частности, применяются методы абстрагирования, анализа, синтеза, дедукции, индукции, правового моделирования и сравнительно-правового анализа. Для детального изучения института совместного завещания супругов был использован диалектический метод, а также комплексный анализ норм национального и международного законодательства, что позволило провести всестороннее и объективное исследование правовых аспектов данного института.

Формально-юридический метод способствовал детальному анализу изменений в наследственном праве, вызванных введением института совместного завещания, а также выявлению его проблемных аспектов. Метод правового моделирования был применен для демонстрации возможных нарушений прав одного из супругов.

Также использовались специальные методы, такие как сравнительно-исторический и сравнительно-правовой анализ, что позволило проследить эволюцию института совместного завещания в России и за рубежом.

Институт совместного завещания предоставляет супругам возможность распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению, что способствует предотвращению конфликтов между наследниками, особенно в случаях, когда у супругов существуют различные представления о порядке распределения имущества.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, совместное завещание составляется исключительно супругами (п. 4 ст. 1118 ГК РФ), при этом к ним применяются те же правила, что и к обычным завещателям.

По данным российского телеканала «Известия» в Федеральной нотариальной палате (ФНП), количество совместных завещаний в стране демонстрирует положительную динамику. В январе — июне 2024 года увеличилось на 23% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года 2023. В 2019 году россияне оформили 659 таких документов, в 2020-м – 1002, в 2022-м – 1169, а в 2023 – уже 1264 завещания, добавили в ФНП. Как правило, такой формат выбирают супруги, которые не первый год вместе: у них высокий уровень доверия друг к другу и общие дети. Один из распространенных вариантов совместных завещаний определяет наследование раздельной собственности: когда определяется будущий владелец имущества, которое каждый из супругов приобрел и оформил только на себя.

Другой вариант совместного завещания – супруги устанавливают режим раздельной собственности на имущество или некоторые его виды, завещая каждый свою часть детям от предыдущих браков

Институт совместного завещания является относительно новым в российском праве, в то время как в Европе и США он широко известен, произошло оно в конце XVIII века. В различных странах данный институт регулируется по-разному. Например, в США и Великобритании совместное завещание может быть составлено не только супругами, но и бизнес-партнерами.

В Германии совместное завещание может быть составлено только официально женатыми парами. В России также применяется данный принцип, и семейная пара должна предоставить свидетельство о браке при обращении к нотариусу.

Федеральный закон № 217-ФЗ от 19 июля 2018 года ввел институт совместного завещания. Несмотря на восьмилетний срок его существования, данный институт остается менее развитым в России по сравнению с аналогичными институтами в других странах [3].

Одной из проблем является отсутствие четкого определения завещания в российском законодательстве. Согласно статье 1118 ГК РФ, завещание представляет собой способ распоряжения имуществом после смерти, а пункт 5 указанной статьи указывает, что завещание является односторонней сделкой.

Вопрос о правовой природе завещания вызывает дискуссии. Одни исследователи считают, что завещание является односторонней сделкой, не порождающей прав и обязанностей при жизни завещателя. Другие утверждают, что завещание обладает двусторонним характером, где завещание рассматривается как оферта, а принятие наследства — как акцепт. Однако данное мнение не имеет оснований, поскольку договорные отношения предполагают участие двух дееспособных сторон, что невозможно после смерти завещателя.

Для решения данной проблемы предлагается уточнить определение завещания. Например, В. Н. Гаврилов и Р. М. Ушаков предлагают следующее определение: «завещание — это односторонняя сделка, заключенная в установленной законом форме, определяющая юридическую судьбу имущества после смерти завещателя и совершаемая дееспособным лицом». Данное определение наиболее точно отражает сущность завещательных отношений.

Зарубежный опыт также может быть полезен. Например, в Гражданском кодексе Колумбии завещание определяется как формальный акт, в котором человек распоряжается своим имуществом или его частью после смерти, при этом он имеет право отменить завещание при жизни.

Одним из недостатков действующего законодательства является отсутствие регламентации в отношении видеофиксации процесса удостоверения совместного завещания супругов. В соответствии со статьей 1125 Гражданского кодекса Российской Федерации, нотариус обязан осуществлять видеозапись данной процедуры. Однако нормативно-правовые акты не устанавливают требований к используемому оборудованию, формату видеозаписи, порядку хранения материалов и передаче их наследникам.

Для предотвращения потенциальных конфликтов и судебных споров, которые могут привести к признанию завещаний недействительными, необходимо внести соответствующие уточнения в законодательство. Это позволит обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех заинтересованных лиц.

В условиях стремительного развития информационных технологий и экономического прогресса актуализируется вопрос адаптации законодательства к современным реалиям. В этой связи предлагается внести изменения в статью 1124 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленные на возможность

составления совместных завещаний супругов с применением электронных и технических средств.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о целесообразности подобных изменений. В частности, в период пандемии COVID-19 в Англии и Уэльсе были введены меры, позволяющие удостоверить завещания посредством видеосвязи, включая использование платформы Zoom. Данное нововведение может служить примером для совершенствования российского законодательства и адаптации его к современным условиям.

Ещё одним существенным недостатком российского законодательства, регулирующего институт совместного завещания, является возможность его отмены пережившим супругом (8, с. 35). Это может привести к несправедливому распределению имущества и нарушению законных прав умершего супруга.

Для более глубокого понимания проблемы рассмотрим следующий пример: предположим, что муж и жена владеют дачным участком и квартирой на правах общей долевой собственности. Они решают составить совместное завещание, в соответствии с которым после смерти пережившего супруга всё имущество должно перейти к их дочери.

В случае смерти первого супруга, оставшийся в живых супруг получает статус полноправного владельца всего имущества. Однако возникает вопрос о судьбе имущества после смерти пережившего супруга, если он решит отменить совместное завещание. Если в завещании указано, что всё имущество должно перейти к дочери после смерти обоих супругов, то после кончины первого супруга, оставшийся супруг может воспользоваться своим правомочием на распоряжение всем имуществом. Это может дать ему возможность распоряжаться имуществом по своему усмотрению, например, продать его и использовать вырученные средства для приобретения другого имущества или составления нового завещания, которое может лишить дочь права на наследство. Такие действия могут привести к несоответствующему закону разделу имущества и нарушению законных интересов умершего супруга (9, с. 79).

В связи с этим предлагается внести уточнения, касающиеся обременения соответствующего имущества, и дополнить, в частности, статью 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В результате проведенного анализа были выявлены ключевые аспекты, касающиеся нового института в российском наследственном праве — совместного завещания супругов. Данный институт расширяет возможности супругов, позволяя им выразить общую волю относительно вопросов наследования.

Однако ввиду новизны данного правового института возникают определенные сложности, которые требуют детального рассмотрения. В целях унификации правового регулирования и предотвращения разночтений предлагается закрепить на законодательном уровне определения понятий "завещание" и "совместное завещание супругов".

Предлагается дополнить часть 1 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации следующим определением: завещание представляет собой одностороннюю сделку, совершаемую дееспособным физическим лицом (завещателем) в надлежащей форме, которая определяет юридическую судьбу его имущества, имущественных прав и обязанностей, вступающих в силу после его смерти. При этом завещатель имеет право изменять или отменять условия завещания при жизни.

Также предлагается включить в часть 4 статьи 1118 ГК РФ следующее определение: совместное завещание супругов — это волеизъявление двух лиц, состоящих в браке, которое касается распоряжения их общим имуществом в случае смерти обоих супругов, направленное на передачу указанного имущества определенному лицу или лицам.

Для устранения противоречий, возникающих на практике в связи с видеофиксацией процесса заключения совместного завещания, предлагается дополнить статью 1125 ГК

РФ частью 5.2, регламентирующей порядок проведения данной процедуры и условия предъявления видеозаписи наследникам.

В целях предотвращения нарушения законных интересов одного из супругов предлагается внести изменения в абзац 5 части 4 статьи 1118 ГК РФ, установив следующее правило: один из супругов имеет право составить последующее завещание в отношении имущества, не охваченного совместным завещанием, как в период жизни второго супруга, так и после его смерти. Отмена совместного завещания допускается исключительно при жизни второго супруга и с его согласия.

На сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует полноценно разработанный правовой механизм, обеспечивающий надлежащее исполнение воли супругов, выраженной в совместном завещании. Для создания такого механизма необходимо провести детальный анализ зарубежного опыта в области гражданского права и внести соответствующие изменения в действующее законодательство Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / СПС «Консультант плюс» (дата обращения 02.09.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. –2001. – № 49. – Ст. 4552; 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.

3. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4552.

4. Алексикова, О.Е., Мельник Е.А. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве / О. Е. Алексикова, Е. А. Мельник // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — Т. 12, № 1. — С. 231-236.

5. Будылин С. Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт/ С. Л. Будылин // Закон. — 2017. — № 6. — С. 35.

6. Воронцов В. М., Сигов А. С. О понятии совместного завещания по гражданскому праву Германии/ В. М. Воронцов, А. С. Сигалов // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. — № 1. — С. 51-52.

7. Гаврилов В. Н., Филина А. Е., Ушаков Р. М. Спорные вопросы совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях / В. Н. Гаврилов, А.Е. Филина, Р.М. Ушаков // «Юридическая наука» научно-практический журнал (Издательство КноРус). — 2022. — № 1. — С. 78-81.

8. Гражданское право. Учебник. / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — Москва: ПРОСПЕКТ, 1998. — 580 с

9. Каймакова Е.В. Совместное завещание супругов: сравнительно-правовой анализ российской и зарубежной моделей // Наследственное право. — 2020. — № 1. — С. 35-38. DOI: 10.18572/20724179-2020-1-35-38. EDN: JOMCUP.

10. Колесников К.В. Завещание как односторонняя сделка: специфика при назначении душеприказчика / К. В. Колесников // Сфера права. — 2020. — № 4. — С. 5-9.

11. Рождественский С.Н. Завещание как сделка по гражданскому законодательству/ С.Н. Рождественский // Бюллетень нотариальной практики. — 2013. — № 5. — С. 26-40.

12. Ушаков Р. М., Гаврилов В. Н. Единоличное и совместное волеизъявление супругов в открытом доступе: сравнительный подход (допустимый аспект) //Конференция РУДН по теории, методологии и практике регулирования права (LTMRP Conference 2021). — 2021.

13. Ходырева Е. А. Право наследования на основании совместного завещания в свете реформирования законодательства о наследовании: спорные вопросы / Е. А. Ходырева // Нотариальный вестник. - 2016.- № 12. - С. 37-44.Давыдова Е.Ю., Безяева О.И. Проблема безработицы в современной России //

COUPLE'S WILL IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

Annotation. The article discusses the concept of introducing a new legal institution for the joint will of spouses for the Russian civil legislation. The relevance of the topic is reflected in the problems existing both in theory and

in practice, namely: the lack of a legal definition of the concept of «will» in Russian legislation; the problem of video recording of the procedure for making a joint will; the possibility of canceling a joint will by a surviving spouse. The analysis and comparison of the norms of foreign legislation of a number of countries (Germany, Colombia, England, etc.) is carried out within the framework of the institute under consideration. The purpose of this work is to study the norms of domestic legislation, theoretical foundations and law enforcement practice, which are aimed at forming the institution of joint will of spouses, as well as the analysis of foreign legislation to establish its impact on domestic norms. In order to achieve the above-menti.
Keywords: inheritance, will, joint will of spouses, heirs, disposal of property in case of death, encumbrance of property, inheritance law.

Popova K.V.
Scientific adviser: Oleynikova A.V., associate professor Donetsk State University
E-mail: popovakarina04@mail.ru

УДК 347.1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И «ВИРТУАЛЬНЫЕ» ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ: НОВАЯ ПАРАДИГМА В ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Роговская Ю.Е.
Научный руководитель: Воробьёва О.Р., ассистент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе анализируется влияние цифровизации на теорию юридических фактов. На основе теоретико-правового анализа и обзора литературы исследована природа цифрового следа и его использование в кредитном скоринге. Выявлено, что цифровые следы обладают признаками устойчивого юридического состояния, формируют новый класс “виртуальных” юридических фактов и требуют правового признания и усиленной защиты как особого вида персональных данных.
Ключевые слова: цифровизация, цифровой след, юридические факты, кредитный скоринг, персональные данные.

Современная эпоха цифровой трансформации влечёт за собой радикальные изменения во всех сферах общества, в том числе и в правовой среде. Повсеместное внедрение информационных технологий породило новые социальные и экономические отношения, которые трансформируют классические понятия правотворчества и правоприменения. В юридической науке всё чаще говорят о «цифровой личности» и «цифровых правоотношениях», подчёркивая, что интернет-пространство становится самостоятельной средой правового взаимодействия. Так, И. Шахновская подчёркивает, что цифровизация меняет субъектный состав правоотношений и приводит к появлению новых юридических фактов в сети Интернет, служащих основаниями для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей [1]. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, посвящённые именно природе «виртуальных» или «цифровых» юридических фактов – тех событий и действий, которые рождаются в цифровой среде и получают правовые последствия.

Уже в настоящее время учёные отмечают, что классические критерии юридических фактов не всегда адекватны в цифровых условиях. Традиционно юридический факт понимается как «жизненное обстоятельство, с которым правовая норма связывает возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей» [2]. Однако в цифровом мире многие события и действия имеют иной характер: они происходят виртуально, «кликаются» без физической составляющей и практически неосязаемы. А. Тумаков отмечает, что в цифровом пространстве баланс материально-идеальных признаков юридического факта смещается в сторону идеальности, поскольку само явление существует в «вымышленном» (виртуальном) пространстве и физически неосязаемо [2]. Вместе с тем материальные последствия таких виртуальных действий могут быть очень существенны (например, сделки в Интернете зачастую ведут к имущественным правам и обязанностям), поэтому особое внимание привлекает правовая квалификация этих «идеальных» фактов. Тумаков также подчёркивает, что смещение акцента в сторону «клика мышью» или «нажатия кнопки» снижает роль классического волевого начала в сделке и может приводить к нарушениям прав субъектов гражданского оборота, что требует как теоретического осмысления, так и практического правового решения [2].

В юридической литературе подчёркивается, что цифровая среда порождает новые правовые явления, не сводимые к традиционным категориям. И.В. Шахновская акцентирует внимание на том, что цифровые технологии создают особые «виртуальные действия», приводящие к установлению правоотношений в Сети, а новые юридические факты в этой среде имеют свои специфические признаки [1]. Например, появление

электронной подписи и электронного документа стало первым этапом цифровизации форм сделок, но далее настали более сложные явления: онлайн-торговля, криптографические протоколы, блокчейн-транзакции, автоматизированные смарт-контракты, всё больше операций осуществляется без участия человека. Право вынуждено реагировать на эти вызовы, формируя новую парадигму «цифрового права», где обычные понятия «документ», «сделка», «доказательство» получают цифровые аналоги, а юридические факты приобретают дополнительную информационную составляющую.

Одним из перспективных направлений исследований становится проблематика цифровых следов личности – совокупности данных о поведении человека в сети. Под «цифровым следом» понимают совокупность информации, которую пользователь оставляет при взаимодействии с цифровыми устройствами, системами и сервисами. Эти данные могут включать историю посещений сайтов, поисковые запросы, лайки в социальных сетях, онлайн-покупки и прочие свидетельства активности в Интернете. Наличие больших массивов таких данных породило понятие «пользовательский профиль» или «цифровой профиль», который может быть использован в экономических или социальных алгоритмах. Вместе с тем остаётся неясным правовой статус такого агрегированного цифрового следа: следует ли его рассматривать как «обстоятельство», имеющее юридическое значение в классическом смысле? По традиционной концепции юридических фактов «состояние» (как особая подгруппа юридических фактов) – это устойчивое свойство или признак лица или имущества (например, дееспособность, семейное положение, банкротство и т.п.), установленные констатирующими юридическими актами или объективными условиями [2]. Новая для права цифровая реальность ставит вопрос, можно ли считать цифровой след чем-то аналогичным – отражением состояния или качества субъекта, способным запускать правовые последствия.

Стоит отметить, что большинство цифровых следов напрямую связаны с личными данными пользователя, и их правовой режим активно обсуждается. А.Н. Мочалов рассматривает цифровой след как отражение взаимодействия индивида с технологической средой и подчёркивает, что такой след почти всегда содержит сведения о частной жизни человека. По мнению автора, это должно лечь в основу правового регулирования: законодателю следует исходить из презумпции, что любые цифровые следы являются информацией о частной жизни, и ограничивать их использование. Современное российское законодательство, по мнению Мочалова, не учитывает эту специфику, из-за чего информация, оставленная человеком в Сети, практически без ограничений может собираться службами безопасности или компаниями [3].

Кроме вопросов приватности, цифровые следы уже используются для разных целей в экономике и социальной сфере, что делает проблему их юридической значимости не только теоретической, но и практической. Например, специалисты в области кредитного скоринга отмечают, что активное «перемещение» клиентов в Интернете и повсеместный трекинг их поведения обеспечивают новые массивы данных для оценки надёжности заёмщика. Кредитные аналитики отмечают, что в ближайшем будущем данные пользователей смогут серьёзно соперничать с использованием традиционных финансовых показателей при предиктивной оценке кредитоспособности. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что агрегированный цифровой профиль человека (его лайки, истории поисков, покупки, поездки и т.д.) уже рассматривается бизнесом как «факт», характеризующий личность. В этой связи возникает принципиальный вопрос: можно ли такое цифровое состояние пользователя – его виртуальный «аватар» с зафиксированными характеристиками – считать юридически значимым обстоятельством или даже особым состоянием (фактом-состоянием), которое само по себе порождает

правовые последствия (например, влияет на право получать кредит или на статус индивида в обществе)?

Кредитоспособность определяется в российской практике как способность субъекта (физического или юридического лица) своевременно исполнять свои финансовые обязательства. С точки зрения права, кредитоспособность не имеет собственного юридического статуса – она рассматривается как экономическая характеристика субъекта, отражающая его платёжеспособность. Вместе с тем концепция «правового статуса» физического лица в российском законодательстве фиксируется на более фундаментальном уровне. Гражданин с момента рождения обладает гражданской правоспособностью – способностью иметь права и нести обязанности – на равных основаниях со всеми остальными; полная дееспособность достигается при наступлении совершеннолетия (18 лет) (ст. 21 ГК РФ). Кроме того, правовой статус индивида включает в себя конституционные гарантии частной жизни: ст. 23 Конституции РФ провозглашает неприкосновенность личной жизни, а ст. 24 – тайну переписки и коммуникаций. Исходя из этого, юридическая система России признаёт за каждым человеком совокупность гражданских прав и свобод, среди которых – право на неприкосновенность частной сферы.

Банки используют данные кредитной истории (ФЗ № 218-ФЗ «О кредитных историях»), но всё шире применяют и альтернативные источники информации. Цифровой «след» пользователя – совокупность данных о его онлайн активности – порождает понятие «цифрового профиля» личности. Отслеживание поведения клиентов в интернете создаёт новые массивы данных для предсказательной оценки кредитного риска. ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» чётко определяет персональные данные как любую информацию, прямо или косвенно относящуюся к конкретному человеку, и требует «добровольного информированного согласия» на их обработку.

Цифровые следы необходимо рассматривать как сведения, способные отражать элементы частной жизни человека. В силу этого предлагается относить их к информации, требующей такого же уровня конституционной защиты, который установлен для данных о личной и частной сфере и потому должны подпадать под охрану ст. 23 и ст. 24 Конституции РФ. Это означало бы, что законом должны устанавливаться специальные рамки работы с цифровыми профилями: от четкого разграничения общедоступной и закрытой информации до требования обязательного информированного согласия на анализ таких данных при расчёте кредитного рейтинга.

Кредитоспособность в российском правовом поле остаётся экономической характеристикой, а правовой статус гражданина определяется конституционно и гражданским законодательством. Новое явление – цифровой след – не имеет установленного «правового статуса», но уже влияет на оценку кредитоспособности. При этом российская правовая система пока не даёт полноценного ответа, как именно относиться к цифровым профилям: большинство учёных полагают, что их следует считать особым видом персональных данных и защищать как сведения личной жизни. Таким образом, представляется целесообразным законодательно закрепить соответствующий подход. Это позволит учесть реалии цифровой экономики при сохранении основных прав граждан и выведет практику оценки кредитоспособности на законную основу.

Для надлежащего использования цифровых следов необходимо закрепить их статус на законодательном уровне. В российской доктрине отмечают, что правовое регулирование обработки цифровых данных отстаёт от практики. В свете этого целесообразно внести в Гражданский кодекс новые понятия, например «цифровое изображение» и «цифровой след». Это дало бы правовую основу для защиты информации, генерируемой пользователями, и определяло бы собственность и правовой режим таких данных. Необходимо уточнить статус цифровых следов в рамках закона о

персональных данных – учесть их как биометрическую или поведенческую информацию и ввести ограничители их использования без согласия субъекта. Дополнительные нормы следует рассмотреть в процессуальных кодексах: уже сейчас ст. 71 ГПК позволяет представлять электронные документы как доказательства, но может понадобиться детализировать требования к цифровым файлам, метаданным, времени создания, чтобы исключить сомнения в их подлинности.

Законопроекты по платёжным системам и банковской тайне могут дополняться нормами об анализе альтернативных данных при кредитовании. В результате должен быть сформирован комплекс норм (в Гражданском кодексе, процессуальном законодательстве, законах об информационных технологиях и персональных данных), прямо определяющих правовой статус цифрового следа как источника доказательств, так и юридического факта.

Дальнейшие научные исследования должны охватить несколько направлений. Во-первых, изучение рисков манипуляции цифровыми следами: например, создание поддельных цифровых профилей, фальсификация логов или GPS-координат, массовое автоматизированное формирование «фейковых» цифровых персон (ботов) для искажения доказательственной картины. Важно разработать методы экспертизы подлинности цифровых следов и средства защиты от целенаправленных искажений (анализ метаданных, криптографические подписи, блокчейн-реестр действий).

Во-вторых, необходимо исследовать этические и конституционные аспекты – баланс интересов общества и личности при обработке цифрового профиля, обеспечение права на забвение в правоприменении и т.п. Вариантом дальнейшего развития является разработка «алгоритмического регулирования» – правовых механизмов, гарантирующих, что цифровые следы используются в рамках честных и обоснованных процедур.

Традиционная теория, основанная на материально фиксируемых обстоятельствах, столкнулась с необходимостью признания того, что значимыми для права могут быть не только события и действия, но и цифровые процессы, цифровые состояния и даже цифровые модели поведения личности, возникающие в пространстве.

Анализ проблемы агрегированного цифрового следа показал, что такие данные обладают всеми признаками устойчивого юридического состояния субъекта, даже если прямо не признаны в законодательстве: они относятся к конкретному человеку, существуют вне зависимости от его текущей воли, формируют представление о его поведенческих характеристиках, склонностях и социальных моделях, а также объективно используются организациями в процессе принятия юридически значимых решений. Фактически цифровой след стал своеобразным «дополнительным измерением» правового статуса личности в условиях цифрового общества.

Вместе с тем, несмотря на функциональное сходство с юридическим фактом-состоянием, цифровой след остаётся феноменом, который отечественная правовая система пока осмысляет лишь фрагментарно. Он не включён в систему юридических фактов как самостоятельная категория, но непрерывно влияет на процессы, связанные с возникновением, изменением или прекращением правовых отношений — будь то кредитование, социальная оценка, идентификация, администрирование или доступ к цифровым услугам.

Цифровизация формирует новый класс виртуальных юридических фактов, существование которых меняет подходы к пониманию правового статуса личности, к определению юридически значимых обстоятельств и к самой онтологии юридического факта.

Виртуальные юридические факты являются закономерным результатом цифровой трансформации общества и уже в настоящее время существенно воздействуют на правовые процессы. Их теоретическое осмысление необходимо для формирования

целостной концепции юридических фактов XXI века, способной отражать сложность современного информационного пространства, многообразие цифровых взаимодействий и изменившуюся структуру социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахновская Л.С. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник экономики, права и социологии. - 2021. - № 3. - С. 45–49.

2. Тумаков А.В. Специфика юридических фактов как основания возникновения прав в отношении цифровых объектов // Гражданское право. - 2025. - № 4. - С. 21–24.

3. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Государственная служба. - 2020. - № 4. - С. 72–78.

DIGITALIZATION AND "VIRTUAL" LEGAL FACTS: A NEW PARADIGM IN LEGAL FACTS THEORY

Annotation. This paper analyzes the impact of digitalization on the theory of legal facts. Based on a theoretical and legal analysis and a review of the literature, the nature of the digital footprint and its use in credit scoring are explored. It is revealed that digital footprints have the characteristics of a stable legal status, form a new class of “virtual” legal facts, and require legal recognition and enhanced protection as a special type of personal data.
Keywords: digitalization, digital footprint, legal facts, credit scoring, personal data.

Rogovskaya Y.E.
Scientific adviser: Vorobyova O.R. Assistant of the Department of Civil Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: rogovskayaulia9@gmail.com

УДК 347.779

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

Рожков В.В.
Научный руководитель: Липинский В. В., д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ гражданско-правового механизма защиты патентных прав в Российской Федерации. С использованием формально-юридического, сравнительно-правового и системного методов выявлены ключевые пробелы в законодательстве и правоприменении: сложности доказывания нарушений, неопределенность объема охраны патентов и коллизии с антимонопольным регулированием. Обоснованы предложения по совершенствованию защиты, включая унификацию толкования патентных формул, внедрение института промышленных экспертов и уточнение баланса между исключительными правами и интересами конкуренции.
Ключевые слова: патентные права, гражданско-правовая защита, исключительное право, интеллектуальная собственность, компенсация за нарушение патента, формула изобретения, антимонопольное регулирование, цифровая экономика.

Интеллектуальная собственность в условиях цифровой трансформации экономики приобретает статус стратегического ресурса национального развития, определяя конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и уровень технологического суверенитета государства. Стоит отметить, что в этой системе патентные права, охраняющие результаты технического творчества - изобретения, полезные модели и промышленные образцы, - выступают ключевым инструментом стимулирования инновационной активности, предоставляя правообладателю временную монополию на коммерциализацию интеллектуального продукта. Однако эффективность патентной системы напрямую зависит от надежности механизма гражданско-правовой защиты исключительных прав, которая должна обеспечивать не только пресечение неправомерного использования запатентованных объектов, но и полное восстановление нарушенных интересов правообладателя через возмещение убытков, изъятие контрафактной продукции и применение иных предусмотренных законом мер ответственности.

Современное состояние правового регулирования гражданско-правовой защиты патентных прав в Российской Федерации формируется положениями части четвертой Гражданского кодекса РФ, судебной практикой Пленума Верховного Суда и арбитражных судов, а также доктринальными исследованиями в области интеллектуальной собственности.

Однако, несмотря на достаточно развернутую законодательную базу, включающую дифференцированные способы возмещения вреда (от фиксированной компенсации до двукратной стоимости контрафакта или лицензионного вознаграждения), в правоприменительной практике сохраняются существенные пробелы. Наиболее остро проявляется дисбаланс между декларируемой эффективностью защиты и реальной способностью правообладателя доказать факт нарушения в условиях сложности технической экспертизы патентных объектов, а также неопределенность в определении объема охраны, предоставляемой формулой изобретения или полезной модели при наличии аналогичных технических решений в государстве предшествующего уровня техники. Кроме того, недостаточно исследован вопрос соотношения гражданско-правовых средств защиты с ограничениями патентных прав, предусмотренными антимонопольным законодательством, что создает риски произвольного сужения исключительных прав под предлогом защиты конкуренции.

Нерешенной частью общей проблемы выступает отсутствие системного подхода к формированию единой концепции гражданско-правовой защиты патентных прав,

учитывающей специфику объектов промышленной собственности как нематериальных активов с высокой степенью технической сложности и динамичностью коммерческого оборота. Существующие исследования преимущественно фокусируются на отдельных аспектах - формах ответственности, доказывании нарушений или юрисдикционных особенностях - без комплексного анализа взаимосвязи между механизмами защиты, ограничениями исключительных прав и потребностями инновационного развития экономики. Особенно остро данная проблема проявляется в условиях санкционного давления и импортозамещения, когда ускоренная коммерциализация отечественных разработок требует не только надежной правовой охраны, но и гибкости защитных механизмов, способных адаптироваться к новым вызовам цифровой экономики и трансграничного оборота технологий.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном исследовании гражданско-правового механизма защиты патентных прав с выявлением системных недостатков действующего законодательства и правоприменительной практики, а также в разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию данного механизма с учетом баланса интересов правообладателей, пользователей патентованных объектов и общества в целом.

Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы являются патентными правами, которые включают в себя как личные неимущественные права (прежде всего право авторства), так и исключительное право на использование объекта промышленной собственности [1].

Право авторства характеризуется неотчуждаемостью, непередаваемостью и бессрочностью охраны, тогда как исключительное право может передаваться по договорам отчуждения или лицензионным соглашениям и действует в течение установленного законом срока. Исключительное патентное право предоставляет правообладателю монополию на использование запатентованного объекта в гражданском обороте, включая производство, применение, предложение о продаже, продажу или иное введение в оборот продукта, в котором использовано изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец [2, с. 75].

Анализ объектов патентного права требует учета правовой регламентации их охраны и механизмов защиты исключительных прав. Как отмечает И.В. Ширкова, гражданско-правовая защита патентных прав обеспечивается через применение мер ответственности за их нарушение, включая возмещение убытков (реального ущерба и упущенной выгоды), изъятие контрафактной продукции, публикацию судебного решения с указанием действительного правообладателя [3, с. 194]. При этом важно понимать, что защита исключительных патентных прав реализуется преимущественно в интересах субъектов хозяйствования - юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также лиц, осуществляющих профессиональную деятельность на основании государственной регистрации или лицензии, поскольку именно в предпринимательской сфере происходит коммерциализация объектов патентных прав.

Следует отметить, что не все случаи использования запатентованных объектов признаются нарушением исключительных прав. Гражданский кодекс РФ предусматривает ряд ограничений патентных прав, при которых использование изобретения, полезной модели или промышленного образца допускается без согласия патентообладателя и без выплаты вознаграждения. Стоит отметить, что к таким случаям относятся: использование объектов патентного права при условии временного или случайного нахождения транспортных средств на территории РФ; применение изобретения, полезной модели или промышленного образца в процессе научного исследования продукта, способа или изделия; использование запатентованных объектов в чрезвычайных обстоятельствах при условии уведомления патентообладателя и

выплаты ему компенсации. Эти ограничения балансируют интересы правообладателей с общественными потребностями в развитии науки, техники и обеспечении безопасности.

По мнению Н.А. Кулакова и М.В. Савельевой, административные средства защиты патентных прав обладают определенными преимуществами перед гражданско-правовыми, поскольку обеспечивают более оперативную защиту вследствие отсутствия долгосрочной процессуальной процедуры оформления [4, с. 78].

Действительно, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В частности, статья 7.12 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, выражающуюся в наложении штрафов на граждан, должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц с возможной конфискацией контрафактных экземпляров, материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения [5]. Однако административные меры носят вспомогательный характер и не заменяют гражданско-правовую защиту, которая позволяет полностью компенсировать причиненный ущерб и восстановить нарушенное право.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение патентных прав реализуется в нескольких формах имущественной ответственности. Суд вправе присудить компенсацию в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей по своему усмотрению исходя из характера нарушения; либо в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров; либо в двукратном размере стоимости права использования, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование объекта патентного права тем способом, который использовал нарушитель [6, с. 201]. Такой дифференцированный подход позволяет суду выбрать наиболее справедливый способ возмещения в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Важным аспектом защиты патентных прав является юрисдикционная форма их охраны. Как подчеркивает Е.Н. Васильева, судебная защита выступает наиболее эффективным средством обеспечения интересов правообладателей в сфере патентного права, поскольку позволяет не только пресечь текущее нарушение, но и предотвратить его повторение в будущем через вынесение запретительных судебных актов [7, с. 32]. Судебная практика формирует единые подходы к квалификации нарушений патентных прав, определению размера компенсации и установлению факта нарушения исключительного права. При этом доказывание факта нарушения лежит на истце, однако при доказанности самого факта использования запатентованного объекта бремя доказывания законности такого использования (наличия лицензии, действия в рамках ограничений патентных прав) переходит на ответчика.

Особого внимания заслуживает проблема защиты патентных прав в условиях антимонопольного законодательства. Н.Е. Шакунова обращает внимание на то, что исключительные патентные права могут ограничиваться антимонопольным законодательством в случаях злоупотребления доминирующим положением на рынке или создания препятствий для конкуренции [8, с. 44]. Однако такие ограничения должны применяться с особой осторожностью, чтобы не подорвать саму суть патентной системы, основанной на предоставлении временной монополии как стимула к инновационной деятельности. Баланс между защитой конкуренции и охраной интеллектуальных прав достигается через тщательный анализ каждого конкретного случая антимонопольными органами и судами.

К.А. Изотова в своих исследованиях подчеркивает необходимость комплексного подхода к защите прав патентообладателя, сочетающего гражданско-правовые, административные и уголовные средства защиты [9, с. 301]. Уголовная ответственность

наступает за наиболее тяжкие нарушения патентных прав, связанные с извлечением крупного дохода или совершение правонарушения группой лиц по предварительному сговору. Однако основным и наиболее применяемым механизмом остается гражданско-правовая защита, поскольку она позволяет наиболее полно восстановить нарушенное право и компенсировать причиненный вред.

Следует отметить, что эффективность гражданско-правовой защиты патентных прав во многом зависит от качества правоприменительной практики и уровня правовой культуры участников гражданского оборота. Э.П. Гаврилов в своих работах анализирует современные тенденции развития права интеллектуальной собственности в России и указывает на необходимость совершенствования законодательства и практики его применения для повышения уровня защиты интеллектуальных прав [10, с. 25]. В частности, требуется дальнейшее развитие института предварительных обеспечительных мер, позволяющих оперативно пресекать нарушения патентных прав до вынесения окончательного судебного решения.

Важным элементом системы защиты патентных прав является правовая охрана объектов промышленной собственности, предоставляемая на основании патента. Охрана интеллектуальных прав на изобретение или полезную модель предоставляется в объеме, определяемом содержащейся в патенте формулой изобретения или полезной модели, при этом для толкования формулы могут использоваться описание, чертежи и трехмерные модели в электронной форме. Такой подход обеспечивает баланс между четкостью охраны и необходимостью адекватного толкования патентных притязаний в судебной практике.

Необходимо учитывать, что авторы изобретений, полезных моделей и промышленных образцов обладают личными неимущественными правами, которые защищаются особым образом. Защита права авторства и других личных неимущественных прав осуществляется через признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. При этом нарушение личных неимущественных прав автора может повлечь применение мер защиты, предусмотренных статьей 152 ГК РФ для защиты чести, достоинства и деловой репутации.

В заключение следует подчеркнуть, что гражданско-правовая защита патентных прав представляет собой неотъемлемый элемент инновационной экосистемы, обеспечивающий баланс между стимулированием технического творчества через предоставление временной монополии и удовлетворением общественных интересов в доступе к технологиям. Проведенное исследование выявило системную противоречивость современного механизма защиты: несмотря на достаточно развитую нормативную базу, закрепленную в части четвертой Гражданского кодекса РФ, и дифференцированные способы возмещения вреда, правоприменительная практика сталкивается с объективными трудностями доказывания нарушений в условиях высокой технической сложности патентных объектов, неопределенности толкования формул изобретений при наличии аналогов в уровне техники, а также недостаточной согласованности гражданско-правовых средств защиты с антимонопольным регулированием.

Стоит отметить, что для преодоления выявленных недостатков представляется необходимым разработать и внедрить комплекс мер, направленных на совершенствование как законодательной конструкции, так и правоприменительных механизмов. Во-первых, требуется законодательное закрепление единого подхода к толкованию формулы изобретения и полезной модели с обязательным учетом описания и чертежей как инструментов расширительного толкования патентных притязаний, что позволит снизить неопределенность объема охраны и повысить предсказуемость

судебных решений. Во-вторых, целесообразно ввести специализированный институт промышленных экспертов в арбитражных процессах по спорам о нарушении патентных прав с обязательным привлечением независимых технических специалистов на стадии предварительного судебного заседания для формирования объективной доказательственной базы. В-третьих, необходимо уточнить соотношение исключительных патентных прав и антимонопольного законодательства путем внесения в статью 10 Гражданского кодекса РФ прямого указания на то, что ограничение патентных прав по мотивам защиты конкуренции допустимо исключительно при доказанности злоупотребления правом, а не само по себе наличие доминирующего положения на рынке, что предотвратит произвольное сужение охраны патентов под предлогом антимонопольных соображений.

Кроме того, следует совершенствовать механизм предварительных обеспечительных мер, предоставив судам право налагать запрет на производство и оборот контрафактной продукции уже на стадии подачи иска при предоставлении правообладателем на первый взгляд доказательств нарушения, что особенно актуально в условиях цифровой экономики, где скорость коммерциализации контрафакта значительно превышает темпы судебного разбирательства. Параллельно требуется разработать методические рекомендации для судов по определению размера компенсации с учетом специфики объектов промышленной собственности, включая критерии оценки упущенной выгоды при нарушении прав на изобретения в высокотехнологичных отраслях. Наконец, в долгосрочной перспективе необходимо инициировать разработку концепции единой системы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде, предусматривающей создание специализированных судов по интеллектуальным правам и цифровых реестров патентных объектов с возможностью автоматизированного мониторинга их использования в глобальном масштабе.

Реализация вышеуказанных предложений позволит трансформировать гражданско-правовую защиту патентных прав из формально-процессуального института в эффективный инструмент поддержки инновационного развития, способный обеспечить надежную охрану результатов технического творчества при одновременном соблюдении баланса частных и общественных интересов в условиях цифровой трансформации экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34983/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. Ковалев, В.В. Понятие и содержание гражданско-правового регулирования патентного права, охраны и защиты патентных прав / В.В. Ковалев // Право и управление. - 2023. - № 3. - С. 72-77.

3. Ширкова, И. В. Обеспечение гражданско-правовой защиты патентных прав / И. В. Ширкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2024. - № 2 (157). - С. 192–197.

4. Кулаков, Н. А. Соотношение административно-правовых и гражданско-правовых средств защиты патентных прав / Н. А. Кулаков, М. В. Савельева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2019. - № 4(84). - С. 76–82.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025, с изм. от 01.03.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45647/ (дата обращения: 15.02.2026).

6. Ковалев, В.В. Понятие и содержание гражданско-правового регулирования патентного права, охраны и защиты патентных прав / В.В. Ковалев // Право и управление. - 2023. - № 5. - С. 199-204.

7. Васильева, Е. Н. Юрисдикционная форма защиты в области патентного права / Е. Н. Васильева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. - Т. 12, № 6. - С. 25–43.

8. Шакунова, Н. Е. Защита исключительных патентных прав в соответствии с антимонопольным законодательством / Н. Е. Шакунова // Экономика. Право. Инновации. - 2016. - № 2. - С. 43–46.

9. Изотова, К. А. Защита прав патентообладателя / К. А. Изотова // Меридиан. - 2020. - № 3(37). - С. 300–302.

10. Гаврилов, Э. П. Как развивается право интеллектуальной собственности в России? / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2021. - № 1. - С. 23–28.

CIVIL PROTECTION OF PATENT RIGHTS

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the civil law mechanism of patent rights protection in the Russian Federation. Using formal legal, comparative legal, and systematic methods, key gaps in legislation and law enforcement have been identified: difficulties in proving violations, uncertainty about the scope of patent protection, and conflicts with antimonopoly regulation. The proposals for improving protection are substantiated, including the unification of the interpretation of patent claims, the introduction of the institute of industrial experts and clarifying the balance between exclusive rights and the interests of competition.

Keywords: patent rights, civil law protection, exclusive right, intellectual property, compensation for patent infringement, claims, antimonopoly regulation, digital economy.

Rozhkov V.V.
Scientific adviser: Lipinsky V. V., Professor
Donetsk State University
E-mail: rozhkovvv_88@mail.ru

УДК 343.2

О ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ПЛАТЕЛЬЩИКА НАЛОГОВ

Савков В.М.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация Раскрывается, что правовой статус налогоплательщика в условиях цифровой экономики продолжает эволюционировать, требуя гибкого и адаптивного подхода со стороны законодателя и правоприменительных органов. Обеспечение соблюдения налогового законодательства в цифровой среде является важным фактором поддержания стабильности и устойчивости налоговой системы, а также создания равных условий для ведения бизнеса. Обосновывается, что дальнейшее развитие правового статуса налогоплательщика связано с необходимостью адаптации законодательства к новым экономическим реалиям, обеспечением баланса между интересами государства и налогоплательщиков, а также созданием прозрачной и предсказуемой налоговой среды, способствующей экономическому росту и развитию.
Ключевые слова: налогоплательщик, правовой статус, прозрачность, упрощение налогового администрирования, повышение налоговой грамотности

Ведущую роль в формировании доходов бюджетной системы выполняют налоговые платежи. Подавляющее число лиц, обязанных уплачивать налоги, составляют налогоплательщики -физические лица. И хотя основная налоговая нагрузка лежит на налогоплательщиках - организациях, доля налогов, уплачиваемых физическими лицами, имеет существенное значение для бюджета.

О несовершенстве законодательного регулирования налогообложения физических лиц свидетельствует и распространенность такого явления, как сокрытие от контролирующих органов информации об истинных размерах доходов и имущества населения и, как следствие, массовое уклонение от уплаты налогов.

Современный этап развития налоговой системы предусматривает реформирование многих направлений и аспектов общественных отношений. Такие изменения должны совмещать два требования. С одной стороны, перестройка экономических отношений должна осуществляться рационально, с обеспечением соблюдения существующих пропорций и отображением новых тенденций в развитии экономики.

Сегодня быстрое изменение экономической и политической ситуации в государстве требует анализа положения участников налоговых правоотношений. Особенность налоговых правоотношений, специфичность их субъектного состава предусматривает определенную сложность – противостояние представителей властной и обязанной стороны. Значительное внимание в этом уделяется детализации статуса налогоплательщиков, ведь благодаря их действиям и выполняется безусловный налоговый долг, обеспечивается поступление средств от налогов и сборов в бюджет

Конституция РФ устанавливает обязанность каждого платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом. Наличие развитой системы правовых предписаний, регулирующих налогообложение, является необходимым для успешного функционирования и развития.

В то же время институт плательщика налогов и налоговых агентов исследован не в полной мере. При этом нужно учитывать также то, что анализ действующего законодательства дает возможность обнаружить существенные пробелы, недостатки и противоречия в нем, внести предложения относительно их усовершенствования.

Теоретическую основу исследования составили работы таких правоведов как: Балабин В.И., Бобоев М.Р., Кашин В.А., Нестеров В.В., Черник Д.Г. и др. Их работы

посвящены отдельным аспектам правового регулирования налогообложения физических лиц в Российской Федерации и Республике Беларусь.

В то же время проблемы правового регулирования налогообложения плательщиков налогов не нашли детального отражения в научной литературе.

Цель исследования состоит в анализе правового статуса налогоплательщиков и разработке предложений по совершенствованию налогового законодательства в Донецкой Народной Республике.

Налоговая система является краеугольным камнем функционирования государства, вопрос о правовом статусе налогоплательщиков приобретает особую актуальность. Речь идет не просто о формальном определении прав и обязанностей, а о создании такой системы, в которой каждый налогоплательщик чувствует себя защищенным, уверенным в справедливости и прозрачности налоговых процедур [1, с.18].

Совершенствование правового регулирования налогоплательщиков – это многогранный процесс, включающий в себя несколько ключевых направлений:

а) расширение прав и возможностей, так как**:** налогоплательщик должен иметь реальную возможность отстаивать свои интересы, обжаловать решения налоговых органов, получать своевременную и понятную информацию о своих налоговых обязательствах. Это подразумевает введение онлайн-портала для обжалования решений налоговых органов с возможностью получения статуса дела и сроков рассмотрения, создание эффективных механизмов досудебного урегулирования споров, а также обеспечение доступа к квалифицированной юридической помощи;

б) повышение прозрачности и предсказуемости налоговой системы**:** Законодательство должно быть четким, понятным и стабильным. Недопустимы частые и непредсказуемые изменения, которые создают неопределенность и затрудняют планирование деятельности;

в) упрощение налогового администрирования, так как сложные и запутанные процедуры уплаты налогов, отчетности и взаимодействия с налоговыми органами отнимают много времени и ресурсов у налогоплательщиков;

г) повышение налоговой грамотности**:** Налогоплательщики должны обладать достаточными знаниями о своих правах и обязанностях, а также о порядке уплаты налогов. Необходимо проводить образовательные программы, распространять информационные материалы и оказывать консультационную поддержку [2, с.205].

Совершенствование правового статуса налогоплательщиков – это не только вопрос справедливости, но и важный фактор экономического развития. Когда налогоплательщики чувствуют себя защищенными и уверенными в справедливости налоговой системы, они более охотно платят налоги, инвестируют в развитие бизнеса и создают новые рабочие места. В конечном итоге, это способствует укреплению экономики и повышению благосостояния общества.

Работа по совершенствованию правового статуса налогоплательщиков – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и совершенствования [3, с.14]. Только в этом случае можно создать такую налоговую систему, которая будет справедливой, прозрачной и эффективной, и которая будет способствовать развитию экономики и процветанию цифрового общества.

Совершенствование правового регулирования статуса юридических лиц как плательщиков налогов является актуальной задачей в контексте глобализации экономики и увеличения трансграничного движения капитала и рабочей силы. Юридические лица, являются участниками налоговых правоотношений, и эффективность их налогообложения напрямую влияет на формирование доходной части бюджета и соблюдение принципов справедливости и равенства налогообложения.

Так же одним из перспективных направлений является развитие цифровых технологий в налоговом администрировании, в частности, внедрение систем автоматического обмена информацией о доходах нерезидентов с налоговыми органами других государств [4, с.27]. Это позволит повысить прозрачность налоговых отношений и снизить риски уклонения от уплаты налогов.

Необходимо также уделить внимание вопросам налогообложения доходов, полученных нерезидентами от деятельности в сфере цифровой экономики. В условиях глобализации и развития цифровых технологий, традиционные правила налогообложения могут оказаться неэффективными, что требует разработки новых подходов, учитывающих особенности цифровой экономики [5, с.28].

В целях повышения эффективности налогового контроля, целесообразно расширение полномочий налоговых органов в части проведения проверок деятельности нерезидентов, осуществляющих деятельность на территории государства. При этом, необходимо соблюдение принципов законности и обоснованности действий налоговых органов, а также обеспечение права нерезидентов на защиту своих интересов в случае возникновения споров.

Важным аспектом является повышение налоговой грамотности и осведомленности юридических лиц о налоговых обязательствах, возникающих на территории государства [6, с.81]. Для этого необходимо проводить информационные кампании, организовывать семинары и вебинары, а также предоставлять консультации по вопросам налогообложения на различных языках.

В целях предотвращения уклонения от уплаты налогов, необходимо усилить контроль за трансфертным ценообразованием в операциях с участием нерезидентов (ст. 105.3 НК РФ). При этом, следует использовать современные методы анализа и оценки рыночных цен.

Совершенствование правового регулирования плательщиков налогов требует комплексного подхода, включающего унификацию законодательства, разработку четких критериев налогового резидентства, усиление налогового контроля и развитие международного сотрудничества в сфере обмена информацией. Это позволит повысить эффективность налогообложения нерезидентов и обеспечить соблюдение принципов справедливого и равного налогообложения.

Также, необходимо разработать и внедрить механизмы разрешения налоговых споров между налоговыми органами и юридическими лицами. Это может включать в себя создание специализированных органов или использование альтернативных методов разрешения споров, таких как арбитраж.

Внастоящее время особое значение имеет введение специального налогового режима для самозанятых (Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ) стало важным шагом в легализации данного сектора экономики. Однако, требуется дальнейшая работа по упрощению процедур регистрации, учета и отчетности для самозанятых, а также по расширению видов деятельности, подпадающих под данный режим. Кроме того, необходимо обеспечить доступ самозанятых к мерам государственной поддержки, в том числе льготному кредитованию и участию в государственных закупках. Совершенствование правового статуса самозанятых лиц как налогоплательщиков является актуальной задачей современного российского законодательства. В условиях цифровой экономики и развития платформ, предоставляющих услуги на основе краудсорсинга, увеличивается число граждан, осуществляющих деятельность без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей или юридических лиц. Это создает сложности для налогового администрирования и требует разработки эффективных механизмов учета доходов и уплаты налогов.

Одним из ключевых направлений совершенствования правового статуса самозанятых является законодательное закрепление определения понятия

«самозанятый» и установление четких критериев, позволяющих отграничить данную категорию налогоплательщиков от индивидуальных предпринимателей. Для устранения указанной неопределенности необходимо внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации, предусматривающих определение самозанятого как физического лица, осуществляющего деятельность по оказанию услуг или выполнению работ для физических и/или юридических лиц, не являющегося работодателем, получающего доход от этой деятельности и не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя.

Дальнейшее совершенствование правового статуса самозанятых предполагает развитие цифровых платформ и сервисов, обеспечивающих автоматизированный учет доходов и уплату налогов. Необходимо создать удобные и доступные инструменты для самозанятых, позволяющие им легко и быстро рассчитывать и уплачивать налоги, а также получать необходимую информацию и консультации по вопросам налогообложения. Это будет способствовать повышению налоговой грамотности самозанятых и стимулировать их к добровольному исполнению налоговых обязательств.

Важным аспектом является интеграция данных о доходах самозанятых в систему социального страхования. В соответствии с Федеральным законом от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», самозанятые лица вправе добровольно уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование. Необходимо разработать механизмы, стимулирующие самозанятых к участию в системе социального страхования, обеспечивающие им доступ к пенсионным и медицинским услугам.

Следует также обратить внимание на вопросы защиты прав потребителей услуг, оказываемых самозанятыми лицами. Разработка единого кодифицированного акта, регулирующего деятельность самозанятых, должна учитывать специфику их деятельности и особенности налогообложения. Целесообразно предусмотреть упрощенный порядок ведения учета доходов и расходов, а также возможность уплаты налогов через мобильные приложения и онлайн-сервисы. При этом необходимо обеспечить соблюдение принципов равенства налогообложения и недопущения дискриминации по отношению к другим категориям налогоплательщиков, как это указано в статье 3 Налогового кодекса Российской Федерации.

Интеграция самозанятых в систему социального страхования требует разработки гибких механизмов участия, учитывающих их финансовые возможности. Одним из вариантов может быть предоставление самозанятым возможности уплачивать страховые взносы в зависимости от фактического дохода, а также предоставление налоговых льгот при уплате страховых взносов. По данным Минтруда России, в 2023 году только около 10% самозанятых добровольно уплачивали страховые взносы.

Для обеспечения защиты прав потребителей услуг, оказываемых самозанятыми, необходимо внести изменения в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей", распространив его действие на отношения между самозанятыми и потребителями. Следует установить ответственность самозанятых за нарушение прав потребителей, включая право на возмещение убытков и компенсацию морального вреда.

Совершенствование правового статуса самозанятых лиц будет способствовать увеличению их числа, повышению уровня их доходов и развитию цифровой экономики в России. По оценкам экспертов, количество самозанятых в России к 2025 году может достигнуть 10 миллионов человек, что окажет существенное влияние на экономический рост и социальное развитие страны.

Совершенствование правового статуса самозанятых лиц является комплексной задачей, требующей совместных усилий законодателей, органов исполнительной власти и научного сообщества . Только путем создания четкой и прозрачной правовой базы, обеспечивающей защиту прав и интересов самозанятых, потребителей и государства,

можно добиться эффективного регулирования данной сферы деятельности и стимулировать развитие цифровой экономики в России [7, с.478].

Одним из перспективных направлений является внедрение системы «цифрового профиля самозанятого», аккумулирующего информацию о его деятельности, доходах, налоговых отчислениях и участии в системе социального страхования. Создание такого профиля позволит упростить взаимодействие самозанятых с государственными органами, а также расширить их доступ к финансовым услугам и мерам поддержки. Согласно исследованию, проведенному Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации в 2022 году, наличие "цифрового профиля" может повысить уровень доверия к самозанятым со стороны банков и других кредитных организаций, что облегчит получение ими кредитов и займов.

Совершенствование правового статуса самозанятых также предполагает развитие института медиации для разрешения споров между самозанятыми и потребителями. Необходимо создать специализированные центры медиации, оказывающие бесплатную помощь самозанятым и потребителям в урегулировании конфликтов. Это позволит снизить нагрузку на судебную систему и обеспечить оперативное и эффективное разрешение споров. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» создает правовые основы для развития медиации в России, однако требуется его адаптация к специфике деятельности самозанятых.

Важным аспектом является разработка образовательных программ для самозанятых, направленных на повышение их финансовой и юридической грамотности. Необходимо организовать курсы и семинары по вопросам налогообложения, бухгалтерского учета, защиты прав потребителей и другим актуальным темам. Это позволит самозанятым повысить свою конкурентоспособность и обеспечить устойчивое развитие своего бизнеса. В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года", развитие малого и среднего предпринимательства, включая самозанятость, является одним из приоритетных направлений государственной политики.

Таким образом, дальнейшее совершенствование правового статуса самозанятых лиц требует комплексного подхода, включающего законодательные изменения, развитие цифровой инфраструктуры, образовательные программы и механизмы защиты прав потребителей. Только путем создания благоприятной правовой среды можно стимулировать развитие самозанятости и внести существенный вклад в экономический рост и социальное развитие России.

В контексте развития цифровой инфраструктуры, важным шагом является интеграция "цифрового профиля самозанятого" с платформой "Госуслуги". Это обеспечит унифицированный доступ к государственным сервисам и мерам поддержки, упростит процедуру регистрации и отчетности, а также повысит прозрачность деятельности самозанятых для государственных органов. Согласно данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, интеграция различных государственных информационных систем позволит снизить административную нагрузку на самозанятых и повысить эффективность государственного управления.

Необходимо также разработать механизмы страхования профессиональной ответственности самозанятых, особенно в сферах, связанных с повышенным риском причинения вреда потребителям. Внедрение таких механизмов позволит защитить интересы потребителей и обеспечить финансовую устойчивость самозанятых в случае возникновения претензий. Согласно статье 931 ГК Российской Федерации, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, однако

страхование профессиональной ответственности позволит минимизировать финансовые последствия для самозанятых.

В целях стимулирования развития самозанятости в сельской местности, целесообразно разработать специальные программы поддержки, учитывающие особенности ведения бизнеса в сельских территориях. Необходимо обеспечить доступ самозанятых к льготному кредитованию, грантам и субсидиям, а также содействовать развитию инфраструктуры для реализации их продукции и услуг. Согласно Федеральному закону от 29.12.2006 № 264-ФЗ "О развитии сельского хозяйства", поддержка малых форм хозяйствования является одним из приоритетных направлений государственной аграрной политики.

Совершенствование правового статуса налогоплдательщиков является непрерывным процессом, требующим постоянного мониторинга и анализа эффективности принимаемых мер. Только путем комплексного и системного подхода можно создать благоприятные условия для развития самозанятости и внести существенный вклад в экономическое развитие страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крохина, Ю. А. Налоговое право : учебник для вузов / Ю. А. Крохина. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 503 с.

2.Сынкова, Е. М. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения / Е. М. Сынкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 205-213

3.Степанова, Ю. С. Проблематика юридической техники в условиях цифровизации общественных отношений / Ю. С. Степанова // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 13-18

4.Олейникова, А. В. К вопросу о правовом статусе субъектов цифрового права / А. В. Олейникова, А. В. Бакуров // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 2. – С. 27-32.

5.Усатенко, К. П. Цифровизация в органах государственной власти как инновационный процесс в государствах-членах Евразийского экономического союза / К. П. Усатенко // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 3. – С. 28-36.

6.Цыба, Е. В. Проблема уклонения от уплаты налогов и способы ее предотвращения / Е. В. Цыба // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2023. – № 1. – С. 81-89.

7.Сынкова, Е. М. Налоговая политика в сфере стимулирования малого бизнеса / Е. М. Сынкова // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIV Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 21–22 апреля 2023 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2023. – С. 478-480.

ON THE LEGAL STATUS OF LEGAL ENTITIES AS TAXPAYER

Abstract: This article explores how the legal status of taxpayers in the digital economy continues to evolve, requiring a flexible and adaptive approach from legislators and law enforcement agencies. Ensuring compliance with tax legislation in the digital environment is an important factor in maintaining the stability and sustainability of the tax system, as well as creating a level playing field for business. It is argued that the further development of taxpayer legal status is linked to the need to adapt legislation to new economic realities, ensure a balance between the interests of the state and taxpayers, and create a transparent and predictable tax environment conducive to economic growth and development.

Keywords: taxpayer, legal status, transparency, simplification of tax administration, improving tax literacy

Savkov V.M.
Scientific supervisor: Synkova E.M., Ph.D.,
associate professor Donetsk State University
E-mail: osyn@inbox.ru

УДК 342.5

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Самарина А.А.
Научный руководитель: Семыкин Н.В., канд. юрид .наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье проводится общая характеристика такой функции государства, как государственный контроль. Рассмотрены определения указанной категории. Выявлены ключевые признаки государственного контроля, закреплённые в нормативных правовых актах и научных трудах. Определена взаимосвязь государственного контроля с другими функциями государства. Сделаны обобщения по указанному вопросу.
Ключевые слова: государственный контроль, функции государства, средства контроля, субъекты контроля, подконтрольный субъект.

Контрольная функция является одним из важнейших направлений деятельности государства, которая позволяет своевременно устранять и корректировать ошибки в управленческой деятельности, обеспечивать соблюдение законности и иных фундаментальных правовых принципов, а также совершенствовать деятельность государственного аппарата в целом. Выявление признаков нарушений закона служит для субъектов контрольной деятельности основанием по применению мер административного принуждения и пресечения неправомерной деятельности.

Формы и разновидности контроля охватывают ряд центральных сфер общественно-политической жизни, а его разновидности могут включать в себя заслушивание отчетов и сообщений, проведение проверок, экспертиз, осуществление наблюдения, рассмотрение жалоб и иные виды деятельности. Важным аспектом на сегодняшний день также является внедрение информационных технологий в процесс контрольной деятельности, что может вызывать определённые трудности и выявлять правовые пробелы. Всё перечисленное свидетельствует об актуальности выбранной темы для действующего российского законодательства.

Прежде всего, стоит сказать, что под функциями государства понимаются ключевые направления его деятельности, которые позволяют осуществлять регулирование во всех сферах общественной жизни. Значительную роль в данной системе занимает государственный контроль.

В первую очередь, следовало бы рассмотреть законодательное определение рассматриваемой категории, которое содержится в ч.1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 года №248-ФЗ (далее – ФЗ №248) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и звучит следующим образом: «деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений» [1].

Исходя из приведённого определения, можно сформулировать следующие признаки государственного контроля:

- субъектом являются специально уполномоченный контрольные органы, деятельность которых носит самостоятельный властный характер, реализующий функцию государственного управления;

- целью функционирования контрольных органов представляется предупреждение, выявление и пресечение нарушений закона подконтрольными субъектами – физическими и юридическими лицами;

- задачами указанной деятельности является профилактика правонарушений, их пресечение и восстановление справедливости;

- за обеими сторонами государственного контроля закреплены определённые права и обязанности;

- государственный контроль имеет нормативный характер, то есть, он основан исключительно на предписаниях закона;

- для его проведения применяются специально установленные государством инструменты.

В соответствии с Конституцией РФ, высшие органы государства наделены полномочиями по реализацию контрольной деятельности. К ним относятся: Президент РФ, администрация Президента РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, суды и прокуратура РФ. Кроме того, такие правомочия охватывают министерства и ведомства РФ, а также органы, формируемые законодательной властью (к примеру, Счетная палата РФ) [2, с. 32].

В наиболее общем виде выделяются следующие цели государственного контроля:

- защита и реализация прав и свобод человека и гражданина;

- охрана неприкосновенности конституционного строя;

- неприкосновенность и защита государственного устройства;

- реализация конституционных свобод.

Следовательно, государственный контроль выступает важнейшим инструментом проявления деятельности правового государства, имеющим управленческую природу и направленным на обеспечение соответствия реального положения дел в функционировании подконтрольных субъектов тому уровню, который определен законодательно.

Корепина А.В., в свою очередь, приводит несколько иное, но достаточно сходное определение данного понятия: «государственный контроль - это всегда определенная деятельность контролирующих субъектов, направленная на недопущение со стороны подконтрольных объектов нарушений различных нормативных предписаний, состоящая в проведении различных контрольных мероприятий (проверок, постоянного наблюдения и др.)» [3, с. 19].

Преимуществом приведённого определения является перечисления средств контрольной деятельности, однако оно не в полной мере раскрывает цели и задачи государственного контроля, ограничивая их перечень лишь недопущением правонарушений. Такое ограничительное толкование не раскрывает задач государственного контроля, выражающихся в профилактике правонарушений и восстановлении нарушенной справедливости.

Непосредственным объектом государственного контроля является деятельность граждан и организаций, а в качестве его предмета выступает обнаружение нарушений законодательства в деятельности объектов.

Аширбаева В.А. раскрывает сущность функции государственного контроля в том, что, по её мнению, он направлен на определение соответствия или несоответствия реального уровня деятельности подконтрольного объекта с тем, который установлен законодательно. Данный процесс производится для того, чтобы измерить разницу между двумя указанными категориями, а также определить алгоритм действий для устранения имеющихся проблем. При необходимости это сопровождается применением к

отдельным лицам мер различных видов ответственности, а также наложением возможных санкций и реализацией программы по предотвращению правонарушений [4, с. 19].

Следовательно, помимо вышеуказанных нормативных признаков государственного контроля, можно определить следующие сущностные его черты: действенность, непосредственная согласованность с законом, оперативность, реализация в специальной форме, непосредственность, действенность и другие.

Мухаметшин Р.Ф. выделяет следующие признаки государственного контроля:

1) форма реализации, посредством которой государство проявляет свои задачи и цели;

2) совокупность государственных служащих, которые выполняют свои правомочия в отношении задач государственного контроля за подконтрольными объектами;

3) субъектами данной деятельности являются исполнительные и законодательные органы власти, действующие в различных направлениях;

4) государственный контроль является проявлением властной функции государства, что делает его высшим субъектом иерархии и требует от объектов контроля выполнения предписаний в отношении них;

5) возможность применения в отношении подконтрольных объектов мер юридической ответственности, а также применение иных мер государственного принуждения [5, с. 59].

Реализация государством своей контрольной функции позволяет ему сократить дистанцию между собой и подконтрольными субъектами, что позволяет более подробно разъяснить им существующие нормы законодательства, обеспечить обратную связь, исключить возможность безответственного отношения к своим обязанностям. При этом, меры по устранению обнаруженных нарушений носят добровольно-принудительный характер.

Процесс реализации государственного контроля состоит из нескольких последовательных этапов, которые включают в себя:

1) изучение деятельности подконтрольного субъекта;

2) сравнение фактической деятельности с законодательными нормами по данному вопросу;

3) непосредственного пресечения правонарушений, а также выработки алгоритма восстановления справедливости;

4) контроль за соблюдением подконтрольным объектом полученных предписаний.

Контролирующий орган обязан проанализировать качество и эффективность деятельности подконтрольного субъекта, выявить, соответствуют ли проверяемые должностные лица уровню необходимых компетенций по вопросу принятия ими управленческих решений.

Реализация данных этапов проходит посредством раздачи предписаний, заслушивания докладов и отчётов, рассмотрение жалоб, координация деятельности, проведение правовых экспертиз, согласование управленческих решений и нормативной документации и иных форм государственного контроля, которые могут сочетаться между собой.

Рапатюк В.О. подчёркивает, что инструменты реализации государственного контроля имеют и иные способы взаимодействия с подконтрольными объектами, в число которых входят:

- наблюдение за деятельностью объекта с целью анализа законности;
- проведение анализа, насколько полноценно соблюдаются предписания закона;
- анализ перспектив деятельности объекта и соблюдения им норм закона [6, с. 920].

Иными словами, вкратце такие способы можно охарактеризовать, как прогнозирование,

анализ, мониторинг, проведение проверок, реализация мер государственного принуждения.

Стоит отметить, что как одно из проявлений деятельности государства, государственный контроль тесно связан с реализацией других его функций. В частности, он стимулирует развитие различных направлений деятельности государства как во внешней, так и во внутренней сферах. Из этого вытекает ещё один существенный признак государственного контроля – его масштабность и всеохватность, поскольку он реализуется во всех сферах деятельности государства: законодательной, исполнительной, экономической, политической, образовательной, лечебной, жилищно-коммунальной, строительной, производственной, пищевой, культурно-массовой и иных.

Он проявляется в том, что направлен на обеспечение уровня законности, поддержание общественного порядка и безопасности. Для достижения этих целей необходимо осуществлять компетентный мониторинг деятельности государственных органов и его соответствие поставленным перед ним задачам. При этом, должны соблюдаться все законодательные нормы, а также предписания по защите прав и свобод человека и гражданина.

Помимо этого, государственный контроль осуществляется на постоянной основе, что делает его эффективным инструментом государственного управления, несмотря на то, что отдельные контрольные мероприятия и средства могут быть ограничены во времени.

Вследствие своей многофункциональности, государственный надзор может быть классифицирован на разновидности в зависимости от субъекта, уровня осуществления деятельности, периодичности проведения, отрасли права, объема полномочий субъекта, формы реализации функций государства.

При этом, определяя дефиницию государственного контроля, важно разграничивать её от смежной категории, упомянутой в ФЗ №248 – государственный надзор.

Как отмечается в литературе, эти две категории достаточно похожи, а некоторые исследователи даже отождествляют их. Однако подобное уравнивание представляется нецелесообразным, ведь в таком случае законодатель не стал бы перегружать текст закона понятиями с одним и тем же значением. Как у контроля, так и у надзора, выделяются общие цели, а также подчёркивается самостоятельный характер этих процедур.

В то же время, надзор представляется более узкой деятельностью ввиду отсутствия в его составе административных правомочий. Также надзор в некоторых исследованиях идентифицируют как составную часть, входящую в структуру государственного контроля. Имея общую цель, как надзор, так и контроль различаются по широте полномочий субъектов проведения – контрольные органы наделены более многочисленными правомочиями, поскольку она подразумевает не только контроль за соблюдением норм закона, но также и за эффективностью деятельности подконтрольного субъекта в целом.

Захарцова Н.А. определяет, что контроль и надзор являются юридически близкими категориями. В качестве своих целей контрольная и надзорная деятельность определяет обеспечение соблюдения предписаний закона со стороны подконтрольного объекта. Различием между ними могут быть методы достижения целей, а также субъекты проведения. Также при проведении как контроля, так и надзора, возможно применение мер юридической ответственности в отношении недобросовестных подконтрольных и поднадзорных субъектов. Всё перечисленное даёт возможность определить эти направления в качестве юридически близких, однако они не равноценны, а категория надзора является более узкой. Сам же надзор, в свою очередь, подразделяется на административный, прокурорский и иные виды [7, с. 295].

Таким образом, резюмируя изложенные законодательное понятие и научные воззрения на сущность государственного контроля, можно определить данную категорию как функционирование уполномоченных государственных органов, целью которой является обеспечение законности деятельности подконтрольных субъектов, а также профилактики, выявления и пресечения нарушений закона и восстановления нарушенной справедливости. Исходя из этого, основными признаками государственного контроля являются его специальный круг субъектов, цели в виде выявления и пресечения правонарушений, а также задачи, которые проявляются в недопущении их совершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 31.07.2020 №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Кремля. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45790?ysclid=mlfo29tjxr489665083 (дата обращения: 01.02.2026). – Загл. с экрана.

2. Воробьев Н.Ф. Понятие и правовая сущность государственного контроля // Правовое государство: теория и практика. – 2018. - №2 (40). – С. 29-35.

3. Корепина А.В. Государственный контроль и надзор в Российской Федерации: учебное пособие; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).– Вологда, 2022. – 320 с.

4. Аширбаева В.А. Контроль как функция государственного управления: понятие и сущность // Вестник ПГУ. Экономическая серия. – 2019. - №4. – С. 14-26.

5. Мухаметшин Р.Ф. Государственный (финансовый) контроль как инструмент управленческой функции государства // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – №2-2 (60). – С. 57-61.

6. Рапатюк В.О. Понятие контроля как функции государственного управления в научной литературе и российском законодательстве // Инновации. Наука. Образование. – 2021. - №36. – С.915-920.

7. Захарцова, Н. А. Контроль и надзор в механизме современного государства: понятие, сущность, основные характеристики // Молодой ученый. — 2022. — № 42 (437). — С. 293-297.

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF STATE CONTROL IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTING STATE FUNCTIONS

Abstract. This article provides a general description of the manifestations of state control, a state function. Theoretical definitions of this category are examined. Key features of state control, as enshrined in regulatory legal acts and theoretical works, are identified. The relationship between state control and other state functions is determined. Theoretical generalizations on this issue are made.

Keywords: state control, state functions, means of control, entities of control, controlled entity.

Samarina A.A.
Semykin N.V., PhD in Law, Associate Professor
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "DonSU"
E-mail: ann.samarina@inbox.ru

УДК 334.722

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОВАРИЩЕСТВА НА ВЕРЕ (КОММАНДИТНОГО ТОВАРИЩЕСТВА)

Севрюкова Е.В.
Научный руководитель: Смирнова Е.В. доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация В работе рассматриваются проблемы создания и правового регулирования деятельности товарищества на вере (коммандитного товарищества) в российском гражданском праве. Выявляются ключевые барьеры, сдерживающие использование данной организационно-правовой формы: нормативные коллизии, дублирование законодательных норм, чрезмерную бюрократическую нагрузку и неясности в определении ответственности участников. Отмечается крайне низкая востребованность коммандитных товариществ среди предпринимателей и инвесторов, что обусловлено как сложностью административных процедур, так и отсутствием гибкости в правовом регулировании. Выясняется, что формирование предложений по совершенствованию законодательства для повышения привлекательности и эффективности использования коммандитных товариществ в российской экономике.
Ключевые слова: товарищество на вере, коммандитное товарищество, правовое регулирование, организационно-правовая форма, Гражданский кодекс РФ.

Изучение коммандитных товариществ в рамках российского гражданского права приобретает особую значимость в связи с необходимостью усовершенствования правового регулирования данной организационно-правовой формы предпринимательства. Коммандитное товарищество представляет собой гибридную структуру, объединяющую черты полного товарищества и общества с ограниченной ответственностью, что делает особенно важным выстраивание чёткой и логически согласованной нормативной базы.

На практике применение действующего законодательства сопряжено с рядом трудностей: нормативные коллизии, дублирование положений и неясности в толковании правил затрудняют использование этой формы хозяйствования. В этой связи О. А. Макарова подчёркивает, что «развитие законодательства о коммерческих организациях должно идти в направлении оптимизации регулирования, исключения дублирования и противоречий» [1, с. 20]. Устранение указанных недостатков требует всестороннего анализа и корректировки существующих правовых норм.

Степень научной проработки вопросов, связанных с коммандитными товариществами в российском праве, остаётся относительно низкой. Анализ имеющихся публикаций свидетельствует о фрагментарном характере исследований: хотя тема в целом освещена недостаточно, отдельные аспекты правового регулирования данной организационно-правовой формы всё же находят отражение в юридической литературе.

Среди авторов, внесших вклад в изучение этой сферы, можно отметить К. Д. Щеглову, акцентирующую внимание на необходимости чёткого правового оформления статуса участников товарищества на вере [2, с. 18], а также Ш.П. Эркабаеву, которая указывает на крайне низкий уровень востребованности коммандитных товариществ среди отечественных предпринимателей [3, с. 67].

В частности, предполагается упростить административные процедуры, связанные с их созданием и прекращением деятельности, пересмотреть действующие требования к бухгалтерской и иной отчётности, а также адаптировать положительные практики, апробированные в зарубежных правовых системах. Реализация этих мер направлена на повышение правовой определённости и стабильности гражданского оборота, а также на формирование более благоприятных условий для использования коммандитных товариществ как эффективного инструмента привлечения инвестиций и ведения предпринимательской деятельности.

Правовой статус коммандитного товарищества в российском законодательстве представляет собой сложную и многоаспектную правовую конструкцию, требующую глубокого анализа и чёткого понимания её особенностей. Товарищество на вере — так ещё называют коммандитное товарищество — выступает одной из разновидностей хозяйственных товариществ, объединяя в своей структуре черты как полного товарищества, так и общества с ограниченной ответственностью. Согласно нормам ГК РФ, участники такого товарищества делятся на две категории: полные товарищи, отвечающие по обязательствам товарищества всем своим имуществом, и коммандитисты, чья ответственность ограничена пределами внесённого ими вклада.

Правовое регулирование деятельности коммандитных товариществ в Российской Федерации закреплено в статьях 82–86 Гражданского кодекса РФ. В частности, статья 83 ГК РФ устанавливает, что учредительный договор такого товарищества должен быть подписан всеми его участниками — как полными товарищами, так и коммандитистами. Данное положение находит параллели как в зарубежных правовых системах, так и в нормах дореволюционного российского законодательства [4]. Тем не менее, даже при наличии формально чётких правил, их практическое применение сталкивается с рядом трудностей и внутренних противоречий.

Одной из наиболее острых проблем является крайне низкая востребованность коммандитных товариществ среди предпринимателей и инвесторов. По наблюдению Ш.П. Эркабаевой, «хозяйственные товарищества, организуемые в форме полного или коммандитного товарищества, не получили широкого распространения в условиях рыночной экономики» [3, с. 68]. Обусловлено целым комплексом факторов: бюрократической сложностью процедур регистрации и прекращения деятельности, а также жёсткими требованиями к ведению и предоставлению отчётности, которые делают данную организационно-правовую форму менее привлекательной по сравнению с другими видами коммерческих организаций.

Российское законодательство о коммерческих юридических лицах сформировалось в 1990-е годы и до настоящего времени сохраняет ряд существенных недостатков, включая дублирование норм и внутренние коллизии. Как отмечает Космарский И.В., «развитие законодательства о коммерческих организациях должно идти в направлении оптимизации регулирования, исключения дублирования и противоречий» [5, с. 70]. В свете этого актуальным становится пересмотр и модернизация правового регулирования коммандитных товариществ с целью повышения их привлекательности для участников экономической деятельности.

Для устранения выявленных барьеров целесообразно внести соответствующие изменения в действующее законодательство. Прежде всего, следует упростить административные процедуры, связанные с учреждением и прекращением деятельности коммандитных товариществ, а также рационализировать требования к отчётности, сделав их более прозрачными и адаптированными к реалиям бизнеса.

Вопросы правового регулирования коммандитных товариществ в российском законодательстве сохраняют свою остроту и требуют всестороннего научного осмысления. Одной из ключевых трудностей выступает наличие нормативных коллизий и дублирующих положений, что существенно усложняет практическое применение законодательства. По мнению Ю. В. Сахаровой, «российский законодатель установил закрытый перечень коммерческих юридических лиц и их организационно-правовых форм» [6, с. 71], что ограничивает гибкость бизнеса и порождает дополнительные барьеры для предпринимателей.

Практическая реализация норм, регулирующих деятельность коммандитных товариществ, осложняется также жёсткими требованиями к процедурам их создания и ликвидации. Особую настороженность у потенциальных инвесторов вызывает риск возложения субсидиарной ответственности на коммандитистов — участников, чья роль

по замыслу законодателя должна быть пассивной и ограниченной размером их вклада. Именно эта неопределённость снижает инвестиционную привлекательность данной организационно-правовой формы.

В этой связи Т. Б. Шибанова указывает, что эффективность, а, следовательно, и популярность той или иной формы сельскохозяйственного предприятия отражает векторы государственной политики [7, с. 66], подчёркивая важную роль правовой среды и государственного регулирования в формировании предпочтений участников экономической деятельности.

Для преодоления обозначенных проблем требуется системная модернизация действующего законодательства. В первую очередь необходимо упростить административные процедуры, связанные с учреждением и прекращением деятельности коммандитных товариществ, а также пересмотреть действующие требования к отчётности, сделав их более прозрачными и адекватными реалиям бизнеса.

Таким образом, реформирование норм, регулирующих коммандитные товарищества, должно быть направлено на формирование благоприятной правовой среды для предпринимателей и инвесторов. В свою очередь, будет способствовать не только расширению возможностей для ведения бизнеса, но и устойчивому развитию экономики в целом.

Конкретные шаги по совершенствованию законодательства должны включать снижение административных барьеров, устранение избыточных формальностей и создание гибких, понятных механизмов функционирования данной организационно-правовой формы, что сделает её более доступной и привлекательной для широкого круга участников экономической деятельности.

Одним из приоритетных направлений правовой реформы следует считать пересмотр требований к отчётности коммандитных товариществ. На сегодняшний день чрезмерно жёсткие и формализованные нормы в этой сфере нередко отталкивают потенциальных участников, особенно инвесторов, стремящихся к минимизации административной нагрузки. Введение более гибких, пропорциональных и адаптированных к современным экономическим реалиям правил отчётности способно существенно повысить привлекательность данной организационно-правовой формы.

Проведённый нами анализ свидетельствует о том, что хозяйственные товарищества, создаваемые в виде полного или коммандитного товарищества, не получили широкого распространения в рыночных отношениях по следующим причинам: во-первых, хозяйственные товарищества являются юридическими лицами, что, в свою очередь, подразумевает сложные процедуры создания или ликвидации как субъекта предпринимательской деятельности, требующие подготовки значительного пакета документов и соблюдения строгих правил регулярной отчётности.

Таким образом, упрощение и дифференциация отчётных обязательств могут стать важным шагом на пути к возрождению интереса к коммандитным товариществам в российской правовой системе.

Помимо прочего, заслуживает внимания идея о возможной трансформации существующей модели хозяйственных товариществ: целесообразно рассмотреть вопрос об упразднении полного товарищества как отдельной организационно-правовой формы и сохранении лишь коммандитного товарищества, в котором участие вкладчиков-коммандитистов не будет обязательным условием. Такая унифицированная конструкция могла бы быть переименована в «хозяйственное товарищество». Подобный подход позволил бы значительно упростить правовое регулирование, повысить его логическую согласованность и сделать более понятным и доступным для субъектов предпринимательской деятельности.

Также, следует подчеркнуть, что модернизация правового статуса коммандитных товариществ должна быть направлена на формирование благоприятной среды для

бизнеса и инвестиций. Эффективное регулирование не только повысит привлекательность этой формы хозяйствования внутри страны, но и усилит конкурентоспособность российского бизнеса на международной арене, способствуя устойчивому экономическому росту.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о настоятельной необходимости совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность коммандитных товариществ. Анализ выявил ключевые барьеры их развития: низкий уровень востребованности среди предпринимателей и инвесторов, а также наличие внутренних коллизий и дублирующих положений в законодательстве.

Реализация рекомендаций по совершенствованию законодательства может существенно повысить привлекательность коммандитных товариществ для предпринимателей и инвесторов, создав более гибкие и понятные условия для ведения бизнеса. В долгосрочной перспективе это будет способствовать не только развитию частной инициативы, но и устойчивому росту национальной экономики.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углублённом изучении правовой природы коммандитных товариществ, а также в анализе их практического функционирования в современных экономических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макарова, О.А. Состояние законодательства о коммерческих организациях и перспективы его развития в свете совершенствования ГК РФ / О.А. Макарова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 14: Право. – 2013. – № 1. – С. 20–27.

2. Щеглова, К.Д. Правовое положение участников товарищества на вере / К.Д. Щеглова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2017. – № 45. – С. 18-23.

3. Эркабаева, Ш.П. Правовые основы совершенствования хозяйственных товариществ / Ш.П. Эркабаева // М. – 2021. – № 2/S. – С. 67-72.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Ст. 82–86.

5. Космарский, И.В. Акционерная коммандита как способ модернизации коммандитных товариществ (товариществ на вере) / И.В. Космарский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2017. – № 594. – С. 70–77.

6. Сахарова, Ю.В. Коммерческие корпоративные юридические лица: пути совершенствования российского законодательства / Ю.В. Сахарова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2 (111). – С. 70–78.

7. Шибанова Т.Б. Системы организационно-правовых форм современных сельскохозяйственных предприятий в России и за рубежом / Т.Б. Шибанова // Beneficium. – 2014. – № 1. – С. 66–74.

PROBLEMS OF CREATION AND LEGAL REGULATION ACTIVITIES OF A LIMITED LIABILITY COMPANY (COMMODITY COMPANY)

Abstract The paper examines the problems of creation and legal regulation of the activities of a limited partnership in Russian civil law. The key barriers constraining the use of this organizational and legal form are identified: regulatory conflicts, duplication of legislative norms, excessive bureaucratic burden and ambiguities in determining the responsibility of participants. There is an extremely low demand for limited partnerships among entrepreneurs and investors, due to both the complexity of administrative procedures and the lack of flexibility in legal regulation. It turns out that the formation of proposals for improving legislation to increase the attractiveness and effectiveness of the use of limited partnerships in the Russian economy.

Keywords: faith-based partnership, limited partnership, legal regulation, organizational and legal form, Civil Code of the Russian Federation.

Sevryukova E.V.
Scientific supervisor: E.V. Smirnova. Ph.D., associate professor Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 347.451

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВЫХ ПЛОЩАДОК

Селиверстова М.К.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе исследовано понятие электронных торговых площадок; охарактеризованы основы нормативно-правового регулирования деятельности электронных торговых площадок; охарактеризованы права и обязанности продавцов и покупателей на электронных торговых площадках; изучена защита прав потребителей при использовании электронных торговых площадках; определены перспективы развития механизма защиты прав потребителей электронных торговых площадок в Российской Федерации.
Ключевые слова: электронная торговая площадка, защита прав потребителей, дистанционная торговля, покупатель, продавец.

В современном мире, где интернет-технологии стремительно развиваются, а повседневная жизнь все более интегрируется с цифровыми решениями, электронные торговые площадки становятся важным элементом экономики. В Российской Федерации этот сектор развивается с высокой динамикой, и правовое регулирование электронных торговых площадок (далее – ЭТП) требует внимания со стороны государства и юристов.

В современных условиях доминирующей формой товарообмена выступает рынок электронной коммерции (e-commerce), который стал неотъемлемым элементом цифровой экономики. Электронная коммерция представляет собой самостоятельную экономико-правовую сферу, охватывающую совокупность торговых и финансовых операций, осуществляемых дистанционно, без физического взаимодействия участников. Такой формат позволяет сторонам, независимо от их территориального расположения, вступать в гражданско-правовые отношения, заключать договоры и исполнять принятые на себя обязательства. Развитие электронных форм взаимодействия обусловило появление новых правовых и технологических инструментов, в частности смарт-контрактов, а также активное внедрение технологий распределённого реестра.

Одной из ключевых форм электронной коммерции является электронная торговля, под которой следует понимать процесс взаимодействия между продавцом (производителем) и покупателем (потребителем), осуществляемый посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с целью обмена товарами, работами или услугами. Несмотря на наличие определённых нормативных положений, правовое регулирование электронной торговли в Российской Федерации остаётся фрагментарным и недостаточно систематизированным. На практике это выражается в существовании пробелов, касающихся защиты прав потребителей, налогообложения операций, контроля финансовых потоков, обеспечения информационной безопасности, а также охраны объектов интеллектуальной собственности. Особую сложность представляет вопрос соблюдения прав третьих лиц и установления ответственности за недобросовестные действия участников электронных торговых отношений.

Электронная торговая площадка представляет собой специализированный интернет-ресурс, функциональное назначение которого заключается в обеспечении возможности заключения сделок между продавцами и покупателями в цифровой среде. Посредством таких платформ заказчики вправе организовывать различные формы электронных процедур, включая аукционы, торги, тендеры, а также запросы ценовых и коммерческих предложений. В ряде случаев администрирование торговых процессов осуществляется специализированными организациями, которые не только размещают

информацию о товарах, работах и услугах, но и обеспечивают обработку поступивших заявок, подведение итогов и, в отдельных моделях, определение победителя торговой процедуры.

Продажа товаров дистанционным способом регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации РФ [1], Законом РФ «О защите прав потребителей» [2], Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 г. №2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее – Правил №2463) [3].

В соответствии со ст. 497 Гражданского кодекса Российской Федерации , ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей», под продажей товаров дистанционным способом следует понимать продажу товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (дистанционный способ продажи товара) способами.

При дистанционной торговле потребитель не может непосредственно ознакомиться ни с самим товаром, ни с его образцом. Покупая товар дистанционно, потребитель имеет право:

- на получение необходимой и достоверной информации о товаре, о продавце (изготовителе);
- на приобретение товара надлежащего качества и безопасного для жизни, здоровья и имущества потребителя, окружающей среды;
- на отказ от товара надлежащего качества;
- на своевременную доставку товара.

В соответствии с пунктами 18 и 19 Правил продажи товаров дистанционным способом, утверждённых Постановлением Правительства Российской Федерации № 2463, на продавца возлагается обязанность по предоставлению потребителю полной, достоверной и доступной информации, необходимой для осознанного выбора товара и надлежащей реализации прав покупателя.

В частности, продавец обязан довести до сведения потребителя информацию, характеризующую предлагаемый товар, путём её размещения на официальном сайте и (или) странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в программе для электронных вычислительных машин, а также посредством использования различных средств связи, включая телевизионную, почтовую и радиосвязь. Кроме того, соответствующие сведения могут содержаться в каталогах, буклетах, проспектах, на фотографиях либо в иных информационных материалах, используемых при дистанционном способе продажи.

Помимо сведений о товаре, продавец обязан обеспечить раскрытие информации о себе как о субъекте предпринимательской деятельности. Такая информация включает полное фирменное наименование (наименование), основной государственный регистрационный номер, адрес и место нахождения, а также адрес электронной почты и (или) номер телефона юридического лица либо, в случае индивидуального предпринимателя, фамилию, имя, отчество (при наличии), основной государственный регистрационный номер и контактные данные. Указанные сведения подлежат

размещению на сайте или странице сайта в сети «Интернет» (при их наличии), а также в программе для электронных вычислительных машин, используемой для осуществления торговли.

Отдельное значение законодатель придаёт обязанности продавца информировать потребителя о форме и порядке направления претензий, что направлено на обеспечение эффективной защиты нарушенных прав покупателя во внесудебном и судебном порядке.

Согласно статье 4 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», а также пункту 18 Правил № 2463, продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует условиям договора, а также сведениям и характеристикам, доведённым до потребителя на этапе заключения договора. Несоответствие товара предоставленной информации рассматривается как нарушение обязательств продавца и влечёт применение мер гражданско-правовой ответственности, предусмотренных действующим законодательством.

Проблематика защиты прав потребителей в условиях развития электронной коммерции занимает значимое место в деятельности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В марте 2016 года в рамках данной организации был завершён пересмотр Рекомендации по защите потребителей в электронной коммерции, что стало ответом на динамичное расширение объёмов электронной торговли и возрастающую роль доверия потребителей к цифровой экономике. Обновление Рекомендации ОЭСР по защите потребителей в электронной коммерции 1999 года – первого международного правового акта, посвящённого данной сфере, – было обусловлено существенными изменениями в характере и масштабах электронных сделок за прошедшие годы [4]. В фокусе внимания ОЭСР находятся вопросы обеспечения безопасности онлайн-платежей, правового режима нематериальных товаров с цифровым содержанием, а также защиты персональных данных потребителей в цифровой среде.

С одной стороны, электронная коммерция предоставляет потребителям значительные преимущества, включая расширенный ассортимент товаров и услуг, возможность оперативного сравнения ценовых предложений различных продавцов, а также разнообразие доступных способов оплаты. С другой стороны, специфика цифровой среды формирует дополнительные риски для потребителей, связанные с технологическими особенностями дистанционного взаимодействия, асимметрией информации и сложностью идентификации контрагента.

В соответствии с положениями статьи 12 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» маркетплейсы несут ответственность за предоставление недостоверной информации о товаре. В случае если вследствие размещения некорректных сведений потребителю причинены убытки, обязанность по их возмещению возлагается на торговую платформу. Аналогичный правовой подход применяется и в ситуациях, когда введение потребителя в заблуждение произошло в результате технических сбоев в работе онлайн-площадки.

Законодательство о защите прав потребителей также закрепляет безусловное право потребителя на отказ от товара надлежащего качества, приобретённого дистанционным способом. При этом следует учитывать, что Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации № 2463, применяется исключительно в рамках статьи 25 Закона РФ «О защите прав потребителей» и представляет собой исключение из общего правила, согласно которому потребитель вправе обменять непродовольственный товар надлежащего качества на аналогичный товар, если он не подошёл по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации.

В сфере дистанционной торговли указанный Перечень не подлежит применению. Правовое регулирование соответствующих отношений осуществляется на основании специальной нормы – статьи 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Принципиальное отличие данного правового режима заключается в закреплённом пунктом 4 статьи 26.1 безусловном праве потребителя отказаться от товара в любое время до его передачи либо в течение семи дней после получения без необходимости указания причин. Дополнительной гарантией прав потребителя является положение о продлении срока отказа до трёх месяцев в случае, если при доставке товара покупателю не была предоставлена письменная информация о порядке и условиях возврата.

В случае реализации потребителем права на отказ от товара продавец обязан возвратить уплаченную по договору денежную сумму, за исключением расходов на доставку возвращённого товара от потребителя, не позднее десяти дней со дня предъявления соответствующего требования.

В соответствии с пунктом 1 статьи 469 Гражданского кодекса Российской Федерации на продавца возлагается обязанность передать покупателю товар, качество которого должно соответствовать условиям заключённого договора купли-продажи. Следует подчеркнуть, что объём и содержание прав покупателя при выявлении недостатков в товаре, приобретённом дистанционным способом, по своей правовой природе не отличаются от прав потребителя, возникающих при покупке товара в традиционной форме.

Особый правовой режим установлен в отношении технически сложных товаров. В случае выявления в таком товаре существенного недостатка потребитель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной денежной суммы либо заявить требование о замене товара на аналогичный товар той же марки (модели, артикула) или на товар иной марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчётом покупной цены. Указанные требования могут быть предъявлены в течение пятнадцати дней с момента передачи товара потребителю.

По истечении установленного пятнадцатидневного срока данные требования подлежат удовлетворению лишь при наличии предусмотренных законом оснований, к которым относятся: выявление существенного недостатка товара; нарушение продавцом сроков устранения выявленных недостатков, установленных Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей»; либо невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более тридцати календарных дней вследствие неоднократного устранения различных недостатков.

Обеспечение надлежащей защиты прав потребителей на электронных торговых площадках носит комплексный и двусторонний характер. С одной стороны, на государство возлагается обязанность по формированию и поддержанию эффективного и сбалансированного правового регулирования. С другой стороны, от самих потребителей требуется проявление должной осмотрительности и правовой информированности при совершении сделок в сети «Интернет», что способствует минимизации рисков нарушения их законных прав и интересов.

В целях эффективного разрешения существующих проблем в области защиты прав потребителей представляется необходимым дальнейшее развитие и модернизация нормативно-правовых механизмов и регуляторных стандартов с учётом трансформации рыночных условий и ускоренного внедрения цифровых технологий. Адаптация правового регулирования к новым экономическим реалиям должна осуществляться на основе комплексного анализа современных форм товарооборота и цифровых моделей ведения бизнеса.

В частности, Министерством финансов Российской Федерации осуществляется разработка проекта концепции по совершенствованию системы государственных закупок малого объёма на период до 2027 года, в рамках которой предполагается нормативное урегулирование процедур осуществления закупок соответствующей категории. Указанная инициатива направлена на повышение прозрачности и

эффективности закупочной деятельности, а также на снижение правовых рисков для участников рынка [5].

Кроме того, по позиции Минфина России, в отношении интернет-торговли целесообразно применение общих принципов налогового регулирования, включая установление обязанности по уплате налога на добавленную стоимость в отношении всех товаров, реализуемых иностранными электронными торговыми площадками на территории Российской Федерации. Реализация данного подхода призвана обеспечить налоговую нейтральность, устранить дисбаланс конкурентных условий и повысить уровень фискальной справедливости в сфере электронной коммерции.

Бурное расширение онлайн-торговли, вовлекающей в оборот как компании, так и частных лиц, требует активного совершенствования законодательной базы в ключевых аспектах:

1. Ответственность продавцов и гарантии. Требуется детальная регламентация обязанностей продавцов, работающих на площадках. В фокусе должны быть прозрачные процедуры возврата товаров, гарантии их качества и эффективные механизмы пресечения недобросовестного поведения. Одним из инструментов может стать разработка унифицированных должностных инструкций, которые оформляются либо как отдельный документ, либо как приложение к трудовому договору, что позволит конкретизировать зону ответственности. Параллельно необходимо ужесточить нормативы по защите персональных данных покупателей, что станет основой для укрепления доверия к цифровому рынку.
2. Цифровая приватность и безопасность. В условиях тотальной цифровизации проблема конфиденциальности личной информации пользователей выходит на первый план. Важнейшим направлением является создание надёжных правовых и технологических механизмов для её защиты. Учреждение специализированных контролирующих органов, наблюдающих за соблюдением законодательства о приватности, предоставит потребителям дополнительные гарантии безопасности их цифрового следа.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее правовое регулирование электронных торговых площадок отличается фрагментарностью. Наиболее заметны пробелы в сферах определения ответственности площадок за достоверность размещаемой информации и в создании целостной системы защиты данных пользователей. Эти недостатки напрямую снижают эффективность защиты потребительских прав, что делает модернизацию законодательства в области интернет-коммерции особенно насущной задачей в свете её постоянного количественного роста.

С каждым днем цифровизация охватывает все большее количество сфер жизнедеятельности людей, сфер деятельности государства и различных государственных органов. Следовательно, защита персональных данных в России актуализируется с течением времени [6, с. 11]. Необходимость обеспечения такой защиты воспринимается подобно защите иных личных прав граждан, поскольку как упоминалось, персональные данные заполонили информационную среду.

Защита прав потребителей в цифровой среде представляет собой многогранную и межотраслевую правовую проблему, затрагивающую широкий круг общественных отношений. Анализ действующих нормативных правовых актов, регламентирующих функционирование электронных торговых площадок, позволяет сделать вывод об отсутствии в Российской Федерации целостного и системного правового регулирования данной сферы. В настоящее время соответствующие правоотношения урегулированы фрагментарно – посредством отдельных норм гражданского, антимонопольного, налогового законодательства, а также законодательства о защите прав потребителей.

В результате проведённого исследования были выявлены ключевые направления дальнейшего развития правового регулирования электронных торговых площадок. К их

числу относятся разработка и принятие специализированного нормативного правового акта, направленного на комплексное регулирование деятельности электронных торговых платформ; законодательное закрепление правового статуса операторов таких площадок; установление чётких оснований и мер их ответственности за допущенные нарушения; а также усиление гарантий защиты прав и законных интересов потребителей и обеспечение условий добросовестной конкуренции в цифровой торговой среде [7, с. 182].

К числу приоритетных задач, стоящих перед современными правовыми системами, следует отнести гармонизацию национального законодательства с международными правовыми стандартами, адаптацию правовых норм к динамично изменяющимся условиям рынка, а также развитие эффективных механизмов защиты прав потребителей в онлайн-пространстве. С учётом высокой скорости развития электронных торговых площадок особое значение приобретает необходимость соблюдения баланса интересов субъектов предпринимательской деятельности и потребителей, что предполагает минимизацию рисков мошеннических действий и повышение уровня прозрачности совершаемых операций.

Формирование действенного механизма защиты прав потребителей на электронных торговых площадках требует комплексного и системного подхода, включающего как совершенствование нормативной базы, так и усиление государственного и общественного контроля за деятельностью маркетплейсов. Результаты настоящего исследования способствуют систематизации знаний о действующем правовом механизме защиты прав потребителей в сфере электронной торговли и могут быть использованы в качестве теоретической основы для дальнейших научных исследований в области потребительского права цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – №5. – Ст. 97.

2. О защите прав потребителей: Федеральный закон от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.01.1996. – №3. – Ст. 26.1.

3. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 №2463 (ред. от 17.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.01.2021. – №3. – Ст. 593.

4. Рекомендации Совета ОЭСР по защите прав потребителей в электронной торговле (неофициальный перевод) от 24.03.2016 // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=706063&dst=104861#x9b5AgUO0NaWE8Op1 (дата обращения: 25.01.2026). – Загл. с экрана.

5. Об утверждении Концепции совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 года: Распоряжение Правительства РФ от 26.06.2024 №1636-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.07.2024. №28. Ст. 4046.

6. Айкинская, А.А. Защита персональных данных в эпоху цифровизации / А.А. Айкинская // Молодой ученый. – №2 (501). – С. 9-11.

7. Ракитский, В.В. Правовое регулирование электронной торговли в России / В.В. Ракитский // Modern Science. – 2020. – №10-1. – С. 182-185.

ON PROTECTING CONSUMER RIGHTS WHEN USING ELECTRONIC MARKETING PLATFORMS

Annotation. This paper explores the concept of electronic marketplaces, describes the legal framework for electronic marketplaces, examines the rights and obligations of sellers and buyers on electronic marketplaces, and

explores the protection of consumer rights on electronic marketplaces. The paper also identifies the prospects for developing a mechanism to protect consumer rights on electronic marketplaces in the Russian Federation.
Keywords: electronic marketplace, consumer protection, distance selling, buyer, seller.

Seliverstova M.K.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: babkinamargarita18@mail.ru

УДК 347.61

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В ЭТИКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Сербина А.А.
Научный руководитель: Соколенко А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такой вспомогательной репродуктивной технологии, как суррогатное материнство. Данная методика, решающая проблему бесплодия, сталкивается с рядом не только этических дилемм, но и правовых пробелов и коллизий. Основанием возникновения такого правоотношения в исследуемой сфере является договор суррогатного материнства, который, несмотря на широкое применение, законодательно не урегулирован. Недостаточная правовая регламентация порождает многочисленные судебные споры, в которых даже судьи высказывают своё особое мнение, не соглашаясь с законом.
Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательная репродуктивная технология, договор суррогатного материнства, правовое регулирование суррогатного материнства, этические проблемы суррогатного материнства.

Продолжение рода – фундаментальная потребность всего живого на планете. Стремление к рождению детей, будучи проявлением биосоциальной сущности человека, носит комплексный характер — оно включает в себя биологический, физиологический, психологический, социально-психологический и социальный аспекты, поэтому его нельзя воспринимать упрощённо.

Основным физиологическим барьером, препятствующим появлению потомства, выступает бесплодие. Сегодня одним из наиболее эффективных способов решения этой проблемы является применение такой вспомогательной репродуктивной технологии как суррогатное материнство.

Среди всего спектра вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) именно суррогатное материнство вызывает наиболее бурные общественные дискуссии. Это связано с наличием целого ряда противоречий: между интересами биологических родителей и законными правами женщины, вынашивающей ребёнка; между коммерческим характером репродуктивных услуг и базовыми этическими принципами, определяющими ценность человеческой жизни.

Хотя в России вспомогательные репродуктивные методы используются уже много лет, полноценно сформированной правовой базы в этой сфере пока не было разработано. Недостаточная детализация законодательства порождает юридические коллизии, которые становятся причиной судебных споров и создают правовые риски для всех участников процесса: будущих родителей, суррогатных матерей и медицинских учреждений.

Суррогатное материнство – это крайне востребованная, но при этом этически уязвимая практика, затрагивающая медицинские, социальные и правовые аспекты.

В связи с этим, учитывая всю сложность и значимость, особенно заметен явный дефицит правового регулирования данного института, которое определено следующими нормативными актами Российской Федерации:

- п.п. 3, 9 и 10 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

- п. 4 ст. 51 и п. 3 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации; п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»;

- п.п. 70-75 «Порядка использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», утвержденной Приказом Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н.

Таким образом, в России до настоящего времени не сформирована целостная система нормативно-правовых актов, всесторонне регулирующих институт суррогатного материнства. Однако анализ действующего законодательства позволяет выделить следующее:

1. Суррогатное материнство в Российской Федерации разрешено.

2. Окончательное решение относительно судьбы новорождённого юридически закреплено за суррогатной матерью, при этом детальная регламентация процедуры отсутствует.

Согласно п. 9, ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под суррогатным материнством понимается «вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» [1].

Следует отметить, что законодатель в данной норме подчеркивает договорную природу суррогатного материнства. Однако, при анализе второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, отсутствует какая-либо информация, касающаяся договора суррогатного материнства, остаются неопределенными его содержание, порядок заключения и форма.

Однако подведение данного соглашения под одну из имеющихся категорий гражданских правовых договоров не позволит учесть характерные черты возникающих правоотношений, главная из которых — особый предмет сделки: достижение результата, заключающегося в рождении ребёнка одной стороной (суррогатной матерью) в интересах другой стороны (будущих родителей). Следовательно, предмет договора следует трактовать как процедуру вынашивания и рождения ребёнка суррогатной матерью для будущих родителей.

Однако, нельзя не отметить, что в связи с законодательной неопределенностью, цивилистами чаще всего договор суррогатного материнства признается разновидностью договора возмездного оказания услуг. Так, по мнению Волковой М.А. и Питько Е.В., «предметом договора суррогатного материнства является вынашивание и рождение суррогатной матерью ребенка для родителей (заказчиков), то есть оказание услуги, которая имеет результат - рождение ребенка» [2].

Важно подчеркнуть, что суррогатное материнство — это, прежде всего, медицинская технология (метод ВРТ), призванная решить проблему бесплодия. Данная цель должна быть чётко отражена в договорных отношениях, определяя их содержание и направленность.

Учитывая то, что договор суррогатного материнства регулируется нормами как гражданского (регулирование договорных обязательств), так и семейного права (вопросы передачи ребёнка и установления родительских прав), то уместно говорить о межотраслевом регулировании таких правоотношений.

При анализе участников договора суррогатного материнства очевидно, что ключевыми сторонами являются суррогатная мать и будущие родители. Последние выступают в качестве инициаторов договора, в то время как суррогатная мать принимает на себя обязательство по вынашиванию ребенка. Таким образом, будущие родители выполняют функцию заказчика, а суррогатная мать – функцию исполнителя.

Притом потенциальные родители являются носителями генетического материала. В данном ключе возможны следующие варианты:

– полное генетическое родство: и мать, и отец предоставляют собственные половые клетки для формирования эмбриона, который впоследствии переносится суррогатной матери.

– частичное генетическое родство: только один из потенциальных родителей (либо мать, либо отец) выступает донором биологического материала.

– отсутствие генетической связи: для создания эмбриона используются донорские половые клетки, а потенциальные родители не имеют генетического родства с будущим ребёнком.

В отношении суррогатной матери также имеются свои особенности заключения рассматриваемого договора. В соответствии с п. 10 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 № 323-ФЗ и п. 78 Порядка использования вспомогательных репродуктивных технологий, женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Таким образом, при условии, что суррогатная мать является замужней женщиной, ее супруг вступает в правоотношения, регулирующие суррогатное материнство. Его единственное юридически значимое действие – предоставление или не предоставление согласия на участие супруги в программе суррогатного материнства.

После выражения согласия его функциональная позиция в указанных правовых отношениях считается завершённой. Однако, несмотря на кратковременное участие, супруг остаётся участником правоотношений, связанных с суррогатным материнством.

Специфика договора суррогатного материнства диктует необходимость выполнения ряда высокотехнологичных медицинских процедур, включая забор генетического материала, развитие эмбриона и его имплантацию. Поскольку ни суррогатная мать, ни будущие родители не могут выполнить эти действия самостоятельно, необходимо привлечение квалифицированной медицинской организации. Исходя из этого, договор суррогатного материнства следует рассматривать как трёхсторонний, заключаемый между суррогатной матерью, потенциальными родителями и медицинской организацией.

Под соглашением о суррогатном материнстве, служащим основанием возникновения соответствующих правовых отношений, следует понимать междисциплинарный, межотраслевой договор, согласно которому в целях преодоления бесплодия одна из сторон — суррогатная мать — берёт на себя обязательство забеременеть, выносить и родить ребёнка, не являющегося её генетическим потомством, передав его затем другой стороне — будущим родителям, которые обеспечивают финансирование программы суррогатного материнства и других заранее согласованных затрат, а также третья сторона — медицинское учреждение — обязана предоставить полный набор необходимых медицинских процедур и услуг [3].

Несмотря на достаточно распространенную практику применения ВРТ в виде суррогатного материнства, за пределами внимания законодателя остались такие важные вопросы, как существенные условия договора суррогатного материнства, ответственность сторон за ненадлежащее исполнение договора, вопросы защиты прав и законных интересов детей, чье рождение было обеспечено применением репродуктивной технологии (суррогатное материнство), гарантии врачебной тайны, обретение и порядок реализации прав генетических родителей в период беременности суррогатной матери, пределы ограничений прав суррогатной матери в период беременности, основания и гарантии выплаты вознаграждения и многие другие. Правовая неопределенность и «творческий» подход практиков приводят к злоупотреблению правами, нарушению баланса прав и законных интересов участников [4].

Так, в российском законодательстве имеется противоречие в нормах о субъектах права на суррогатное материнство.

Федеральным законом № 323-ФЗ определены категории граждан, которые могут воспользоваться данными методами: мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, одинокая женщина.

Вместе с тем, положения Семейного кодекса Российской Федерации и Федерального закона № 143-ФЗ закрепляют право быть записанными в качестве родителей только лиц, состоящих в браке между собой, давших свое согласие на применение методов ВРТ.

Данное противоречие приводит к трудностям при регистрации детей, зачатых с помощью ВРТ. Возникает неопределенность в судебной практике, поскольку органы ЗАГС отказывали в регистрации детей, рожденных от суррогатных матерей, лицам, не состоящим в браке, а также одиноким женщинам.

Еще в 2018 году члены Совета Федерации подготовили проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации рождения ребенка, в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий». Предлагалось внести изменения в Семейный кодекс РФ и Федеральный закон № 143-ФЗ, направленные на предоставление права мужчинам и женщинам, как состоящим, так и не состоящим в браке, а также одиноким женщинам, давшим согласие на применение ВРТ, быть внесенными в книгу записей рождения в качестве родителей (родителя) ребенка. Однако данный законопроект был отклонен.

Также имеется ряд проблем, связанных с правовым регулированием и практическим применением абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ. Соответственно данному положению, граждане, находящиеся в брачных отношениях и предоставившие письменное согласие на перенос эмбриона другому лицу для последующего вынашивания, могут быть признаны родителями ребёнка исключительно при условии получения согласия женщины, ставшей матерью, выносившей беременность (суррогатной матери) [5]. Такое согласие должно быть оформлено в письменной форме (п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния») [6].

Соответствующие лица могут быть занесены в документы как родители ребёнка исключительно при условии получения письменного согласия суррогатной матери, которое предоставляет ей преимущество при выборе будущих родителей.

С целью обеспечения корректного разбирательства дела суду необходимо установить наличие договора о суррогатном материнстве, проанализировать его условия, выяснить, являются ли заявители генетическими родителями ребёнка, определить причины отказа суррогатной матери дать согласие на внесение истцов в качестве родителей в документы, а также учесть все обстоятельства, установленные по делу, а также положения статьи 3 Конвенции о правах ребенка и разрешить спор в интересах ребенка. Согласно п. 1 ст. 3 указанной Конвенции во всех действиях первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка [7].

Небезусловную императивность комментируемой нормы семейного законодательства, разъясненную в постановлении Верховного Суда РФ, также подтвердил Конституционный Суд РФ в своем определении от 27.09.2018 № 2318-О.

Примечательно, что ряд судей Конституционного Суда РФ не поддержали принятие этого определения.

Хотя суррогатная мать по определению не является генетической матерью, нельзя игнорировать глубокую биологическую и психологическую связь, формирующуюся между женщиной и ребенком в период беременности. Учитывая данное обстоятельство, судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев в особом мнении к Определению Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 N 880-О задается вопросом: «Достаточен ли факт генетического родства ребенка для приобретения родительских прав?» [8]. Толкуя п. 4 ст. 51 СК РФ законодатель признает: «Вынашивание и рождение ребёнка

представляют собой более глубокие социальные и эмоциональные аспекты по сравнению с генетическим происхождением. Страдания биологических родителей, которые не могут реализовать свои родительские права в отношении ребёнка, рассматриваются как менее значимые с точки зрения общественной ценности. Однако невозможно не признать, что такие оценки являются чрезвычайно субъективными и лишены объективной основы, поскольку ни одно судебное разбирательство не может количественно определить уровень страданий как у генетических родителей, так и у суррогатной матери.»

При решении вопроса о том, кто имеет приоритетное право быть родителем новорождённого, судам следует руководствоваться не только формальными фактами, но и комплексом иных факторов, таких как мотивы отказа суррогатной матери дать согласие на признание генетических родителей законными родителями ребёнка, а также последствия такого отказа как для самого ребёнка, так и для обеих сторон (генетических родителей и суррогатной матери), их нравственные переживания, связанные с рождением ребёнка и его будущим. Кроме того, недопустимо ограничиваться оценкой лишь материального положения сторон. Крайне важно принимать во внимание психологическую готовность к родительству, эмоциональную привязанность к ребёнку и способность обеспечить ему полноценную заботу и любовь.

Иными словами, приоритет должен отдаваться той стороне, которая в наибольшей степени способна создать благоприятные условия для гармоничного развития и воспитания ребёнка, учитывая как объективные, так и субъективно-психологические аспекты ситуации.

Следовательно, императивная норма СК РФ (абз. 2 п. 4 ст. 51), закрепляющая за суррогатной матерью решающее право в вопросе наделения биологических родителей родительскими правами и обязанностями, теперь не так категорична, поскольку в разъяснениях Верховного Суда РФ, по сути, подчеркивается необходимость индивидуализированного и тщательного рассмотрения каждого конкретного спора, возникающего в связи с применением ВРТ.

Рассматривая тему суррогатного материнства, в обществе наибольшее волнение вызывает не столько правовой аспект данного вопроса, сколько морально-этический. Так, плюсы в данном вопросе очевидны, главным из которых является шанс на рождение генетически родного, а главное, здорового ребёнка. В то же время, противники выражают обеспокоенность следующими аспектами:

– размывание границ родственных связей, особенно в случаях, когда суррогатной матерью становится родственница биологических родителей, что искажает традиционные представления о кровном родстве;

– ребёнок начинает восприниматься как предмет сделки, а процесс вынашивания превращается в оплачиваемую услугу;

– существует риск раскрытия тайны рождения;

– вероятность психических отклонений, как у биологических родителей, в связи с неуверенностью в том, что они получат своего ребенка, так и у суррогатной матери, у которой сформировалась крепкая связь с малышом.

Проведённый анализ правового аспекта суррогатного материнства позволяет сделать ряд принципиальных выводов о состоянии и проблемах данного института в российском правовом поле.

Во-первых, нормативно-правовая база носит фрагментарный, межотраслевой характер: ключевые положения разбросаны по нескольким актам. При этом отсутствует единый профильный закон и целостная концепция регулирования, что порождает пробелы и коллизии.

Во-вторых, договор суррогатного материнства не имеет чёткого правового статуса. Он не признан самостоятельным видом договора в ГК РФ, а его условия часто

противоречат императивным нормам семейного права. В частности, невозможно принудительно обязать суррогатную мать передать ребёнка, даже если это предусмотрено договором.

В-третьих, противоречивы нормы о субъектах права на суррогатное материнство. Семейный кодекс и Федеральный закон № 143-ФЗ ограничивают его супругами, тогда как Федеральный закон № 323-ФЗ допускает участие лиц, не состоящих в браке, одиноких женщин. Данное обстоятельство порождает неоднозначность в судебной практике.

В-четвертых, законодательно закреплён приоритет прав суррогатной матери над интересами генетических родителей. Даже при наличии договора суррогатная мать вправе оставить ребёнка себе, что создаёт риски для генетических родителей и нестабильность правовых отношений.

В-пятых, остаются открытыми этико-правовые дилеммы:

– коммерциализация материнства и риск эксплуатации женщин;

– баланс между автономией воли суррогатной матери и интересами генетических родителей;

– соблюдение врачебной тайны при обмене информацией между участниками процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ [принят Гос. Думой 01.11.2011] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724. // Официальный интернет-портал правовой информации [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259 (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

2. Волкова, М. А. Проблемы правового регулирования договора суррогатного материнства в России и за рубежом / М. А. Волкова, Е. В. Питько // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-dogovora-surrogatnogo-materinstva-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

3. Алборов, С. В. Правоотношения в сфере суррогатного материнства / С. В. Алборов // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 142-146. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnosheniya-v-sfere-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

4. Печегина, Ю. С. Правовые аспекты суррогатного материнства / Ю. С. Печегина, В. В. Сергеев, И. А. Шмелёв // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 17.01.2026). – Загл. с экрана.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16. // Официальный интернет-портал правовой информации [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925 (дата обращения: 15.01.2026). – Загл. с экрана.

6. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ [принят Гос. Думой 22.10.1997] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340. // Официальный интернет-портал правовой информации [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050119 (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7. // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 N 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=557002#0sPAwAVoZbeMgx3w (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

SURROGATE MOTHERHOOD IN ETHICAL AND LEGAL ASPECTS

Annotation. The article is devoted to the consideration of such an assisted reproductive technology as surrogacy. This technique, which solves the problem of infertility, faces a number of not only ethical dilemmas, but also legal gaps and conflicts. The basis for the emergence of such legal relations in the studied area is the surrogacy agreement, which, despite its widespread use, is not legally regulated. The lack of legal regulation gives rise to numerous legal disputes, in which even judges express their dissenting opinions, disagreeing with the law.

Keywords: surrogacy, assisted reproductive technology, surrogacy contract, legal regulation of surrogacy, ethical issues of surrogacy.

Serbina A.A.
Scientific adviser: senior lecturer
Sokolenko A.V., Donetsk State University
E-mail: serbina75@mail.ru

УДК 347.73

ОТ ПРОГРАММНОГО КОДА К НОРМЕ ПРАВА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ ЦФА КАК СОЦИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Соболь Д.Е.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется правовая природа и жизненный цикл цифровых финансовых активов через призму междисциплинарного подхода. Автор анализирует информационную систему как сложную социально-техническую структуру, в которой программный код выступает регулятором общественных отношений. Особое внимание уделено стадиям существования ЦФА, выявлено преобразование субъектного состава и содержания правоотношений на каждом этапе, где технологическая архитектура информационных систем выступает первичным гарантов прав инвесторов. Автор предлагает наделить операторов информационных систем более активными контрольными полномочиями для обеспечения стабильности финансового рынка.
Ключевые слова: информационная система, ЦФА, правоотношения, функциональный путь, защита инвесторов.

Цифровизация, порождая новые объекты и обновляя формы традиционных юридических категорий, ставит перед обществом вопросы относительно соблюдения законного и полного жизненного цикла цифрового актива: от его юридического возникновения до начала его активного движения на финансовом рынке.

Важным считаем подчеркнуть, что каждый вид цифрового актива (ЦФА, утилитарные цифровые права, цифровые валюты и многое другое) имеет ряд отличительных характеристик, ключевой из которых остаётся именно среда обитания, которая детерминирует правовой статус актива и степень защищенности прав его обладателя. На основании этого можно утверждать, что весь срок функционирования ЦФА опосредуется программным кодом, который на основании ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [1] производится путем записей в информационную систему, а также в иные информационные системы на основе распределенного реестра.

Отметим, что в ст. 13 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» законодатель выделяет три основные информационные системы от 27.07.2006 № 149-ФЗ [2], каждая из которых обладает уникальностью и спецификой:

1) Государственная информационная система (ГИС) – все записи имеют статус официальных государственных данных, что в свою очередь обеспечивает наивысший уровень доверия и жесткую регламентацию. В ГИС оператором выступает государственный орган или привлеченное им юридическое лицо;
2) Муниципальная информационная система (МИС) – создается на основании решений органов местного самоуправления и для решения вопросов местного значения, что в свою очередь устанавливает специфические рамки конкретного муниципального образования;
3) Иные информационные системы – представляют собой самую обширную категорию, которая включает частные платформы. Они создаются коммерческими организациями. Отметим важный аспект: оператор каждой «иной» системы – площадки для ЦФА – обязан быть включенным в специальный реестр Банка России.

Из вышеизложенного следует, что информационная система (далее также – ИС) в контексте современного права представляет собой совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и

технических средств, функционирующую, как правило, на основе распределенного реестра (блокчейн). Отметим, что в отличие от классических централизованных баз данных, распределенный реестр гарантирует неизменность и, что самое главное – прозрачность транзакций. Это означает, что юридически важная и значимая информация в отношении ЦФА не контролируется единым узлом, а дублируется у всех участников системы. Таким образом, технологическая архитектура ИС сама по себе становится идеальным и надежным гарантом исполнения обязательств и защиты прав инвесторов, минимизируя при этом риски фальсификации данных.

Для более глубокого понимания имманентности ИС необходимо обратиться к междисциплинарному подходу, активно развиваемому зарубежными, в частности индийскими, исследователями, которые понимают под ИС: «не только комплекс программного и аппаратного обеспечения, информацию, но и людей и необходимые для использования данных процедуры в качестве внутри- и внеорганизационного ресурса» [6, с. 1073]. Учитывая изложенное, под ИС понимается не только совокупность программно-аппаратного комплекса данных, но и человеческий фактор – субъекты, а также регламентированных процедур, что в свою очередь позволяет сделать общий вывод: правовое регулирование ИС должно рассматриваться в рамках социально-технической структуры.

В данном контексте правового регулирования информационные системы служат не только для координации ЦФА, но и по своей сути являются сферой зарождения различных правоотношений, которые в правовом поле ЦФА охватывают поведенческие стандарты участников, а также этические аспекты использования данных.

Согласно фундаментальному определению Матузова Н.И. и Малько А.В.: «правоотношения – это урегулированные правом и находящиеся под охраной государства общественные отношения, участники которых выступают в качестве носителей взаимно корреспондирующих друг другу юридических прав и обязанностей» [3, с. 185]. Из этого следует, что каждые правоотношения имеют трёхступенчатую структуру, которую мы можем адаптировать и к цифровым реалиям: объект, субъект, содержание. Важно подчеркнуть, что состав и наполненность структуры в рамках выпуска и обращения цифровых финансовых активов отличается между собой, включая и ИС, каждая из которой имеет свою определенную и конкретную функцию. Помимо этого, выделим и то, что данные юридические отношения разделяются и имею тесную взаимосвязь в зависимости от частного и публичного правового поля. Так в основе лежат гражданские правоотношения, которые связаны с совершением сделок с ЦФА в форме купли-продажи, мены и т.п., и финансовые правоотношения, которые складываются в процессе осуществления Банком России регулирования, контроля и надзора за общей деятельностью.

Рассматривая жизненный цикл ЦФА, следует уделить внимание количеству этапов на функциональном пути, что четко позволяет нам дифференцировать объем правоспособности субъектов и специфику объекта правоотношений в зависимости от конкретной стадии существования актива.

Отметим, что жизненный цикл цифровых финансовых активов в России четко регламентирован в рамках законодательства. Подчеркнем, что каждая стадия имеет как юридическое, так и техническое значение:

1) Стадия принятия решения о выпуске ЦФА.

Данный этап также выступает в качестве юридического базиса сделки. Эмитент составляет документ – решение о выпуске, которое является офертой, направляемой определенному либо неопределенному кругу инвесторов, в котором четко фиксируется вид цифрового финансового актива, количество ЦФА, срок исполнения обязательств, цена и условия выплаты дохода. Отметим важность соответствия документа требованиям оператора информационной системы. Решение должно быть подписано

усиленной квалифицированной подписью единоличного исполнительного органа компании.

Рассматривая субъектный состав, который представлен потенциальным эмитентом и оператором ИС, стоит учитывать, что вышеупомянутые правоотношения на данной стадии носят регулятивно-организационный характер, где объектом выступает само «решение о выпуске» как юридически значимый документ, существующий в электронной форме. Содержание правоотношения в данном контексте строится на обязанности эмитента составить документ и праве оператора ИС провести аудит этого решения. Подчеркнем, что юридическая связь между ними детерминирована правилами конкретной площадки, где «программный код» системы начинает выступать в роли ограничителя воли субъекта, не позволяя тем самым выпустить актив, технические параметры которого противоречат установленным алгоритмам.

2) Публикация решения и регистрация ЦФА.

Для того, чтобы ЦФА стали легитимными, они должны содержаться в особой сфере – распределенном реестре. Так, решение размещается на сайте оператора ИС в открытом доступе, где все условия выпуска становятся публичной офертой. По своей сути данный этап характеризуется как техническая запись в реестре ИС, где оператор также определяет и проверяет решение на соответствие законодательству РФ, включая Федеральный закон № 259-ФЗ и нормативные акты Банка России: Положение Банка России от 16.12.2020 № 746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, о порядке и сроках представления операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов в Банк России сведений о лицах, распоряжающихся акциями (долями) указанных операторов, а также о порядке представления и согласования Банком России изменений в правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, изменений в правила обмена цифровых финансовых активов». Подчеркнем, что выпуску присваивается уникальный идентификатор. Именно без этого этапа переход к созданию токенов невозможен.

На стадии публикации решения субъектный состав расширяется за счет неопределенного круга потенциальных инвесторов, а в финансово-правовом аспекте – косвенно включает Банк России как надзорный орган. Объектом здесь уже становится запись в распределенном реестре, обладающая уникальной значимостью – публичной офертой. Таким образом, содержание правоотношения трансформируется: оператор ИС берет на себя юридическую обязанность обеспечить неизменность и доступность данных для всех участников процесса, а эмитент в свою очередь становится связанным условиями этой опубликованной оферты.

3) Выпуск ЦФА.

Фактическое создание цифровых уникальных записей в блокчейне, которые закрепляются за первыми владельцами. Отметим, что ЦФА считаются выпущенными с момента зачисления их на цифровые счета первых инвесторов. Оплата на данном этапе является связующим звеном, ведь именно она происходит одновременно с переходом прав: инвестор переводит денежные средства – номинальную стоимость, а система смарт-контракта автоматически «зеркально» отражает переход прав на ЦФА инвестору.

В данном контексте субъектами выступают эмитент и первые инвесторы-владельцы, а связующим звеном между этими двумя категориями является именно оператор ИС. Объект приобретает конкретику в виде ЦФА как совокупности записей, удостоверяющих права на определенный вид цифрового финансового актива. Содержание правоотношения характеризуется в первую очередь как встречное обязательство, где обязанность инвестора оплатить актив и обязанность системы

отразить тем самым переход прав на следующий цифровой счет. Важным считаем обратить внимание на то, что смарт-контракт есть непосредственный гарант и исполняет ту самую волю сторон.

Однако, как отмечает Матей Е.В.: «важной проблемой в этом аспекте является реверанс в пользу крупного бизнеса и критика операторов ИС за отсутствие скоринга эмитентов» [4, с. 79], что создает определенные риски для частных инвесторов и ставит под сомнение прозрачность системы в целом. Отсутствие жестких законодательных требований к предварительной проверке финансовой устойчивости эмитента перекладывает основные риски на покупателя актива.

4) Обращение ЦФА.

После первой продажи ЦФА происходит смена владельца, которая указывает на обновленную среду обитания актива – вторичный рынок. Происходит она на основании конкретных сделок, которыми чаще всего выступает купля-продажа. Большинство операций автоматизированы, что позволяет участвовать в обращении не только оператору информационной системы, но и оператору обмена (если они интегрированы между собой).

В процессе вторичного рынка эмитент временно «отходит» на второй план, а главными субъектами становятся первый и последующие инвесторы. Объектом все также является ЦФА, однако в субъектный состав включается и оператор обмена. Содержание правоотношений теперь регулируется гражданско-правовыми сделками, где права и обязанности сводятся к передаче токена в обмен на встречное предоставление. Уделяя внимание непрерывности полного жизненного цикла ЦФА, информационная система фиксирует каждую смену владельца в распределенном реестре.

5) Погашение (исполнение обязательств).

Финальная стадия, где эмитент выплачивает инвестору причитающиеся средства. После подтверждения выплаты записи о ЦФА в реестре аннулируются, что тем самым свидетельствует о прекращении обязательства. Важным считаем отметить и то, что погашение может быть двух видов: плановое и досрочное.

Субъектами выступают эмитент, осуществляющий выплату, и инвестор, принимающий исполнение. Объектом на данном этапе является процедура аннулирования цифровой записи в реестре в обмен на передачу реального блага. Содержание заключается в обязанности эмитента полностью исполнить обязательство согласно решению о выпуске и праве инвестора требовать такого исполнения.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие концептуальные выводы:

Во-первых, в ходе анализа автором было подтверждено, что информационная система на сегодня – это не просто совокупность программно-аппаратных средств, а сложная социально-техническая структура. Задача правового регулирования информационных систем в данном контексте охватывает не только данные, но и этические аспекты поведения субъектов. Как справедливо отмечает Беликов Е.Г., правоотношения в области организации выпуска и обращения ЦФА носят публичный характер, что обусловлено «необходимостью защиты публичного интереса и обеспечения стабильности финансовой системы государства» [5, с. 142].

Во-вторых, структура правоотношений, связанных с ЦФА, демонстрирует качественную трансформацию на разных этапах жизненного цикла цифрового финансового актива. Подчеркнем, что на стадии обращения правоотношения переходят в плоскость частноправовых сделок, где центральное место занимает оператор обмена.

В-третьих, важным аспектом также является обеспечение безопасности на этапе выпуска, где ключевой вопрос ставится в кредитном скоринге эмитента. Таким образом, для совершенствования правового регулирования ЦФА представляется необходимым закрепить за операторами ИС более активную контролирующую функцию, которая

будет включать минимальный скоринг эмитентов и верификацию условий выпуска на предмет их исполнения и соответствия интересам инвесторов. В свою очередь, что снова подтвердит должный ключевой момент: ИС – институциональное звено, гарантирующее добросовестность всех участников через внутренние правила и технические алгоритмы, ведь главная цель - достижение баланса между частными интересами участников рынка и публичным интересом государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. Закон [принят Гос. Думой 22.07.2020] // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

7. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федер. Закон [принят Гос. Думой 08.07.2006] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

8. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник // Н.И. Матузов, А.В. Малько. М: Юристъ, 2004. С. 511.

9. Матей Е.В. Решение о выпуске цифровых финансовых активов: проблема и практика юридической конструкции // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 79-82.

10. Беликов Е.Г. Особенности правоотношений в области организации выпуска и обращения цифровых финансовых активов // Общество: политика, экономика, право. 2025 № 3. С. 139-145.

11. Aniruddha Singh, Abhishek Vaish, Pankaj Kumar Keserwani Information Security: Components and Techniques // Internation Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering. 2014. vol. 4. iss. 1. p. 1072-1077.

FROM THE PROGRAM CODE TO THE RULE OF LAW: THE FUNCTIONAL PATH OF THE CFA AS A SOCIO-TECHNICAL SYSTEM

Annotation. The article explores the legal nature and lifecycle of digital financial assets through the lens of an interdisciplinary approach. The author analyzes the information system as a complex socio-technical structure in which the program code acts as a regulator of public relations. Special attention is paid to the stages of the CFA's existence, and the transformation of the subject composition and content of legal relations at each stage is revealed, where the technological architecture of information systems acts as the primary guarantor of investors' rights. The author suggests giving information system operators more active control powers to ensure the stability of the financial market.

Keywords: information system, CFA, legal relations, functional path, investor protection.

Sobol D.E.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: soboldasha62@gmail.com

УДК 347.214.2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В АРЕНДУ НЕДВИЖИМОГО ЖИЛОГО ИМУЩЕСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко Д. М.,
Научный руководитель: Воробьева О. Р., ассистент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные вопросы правовой природы предоставления в аренду недвижимого жилого имущества по законодательству Российской Федерации. Анализируются понятия «здания», «сооружения» и «жилого помещения», их правовая природа и особенности регулирования в гражданском и предпринимательском праве. Обосновывается двойственная природа таких правоотношений: с одной стороны, предоставление в аренду недвижимого жилого имущества оформляется договором аренды жилого помещения и регулируется гражданским законодательством, а с другой – могут подпадать под нормы предпринимательского права в случае систематического использования таких объектов для получения дохода или ведения предпринимательской деятельности. Автором особое внимание уделяется правовому статусу объектов недвижимого имущества, их функциональному назначению и использованию для инвестиционных целей.
Ключевые слова: правоотношения, недвижимое имущество, правовая природа предоставления в аренду жилого имущества, законодательство Российской Федерации, гражданское и предпринимательское право.

Актуальность темы исследования. Увеличение числа совершаемых инвестиций в объекты жилого недвижимого имущества на территории Российской Федерации стимулирует активное использование договоров аренды в качестве инструмента получения стабильного дохода субъектами предпринимательской деятельности. Рост использования жилых помещений для профессиональной и ведения предпринимательской деятельности, начиная с 2026 года, открывает новые возможности для применения норм гражданского и предпринимательского права в отношении договоров аренды жилого имущества. Изменения в законодательстве и практике применения правовых норм ставят вопрос относительно особенностей правового регулирования объектов недвижимого имущества, функционирующих как жилые помещения. К тому же, физические лица и субъекты предпринимательской деятельности все активнее используют объекты недвижимого жилого имущества с земельными участками, на которых они расположены, как инвестиционную недвижимость, приносящую относительно стабильную финансовую прибыль, и данный факт не позволяет рассматривать предоставление в аренду недвижимого жилого имущества исключительно через призму гражданско-правовых норм, регулирующих аренду жилого помещения, чем и обусловлена актуальность исследования.

Цель исследования – определить правовую природу предоставления в аренду недвижимого жилого имущества по законодательству Российской Федерации.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе правового регулирования предоставления в аренду недвижимого жилого имущества по законодательству Российской Федерации.

Предмет исследования составляют доктринальные и законодательные положения, регулирующие порядок предоставления в аренду недвижимого жилого имущества.

Нормативной базой исследования выступает Гражданский кодекс Российской Федерации, Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ, а также иные нормативные правовые акты.

Теоретическую основу составляют научные труды ученых, посвященные вопросам правовой природы предоставления в аренду недвижимого жилого имущества по

законодательству Российской Федерации, таких как: В. А. Власов, М. Д. Лотырев, Д. А. Миронов, Е. А. Мичурина, Е. Ф. Оглио, В. В. Травкин, И. О. Чумакова и др.

Методологическую основу исследования составляют системный, юридический (догматический), сравнительный и статистический методы.

Основная часть. Недвижимое жилое имущество представляет собой объект недвижимости, который состоит из жилых помещений или жилых зданий, предназначенных для постоянного или временного проживания людей, и обладает признаками недвижимого имущества в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Такое имущество характеризуется способностью быть закрепленным за земельным участком, на котором оно расположено, и выступать объектом гражданско-правового регулирования относительно права владения, пользования и распоряжения. Однако, для признания объекта недвижимого имущества в качестве жилого необходимо его соответствие цели предназначения – постоянного или временного проживания.

Так, возникает вопрос, а именно: какими норами законодательства Российской Федерации осуществляется правовое регулирование отношений в сфере предоставления в аренду недвижимого жилого имущества на территории Российской Федерации? Законодатель в Гражданском кодексе Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ выделяет два основных подхода к правовому регулированию таких правоотношений. В § 4 главы 34 закреплены правовые нормы о порядке аренды зданий и сооружений, тогда как глава 35 посвящена найму жилого помещения [2]. Ввиду изложенного, необходимым представляется рассмотреть определения понятий «здание», «сооружение» и «жилое помещение», а также определить субъектов правоотношений, возникающих в сфере предоставления в аренду недвижимого жилого имущества.

Согласно пункту 6 статьи 2 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30 декабря 2009 года N 384-ФЗ, здание представляет собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных. Сооружение – это строительная система, имеющая объемную, плоскостную или линейную форму и использующаяся для производственных процессов, хранения, временного пребывания людей или перемещения грузов (пункт 23) [3].

Жилые дома, отмечают Е. Ф. Оглио, М. Д. Лотырев, Д. А. Миронов, Е. А. Мичурина, не являются предметом договора аренды здания или сооружения, поскольку принадлежат к жилищному фонду и пользование ими регулируется договором найма жилого помещения [8, с. 82-83; 7, с. 338]. Положения § 4 главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ, подтверждает И. О. Чумакова применяются лишь к сооружениям, и не распространяются на жилые здания, имеющие отдельный правовой статус [9, с. 105]. Жилое помещение, как отдельная категория недвижимого имущества, имеет свою правовую природу и особенности оформления прав на его, отличающихся от других объектов недвижимости. В соответствии с частью 1 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 года N 188-ФЗ, жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан [4]. К объектам жилой недвижимости законодатель причисляет жилые дома (в частности, усадебного типа и жилые дома квартирного типа различной этажности), пристройки к жилому дому, а также коттеджи.

Следовательно, «сооружение» является более широким понятием, поскольку охватывает объемную строительную систему, которая может включать как наземные, так и подземные части, предназначенную для выполнения производственных процессов,

хранения продукции и перемещения людей и грузов, тогда как «здание» является более узким понятием, определяющим конкретную объемную строительную систему с надземной и / или подземной частью, включающей помещения и системы инженерно-технического обеспечения для проживания, деятельности людей, производства или содержания животных; «жилым помещением» же признается изолированное недвижимое имущество, пригодное для постоянного проживания граждан, являющееся частным случаем или составной частью здания или сооружения.

Однако, с начала 2026 года на территории Российской Федерации наблюдается рост количества людей, которые обустраивают рабочее место в жилом помещении, переходя к дистанционному труду. Осуществление трудовой профессиональной деятельности в жилом помещении не противоречит положениям действующего законодательства, поскольку статья 17 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 года N 188-ФЗ допускает использование жилого помещения для профессиональной деятельности граждан, проживающих в нём на законных основаниях (за исключением случаев использования жилых помещений для размещения промышленных производств, открытия гостиниц и хостелов, ведения миссионерской деятельности). Законодательно закрепленные положения ориентированы на предотвращение нарушения прав других жильцов и обеспечение надлежащего использования жилым помещением. К тому же, законодатель позволяет использовать недвижимое жилое имущество для ведения профессиональной или индивидуальной предпринимательской деятельности.

Учитывая возможность использования объектов недвижимого жилого имущества (жилых домов) не только с целью проживания, но и с другой допустимой профессиональной или индивидуальной предпринимательской целью, вполне целесообразным усматривается распространение на такие договоры аренды недвижимого жилого имущества правовых норм § 4 главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ. Данные положения учитывают особую ценность жилого недвижимого имущества, а также предоставление арендатору права пользования земельным участком, которые законодатель не предусмотрел в главе 35 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ.

Договор аренды жилого здания, отмечают В. А. Власов и В. В. Травкин, предусматривает порядок использования земельного участка, на котором оно расположено, поэтому этот договор является смешанным с договором аренды земельного участка [6, с. 27].

Договор аренды объектов недвижимого имущества является возмездным, поскольку с момента его заключения арендатор обязуется платить за пользование имуществом. Арендатор, уплачивая установленную сумму арендодателю, получает право пользоваться объектом жилого недвижимого имущества, а арендодатель, предоставляя его, имеет право на получение арендной платы. Систематическое предоставление в аренду недвижимого жилого имущества с целью получения стабильного дохода может рассматриваться в качестве предпринимательской деятельности, если арендодателем является юридическое лицо или физическое лицо-предприниматель.

Согласно статье 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ, предприниматели имеют право осуществлять любую деятельность, не запрещенную законом [1]. Предпринимательская деятельность может быть либо одним процессом, либо состоять из нескольких, каждый из которых относится к соответствующей категории классификации. В соответствии с пунктом 68 «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийского классификатора видов экономической деятельности», к предпринимательской деятельности относится аренда и управление

собственным или арендованным недвижимым имуществом [5]. К таким объектам относятся многоквартирные здания и жилье, нежилые здания, в частности выставочные залы, складские помещения, земельные участки с различным целевым назначением. В данную категорию также входит аренда и управление застройками, в том числе квартиры или апартаменты для долгосрочного пользования по ежемесячной или ежегодной оплате.

Если арендодателем объекта жилого недвижимого имущества является хозяйствующий субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность по предоставлению в аренду и эксплуатацию собственного или арендованного недвижимого имущества для других предприятий, то такая деятельность имеет правовое регулирование в двух сферах – гражданском и предпринимательском праве Российской Федерации. Объекты жилого недвижимого имущества могут входить в состав инвестиционного недвижимого имущества соответствующего субъекта, то есть недвижимости, предназначенной для предоставления за плату во временное пользование и (или) получения дохода от прироста её стоимости. Владельцы такой недвижимости имеют право пользоваться, владеть и распоряжаться имуществом для получения финансовых доходов и повышения стоимости собственного капитала, позволяющего использовать недвижимое имущество как инвестиционный актив. Следовательно, субъект хозяйствования, осуществляющий деятельность по аренде жилых объектов или управляющий ими, может рассматривать их в качестве объектов для получения прибыли или роста капитала.

Таким образом, договор аренды объектов жилого недвижимого имущества, с одной стороны, является гражданско-правовым договором, направленным на временную передачу имущества в пользование за плату и возникновение правоотношений, связанных с использованием объекта для проживания, регулируемыми положениями гражданского права, а с другой – в случае систематического использования жилого недвижимого имущества для предоставления услуг аренды или получения доходов от инвестиционной недвижимости соответствующие правоотношения подпадают под правовое регулирование нормами предпринимательского права.

Выводы. Здания, предназначенные для проживания людей, в частности жилые, садовые и дачные дома, а также их части, познаются объектами жилого недвижимого имущества. Ввиду правового регулирования предоставления в аренду зданий и сооружений, а также аренду жилого недвижимого имущества (в том числе жилых домов) разными нормами гражданского законодательства Российской Федерации, сложилось мнение относительно того, что здания и сооружения, предоставляющиеся в аренду, имеют именно нежилое значение. Хотя данное законодателем прямо не закреплено, этот факт не исключает распространения на правоотношения по поводу предоставления в аренду объектов жилой недвижимости норм, закрепленных в § 4 главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года N 14-ФЗ. На основе проведенного исследования следует утверждать о двойственной правовой природе договоров аренды жилого недвижимого имущества в случае, если:
а) арендатором выступает субъект предпринимательской деятельности или
б) использования объекта аренды для осуществления непромышленной экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 1994. – № 32. – Ст. 23.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: Федеральный закон от 30.12.2009 N 384-ФЗ (последняя редакция) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 04.01.2010. – № 1. – Ст. 2.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 03.01.2005. – № 1 (часть I). – Ст. 15.

5. ОК 029-2014 (КДЕС 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 11.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/72304571aea41735016964be63961f2ac0b8c103/?ysclid=mloycjq6vw911962900 (дата обращения: 15.02.2026). – Загл. с экраан.

6. Власов, В. А. Некоторые актуальные аспекты договора аренды земельных участков, заключаемого для участия долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости / В. А. Власов, В. В. Травкин // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 4 (184). – С. 25-29.

7. Лотырев, М. Д. Проблемы правового регулирования договора коммерческого найма и аренды жилого помещения / М. Д. Лотырев, Д. А. Миронов, Е. А. Мичурина // Вестник науки. – 2024. – Т. 5, № 6 (75). – С. 335-342.

8. Оглио, Е. Ф. Правовое регулирование найма служебных жилых помещений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Оглио Екатерина Федоровна, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – Москва, 2020. – 203 с.

9. Чумакова, И. О. Некоторые проблемы соотношения договора аренды и договора найма жилого помещения / И. О. Чумакова // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1, № 11 (23). – С. 103-106.

CURRENT ISSUES OF THE LEGAL NATURE OF THE RENTAL OF IMMOVABLE RESIDENTIAL PROPERTY UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper examines the current issues of the legal nature of the provision of rental real estate under the legislation of the Russian Federation. The concepts of "buildings", "structures" and "living quarters", their legal nature and regulatory features in civil and business law are analyzed. The author substantiates the dual nature of such legal relations: on the one hand, the lease of immovable residential property is formalized by a lease agreement for residential premises and is regulated by civil law, and on the other hand, they may fall under the norms of business law in the case of systematic use of such facilities to generate income or conduct business. The author pays special attention to the legal status of real estate objects, their functional purpose and use for investment purposes.

Keywords: legal relations, real estate, the legal nature of the rental of residential property, the legislation of the Russian Federation, civil and business law.

Solonenko D.M.,
Scientific adviser: Vorobyova O. R., Assistant
Donetsk State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 342.731

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СУБЪЕКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко Д.М.,
Научный руководитель: Тимофеева А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются вопросы конституционно-правового статуса религиозных организаций как субъектов конституционного права Российской Федерации. Рассматриваются исторические предпосылки закрепления норм о свободе совести и вероисповедания. Определяется понятийный аппарат, классификация субъектов конституционного права Российской Федерации и место религиозных организаций в данной системе. Исследуются признаки, права и обязанности религиозных организаций, а также особенности их деятельности в рамках конституционно-правового регулирования. Сформулировано авторское определение места религиозных организаций в системе субъектов конституционного права Российской Федерации.
Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, религиозные организации, субъекты конституционного права Российской Федерации, конституционно-правовой статус, нормативно-правовое регулирование.

Актуальность темы исследования. Обеспечение свободы совести и вероисповедания является одним из фундаментальных показателей развития демократического общества и правового государства. История закрепления права на религиозные организации началась с подписания 17 (30) апреля 1905 года именного Высочайшего указа императора Всероссийского Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», предоставлявшего право исповедовать любое вероучение и гарантирующего меры для защиты религиозных убеждений [5]. Документ стал революционным для своего времени, предоставляя право исповедовать любое вероучение и гарантируя меры для защиты религиозных убеждений, что положило начало формированию института религиозной свободы в российском праве. Дальнейшее правовое закрепление права на религиозные организации произошло с принятием Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1936 года, заложившей в ст. 124 основы свободы религиозного поклонения [3], а в 1978 году – с принятием Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в ст. 50 которой провозглашалось право граждан на свободу совести и деятельность религиозных объединений и организаций [4].

На современном этапе реализация конституционного права граждан на свободу мировоззрения и вероисповедания, закрепленного в ст. 28 Конституции РФ, гарантирует беспрепятственное осуществление индивидуальной и коллективной религиозной деятельности [1]. Граждане, в соответствии с ч. 1 ст. 30, имеют право на объединение в целях защиты своих интересов, в том числе и посредством создания религиозных организаций.

В современной науке конституционного права остается дискуссионным вопрос о конституционно-правовом статусе религиозных организаций как особого вида добровольных объединений граждан. В связи с этим представляется необходимым уточнить их конституционно-правовой статус и место среди иных субъектов конституционного права Российской Федерации.

Целью исследования является определение конституционно-правового статуса религиозных организаций как субъектов конституционного права Российской Федерации.

Основная часть. Определение места религиозных организаций в системе субъектов конституционного права Российской Федерации первостепенно предполагает рассмотрение понятий «субъект права» и «субъект конституционного права», поскольку данные категории составляют основу их статуса и взаимодействия в правовой системе.

Первичным понятием является «субъект права». Н.И. Уздимаева определяет субъекта права как совокупность правовых качеств человека или коллектива, выраженных в конкретной правовой форме, позволяющих характеризовать их в статусе участника правоотношений на индивидуальном или коллективном уровне [11, с. 137]. В.А. Майборода обращает внимание на способности физического или юридического лица как субъекта права, наделенного субъективными правами и юридическими обязанностями, реализовывать их в соответствии с наделенным правовым статусом [10, с. 8]. Субъект права, полагает В.О. Цьомра, – это физическое или юридическое лицо, которое имеет способность быть участником правоотношений и реализовывать свои права и обязанности в соответствии с наделенным правовым статусом [13, с. 551].

Относительно субъекта конституционного права, С.А. Цюга понимает его как лицо или группу лиц, обладающих правоспособностью, реализующих свои права и обязанности в конкретных конституционно-правовых отношениях или потенциально способных их составлять, и при этом являющихся участниками соответствующих правоотношений в процессе осуществления конституционно-правового регулирования [12, с. 175]. А. Д. Дроздова определяет субъекта конституционного права следующим образом – это лицо, орган или объединение, которые участвуют в конституционно-правовых отношениях, права и обязанности которых урегулированы нормами конституционного права [8, с. 113].

Однако, указанные дефиниции представляются неполными, поскольку не учитывают специфику российского конституционного законодательства, а также не детализируют аспект реализации прав в процессе конституционного регулирования. В связи с этим, представляется необходимым дать авторское определение субъектам конституционного права Российской Федерации – это лица, органы или объединения, обладающие правоспособностью, участвующие в конституционно-правовых отношениях, реализующие свои права и обязанности в соответствии с нормами конституционного права Российской Федерации, и способные быть активными участниками таких отношений в процессе осуществления конституционного регулирования.

Классификация субъектов конституционного права Российской Федерации может быть представлена следующим образом:

1. Государственные (публичные) субъекты:

а) суверенное государство (Российская Федерация);

б) органы государственной власти (федерального уровня и субъектов Российской Федерации);

в) субъекты Российской Федерации (республики, края, области и т. д.).

2. Негосударственные субъекты:

а) органы местного самоуправления;

б) общности людей (коренные народы, население административно-территориальных единиц и муниципальных образований и др.);

в) общественные объединения (в том числе и религиозные организации);

г) муниципальные образования;

3. Физические лица: граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

Критерием классификации выступает количественный показатель в сочетании с мерой их принадлежности к публичной власти. Коллективные субъекты, к которым относятся религиозные организации, представляют собой организованные сообщества,

выступающие в правоотношениях как единое целое. Следовательно, религиозная организация является коллективным субъектом конституционного права, наделенным особым статусом.

Переходя к характеристике статуса религиозных организаций в Российской Федерации, следует отметить, что в советской правовой доктрине они признавались субъектами права лишь ограниченно. На сегодняшний день в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ закреплен термин «религиозная организация», однако в научной доктрине существуют различные подходы к его дефиниции [2].

Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 125-ФЗ, религиозная организация – это добровольное объединение граждан и других лиц, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, созданное для совместного исповедания веры и зарегистрированное в качестве юридического лица. По мнению С.Д. Афанасьева и М.Л. Воронковой, религиозная организация представляет собой объединение, созданное с целью совместного исповедания и распространения веры, зарегистрированное на территории Российской Федерации в установленном законом порядке в качестве юридического лица [6, с. 13-14; 7, с. 8].

А.А. Исаева выделяет общие признаки религиозной организации: совместное исповедание веры, добровольность, проведение богослужений и религиозных обрядов, религиозное обучение, некоммерческий характер, организационное единство, государственная регистрация и имущественная обособленность. Специфическими признаками для организаций-юридических лиц являются самостоятельная ответственность и вступление в правоотношения от своего имени [9, с. 213-215].

Анализ законодательных и доктринальных положений позволяет выделить ключевые признаки религиозной организации как субъекта конституционного права:

а) цель создания – удовлетворение религиозных потребностей граждан (относительно исповедания и распространения веры) на основании ст. 28 Конституции РФ. Именно цель позволяет отличать религиозные объединения от иных общественных организаций (политических, спортивных и др.);

в) добровольность объединения верующих: членство основано на свободном волеизъявлении (в соответствии со ст. 30 Конституции РФ). Право на свободу вероисповедания предполагает возможность самостоятельно выбирать отношение к религии, а также участие или отказ от религиозных обрядов и обучения;

г) право на создание, согласно ст. 43 Конституции РФ, образовательных учреждений для религиозного образования взрослых и детей;

д) уставной характер деятельности (объединение лиц для удовлетворения религиозных потребностей, действующее в соответствии с уставом, является основой для классификации религиозных структур).

Основу конституционно-правового статуса религиозных организаций в Российской Федерации составляют права и обязанности, регламентированные положениями ст. 14, 19 и 28 Конституции РФ и ст. 6-14 Федерального закона № 125-ФЗ.

К правам религиозных организаций на территории Российской Федерации относятся:

- издание богослужебной литературы и производство предметов культового назначения, что обеспечивает материальную базу для отправления культа;

- создание учреждений профессионального религиозного образования для подготовки духовенства и религиозного персонала - данное право позволяет воспроизводить кадровый потенциал конфессий;

- основание и содержание культовых зданий и сооружений, а также иных объектов, предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания;

- приглашение иностранных граждан для осуществления профессиональной религиозной деятельности (в том числе миссионерства, осуществления обучения религии и религиозного воспитания в соответствии с федеральным законодательством).

При этом, предпринимательская деятельность ограничена: она должна соответствовать уставным целям, а прибыль не может распределяться между участниками. Это подчеркивает некоммерческий статус организаций.

К основным обязанностям религиозных организаций относятся:

- указание полного наименования во время деятельности (которое должно содержать сведения о вероисповедании), что обеспечивает прозрачность деятельности для государства и общества;

- соблюдение законодательства Российской Федерации;

- невмешательство в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления — это требование вытекает из принципа светского государства и разделения религиозных и политических институтов.

Таким образом, отнесение религиозной организации к субъектам конституционного права Российской Федерации обосновано тем, что она создается в целях конституционно-правового регулирования совокупности общественных отношений, возникающих в процессе организации религии, в частности при возникновении и функционировании религиозно-институциональных образований на территории Российской Федерации.

Выводы. Проведенное исследование подтверждает тезис о наделения религиозных организаций конституционно-правовым статусом субъекта конституционного права Российской Федерации. Религиозные организации соответствуют критериям субъекта права: создаются для удовлетворения религиозных потребностей граждан, наделены субъективными правами и юридическими обязанностями, имеют правовой статус юридических лиц, способны осуществлять юридические действия и защищать свои права в судебном порядке. В системе субъектов конституционного права религиозные организации выступают особым коллективным субъектом, принимающим участие в правоотношениях в сфере реализации свободы совести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета». – 25.12.1993. – № 237. – Ст. ст. 28, 30, 43.

2. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // «Российская газета». – 01.10.1997. – № 190. – Ст. 6.

3. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (принята 5 декабря 1936 года на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов) (утр. силу) // «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». – 06.12.1936. № 283. – Ст. 124.

4. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята 12 апреля 1978 года на внеочередной VII сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва) (утр. силу) // «Ведомости ВС РСФСР». – 1978. – № 15. – Ст. 50.

5. Об укреплении начал веротерпимости: именной Высочайший указ императора Всероссийского Николая II от 17 (30) апреля 1905 года (утр. силу) // «Собрание узаконений и распоряжений Правительства» (рус.). – 17.04.1905. – № 63, Отд. 1, ст. 526. – С. 710-712.

6. Афанасьев, С. Д. Современная российская модель государственно-конфессиональных отношений : конституционно-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Афанасьев Сергей Дмитриевич, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». – М., 2020. – 220 с.

7. Воронкова, М. Л. Конституционные основы светского государства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Воронкова Марина Леонидовна. – Саратов, 2006. – 179 с.

8. Дроздова, А. Д. Конституционно-правовые отношения и их субъекты / А. Д. Дроздова, И. И. Демченко // Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 111-115.

9. Исаева, А. А. Сравнительно-правовой анализ конституционных прав религиозных объединений / А. А. Исаева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 437. – С. 210-217.

10. Майборода, В.А. Федеральная территория как новый субъект права : теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки / Майборода Виктор Александрович, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – М., 2023. – 346 с.

11. Уздимаева, Н. И. Субъект права: основные подходы к пониманию / Н. И. Уздимаева, А. С. Козуров // Контентус. – 2020. – № 4(93). – С. 135-143.

12. Цюга, С. А. Понятие и круг субъектов конституционно-правовых отношений / С. А. Цюга // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2005. – № 8. – С. 174-177.

13. Tsomra, V. O. The concept of adaptive legal personality of legal entities / V. O. Tsomra // Analytical and Comparative Jurisprudence. – 2025. – Vol. 1. Pp. 547-553.

ON THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS AS SUBJECTS OF THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the issues of the constitutional and legal status of religious organizations as subjects of the constitutional law of the Russian Federation. The historical prerequisites for the consolidation of norms on freedom of conscience and religion are considered. The author defines the conceptual framework, classification of subjects of the constitutional law of the Russian Federation and the place of religious organizations in this system. The article examines the signs, rights and obligations of religious organizations, as well as the specifics of their activities within the framework of constitutional and legal regulation. The author's definition of the place of religious organizations in the system of subjects of constitutional law of the Russian Federation is formulated.

Keywords: freedom of conscience and religion, religious organizations, subjects of constitutional law in the Russian Federation, constitutional and legal status, legal regulation.

Solonenko D.M.,
Scientific adviser: Timofeeva A.A., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 340.5

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDIAN MODEL OF JUSTICE

Solonenko D. M.,
Scientific supervisor: Sviridova K. E., senior lecturer
Donetsk State University

Annotation. This paper examines the prospects for the development of the Indian justice system, taking into account the historical stages of its formation and development. It identifies the legal framework and functional features, as well as the challenges of the judicial system's workload. It substantiates the need for amendments by amending Article 20, "Automation of Judicial Hearing," to the High Courts of India Act 1861. The author's proposals are aimed at entrenching automated systems for the consideration of cases in accordance with the procedural legislation of the Republic of India.
Keywords: Indian model of justice, automation of the judicial system, Supreme Court of the Republic of India, legal reform, state courts.

Relevance of the research topic. The Republic of India is one of the earliest legal systems in the world, combining elements of traditional, religious and modern legal institutions at the same time. The Indian model of justice is characterized by a complex structure historically determined by a conglomerate of traditional, colonial and modern elements reflecting the multifaceted cultural, religious and legal diversity of the state. The study of its features is of great scientific and practical importance, as it allows us to determine the directions of further reforms, the effectiveness of functioning, as well as take into account social and historical factors affecting the current state of the system.

The *purpose* of the study is to analyze the historical stages of the formation and development of the Indian model of justice, its internal structure, and to determine the prospects for further development.

The *object* of the research is the social relations that arise in the process of formation and development of the Indian model of justice.

The *subject* of the research is legal norms and institutions that influence the formation of the historical stages of the formation and development of the Indian model of justice and its internal structure.

The *regulatory framework* for the study is the Indian Law on the Supreme Courts of India of August 6, 1861, the Constitution of India of 1950, as well as other regulatory legal acts.

The t*heoretical basis* is made up of scientific works by domestic and foreign scientists devoted to the prospects for the development of the Indian model of justice, such as: S. A. Bogomolov, Z. Kh. Kochesokov, F. M. Kuliyev, I. G. Voropaev, S. G. Pashkova, A. A. Serdyukov, P. Yu. Yakovlev, S. Kumar, T. Lubin, and others.

The *methodological basis* of the research consists of systematic, historical-legal, legal (dogmatic), comparative and statistical methods.

The *scientific novelty* of the study lies in the fact that for the first time proposals have been outlined to improve the legal system of the Republic of India by introducing automated systems into the judicial process.

The main part. The justice model is a systematic approach to the organization and administration of justice, reflecting the historical, cultural and political characteristics of the State, containing elements of the judicial system, judicial procedure and principles, as well as defining the types of judicial systems. The first written mentions of justice were contained in the dharmashastras, collections of religious, moral and legal precepts of the ancient Indian tradition [3, p. 3; 6, p. 28].

The first forms of statehood in India arose in the second millennium BC (approximately 2000-1000 BC), in the Ganges Valley, which became the birth center of the first political

entities. The legislative basis, A. A. Serdyukov notes, was the so–called Dharma – religious and ethical norms that consolidated social roles and responsibilities, as well as regulated the social order [4, p. 177]. Justice was based on dharma, natural justice governed by caste, communal, and royal courts. The hierarchical system provided for high courts with the right to review decisions. Civil and criminal cases were considered by panels of judges who applied an adversarial procedure with equality of the parties.

Further political and legal processes in Ancient India took place under the influence of the Magadan-Mauryan period of the IV-III centuries BC, which predetermined the nature of political changes in the relevant state structures. Thus, at the legislative level, the principle of "chakravartin" was consolidated – the idea of a single ruler, whose power extended over large territories. The Mauryan emperor Ashoka, in particular, became famous for his edicts, set out in the form of laws written in couplets and proclaimed in the name of the king. The edicts consolidated the foundations of governance, the rights and freedoms of citizens, as well as the idea of fair justice; reflected the legal regulation of social relations and the protection of the rights of various segments of the population [8, p. 4].

Through the Muslim conquest of Saladin in 1187, significant changes were made to the law of Ancient India. The formation of sultanates and empires in the 13th-15th centuries marked the emergence of new legal institutions: Sharia and secular laws. Traditional Hindu law was preserved exclusively in the form of local customs and was applied in regions with a predominance of the majority of the Hindu population. Judicial authorities of Muslims, Z. H. notes. The Kochs were governed by sharia law, and the secular courts were governed by local laws [2, p. 28].

From the 15th century to the beginning of the colonial period, Indian legal systems maintained their internal diversity. The Vijayanagar Rules established the regulatory norms of government, defined the functions of government structures and judicial procedures [7, p. 22]. There were also systems of local law that regulated the relationship between regional rulers and the population.

With the advent of colonial rule in the 18th and 19th centuries, the Indian judicial system underwent changes due to the borrowing of English legal institutions. Legislative acts of 1797 and 1833 laid the foundation for the codification of Indian law, which, over time, became subordinated to the British common law system. The emergence of India as a state in the modern era was marked by a period of colonial rule that lasted for more than a century and left a significant imprint on the legal system. As S. A. Bogomolov notes, in 1833 the first systematized English legislative framework was introduced, gradually replacing traditional Indian norms [1, p. 182].

The Government of India Act of 1858 consolidated the direct governance of the country by the British Crown and established the structure of administrative bodies. In 1861, the High Courts of India Act was passed, establishing a new, hierarchical structure of judicial power. According to Article 3 of the Act, high courts were established in each state – collegial institutions with the right to review decisions of lower courts [11]. Such courts functioned in 1862 in Calcutta, Bombay, and Madras and were the main elements of the judicial system.

After India gained independence on 15 August 1947, a process of institutional transformation began, leading to the formation of a new legal system capable of complying with democratic principles. A significant stage was the preparation of constitutional reform, which culminated in the creation of an independent legal system in India. The 1950 Constitution of India for the first time enshrined the institution of state power, dividing it between the executive, legislative and judicial bodies, and laying the foundations for the legal regulation of civil and political rights [10]. The Basic Law of the State proclaimed India a sovereign, socialist, democratic republic, guaranteed the rights and freedoms of man and citizen, as well as equality of all before the law. It was the 1950 Constitution of India that became the basis for the further evolution of Indian law, based on the principles of world humanistic ideology and national

traditions. Since the entry into force of the 1950 Constitution of India, the Indian judicial system received the status of an independent branch of government, separate from the executive branch (Article 50).

Today, the Basic Law of the Republic of India – the Constitution of India – guarantees the independence of the judiciary, enshrines its institutional foundations, and defines its place in the system of public administration. The provisions of Chapters V and VI form a comprehensive model for the organization of justice, establish the procedure for the formation of the highest judicial bodies, their jurisdiction, and mechanisms for interaction with other branches of government. The principle of judicial independence is ensured by a special appointment procedure, guarantees of tenure, and a dismissal procedure involving impeachment by a decision of parliament.

According to Article 124 of the Constitution, the Supreme Court is the highest judicial body of the state and exercises the powers of a court of constitutional jurisdiction and appellate jurisdiction. Its status determines its central role in the country's legal system. The Court consists of a Chief Justice and thirty judges. Appointments are made by the President of India based on the recommendations of the Supreme Court panel, as provided for in Part Two of Article 124. This procedure is aimed at minimizing political influence and strengthening the autonomy of the judiciary.

The Supreme Court's jurisdiction encompasses reviewing appeals from state high court decisions, reviewing statutory provisions for constitutionality, and protecting citizens' fundamental rights. The Court is empowered to hear disputes between the Union and the states, as well as between individual states. The institution of constitutional petitions, through which citizens can directly seek protection of their rights to the highest court, plays a significant role. This ensures an effective mechanism for judicial review of government activities.

The absence of a separate body of constitutional jurisdiction necessitates the Supreme Court's functioning in a consolidated format, in which a single institution combines the powers of a traditional supreme court and the Constitutional Tribunal. This model promotes the unity of judicial practice and the development of stable legal positions on key issues of state development.

Chapter VI of the Constitution regulates the activities of state high courts. Article 214 establishes a High Court in each state as an independent judicial institution. These courts serve as appellate courts over lower courts and supervise their activities. Jurisdiction extends to cases arising within the respective territory and encompasses civil, criminal, and administrative proceedings.

The appointment of Chief Justices and High Court Judges is carried out in accordance with Article 217 of the Constitution. The procedure involves the participation of the President, the Supreme Court bench, and the Governor of the relevant state. This procedure is intended to ensure consistency of decisions at the national and regional levels while preserving the autonomy of the judiciary.

Article 226 of the Constitution grants the High Courts the power to issue writs of certiorari to protect the fundamental rights of citizens and ensure the legality of government actions. The powers of this judicial branch are essential for maintaining constitutional order at the state level [5, pp. 83-84]. Through the mechanism of writs of certiorari, a prompt response to violations of rights and freedoms is guaranteed.

Thus, the constitutional model of judicial power in the Republic of India is based on clearly defined powers of the Supreme Court and state high courts, procedural guarantees of judicial independence, and broad jurisdiction to protect fundamental rights. The combination of constitutional review and cassation review within a single institution forms a stable foundation for justice and promotes the rule of law.

Courts of first instance are divided into district, circuit, magistrate, family, and specialized courts. They hear criminal and civil cases, and their structure is regulated by procedural law.

Higher-level courts have the power to issue writs of execution to protect constitutional rights and oversee the activities of lower courts. In addition to the judicial bodies, tribunals for administrative, military, and economic disputes play an important role in the administration of justice. They have limited jurisdiction and are established by decision of the central and state governments.

However, as of February 2026, the Indian judicial system remains extremely overburdened. While there are over 25,000 trial court judges, there is a backlog of over 4.8 million cases. More than 12% of cases have been pending for over 10 years [9]. The average time to resolve civil cases is 4.5 years, and 6 years for criminal cases, resulting in frequent missed procedural deadlines for hearing and resolving cases.

Conclusion. In accordance with Articles 124 and 217 of the Constitution of India, 1950, the supremacy of the Supreme Court and the principle of judicial independence enshrine a special level of legitimacy and authority for the judicial system. However, in our opinion, the existing problems of the Indian justice system are due to the lack of automated systems for reviewing cases in accordance with procedural law.

Based on the above, it seems appropriate to propose amendments by supplementing the High Courts of India Act, 1861, with the following provision:

"*20. Automation of judicial review*

Courts responsible for hearing civil and criminal cases may use automated systems for the initial processing of evidence, analysis of the evidentiary base, and the drafting of decisions in the manner prescribed by law. The use of such systems must comply with the principles of transparency, accountability, and the protection of citizens' rights." In our view, the implementation of automated systems will optimize case review processes and improve the accuracy of analyzing significant volumes of information in line with the overall global focus on digital transformation".

LIST OF LITERATURE

1. Богомолов, С. А. Концептуальные основы реформирования системы государственного управления в Британской Индии в последней трети XIX века / С. А. Богомолов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 3. – С. 182-186.

2. Кочесоков, З. Х. История государства и права древнего мира и средних веков : Учебное пособие для студентов юридических факультетов и вузов, обучающихся по программам бакалавриата / З. Х. Кочесоков, Ф. М. Кулиев, И. Г. Воропаев. – Пятигорск : ООО "Рекламно-информационное агентство на Кавказских Минеральных Водах", 2024. – 188 с.

3. Пашкова, С. Г. Дхармашастры и их значение в качестве источника права / С. Г. Пашкова // Научный вестник Крыма. – 2021. – № 1 (30). – С. 1-7.

4. Сердюков, А. А. Право в Древней Индии: современное состояние изучения / А. А. Сердюков // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 3 (60). – С. 175-178.

5. Яковлев, П. Ю. Правовые основы деятельности высоких судов штатов в Республике Индия / П. Ю. Яковлев // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 2 (33). – С. 82-84.

6. Яковлев, П. Ю. Организация и деятельность судебной власти в Республике Индия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Яковлев Петр Юрьевич. – М., 2019. – 139 с.

7. Kumar, S. Theory of Origin, Administration and Decline of the Great Vijayanagar Kingdom in South Asia / S. Kumar // American Journal of Development Studies. – 2024. – Vol. 2. – P. 21-32.

8. Lubin, T. Review of The History of the Arthaśāstra: Sovereignty and Sacred Law in Ancient India / T. Lubin // JAOS. – 2024. – Vol. 144 (2). – pp. 1-23.

9. Судебные данные по состоянию на февраль 2026 года / National Judicial Data Grid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: njdg.ecourts.gov.in (дата обращения: 10.02.2026). – Загл. с экрана.

10. Constitution of India / Official website of the Law Department, Ministry of Law and Justice of India [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legislative.gov.in/ (дата обращения: 10.02.2026). – Загл. с экрана.

11. Indian High Court Act 1861 / Saraswati Institute of Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://silpalwal.com/pdf/2 (дата обращения: 10.02.2026). – Загл. с экрана.

ROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDIAN MODEL OF JUSTICE

Annotation. This paper examines the prospects for the development of the Indian justice system, taking into account the historical stages of its formation and development. It identifies the legal framework and functional features, as well as the challenges of the judicial system's workload. It substantiates the need for amendments by amending Article 20, "Automation of Judicial Hearing," to the High Courts of India Act 1861. The author's proposals are aimed at entrenching automated systems for the consideration of cases in accordance with the procedural legislation of the Republic of India.

Keywords: Indian justice system, judicial automation, Supreme Court of the Republic of India, legal reform, state courts.

Solonenko D.M.,
Scientific adviser: Sviridova K. E., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 342

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА

Солоненко Д. М.,
Научный руководитель: Полякова Н. Г., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается предмет муниципального права как самостоятельной отрасли права. Проанализирован генезис местного самоуправления на основе труда Н. Фюстеля де Куланж. Рассмотрены общественная и государственная теории происхождения самоуправления, их влияние на определение границ муниципально-правового регулирования. Обобщены современные доктринальные подходы к пониманию предмета отрасли права, в частности точки зрения российских авторов относительно соотношения муниципального права с конституционным и административным правом. Обоснован вывод о наличии самостоятельного регулятивного пространства, связанного с организацией муниципальной власти, правосубъектностью территориальной общины и реализацией муниципальных прав жителей. Предмет муниципального права определен через категорию муниципального строя, направленного на самостоятельное решение вопросов местного значения и гарантирование прав граждан Российской Федерации.
Ключевые слова: отрасль права, предмет муниципального права, местное самоуправление, муниципальный строй, правовое регулирование общественных отношений.

Введение. Становление муниципального права в российской правовой системе неразрывно связано с углублением основ народовластия, развитием территориальной организации публичной власти и утверждением местного самоуправления на уровне территориальных общин. Местное самоуправление можно рассматривать не в качестве формы организации публичной власти, но социально-правовым явлением, отражающим эволюцию процесса самоорганизации населения. Вопрос о предмете отрасли права в научной доктрине считается одним из основных, поскольку именно определение круга общественных отношений, охваченных соответствующим правовым регулированием, позволяет понять её место в правовой системе. Относительно предмета муниципального права дискуссия продолжается в связи с конкуренцией различных концепций природы местного самоуправления, каждая из которых формирует собственное видение границ муниципально-правового регулирования и статуса соответствующей отрасли права [3, с. 5]. Современный этап развития государственности также обуславливает по-новому пересмотреть существующие подходы к пониманию предмета муниципального права.

Конституционное закрепление принципов местного самоуправления в главе 8 Основного закона государства [1], развитие системы территориальных общин и формирование уставного нормотворчества на местном уровне требуют теоретического анализа. Таким образом, исследование предмета муниципального права как отрасли права имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку от надлежащего понимания его содержания зависит последовательность правотворческой деятельности, эффективность правоприменения и уровень гарантирования муниципальных прав жителей территориальных общин в Российской Федерации.

Цель работы – определить и обосновать современное содержание и границы предмета муниципального права как отрасли права, с учетом исторических, теоретических и конституционных подходов, а также его практического значения для правового обеспечения местного самоуправления в Российской Федерации.

Основная часть. Категория «предмета отрасли права» традиционно занимает центральное место в системе общетеоретических представлений о структуре права, поскольку именно через определение предмета регулирования общественных отношений очерчиваются границы автономии отрасли права и специфика методов её

правового регулирования. Исследование предмета муниципального права предполагает не только догматического анализа, но и обращения к историческим истокам формирования муниципального строя как социально-правового феномена.

Исторический опыт становления муниципализма на территории Евразии позволяет проследить генезис местного самоуправления как формы организации публичной власти на локальном уровне. Особую ценность в этом аспекте представляет работа Н. Фюстеля де Куланж «История политических институтов древней Франции», в которой осуществлен основательный анализ развития городских и сельских общин античного и средневекового периодов. Автором подробно описана эволюция городских общин в Римской империи, обращено внимание на соотношение центральной власти и провинциальных образований. В римских колониях и муниципиях действовали хартии "Lex Malacitana" и "Lex Salpensana", которые регламентировали внутреннюю организацию городской жизни [6, с. 279-283]. Нормативные акты определяли порядок формирования органов управления, распределение компетенции между должностными лицами, участие граждан в принятии решений, а также финансовые основы функционирования общины. Муниципальные образования имели собственный порядок организации публичной жизни, который не сводился к механическому копированию государственных моделей. Муниципальный строй формировался на основе местных традиций, экономических отношений и особенностей правового статуса жителей. Государственная власть признавала автономию таких образований, одновременно устанавливая определенные рамки их деятельности. Именно такая модель соотношения автономии и контроля стала основой дальнейшего развития муниципального права государств Евразии, в частности и Российской Федерации. Следовательно, уже на ранних этапах исторического развития прослеживается наличие специфической сферы общественных отношений, связанных с самостоятельной организацией территориального устройства общества, объективно предшествовавшей формированию соответствующей отрасли права – муниципального права.

Обращение к историческому развитию местного самоуправления обуславливает потребность глубже понять его концептуальную природу. В научной правовой доктрине выделяется две основных теории происхождения местного самоуправления: общественная и государственная.

Сторонники общественной теории происхождения, в частности Р. Моль, О. Весслер и О. Гирке, исходили из того, что территориальная община является первичной и естественной формой организации населения, выступающей носителем публичной власти на местном уровне. По их мнению, государство не создает общину, а лишь признает ее существование и обеспечивает правовые гарантии ее автономии. Местное самоуправление рассматривается в качестве способа самоорганизации жителей определенной территории, имеющей собственные социальные и правовые предпосылки.

В то же время, представители государственной теории, среди которых Л. Штейн и Р. Гнейст, придерживались иного подхода. Так, местное самоуправление является формой децентрализации государственной власти, возникающей в связи с законодательными новеллами государства. В соответствии с этой позицией, органы местного самоуправления выступают составляющей государственного механизма и осуществляют полномочия, делегированные им государством.

Соответственно, в рамках общественной концепции предмет муниципального права приобретает более широкий смысл, охватывая не только организационные аспекты деятельности органов местного самоуправления, но и социальные основы муниципальной жизни, тогда как государственная концепция склоняется к пониманию муниципального права как подотрасли конституционного или административного права.

В общем виде предмет отрасли права представляет собой определенную совокупность общественных отношений, которые регулируются нормами

соответствующей отрасли права. Иными словами, предмет отвечает на вопрос: что именно регулирует та или иная отрасль права? Такие отношения обычно имеют определенную общность, поскольку связаны сходным кругом участников, объектами, юридическими фактами и способами правового воздействия. Каждая отрасль права имеет собственный предмет правового регулирования. Именно его наличие и позволяет говорить об относительной самостоятельности определенной отрасли права, ведь она не может состоять лишь из отдельных элементов других отраслей.

Наряду с изложенным выше, не все общественные отношения могут быть предметом правового регулирования. Для этого они должны быть достаточно устойчивыми и повторяющимися, а также такими, в урегулировании которых заинтересованы общество и государство. Кроме того, общественные отношения должны быть применимы к внешнему контролю посредством правовых норм. Именно при таких условиях они могут регулироваться правом. То есть, отраслевая автономия возможна только при наличии собственного предмета регулирования, который не сводится к сочетанию фрагментов других отраслей.

Особое значение для определения предмета муниципального права имеет современная конституционная модель местного самоуправления Российской Федерации. Законодатель в главе 8 Конституции Российской Федерации определяет местное самоуправление как самостоятельную форму осуществления народом своей власти, не входящей в систему органов государственной власти, но функционирующей в пределах единого публично-правового пространства. В данном положении подчеркивается двойственная природа муниципального права: с одной стороны, оно является составляющей национальной правовой системы, с другой – имеет относительную автономию, обусловленную особым характером регулируемых отношений.

Автономия проявляется, прежде всего, в наличии специфического субъекта – территориальной общины (населения муниципального образования), выступающей не только адресатом правовых предписаний, но и активным участником нормотворчества на локальном уровне. Принятие уставов муниципальных образований, утверждение местных программ развития, установление правил благоустройства и других локальных нормативных актов формирует самобытный пласт источников муниципального права, не сводящийся к государственному законодательству. В этой связи целесообразно уделить внимание феномену уставного нормотворчества. Устав муниципального образования выступает своеобразной «малой Конституцией» территориальной общины, закрепляющей структуру органов местного самоуправления, порядок их формирования, компетенцию, механизмы участия населения в управлении. Сам факт существования таких актов свидетельствует о наличии самостоятельного регулятивного пространства, выходящего за пределы обычной административной децентрализации. Поэтому, на сегодняшний день в российской научной доктрине сформировано несколько концептуальных подходов к определению предмета муниципального права:

а) Д. Ю. Богатов и Г. С. Галанцев основываются на отождествлении муниципального права с правом местного самоуправления. Предмет отрасли в этом случае сводится преимущественно к отношениям, связанным с организацией и деятельностью органов местного самоуправления, формированием их компетенции, порядком принятия решений и осуществлением полномочий [2, с. 154-155];

б) второй подход, который развивают Е. А. Тамкова и Е. С. Жидяева, предполагает расширенное понимание предмета муниципального права. В него включаются не только институциональные отношения, но и социально-экономические, культурные, имущественные процессы в пределах территориальных общин, то есть комплекс отношений, возникающих в процессе решения вопросов местного значения [4, с. 262];

в) особую позицию занимает Э. И. Юдкина, подчеркивающая природно-правовые истоки самоуправления и предлагающая рассматривать предмет муниципального права

как нормативное отражение муниципального строя [5, с. 23-24]. Внимание переносится с деятельности органов на существование и функционирование территориальной общины как особого публично-правового образования.

На основании рассмотренного исторического опыта и современных доктринальных основ следует утверждать, что предмет муниципального права Российской Федерации как отрасли права охватывает отношения, связанные не только с деятельностью органов местного самоуправления, но и с самим существованием территориальной общины как первичного субъекта публичной власти. Территориальная община выступает носителем муниципальной власти, субъектом коммунальной собственности, участником бюджетных, земельных, социальных и других публично-правовых отношений. Её правосубъектность имеет комплексный характер, однако в рамках муниципального права она приобретает специфический смысл, связанный с самостоятельным решением вопросов местного значения. Именно функциональная направленность на обеспечение локальных потребностей и реализацию интересов жителей соответствующей территории выступает определяющим признаком муниципально-правовых отношений.

Субъектный состав муниципально-правовых отношений характеризуется наличием территориальной общины, её органов и должностных лиц, жителей, органов самоорганизации населения, а также государственных органов, осуществляющих контрольные или координационные функции. При этом, участие государства в соответствующих правоотношениях не нивелирует их муниципальный характер, поскольку определяющей остается направленность на решение вопросов местного значения.

Объектами муниципально-правовых отношений выступают материальные и нематериальные блага, связанные с жизнедеятельностью территориальной общины: коммунальное имущество, местные бюджеты, земельные ресурсы, объекты социальной инфраструктуры, информационные ресурсы общины, локальные программы развития. Однако, ключевым объектом следует считать муниципальные права жителей общины. Именно их реализация и защита оказывают содержательное направление муниципально-правовому регулированию.

Понятие муниципальных прав жителей должно рассматриваться как составляющая системы прав человека, конкретизированная на локальном уровне. Как отмечалось ранее, имеется ввиду право участвовать в местном самоуправлении, избирать и быть избранным в органы местного самоуправления, инициировать местные референдумы, собрания, общественные слушания и др. Реализация указанных прав формирует особый тип правоотношений, направленных на обеспечение муниципальной демократии на всей территории Российской Федерации.

Вместе с тем, следует отметить, муниципальное право не ограничивается только процедурными нормами в отношении формирования органов власти, поскольку его предмет охватывает организационные, имущественные, финансовые, земельные, социальные правоотношения, которые возникают в связи с функционированием территориальной общины. Отраслевая автономия права сохраняется благодаря наличию интегрирующего критерия – муниципального строя как упорядоченной системы отношений на локальном уровне, основанной на принципах самоуправления. Муниципальный строй – нормативно закрепленный и социально укоренившийся порядок осуществления публичной власти территориальной общиной, содержание которого определяется совокупностью следующих принципов: народовластия на местном уровне, правовластия, субсидиарности, самостоятельности в решении вопросов местного значения, сочетания местных и общегосударственных интересов, подотчетности органов государственной власти перед обществом, материально-финансовой состоятельности. Указанные принципы формируют нормативную основу

муниципального права и одновременно очерчивают границы его предмета как отрасли права.

Отграничение муниципального права от смежных отраслей осуществляется на основании анализа функционального назначения соответствующих норм. Если административное право направлено на регулирование управленческих отношений в сфере исполнительной власти, а финансовое право – на регулирование бюджетных и налоговых процессов в Российской Федерации, то муниципальное право концентрируется на отношениях, связанных с самоорганизацией территориальной общины и реализацией ею властных полномочий в пределах собственной компетенции. Даже в тех случаях, в которых речь идет о бюджете или имуществе, решающим критерием выступает локальный характер интереса и самостоятельность общества в принятии решений. Таким образом, предмет муниципального права как отрасли права следует определять через призму муниципального строя, территориальной общины как первичного субъекта и муниципальных прав граждан Российской Федерации. Именно триада формирует содержательную основу соответствующей отрасли права и обеспечивает её отграничение от других отраслей права.

Выводы. Категория предмета отрасли права является ключевым критерием её автономии в системе права. Без наличия относительно однородной совокупности общественных отношений, имеющих специфический субъектный состав, объекты и функциональную направленность, невозможно обосновать самостоятельность муниципального права. Рассмотренный исторический опыт развития муниципализма на территории Евразии свидетельствует о существовании особой сферы общественных отношений, связанной с локальной самоорганизацией населения, которая объективно предшествовала государственному правовому регулированию.

Критерием отраслевого единства муниципального права выступает муниципальный строй как упорядоченная система общественных отношений на локальном уровне, основанная на принципах самоуправления, субсидиарности, правовластия и ответственности. Современная конституционная модель местного самоуправления в Российской Федерации подтверждает наличие особого предмета муниципально-правового регулирования. Исходя из изложенного, *под предметом муниципального права как отрасли права следует понимать совокупность общественных отношений, возникающих в процессе организации и осуществления территориальной общиной муниципальной власти, реализации и защиты муниципальных прав граждан Российской Федерации и самостоятельного решения вопросов местного значения в пределах установленного конституционно-правового порядка Российской Федерации*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 2020. – № 31. – Ст. ст. 130-133.

2. Богатов, Д. Ю. Предмет отрасли муниципального права как проблема науки муниципального права / Д. Ю. Богатов, Г. С. Галанцев // Проблемы публичного и частного права. – 2023. – № 1. – С. 150-158.

3. Киреева, А. А. Концепции формирования системы местного самоуправления и принципы её организации / А. А. Киреева // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 3 (13). – С. 1-7.

4. Тамкова, Е. А. Правовое регулирование муниципального права / Е. А. Тамкова, Е. С. Жидяева // Modern Science. – 2020. – № 12-4. – С. 262-264.

5. Юдкина, Е. И. Анализ проблемы определения предмета и субъектов муниципального права / Е. И. Юдкина // Государство. Национальная безопасность. Право. – 2025. – № 1 (8). – С. 22-27.

6. Fustel de Coulanges, N. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France / N. Fustel de Coulanges // Paris, Hachette et cie, 1888. – 562 p.

ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF MUNICIPAL LAW AS A BRANCH OF LAW

Annotation. This work considers the subject of municipal law as an independent branch of law. The genesis of local self-government based on the work of N. Fustel de Coulange was analyzed. The public and state theories of the origin of self-government, their influence on the definition of the boundaries of municipal legal regulation are considered. Modern doctrinal approaches to understanding the subject of the field of law are summarized, in particular, the point of view of Russian authors regarding the relationship of municipal law with constitutional and administrative law. The conclusion that there is an independent regulatory space related to the organization of municipal power, the legal personality of the territorial community and the realization of the municipal rights of residents is justified. The subject of municipal law is determined through the category of the municipal system aimed at independently resolving issues of local importance and guaranteeing the rights of citizens of the Russian Federation.

Key words: branch of law, subject of municipal law, local self-government, municipal system, legal regulation of public relations.

Solonenko D.M.,
Scientific adviser: Polyakova N. G., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 343.2/.7 (340.5)

CURRENT ISSUES OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES (USING THE REPUBLIC OF INDIA AND THE RUSSIAN FEDERATION AS EXAMPLES)

Solonenko D.M.,
Scientific adviser: Karpenko L. K., Ph.D. legal Sciences, Associate Professor
Donetsk State University

Annotation. This paper examines current issues in establishing the criminal liability of legal entities using the Republic of India and the Russian Federation as examples. It analyzes doctrinal approaches, legislative provisions, and judicial practice regarding corporate criminal liability. It identifies differences in the approaches of legislators in the Republic of India and the Russian Federation to defining the "subject of a crime". The role of the "mens rea" principle and the significance of the case law of the Supreme Court of the Republic of India in shaping the procedure for holding legal entities criminally liable are explored. The feasibility of borrowing certain elements of Indian experience for the development of Russian criminal legislation is substantiated. It concludes that the normative codification of the criminal liability of legal entities in the criminal legislation of the Russian Federation offers promising prospects.
Keywords: criminal liability, legal entities, criminal law regulation, Republic of India, Russian Federation.

Relevance of the research topic. Research into the criminal liability of legal entities is a relevant area of modern legal scholarship due to the increasing number of crimes committed with the assistance of and in the interests of legal entities (in particular, the criminal prosecution of the legal entity Gotbit Consulting LLC and its founder, Russian citizen A. Andryunin, in Boston in June 2025). The institution of criminal liability of legal entities is widely developed and enshrined in the legislation of such countries as the Republic of India, Australia, the Kingdom of Belgium, the People's Republic of China, the Swiss Confederation, the Grand Duchy of Luxembourg, and others, making it possible to identify and prevent corporate crimes. It should be noted that provisions on the criminal liability of legal entities were envisaged in the draft Criminal Codes of the Russian Federation, Ukraine, and the Republic of Kazakhstan, but were ultimately not enshrined in the current legislation of these countries.

Since Russian criminal law currently provides for liability only for individuals, the regulation of liability for legal entities remains a controversial issue that significantly impacts the legal framework for combating economic crime. Civil and administrative penalties imposed on legal entities in the Russian Federation are often not proportionate to the extent of the damage caused. Property penalties provided for by these branches of law are often perceived by business entities as acceptable business expenses and therefore fail to fulfill their intended preventative function. The consequences of a legal entity's illegal activity often significantly exceed the damage caused by an individual. In such circumstances, criminal law remedies acquire independent significance.

Thus, the current absence of legal entity liability in the Russian Federation necessitates studying this institution in the context of Indian criminal law [6, p. 37]. Indeed, the specifics of the legal system and the scale of corporate activity in the Republic of India currently allow for the most effective detection of crimes committed by legal entities and their prosecution. Consequently, studying the Indian experience of establishing criminal liability for legal entities allows us to outline potential directions for the development of this criminal law institution in the Russian Federation.

The *purpose of the research* is a theoretical analysis of the norms of the current criminal legislation of the Republic of India on the problem of criminal liability of a legal entity and the development of proposals on the criminal liability of legal entities in the legislation of the Russian Federation.

The *object of this research* is the system of social relations arising from the criminal liability of legal entities.

The *subject of this research* is the doctrinal and legislative provisions defining the specifics of the legal regulation of criminal liability of legal entities.

The *regulatory framework for this research* is the Indian Penal Code, 2024, the Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996, No. 63-FZ, the Prevention of Corruption Act of the Republic of India, No. 49 of 1988, and other relevant legal acts.

The *theoretical basis* is provided by the scientific works of scholars devoted to current issues of establishing criminal liability of legal entities in the Republic of India and the Russian Federation, using the example of the Republic of India and the Russian Federation, such as R. Arya, M. M. Ivanenko, A. Saxena, D. Sahana, A. Fedorov, A. Elezi, and others.

The *methodological basis* of the scientific research consists of systemic, legal, historical-legal, comparative, and statistical methods.

Main Part. Criminal liability is a type of legal liability, the main content of which are the measures applied by state bodies to an individual in connection with the commission of a crime. Liability in criminal law is the primary form of punishment for the violation of criminal law and provides for the application of coercive measures to the guilty party, as enshrined in the Indian Penal Code, 2024, and other regulatory acts. The following are the characteristics of criminal liability: mandatory nature; legal nature (arises only if a person's guilt is proven in court in accordance with the law); application only to individuals who have reached the age of criminal responsibility and are capable of understanding the significance of their actions and controlling them (Article 84 of the Indian Penal Code, 2024) [1].

Criminal liability is subjective: it applies to individuals and, in certain cases, to legal entities as well. The legislator provides for the possibility of holding directors of legal entities liable in cases expressly provided for in Articles 34 and 34A of the Indian Penal Code, 2024, if the violation was committed with their consent or under their direction. Liability arises only for the commission of crimes contained in the relevant sections of the Special Part of the Indian Penal Code, 2024, or special laws (e.g., the Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Act, 1985) [7].

The basis for criminal liability under Indian law is recognized as its connection with the commission of unlawful acts (actions or omissions) containing all the elements of a crime: subject, object, objective and subjective aspects. It arises only upon proof of the person's guilt in court. In addition, criminal liability has the characteristic of a legal sanction expressed in the imposition of punishment or other criminal measures on the guilty person in accordance with Articles 53 and 54 of the Indian Penal Code, 2024.

The criminal prosecution process in the Republic of India is a complex and legally regulated mechanism for implementing the state's function of maintaining law and order, based on the principles of legality, the presumption of innocence, and the right to a fair trial. Criminal liability arises only when a crime, as defined by criminal law, is committed and the guilt of the individual is proven in accordance with the established procedural procedure. In accordance with the provisions of the 1950 Constitution of India, the state is obliged to guarantee everyone the right to life and personal liberty, including the inadmissibility of arbitrary prosecution and the obligation to observe due process of law.

Criminal proceedings commence upon the official registration of a report of an offense by the competent authorities. Further procedural actions, pre-trial investigation, and the collection and evaluation of evidence are carried out in compliance with the principles of adversarial proceedings and equality of arms. An important element is the court's procedural review of the legality of restrictions on an individual's rights, particularly when applying preventive measures. An indictment may be submitted to the court only if there is sufficient evidence to support the validity of the charges. The trial is the central stage of criminal prosecution, as it is the court of the Republic of India that is empowered to make the final

determination of a person's guilt. The court's decision must be based on a comprehensive, complete, and objective examination of the circumstances of the case. Only a final guilty verdict creates the legal basis for the imposition of criminal punishment. Thus, in accordance with the 1950 Constitution of India, criminal liability is an indispensable element of the criminal justice system, as it contributes to the maintenance of law and order and the protection of citizens' rights in the Republic of India.

It should be noted that Indian law does not currently classify crimes based on the category and severity of the offense committed. However, the current Indian Penal Code 2024 provides for the following types of punishment:

a) warning (suspended sentence);

b) mandatory (community service);

c) prohibition from engaging in certain activities or being in certain places;

d) fine (as a separate punishment or in addition to imprisonment);

d) house arrest (imposed when a person commits certain crimes with the goal of subsequent parole);

k) confiscation of property;

k) imprisonment (for a fixed term or for life);

m) death penalty (imposed for particularly serious crimes).

Of particular interest for the study is the institution of "criminal liability of legal entities" in the Indian legal system, which was formed under the influence of historical traditions, the legal experience of the colonial era and modern reforms. Historically, the provision on "bringing legal entities to criminal liability" remained unimplemented for a long time due to the lack of an appropriate legal framework. Despite the fact that Article 11 of the Indian Penal Code of 1860 first defined the possibility of bringing legal entities to liability, in practice there were limitations due to the principle of "mens rea" (translated from Latin as "guilty mind"). The principle of "mens rea" is considered fundamental to Indian criminal law, therefore, establishing the guilt of legal entities for a specific crime was long complicated by the absence of an internal element of awareness of illegality, characteristic of individuals [8, p. 79; 9, p. 44]. Moreover, given the concentration of the Indian economy primarily around the agricultural sector and the low level of corporate involvement in the commission of transnational economic crimes, the issue of applying criminal liability to legal entities has not been adequately developed in regulatory acts for a long time [10, p. 91; 11, pp. 129-130].

The absence of a separate branch of administrative-tort law in the country contributed to the development of a specific criminal law framework for collective entities. For a long time, the primary source of criminal law in the Republic of India was the Indian Penal Code of 1860, which was repealed after the adoption of the Indian Penal Code of 2024. Both codes contained provisions for holding legal entities liable. In paragraph 26 of Article 2 of the current Indian Penal Code of 2024, the legislator defines the subject of a crime as a "person" – an individual, company, association, or union of persons, regardless of whether they are registered or not.

The level of development and advancement of the practice of holding legal entities criminally liable was largely determined by case law. The first judicial precedents of the Supreme Court of the Republic of India formed the basis for the possibility of holding companies criminally liable. Thus, in the 2005 decision SC 2622 in the case of "Standard Chartered Bank And ors v Directorate Of Enforcement And ors.", the Supreme Court of the Republic of India established the following: "a legal entity is capable of being convicted of offences that entail imprisonment and should be liable to a fine" [12]. This judicial precedent opened the possibility of applying criminal sanctions against corporations.

Subsequently, the legal consolidation of criminal liability of legal entities was also implemented in special laws regulating certain areas of economic activity and crime. The Companies Act of the Republic of India, 2013, laid the foundation for the criminal liability of corporate structures in the form of fines for violating the rules for issuing shares, etc. [3].

Similarly, anti-corruption legislation provides for the possibility of imposing fines on corporations for bribery of public officials (Article 8 of the Prevention of Corruption Act of the Republic of India, No. 49 of 1988) [5]. Consequently, the Indian legislator provides for the possibility of bringing legal entities to criminal liability for committing economic crimes.

However, unlike the Indian experience, the Russian Federation does not provide for the possibility of bringing legal entities to criminal liability. The Russian legislator only in Article 2.10 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ provides for the possibility of bringing legal entities to administrative liability for committing administrative offenses [2]. At the same time, in accordance with Article 19 of the Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ, only a sane individual who has reached the age established by this Code is subject to criminal liability [4]. In our opinion, the absence of a corresponding norm on the criminal liability of legal entities creates a legal gap that hinders the development of the institution of criminal liability of legal entities in Russian criminal law.

An analysis of the concept of "criminal liability of legal entities" under Indian law and its implementation within the regulatory legal acts and case law of the Republic of India reveals the potential for holding legal entities criminally liable, which depends not only on its formal codification in legislation but also on judicial practice, which can specify and expand the regulatory framework. Considering these aspects is crucial for introducing the concept of "criminal liability of legal entities" into Russian law. Therefore, the current absence of a regulatory framework for holding legal entities criminally liable in the Russian Federation necessitates its development based on the effective experience of criminal law regulation in the Republic of India.

Conclusions. This study of India's experience in criminally prosecuting legal entities demonstrates the significant potential for using this institution to effectively combat economic crime. Given the positive experience of Indian lawmakers, the development of appropriate criminal law provisions should be an important step toward ensuring the possibility of holding legal entities criminally liable for crimes. The current lack of legislative provisions and judicial practice in the Russian Federation regarding the criminal liability of legal entities hinders the implementation of the preventive function of criminal law (reducing the ability to prevent the commission of new crimes by deterring potential criminals (legal entities) and promoting appropriate legal behavior).

LIST OF LITERATURE

1. Уголовный кодекс Индии 2024 года // Официальный правительственный бюллетень «The Indian Statutes». – 2024. – № (1) 44. – Ст. 2.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 07.01.2002 года. – № 1 (ч. 1). – Ст. 2.10.

3. Закон Республики Индия «О компаниях» 2013 года // «The Gazette of India». – 29.08.2013. – № 2. – Ст. 4.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 19.

5. Закон о предупреждении коррупции Республики Индия № 49 от 1988 года // «The Gazette of India». – 09.09.1988. – № 4 (5). – Ст. 8.

6. Иваненко, М. М. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / М. М. Иваненко // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 118-3. – С. 37-40.

7. О наркотических средствах и психотропных веществах: Закон Республики Индия от 1985 года // Печатное собрание законодательства Республики Индия «The Gazette of India». – 1985. – № 3. – Ст. 17.

8. Elezi, A. Criminal liability of legal entities / A. Elezi // Balkan Journal of Interdisciplinary Research. – 2024. – Vol. 10. – Pp. 71-83.

9. Fedorov, A. New Criminalization: Criminal Liability of Legal Entities / A. Fedorov // Investigator. – 2024. – Vol. 1. – Pp. 41-46.

10. Sahana, D., Arya, R. Corporate criminal liability in India / D. Sahana, R. Arya // International Journal of Pure and Applied Mathematics. – 2018. – Vol. 120. – No. 5. – Pp. 87-98.

11. Saxena, A. The Changing Role of Criminal Law in Controlling Corporate Behaviour / A. Saxena // International Journal of Education, Modern Management, Applied Science & Social Science. – 2025. – Vol. 07. – Pp. 121-134.

12. Дело «Standard Chartered Bank And ors v Directorate Of Enforcement And ors.» [Электронный ресурс]: (дело AIR 2005 SC 2622): Решение Верховного суда Республики Индия от 2005 года. – Режим доступа: https://journal.lawmantra.co.in/?p=142. – Дата обращения: 18.02.2026. – Загл. с экрана.

CURRENT ISSUES OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES (USING THE REPUBLIC OF INDIA AND THE RUSSIAN FEDERATION AS EXAMPLES)

Annotation. This paper examines current issues in establishing the criminal liability of legal entities using the Republic of India and the Russian Federation as examples. It analyzes doctrinal approaches, legislative provisions, and judicial practice regarding corporate criminal liability. It identifies differences in the approaches of legislators in the Republic of India and the Russian Federation to defining the "subject of a crime". The role of the "mens rea" principle and the significance of the case law of the Supreme Court of the Republic of India in shaping the procedure for holding legal entities criminally liable are explored. The feasibility of borrowing certain elements of Indian experience for the development of Russian criminal legislation is substantiated. It concludes that the normative codification of the criminal liability of legal entities in the criminal legislation of the Russian Federation offers promising prospects.

Keywords: criminal liability, legal entities, criminal law regulation, Republic of India, Russian Federation.

Solonenko D.M.,
Scientific adviser: Karpenko L. K., Ph.D. legal Sciences, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе исследуются вопросы разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации. Отмечаются статистические данные за период с января 2025 года по январь 2026 года , согласно которым около 73% доказательств по делам об административных правонарушениях составили письменные материалы, цифровые изображения и электронные документы, тогда как объяснения участников, показания и экспертные заключения – 16%, вещественные доказательства – 11%. Автор обращает внимание на необходимость переосмысления статуса электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации, поскольку законодатель причисляет их к письменным, не унывая природу образования и хранения таких доказательств. Обосновывается необходимость формулирования отдельных критериев для разграничения на основе технических и процессуальных особенностей электронных доказательств.
Ключевые слова: административное судопроизводство, письменные и электронные доказательства, разграничение доказательств, законодательное регулирование, судебная практика.

Актуальность темы. Применение цифровых технологий позволяет эффективнее собирать, хранить и анализировать информацию в административном судопроизводстве. Соответственно, вопросы правового статуса электронных доказательств и специфики их использования приобретают особую актуальность ввиду ограниченной законодательной определенности и существующих коллизий. В период с января 2025 года по январь 2026 года более 73% доказательств по делам об административных правонарушениях составили письменные материалы, аудио- и видеозаписи, электронные документы, цифровые изображения и сообщения. В то время как объяснения участников дел, показания и экспертные заключения – 16%, вещественные доказательства – 11%. Статистические данные подтверждают увеличение случаев использования электронных доказательств в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях. Учитывая, что законодатель в статье 70 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 года N 21-ФЗ относит электронные доказательства к письменным [1], несмотря на их разную материальную природу, возникает потребность в пересмотре правовой основы и формулировании критериев их разграничения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации.

Предметом исследования выступают теоретические и практические аспекты разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации.

Цель исследования – определить актуальные вопросы разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации и предложить пути их решения.

Материал и методы. **Методологическую основу** исследования составляет диалектический метод как общенаучный метод познания социально-правовых явлений. Применение диалектики общего и особенного для исследования актуальных вопросов разграничения письменных и электронных доказательств в административном

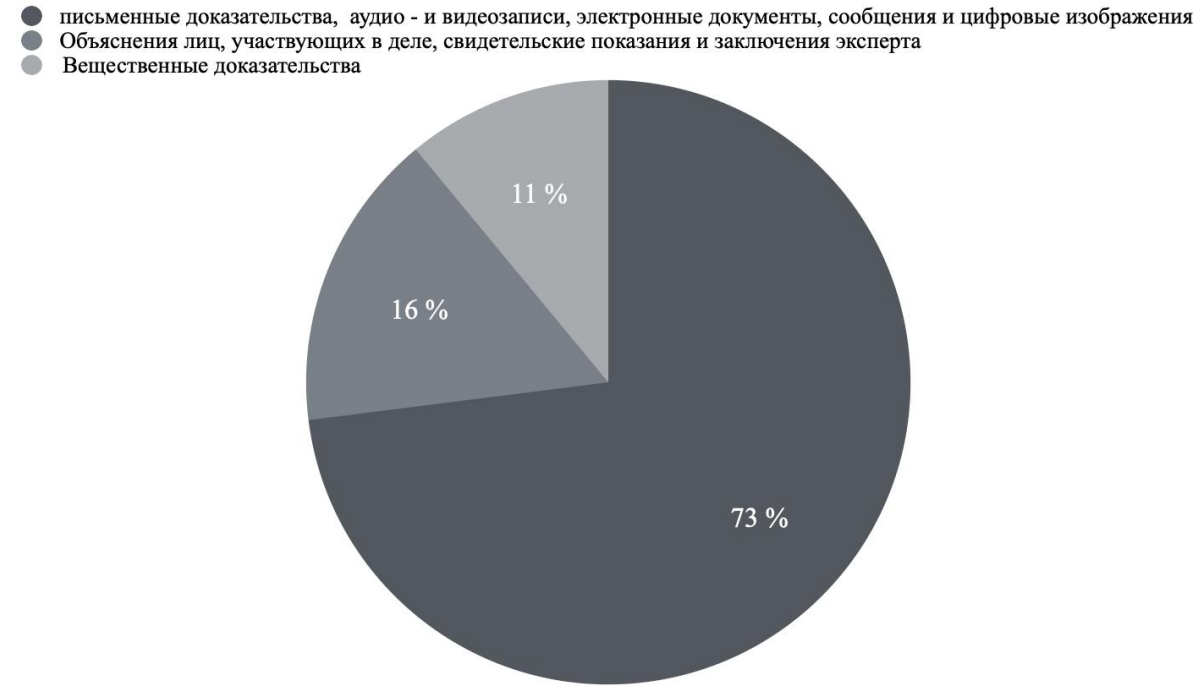
судопроизводстве Российской Федерации обусловило применение статистического, системного, юридического (догматического) и сравнительного методов исследования.

Теоретическая основа исследования. В уголовно-правовой науке вопросы разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации, освещались в трудах таких российских и зарубежных ученых, как: А. Г. Белорусов, В. Е. Крутских, Я. А. Куликова, А. А. Лукашин, А. В. Минбалеев, О. В. Мироедова, М. Ю. Миронова, А. Р. Салиев, С. Г. Сафронов, А. Я. Сухарев, А. Я. Сухарева и др.

Результаты и их обсуждение. Доказательствами по делу об административном правонарушении, согласно статье 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года N 195-ФЗ, признаются любые фактические данные, на основании которых судья или уполномоченный орган устанавливают факт совершения административного правонарушения, виновность лица и иные важные обстоятельства для вынесения правильного решения по делу [2]. К ним относятся: объяснения лиц, участвующих в деле, свидетельские показания, письменные доказательства, вещественные доказательства, заключение эксперта, аудио - и видеозаписи.

Исходя из анализа материалов судебной практики по делам об административных правонарушениях в период с января 2025 года по январь 2026 года, более 73% доказательств по делу об административном правонарушении составляют письменные материалы, аудио - и видеозаписи, электронные документы, сообщения и цифровые изображения. Доля объяснений лиц, участвующих в деле, свидетельские показания и заключения эксперта занимает около 16%, тогда как процент вещественных доказательств по делам об административных правонарушениях составляет 11% (рис. 1) [3]. Следовательно, прослеживается тенденция к увеличению роли электронных доказательств по делам об административных правонарушениях, обусловленная ростом цифровых технологий и распространением электронной коммуникации на территории Российской Федерации.

Рисунок 1. Статистика приобщения доказательств по делам об административных правонарушениях за январь 2025 года по январь 2026 года

Законодатель в статье 70 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 года N 21-ФЗ относит электронные доказательства к письменным. Однако, в научной правовой доктрине длительное время существует дискуссия относительно статуса электронных доказательств в административном судопроизводстве. В то же время, в административно-процессуальном законодательстве большинства зарубежных стран, таких как Соединённые Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Федеративная Республика Германия, Словацкая Республика, Азербайджанская Республика и др., следует отметить, закреплен отдельный от письменных доказательств вид – электронные доказательства. К ним причисляются: электронные документы, текстовые сообщения, данные баз, графические файлы и иные цифровые носители информации, обладающие признаками доказательств по делам об административных правонарушениях.

В научной правовой доктрине выделяются две позиции относительно статуса письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве:

а) позицию о необходимости сохранения существующей системы видов доказательств высказывают М. Ю. Миронова, О. В. Мироедова и А. Г. Белорусов. По мнению авторов, применение таких характеристик, как форма фиксации информации, характеристики носителя или способ воспроизведения данных, для определения новых источников доказательств по делам об административных правонарушениях невозможно (поскольку различия в способах фиксации или носителях доказательств не должны служить признаками для формирования отдельного нового вида доказательств в административном судопроизводстве) [9, с. 49; 9, с. 59-60; 5, с. 178]. Отождествляя письменную форму фиксации доказательства по делу об административном правонарушении, сторонники данной позиции ссылаются на определение понятия «доказательства письменные», данное А. Я. Сухаревым, В. Е. Крутских и А. Я. Сухаревой в Большом юридическом словаре: доказательства письменные представляют собой графическое выражение информации в виде документов, актов, писем или других носителей, содержащих сведения об обстоятельствах, важных для дела, независимо от материала их создания [6, с. 257]. Авторы предлагают рассматривать электронные документы в качестве письменные, не привязывая их к бумажным носителям. Так, применение новых технических средств для фиксации информации не должно автоматически означать создание нового вида доказательств в административном судопроизводстве, поскольку характеристики формы и способа передачи являются внутренне связанными с понятием письменности.

б) С. Г. Сафронов, А. В. Минбалеев и А. Р. Салиев отмечают целесообразность разграничения письменных и электронных доказательств. По мнению авторов, информация, содержащаяся в электронных доказательствах по делам об административных правонарушениях, представлена в цифровой форме, которая существенно отличается от письменных бумажных документов [12, с. 117; 11, с. 371-372]. Основное различие заключается в материальной основе данных, поскольку электронные доказательства существуют в виде электрических сигналов, хранящихся на электронных носителях. Такая специфика определяет отдельный статус электронных доказательств в административном судопроизводстве.

Действительно, признавать электронные доказательства аналогичными письменным без учета особенностей их материального носителя нецелесообразно, поскольку это может привести к неправильному применению административно-процессуальных норм и усложнению процесса их проверки. К тому же, с точки зрения характеристики носителя доказательства по делу об административном правонарушении, основанием для признания электронных доказательств самостоятельным средством является особенность материального носителя фактических

данных – электрического сигнала. Соответственно, электронные доказательства имеют право на отдельный юридический статус, принимающий во внимание их технологическую основу и особенности хранения и передачи информации.

На наш взгляд, вопрос о разграничении письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации является нерешенным не только ввиду их правовой природы (разницы в способах выражения, фиксации, признаках носителя и способах воспроизведения информации, порядке приобщения к материалам по делу об административном правонарушении), но и существенной разнице в новых информационных технологиях, характеризующихся использованием современных методов и средств для сбора, хранения, обработки и распространения информации, по сравнению с традиционными технологиями, основанными на более устоявшихся и исторически сложившихся средствах и методах.

Для отображения информации могут использоваться как пространственные изменения физических параметров предмета (например, нанесение чернил на бумагу в традиционных информационных технологиях, относящееся к «аналоговой» среде, которая представляет собой предметы как пространственные конструкции), так и временные конфигурации физических характеристик электрического сигнала (когда в определенный момент или отрезок времени запускается цифровой алгоритм, генерирующий последовательность электронных сигналов, которые через интерфейс выводятся на экран в виде текста или знаков с помощью технических средств). Следовательно, электронное доказательство в административном судопроизводстве Российской Федерации следует рассматривать как процесс, а не как предмет. Изображение электронного документа, отображаемое на экране монитора, меняется с каждым обновлением, которое происходит несколько раз в секунду. Каждое такое отображение является своеобразной реализацией самого документа.Электронное доказательство не существует в виде статического объекта в традиционном понимании письменного доказательства. Соответственно, каждый раз, когда электронное доказательство демонстрируется или обрабатывается, оно производится заново, и эта выработка имеет место в момент его показа.

Таким образом, в отличие от письменного, электронное доказательство имеет двойственную природу: с одной стороны, оно хранится в виде файла на диске или сервере, выступающего статическим объектом; с другой – существует в процессе воспроизведения или обработки, когда отображается на экране или используется во внутренних алгоритмах системы. Данная позиция изложена и в Постановлении Судебного участка № 117 района Гольяново от 28 августа 2025 года по делу № 05-1184/117/2025: доказательство в цифровом формате должно рассматриваться не только в качестве набора данных, но и в виде процессуального акта, происходящего каждый раз при его выводе [4]. Однако, не все суды едины во мнении относительно правовой природы электронных доказательств, признавая их недопустимыми. То есть, электронное доказательство представляет собой не статический объект, а последовательность событий, которая создает, изменяет и демонстрирует эту информацию с течением времени. Соответственно, его правильное восприятие и оценка в административном судопроизводстве должны основываться на понимании его как процесса, который постоянно меняется и создается в момент каждого его воспроизведения.

Учитывая различия письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации, следует рассмотреть их отличительные черты:

а) традиционная технология письменного доказательства, отмечает А. А. Лукашин, предполагает создание физических носителей, имеющих единую оригинальную копию [8, с. 46]. Она основывается на сохранении документов в виде бумажных или

рукописных материалов, позволяющем непосредственно воспринимать содержание без дополнительных средств ознакомления с ними;

б) электронная форма доказательств основана на использовании цифровых файлов, которые существуют в виде электронных копий с метаданными и технической информацией, закодированной внутри файлов. Такая форма характеризуется необходимостью применения специальных программных и технических средств для просмотра и анализа данных [7, с. 92-93];

в) объект электронных доказательств содержит дополнительные данные технического характера, закодированные в файлах, которы и позволяют идентифицировать, отслеживать, проверять их происхождение и целостность;

г) отсутствие у электронных доказательств физической копии, вместо которой – цифровой файл, удобный для хранения, передачи и многократного воспроизведения без потери содержания;

д) отсутствие возможности непосредственного восприятия информации с электронного доказательства (для ее получения применяются технические средства, обеспечивающие воспроизведение данных в виде, пригодном для восприятия);

е) электронное доказательство хранится на техническом носителе информации;

ж) отсутствие понятия «оригинал», поскольку цифровые копии электронных доказательств имеют идентичное содержание, определить настоящее из которых не представляется возможным;

з) применение дистанционных средств для воздействия на информацию, содержащуюся на носителе электронного доказательства, или ее изменений при сохранении ее целостности.

Учитывая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что письменные и электронные доказательства в административном судопроизводстве являются результатами различных информационных технологий, определяющих их природу и функциональные характеристики. Традиционная технология формирования письменных доказательств основана на использовании физических носителей (бумага, печатные документы, рукописи), имеющих устойчивый материальный характер. Электронные доказательства возникают в результате применения современных информационных систем и средств обработки данных, характеризующихся автоматизацией и способностью хранить значительный объем информации в цифровом формате. Соответственно, создание, обработка и использование электронных доказательств предусматривают обязательное применение технических средств (компьютеры, серверы, системы шифрования, электронные подписи и другие современные технологии), обеспечивающих функциональную целостность и достоверность полученных данных. Письменные доказательства способны функционировать независимо от применения технических средств, тогда как электронные, с целью их создания и использования, предполагают использования современной технической инфраструктуры. Кроме того, электронные доказательства не привязаны к конкретному материальному носителю и могут храниться в виде файлов на разных устройствах одновременно.

При анализе использования электронных доказательств в процессе осуществления доказывания по делам об административных правонарушениях следует отметить сложность идентификации лица, создавшего электронное доказательство. Если в отношении письменного доказательства, согласно статье 26.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года N 195-ФЗ, можно провести почерковедческую экспертизу, которая позволяет установить личность подписывающего и подтвердить его участие в формировании документа, то для электронных доказательств, напротив, максимально возможным является определение принадлежности электронной подписи конкретному лицу, которое, тем не менее, не гарантирует автоматической аутентичности использования подписи или

подписываемого лица. Кроме того, как излагалось ранее, электронные доказательства подверждены широкому редактированию и изменению содержания извне. В электронных доказательствах по делам об административных правонарушениях нередко возможно скрытое редактирование, поэтому необходимо применять специальные средства фиксации состояния цифровой информации на определенный момент времени, в частности при доступе к данным в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Выводы. Анализ современного состояния правового регулирования и судебной практики свидетельствует о необходимости разграничения письменных и электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации. Учитывая различный характер, функциональные характеристики и технологическую основу, подходы к их распознаванию и использованию должны быть определены отдельно. Ввиду отсутствия на сегодняшний день в законодательстве и научной доктрине наиболее полного определения понятия «электронных доказательств», охватывающего правовые и технические аспекты признания доказательства таковым, представляется целесообразным дать авторскую дефиницию рассматриваемому понятию.

Электронные доказательства в административном судопроизводстве представляют собой цифровые сведения о фактах и обстоятельствах, созданные, сохраненные и переданные в виде электронных файлов или сигналов на особом материальном носителе, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела об административном правонарушении.

Электронные доказательства являются результатом применения современных информационных систем и средств обработки данных, позволяющих автоматизировать процесс фиксации, хранения и передачи доказательной информации, чем и отличаются от традиционных письменных доказательств, создаваемых на физических носителях и, практически, не подверженных изменениям. Из-за того, что в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 года N 21-ФЗ не выделены электронные доказательства в качестве отдельного вида, существует спорная судебная практика: суды как принимают электронные документы в качестве допустимых доказательств, так и отказываются в их приеме. Поэтому, важность разграничения письменных от электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации заключается в необходимости четко определить правовой статус и особенности обработки таких доказательств с целью обеспечения их надлежащей аутентичности, целостности и эффективности использования в административном судопроизводстве, с учетом технологических особенностей и специфики материальных носителей информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026) // «Российская газета». – 11.03.2015. № 49. – Ст. 70.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // «Российская газета». – 31.12.2001. № 256. – Ст. 26.2.

3. Судебная практика по административным делам // СПС «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-administrativnym-delam/?ysclid=mlplral2hx700057118. – Дата обращения: 17.02.2026. – Загл. с экрана.

4. Постановлении Судебного участка № 117 района Гольяново от 28 августа 2025 года по делу № 05-1184/117/202 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»: https://sudact.ru/magistrate/doc/TSv6ndVtvfoR/. – Дата обращения: 17.02.2026. – Загл. с экрана.

5. Белорусов, А. Г. Электронный документ как доказательство в административном судебном процессе / А. Г. Белорусов // Вестник Российской таможенной академии. – 2025. – № 2 (71). – С. 172-181.

6. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. 2003. – 703 с.

7. Куликова, Я. А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях / Я. А. Куликова // Административное и муниципальное право. – 2024. – № 6. – С. 81-98.

8. Лукашин, А. А. Заключение внепроцессуальной экспертизы в гражданском и административном судопроизводствах: письменное доказательство или самостоятельное средство доказывания? / А. А. Лукашин // Законодательство. – 2024. – № 1. – С. 43-48.

9. Мироедова, О. В. Использование электронных документов в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве / О. В. Мироедова // Холодная наука. – 2025. – № 23. – С. 57-65.

10. Миронова, М. Ю. Электронный документ как современная форма доказательства в административном судопроизводстве / М. Ю. Миронова // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 14. – С. 49-50.

11. Салиев, А. Р. Электронные доказательства в гражданском и административном процессах: актуальность и возможность внедрения в законодательство Кыргызской Республики / А. Р. Салиев // Alatoo Academic Studies. – 2022. – № 4. – С. 367-374.

12. Сафронов, С. Г. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России / С. Г. Сафронов, А. В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 114-118.

CURRENT ISSUES OF DIFFERENTIATION OF WRITTEN AND ELECTRONIC EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper examines the issues of differentiation of written and electronic evidence in the administrative proceedings of the Russian Federation. Statistical data for the period from January 2025 to January 2026 are noted, according to which about 73% of evidence in cases of administrative offenses consisted of written materials, digital images and electronic documents, while explanations of participants, testimonies and expert opinions accounted for 16%, physical evidence – 11%. The author draws attention to the need to rethink the status of electronic evidence in the administrative proceedings of the Russian Federation, since the legislator classifies them as written, without discouraging the nature of the formation and storage of such evidence. The necessity of formulating separate criteria for differentiation based on the technical and procedural features of electronic evidence is substantiated.

Keywords: administrative proceedings, written and electronic evidence, differentiation of evidence, legislative regulation, judicial practice.

Solonenko K.M.
Scientific adviser: Synkova E. M., Doctor of Law, Professor Donetsk
State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru, e.synkova.jur.fac@mail.ru

УДК 340.12

КОНЦЕПЦИЯ «ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА» В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ ПЛАТОНА

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Лещенко И. И., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе проанализирована концепция «идеального государства» в политико-правовом учении Платона, которая выступает моделью гармоничного и справедливого общественного устройства. Автором рассмотрены основные идеи философа о роли мудрости, справедливости и воспитания в обеспечении благосостояния и стабильности государства, а также изложены взгляды на структуру общества, его принципы и иерархию, основанные на добродетелях и высоких идеалах. В работе отмечена актуальность идей «идеального государства» для современных политических концепций, изучена ее критика представителями других философских школ, а также определено значение закона как инструмента формирования внутренних ценностей граждан и стабильности государства. На основе идей Платона сформулировано авторское определение понятия «идеального государства» в широком смысле.
Ключевые слова: концепция «идеального государства», древнегреческий философ Платон, справедливость, мудрость, гармония общества.

Актуальность темы. Необходимо ли стремиться к созданию идеального государства, способного обеспечить справедливость, гармонию и благополучие для всех его граждан? Ответ на данный вопрос обусловливает необходимость исследования концепций, которые и сформировали представление об идеальных формах управления государством на протяжении всей истории человечества. Одним из ключевых источников таких идей являются труды древнегреческих философов, в частности Платона, внесшего весомый вклад в осмысление основ справедливого устройства общества. Его взгляды на «идеальное государство» и по сей день остаются дискуссионными, поскольку основываются на убеждении о том, что справедливость является главной ценностью общества, а управление государством должно основываться на мудрости и высоких идеалах. По Платону, концепция «идеального государства» позволяет понять, каким образом идеалы справедливости, законы и воспитание формируют основу гармоничного общества, а применение идей в современных политических моделях открывает новые перспективы для осмысления роли правовых и моральных ценностей в государственном управлении. Изучение взглядов Платона дает возможность определить границы их актуальности и экстраполировать в новой действительности. К тому же, анализ концепции «идеального государства» дает право определить основные принципы управления, основанные на высоких моральных стандартах, равенстве и справедливости. Таким образом, значимость исследования обусловлена необходимостью раскрытия идей Платона, имеющих историческое значение, и, в то же время, остающихся актуальными для формирования представлений об оптимальных моделях государственного устройства.

Объектом исследования являются общественные отношения, формирующиеся на основе идеалов справедливости и управления в контексте концепции «идеального государства» Платона.

Предметом исследования выступают идеи и принципы построения «идеального государства» в соответствии с взглядами Платона.

Цель исследования – проанализировать концепцию «идеального государства» Платона с целью выявления её актуальности и возможности применения современных идеалов справедливости и мудрости в управленческих моделях.

Материал и методы. **Методологическую основу** исследования составляет диалектический метод как общенаучный метод познания социально-правовых явлений.

Применение диалектики общего и особенного для исследования концепции «идеального государства» Платона обусловило применение историко-правового, системного и сравнительного методов исследования.

Теоретическая основа исследования. В истории политико-правовых учений особенности концепции «идеального государства» Платона освещались в трудах таких российских и зарубежных ученых, как: Э. Баркер, Г. А. Воробьев, А. А. Галяутдинова, А. А. Глухов, С. Б. Горбачев, О. А. Горощенова, А. Джаннарас, И. Э. Задбоев, А. П. Колядин, А. Д. Куманьков, Ю. Н. Маниатис, Р. Рен, Г. Г. Фастович, Ф. Эйдлин и др.

Результаты и их обсуждение. Один из величайших философов античности, Платон, родился около 427 года до Р. Х. в Древней Греции. Он являлся учеником Сократа и наставником Аристотеля, поэтому в научной деятельности стремился определить идеальные основы человеческого сосуществования и управления обществом. Ключевое место в его философии занимала концепция «идеального государства», которая была разработана в его труде «Государство». Он первым заложил идеи верховенства закона, полагая, что справедливость является главной ценностью любого государства. Идеал добра и справедливости должен стать руководящим принципом управления государством, создавая основу для его процветания и гармоничного развития, а правовластие должно опираться на высшие идеалы, обеспечивающие равноправие и справедливость для всех граждан.

Размышляя над причинами возникновения государства, Платон полагал, что люди рождаются с разными характерами и возможностями и не способны самостоятельно удовлетворить свои потребности, поэтому объединяются для совместной жизни и взаимопомощи. Такой союз он именовал «государством». Определения понятия «идеального государства» в широком смысле древнегреческий философ не давал, справедливо отмечает А. А. Глухов, однако в труде «Государство» приводил следующее: «идеальное государство» являет собой справедливое правление лучших [1, с. 14]. В своих взглядах он стремился создать модель государства, которая обеспечит изобилие и гармонию, станет основой развития таких добродетелей, как добро и справедливость, определяющих её истинную ценность.

Древнегреческий философ стремился выяснить последовательность возникновения справедливости и несправедливости в обществе. Так, им предлагалось рассмотреть справедливость в государствах, а уже впоследствии проследить её в отдельном человеке, подчеркивая, что справедливость может быть присуща как отдельному лицу, так и целому государству. Он полагал, что справедливость не сводится к случайным поступкам, а предстает как структура, поддерживающая гармонию совместной жизни. Философ рассматривал государство как микрокосм человеческой природы, в которой отношения между гражданами, с одной стороны, и между властью и подданными, с другой стороны, отражают более общие принципы. И, если государство строится по определенным законам, то его жизнь может стать изобразительным примером разумного устройства: тогда каждый член общества выполняет свое предназначение в соответствии с естественной склонностью и обучением.

Платон, как замечает Г. Г. Фастович, связывал мудрость с правящим кругом, обладающим глубоким знанием общей формы справедливости и имеющим возможность видеть долгосрочные последствия решений [6, с. 43]. Мудрость в такой системе выступает не просто теоретическим знанием, обеспечивающим рациональный выбор, отвечающим интересам сообщества, но, в то же время, и поддерживающим внутреннюю сдержанность в управлении. Следовательно, роль мудрости заключается не только в том, чтобы владеть информацией, но и в том, чтобы превратить ее в практические решения, соответствующие общему благу, а не узким интересам правящей группы. В этом смысле

мудрость выступает фундаментальной добродетелью, определяющей государству направление развития.

По мнению Платона, в «идеальном государстве» должен действовать закон «постоянного универсального сохранения», то есть мужественность должна сохранять рассуждения об угрожающих опасностях, которые законодатель привил подданным. Именно благодаря такому сохранению правильных и законных рассуждений о том, что опасно, а что – нет, древнегреческий философ очертил способность мужественностью. Охрана «идеального государства» должна быть поручена совершенным охранникам, а закон должен быть сверх правителей, которые должны строго его соблюдать [3, с. 128-129]. Однако, в такой концепции поднимается вопрос относительно образования и воспитания, поскольку именно они формируют добрые природные наклонности человека. По мнению Платона, «тот, кто лелеет государство, должен защищать его от беззакония, которое сначала разрушает обычаи, а впоследствии разрастается и влияет на законы и госустройство «идеального государства» (дословно, «όσοι αγαπούν το κράτος πρέπει να το προστατεύσουν από την ανομία, επειδή η ανομία καταστρέφει πρώτα τα έθιμα, στη συνέχεια μεγαλώνει και επηρεάζει τους νόμους και την κυβέρνηση του «ιδανικού κράτους»). Игры детей предлагалось регламентировать законом, дабы чувство закона, как отмечал Э. Баркер, закреплялось в душах [8, с. 354].

По Платону, в сравнении с другими добродетелями, благоразумие в идеальном устройстве выступает гармонией, приводящей всё на свои места. В таком государстве разумные интересы меньшинства преобладают над прихотями большинства, поскольку разум перевешивает ничтожное.

Четвертым, неотъемлемым элементом «идеального государства», Платон называл справедливость, которая обеспечивает существование первых трех. Справедливость является основой государства, представляя собой добродетель и мудрость, тогда как нечестность – низость и незнание. Хотя стремление к совершенству может конфликтовать с другими добродетелями, соблюдение границ каждого должно принести правильность в общество. Когда каждый слой общества выполняет свой долг, государство становится справедливым, а, следовательно, и идеальным. На уровне отдельного гражданина принцип справедливости действует таким образом: каждый должен делать своё, не посягая на чужие дела.

Необходимо отметить, что концепция Платона о законности и образовании склонна к утопическому совершенству, ибо в действительности люди постоянно тянутся к личным выгодам, а не только к общему добру. «Идеальное государство» не лишено рисков: стремление к безупречности может переродиться в догматизм, подавляющий меньшинство и занижающий ценность многообразия мнений. Платон не ограничивался моделированием утопии – он задавал вопрос о реальности осуществления справедливости: не сводится ли она к абстракции, если практические решения выбирают интересы отдельных групп сверх общего благосостояния государства? Вместе с тем, идея формирования справедливости путем соблюдения законов и ответственного воспитания, остается ценной: общество достигает мерила гуманности, когда правящая элита неукоснительно соблюдает нормы и, в то же время, способствует развитию разумных и глубоких добродетелей у граждан.

Из всех существующих форм государственного правления Платон считал оптимальной аристократию, поскольку она предполагает управление самыми образованными и способными людьми «идеального государства» [4, с. 73-74; 9, с. 481-482]. Именно они способны навести порядок, сохранить справедливость и обеспечить благо в государстве. Неотъемлемым фактором существования «идеального государства», по мнению древнегреческого философа, является культура и образование, формирующие высоконравственных и мудрых правителей. Платон называет идеальное и справедливое государство хорошим для всех его жителей, ведь лучшие граждане,

обладая высоким уровнем развития, способны навести порядок и обеспечить благосостояние в обществе. Важной частью управления в труде «Государство» признавалось состояние сознания судей, которых Платон считал особенно ответственными за справедливость. По мнению философа, старший судья, знающий о несправедливости по собственному опыту, способен лучше распознать зло в других людях. Изучение высших знаний о добре дает человеку способность видеть истину, возвышаться духовно и управлять государством с внутренней мудростью. Платон верил, что через разумное осознание сути добра можно достичь возвышения духа и жить счастливой и добродетельной жизнью [2, с. 8].

Однако, учение Платона об аристократии в концепции «идеального государства» подверглось критике со стороны Аристотеля и современного философа К. Р. Поппера. Аристотель отвергал идею управления самыми образованными, полагая, что чрезмерное единство в государстве приводит к утрате её сущности. Как упоминают современные ученые Р. Рен и А. Д. Куманьков, он критиковал равномерное распределение собственности, считая ее несправедливой и способной вызывать конфликты [5, с. 116]. В то же время, он подчеркивал роль умеренности и стабильности, отдавая предпочтение политическому устройству, способному учесть интересы большинства. Наряду с этим, К. Р. Поппер выступал против идеи закрытых обществ, закрепляющих положение и препятствующих переходу из одного состояния в другое. По его мнению, именно открытые общества способствуют развитию индивидуальности и справедливости, тогда как концепция «идеального государства» Платона имеет тоталитарные признаки [7, с. 497].

В размышлениях об «идеальном государстве» Платон часто использовал слово «закон», понимая, при этом, не нормативный акт, изданный государством, а более глубокое понятие, связанное с идеалами справедливости, доброты и разумности. «Закон», с точки зрения древнегреческого философа, является инструментом формирования внутренних качеств граждан и структуры самого общества. Истинный закон должен служить не для создания счастья отдельных лиц, а для достижения благополучия всего общества. Соответственно, он направлен на обеспечение условий, которые позволяли бы гражданам действовать в пользу общего блага и, в то же время, воспитывать их в духе разума и справедливости. Такая система должна формировать граждан, способных не только следовать законам, но и развивать внутреннюю моральную и интеллектуальную силу, способствующую укреплению государства.

Следовательно, можно ли утверждать о том, что значение «закона» во взглядах Платона заключается в создании идеальной системы, которая сама по себе способствует благосостоянию и полезности каждого гражданина? Безусловно, ибо она основывается на ценностях справедливости, разумности и добра, которые должны формировать внутренний мир человека и внешнюю структуру общества. Закон, по мнению философа, служит союзником в достижении одной лишь цели – создать общество, в котором преобладает порядок, а граждане живут в соответствии с высшими принципами. В его концепции закон выступает не только регулятором поведения, но и воспитателем, способствующим формированию внутренних добродетелей. Под властью наилучшего принципа – разума и божественной силы – должны находиться и взрослые, и дети.

Платон рассматривал «закон» системным инструментом, способным в единстве с внутренней моральной структурой сформировать идеальное общество «идеального государства». Философ видел в законе не только регулятивное значение, но и воспитательную функцию, способную обеспечить гармонию между индивидом и государством. Платон подчеркивал не только роль нормативных актов в функционировании «идеального государства», но и внутреннего морального порядка, являющегося основой для существования справедливого и доброго общества таких

современных государств, как Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Республика Сербия, Итальянская Республика, Венгрия и др.

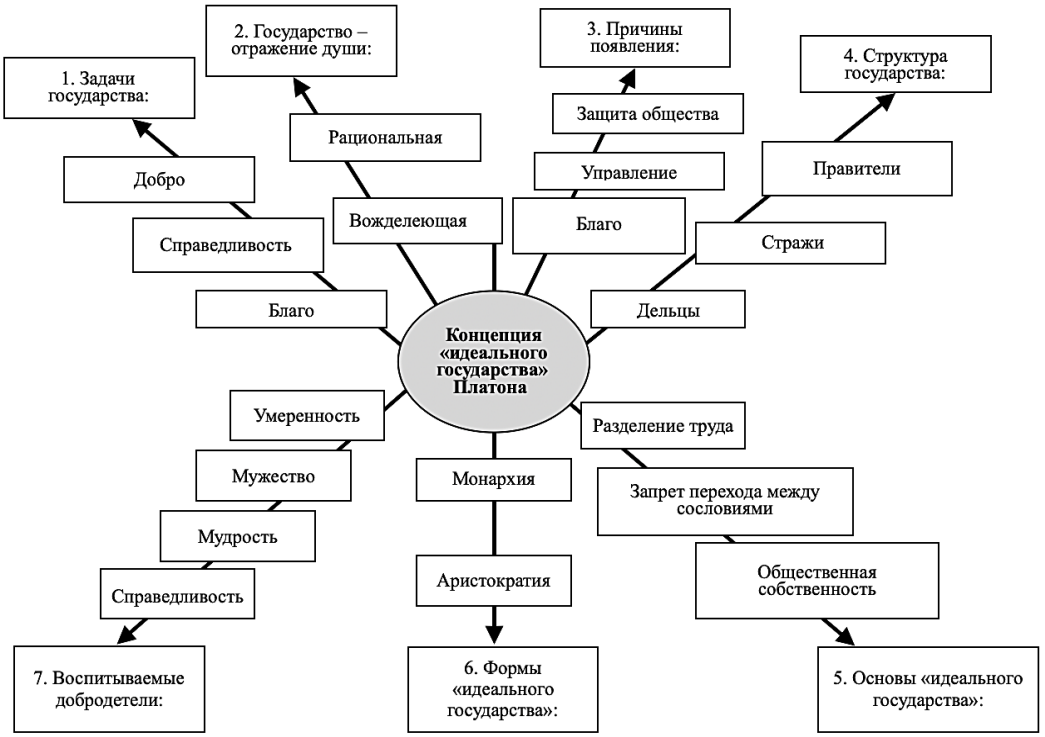
Интересно отметить, что концепция «идеального государства» Платона нашла отражение в идеях монархизма, а именно: правитель-философ управляет государством с мудростью и справедливостью, а рядом с ним находится философ, который помогает и направляет управление. Рассматриваемая система предполагала иерархическую структуру общества, при которой на вершине находились правители, далее – воины, ремесленники и рабы. Такая организация, по мнению Платона, должна способствовать гармонии и благу, отражая идею о том, что справедливость в «идеальном государстве» реализуется через исполнение каждым своей роли. Именно поэтому в его моделях идеального государства отсутствует частная собственность, а управление сосредоточено в руках мудрых.

Дальнейшее развитие идеи «идеального государства» получили в различных политических концепциях. Так, например, советской властью были заимствованы отдельные элементы идеи – централизованная власть и иерархическая структура общества. В соответствии с советской идеологией, верхние ступени общества занимали «философы», то есть партноменклатура, под ними – военные и служащие, а внизу – рабочие и крестьяне. Также, в советской системе была заложена идея коллективной формы собственности, соответствующая концепции Платона об отсутствии частной собственности в «идеальном государстве». Особенно следует отметить такие идеи древнегреческого философа, как общественная гармония, равенство граждан и общая (коллективная) ответственность, ставшие ключевыми в советской политической философии.

Таким образом, последователями концепции «идеального государства» следует считать советских ученых, осмысливших данную идею в рамках социалистического строительства государства и общества. Так, например, ученый А. А. Рождественский первым интерпретировал платоновскую семью как аналог социалистического коллектива, основанного на равенстве и общности ресурсов. В. П. Перцев усматривал в модели «идеального государства» прообраз будущего общества, стремящегося к экономическому равенству и «общему благосостоянию». К. П. Новицкий уделял особое внимание идеям равенства и свободы, заложенным в платоновской системе, видя их в возможности создания гармоничного общества, стремящегося избежать социальных конфликтов. Именно эти исследования свидетельствуют о стремлении советских ученых применить идейную базу Платона к современной им социально-политической реальности, делая из нее инструмент для обоснования идеалов равенства, справедливости и централизованного управления.

С целью наглядной иллюстрации вышеизложенных структурных элементов «идеального государства» Платона представляется целесообразным изобразить концепцию графически (рис 1).

Рисунок 1. Концепция «идеального государства» Платона

Выводы. Концепция, разработанная Платоном в труде «Государство» в 360 году до Р. Х., сохраняет свою актуальность и по сей день, поскольку закладывает основы морально-этических ценностей, определяющих фундамент справедливого управления и гармонии в обществе. Идея руководящей роли мудрых философов, обладающих глубокими знаниями и высокой нравственностью, остается важной для формирования политических моделей, стремящихся к справедливости и благополучию граждан. Учение о необходимости воспитания граждан в духе высоких идеалов, а также необходимость закона и справедливого управления, сохраняет ценность в современных концепциях государственного устройства. В то же время, идеи об объединении людей для общего блага и необходимости воспитывать внутреннюю моральную силу подчеркивают важность духовных и культурных ценностей в государственном управлении. Платон подчеркивал роль воспитания в формировании добрых граждан и высококультурной элиты, способной обеспечить стабильность и справедливость. Несмотря на отмеченную критику концепции «идеального государства» со стороны Аристотеля и К. Р. Поппера, данная идея остается актуальной для размышлений об оптимальных моделях управления, способных обеспечить гармоничное сосуществование различных социальных групп и ценностей.

Поскольку в труде «Государство» Платон не приводит определения понятия «правовое государство» в широком смысле, то представляется целесообразным, на основе идей древнегреческого философа, сформулировать авторскую дефиницию, а именно: *«идеальное государство» представляет собой концепцию гармоничного, справедливого и совершенного общественного устройства, предусматривающего распределение общественных сословий, воспитание граждан и руководство мудрых философов, разработанную Платоном в V-IV веках до Р. Х. в Древней Греции*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухов, А. А. Политическая логика Платона. Интерпретация «Государства»: дис. ... канд. филос. наук: спец. 09.00.03 – История философии / Глухов Алексей Анатольевич, Ин-т философии РАН. – Москва, 2012. – 267 с.

2. Горбачев, С. Б. Учение Платона об идеальном государстве и его влияние на современную правовую систему / С. Б. Горбачев, А. А. Галяутдинова // Правовая позиция. – 2024. – № 13 (61). – С. 6-9.

3. Задбоев, И. Э. Представления об идеальном государстве у Платона, Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы / И. Э. Задбоев, О. А. Горощенова // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 126-133.

4. Колядин, А. П. Политическая элита: взгляды Конфуция, Платона и Аристотеля на управление государством / А. П. Колядин, Г. А. Воробьев // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 73-75.

5. Рен, Р. Город в облаках. Аристотелевская критика концепции государства Платона / Р. Рен, А. Д. Куманьков // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 107-116.

6. Фастович, Г. Г. Учение афинских философов о государстве (на примере исследования диалога Платона, посвященного проблемам «идеального государства») / Г. Г. Фастович // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 42-44.

7. Giannaras, A., Eidlin, F. Plato and K. R. Popper: Toward a Critique of Plato's Political Philosophy / A. Giannaras, F. Eidlin // Philosophy of The Social Sciences. – 1996. – Vol. 26. – Pp. 493-508.

8. Greek political theory: Plato and his predecessors / E. Barker // London: Methuen; New York: Barnes & Noble, 1960. – 468 p.

9. Maniatis, Y. N. Ontology, epistemology and politics in Plato's Republic / Y. N. Maniatis // (Schole). Ancient Philosophy and the Classical Tradition. – 2021. – Vol. 15, No. 2. – Pp. 468-500.

THE CONCEPT OF THE "IDEAL STATE" IN THE POLITICAL AND LEGAL TEACHINGS OF PLATO

Annotation. This paper analyzes the concept of the "ideal state" in Plato's political and legal doctrine, which serves as a model for a harmonious and just social order. The author examines the philosopher's key ideas on the role of wisdom, justice, and education in ensuring the well-being and stability of the state, and also outlines his views on the structure of society, its principles, and hierarchy, based on virtues and high ideals. The paper notes the relevance of the idea of the "ideal state" to modern political concepts, examines its criticism by representatives of other philosophical schools, and defines the importance of law as a tool for shaping the inner values of citizens and the stability of the state. Drawing on Plato's ideas, the author formulates a broad definition of the concept of the "ideal state".

Keywords: the concept of the "ideal state", the ancient Greek philosopher Plato, justice, wisdom, harmony of society.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Leshchenko I. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 340.1

IMHOTEP'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT IN ANCIENT EGYPT

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Leshchenko I. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Donetsk State University

Annotation. In this paper, the author analyzes Imhotep's contribution to the development of political and legal thought in Ancient Egypt. Specifically, the author examines the vizier's administrative reforms, judicial practice, and educational initiatives aimed at centralizing governance and standardizing law enforcement; reveals the significance of the principle of "ma'at" as a normative basis for the legitimization of power and a criterion for just governance. The author concludes that Imhotep's activities played a fundamental role in the development of a centralized Egyptian legal culture.
Key words: "maat", "The Teaching of Imhotep", Imhotep's philosophical maxim, didactic tradition, public administration.

Relevance of the topic. Can the figure of a single statesman of the early dynastic era determine the direction of political and legal thought in a great civilization for millennia to come? A dignitary, architect, supreme administrator, and thinker named Imhotep (from the Arabic "إمحوتب" – "come into the world") has long been studied only fragmentarily within legal historiography. However, it is precisely in his work and the teachings attributed to him that the emergence of a systemic vision of state power as an instrument for regulating social relations in Ancient Egypt can be traced.

Early Egyptian civilization left no codified set of norms similar to later Mesopotamian monuments. The sources of Ancient Egyptian law are fragmented, consisting of administrative records, private contracts, court records, instructive texts, and others. Against this background of fragmentation, the personalized contribution of a single figure, Imhotep, seems virtually incomprehensible. However, it was only during the years 2630-2611 BC that the foundations of legal consciousness that subsequently acquired canonical status were formed. The need to rethink the origins of Egyptian political and legal thought through the lens of the institutional work of a specific reformer underpins the relevance of this study.

Imhotep should be considered not only the architect of the step pyramid of the Third Dynasty pharaoh Djoser, but also the organizer of the administrative apparatus, the initiator of disciplinary policy, the curator of education, and likely the author of a number of moral and legal maxims that became part of the later didactic tradition. Consequently, an appeal to Imhotep's legacy opens the prospect of reconstructing an early model of the rule of law in ancient Egypt, in which moral imperatives were combined with state sanction.

The **object** of the study is social relations arising in the process of formation of political and legal thought of Ancient Egypt during the period of Imhotep's activity.

The **subject** of this study is Imhotep's political and legal ideas, administrative reforms, and management practices as factors in the development of the centralized model of ancient Egyptian statehood.

The **aim of this study** is to determine Imhotep's contribution to the development of political and legal thought in Ancient Egypt.

Material and Methods. The **methodological basis** of the study is the dialectical method as a general scientific method for understanding socio-legal phenomena. The application of the dialectic of the general and the particular to the study of Imhotep's contribution to the development of Ancient Egyptian political and legal thought necessitated the use of historical-legal, systemic, and comparative research methods.

Theoretical Basis of the Study. In the history of political and legal doctrines, Imhotep's contribution to the development of Ancient Egyptian political and legal thought has been explored in the works of such foreign scholars as F. S. Aliyeva, L. Mansebo, G. Orga-Dumitriou, I. Chivgin, M. Ezzamel, and others.

Results and discussion. The legal system of Ancient Egypt, according to the Egyptians, was formed under the auspices of Ma'at, the goddess of universal order. Her image personified cosmic balance, truth, justice, and harmony between heaven and earth. Judges were considered servants of this principle, and the pharaoh its earthly guarantor. However, the sacred legitimization of power did not diminish the role of specific administrators of the Old Kingdom capital of Memphis, who implemented legal norms to regulate social relations.

Imhotep held the position of "chati", or vizier, the head of the royal administration, whose responsibilities included overseeing judicial proceedings, distributing finances, overseeing construction, and organizing labor in the city. In the structure of the ancient Egyptian state, he acted as an intermediary between the pharaoh and the nomarchs (governors of administrative units). The removal of archons, their replacement with trusted individuals, and the reorganization of the apparatus – all these actions attributed to Imhotep suggest his desire to centralize law enforcement [1, p. 59]. In Ancient Egypt, nomarchs possessed broad powers that could be used to the detriment of the state. Therefore, to prevent the possibility of abuse of power, Imhotep introduced legal liability for bribery, embezzlement of public funds, and abuse of office, thus establishing for the first time a standard of official ethics.

The modern scholar I. Civgin mentions Imhotep's practice of introducing scribes to record court proceedings. Court records contained the testimony of sirs (witnesses), the oaths of the injured party and the prosecution, and the verdict of the vizier (supreme judge) [2, p. 1067]. The written form of conducting legal proceedings ensured the possibility of reviewing such a decision in a court of the next instance. Imhotep, as vizier, exerted significant influence on the formation of a uniform practice for the appointment and execution of punishments throughout Ancient Egypt, while limiting the arbitrariness of local courts.

Imhotep's name is directly associated with the streamlining of judicial procedures in Ancient Egypt, establishing the foundations of administrative law (the development of legal norms regulating property relations and the central government's guardianship of state property) and temple law (the branch of law regulating the property relations of citizens and temples). As vizier and the pharaoh's closest advisor, he contributed to strengthening the rule of law, regulating tax obligations, and regulating the liability of officials. Imhotep's practice of documenting court decisions became the foundation for the further development of Egyptian procedural law.

One of the most interesting initiatives of this ancient Egyptian statesman is considered to be the creation of "houses of life" (schools for gifted youth, training scribes, priests, and administrators, which contributed to the formation of a professional corps of legal scholars). Law ceased to be merely a sacred secret of the temple and gradually acquired the characteristics of a specialized discipline, and educational policy contributed to the formation of a stable tradition of legal thought.

Despite the fact that the political and legal thought of Ancient Egypt did not develop the abstract concept of the "state" as an autonomous political community of citizens in the ancient Greek sense (from the Greek "πόλις" – polis), in the "Teaching of Imhotep" (circa 2375 BC) and in the later "Teaching of Ptahhotep" (circa 2375 BC) a developed concept of good governance is clearly traced, which, as M. Ezzamel and G. Orga-Dumitriu note, has a normative and legal character [3, pp. 15-17; 5, p. 762]. This does not mean a theoretical understanding of the state as an institutional structure, but an ethical and legal ideal of power, in the center of which is the figure of a just ruler. Imhotep was the first to form a normative concept of the just exercise of power as a moral and legal duty of the ruler. The Egyptian tradition did not separate the state from the personality of the pharaoh, but conceptualized the political order through the

category of "maat" – the universal principle of truth and justice, which determined the appropriate model of social organization. In the face of the centralization of power under the Pharaoh of Ancient Egypt of the III dynasty, Djoser, the ruler and his closest dignitaries, in particular Imhotep, acted as a guarantor of law and order, which was supposed to ensure a sacred balance between power and subjects.

Imhotep's philosophical maxim " لا تبتعد عن شخص فقير ، ولا تقترب من الأقوياء بسبب قوته toggle استمع إلى كل من يقول الحقيقة." (translated from Arabic, "do not turn away from someone who is poor, and do not approach the powerful because of his strength; listen to everyone who speaks the truth") reflected in his teaching the idea of equal access to justice. The just ruler was not presented as a bearer of arbitrary power, but as a guardian of truth, called upon to listen attentively to the complaints of the common people as well as to the appeal of the nobleman. The idea of making courts accessible to all segments of the population seems innovative for the early monarchy, as law ceased to be the prerogative of the nobility, becoming a universal regulator of social relations. It was Imhotep who first conceived the concept of the pharaoh as the Supreme Arbiter, and not just a sacred ruler.

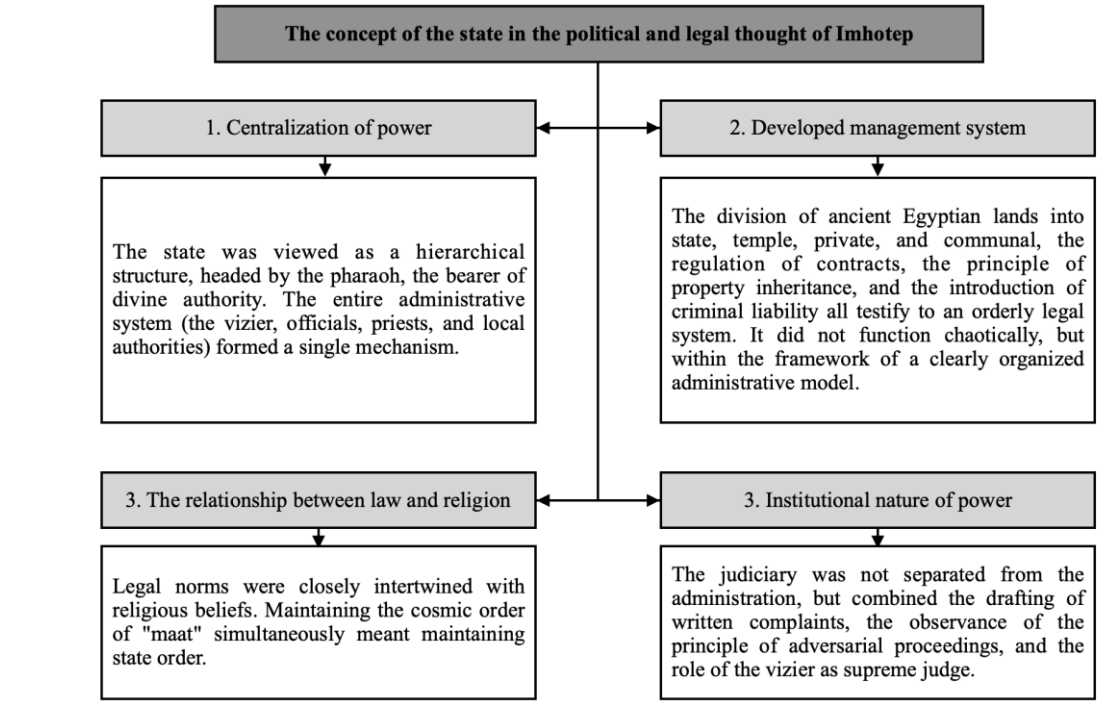
Thus, even without the conceptualization of the "state" as an abstract institution, ancient Egyptian political and legal thought laid the foundations for the principle of impartiality and moral responsibility of power to society.

Furthermore, the interaction between temple and secular authorities should be considered. The decisions of the oracle priest had unquestionable authority throughout Ancient Egypt. However, the centralized administration limited the autonomy of local cults, subordinating them to the national order. Imhotep, combining the functions of priest and official, personified the unity of the sacred and the legal, through which the principle of "maat" acquired institutional expression (confirmation of which can be found in the inscriptions left on the walls of Djoser's pyramid complex at Saqqara).

Based on the above, should we assert that Imhotep was the first to formulate the ancient Egyptian systemic concept of the state? Certainly, based on the specifics of Ancient Egypt's political and legal structure and the role he played in shaping the administrative and ideological model of government. Since Imhotep was not only an outstanding architect and builder of the pyramid of Pharaoh Djoser, but also a vizier (the highest official after the Pharaoh), he oversaw the judicial, administrative and economic systems of the state. It was through the activity of the vizier that a centralized management model was implemented, in which the pharaoh was recognized as the source of laws, and the administrative apparatus was an instrument of their execution.

In order to clearly illustrate the concept of the state in the political and legal thought of Imhotep, it seems appropriate to depict it graphically (Fig. 1).

Figure 1. The concept of the state in the political and legal thought of Imhotep

Although Imhotep left no legal treatise (other than "The Teachings of Imhotep"), his activities as a vizier and organizer of state administration suggest that he developed a holistic vision of the state as a centralized, hierarchical, and religious-legal system. Consequently, Imhotep made a significant contribution to the development of political and legal thought in Ancient Egypt, as he developed a systemic concept of the state, embodied not in abstract theory, but in the practice of state administration in Ancient Egypt.

After Imhotep's reign, the development of political and legal thought in Ancient Egypt did not cease, but rather was further systematized within the administrative and didactic tradition. Vizier Ptahhotep (2425-2375 BC) developed the concept of official ethics, specifying the requirements for officials regarding restraint, impartiality, and accountability. The "Teachings of Ptahhotep" enshrined the principle of the priority of "maat" as the normative basis for law enforcement, as well as the idea of the government's responsibility to society. During the Middle Kingdom, the administrative practices of Pharaoh Amenemhat I (1991-1962 BC) contributed to the strengthening of centralized control over the nomes, the standardization of the tax system, and the streamlining of judicial procedures, reflecting the institutionalization of the principles previously established by Imhotep [4, pp. 61-62]. The administrative activities of the judge and chati of Upper Egypt, Rekhmire (15th century BC), attested to the further formalization of the vizier's functions as guarantor of fair legal proceedings and coordinator of the state apparatus; his instructions detailed the rules for the consideration of complaints and standards for decision-making. Thus, Imhotep's followers continued the development of a model of a centralized state in which the sacred principle of "maat" was combined with administrative regulation, and political and legal thought evolved from ethical instructions to a more clearly structured system of governance and judicial control.

Conclusions. Returning to the question posed at the beginning of this paper, it can certainly be argued that the figure of a single statesman of the early dynastic era is capable of determining the direction of the political and legal development of a great civilization for millennia to come. A study of Imhotep's administrative reforms, disciplinary policies, educational initiatives, and moral teachings reveals his systemic influence on the development

of the Egyptian statehood model. Imhotep combined the sacred authority of the servant of Maat with the rational organization of state administration, specifically by promoting the centralization of judicial proceedings, the establishment of official ethics, and the training of a professional corps of scribes and judges. His work laid the foundations for predictable law enforcement, accessibility of the courts for subjects, and strict accountability for officials. The moral maxims attributed to Imhotep reflect the ideal of a ruler who supports those in need, relies on divine order, and does not abuse power. This ideal became canon for subsequent generations of Egyptian thinkers and secular administrators. The combination of ethics and institutional practice formed a unique type of political and legal culture oriented toward maintaining order. Consequently, Imhotep's contribution is fundamental, as his work was one of the sources of a long-standing tradition of Egyptian statehood, in which law was not a random collection of customs, but an ordered system subordinated to the principle of maat and backed by the authority of a centralized government.

LIST OF LITERATURE

1. Алиева, Ф. С. Ассан Аль-Касас «Юсуф» / Ф. С. Алиева // Sciences of Europe. – 2024. – № 136. – С. 56-63.

2. Civgin, I. Eski Mısır"da "Maat-Düzen-Adalet" Kavramı Işığında Kutsal ve Siyasal, Tabakalı Toplum, Devletin Zayıfı Koruma Ödevi / I. Civgin // Galatasaray Üniversitesi İleti-ş-im Dergisi. – 2025. – Vol. 1. – pp. 1065-1109.

3. Ezzamel, M. Concepts of 'the state' and ancient Egypt / M. Ezzamel // The Economy of Ancient Egypt. – 2024. – pp. 11-35.

4. Mancebo, L. La situación administrativa de la ciudad de Tebas tras el traslado de la capital a It Tawi durante el reinado de Amenemhat I / L. Mancebo // Studia historica. Historia antigua. – 2002. – № 20. – pp. 39-63.

5. Orga-Dumitriu, G. Legal Education - History, Methods and Paradigms: the Contribution of Antiquity / G. Orga-Dumitriu // Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala. – 2025. – Vol. 17. – pp. 762-782.

IMHOTEP'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT IN ANCIENT EGYPT

Annotation. In this paper, the author analyzes Imhotep's contribution to the development of political and legal thought in Ancient Egypt. Specifically, the author examines the vizier's administrative reforms, judicial practice, and educational initiatives aimed at centralizing governance and standardizing law enforcement; reveals the significance of the principle of "ma'at" as a normative basis for the legitimization of power and a criterion for just governance. The author concludes that Imhotep's activities played a fundamental role in the development of a centralized Egyptian legal culture.

Keywords: "maat", "The Teaching of Imhotep", Imhotep's philosophical maxim, didactic tradition, public administration.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Leshchenko I. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 343.14

FEATURES OF EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING THE DARKNET NETWORK

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Karpenko L. K., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University

Annotation. This paper analyzes the specifics of the evidence process in the investigation of crimes committed using the Darknet network. The problems of establishing the fact of committing crimes, identifying persons who commit illegal acts through the use of the shadow segment of the Internet, the place and time of the commission of crimes, as well as the process of collecting and verifying digital evidence are considered. Special attention is paid to the regulatory support of expert activities and the problems of criminal procedure regulation in the field of collecting and preserving digital traces seized from the Darknet network.
Keywords: evidence, investigation of crimes, Darknet network, legislation of the Russian Federation, criminal liability.

Relevance of the research topic. The term "Darknet" (from English – "hidden network", "dark network", "shadow network") first appeared in the 1970s and referred to information and communication networks isolated from ARPANET, which were later integrated into the Internet. Since the advent of the Darknet, the shadow segment has become a convenient tool for committing crimes. As of January-December 2025, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation recorded a record increase in crime (over 30% compared to the previous quarter), and the number of crimes committed using the Darknet network amounted to 702 thousand [10]. Today, about 2.5 million people visit the Darknet network on the territory of the Russian Federation every day.

Every year, the Russian Federation takes active measures to combat crime in the information and telecommunications network, and therefore, on January 9, 2025, the Government of the Russian Federation updated the Concept of the state system for Countering Illegal acts committed using information and communication technologies [5]. Especially relevant, in view of the increasing number of complex technological schemes for concealing traces of criminal activity using the capabilities of information and telecommunications networks, is the study of the features of evidence in the investigation of crimes committed using the Darknet network.

The **object** of this study is the social relations that arise in the field of evidence during the investigation of crimes committed using the Darknet.

The **subject** of this study is the theoretical and practical aspects of proving individual crimes committed using the Darknet.

The **purpose** of this study is to analyze the specifics of the evidence process during the investigation of crimes committed using the Darknet.

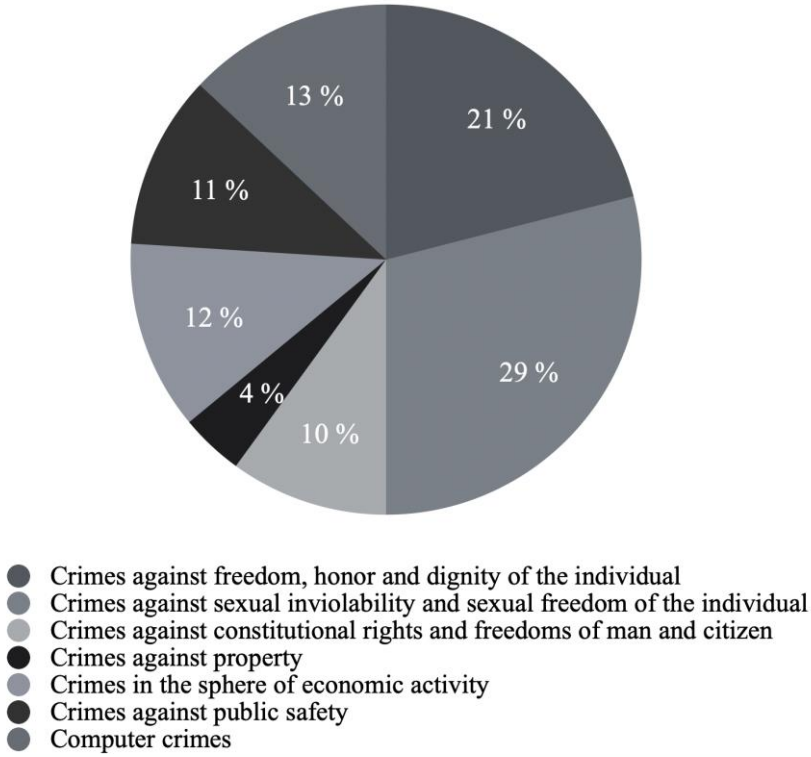
Materials and Methods. The **methodological basis** of the study is the dialectical method as a general scientific method for understanding socio-legal phenomena. The application of the dialectic of the general and the particular to the study of the specifics of proof in the investigation of crimes committed using the Darknet led to the use of statistical, historical-legal, systemic, legal (dogmatic), and comparative research methods.

Theoretical basis of the study. In criminal law, the specifics of proof during the investigation of crimes committed using the Darknet network have been covered in the works of such scholars as: D. M. Apkaev, N. M. Nikishkin, O. Yu. Bubnova, S. N. Sukhov, A. M. Shuvalova, Zh. I. Rybokitova, A. B. Smushkin, and others.

Results and discussion. A crime committed using the Darknet network is an illegal act (action) carried out in the anonymous part of the Internet information and telecommunications

network using classified protocols and cryptographic means, and falls under the sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ [2]. The percentage of crimes committed in different categories using the Darknet network can be seen in the diagram below (Fig. 1).

Figure 1. The ratio of the number of crimes committed in different categories using the Darknet network as of February 2026

When investigating crimes committed using the Darknet network, questions often arise about the collection and analysis of evidence. One of the key features of evidence in such cases is the need to establish the fact of a crime. Proving is a systematic activity of authorized entities aimed at establishing circumstances that are essential for solving a criminal case. In the process of proving the facts of illegal trade on anonymous platforms, the collection of evidence is paramount: IP addresses, transaction data, correspondence between participants and other relevant materials [7, p. 50].

The subjects of evidence in the investigation of crimes committed through the Darknet network are participants in the criminal process who have a procedural interest or perform functions that provide for independence in performing evidentiary actions. Depending on the protected interest, they are divided into two main groups:

a) persons charged with the duty of proof (inquirer, body of inquiry, investigator, head of the investigative body, prosecutor, public prosecutor);

b) persons having a direct and personal interest as a result of the criminal case (suspect, accused, victim, civil plaintiff and defendant).

The collection of evidence is carried out by authorized subjects – the inquirer, investigator, prosecutor and court by conducting investigative and other procedural actions in accordance with the requirements of the criminal procedure legislation. Verification of evidence consists in comparing it with other information available in the case, establishing the sources of origin and obtaining additional evidence confirming or refuting their authenticity.

Evidence is any information on the basis of which a court, prosecutor, investigator or inquirer establishes the presence or absence of circumstances to be proved, as well as other circumstances important for the resolution of a criminal case. Evidence obtained in violation of

the provisions of the criminal procedure legislation is inadmissible and has no legal force.

The scope of the evidence base in cases of crimes committed using the shadow segment of the Internet is limited by the subject of proof. According to Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996, circumstances characterizing the event of the crime (time, place, method of its commission), the guilt of the person, the motives of the crime, circumstances characterizing the personality of the accused, the harm caused by the crime, as well as circumstances excluding criminality or punishability of the act, are subject to proof. circumstances mitigating or aggravating punishment, and those that may lead to exemption from criminal liability [1].

As noted by D. M. Apkaev, the main difficulty of proving cases of crimes committed using the Darknet network is the anonymity of users, which makes it difficult to identify criminals [6, p. 40]. Criminal liability for unlawful access to computer information is provided for in Part 1 of Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. However, in order to be successfully prosecuted under this article, it is necessary not only to establish the fact of access, but also to identify and prove the guilt of the person who committed this act. In this context, it is important to use forensic computer-technical expertise, which makes it possible to analyze the data obtained from electronic devices and establish their connection with specific actions.

The next important aspect is to establish the crime scene. The lack of data on the actual physical location of users on the Darknet makes it difficult to determine the jurisdiction and location of the crime. When a criminal uses a VPN service in order to conceal the source of access to the network, it is not possible to determine the actual location of the crime. Difficulties also arise in determining jurisdiction, for example, in cases of computer virus "infection" of technical devices in twenty countries at the same time.

Establishing the exact time of the crime is also difficult due to the instantaneous implementation of anonymous transactions through the Darknet network. Using server logs (text files) and other electronic records allows you to set the exact time only if the data has not been modified or deleted.

To conceal their actions on the Darknet, criminals alternate between various technologies (encryption, Tor software, payment in cryptocurrency), access to which is closed to law enforcement software. Consequently, as A. B. Smushkin notes, law enforcement officers use agent networks, legendary input or implementation to access the Darknet network and seize information, as a result of which the proving procedure becomes more complicated [9, p. 105].

The subjects of crimes committed using the Darknet network are often an operating jointly organized criminal group. Establishing the guilt of individuals is difficult if a criminal group uses complex technological schemes to conceal criminal activity. The consequences caused by criminal acts using the Darknet network are always significant [8, p. 31]. And the need to involve experts in the field of economics and information technology to determine the amount of damage complicates the proof process.

The collection of evidence is based on the use of modern technologies that make it possible to identify the actions of criminals on the network. The effectiveness of an investigation depends on the methods used at all stages, starting from operational investigative actions. In accordance with Article 6 of the Federal Law "On Operational Investigative Activities" dated August 12, 1995, No. 144-FZ, operational investigative measures may be carried out in order to obtain information about facts that may be relevant to a criminal case [3]. The use of traffic monitoring and Internet activity analysis methods is becoming essential.

During the interrogation of detainees, the investigator uses certain psychological techniques aimed at encouraging suspects to cooperate (Article 189 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ). The difficulty lies in the high level of technical training of the criminal, since he has deep knowledge of technology and can easily manipulate information, making it difficult to obtain the necessary information

from him.

Equally important is the inspection of the crime scene. According to Article 177 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ, an inspection is conducted to identify traces of a crime and other discovered objects. Traces of a crime may also exist in the form of digital information, which must also be properly recorded and reflected in the inspection report.

The rapid development of crime on the Darknet often forces investigators to resort to involving specialized experts to conduct technical examinations (Article 168 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ). It is computer-technical examinations that are currently becoming an important part of procedural activities. Instructions on the need for an independent and objective examination are generally reflected in Article 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ. However, the possibility of conducting examinations is hampered by the absence in the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation" dated June 29, 2005 No. 511 of uniform methodological guidelines for organizing the production of forensic examinations for crimes of this category of cases [4].

Conclusions. An analysis of modern aspects of evidence in the investigation of crimes committed using the Darknet reveals a number of problems. The prevailing anonymity of users in the darknet, the use of high-tech means of concealing traces (cryptographic encryption tools, VPN services, and Tor software), and the international dispersal of criminal groups create significant obstacles to identifying and bringing perpetrators to justice. Furthermore, the lack of uniform guidelines for conducting technical examinations, the hampered access to digital evidence, and the insufficient regulation of the process of collecting and preserving digital information create a legal gap.

LIST OF LITERATURE

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 73.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 126.

3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 14.08.1995. – № 33. – Ст. 6.

4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ Министерства внутренних дел России от 29.06.2005 N 511 // «Российская газета». – 30.08.2005. – № 191. – С. 22.

5. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 N 4154-р // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 13.01.2025. – № 2. – Ст. 76.

6. Апкаев, Д. М. Преступления, совершенные неустановленными лицами с использованием анонимайзеров и VPN-сервисов: проблемы противодействия / Д. М. Апкаев, Н. М. Никишкин // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2021. – № 1 (27). – С. 39-41.

7. Бубнова, О. Ю. К вопросу исследования и анализа скрытого сегмента сети Интернет / О. Ю. Бубнова, С. Н. Сухов, А. М. Шувалова // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 48-52.

8. Рыбокитова, Ж. И Предупреждение преступности среди студентов образовательных организаций: по материалам Центрального федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 – Уголовно-правовые науки / Рыбокитова Жанна Игоревна. – Тамбов, 2024. – 321 с.

9. Смушкин, А. Б. Криминалистические аспекты исследования даркнета в целях расследования преступлений / А. Б. Смушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 3 (136). – С. 102-111.

10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/ (дата обращения: 09.02.2026). – Загл. с экрана.

FEATURES OF EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING THE DARKNET NETWORK

Annotation. This paper analyzes the specifics of the evidence process in the investigation of crimes committed using the Darknet network. The problems of establishing the fact of committing crimes, identifying persons who commit illegal acts through the use of the shadow segment of the Internet, the place and time of the commission of crimes, as well as the process of collecting and verifying digital evidence are considered. Special attention is paid to the regulatory support of expert activities and the problems of criminal procedure regulation in the field of collecting and preserving digital traces seized from the Darknet network.

Keywords: evidence, investigation of crimes, Darknet network, legislation of the Russian Federation, criminal liability.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Karpenko L. K. Candidate of Legal Sciences, associate professor
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 343.43

CURRENT PROBLEMS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO KIDNAPPING USING THE DARKNET NETWORK

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Karpenko L. K., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University

Annotation. This paper provides a comprehensive analysis of current issues in solving and investigating crimes involving kidnapping using the Darknet. It examines the specific methods used to organize kidnappings through anonymous networks, cryptocurrency payments, and remote coordination of accomplices. It analyzes regulatory and doctrinal provisions regarding the classification of kidnapping and identifies the specifics of objective and subjective elements of the crime in the context of digital technologies. It also outlines evidentiary challenges, particularly in tracking cryptocurrency transactions and identifying organizers acting remotely.
Keywords: kidnapping, Darknet network, crime investigation, criminal liability, investigative practice.

The **relevance of the research topic** is due to the rapid spread of cases of kidnapping people using hidden segments of the Internet information and telecommunications network, primarily through the Darknet, in the Russian Federation. The crime, liability for which is provided for by Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ [2], over the past five years has acquired new forms of implementation through the use of encrypted communication channels, cryptocurrency payments and the services of intermediaries in the shadow segment of the online network. According to data published by the Interpol General Secretariat, in 2025, 312 episodes of kidnapping of people were recorded worldwide, the organization or coordination of which was carried out through Darknet platforms; in 2026, the number of such cases increased to 447, with more than 38% of the crimes being cross-border in nature [10]. These figures indicate a significant modification in the methods of preparation and implementation of the kidnapping process, including in the Russian Federation.

The **object** of the study is the social relations that arise in the field of disclosure and investigation of crimes related to kidnapping through the Darknet network.

The **subject** of the research is the theoretical and practical aspects of the disclosure and investigation of crimes related to kidnapping through the Darknet network.

The **purpose of the study** is to analyze the current problems of disclosure and investigation of crimes related to kidnapping through the Darknet network.

Materials and methods. The **methodological basis** of the research is the statistical, systematic, legal and comparative research method.

The theoretical basis of the research. In criminal law science, the problems of disclosure and investigation of crimes related to kidnapping through the Darknet network have been highlighted in the works of such scientists as: A. A. Amiryan, K. O. Bekishev, D. D. Zelenskaya, O. M. Polatov, M. S. Prokhorova, G. Y. Sokolsky, A. I. Togaibaev, S. S. Togaibayeva, and others.

The results and their discussion. The phenomenon of this type of activity is closely related to the hidden segment of the information and telecommunications network "Internet", operating under encrypted protocols – the Darknet network. The origin of the Darknet network occurred as a result of the development of the ARPANET network (from the English "Advanced Research Projects Agency Network" – a network of agencies for advanced research projects) in the 1970s, which laid the foundation for future routing and data encryption technologies. In order to implement protocols that allow messages to be routed through a number of encrypted nodes, as well as hiding the location of users and the content of information, the concept of "onion routing" was developed, which provided for the separation of data into parts and their

distribution through various routes. The technology includes specialized encryption and routing algorithms that provide multi-layer data protection: each node or repeater performs only a partial decryption operation, preventing the identification of the final source of the message.

It was the emergence of the first electronic bulletin boards with “onion routing” in the 1970s that laid the foundation for the further anonymization of network connections. The Usenet system, which emerged in 1980, subsequently became the first prototype of anonymous forums. In 2003, P. Biddle, P. England, M. Peinado and B. Willman in their work "The Darknet and the Future of Content Distribution" first formulated the definition of the darknet: "Darknet should be understood as a network or technologies that are not a separate physical network, but rather an additional layer of applications and protocols that operate on top of existing networks and enable the exchange of digital materials in a hidden or anonymous mode" [11, pp. 3-4].

In modern usage, the Darknet is a hidden segment of the internet accessible exclusively through specialized browsers. It is characterized by high anonymity, lack of indexing by standard search engines, diverse content, and the use of encryption and routing technologies to ensure user privacy and invisibility. The operation of this hidden segment of the information and telecommunications network is based on the principles of multi-layered encryption and decentralization. Furthermore, the lack of indexing of Darknet web pages by standard search engines makes them difficult to discover and search, contributing to the creation of a shadow information space.

Darknet content is represented by a variety of criminal-oriented platforms (anonymous email services, forums, social networks, and online libraries specifically created for criminal activity). Therefore, the Darknet space is home to numerous resources that ensure user anonymity, as well as the ability to covertly distribute prohibited content (including posting advertisements for kidnapping services), making it difficult to detect in the Russian Federation. Darknet platforms are characterized by a high level of anonymity and security, as they utilize encrypted connections, specially protected nodes (servers for anonymous transmission and user concealment), and the "friend-to-friend" principle (ensuring maximum privacy of users' personal data and hindering their tracking). As a result of the development of technologies for anonymizing network connections in the shadow segment of the internet, the practice of kidnapping via the Darknet has also become widespread.

The object of kidnapping is the right of a person to freedom of movement and determination of his own location, guaranteed by the Basic Law of the state [1].

The objective aspect is described as the unlawful seizure, removal, and subsequent detention of the victim. According to paragraph 2 of Resolution No. 58 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019, kidnapping is defined as unlawful intentional actions involving the secret or open seizure (abduction) of a living person, removal from their place of permanent or temporary residence, and subsequent detention against their will in another location [3]. Unlawful seizure involves establishing effective control over a person against their will. Relocation involves changing the victim's spatial location, regardless of the distance or duration of the transfer. Further detention involves depriving the person of the ability to freely leave a specific location. The method of influence – physical violence, threats, deception, or exploitation of a helpless state – is irrelevant for the classification of the act. The decisive factor is the unlawful deprivation of freedom of movement itself. However, committing the crime in question via the Darknet changes the mechanism by which the illegal actions are carried out.

Kidnapping using anonymous information and telecommunications networks is changing the way illegal activities are carried out. Digital platforms on the anonymous internet serve as a tool for searching for accomplices, those who ordered the kidnapping, vehicles, and disguises, as well as a channel for making ransom demands for the kidnapped person. Organizational preparation can be carried out remotely, without personal contact between participants.

Anonymity and the use of cryptocurrency make it difficult to identify those involved in the attack.

Despite the change in instrumentality, the legal nature of the act remains unchanged: an attack against a person's personal freedom. Seizure, removal, and detention remain mandatory elements of the objective element. Online technologies influence the methods of preparation and coordination, but do not change the essence of unlawful deprivation of liberty, which poses an increased public danger and entails criminal liability.

A kidnapping offender is defined as an individual who has reached the age of fourteen and is capable of being held criminally responsible. The offender does not necessarily have to be directly physically involved in the capture and transfer of the offender, as they may act through intermediaries using online platforms to commit illegal acts.

Considering the subjective aspect of the crime, it is important to emphasize the following: it is characterized by guilt in the form of direct intent and the specific purpose of further detaining the kidnapped person.

Having determined the composition of the kidnapping, it is necessary to proceed to the study of the specifics of the commission of this crime, as well as the problems of its disclosure and investigation. A distinctive feature of illegal acts committed through the use of the Darknet network is hidden telecommunications and the use of network protocols aimed at hiding IP addresses and routing traffic through multi-level nodes. In view of this, the organizers of the kidnappings use anonymous trading platforms, encrypted communication channels and cryptocurrency settlements. Posting job ads, casting calls, or other offers allows you to attract potential victims without direct contact. After establishing trust, criminals coordinate the movement of victims through several states using forged documents through intermediaries. The model under consideration assumes a clear distribution of roles between the participants: recruiters, carriers, persons responsible for financial transactions, administrators of shadow services, etc.

Studying foreign experience in countering such crimes, it is advisable to turn to the case of the abduction of a Chinese actor on January 3, 2025. The law enforcement agencies of the People's Republic of China and the Kingdom of Thailand conducted a joint operation, as a result of which 12 people involved in an international criminal network were detained. The criminals used darknet resources to publish fraudulent offers for "演员在泰国王国拍摄电影" (literally from Chinese – "casting actors for filming a movie in the Kingdom of Thailand"). Upon arrival of the victims in the specified state, they were illegally transported to Myanmar for the purpose of further sale to a group engaged in telecommunications fraud [8]. The investigation was accompanied by the seizure of electronic media, mobile devices and cryptographic wallets. The forensic computer examination made it possible to restore the history of connections to hidden services, identify the accounts used to administer ads, and also establish the time intervals of activity of suspects. In parallel, a blockchain analysis of transactions was carried out using specialized software, which made it possible to trace the movement of cryptocurrencies between addresses and identify the final beneficiaries. The data obtained became the basis for international requests for legal assistance, the seizure of assets and the prosecution of those responsible.

The above example of solving and investigating crimes in Asian countries demonstrates the effectiveness of combining traditional investigative methods with modern digital forensics techniques. Coordination between states, rapid information exchange, and the involvement of experts in network protocol analysis made it possible to expose the criminal scheme, identify all those involved, and prevent further recruitment of victims. The positive experience of solving and investigating kidnappings committed via the Darknet in Asian countries confirms the feasibility of using similar approaches in investigative activities in the Russian Federation. Adopting proven mechanisms of international cooperation, developing technical support, and training specialized specialists will contribute to increased effectiveness in combating

kidnappings organized through anonymous networks and strengthen guarantees for the protection of personal freedom.

It should be noted that kidnapping organized via the Darknet is often combined with extortion, as well as illegal trafficking of personal data, money laundering, and other crimes. If these elements are present, the actions of the perpetrators are subject to classification as multiple offenses under the provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ. The remote coordination of criminal actions involving kidnapping does not eliminate the organizer's liability, since the intellectual and volitional scope of the consequences extends to the deprivation of the victim's freedom of movement. However, in criminal law theory, the question of when a crime ends in the absence of physical contact between the organizer and the victim remains debatable. The position of O. M. Polatov, M. S. Prokhorov, G. Yu. Sokolsky, A. A. Amiryan, D. D. Zelenskaya, Sh. S. Togaybaeva, A. I. Togaybaev and K. O. Bekishev seems justified, according to which the crime should be considered completed from the beginning of the actual detention of the victim in the place determined by the perpetrators, even under the condition of remote control of the actions of the perpetrators [5, p. 56; 6, p. 28; 4, p. 119; 7, pp. 88-89].

International cooperation is of vital importance in solving and investigating crimes involving the abduction of Russian citizens via the Darknet. Hidden service servers, cryptocurrency exchanges, and criminal group members may be located in different countries, so the effectiveness of combating this type of crime depends on the promptness of requests for international legal assistance, the creation of joint investigative teams, and the use of extradition mechanisms for suspects. According to publicly available materials on international cooperation in investigating cases of abductions posted on the information and telecommunications network, from January 2025 to January 2026, more than 54% of investigated cases required the participation of at least three countries, and the average response time to an international request was 68 days, negatively impacting the possibility of the rapid release of the victims, the majority of whom are citizens of the Russian Federation [9].

Conclusions. The study confirms the increased public danger of kidnapping organized through the Darknet in 2026, as well as the increasing complexity of detection and proof mechanisms. It has been established that the use of anonymized networks, cryptocurrency payments, and a distributed model of complicity necessitates modifications to traditional forensic approaches and, therefore, requires a combination of investigative measures with additional forensic technical and forensic financial examinations. The remote coordination of illegal kidnapping activities does not preclude criminal liability for the organizer, provided they possess intellectual and volitional elements. The effectiveness of counteraction is determined by the promptness of international legal assistance, the formation of joint investigative teams, and the use of blockchain analytics to identify beneficiaries in kidnapping transactions. Therefore, the combination of these provisions forms the basis for improving investigation methods and law enforcement practices in the Russian Federation.

LIST OF LITERATURE

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 14.04.2020. – № 15. – Ст. 27.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // «Собрании законодательства Российской Федерации». – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 126

3. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 (ред. от 09.12.2025). – Режим доступа: Система «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc. – Дата обращения: 23.02.2026. – Загл. с экрана.

4. Амирян, А. А. Проблема отграничения преступлений, связанных с похищением человека, от других смежных составов / А. А. Амирян, Д. Д. Зеленская // Epomen. Global. – 2025. – № 59. – С. 117-121.

5. Полатов, О. М. Похищение человека: взгляд российского и зарубежного законодателей / О. М. Полатов, М. С. Прохорова // Юстиция. – 2024. – № 1. – С. 53-58.

6. Сокольский, Г. Ю. § 1.3. Объективные признаки похищения человека / Г. Ю. Сокольский // Уголовная ответственность за похищение человека и захват заложника: Монография. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 22-36.

7. Тогайбаева, Ш. С. Сравнительный анализ состава уголовного правонарушения «похищение человека» в РК и в некоторых зарубежных странах / Ш. С. Тогайбаева, А. И. Тогайбаев, К. О. Бекишев // Наука и реальность. – 2024. – № 3 (19). – С. 84-91.

8. Полиция Китая и Таиланда арестовали 12 человек по делу о торговле людьми, связанному с похищением китайского актера // Официальный сайт информационного агентства «Синьхуа» на русском языке «Russian.news.cn» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.news.cn/20250118 (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

9. Analysis of international cooperation in the investigation of kidnapping cases // International legal cooperation in combating kidnapping of citizens [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawcooperation.gov.ua (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

10. Human trafficking // The International Criminal Police Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: interpol.int›News (дата обращения: 23.02.2026). – Загл. с экрана.

11. Biddle, P., England, P., Peinado, M., Willman, B. The Darknet and the Future of Content Distribution / P. Biddle, P. England, M. Peinado, B. Willman // Digital Rights Management. – 2003. – Vol. 1. – pp. 1-16.

CURRENT PROBLEMS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO KIDNAPPING USING THE DARKNET NETWORK

Annotation. This paper provides a comprehensive analysis of current issues in solving and investigating crimes involving kidnapping using the Darknet. It examines the specific methods used to organize kidnappings through anonymous networks, cryptocurrency payments, and remote coordination of accomplices. It analyzes regulatory and doctrinal provisions regarding the classification of kidnapping and identifies the specifics of objective and subjective elements of the crime in the context of digital technologies. It also outlines evidentiary challenges, particularly in tracking cryptocurrency transactions and identifying organizers acting remotely.

Keywords: kidnapping, Darknet network, crime investigation, criminal liability, investigative practice.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Karpenko L. K. Candidate of Legal Sciences, associate professor
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 343.98

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ ОРУДИЙ ВЗЛОМА, ОБНАРУЖЕННЫХ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Хань Г.А, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные проблемы исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия. Подчеркивается роль высокого качества фотоснимков в обеспечении объективной идентификации следов орудий взлома. Отдельное внимание уделяется значению правильной упаковки и маркировки слепков следов орудий взлома для сохранения их целостности и достоверности результатов проводимой судебно-трасологической экспертизы. Анализируются современные методы фиксации и документирования следов, а также проблемы, связанные с их реализацией. Освещаются перспективы усовершенствования исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия.
Ключевые слова: осмотр места происшествия, следы орудия взлома, судебно-трасологическое исследование, фиксация следов, проблемы идентификации следов.

Актуальность темы. Возможно ли обеспечить полную и объективную идентификацию следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия? Исходя из анализа материалов криминалистической практики и положений научной доктрины, более чем 48% судебно-трасологических исследований следов орудий взлома сталкиваются с трудностями ввиду низкого качества фотоснимков, сделанных при осмотре места происшествия. Недостаточная детализация снимков приводит к потере важной информации о глубине, высоте и микрорельефе следов, критично важной для определения типа орудия взлома и направления следа орудия взлома. В 45% случаев неправильно сфокусированные камеры или неправильное расположение линз вызывают искажение реальных размеров и форм следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, которое, впоследствии, затрудняет их сравнение со следами, полученными в лабораторных условиях. Кроме того, более 70% судебно-трасологических экспертиз усложняются ввиду повреждения или деформации следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, во время транспортировки или упаковки. Таким образом, значимость исследования обусловлена необходимостью рассмотрения актуальных проблем, возникающих при изучении следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при исследовании следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия.

Предметом исследования выступают теоретические и практические аспекты исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия.

Цель исследования – рассмотреть актуальные проблемы исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия.

Материал и методы. **Методологическую основу** исследования составляет диалектический метод как общенаучный метод познания социально-правовых явлений. Применение диалектики общего и особенного для изучения актуальных проблем исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, обусловило применение статистического, историко-правового, системного, юридического (догматического) и сравнительного методов исследования.

Теоретическая основа исследования. В криминалистической науке проблемы исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, освещались в трудах таких российских и зарубежных ученых, как: В. Р. Арутюнян,

Ю. П. Голдованский, А. В. Иванов, Л. К. Литвиненко, С. И. Поташник, М. В. Салтевский, Т. А. Столбоушкина, С. Н. Трегубов, Б. И. Шевченко и др.

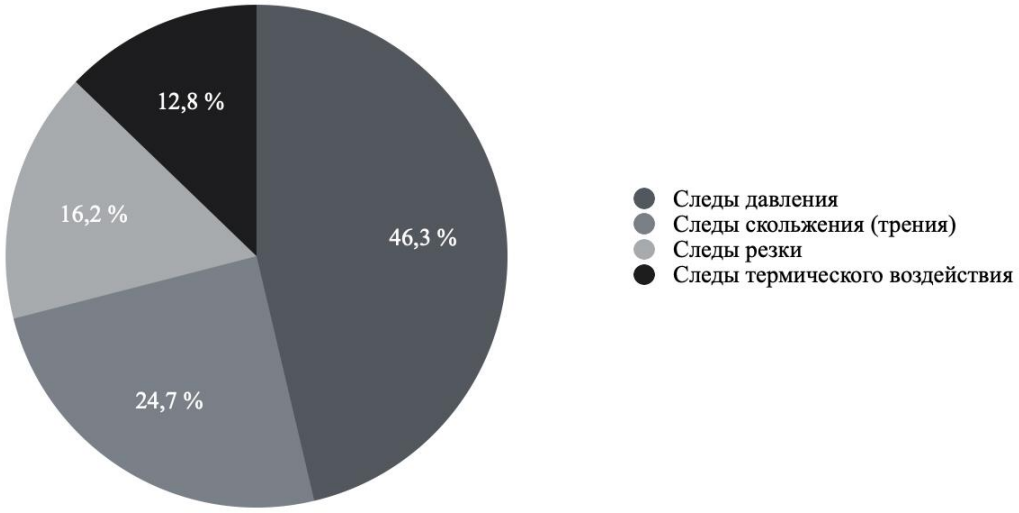
Результаты и их обсуждение. Начальные заметки о методологии исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, были сделаны дореволюционными учеными, уделявшими большое внимание значению отпечатков на древесине и других материалах для определения вида орудия и способа его применения. Ученые того времени предлагали фиксацию больших повреждений и малых следов путем фотографирования и создания слепков из пластилина или резины. В 1935 году первый учебник криминалистики был издан с целью рассмотрения проблем исследования следов орудий взлома, их поддельных видов, профессионализма взломщика и взаимосвязи следов с подозреваемыми. Предложил расширенную классификацию следов по механизму их образования и описал различные виды следов, включая деформационные и отпечатки поверхностной формы, в 1947 году Б. И. Шевченко [10, с. 35-36]. Затем, значительный вклад сделал С. Н. Трегубов, рекомендовавший поручать исследование следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, научным экспертам, а не сотрудникам милиции, с целью избегать неправильных выводов относительно приемов преступника и его личности [9, с. 178-180].

Постепенно появлялись работы по анализу орудий взлома и разработке методик фиксации следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия. Б. И. Шевченко в 1975 году была детализирована группа следов орудий взлома, определены различия между общей формой объекта и частными формами поверхности, позволявшие более точно выделить отдельные признаки орудий взлома. Учение об исследовании следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, развивалось на основе общих теоретических положений и практических наблюдений советских криминалистов. В 1950-е годы М. В. Салтевский, Л. К. Литвиненко, С. И. Поташник, Ю. П. Голдованский предложили новые подходы к экспертному исследованию срезов орудий взлома, расширению круга объектов идентификации таких следов и использованию достижений смежных наук [8, с. 11-12; 6, с. 235-236; 7, с. 261; 3, с. 9].

В 1960-1980-е годы возросло внимание к практическим алгоритмам исследования следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия. С. И. Поташник предложил последовательность экспертного исследования следов и орудий с упором на общие черты, изготовление экспериментальных слепков и сравнительный анализ с помощью микроскопии [7, с. 261]. Л. К. Литвиненко выдвинул рекомендации по фиксации следов на бетоне, кирпиче и дереве с помощью силикатного клея и даммарного лака, а также применения рентгенографии для глубоко проникающих следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия [6, с. 235-236]. Идея рассматривать следы орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, как комплекс с взаимодействием инструментов, материалов и технологии изделия, возникла в 1980-1990-е годы.

На сегодняшний день изучением материально-фиксированных следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, закономерностей их образования и разработкой приемов, методов и научно-технических средств их выявления, фиксации, извлечения и исследования занимается трасология. Исходя из анализа материалов судебной и криминалистической практики, находящейся в открытом доступе информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в период с января 2025 года по январь 2026 года при осмотре мест происшествий, связанных со взломом, были зафиксированы следующие статистические данные относительно следов орудий взлома, результаты которых представлены ниже (рис. 1).

Рисунок 1. Статистика следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, в период с января 2025 года по январь 2026 года

Большинство преступлений, совершаемых против собственности, происходит с применением технических средств, к которым относятся различные орудия излома, в частности бытовые и производственные инструменты, такие как: ломики, багры, пилы, топоры, молотки, монтажные лопатки; приспособления, специально изготовленные для преступных целей, в частности: фомки, балерины, гусиные лапы, применяемые для проделывания отверстий или разрушения металлических преград. Также, используются предметы, которые случайно оказываются на месте преступления, например: металлические стержни, обрезки труб, арматурные прутья, металлические прутья, обломки различных материалов, камни, ветки деревьев, дающие возможность частично или полностью разрушить препятствия и проникнуть к объекту. Наличие следов, оставленных на месте преступления после применения перечисленных средств, являются объектами трасологической судебной экспертизы, поскольку позволяют установить характер и способ проникновения, а также идентифицировать орудия взлома. Использование специально изготовленных инструментов – фомок, балерин или гусиных лап – позволяет преступникам за небольшой отрезок времени разрушить замок, дверное полотно или металлическую конструкцию. Применение технических средств для взлома, орудий и приспособлений, имеющих специальное назначение или случайный характер, способствует быстрому разрушению препятствий для совершения преступления, а следы их применения являются важными объектами судебной экспертизы, поскольку позволяют установить обстоятельства совершения преступления и идентифицировать преступника.

С целью установления происхождения следов и идентификации объектов, оставивших их, производится судебно-трасологическая экспертиза на основании статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 N 174-ФЗ и в порядке, предусмотренном Приказом Минюста России от 20 апреля 2023 года N 72 [1; 2].

В соответствии со статьями 177 и 287 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 N 174-ФЗ, при осмотре местности и помещений следователь, прокурор или привлеченный специалист имеют право осуществлять измерения, фотографирование, видеозапись, составлять планы и схемы, изготавливать графические изображения, отпечатки и слепки, а также изымать вещи и документы, имеющие значение для уголовного дела. При проведении исследования

следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, следователь и/или специалист ориентируется не только на обнаружение, фиксацию и извлечение следов орудий взлома, но и на установление механизма проникновения и реконструкцию действий взломщиков. Однако, нередки имитации следов орудий взлома для сокрытия иных преступлений (например, кражи). Поэтому, для определения действительного характера события преступления производится тщательный осмотр места происшествия, осуществляется поиск следов, проводится анализ их последовательность образования и направления, определяется механизм излома на месте следа орудия взлома.

Качественное исследование следов орудий излома, отмечают А. В. Иванов и В. Р. Арутюнян, предполагает правильное извлечение следов вместе с объектами-носителями или их частями путем изготовления слепков объемных следов [5, с. 72-73]. Изготовленные слепки следов орудий взлома во время осмотра места происшествия должны упаковываться так, чтобы сохранялась целостность при их транспортировке (уложение слепков следов в картонные коробки с заполнением свободного пространства мягким материалом) и присутствовала маркировка (наименование объекта, место его обнаружения, дата, подписи: специалиста, следователя и понятых). Вместе с тем, нередки случи нарушения правил упаковки слепков следов орудий взлома, ухудшающие состояние объектов при доставке и приводящие к повреждениям, а иногда и к потере важных фрагментов следов. В результате исследования получают объекты в поврежденном или деформированном состоянии, что затрудняет анализ и идентификацию следов. Поэтому правильная упаковка является ключевым этапом в сохранении ценной следовой информации и обеспечении ее достоверности.

Маркировка каждого слепка следов орудий взлома, а также объектов, изымаемых во время осмотра места происшествия, позволяет провести дальнейшее судебно-трасологическое исследование последовательно. Так, к примеру, при исследовании следов орудий взлома на сейфе с кодовым замком обозначается внутренняя и внешняя сторона механизма с целью установления направления образования следов. Аналогично, на разделенных для судебно-трасологического исследования фрагментах строительных преград, загораживающих вход в помещение, таких как задвижки, навесные замки и решетки, проставляется пометка с указанием времени и даты среза, а также должностного лица, его совершившего. Документирование позволяет избежать потери времени на анализ срезов, сделанных должностным лицом при осмотре места происшествия, и сосредоточиться на следах, оставленных преступником, важных для установления обстоятельств происшествия. Несмотря на это, зачастую следователи ограничиваются лишь фотоснимками следов орудий взлома, не фиксируя полную картину для восстановления события преступления. Вследствие изложенного, на судебно-трасологическое исследование направляются иллюстрации или таблицы с фотоизображениями, которые не всегда передают всю информацию, необходимую для ответа на поставленные в ходе проведения экспертизы вопросы. Такой подход ограничивает возможности судебного эксперта и снижает качество выводов, поскольку отсутствует систематизированная информация об объектах (следах орудий взлома).

По общему правилу, все следы орудий взлома, обнаруженные на месте происшествия, фиксируются фотографической съемкой. На снимках запечатляется расположение места взлома относительно окружающих предметов и обстановки. Обязательно прилагается общий вид взломанной поверхности с внешней и внутренней стороны. При съемке проломов с толстых стен (из древесины или кирпича) позиция камеры выбирается со стороны торца проема. Фотографии должны фиксировать признаки взлома, характеризующие способ его осуществления, а также размещение частей сломанных замков и следов орудий взлома. Фиксируется взаимное расположение следов, их удаленность от повреждений и объектов обстановки. Масштабная фотосъемка позволяет определить размеры предметов, однако не восстанавливает их точное

пространственное размещение, поэтому применяется исключительно для фиксации плоскости объектов с небольшим рельефом или мало протяженных в глубину.

Проблема исследования следов орудий взлома при осмотре места происшествия сосредоточена вокруг качества фотографических снимков, используемых для фиксации и анализа таких следов. Отсутствие надлежащего качества снимков значительно затрудняет точность и надежность дальнейшего исследования, поскольку плохое качество фиксации уменьшает информативность полученных данных. Основные причины низкого качества снимков заключаются в неправильной технической реализации процесса фотосъемки, а именно, при несоблюдении правил относительно расположения масштаба, параллельности предмета и фокусировки камеры. Неправильная подготовка к фотографированию следов преступления приводит к получению изображений с низкой четкостью, неравномерным освещением, чрезмерной контрастностью. Вследствие таких недостатков следы орудий взлома изображаются нечеткими или размазанными, затрудняя их идентификацию и сравнение с другими материалами в ходе проведения судебно-трасологической экспертизы. Кроме того, неверно выставленное освещение и отсутствие правильной фокусировки часто вызывают крупнозернистость и нерезкость, уменьшая ценность фотоснимков как доказательства по уголовному делу. К тому же, применение только лишь одного метода фиксации с помощью масштабной линейки не способно обеспечить полную информативность, поскольку ухудшение качества фотоснимков затрудняет анализ следов, снижает их репрезентативность и способность экспертов к формированию обоснованных выводов относительно времени и технология создания оставленного следа орудия взлома.

Основные недостатки, с которыми сталкиваются эксперты при проведении судебно-трасологической экспертизы следов орудий взлома, изъятых с помощью масштабной фотосъемки при осмотре места происшествия, заключаются в отсутствии отображения глубины и высоты отдельных элементов следов, которое делает невозможным определение размерных характеристик следов орудий взлома. К тому, отмечают А. В. Иванов и Т. А. Столбоушкина, нередко отсутствие микрорельефа элементов следов орудий взлома, затрудняющее их микроскопическое исследование; а отсутствие масштабной линейки на некоторых снимках следов оружий взлома лишает возможности сопоставить измерения [4, с. 84-85]. Объектив камеры нередко располагается не параллельно плоскости следа орудия взлома и масштабной линейки, ввиду чего возникают искажения реальных размеров и форм следов орудий взлома. Фокусировка объектива относительно линейки может быть неправильной, если линейка разделена нерезко или сливаются края. Также наблюдается нарушение пропорций краев кадра относительно центра, характерное оптическое искривление. Часто снимок имеет ограниченное или неполное изображение следов из-за неверного определения границ снимка, а копии осмотра места происшествия могут содержать расхождения с размерами следов орудий взлома и информацией в протоколе. Низкое разрешение файлов и иллюстративных таблиц снижает детализацию, а неправильный угол освещения и чрезмерное использование вспышек приводят к потере отдельных признаков или их общих черт.

Выводы. Качество фиксации следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, имеет решающее значение для успешной идентификации. Несовершенство фотоснимков, вызванное нарушениями правил фотосъемки, снижает количество полезной информации о глубине, высоте и микрорельефе следов, затрудняя проведение сравнительной судебно-трасологической экспертизы и определение типа взлома инструмента. В ходе исследования отмечались неправильная фокусировка, недостаточная детализация и плохое освещение, приводящие к получению нечетких изображений, которые не содержат необходимых характеристик для высокоточных

исследований следов орудия взлома. Распространенная практика фиксации следов орудий взлома, обнаруженных при осмотре места происшествия, для проведения дальнейшего судебно-трасологического исследования ограничивается фотографированием с применением масштабной линейки, которое не способно в полной мере обеспечить достаточное количество информации о глубине и объемных особенностях следов орудий взлома. На основании рассмотренных проблем следует подчеркнуть необходимость усовершенствования методик фотографирования, применения дополнительных средств и технологий для проведения точного исследования следов орудий взлома, обнаруженных на месте происшествия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // «Российская газета». – 22.12.2001. – № 249. – Ст. 195.

2. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста России от 20.04.2023 N 72 (ред. от 31.01.2024) (Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2023 N 73133) // «Российская газета». – 26.04.2023. – № 4 (6). – Ст. 8.

3. Голдованский, Ю. П. Криминалистическое исследование следов взлома на месте происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.00 – Юриспруденция / Юрий Петрович Голдованский, Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. Кафедра Криминалистики. – Москва, 1967. – 15 с.

4. Иванов, А. В. Актуальные вопросы трасологического исследования механических замков / А. В. Иванов, Т. А. Столбоушкина // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 4 (58). – С. 82-88.

5. Иванов, А. В. Особенности исследования образованных давлением следов орудий взлома / А. В. Иванов, В. Р. Арутюнян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 2 (52). – С. 71-75.

6. Литвиненко, Л. К. Криминалистическое исследование следов орудий и инструментов: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.00 – Юриспруденция / Леонид Кондратьевич Литвиненко. – Киев, 1959. – 293 с.

7. Поташник, С. И. Осмотр и криминалистическая экспертиза следов орудий взлома: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.00 – Юриспруденция / Семен Исаакович Поташник. – Москва, 1963. – 304 с.

8.Салтевский, М. В. Криминалистическая экспертиза замков и пломб: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность / Михаил Васильевич Салтевский, М-во высш. образования УССР. Харьк. юрид. ин-т им. Л. М. Кагановича. – Харьков, 1956. – 13 с.

9. Трегубов, С. Н. Основы уголовной техники: Науч.-техн. приемы расследования преступлений / С. Н. Трегубов. – Москва: ЛексЭст, 2002. – XX, 297 с.

10. Шевченко, Б. И. Научные основы современной трасеологии / Б. И. Шевченко ; Под ред. Е. У. Зицера ; Моск. юрид. ин-т. – Москва: тип. ТАСС, 1947. – 54 с.

ACTUAL PROBLEMS OF INVESTIGATING THE TRACES OF BURGLARY TOOLS FOUND DURING THE INSPECTION OF THE CRIME SCENE

Annotation. This paper examines current issues in the examination of burglary tool marks discovered during crime scene examinations. The role of high-quality photographs in ensuring the objective identification of burglary tool marks is emphasized. Particular attention is given to the importance of properly packaging and labeling burglary tool mark casts to preserve their integrity and the reliability of forensic trace evidence. Modern methods for recording and documenting trace evidence, as well as the challenges associated with their implementation, are analyzed. Prospects for improving the examination of burglary tool marks discovered during crime scene examinations are highlighted.

Keywords: crime scene examination, traces of burglary tools, forensic trace examination, recording of traces, problems of trace identification.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Khan G. A. Candidate of Legal Sciences, associate professor
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 343.144

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Ушакова К. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе проанализированы особенности организации и тактики проведения допроса отношении участников транснациональной организованной преступной группы. Дано авторское определение понятия «транснациональная организованная преступная группа». Определены особенности подготовки и проведения допросов в отношении организаторов и исполнителей – участников транснациональной организованной преступной группы; применения тактических приемов для получения объективных и полных показаний по уголовному делу. Обоснована важность использования современных методов фиксации и анализа показаний (схемы, фотоснимки и схематическое отображение связей). Освещен психологический аспект ведения допроса в целях эффективного расследования преступлений, совершаемых транснациональной организованной преступной группой лиц.
Ключевые слова: уголовно-процессуальные особенности расследования преступлений, допрос, тактика следственных действий, организованная преступная группа, транснациональная преступность.

Актуальность темы. Первое задержание и последующий допрос транснациональной организованной преступной группы на территории Российской Федерации был произведен в 1993 году в период расследования преступной деятельности группы, которая действовала между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, совершая грабежи в поезде «Пекин-Москва» и других объектах [8, с. 127]. С тех пор расследование преступлений, совершаемых транснациональными организованными преступными группами, связано с необходимостью проведения большого количества допросов, в частности допросов участников транснациональной организованной преступной группы, определением последовательности допроса тех или иных лиц, подготовки к допросу, определения обстоятельств, входящих в предмет допроса, и др. По состоянию на 2021 год – начало 2026 года количество транснациональных организованных преступных групп в мире возросло на 42%, в подтверждение тенденции углубления глобальной криминальной активности. В частности, в начале 2026 года Министерство внутренних дел Российской Федерации сообщило о значительном росте транснациональной организованной преступности на территории Российской Федерации и за её пределами, затрудняющем раскрытие таких преступлений и требующем применения новых тактических подходов во время проведения следственных действий [14]. Таким образом, необходимостью рассмотрения особенностей организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы и обусловлена тема исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе организации и проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы.

Предмет исследования составляют теоретические и практические аспекты организации и проведения допросов в отношении участников транснациональной организованной преступной группы.

Цель исследования – проанализировать особенности организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы.

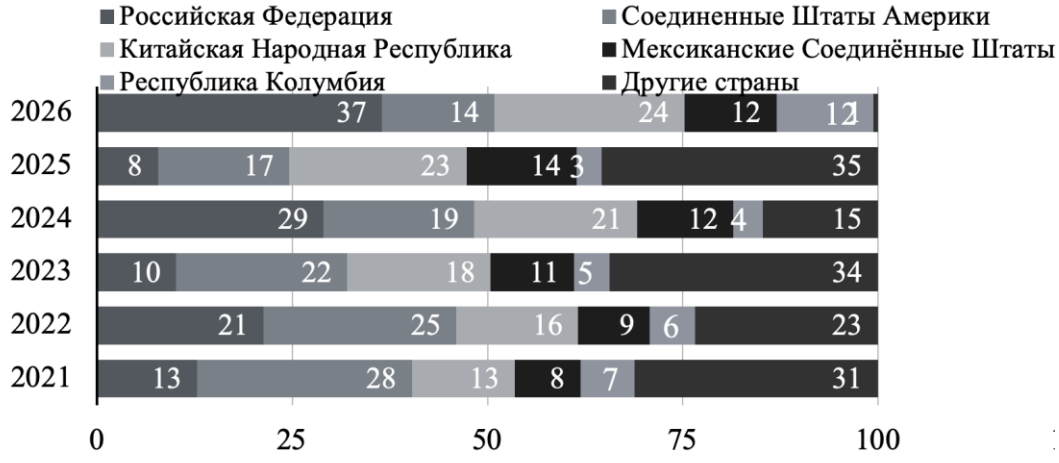
Материал и методы. **Методологическую основу** исследования составляет диалектический метод как общенаучный метод познания социально-правовых явлений. Применение диалектики общего и особенного для исследования особенностей организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы обусловило применение статистического, историко-правового, системного, юридического и сравнительного методов исследования.

Теоретическая основа исследования. В уголовно-правовой науке особенности организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы освещались в трудах таких российских и зарубежных ученых, как: А. Г. Андрианов, Д. М. Валеев, С. А. Зази, Н. В. Кузьмина, Д. Н. Лозовский, Э. Р. Бойко, И. Е. Речков, В. И. Луговой, Т. Сыроед и др.

Результаты и их обсуждение. Термин «организованная преступная группа» впервые был нормативно закреплен в Указе Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 года, определившим уголовную ответственность за хищение государственного и общественного имущества и ставшим первоначалом дальнейшей систематизации представлений о преступных объединениях, носящих характер организованной группы [5]. Лишь в 1994 году в Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики была добавлена статья 17.1, определившая само понятие «организованной преступной группы» [4]. Совершенствование определения рассматриваемого понятия произошло с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ, закрепившего единые правила квалификации преступлений, связанных с организованными преступными группами [2].

На сегодняшний день под «организованной преступной группой», согласно части 3 статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ, понимается устойчивая группа лиц, объединившихся заранее для совершения одного или нескольких преступлений. Обязательными признаками такой группы являются ее устойчивость и предварительная договоренность участников. Только за последние пять лет, с 2021 по 2026 год, в мире наблюдается рост количества транснациональных организованных преступных группировок, занимающихся различными видами преступной деятельности, проследить процентное соотношение которого следует на нижеприведенное диаграмме (рис. 1) [13].

Рисунок 1. Процентное соотношение глобальной динамики роста количества транснациональных организованных преступных группировок с 2021 по 2026 год по странам

Д. М. Валеев определяет транснациональную организованную преступную группу как устойчивое объединение трех или более лиц, осуществляющее систематическую преступную деятельность, имеющее иерархическую структуру и международные связи, направленные на получение прибыли [6, с. 25]. Т. Сыроед определяет её как организованную криминальную систему, функционирующую в нескольких государствах, имеющую четкое распределение ролей и создаваемую для реализации корыстных, политических и/или идеологических целей [12, с. 307]. В. И. Луговой рассматривает транснациональную организованную преступную группу как консолидированную систему преступников, действующих согласованно, с целью совершения преступлений не менее чем средней тяжести, носящую характер транснациональной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [11, с. 199]. Однако, представленные определения не являются полными, поскольку не учитывают всех аспектов криминологической, процессуальной и правовой характеристики транснациональных преступных групп, особенностей их структурной организации, мотивации участников и динамики деятельности в глобальном масштабе.

Ввиду отсутствия, на сегодняшний день, единого подхода к определению рассматриваемого понятия видится целесообразным предложить авторскую дефиницию. *Под транснациональной организованной преступной группой следует понимать устойчивое, структурированное объединение трех и более лиц, которое создано с целью систематического совершения одного или нескольких преступлений транснационального характера, заранее объединенных общим преступным умыслом, под руководством организатора, с целью получения материальной выгоды, b осуществляющей свою деятельность в нескольких государствах, независимо от политических или идеологических целей, зачастую с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий*.

Сложность расследования преступлений, совершаемых транснациональными организованными группами, заключается не только в их криминалистических характеристиках, но и в методах выявления и раскрытия. Основным следственным действием, позволяющим собрать информацию о деятельности преступных формирований, выступает допрос (получение новых доказательств и проверка имеющихся, подтверждение или опровержение факта совершения общественно опасных деяний и дополнительных обстоятельств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации).

Тактика допроса участников транснациональной организованной преступной группы в уголовном судопроизводстве предусматривает применение различных видов допроса и тактических приемов с целью получения объективных и полных показаний, способствующих установлению истины по делу. Обязанность по организации и порядку проведения допроса, в соответствии со статьей 189 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ, возлагается на следователя [3].

Подготовка к допросу по делам о преступлениях, совершаемых транснациональной организованной преступной группой, предусматривает: а) определение предмета допроса, анализ следственной ситуации и изучение материалов уголовного производства; б) идентификацию участников транснациональной организованной преступной группы и порядок их допроса; в) сбор оперативной информации о структуре группы и преступлениях, совершенных в ней; г) изучение личности допрашиваемого, подбор вещественных доказательств, планирование времени и места, а также подготовка технических средств фиксации являются неотъемлемыми этапами.

Первоначально, при организации допроса участников транснациональной преступной группы, следователь анализирует материалы уголовного производства и

определяет предмет исследования, заключающийся в установлении обстоятельств, известных допрашиваемому лицу. Как отмечает С. А. Зази, организатор транснациональной преступной группы зачастую владеет наиболее полной информацией по уголовному делу [7, с. 144]. Отбор сведений осуществляется с учетом их релевантности к предмету допроса, их последующей оценки и использования во время процесса. В ходе проведения предварительного допроса следователь формирует вопросы. К предмету допроса относятся следующие обстоятельства: а) механизмы формирования транснациональной преступной группы и цели преступной деятельности; б) структура и функциональные роли участников транснациональной преступной группы; в) сведения о всех участниках и соучастниках транснациональной преступной группы; г) лица, остающиеся на свободе и поддерживающие деятельность или пытающиеся создать единую линию поведения с задержанными участниками транснациональной преступной группы; д) механизмы взаимодействия между участниками транснациональной преступной группы; е) способы сокрытия преступной деятельности; ж) источники финансирования деятельности транснациональной преступной группы и материально-техническое обеспечение; з) маршруты передачи информации и ресурсов; и) оснащенность транснациональной преступной группы вооружением; к) объекты преступных посягательств и др.

Особенности допроса по уголовным делам о преступлениях, совершенных транснациональными организованными преступными группами, заключаются в том, что допрос организатора направлен на получение широкого спектра информации относительно целей создания преступного сообщества, его структуры, объемов преступной деятельности, способов привлечения новых участников, тогда как допрос участника группы сосредоточен на установлении конкретных фактов, позволяющих индивидуализировать вину и роль каждого из них в преступной деятельности, с особым вниманием на положение в группе, роль и доказательства участия в преступлении.

К предмету допроса организаторов или руководителей транснациональной организованной преступной группы И. Е. Речков относит обстоятельства, характеризующие процесс её формирования, функционирования и иерархию [10, с. 38]. Так, определяются первоначальные мотивы создания структурированного преступного сообщества, предполагаемые направления и виды преступной деятельности, а также участники, их роли и ответственность; способы совершения преступных действий, средства конспирации и сокрытия следов, а также транснациональные связи, которые способствовали созданию и поддержке деятельности преступной группы; учитываются методы привлечения новых участников, каналы получения данных разведки, а также действия группы по защите преступной деятельности. Не менее значимыми являются вопросы получения и распределения преступных доходов между участниками транснациональной организованной преступной группы. Анализируются конфликтные отношения внутри группы и противостояние с другими преступными формированиями.

Для исполнителя, отмечают Д. Н. Лозовский, А. Г. Андрианов и Э. Р. Бойко, предмет допроса охватывает его участие в конкретных преступлениях, роли и обязанности, а также мотивы их совершения. Кроме того, исследуются вопросы планирования и сокрытия преступных действий, взаимоотношения с другими участниками транснациональной организованной преступной группы, а также причины совершения преступлений [9, с. 179]. Обстоятельства, характеризующие характер события, его механизм и степень вины, имеют важное значение для раскрытия сути преступной деятельности. В отношении преступлений, совершаемых транснациональными организованными преступными группами, особое внимание уделяется особенностям формирования группировки, ее иерархической структуре, механизмам совершения преступлений, а также сферам деятельности, в частности экономическим, политическим или связанным с легализацией доходов.

Нередко, следует отметить, превалирует сообщение ложных сведений о совершенных участниками транснациональной организованной преступной группы преступлений или, вовсе, отказ от дачи показаний. Организаторы транснациональных организованных преступных групп отказываются свидетельствовать без присутствия адвоката, ссылаясь на статью 63 Конституции Российской Федерации [1]. Поэтому, тактика допроса в таких случаях характеризуется установления психологического контакта, постановки уточняющих и контрольных вопросов, предъявления доказательств, создания представления об информированности следователя.

Поскольку все участники уголовного процесса являются носителями информации, необходимой для установления истины по уголовному делу, то в целях проверки показаний, полученных при допросе участников транснациональной организованной преступной группы, проводится допрос свидетелей и потерпевших. При организации и проведении допроса свидетелей и потерпевших по делам о преступлениях, совершенных транснациональной организованной преступной группой, целесообразно применять схемы места происшествия и ориентировочные объемные фотоснимки для уточнения показаний и восстановления обстановки происшествия. Помимо изложенного, изготовление и использование схем преступных связей, расположение исполнителей и взаимодействий между участниками позволяет наиболее точно установить объективную картину события преступления.

Выводы. Ведущим следственным мероприятием в сборе доказательной базы по уголовному делу является допрос, позволяющий получить новую информацию, проверить имеющиеся данные и подтвердить либо опровергнуть обстоятельства преступной деятельности в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Особенности организации и тактики проведения допроса участников транснациональных организованных преступных групп обусловлены их структурным постоянством, иерархическим построением и международными связями, направленными на систематическое совершение преступлений с целью получения материальной выгоды.

Под транснациональной организованной преступной группой следует понимать устойчивое, структурированное объединение трех и более лиц, которое создано с целью систематического совершения одного или нескольких преступлений транснационального характера, заранее объединенных общим преступным умыслом, под руководством организатора, с целью получения материальной выгоды, осуществляющей свою деятельность в нескольких государствах, независимо от политических или идеологических целей, зачастую с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Проведенный анализ позволяет выделить отличительные черты организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы, которые заключаются в применении специальных методов и приемов, направленных на получение максимально объективных и полных показаний с учетом их структурного построения, иерархии, международных связей и мотивов преступной деятельности. К предмету допроса участников транснациональной организованной преступной группы следует относить обстоятельства, характеризующие организованный характер преступной деятельности, а именно: механизм преступного события, продолжительность, распространенность, наличие постоянной деятельности и ее плановый характер, а также наличие вооружения, технических средств и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2020. – № 15. – Ст. 63.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 35.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 24.12.2001. – № 52 (часть I). – Ст. 189.

4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утр. силу) // «Ведомости Верховного Совета РСФСР». – 31.10.1960. № 40. – Ст. 17.1.

5. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества: Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 (утр. силу) // «Ведомости Верховного Совета СССР». – 1947. – № 19. – С. 19-20.

6. Валеев, Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Валеев Динар Мунирович, Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – Казань, 2016. – 227 с.

7. Зази, С. А. Допрос обвиняемого при расследовании преступлений, совершенных организованной преступной группой / С. А. Зази // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. – 2019. – № 1. – С. 142-147.

8. Кузьмина, Н. В. Анализ деятельности организованных преступных этнических групп в контексте противоправного поведения / Н. В. Кузьмина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 20 (91). – С. 123-133.

9. Лозовский, Д. Н. Отдельные аспекты тактики допроса / Д. Н. Лозовский, А. Г. Андрианов, Э. Р. Бойко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. – С. 175-180.

10. Речков, И. Е. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершенных членами устойчивых вооруженных групп (банд) / И. Е. Речков // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 3. – С. 35-41.

11. Luhovyi, V. O. Scientific disputes regarding the formulation of the concept of "transnational organized criminal group" / V. O. Luhovyi // Scientific Bulletin of public and private law. – 2023. – No. 6. – Pp. 198-202.

12. Syroid, T. International criminal legal counteraction to transnational crimes / T. Syroid // Scientific Bulletin of Uzhgorod National University. Series: Right. – 2023. – Vol. 2, No. 77. – Pp. 304-309.

13. Global statistics of transnational criminal groups 2020-2026 // Official website of the International Organization for Combating Crime [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interpol.int/ru/News-and-Events/Statistics/Transnational-Crime-Groups-2021-2026 (дата обращения: 12.02.2026). – Загл. с экрана.

14. Состояние преступности // Официальный сайт министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/ (дата обращения: 12.02.2026). – Загл. с экрана.

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND TACTICS OF INTERROGATION OF MEMBERS OF A TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIMINAL GROUP

Annotation. This paper analyzes the organization and tactics of interrogating members of a transnational organized crime group. The author provides a definition of the term "transnational organized crime group". The paper outlines the specifics of preparing and conducting interrogations of the organizers and perpetrators of a transnational organized crime group, as well as the use of tactical techniques to obtain objective and complete testimony in a criminal case. The importance of using modern methods for recording and analyzing testimony (diagrams, photographs, and schematic representations of connections) is substantiated. The psychological aspect of conducting interrogations for the purpose of effectively investigating crimes committed by a transnational organized crime group is highlighted.

Keywords: criminal procedural aspects of crime investigation, interrogation, investigative tactics, organized crime group, transnational crime.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Ushakova K. S., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 343.132

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСГУМАЦИИ ТРУПА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Ушакова К. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе определены актуальные проблемы уголовно-процессуального регулирования эксгумации трупа в Российской Федерации. Освещено отсутствие единого определения понятия «эксгумации трупа», очерчены цели, участники, основания и процессуальные особенности проведения данного следственного действия. Определена роль эксгумации трупа в установлении обстоятельств смерти, идентификации личности и получении доказательной базы в рамках расследования уголовного дела. Автором сформулировано определение понятия «эксгумации трупа». Обоснована необходимость внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ путем дополнения статьей 178.1 «Эксгумация трупа» ввиду разных целей и процессуального порядка проведения таких следственных действий, как осмотр трупа и эксгумация трупа.
Ключевые слова: уголовно-процессуальное регулирование, следственные действия, эксгумация трупа, процессуальные особенности, совершенствование законодательства.

Актуальность темы. Следственные действия в уголовном производстве являются фундаментальными инструментами познавательной деятельности органов досудебного расследования, поскольку направлены на установление истины по конкретному уголовному делу относительно фактических обстоятельств совершения преступлений. Законодатель причисляет в статьях 176-207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ к следственным следующие действия: осмотр, эксгумация трупа, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, личный обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, допрос, очную ставку, предъявление для опознания, проверку показаний на месте, производство судебной экспертизы и получение образцов для сравнительного исследования [1]. Среди перечисленных следственных мероприятий наиболее дискуссионным, на сегодняшний день, остается эксгумации трупа ввиду отсутствия в действующем законодательстве Российской Федерации определения понятия «эксгумации трупа», целей её проведения, определенного законодателем перечня поводов и оснований, обуславливающих законность проведения эксгумации трупа, перечня лиц-участников проведения такого следственного мероприятия и порядка его уголовно-процессуального проведения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-процессуального регулирования эксгумации трупа в Российской Федерации.

Предмет исследования составляют теоретические и практические аспекты уголовно-процессуального регулирования эксгумации трупа в Российской Федерации.

Цель исследования – определить актуальные проблемы уголовно-процессуального регулирования эксгумации трупа в Российской Федерации и предложить пути их решения.

Материал и методы. **Методологическую основу** исследования составляет диалектический метод как общенаучный метод познания социально-правовых явлений. Применение диалектики общего и особенного для исследования особенностей организации и тактики проведения допроса в отношении участников транснациональной организованной преступной группы обусловило применение историко-правового, системного и юридического методов исследования.

Теоретическая основа исследования. В науке уголовно-процессуального права проблемы уголовно-процессуального регулирования эксгумации трупа в Российской Федерации освещались в трудах таких российских и зарубежных ученых, как: О. Баулин, Б. Т. Безлепкин, О. Виноградова, А. М. Гамидов, В. А. Гаужаева, П. Елфимов, Л. Г. Лифанова, С. С. Парада, О. Х. Поркшеян, А. Т. Султанахмедов, И. И. Субхангулов, А. А. Тарасов, Р. Р. Умярова и др.

Результаты и их обсуждение. Следственные действия представляют собой процессуальные мероприятия органа досудебного расследования, направленные на систематический сбор, проверку и фиксацию доказательств по уголовному делу. Сущность следственных действий рассматривается через содержание самого понятия «следствие». Сам по себе термин «следствие», в формулировке С. И. Ожегова, означает «выяснение, расследование обстоятельств, связанных с преступлением» [10, с. 236]. Приведенное лексическое толкование отражает общую направленность деятельности органов досудебного расследования и подчеркивает её познавательный характер, заключающийся в установлении фактических данных о событии уголовного преступления, лиц, причастных к его совершению, а также других обстоятельств, имеющих значение для правильного раскрытия и расследования преступления.

В уголовно-процессуальной доктрине следственные действия рассматриваются основным способом реализации функции расследования. В частности, как отмечает Е. В. Полуянова, «следственные действия – это действия, способствующие выяснению, расследованию всех обстоятельств, связанных с преступлением» [11, с. 16]. В таком понимании следственные действия выступают процессуальными средствами получения, проверки и закрепления доказательной информации, обеспечивающими формирование доказательной базы по уголовному делу. Подобной позиции относительно понимания сущности следственных действий придерживаются и другие ученые. Так, С. А. Шейфер, П. А. Лупинская, И. Л. Петрухин, В. С. Шадрин, Р. Х. Якупов, А. А. Чувилев и В. А. Семенцов рассматривают следственные действия прежде всего как процессуальные акты познавательного характера, направленные на установление фактических обстоятельств совершения преступления и формирование доказательств в уголовном процессе [12, с. 14]. В рамках изложенного подхода ключевым признаком следственных действий признается их ориентация на получение новой информации о событии преступления или проверку уже имеющихся сведений. Именно путём проведения следственных действий обеспечивается достижение основной цели досудебного расследования – всестороннее, полное и объективное установление всех обстоятельств совершенного преступления.

Уголовно-процессуальные действия имеют общее задачей сбор и проверку полученных доказательств по уголовному делу. Очевидно, к признакам следственных следствий следует относить их направленность на сбор и проверку доказательств, регламентированную процедуру их проведения и их осуществление, по общему правилу, после возбуждения уголовного дела. Выбор конкретного следственного действия зависит от сложившейся на определённый момент расследования фактического положения дел и определения пределов доказывания. Наиболее трудными в расследовании являются дела, связанные с идентификацией личности, установлением причин смерти и обнаружением новых доказательств по уголовному делу. Для этого проводится такое следственное действие, как эксгумация трупа.

Первые положения об эксгумации трупа были закреплены в статье 180 Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [2]. Однако, эксгумация трупа не была выделена отдельным следственным действием. Законодателем она признавалась лишь вспомогательной (не обязательной) процедурой для проведения осмотра трупа. Извлечение трупа из места захоронения регулировалось статьёй, посвященной осмотру трупа. В действующем Уголовно-

процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ, несмотря на признание законодателем эксгумации трупа в качестве отдельного следственного действия, она, фактически, включена в статью 178, определяющую порядок осмотра трупа, и рассматривается одной из форм осмотра трупа, связанной с его изъятием из места захоронения для проведения дальнейшего исследования.

Законодатель Российской Федерации, следует отметить, на сегодняшний день не приводит определения рассматриваемого понятия, а в доктрине уголовно-процессуального права оно трактуется по-разному. Так, отмечает А. М. Гамидов, понятие «эксгумация трупа» происходит от латинского слова «exhumare» – «извлекать из земли», и впервые было зафиксировано в латинских текстах Средних веков для описания процесса извлечения тел из могил или гробов [4, с. 147]. Р. Р. Умярова определяет эксгумацию как следственное действие, заключающееся в изъятии трупа с места захоронения для проверки имеющихся и установления новых доказательств по делу [9, с. 101-102]. Эксгумация трупа, утверждает С. С. Парада, представляет собой процесс извлечения человеческого тела из места захоронения в соответствии с судебным решением, проводимым с целью повторного осмотра, исследования или подтверждения личности умершего в рамках открытого уголовного производства [6, с. 41-42]. По мнению В. А. Гаужаевой и Л. Г. Лифановой, эксгумация трупа – это следственное действие, которое заключается в извлечении человеческого тела из его законного места захоронения для проведения судебно-медицинского исследования [5, с. 246]. И. И. Субхангулов и А. А. Тарасов эксгумацией трупа признают процесс извлечения человеческих останков из земли, осуществляемый в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, с целью проведения повторного осмотра или судебно-медицинского исследования для выяснения обстоятельств смерти [8, с. 164]. Однако, приведенные определения нельзя назвать полными, поскольку они не охватывают всех процессуальных аспектов проведения эксгумации трупа, её целей, оснований, порядка проведения.

Таким образом, ввиду отсутствия в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и доктрине уголовно-процессуального права единого подхода к определению рассматриваемого понятия, представляется необходимым сформулировать авторскую дефиницию: *эксгумация трупа представляет собой следственное действие, проводимое по постановлению следователя (либо суда в отдельных случаях), которое заключается в изъятии человеческого тела или его останков с законного места захоронения, осуществляемом в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, с целью проведения судебно-медицинского исследования, осмотра, опознания, получения доказательств или уточнения обстоятельств смерти, а также в случае необходимости проведения повторного осмотра или подтверждения личности умершего в рамках уголовного производства*.

Относительно целей эксгумации трупа автор постатейного Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ, Б. Т. Безлепкин, определяет её как передачу тела для опознания, проведения повторного или первичного осмотра, а также дополнительной, повторной или первичной экспертизы [3, с. 351-352]. То есть, основной целью осуществления данного следственного действия является получение доказательств, необходимых для установления обстоятельств по уголовному делу, уточнения уже имеющихся фактов, а также обеспечение возможности применения других следственных действий, а именно: предъявления для опознания или направления на экспертное исследование [7, с. 63-64]. В уголовно-процессуальной научной доктрине особое внимание уделяется вопросам возможности эксгумации трупа способствовать получению новых доказательств по уголовному делу, проверке и коррекции предыдущих выводов, а также получению

дополнительной информации, позволяющей точнее определить механизм события преступления и обстоятельства, его сопровождавшие. С точки зрения П. Елфимова, О. Виноградовой и О. Баулина, цели эксгумации трупа предопределяются её потенциалом для раскрытия обстоятельств преступления путем повторного исследования объекта (трупа), получения дополнительных следов, уточнения и подтверждения ранее установленных фактов, позволяющих восполнить недостающую доказательную базу уголовного производства [14, с. 149; 13, с. 205-206].

Процессуальный порядок проведения эксгумации трупа выступает одним из ключевых элементов гарантии законности и достоверности расследования преступления, и определен в части 3, 4 и 5 статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ. Эксгумация трупа производится по постановлению прокурора. Основной целью исследования трупа является исключение насильственной смерти или установление лица, принадлежащего останкам, а также обеспечение условий для дальнейшего осмотра, экспертных исследований или других процессуальных процедур. Соответственно, при изъятии трупа осуществляется его извлечение из места захоронения в присутствии судебно-медицинского эксперта с соблюдением правил осмотра трупа, закрепленных в части 1 и 2 статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ.

В процессе проведения эксгумации трупа допускается привлечение близких родственников покойного или подозреваемого для реализации этической составляющей следственного действия. Привлечение эксперта к процессу эксгумации трупа имеет большое значение, учитывая его обязанности по анализу состояния трупа и извлечению объектов, необходимых для исследования в рамках уголовного дела. Судебно-медицинский эксперт выполняет роль координатора и консультанта, обладая специальными знаниями, необходимыми для правильного исследования останков трупа. В его функциональные обязанности входит не только осмотр, но и проведение извлечения биологических материалов, образцов для лабораторных исследований или других объектов, имеющих доказательное значение по конкретному уголовному делу. Привлечение специалиста позволяет осуществить комплексный анализ состояния трупа, сформировать независимый обоснованный вывод относительно обстоятельств смерти.

Несмотря на то, что два следственных действия – осмотр трупа и эксгумация – расположены законодателем в статье 178 «Осмотр трупа. Эксгумация» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ, они имеют разные цели проведения следственного действия, порядок его проведения и процессуальные особенности. Осмотр трупа направлен на фиксацию повреждений, установление причин смерти и идентификацию личности, он проводится непосредственно на месте обнаружения и предусматривает быстрый внешний осмотр с оформлением протокола. Эксгумация же имеет целью изъятие трупа с места захоронения для проведения повторного или дополнительного исследования, она осуществляется по постановлению следователя или суда и включает специфический порядок документирования и привлечения специалистов. Поэтому, наиболее целесообразным является размещение данных следственных действий отдельными статьями в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ.

Выводы. Под э*ксгумацией трупа необходимо понимать следственное действие, проводимое по постановлению следователя (либо суда в отдельных случаях), которое заключается в изъятии человеческого тела или его останков с законного места захоронения, осуществляемом в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, с целью проведения судебно-медицинского исследования, осмотра, опознания, получения доказательств или уточнения обстоятельств смерти, а также в случае необходимости проведения*

повторного осмотра или подтверждения личности умершего в рамках уголовного производства. Эксгумация трупа является следственным действием, которое соответствует признакам розыскных процедур, а именно: проводится только по постановлению следователя (или суда); процедура эксгумации трупа определена уголовно-процессуальным законом; имеет целью получение новых доказательств по уголовному делу или проверку ранее полученных.

Обращая внимания на разные цели и процессуальный порядок проведения таких следственных действий, как осмотр трупа и эксгумация трупа, расположенных в статье 178 «Осмотр трупа. Эксгумация» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ, видится необходимым размещение данных следственных действий отдельными статьями. Так, представляется целесообразным внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ путем дополнения статьей 178.1 следующего содержания:

«*Статья 178.1. Эксгумация трупа*

1. Эксгумация трупа – следственное действие, проводимое по постановлению следователя (либо суда в отдельных случаях), которое заключается в изъятии человеческого тела или его останков с законного места захоронения, осуществляемом в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, с целью проведения судебно-медицинского исследования, осмотра, опознания, получения доказательств или уточнения обстоятельств смерти, а также в случае необходимости проведения повторного осмотра или подтверждения личности умершего в рамках уголовного производства.

2. Эксгумация трупа осуществляется по постановлению следователя или суда в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, при необходимости извлечения трупа из места захоронения. Постановление обязательно для администрации, ответственной за место захоронения. В случае возражения близких родственников или родственников покойного против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом по ходатайству прокурора.

3. Труп или его останки изымаются с места захоронения в присутствии судебно-медицинского эксперта и осматриваются в соответствии с положениями настоящей статьи. После проведения эксгумации и необходимых исследований могила и захоронения восстанавливаются в прежнее состояние.

4. В процессе эксгумации трупа могут быть изъяты образцы тканей и органов, необходимых для проведения судебно-медицинских или экспертных исследований. При необходимости труп или его части могут быть доставлены в медицинское или исследовательское учреждение для проведения соответствующих исследований.

5. Неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию.

6. О проведенной эксгумации трупа составляется протокол, в котором указываются результаты, выявленные объекты и действия, которые были осуществлены во время ее проведения. К протоколу прилагаются фото- и видеоматериалы, слепки и отпечатки, данные измерений.

7. Расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном статьей 131 настоящего Кодекса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 24.12.2001. – № 52 (часть I). – Ст. 178.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (утр. силу) // «Свод законов РСФСР». – 1960. – № 40. – Т. 8. – Ст. 592.

3. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): Научное издание / Б. Т. Безлепкин // 16-е издание. – Москва: Проспект, 2023. – 659 с.

4. Гамидов, А. М. Проблемы эксгумации как особого следственного действия / А. М. Гамидов, А. Т. Султанахмедов // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С. 147-148.

5. Гаужаева, В. А., Лифанова, Л. Г. Терминология и историко-правовой анализ регулирования процедуры осмотра трупа и эксгумации / В. А. Гаужаева, Л. Г. Лифанова // Право и управление. – 2024. – № 1. – С. 243-248.

6. Парада, С. С. Эксгумация как следственное действие: актуальные проблемы теории и практики / С. С. Парада // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 1. – С. 39-43.

7. Поркшеян, О. Х. «Эксгумации трупов (классификация поводов)» / О. Х. Поркшеян // Актуальные вопросы судебной медицины и криминалистики. Труды ЛенГИДУВа. – 1966. – № 49. – С. 63-64.

8. Субхангулов, И. И. Тактические аспекты производства эксгумации в уголовном судопроизводстве / И. И. Субхангулов, А. А. Тарасов // E-Scio. – 2021. – № 8 (59). – С. 163-168.

9. Умярова, Р. Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина и практика : дис. ... канд. юрид. наук: спец. 5.1.4 – Уголовно-правовые науки / Умярова Регина Рушановна, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Нижний Новгород, 2024. – 243 с.

10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 10-е изд., стер. – Москва: Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.

11. Полуянова, Е. В. Производство следственных действий в стадии судебного разбирательства / Е. В. Полуянова // Российский следователь. – 2007. – № 4. – С. 15-18.

12. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер ; Самарский государственный университет. – Самара: Самарский государственный университет, 2004. – 228 с.

13. Baulin, O. Examination of a corpse associated with the exhumation during pre-trial investigation / O. Baulin // Criminalistics and Forensics. – 2022. – Vol. 1. – Pp. 201-213.

14. Elfimov, P., Vinogradova, O. Official burial place as a source of evidentiary information for exhumation proceedings / P. Elfimov, O. Vinogradova // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – Vol. 2. – Pp. 143-151.

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURAL REGULATION OF EXHUMATION OF A CORPSE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper identifies current issues of criminal procedure regulation of corpse exhumation in the Russian Federation. It highlights the lack of a unified definition of the term "corpse exhumation" and outlines the purposes, participants, grounds, and procedural features of this investigative action. It defines the role of corpse exhumation in establishing the circumstances of death, identifying a person, and obtaining an evidence base within the framework of a criminal investigation. The author formulates a definition of the term "corpse exhumation". The need to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, N 174-FZ, by supplementing it with Article 178.1 "Exhumation of a Corpse" is substantiated due to the different purposes and procedural procedures for conducting such investigative actions as corpse examination and corpse exhumation.

Keywords: criminal procedure regulation, investigative actions, corpse exhumation, procedural features, legislative improvements.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Ushakova K. S., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 347.828

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Степанюк А.Р.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема защиты частной жизни от вторжения беспилотных летательных аппаратов (дронов) как актуальная задача современного гражданского права. Проанализированы пробелы в законодательстве, а также предложены конкретные меры по совершенствованию правового регулирования для минимизации подобных нарушений.
Ключевые слова: частная жизнь, беспилотные летательные аппараты, правовое регулирование, ответственность.

В последние годы большую популярность приобретает использование дронов, они же беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА). БПЛА используются в различных целях: видеосъёмка на свадьбах, простая съёмка красот природы, исследование местности, а также ради простого развлечения.

Так как в подавляющем большинстве случаев дроны оснащены камерами для видеосъёмки, возникает очевидная мысль о том, что ненарочно в объектив БПЛА может попадать частная жизнь других граждан, которая охраняется законом. Обращаясь к ст. 152.2 ГК РФ, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни [1].

Прежде чем переходить к вопросу вторжения в частную жизнь посредством использования БПЛА, следует охарактеризовать дрон как объект гражданских правоотношений.

Д.Д. Мотасова утверждает, что важной характеристикой данного объекта является определение его правового статуса как недвижимости. Согласно ст. 130 ГК РФ, воздушные суда, включая БПЛА, относятся к недвижимости, что влечёт необходимость их государственной регистрации [7, с. 27]. Однако в настоящее время этот момент остаётся дискуссионным, и более детально вопрос определения правового статуса БПЛА рассматривается в Воздушном кодексе (далее – ВЗК РФ). В соответствии с пунктом 5 статьи 32 ВЗК РФ, беспилотное воздушное судно (далее – БВС) определяется как летательный аппарат, управление и контроль за полетом которого осуществляет пилот, находящийся вне его борта (так называемый внешний пилот). Статья 33 того же кодекса фиксирует, что гражданские беспилотники с максимальной взлетной массой, не превышающей 30 килограммов, освобождаются от процедуры обязательной государственной регистрации и не признаются объектом недвижимости. При этом ключевым требованием является обязательный государственный учет всех гражданских БВС, чья взлетная масса попадает в диапазон от 150 граммов до 30 килограммов [4].

Выделяют обязательные правила использования для беспилотных воздушных судов от 150 грамм до 30 килограмм.

В первую очередь, как уже говорилось ранее, обязательна постановка на государственный учёт. Необходимо подать заявление в Росавиацию в установленные сроки: в течение 10 дней после покупки на территории РФ, в течение 10 дней со дня ввоза на территорию РФ, или, в случае если беспилотное воздушное судно было изготовлено самостоятельно, до момента первого его использования по назначению согласно п. 12 Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов [6].

Регулирование полетов беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) нормами права предполагает оформление разрешения на использование воздушного пространства, как это предусмотрено подпунктом «г» пункта 10 Федеральных правил использования воздушного пространства. Беспилотные системы отнесены к воздушному пространству класса Н: их эксплуатация разрешена в случаях, оговоренных подпунктом «б» пункта 52^2 и пунктом 52^3 указанных Правил, по специально выделенным для дронов трассам на высотах до 3050 метров, а также совместно с пилотируемыми воздушными судами, выполняющими полеты по правилам визуального полета. При этом процедура вертикального или горизонтального эшелонирования воздушных судов не применяется. Отсутствует и обязательное условие поддержания непрерывной двусторонней радиосвязи с диспетчерской службой (органом управления полетами). Вместе с тем пилоты пилотируемых воздушных судов должны обеспечивать постоянное прослушивание выделенного канала (частоты) связи этой службы. Для любых полетов в данном классе действует ограничение по скорости, не превышающее 450 км/ч. Если перечисленные требования соблюдены, запрашивать отдельное разрешение на использование воздушного пространства для выполнения полета не требуется [5].

Кроме того, в соответствии с пунктом 48 Правил использования воздушного пространства, полеты воздушных судов над населенными пунктами для проведения спасательных операций, охраны жизни и здоровья граждан, а также для предотвращения и расследования преступлений могут осуществляться на высоте, необходимой для выполнения указанных задач [5]. Ответственность за безопасность таких полетов возлагается на уполномоченное лицо, которое организует указанные мероприятия.

Отдельного согласования требуют следующие виды деятельности: авиационные работы, парашютные прыжки, показательные полеты, а также подъем привязных аэростатов над населенными пунктами. Данное требование также распространяется на эксплуатацию беспилотных воздушных судов (за исключением моделей со взлетной массой менее 0,25 кг) и на выполнение взлетно-посадочных операций в границах населенных пунктов на площадках, не внесенных в официальную аэронавигационную информацию. Для осуществления перечисленных операций необходимо получить специальное разрешение. На территории обычных муниципальных образований полномочия по его выдаче принадлежат органам местного самоуправления, а в городах федерального значения – Москве, Санкт-Петербургу и Севастополю – это право передано соответствующим органам исполнительной власти.

Следует подчеркнуть, что законодательством установлена ответственность за нарушения в области эксплуатации БПЛА. В частности, применяются положения статьи 11.4 Кодекса об административных правонарушениях РФ, которая устанавливает санкции за несоблюдение правил использования воздушного пространства [2]. Кроме того, за нарушение правил эксплуатации беспилотных воздушных судов предусмотрена уголовная ответственность по статье 271.1 Уголовного кодекса РФ [3].

Возвращаясь к гражданско-правовой стороне вопроса, стоит напомнить, что БВС во многом используются для ведения видеосъёмки. На практике это ведет к характерным случаям посягательства на личную жизнь, которое может быть как преднамеренным, так и следствием несознательного нарушения оператором, действующим в силу неосторожности.

Все реальные инциденты, связанные с нарушением приватности при помощи БПЛА, можно классифицировать, выделив три ключевые группы.

Первое – это съёмка на частной территории, закрытой от посторонних взглядов. Например, полёты над жилым домом с высоким забором, где граждане отдыхают в купальниках, или зависание у окон и балконов многоквартирных домов [8]. Даже если пилот не имел прямого умысла на съёмку конкретных лиц, а лишь «осматривал

местность», фиксация образа людей в таком месте является сбором информации об их частной жизни по смыслу ст. 152.2 ГК РФ.

Следующим аспектом является несанкционированное распространение полученных материалов. Даже если съёмка частной жизни с помощью БПЛА изначально не носила злонамеренного характера, последующая публикация этих записей в открытых источниках, таких как социальные сети, образует самостоятельное правонарушение – разглашение информации о частной жизни лица без его согласия.

Третья группа случаев связана с созданием помех в осуществлении права собственности. Регулярные полёты и длительное нахождение дрона над частной территорией вынуждает собственников ограничивать своё пребывание на улице, скрываться в помещении, лишая их тем самым возможности свободно пользоваться своим имуществом. Подобные действия выходят за пределы обычных неудобств и могут быть квалифицированы как нарушение права собственности, предусмотренное статьёй 304 Гражданского кодекса РФ [1].

Ключевой проблемой для потерпевших от нарушения частной жизни – умышленного или неосторожного – является идентификация владельца БПЛА.

Как уже рассматривалось ранее, первоочерёдно важен государственный учёт. Для БПЛА массой от 250 грамм до 30 килограмм установлена обязанность постановки на государственный учёт в Росавиации [6]. На корпусе БПЛА должен быть размещён учётный номер, по которому должен ориентироваться потерпевший при фиксации нарушения.

Потерпевшим необходимо максимально подробно зафиксировать факт нарушения: сделать фото и видео, где виден сам дрон, его поведение (зависание, направление камеры) и место события (адрес, привязка к дому). Важно использовать также коллективные жалобы от соседей, которые в условиях борьбы со вторжением БПЛА в частную жизнь будут крайне ценны.

Собранные материалы являются основанием для обращения в полицию с заявлением о нарушении ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») или ст. 138.1 УК РФ [3], а также в Росавиацию для установления владельца по учётному номеру. Важно также проверить, было ли получено разрешение на полёты над населённым пунктом от органа местного самоуправления, которое требуется для БПЛА тяжелее 0,25 кг (п. 49 Правил [5]). Отсутствие такого разрешения является самостоятельным административным нарушением.

Так как вопрос вторжения в частную жизнь посредством использования БПЛА в существующих условиях технологического развития является проблемным, можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства в сфере использования БПЛА для минимизации вторжения в частную жизнь:

1. Целесообразно внести дополнение в Воздушный кодекс РФ, которое прямо урегулирует конфликт, связанный с нарушением границ частной жизни граждан посредством использования БПЛА. С учётом класса воздушного пространства «Н», необходимо добавить в Воздушный кодекс РФ статью следующего содержания:

«1. Полёты беспилотного воздушного судна в воздушном пространстве класса Н на высоте ниже 50 метров над земельным участком, находящемся в частной собственности, или в непосредственной близости (менее 50 метров) от окон, балконов иных конструкций жилого помещения допускаются только с письменного согласия собственника такого участка или помещения, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи.

2. Согласие, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, не требуется для полётов, осуществляемых в целях:

–предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности, безопасности людей на водных объектах;

–проведения аварийно-спасательных, поисковых и неотложных следственных действий;

–выполнения требований законодательства в области обороны и государственной безопасности.

3. Не считается нарушением части 1 настоящей статьи кратковременный (не более 3 минут) транзитный пролёт БПЛА на высоте от 30 до 50 метров над участком, если он совершается по прямому маршруту, не связан с зависанием, изменением курса или ведением видеосъёмки, направленной на данный участок или жилое помещение».

2. Установление «зоны приватности» и расширенного запрета на съёмку. Целесообразно дополнить ст. 152.1 ГК РФ положением, что ведение фото- и видеосъёмки с помощью БПЛА, в результате которого возможно запечатление лиц или событий в границах огороженного земельного участка, на балконах, лоджиях и в иных местах, где человек разумно ожидает уединения, считается сбором информации о частной жизни и допускается исключительно с явно выраженного предварительного согласия таких лиц. Это устранит ссылки на «отсутствие умысла» и переложит бремя доказывания правомерности съёмки на оператора.

3. Обязательная маркировка и активная идентификация. Для оперативного установления нарушителей, помимо учётного номера, следует законодательно закрепить для БПЛА массой от 250 грамм обязательную оснащённость световой или звуковой сигнализацией, включаемой в полёте, а также техническую возможность (в перспективе) передачи в открытом цифровом виде данных об учётном номере и владельце. Это кардинально упростит процедуру фиксации нарушения.

4. Развитие и детализация административной ответственности. В КоАП РФ следует ввести специальную норму, предусматривающую ответственность за «Нарушение правил использования беспилотных воздушных судов, повлёкшее вторжение в частную жизнь». Состав правонарушения должен включать сам факт ведения съёмки в «зоне приватности» без согласия, а санкция – существенный штраф (от 30 до 100 тыс. рублей) с конфискацией аппарата. Это создаст действенный сдерживающий фактор, дополняя уголовную ответственность по ст. 137 УК РФ, которая применяется лишь в крайних случаях.

Таким образом, развитие правового регулирования должно осуществляться в двух основных аспектах: превентивном (установление ясных запретов пространственного и технического характера) и репрессивном (введение действенных и соразмерных мер ответственности). Такой подход позволит сместить акцент с реагирования на уже возникшие конфликты и на создание правового поля, в котором уважение к частной жизни изначально заложено в основу регламента использования беспилотных аппаратов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32, Ст. 3301.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : [ред. от 2 авг. 2019 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

5. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1649.

6. Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую

Федерацию или произведенных в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 (ред. от 16.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 22. – Ст. 2824.

7. Мотасова Д. Д. Гражданско-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в российском и зарубежном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2017. №11 (155). С. 27-31.

8. О новом дивном мире [Электронный ресурс] // Ковровские вести. – URL: https://www.ковровскиевести.рф/stati/obshestvo/19620-o-novyy-divnyy-mir.html (дата обращения: 21.12.2025).

CIVIL REGULATION OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

Annotation. This paper examines the problem of protecting privacy from the intrusion of unmanned aerial vehicles (drones) as an urgent task of modern civil law. It analyzes the gaps in legislation and proposes specific measures to improve legal regulation in order to minimize such violations.

Keywords: privacy, unmanned aerial vehicles, legal regulation, and responsibility.

Stepaniuk A.R.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: terabajtyaleksej@gmail.com

УДК 347.459

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ

Трапезников Д.Д.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы правоприменения и совершенствования регулирования договора хранения в российском гражданском праве. Анализируется правовая природа договора хранения, его место в системе обязательственного права, критерии отграничения от смежных договорных конструкций (аренды, охраны, оказания услуг). Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Сформулированы предложения по совершенствованию гражданского законодательства, направленные на устранение правовых коллизий и усиление гарантий защиты прав сторон договора хранения.
Ключевые слова: договор хранения, складское хранение, иррегулярное хранение, ответственность хранителя, поклажедатель, судебная практика, защита прав потребителей.

Актуальность исследования. Договор хранения, будучи одним из традиционных институтов гражданского права, в современных условиях хозяйственного оборота обнаруживает значительное число проблемных аспектов правоприменения, обусловленных несовершенством законодательной регламентации. Несмотря на кажущуюся урегулированность отношений хранения нормами главы 47 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), правоприменительная деятельность сталкивается с системными трудностями при квалификации договора [2]. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость комплексного научного осмысления проблемных вопросов правоприменения и совершенствования регулирования договора хранения

Проблематике договора хранения и его правоприменения уделяли внимание в своих работах А.Н. Шайбекова, А.С. Фирсова, Ф.Г. Шухов, А.Р. Абдулова, В.И. Мищенко, Е.А. Бутова и др.

В научной литературе сформированы подходы к пониманию правовой природы договора хранения, его месту в системе обязательственного права, критериям отграничения от смежных договорных конструкций (аренды, охраны, оказания услуг), а также разработаны позиции относительно существенных условий, субъектного состава и особенностей специальных видов хранения.

Тем не менее, сохраняются дискуссионные вопросы и проблемы правоприменения, связанные с наличием в российском законодательстве и судебной практике неустранимых противоречий, среди которых: отсутствие единообразного подхода к квалификации договора складского хранения как реального или консенсуального, что порождает споры о моменте возникновения обязательств; неопределенность в вопросе о правовом режиме имущества при иррегулярном хранении (возникновение общей долевой собственности поклажедателей либо сохранение права собственности за хранителем); сложности разграничения договора хранения со смежными договорами (аренды, поскольку арендатор, в отличие от хранителя, вправе пользоваться вещью и извлекать из нее полезные свойства и др.

Целью исследования является комплексный теоретико-правовой анализ проблемных вопросов правоприменения норм о договоре хранения.

Статья 35 Конституции Российской Федерации устанавливает, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами [1]. Следовательно, обладание той или иной вещью является правом, гарантируемым высшим законом. В то же время, в связи с

бурным развитием имущественных отношений, возникающих в сфере оказания услуг, связанных с хранением, потребность общества в сохранности имущества неуклонно растет – ежедневно огромное количество людей имеют дело с передачей вещей на хранение. Договор хранения является реальным договором, возникающим в момент передачи вещи поклажедателем. В случае, если хранителем выступает организация, являющаяся профессиональным хранителем, договор будет считаться заключенным в момент достижения соглашения по условиям договора и определения срока хранения.

Согласно статье 886 ГК РФ, договором хранения признается соглашение, по которому одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности. Из приведенного определения следует, что договор хранения считается реальным договором. Указанное обстоятельство подразумевает, что для возникновения прав и обязанностей по нему необходимо не только согласие сторон, но и выполнение реальных действий по передаче имущества. Данный договор обладает своими уникальными чертами и требует точного юридического регулирования.

Хранение – один из самых распространенных видов услуг, который призван защитить вещи от повреждений и кражи. Необходимо отметить, что в определенных случаях хранение имущества выступает как отдельное гражданское правоотношение, где оно является основной целью. Помимо основного гражданско-правового обязательства, также можно выделить дополнительные условия хранения, когда данное действие происходит как вспомогательная функция для осуществления основного обязательства.

А.Н. Шайбекова считает, что в связи с развивающимися имущественными отношениями, гражданское законодательство выделяет специальные виды хранения: ломбарды, банки, транспортные организации с камерами хранения, организации с гардеробами для посетителей, гостиницы, а также хранение в порядке секвестра [4, с. 105].

Исследование системы договоров хранения потребительского назначения способствует развитию договорных отношений и повышению качества услуг этого вида договоров для населения. Сторонами договора являются поклажедатель – лицо, которое передает на хранение вещь (поклажедателем может выступать любое лицо), и хранитель – лицо, которое обязуется хранить переданную ему поклажедателем вещь и возвратить эту вещь в сохранности.

Договорные отношения хранения регулируются также Законом РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» только в случае, если он регулирует отношения между организацией, предоставляющей услуги по хранению, и клиентом [3]. Если договор хранения не попадает под упомянутые категории, то он не имеет прямого отношения к указанному Закону.

В случае, если договор хранения не содержит положений, регулирующих отношения с клиентами, он все равно должен соответствовать общим нормам гражданского законодательства, касающимся защиты прав сторон договора.

Несмотря на то, что договор хранения относится к договорам на оказание услуг, он носит самостоятельный характер, а поэтому правила о возмездном оказании услуг к нему не применяются (п. 2 ст. 779 ГК РФ).

Договор хранения следует отличать от договора на оказание услуг по охране имущества. Несмотря на то, что у них одинаковая цель – сохранность имущества, средства достижения данной цели различны. Во-первых, при хранении имущество переходит во владение хранителя, т.е. хранение невозможно без фактического перемещения имущества, а при передаче под охрану оно остается под контролем собственника и не поступает во владение лица, осуществляющего охрану. Во-вторых, обязательства по охране имущества квалифицируются как возмездное оказание услуг. Иными словами, заказчик поручил, а исполнитель принял на себя обязательство за плату

охранять имущество заказчика (ст. 779 ГК РФ). Таким образом, сторонами в данных правоотношениях будут являться заказчик и исполнитель.

Также стоит отметить, что хранение не предполагает использования переданной вещи, так как договор заключается в интересах поклажедателя, ему оказывается услуга, в отличие от, например, договора аренды, когда право пользования есть у нанимателя вещи. Хранитель же владеет вещью, не извлекая из нее полезных свойств.

Отдельно стоит рассмотреть хранение, не определенное самостоятельным договором хранения, а реализующееся в рамках иных сложных отношений, например, перевозки, транспортной экспедиции, поставки. В подобном случае хранение осуществляется как вспомогательный процесс, который способствует исполнению основного обязательства и не требует отдельной правовой регламентации; его обстоятельства определяются основным договором; к данному же случаю относится ответственное хранение (ст. 514 ГК РФ).

Договор хранения является одним из наиболее распространённых видов гражданско-правовых договоров. Он заключается между хранителем и поклажедателем и предполагает передачу вещей на хранение на определённый срок. Правовое регулирование данного вида отношений имеет свои особенности, которые важно учитывать при составлении и исполнении договора.

К профессиональному хранению в первую очередь относят хранение на товарном складе (складское хранение). В ст. 907 ГК РФ под договором складского хранения понимается, что товарный склад (хранитель) обязуется за вознаграждение хранить товары, переданные ему товаровладельцем (поклажедателем), и возвратить эти товары в сохранности. В первую очередь договор складского хранения является разновидностью договора хранения, поэтому на него распространяются общие положения договора хранения, с учетом специальных правил, предусмотренных ГК РФ.

Проблема квалификации договора складского хранения возникает при определении типа договора хранения на товарном складе: одни специалисты считают, что этот договор является всегда реальным, вступающим в силу только с момента передачи товара на хранение. Другие же полагают, что он может быть и консенсуальным, если условия договора подразумевают обязательство склада принять товар на хранение в будущем. Договор складского хранения по классификации вступления в силу и имущественной составляющей признается реальным и возмездным. Законодательство также выделяет договор складского хранения как публичный договор; если товарный склад является публичным, он обязан принимать на хранение товары от любого обратившегося к нему лица на условиях, предусмотренных договором. Отказ от заключения публичного договора складского хранения не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом.

А.С. Фирсова указывает, что одной из проблем квалификации договора является отличие договора складского хранения от смежных соглашений. Важно понимать разницу между договором складского хранения и похожими вариантами, таких, как аренда складского помещения, договором транспортной экспедиции или договорами оказания услуг, вроде охраны и сортировки товара. Ключевой критерий – это передача товара профессиональному хранителю, который отвечает за его сохранность и возврат в первоначальном виде. Но в практике наличие связанных услуг с договором хранения не влияет на его квалификацию, как договора хранения [5, с. 243].

Ключевым аспектом защиты прав владельцев складских свидетельств является возможность реального возмещения убытков, понесенных в результате ненадлежащего исполнения договора хранения на товарном складе. В реальности владельцы складских свидетельств сталкиваются с рядом сложностей в процессе доказывания своих убытков и определения их размера. Для эффективной защиты прав владельцев складских свидетельств данное обстоятельство является важным аспектом, так как сумма

компенсации, которую они могут получить от недобросовестного хранителя, напрямую зависит от того, насколько точно будут подсчитаны убытки.

При доказывании факта причинения убытков возникает проблема, обусловленная отсутствием достоверной информации о состоянии товара. В случаях утраты, недостачи или повреждения товара владелец складского свидетельства обязан доказать, что товар на хранение был передан в надлежащем состоянии и в определенном количестве. Однако если отсутствует подробная опись товара или акт приема-передачи, сделать это сложно.

В данном случае для решения проблемы необходимо включить в договор хранения подробное описание товара с указанием его наименования, количества, качества и других характеристик, которые позволят идентифицировать товар.

При определении размера убытка также возникает проблема, которая связана в первую очередь с оценкой стоимости утраченного или поврежденного товара. Точное определение рыночной стоимости товара на момент причинения убытков является непростой задачей, особенно если товар не имеет широкого распространения или его цена постоянно меняется. В данном случае необходимо провести независимую экспертизу, которая может повлечь дополнительные расходы для владельца свидетельства.

Владелец свидетельства также вправе требовать возмещения упущенной выгоды, которая связана с невозможностью реализации товара. Однако в реальности доказывание упущенной выгоды является сложной задачей.

Также срок действия договора хранения определяется транспортными уставами и кодексами, если соглашением сторон не установлен более длительный срок. Вещи, не востребованные в указанные сроки, камера хранения обязана хранить еще в течение 30 дней. По истечении этого срока невостребованные вещи могут быть проданы хранителем. Однако в законе не оговорены случаи, когда, например, поклажедатель не мог забрать вещь, переданную на хранение, из-за непредвиденных обстоятельств, например, в случае болезни. Данное обстоятельство является пробелом в праве.

Еще одной довольно важной проблемой при реализации договора хранения является отсутствие отдельного закона или подзаконного акта, регулирующего договор складского хранения. Стоит отметить, что в ГК РФ этой договорной конструкции посвящён весь § 2 главы 47, что говорит об актуальности и необходимости его тщательного регулирования. В нем описано немало важных общих аспектов, однако для всестороннего рассмотрения необходимо введение отдельного нормативно-правового акта, который смог бы детально регулировать вопросы, связанные с выдачей и обращением складских документов.

Так, по мнению Ф.Г. Шухова в судебной практике существует проблема, связанная с удовлетворением малого числа исков, рассматриваемых по спорам, возникающим из обязательств по хранению. Так, согласно данным судебной статистики в 2023 году рассмотрено 1457 споров по договорам хранения, и лишь 25% исков было удовлетворено. Учитывая, что в определенных случаях поклажедатель параллельно является потребителем, процент удовлетворения исковых требований нельзя считать высоким [6, с. 172].

Необходимо признать, что в законодательстве присутствуют пробелы, которые могут быть урегулированы следующим образом. В целях совершенствования гражданских законов и единства законодательства и практики в § 3 главы 47 ГК РФ могут быть внесены нормы, регулирующие хранение автомототранспортных средств на автостоянках как дополнительный вид специального хранения. Также необходимо дополнительно нормативно урегулировать выдачу и обращение складских документов, поскольку правила ГК РФ в части обращения складских свидетельств недостаточны с точки зрения их полноты.

Договор хранения в гардеробе организации – это договор, по которому организация (хранитель) обязуется безвозмездно или возмездно с использованием гардероба хранить вещь, переданную ей гражданином (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности.

В соответствии с п. 2 ст. 887 ГК РФ одним из способов подтверждения заключения договора хранения является выдача номерного жетона (номера). Прежде всего указанная норма относится к заключению договора хранения в гардеробе организации.

На практике часто возникают споры, связанные с выдачей вещей, переданных на хранение, по похищенным жетонам. При этом в законе не указано, что хранитель вещи обязан проверять полномочия предъявителя на получение вещей.

При передаче движимых вещей на хранение их оценка должна носить профессиональный характер, но при этом законодательство не требует независимости такой оценки. Отсутствие нормативного акта, регламентирующего условия и порядок проведения независимой оценки рыночной стоимости вещи, свидетельствует о том, что права залогодателя требуют защиты.

По мнению А.Р. Абдуловой, необходимо дополнить ст. 924 ГК РФ следующим положением: «хранитель вещи несёт ответственность за выдачу вещи поклажедателя третьему лицу, в том числе в случае похищения у поклажедателя жетона, выданного при передаче вещи на хранение только если будет доказано, что он действовал умышленно или с грубой неосторожностью» [7, с. 76].

Также часто возникают споры, связанные с потерей ценностей, оставшихся в переданных на хранение в гардероб вещах, например, телефон в кармане куртки. В действительности гардероб должен отвечать только за сохранность переданных вещей, а не за их содержимое. Полагаем, необходимо также дополнить ст. 924 ГК РФ следующим положением: «Гардероб не несет ответственности за ценности, оставленные в вещах, переданных на хранение».

Таким образом, проведенный анализ правоприменительной практики договора хранения выявил ряд системных проблем, снижающих эффективность защиты прав поклажедателей. Во-первых, наблюдается низкий процент удовлетворения исковых требований (лишь 25% в 2023 году), что связано с трудностями доказывания факта причинения убытков и их размера, особенно при отсутствии детальной описи переданного имущества или необходимости проведения дорогостоящей экспертизы для оценки утраченного товара.

Во-вторых, существуют пробелы в специальном регулировании отдельных видов хранения: отсутствует детальная регламентация обращения складских свидетельств, а также не урегулирована ответственность гардеробов за выдачу вещей по похищенным жетонам и за сохранность содержимого переданных на хранение вещей.

В-третьих, сохраняется неопределенность в квалификации договора складского хранения (реальный или консенсуальный), что порождает споры о моменте возникновения обязательств.

Для решения указанных проблем предлагается комплекс мер: 1) законодательно обязать стороны включать в договор хранения подробную опись товара с указанием идентифицирующих признаков для упрощения доказывания убытков; 2) дополнить §3 главы 47 ГК РФ специальными нормами, регулирующими хранение автотранспорта на стоянках и детализирующими порядок обращения складских свидетельств; 3) внести изменения в ст. 924 ГК РФ, установив ответственность гардероба за выдачу вещи по похищенному жетону только при наличии умысла или грубой неосторожности, а также прямо закрепив отсутствие ответственности за ценности, оставленные в вещах без специальной передачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – ст. 410.

3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 09.04.1992. – № 15. – ст. 766.

4. Шайбекова, А.Н. Особенности правового регулирования договора хранения в современном российском законодательстве / А.Н. Шайбекова, М.А. Сулейманов // Гуманитарный научный журнал. – 2024. – № 4.2. – С. 102-109.

5. Фирсова, А.С. Хранение на товарном складе: проблемы квалификации договора и защита прав владельцев складских свидетельств / А.С. Фирсова // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 37. – С. 239-245.

6. Шухов, Ф.Г. Некоторые особенности договора хранения в системе договоров на оказание услуг / Ф.Г. Шухов, В.Е. Малаева // Право и практика. – 2025. – № 1. – С. 170-174.

7. Абдулова, А.Р. Проблемы правового регулирования в законодательстве о специальных видах хранения / А.Р. Абдулова // Молодой ученый. – 2023. – № 5 (452). – С. 75-77.

PROBLEMATIC ISSUES OF LAW ENFORCEMENT AND IMPROVEMENT OF STORAGE CONTRACT REGULATION

Annotation. The article examines problematic issues of law enforcement and improving the regulation of storage contracts in Russian civil law. The article analyzes the legal nature of the storage agreement, its place in the system of law of obligations, and criteria for distinguishing it from related contractual structures (lease, security, and provision of services). Legislative defects and contradictions of judicial practice are revealed, including uncertainty in the qualification of a warehouse storage agreement as real or consensual, the lack of a uniform approach to the legal regime of property in irregular storage, gaps in the special regulation of the circulation of warehouse certificates and the liability of wardrobes for the loss of items. The methodological basis consists of formal legal, systematic and comparative legal methods. Proposals have been formulated to improve civil legislation aimed at eliminating legal conflicts and strengthening guarantees for the protection of the rights of the parties to the storage agreement.

Keywords: storage agreement, warehouse storage, irregular storage, custodian's responsibility, depositor, judicial practice, consumer rights protection.

Second name Trapeznikov Dmitriy Dmitrievich
Scientific adviser: Oleinikova Alina Vacheslavovna,
Donetsk State University

УДК 347.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Тренина С.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преп. кафедры ГПиП
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе исследована правовая природа искусственного интеллекта и его место в системе объектов интеллектуальной собственности; проанализирована терминологическая неопределенность понятия «искусственный интеллект» и ее влияние на правоприменительную практику; выявлены системные проблемы регулирования, связанные с определением авторства произведений, созданных с помощью нейросетей, а также с использованием охраняемых материалов для обучения моделей; рассмотрены подходы зарубежных стран и международных организаций к решению данных вопросов; сформулированы предложения по созданию сбалансированного правового пространства, обеспечивающего как защиту прав авторов, так и условия для развития технологий искусственного интеллекта.
Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, авторское право, интеллектуальная собственность, генеративный ИИ.

В нынешних реалиях 21 века искусственный интеллект успешно занял свое место в самых разных областях человеческой жизни. Опираясь на статистические данные, можно определить, что к 2026 году ИИ стал применяться в таких сферах жизни, как экономика, образование, быт, искусство, здравоохранение, также стоит отметить, что спектр применения ИИ на этом не ограничивается. Он не просто дополняет привычные процессы, а формирует новую реальность, открывая широкие возможности и одновременно порождая серьёзные правовые вызовы, в связи с его быстротечным развитием.

Для детального изучения искусственного интеллекта в контексте его влияния на сферу интеллектуальной собственности, а также для выявления существующих правовых пробелов, необходимо в первую очередь обратиться к анализу его правового закрепления, раскрыть его сущность, а также определить основные разновидности и инструментарий (методы).

В России понятие ИИ закреплено в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Так, согласно этому правовому акту, ИИ представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [1].

Исходя из этого, можно отметить, что данное понятие будет самым широким и основным. Также, для наглядности, многие проводят аналогию с человеческим организмом, где ИИ будет весь человек в целом: его способность мыслить, принимать решения, помнить и реагировать.

В свою очередь, для того чтобы создать искусственный интеллект необходимы специальные инструменты (методы). Самый популярный на сегодняшний день, но далеко не единственный – это нейросети.

Однако, касательно данного понятия оно в законодательстве отсутствует, тем самым усложняя правовое регулирование его определения в спорных ситуациях. Помимо

этого, в законе также отсутствуют другие юридические понятия, которые уже вошли в человеческую рутину, но не закреплены должным образом, например: «дипфейк», «промпт» и другие.

Ученый Саймон Хайкин в своих работах определяет нейронную сеть как «громадный распределительный параллельный процесс, состоящий из элементарных единиц обработки информации, накапливающих экспериментальные знания и предоставляющих их для последующей обработки». Также автор проводит параллель с человеческим организмом и представляет нейросеть не как всего человека, а конкретно его мозг, а точнее кору головного мозга – орган, который учится и распознает паттерны. Он выделяет следующее сходство с человеком [2, с. 30]:

1) в процессе обучения нейронной сети фундаментальную роль играют данные, поступающие из внешней среды. Именно они служат тем эмпирическим материалом, на основе которого формируются и корректируются внутренние параметры модели. Посредством анализа этих входных сигналов сеть постепенно выявляет закономерности, что позволяет ей в дальнейшем обобщать полученную информацию и адекватно реагировать на новые стимулы;

2) Накопление и хранение усвоенных знаний реализуется благодаря системе связей между искусственными нейронами, которые определяются так называемыми синаптическими весами. Данные весовые коэффициенты выступают в роли количественной меры значимости каждого соединения: в ходе обучения они динамически изменяются, закрепляя тем самым выявленные паттерны и обеспечивая долговременную память сети.

В других научных работах можно встретить понятие, где под нейронной сетью понимается системное программное или аппаратное обеспечение, архитектура и алгоритмы работы которого имитируют процессы, свойственные естественным нейронным структурам. В контексте искусственного интеллекта такие сети выступают базовым инструментом машинного обучения, а их усложненные многослойные версии образуют технологическую основу глубокого обучения.

Также можно встретить разделение понятий, позволяющее более четко определить место нейросетей в структуре научного знания, где [3, с. 7]:

1) Искусственные нейронные сети (ИНС) представляют собой фундаментальный инструментарий машинного обучения. Данные вычислительные системы созданы по образцу биологических нейронных процессов, происходящих в мозге, и предназначены для моделирования когнитивных механизмов, лежащих в основе человеческого обучения.

2) В структурном отношении нейронная сеть (НС) состоит из трех основных типов слоев: входного, выходного и одного или нескольких скрытых слоев, расположенных между ними. Скрытые слои содержат вычислительные элементы, которые последовательно преобразуют поступающие сигналы, обеспечивая итоговую классификацию или прогноз на выходном слое. Главное функциональное назначение таких сетей заключается в выявлении сложных закономерностей, которые представляют значительную трудность для формального описания и программирования в явном виде.

Исходя из этого и других научных трудов можно вывести наиболее приближенное и употребляемое определение нейронной сети на сегодняшний день. Так, «Искусственная нейронная сеть» представляет собой основанный на математических методах программно-аппаратный комплекс, функционал которого строится на принципах моделирования когнитивных процессов, свойственных биологическим нервным системам.

Несмотря на данные пробелы в законодательном закреплении в России постоянно водятся новые требования касательно регулирования ИИ. На сегодняшний день в стране действует целый ряд ГОСТов, посвященных искусственному интеллекту. Они носят

рекомендательный характер, если иное не оговорено договором или техническим заданием, но часто становятся обязательными при госзакупках или сертификации.

Современные системы ИИ способны решать широкий спектр задач: воспринимать и анализировать информацию (распознавать лица, объекты, речь), прогнозировать и принимать решения на основе больших данных, генерировать новый контент (тексты, изображения, музыку), а также обучаться и адаптироваться без жестко заданных алгоритмов.

Отсюда, возникают вопросы, где ученые до сих пор решают кому принадлежит право собственности на объекты, созданных при помощи нейросети. Анализ существующих точек зрения позволяет выделить несколько подходов к определению правообладателя на результаты, созданные нейросетями. Первый подход предполагает отнесение таких объектов к общественному достоянию. Второй исходит из необходимости разграничения прав между пользователем и разработчиком. Третий, представляющийся наиболее обоснованным, признает автором пользователя, который посредством формулирования запросов определяет содержание итогового произведения. В рамках данного подхода разработчик программного обеспечения, даже будучи создателем самой нейросети, не может обладать авторскими правами на контент, сгенерированный с ее использованием [4, с. 713].

В соответствии с российским законодательством автором признается исключительно гражданин, творческим трудом которого создано произведение. Поскольку искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, результаты его деятельности напрямую не могут выступать объектом авторского права. В связи с этим правообладателем считается лицо, использующее ИИ в качестве инструмента для создания произведения.

Перечень объектов авторского права, установленный статьей 1259 Гражданского кодекса РФ, не является исчерпывающим. Однако, согласно разъяснениям Постановлении Пленума Верховного Суда № 10 от 23 апреля 2019 г., объектом авторского права может признаваться лишь тот результат, который создан творческим трудом человека. При этом творческий характер деятельности не исключает использования технических средств. Вместе с тем результаты, полученные автоматически (например, съемка камерой видеонаблюдения в отсутствие творческого вклада человека), объектами авторского права не являются [5].

Субъектом творческой деятельности может выступать только человек, поскольку искусственный интеллект не обладает сознанием, присущим человеку, и не способен быть субъектом творчества. Таким образом, если объект создан исключительно силами ИИ, он не подпадает под действие законодательства об интеллектуальной собственности. В то же время, если нейросеть используется как техническое средство, а вклад человека в создание произведения является очевидным, такое произведение может признаваться авторским. Вопрос о наличии творческого вклада решается в каждом конкретном случае индивидуально и требует отдельного правового анализа.

В России и за рубежом подходы к определению правового статуса результатов, созданных искусственным интеллектом, существенно различаются. Наиболее сложный вопрос возникает в случае автономной работы нейросетей, когда произведение создается машиной без прямого участия человека.

Зарубежная судебная практика по данной проблематике начала формироваться еще до широкого распространения технологий ИИ. Прецедентным стало дело Naruto v. Slater, в котором рассматривался вопрос об авторских правах животного на фотографию. Макака случайно сделала селфи на камеру фотографа, однако суд отказал в признании животного автором, указав, что авторское право распространяется исключительно на произведения, созданные человеком, поскольку наличие интеллектуальной деятельности является обязательным условием охраны [6, с. 330].

Впоследствии аналогичные споры возникли в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом. В деле Thaler v. Perlmutter истец пытался зарегистрировать права на изображение, полностью сгенерированное ИИ, утверждая, что права должны принадлежать ему как владельцу системы. Суд отказал, отметив, что авторское право требует творческого вклада человека. Попытка применить доктрину work-for-hire также не увенчалась успехом, поскольку ИИ не может быть стороной трудовых или договорных отношений [7].

Примечательно, что в разных юрисдикциях решения по схожим делам расходятся. Тому же заявителю было отказано в регистрации патента на изобретение, созданное системой DABUS, в Великобритании, однако в ЮАР патент был выдан, что демонстрирует отсутствие единообразного подхода.

Неоднозначность правоприменительной практики подтверждается и случаем с комиксом, созданным с помощью нейросети Midjourney. Патентное ведомство США изначально одобрило регистрацию, но впоследствии отменило ее в части изображений, сгенерированных нейросетью, оставив защиту только для текстовых блоков и расположения элементов.

Таким образом, ключевым критерием при определении правообладателя выступает характер участия человека. Если произведение создано с использованием нейросети в рамках трудовых обязанностей, права принадлежат работодателю. В иных случаях правообладателем может признаваться создатель, однако при использовании сторонних библиотек и ресурсов необходимо учитывать условия лицензионных соглашений.

Помимо этого, стоит обратить внимание на еще один интересный аспект, а именно на «обучение нейросети» [8, с. 7].

Для систематизации технологий ИИ используется несколько классификаций. По уровню возможностей выделяют три категории, из которых на сегодня полностью реализован только слабый ИИ (Artificial Narrow Intelligence) – системы, созданные для решения узкого круга задач и превосходящие человека в конкретной области, но не способные выходить за ее пределы. Сильный ИИ и сверхинтеллект остаются гипотетическими [9, с. 69].

По функциональному назначению различают реактивные машины (реагируют только на текущие данные, не используют прошлый опыт), системы с ограниченной памятью (подавляющее большинство современных ИИ, способные использовать прошлый опыт для решений) и теоретические модели, такие как «теория разума», которые пока не реализованы [10, с. 13].

По методам обучения ключевым является машинное обучение, позволяющее системам обучаться на данных без явного программирования. Его подмножество – глубокое обучение, использующее многослойные нейронные сети, лежит в основе большинства современных достижений в распознавании образов и генерации контента.

Таким образом, говоря об интеллектуальной собственности и правовых пробелах, мы имеем дело преимущественно со слабым ИИ, основанным на методах машинного и глубокого обучения, обладающим способностью к генерации контента и анализу данных. Именно эти функциональные характеристики создают ситуации, которые действующее законодательство пока не в состоянии однозначно урегулировать.

Отсюда вытекает еще один спорный момент, который уже нашел свое место в дискуссии и судебной практики. Он касается использования охраняемых авторским правом материалов для обучения нейросетей без согласия правообладателей.

Одним из наиболее резонансных стал иск группы писателей к корпорации Meta (деятельность организации признана экстремистской и запрещена в РФ). Литераторы, включая писательницу и комика Сару Сильверман, обвинили компанию в том, что при разработке языковых моделей Llama 1 и Llama 2 незаконно использовались их произведения. В ходе разбирательства Meta была вынуждена признать, что

действительно применяла для обучения искусственного интеллекта набор данных Books3 - широко известную коллекцию текстов, содержащую более 195 тысяч книг общим объемом около 37 гигабайт [11].

Этот архив был создан исследователем Шоном Прессером в 2020 году как источник данных для улучшения алгоритмов машинного обучения и впоследствии активно использовался не только Meta, но и другими технологическими компаниями. Проблема заключалась в том, что Books3 включал материалы, взятые с пиратского сайта Bibliotik, что в 2023 году привлекло внимание датской антипиратской группы Rights Alliance. Организация потребовала запретить цифровое сохранение этого набора данных и использовала уведомления DMCA для его принудительного удаления.

Сама Meta, признавая факт использования Books3, отрицала преднамеренное нарушение авторских прав. Компания заявила, что применение частей этого датасета не требовало согласия правообладателей, указания авторства или выплаты компенсаций, поскольку такие действия следует рассматривать как добросовестное использование (fair use). Кроме того, Meta оспорила законность объединения иска в коллективный и отказалась предоставлять финансовую поддержку авторам.

Аналогичные претензии возникли и к другим разработчикам. The New York Times подала иск против OpenAI и Microsoft, обвинив компании в использовании миллионов охраняемых авторским правом статей для обучения чат-бота ChatGPT. Позже к подобным разбирательствам присоединились и авторы научно-популярной литературы. Писатель Джулиан Сэнктон подал коллективный иск в федеральный суд Манхэттена, указав, что он и тысячи других авторов не получили никакой компенсации за использование их работ несмотря на то, что компании добились финансового успеха благодаря своим продуктам на базе ИИ [12].

Ранее, в сентябре 2023 года, Гильдия авторов США уже инициировала разбирательство против OpenAI, утверждая, что компания использовала книги семнадцати писателей для обучения языковой модели. Среди истцов значился и Джордж Р. Р. Мартин, автор знаменитой саги «Песнь льда и огня». Писатели обнаружили, что их произведения вошли в датасет, проведя эксперимент: они попросили ChatGPT пересказать их книги, и в ответах нейросети встречались детали, которые отсутствуют в публичных фрагментах и рецензиях. По мнению литераторов, это ставит под угрозу их заработок, а генеральный директор Гильдии Мэри Расенбергер подчеркнула, что большие языковые модели не просто копируют стиль, но и искажают сюжеты, что разрушает литературную культуру и обесценивает человеческий труд.

В ответ на волну исков OpenAI заняла принципиальную позицию, заявив, что обучение моделей искусственного интеллекта без использования охраняемых авторским правом материалов в принципе невозможно, и призвала суды отклонять требования о компенсации. Meta, в свою очередь, поддержала эту логику, настаивая на том, что любое несанкционированное копирование в рамках машинного обучения должно подпадать под доктрину добросовестного использования. Таким образом, судебные споры между правообладателями и технологическими гигантами продолжаются, и их исход способен сформировать фундаментальные правила игры для всей индустрии искусственного интеллекта.

И тут возникает вопрос можно ли вообще рассматривать ИИ в качестве «творца», если он использует идеи и знания других людей. Бесспорно, если ИИ сравнивают с человеческим организмом, то у человека также есть насмотренность и начитанность, которые он невольно может воспроизводить в своих работах. Однако человек способен мыслить за рамками этих навыком, а ИИ – нет, он не способен мыслить самостоятельно.

По мнению исследователей из Университета штата Аризона, нейросети не обладают настоящим пониманием или логическим мышлением. Их ответы – это не осознанные рассуждения, а результат статистического подбора слов, наиболее

подходящих к контексту. Тем самым не считается ли обучение ИИ копированием чужих трудов? Данный вопрос остается до сих пор дискуссионным, что вызывает неопределенность в спорных случаях.

Также в научной литературе последних лет фиксируются свидетельства регресса в работе отдельных моделей искусственного интеллекта. Исследователи Стэнфорда выявили, что точность GPT-4 при решении определенных задач за несколько месяцев снизилась с 97% до 2%, что объясняется коммерческой оптимизацией и удешевлением моделей. Параллельно описан феномен «коллапса модели»: обучение новых версий на синтетических данных, сгенерированных самим ИИ, ведет к вырождению, утрате связи с реальностью и шаблонности контента. Дополнительным фактором выступает катастрофическое забывание, при котором улучшение в одной области оборачивается ухудшением в других [13].

Развитие искусственного интеллекта, таким образом, не линейно: прогресс сопровождается точечными, но существенными потерями качества. Это напрямую влияет на результаты человеческого труда, а именно контент, создаваемый с помощью деградирующих моделей, утрачивает уникальность, становясь предсказуемым и стандартизированным. Возникает риск насыщения информационного пространства однородными материалами, в которых сложно различить подлинное творчество.

Особую опасность представляет эффект обратной связи, где контент, порожденный человеком с помощью регрессирующих моделей, в дальнейшем сам становится частью обучающих данных для новых версий ИИ, что многократно ускоряет деградацию. В связи с этим перед разработчиками стоит задача выработки механизмов, позволяющих сохранять «свежесть» обучающих данных и отделять синтетический «шум» от реального человеческого творчества.

На основе всего вышеизложенного можно заключить, что любые попытки прямого сравнения искусственного интеллекта с человеческим разумом являются методологически некорректными. Прежде всего, сам термин «искусственный интеллект» представляет собой неточный перевод английского «artificial intelligence», где слово «intelligence» не тождественно русскому «интеллект» в его полном, антропологическом понимании. Это создает ложные ожидания и провоцирует неверные аналогии [14, с. 230].

Кроме того, в науке до сих пор отсутствует исчерпывающее определение самого человеческого интеллекта, его природа остается во многом неразгаданной. Сравнивать с тем, что не определено, едва ли продуктивно. Важно также понимать, что современный искусственный интеллект представляет собой лишь следующий этап развития программирования, сложный алгоритмический инструмент, но не разумную и тем более не одухотворенную сущность. В связи с этим использование по отношению к нейросетям таких антропоморфных категорий, как «думать», «понимать» или «принимать решения», является некорректным и вводит в заблуждение.

Отсутствие понимания технической природы явления приводит к тому, что многие дискуссии, особенно в публичном пространстве, оказываются бессодержательными. В них зачастую не учитываются базовые программистские аспекты: устройство нейросетей, механизмы их обучения и, следовательно, то, что действительно нуждается в правовой регламентации. Без этого любые рассуждения о регулировании искусственного интеллекта теряют практический смысл. Таким образом, для выстраивания конструктивного диалога необходимо исходить из корректной терминологии, отказаться от антропоморфных аналогий и опираться на реальное понимание технологической основы явления.

На сегодняшний день ни одна страна не может предложить исчерпывающего и окончательного решения в этой сфере, о чем свидетельствует растущее число судебных прецедентов по всему миру. Анализ подходов различных государств позволяет выделить

несколько ключевых моделей, каждая из которых по-своему пытается ответить на вопрос о правовом статусе контента, созданного нейросетями.

В Соединенных Штатах определяющим критерием остается наличие значительного человеческого вклада. Дело «Zarya of the Dawn» (2023 год) наглядно продемонстрировало эту позицию: изображения, сгенерированные нейросетью Midjourney, не были признаны объектами авторского права именно в силу недостаточного участия человека. Автоматически созданный контент, даже при некотором воздействии со стороны пользователя, не дотягивает до требуемого уровня оригинальности. Однако, в разных штатах встречаются некоторые расхождения.

Китайская правовая система предложила иной, более гибкий подход. В решении Пекинского суда от 2023 года автором статьи, сгенерированной алгоритмом, был признан человек, который управлял процессом создания и определял содержание, стиль и структуру итогового материала. Таким образом, китайская модель исходит из того, что авторские права принадлежат тому, кто направляет и контролирует работу искусственного интеллекта.

Великобритания пошла еще дальше, введя понятие «организатора» творческого процесса. Здесь автором может считаться лицо, обеспечившее создание контента, независимо от того, кто или что выступало непосредственным исполнителем. Такой подход открывает широкое поле для дискуссий о том, можно ли приравнять к автору заказчика, продюсера или просто активного пользователя нейросети.

На международном уровне Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) предложила разграничивать два типа контента: созданный при творческом участии человека и полностью автоматически сгенерированный. Первый подлежит авторско-правовой охране, второй – нет. Вероятно, именно эта концепция ляжет в основу будущих международных стандартов.

Обобщая рассмотренные подходы, можно сделать важный вывод, что на современном этапе развития искусственный интеллект не может рассматриваться как творец или создатель интеллектуальной собственности. Он выступает в роли инструмента, помощника, но не самостоятельного автора. Его работа, при всей сложности и впечатляющих результатах, остается производной от человеческого вклада. Это в равной степени относится как к писателям, чьи тексты используются для обучения языковых моделей, так и к художникам, чьи произведения заимствуются генераторами изображений. Именно авторы - литераторы, художники, композиторы остаются ключевыми фигурами, чей творческий труд нуждается в защите. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить требование о маркировке контента, созданного с помощью нейросетей, чтобы обеспечить прозрачность и ясность в вопросах авторства и ответственности, а также разработать механизмы, позволяющие авторам получать справедливое вознаграждение за использование их работ при обучении моделей.

Однако запреты и ограничения лишь одна сторона вопроса. Не менее важно определить то правовое пространство, в котором искусственный интеллект мог бы существовать и развиваться, не нарушая авторских прав создателей. Речь идет о поиске баланса между защитой интересов правообладателей и созданием условий для технологического прогресса. Одним из путей решения может стать создание системы лицензирования обучающих данных по аналогии с уже существующими механизмами коллективного управления авторскими правами. Другой перспективный путь - развитие института «добросовестного использования» (fair use) применительно к машинному обучению, что позволило бы использовать охраняемые материалы для обучения моделей без прямого согласия авторов, но при условии, что конечный продукт является трансформативным и не наносит ущерба рынку оригинальных произведений. Кроме того, важную роль могло бы сыграть создание специализированных открытых

репозиториев с данными, предназначенными именно для обучения искусственного интеллекта и свободными от авторско-правовых обременений. Только в таком сбалансированном пространстве возможно гармоничное сосуществование технологических инноваций и защиты интеллектуальной собственности авторов: писателей, художников и других творческих работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 03.03.2026). – Загл. с экрана.

2. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс: [перевод с английского]. – 2-е изд. – Москва: Вильямс, 2006. – 1104 с.

3. Катиева Л. М. Нейронные сети и искусственный интеллект // Молодой ученый. – 2021. – № 5 (347). – С. 7–9.

4. Мирзоева Х. И. Авторские права на объекты, сгенерированные нейросетью // Эволюция российского права. – 2025. – С. 709–716.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. N 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

6. Коновалова В. В. Понятие и виды субъектов авторского права // Молодой ученый. – 2019. – № 20 (258). – С. 329–331.

7. Скан О. Нейросети против людей. Кто является собственником цифровых произведений // Грант.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1799577/?ysclid=mm7mct6fpm376956084 (дата обращения: 03.03.2026). – Загл. с экрана.

8. Акулин Е. В., Свиридова Л. Е. Обучение нейронных сетей // Исследования молодых ученых: материалы XXVIII Международной научной конференции (г. Казань, декабрь 2021 г.). – Казань: Молодой ученый, 2021. – С. 6–10.

9. Грызлов Д. В. Перспективные концепции реализации интеллектуальных систем // Современные тенденции развития IT-индустрии. – 2025. – С. 68–71.

10. Архиереев Н. В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – С. 5–20.

11. Группа писателей подала в суд на компанию Meta из-за нарушения авторских прав при обучении ИИ // Яндекс Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/aaaUXYuKNzrABThW?ysclid=mmaxehr7iw242623033 (дата обращения: 03.03.2026). – Загл. с экрана.

12. Писатели подали в суд на OpenAI и Microsoft за обучение ИИ на их текстах // Яндекс Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZZtfsyGnORBFHoMg?ysclid=mm7m3uk09331927123 (дата обращения: 03.03.2026). – Загл. с экрана.

13. Почему модели ИИ рушатся и что это значит для будущего технологий // VC.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vc.ru/future/1406284-pochemu-modeli-ii-rushatsya-i-chto-eto-znachit-dlya-budushego-tehnologii (дата обращения: 03.03.2026). – Загл. с экрана.

14. Молчанов К. В. Некоторые вопросы понимания, правового регулирования и развития того, что в России называют «Искусственный интеллект» // Философия хозяйства. – 2024. – № 3 (153). – С. 229–245.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL PROPERTY LAW IN THE CONTEXT OF MODERN REALITIES

Annotation. This paper explores the legal nature of artificial intelligence and its place in the system of intellectual property objects. It analyzes the terminological uncertainty surrounding the concept of "artificial intelligence" and its impact on legal practice. The paper identifies systemic challenges in regulating the attribution of works created using neural networks and the use of protected materials for training models. It examines the approaches of foreign countries and international organizations to addressing these issues and proposes measures to create a balanced legal framework that protects the rights of authors while promoting the development of artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, copyright, intellectual property, and generative AI.

Trenina S.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Process.
Donetsk State University
E-mail: trenina.sofia333@gmail.com

УДК 347.78

СПЕЦИФИКА И ОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ СДЕЛОК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Трусова Я. И.
Научный руководитель: Олейникова А. В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется специфика и основания изменения и расторжения сделок в условиях современной экономической нестабильности, цифровизации и системных внешних вызовов. С применением доктринального анализа, сравнительно-правового метода и изучения судебной практики выявляются пробелы в правовом регулировании, особенно в квалификации «существенного изменения обстоятельств» и одностороннего отказа от исполнения обязательств. Авторами предложена критериальная система дифференциации оснований прекращения сделок с учётом их природы и контекста, направленная на обеспечение баланса между стабильностью и адаптивностью договорных связей.
Ключевые слова: сделка, гражданско-правовой договор, изменение сделки, расторжение сделки, существенное изменение обстоятельств, диспозитивность, судебная практика, договорная стабильность, форс-мажор, цифровизация договорных отношений.

Современный этап развития гражданского оборота характеризуется повышенной динамичностью экономических связей, цифровизацией договорных отношений и усилением внешних факторов нестабильности, что обусловливает трансформацию традиционных подходов к правовому регулированию сделки не только на стадии его заключения, но и в процессе последующего изменения или прекращения. Институт изменения и расторжения сделки, являясь неотъемлемым элементом диспозитивной природы гражданского права, призван обеспечивать баланс между стабильностью договорных обязательств и необходимостью их адаптации к изменившимся обстоятельствам. Однако именно в условиях современной экономической реальности - с её санкционными ограничениями, колебаниями валютных курсов, нарушениями цепочек поставок и ускоренным внедрением цифровых технологий - возникает острый конфликт между принципом договоренности соблюдаются и потребностью в гибком реагировании на непредвиденные изменения, что ставит под сомнение достаточность существующих правовых конструкций.

Современное состояние правового регулирования изменений и расторжения сделок, закреплённое в статьях 450–453 Гражданского кодекса Российской Федерации, формально предоставляет сторонам широкие возможности для прекращения или модификации обязательств по взаимному соглашению, в судебном порядке либо в силу существенного изменения обстоятельств.

В доктрине вопросы расторжения сделок получили разностороннюю разработку в трудах В.В. Витрянского, А.П. Сергеева, Е.А. Павлодского, где подробно анализируются основания прекращения, процессуальные аспекты и последствия расторжения. Вместе с тем актуальная научная и правоприменительная проблема заключается в недостаточной проработке критериев «существенности» изменений обстоятельств в условиях системных экономических потрясений, а также в отсутствии чётких правовых ориентиров для квалификации одностороннего отказа от исполнения сделки в ситуациях, когда исполнение становится чрезмерно обременительным, но формально остаётся возможным. Особенно остро данная проблема проявляется в сфере долгосрочных контрактов, международных сделок и цифровых сделок, где традиционные доктринальные подходы оказываются недостаточно эффективными для разрешения коллизий, вызванных форс-мажорными обстоятельствами глобального масштаба.

Нерешённой частью общей проблемы выступает отсутствие системного подхода к дифференциации оснований изменения и расторжения сделок с учётом их правовой природы (консенсуальные или реальные), предметной специфики (предпринимательские или потребительские) и влияния внешних системных факторов, не поддающихся индивидуальному прогнозированию сторонами при заключении сделки. Существующая нормативная модель, ориентированная преимущественно на добровольный характер прекращения обязательств или на судебное усмотрение при применении статьи 451 ГК РФ, не обеспечивает необходимой предсказуемости правовых последствий в условиях кризисных явлений, что порождает правовую неопределённость и увеличивает трансакционные издержки участников гражданского оборота.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном исследовании специфики и оснований изменения и расторжения сделки в современных условиях, включая анализ доктринальных подходов, судебной практики и законодательных новелл с целью выработки критериальной системы, позволяющей обеспечить баланс между стабильностью договорных связей и их адаптивностью к трансформирующейся экономической и правовой среде. Достижение указанной цели предполагает не только теоретическое осмысление института прекращения обязательств, но и разработку практических рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики и нормативного регулирования в части обеспечения гибкости договорных отношений без ущерба для их правовой определённости.

В рамках современной правовой науки процедура заключения сделки интерпретируется как этап выработки единой воли между контрагентами, требующий документального закрепления в установленном порядке и включения всех значимых условий согласно действующим нормам права [1, с. 278].

Указанный теоретический подход коррелирует с научными изысканиями В.В. Витрянского и М.М. Брагинского, которые акцентируют внимание на том, что фундаментом любого юридического акта является договоренность. Из этого закономерно следует, что для валидности действия необходимо не только волеизъявление каждого субъекта, но и его полное совпадение с волей партнера [2, с. 34].

Таким образом, можно констатировать: юридически значимый факт совершения сделки фиксируется исключительно при условии достижения сторонами полного взаимопонимания по принципиальным вопросам и соблюдения предписанного законом формата оформления.

Легитимность гражданско-правового договора и признание его заключенным базируется на одновременном выполнении двух императивных требований. Первостепенное значение имеет достижение сторонами консенсуса по всем существенным пунктам будущего обязательства, без чего связь не может считаться установленной. Вторым критерием выступает строгое соблюдение той формы, в которую должно быть облечено соглашение в соответствии с законодательными предписаниями для конкретного вида договоров. Регламентация данного процесса содержится в пункте 2 статьи 432 ГК РФ, где описана классическая схема взаимодействия: одна сторона направляет предложение, именуемое офертой, а вторая выражает согласие на его принятие, что составляет акцепт. В рамках данной правовой конструкции инициативная сторона именуется оферентом, тогда как сторона, принимающая условия, получает статус акцептанта [3, с. 653].

Эволюция договорных связей проходит через ряд последовательных стадий, включающих предварительное общение, направление оферты, ее изучение и финальный акцепт. При этом в доктрине принято проводить демаркацию между обязательными и факультативными этапами. Безусловно необходимыми для большинства операций являются лишь оферта и акцепт, тогда как стадия анализа предложения приобретает

императивный характер только в случаях, прямо предусмотренных законодательством. В таких ситуациях регламентируются конкретные сроки и порядок изучения проекта, что иллюстрируется, к примеру, нормами пункта 1 статьи 445 ГК РФ. В то же время переговорный процесс носит диспозитивный характер и осуществляется исключительно по инициативе заинтересованных лиц, желающих вступить в правовые отношения [4, с. 170].

Касательно начальной фазы взаимодействия следует акцентировать внимание на принципе договорной свободы. Субъекты гражданского оборота, будь то физические или юридические лица, обладают правом самостоятельно начинать переговоры, принимая на себя сопутствующие издержки. В общем порядке стороны не несут ответственности за недостижение итогового соглашения, за исключением ситуаций, когда иные правила диктуются законом или достигнутыми ранее предварительными договоренностями. Подобный правовой подход позволяет соблюсти необходимый баланс между свободой волеизъявления участников рынка и необходимостью следования установленным юридическим процедурам, обеспечивая стабильность оборота.

Однако, в настоящее время существует ответственность стороны, которая действует недобросовестно при проведении переговоров о заключении сделки. Недобросовестность поведения стороны при заключении сделки заключается в том, что данная сторона ведет или прерывает переговоры и тем самым, она в данном случае, сторона обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

В современной деловой среде для снижения вероятности возникновения рисков и устранения неясностей в процессе обсуждения условий сотрудничества стороны часто прибегают к заключению специального соглашения о порядке ведения переговоров. Смысл подобного документа заключается в фиксации правил добросовестного поведения участников и четком разграничении финансовых затрат, необходимых для подготовки будущей сделки. В таком акте стороны имеют возможность закрепить взаимные обязательства, а также предусмотреть меры ответственности, включая штрафные санкции, на случай несоблюдения достигнутых предварительных договоренностей.

Центральным институтом предварительной стадии заключения контракта выступает оферта, правовая сущность которой регламентирована положениями п. 1 ст. 435 Гражданского кодекса РФ. Под данным понятием подразумевается адресованное одному или нескольким конкретным субъектам предложение заключить договор. Стоит отметить, что для того чтобы волеизъявление было квалифицировано именно как оферта, оно должно отвечать ряду строгих требований. Документ необходимо направить определенным адресатам, его содержание должно быть предельно конкретным, а из текста должно однозначно следовать намерение инициатора считать себя связанным обязательствами в случае согласия получателя. Кроме того, предложение обязано содержать все существенные условия будущего договора, что подтверждается положениями научной доктрины [5, с. 115].

В случае игнорирования хотя бы одного из перечисленных критериев документ утрачивает силу оферты и не влечет за собой соответствующих юридических последствий. Подобное обращение рассматривается лишь как приглашение делать оферты, выполняя функцию побуждения к началу диалога, а не к финальному оформлению сделки. Законодатель не ограничивает форму выражения воли оферента: она может быть реализована через письма, телеграммы, факсимильную связь или электронные документы. В качестве оферты также может быть расценен проект договора, если он содержит весь необходимый набор условий и направлен контрагенту с целью установления правовых отношений.

Правовая связанность офертой возникает у отправителя с момента получения документа адресатом, при условии последующего безоговорочного принятия условий. При этом важно соблюдать процедуру отзыва: сообщение об отзыве признается действительным только в том случае, если оно достигло получателя раньше самой оферты или одновременно с ней. Ключевой характеристикой данного института является принцип безотзывности, означающий, что после доставки предложения инициатор не вправе отозвать его в течение срока, отведенного для акцепта, несмотря на наличие предусмотренных законом изъятий.

Поскольку оферта отражает волю лишь одной стороны, а для рождения договора требуется согласование позиций обоих участников, решающую роль играет ответная реакция получателя. Именно акцепт, представляющий собой полное и безоговорочное согласие заключить сделку на предложенных условиях, ставит точку в процессе формирования договорных связей и придает соглашению необходимую юридическую завершенность.

В гражданском законодательстве под акцептом понимается ответная реакция получателя оферты, подтверждающая ее принятие, что закреплено в абзаце первом пункта 1 статьи 438 ГК РФ. Данная правовая категория обладает рядом отличительных черт, определяющих ее действительность. Ключевой характеристикой является волеизъявление акцептанта, свидетельствующее о полном и безоговорочном согласии с условиями предложения. При этом правом на совершение такого действия наделено исключительно лицо, которому адресована оферта, а само волеизъявление должно быть осуществлено в пределах срока, определенного оферентом [6, с. 248].

Формы выражения согласия могут быть разнообразными: закон допускает направление письменного ответа, использование факсимильной связи или электронных документов при условии достоверной идентификации отправителя, а в предусмотренных случаях - и устное заявление.

Специфика публичной оферты, например, при выкладке товаров в торговом зале, предполагает, что акцептом признаются фактические действия покупателя, в частности оплата приобретенного товара.

Исследователи, в том числе А.В. Костарнова, обращают внимание на то, что при соблюдении установленных требований статус акцепта могут приобретать действия по исполнению условий оферты, известные как конклюдентные. Совершение получателем оферты в отведенный для этого период действий, направленных на выполнение условий сделки, таких как отгрузка продукции, оказание услуг, выполнение работ или внесение платы, рассматривается как акцепт. Это правило применяется, если иное не установлено нормативными актами или не оговорено непосредственно в тексте оферты [7, с. 65].

Отдельного внимания заслуживают положения Гражданского кодекса, регулирующие отзыв согласия. В соответствии со статьей 439 ГК РФ, акцепт признается не полученным в ситуациях, когда извещение об его отзыве доходит до оферента раньше самого акцепта или поступает одновременно с ним. Таким образом, законодатель устанавливает четкие временные границы для возможности аннулирования принятого решения, обеспечивая стабильность гражданского оборота.

В контексте реализации правовых норм продолжительность периода, выделенного для акцепта, приобретает определяющее значение, поскольку строгое следование этому регламенту выступает критерием действительности достигнутого консенсуса. В ситуациях, когда инициатор сделки самостоятельно фиксирует срок для получения ответа, юридическая сила договора напрямую зависит от поступления уведомления о согласии исключительно в пределах обозначенного временного коридора (ст. 440 ГК РФ).

Исходя из этого, сторона, планирующая принять условия, обязана заблаговременно инициировать отправку ответа, учитывая логистические нюансы доставки, чтобы

обеспечить попадание документа к адресату в рамки, установленные первоначальным предложением [8, с. 82].

Если же в тексте оферты отсутствуют конкретные хронологические ограничения, необходимо руководствоваться императивными предписаниями законодательства. В таком случае договор считается заключенным при условии, что ответ поступил оференту в период, регламентированный законом или иными нормативными актами (ст. 441 ГК РФ). Когда же прямые указания отсутствуют как в содержании предложения, так и в правовых нормах, активируется принцип разумности: сделка признается совершенной, если акцепт получен в течение времени, обычно необходимого для аналогичных ситуаций, что оценивается исходя из фактических обстоятельств конкретного правоотношения.

Не менее критичным аспектом выступает содержательное наполнение ответного волеизъявления. Опираясь на позицию Ю.А. Гоголевой, следует отметить, что юридически значимым признается исключительно полный и безоговорочный акцепт, подтверждающий принятие всех пунктов оферты без каких-либо изъятий. Присутствие в ответе условий, отличающихся от первоначальных, исключает возможность квалификации такого сообщения как принятия предложения. Любая модификация условий, будь то частичная или полная, юридически трактуется как отклонение исходной оферты и одновременное выдвижение нового предложения, в результате чего правовой статус акцептанта трансформируется в статус оферента [9, с. 121].

Законодательством установлены особые требования при заключении сделки в обязательном порядке. В случае, когда в соответствии с Гражданским кодексом РФ или иными законами для стороны, которой направлена оферта (проект сделки), заключение такого сделки является обязательным, эта сторона должна направить другой стороне извещение об акцепте, либо об отказе от акцепта, либо об акцепте оферты на иных условиях (протокол разногласий к проекту сделки) в течение 30 дней со дня получения оферты (абз. 1 п. 1 ст. 445 ГК РФ).

В научной работе, носящей название «Особенности заключения сделки на торгах», К.Д. Беккер рассматривает специфику правового взаимодействия сторон в условиях, когда на одном из участников лежит обязанность по заключению договора. По мнению автора, если оферент получает от контрагента, обязанного акцептовать предложение, ответное извещение о согласии, содержащее при этом протокол разногласий, это наделяет его правом на защиту своих интересов в суде. Авторы отмечает, что для урегулирования возникших споров в судебном порядке законодательством отводится срок в 30 дней, отсчет которого ведется с момента получения уведомления либо после завершения периода, отведенного на акцепт. Примечательно, что императивность заключения сделки не ограничивается лишь акцептантом; в отдельных случаях соответствующая обязанность может быть возложена и на оферента. Так, если ГК РФ или иные нормативные акты предписывают оференту заключить контракт, то при получении протокола разногласий он обязан в тридцатидневный срок проинформировать вторую сторону о принятии условий в измененном виде либо об отклонении данных предложений [10, с. 162].

Наряду с указанными механизмами, правовая система допускает закрепление договоренностей через проведение торгов, если характер договора не предполагает иного способа. Сущностной характеристикой данного инструмента выступает переход права на подписание контракта к победителю конкурентной процедуры. Выбор формата торгов, как правило, остается на усмотрение владельца актива или правообладателя, за исключением ситуаций, когда законодательные нормы предписывают иное. Гражданский кодекс РФ предусматривает классификацию подобных мероприятий, выделяя, в частности, публичные торги. Стоит отметить, что их основное назначение заключается в реализации имущества для исполнения судебных решений или

документов исполнительного производства, а также в других предусмотренных законом случаях.

В организационном плане лицо, обладающее имуществом или правом и намеревающееся отчуждить их через конкурентную процедуру, имеет возможность выбора. Оно вправе организовать торги самостоятельно или поручить эту задачу специализированной организации. Правовое положение такого организатора определяется соглашением с собственником: в зависимости от условий посредник может действовать от имени владельца либо выступать как самостоятельный субъект правоотношений.

В ходе проведенного исследования установлено, что институт изменения и расторжения сделок в современных условиях претерпевает существенную трансформацию, обусловленную динамизацией гражданского оборота, цифровизацией договорных отношений и усилением системных внешних шоков - от санкционных ограничений до глобальных нарушений логистических цепочек.

Анализ норм главы 29 Гражданского кодекса Российской Федерации (статьи 450–453) в сопоставлении с доктринальными разработками В.В. Витрянского, А.П. Сергеева и Е.А. Павлодского позволяет констатировать: формально закрепленные основания прекращения обязательств (взаимное соглашение сторон, односторонний отказ, судебное расторжение, существенное изменение обстоятельств) оказываются недостаточно эффективными при столкновении с комплексными кризисными явлениями, когда традиционные критерии «существенности» изменений утрачивают определенность.

Ключевым выводом исследования стало выявление структурного дисбаланса между диспозитивной природой гражданского права, предполагающей свободу договора, и возрастающей потребностью в правовой предсказуемости в условиях нестабильности. Особенно остро данная коллизия проявляется при применении статьи 451 ГК РФ: судебная практика демонстрирует крайнюю осторожность в квалификации экономических потрясений как основания для расторжения договора, что приводит к сохранению формально действующих, но экономически неисполнимых обязательств. В то же время односторонний отказ от исполнения сделки в ситуациях чрезмерного обременения (пункт 3 статьи 450.1 ГК РФ) остается недостаточно регламентированным, создавая почву для злоупотреблений и правовой неопределенности.

В целях преодоления указанных пробелов предлагается совершенствование правового регулирования по трем направлениям. Во-первых, необходимо законодательное уточнение критериев «существенного изменения обстоятельств» с введением презумпций для определенных категорий сделок (например, валютных контрактов в условиях девальвации или поставок в условиях санкционных блокировок), что повысит предсказуемость правоприменения. Во-вторых, целесообразна разработка специальных правил для цифровых сделок, предусматривающих автоматизированные механизмы пересмотра условий при наступлении заранее определенных триггерных событий (например, колебаний криптовалютных курсов сверх установленного порога). В-третьих, требуется усиление доктринальной и судебной проработки концепции «чрезмерного обременения», включая разработку методологии оценки экономической несбалансированности обязательств с учетом системных факторов, неподвластных контролю сторон.

Таким образом, институт изменения и расторжения сделок требует перехода от преимущественно реактивной модели правового регулирования к проактивной. Важно отметить, что для достижения баланса между стабильностью договорных связей и их адаптивностью возможно лишь при условии системного обновления нормативной базы, учитывающего специфику современных экономических вызовов, а также развития судебной практики, ориентированной на добросовестность сторон и экономическое

содержание обязательств, а не только на формальное соблюдение условий договора. Предложенные меры позволят минимизировать правовую неопределенность в условиях кризиса, снизить трансакционные издержки и обеспечить устойчивое функционирование гражданского оборота в эпоху глобальной трансформации экономических и технологических парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеев А.Н. Гражданское право. Часть 3: учебник / А.Н. Сергеев // М.: Проспект. - 2017 – 773с.
2. Витрянский, В.В. Существенные условия сделки / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. – 2012 – №6. – С. 34
3. Мозолин В.П. Гражданское право: Учебник. В 3 т. / Отв. ред. В.П. Мозолин // 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. - М. - 2015. - С. 653
4. Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов // 2-е изд., перераб. и доп. Т. II. Полутом 1. - М. - 2004. - С. 170
5. Буракова К.С. Заключение сделки с физическим лицом / К.С. Буракова // Академическая публицистика. - 2022. - № 2-1. - С. 114-117.
6. Ермакова Е.П. Особенности существенных условий при заключении сделки / Е.П. Ермакова // Science Time. - 2016. - № 12 (36). - С. 246-250
7. Костарнова А.В. Заключение гражданско-правовых сделок / А.В Костарнова // Интернаука. - 2022. - № 41-3 (264). - С. 65-66.
8. Белоцерковец А.Е. Заключение гражданско-правовых сделок / А.Е. Белоцерковец // Студенческий. -2021. - № 25 (153). - С. 78-89.
9. Гоголева Ю.А. Понятие и этапы заключения сделки / Ю.А. Гоголева // Экономика и социум. - 2017. - № 10 (41). - С. 120-123.
10. Беккер К.Д. Особенности заключения сделки на торгах / К.Д. Беккер // Молодой ученый. - 2021. - № 51 (393). - С. 161-163.

SPECIFICS AND GROUNDS FOR CHANGING AND TERMINATING TRANSACTIONS IN MODERN CONDITIONS

Annotation. The article examines the specifics and grounds for changing and terminating transactions in the context of modern economic instability, digitalization and systemic external challenges. Using doctrinal analysis, the comparative legal method and the study of judicial practice, gaps in legal regulation are identified, especially in the qualification of "significant changes in circumstances" and unilateral refusal to fulfill obligations. The authors propose a criterion system for differentiating the grounds for termination of transactions, taking into account their nature and context, aimed at ensuring a balance between stability and adaptability of contractual relationships.

Keywords: transaction, civil law contract, modification of a transaction, termination of a transaction, significant change in circumstances, dispositivity, judicial practice, contractual stability, force majeure, digitalization of contractual relations.

Trusova Ya. I.
Scientific adviser: Oleinikova A.V., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: trusovaana3@gmail.com

УДК 343.721

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Федорко А.А.
Научный руководитель: Меркулов С.Н., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы противодействия мошенничеству при получении социальных выплат в Российской Федерации, обусловленные нормативной неопределённостью понятия «социальные выплаты» и сложностями его применения на практике, особенно в условиях интеграции новых территорий, таких как Донецкая Народная Республика. С использованием формально-юридического, сравнительно-правового и системно-структурного методов выявлены пробелы в уголовно-правовой квалификации по ст. 159.2 УК РФ, противоречия судебной практики и уязвимости административных механизмов. Предложены комплексные меры: законодательное закрепление понятия социальных выплат, усиление межведомственного взаимодействия, цифровизация контрольных процедур и повышение правовой грамотности населения.
Ключевые слова: мошенничество при получении выплат, статья 159.2 УК РФ, социальные выплаты, правоприменительная практика, Донецкая Народная Республика, уголовная ответственность, бюджетные средства, правовая неопределённость, противодействие мошенничеству.

Современное российское общество сталкивается с устойчивым ростом преступлений, направленных на незаконное хищение средств из бюджетной системы, в частности - социальных выплат, предоставляемых государством наиболее уязвимым слоям населения. Актуальность данной проблемы обусловлена не только масштабами причиняемого ущерба, но и подрывом доверия граждан к институтам социальной защиты. В ответ на данные вызовы уголовное законодательство Российской Федерации выделило мошенничество при получении выплат в качестве самостоятельного состава преступления, предусмотренного статьей 159.2 Уголовного кодекса РФ. Однако, несмотря на формальное закрепление специального вида мошенничества, его правоприменение сопряжено с рядом системных трудностей, корни которых лежат в теоретико-правовой неопределённости самого понятия «социальные выплаты».

Действительно, термин «социальные выплаты» широко используется как в нормативных актах, так и в судебной практике, однако единого, чётко сформулированного юридического определения он до сих пор не имеет. Федеральный закон от 7 августа 2000 года № 122-ФЗ ограничивается перечислением отдельных видов таких выплат (пособия, стипендии и др.), не раскрывая их содержательную сущность. В свою очередь, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2017 года № 48, пытаясь уточнить границы применения статьи 159.2 УК РФ, одновременно исключает из её сферы такие формы государственной поддержки, как гранты, субсидии на развитие сельского хозяйства или предпринимательства, что порождает дополнительную неоднозначность.

Особую сложность представляет также определение субъекта данного преступления. Хотя формально субъект общий, на практике речь идёт исключительно о лицах, имеющих или претендующих на право получения выплат. При этом Верховный Суд РФ допускает возможность совершения преступления как лицом, полностью лишённым такого права (например, гражданкой Ш., лишённой родительских прав, но пытавшейся оформить материнский капитал), так и лицом, обладающим им, но скрывающим обстоятельства, влекущие прекращение выплат.

Ситуация осложняется в условиях социально-экономической трансформации новых территорий, в частности Донецкой Народной Республики, интегрированной в правовое поле Российской Федерации. Переходный период, сопряжённый с

необходимостью адаптации населения к новым механизмам социальной поддержки, создаёт благоприятную среду для мошеннических манипуляций. Нестабильность, информационная непрозрачность, ограниченный доступ к официальным каналам коммуникации, особенно среди пожилых и социально уязвимых групп, а также недостаточная подготовка местных органов власти - всё это усиливает риски злоупотреблений.

Несмотря на наличие обширной научной литературы по вопросам квалификации мошенничества и функционирования системы социальной поддержки, остаётся нерешённой ключевая проблема: отсутствие системного, междисциплинарного подхода к противодействию мошенничеству при получении выплат в условиях интеграционных процессов на новых территориях. Существующие исследования преимущественно сосредоточены либо на уголовно-правовых аспектах, либо на административных механизмах, игнорируя их взаимосвязь в контексте региональной специфики.

Цель настоящей статьи - восполнить вышеуказанный пробел, выявив актуальные проблемы в сфере противодействия мошенничеству при получении социальных выплат, обусловленные как нормативной неопределённостью, так и практическими вызовами переходного периода, и предложить комплексные пути их решения, ориентированные на обеспечение эффективной защиты бюджетных средств и укрепление доверия граждан к институтам социальной справедливости.

Прежде чем перейти к анализу существующих механизмов борьбы с мошенничеством при получении выплат, необходимо рассмотреть теоретико-правовые основы данной проблемы. Стоит отметить, что распространенность преступлений в сфере социальной поддержки населения, в частности при получении выплат, подтверждается тем, что российское уголовное законодательство выделяет данное деяние в качестве специального вида мошенничества, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ.

По мнению Барчукова В.К. трактовка мошенничества в различных зарубежных странах отличается достаточно широким толкованием. Автор отмечает, что в отличие от отечественного понятия мошенничества, западное мошенничество не привязано к хищению. Мошеннические действия могут осуществляться во всех сферах деятельности, где возможно получить выгоду. Также, автор указывает, что объективная сторона характеризуется способом совершения деяния – обман, который может быть направлен как на интеллект потерпевшего, так и на совершение различных уловок, в результате которых он способен извлечь имущественную выгоду себе или другому лицу [1, с. 169].

Важно отметить, что с определением понятия «социальные выплаты» возникают значительные трудности. Однако, несмотря на активное использование данного термина в российском законодательстве и правоприменительной практике, до сих пор не сформировалось единого подхода к его содержанию.

Например, согласно положениям Федерального закона «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации», к социальным выплатам относятся пособия, стипендии и другие аналогичные выплаты. Однако в других законодательных актах также не наблюдается чёткости и конкретики в определении содержания этой категории [2].

Следовательно, отсутствие единого подхода создаёт неоднозначность в толковании и применении понятия «социальные выплаты» в различных правовых контекстах.

Таким образом, по мнению Малышева Ю.Ю. предметом ст. 159.2 УК РФ является неопределенный круг социальных выплат, таких как пособия, компенсации, субсидии и др. [3, с. 117]. Иначе говоря, не все выплаты из федерального бюджета, государственных внебюждетных фондов, бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований, полученные мошенническим путем могут подпадать под действие ст. 159.2 УК РФ.

Так, отдельные уточнения по содержанию категории «социальные выплаты» имеются в судебной практике, а именно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2017 года № 48 выделяется ряд выплат, которые не относятся к социальным по смыслу ст. 159.2 УК РФ, а именно: гранты и стипендии, которые выдаются физическим и юридическим лицам для поддержки науки, искусства и т.д., субсидии на поддержку отдельных производителей товаров в сфере сельского хозяйства, выплаты в рамках поддержки малого и среднего предпринимательства.

Отметим, что Бондарь А.Г. в своей работе указывает, что нынешняя система социальной поддержки населения создавалась десятилетиями. По мнению автора, она включает в себя множество законодательных актов, которые определяют более двухсот категорий граждан. В связи, с чем, автор отмечает, что к настоящему моменты времени создан и весьма эффективно функционирует достаточно сложный механизм обеспечения населения социальными выплатами. По мнению автора, сложность характеризуется бессистемностью, несогласованность и дублированием принимаемых законодательных актов [4, с. 367].

Таким образом, следует, что статья 159.2 Уголовного кодекса РФ оперирует термином «социальные выплаты», который, однако, не имеет четкого определения в российском законодательстве. Следовательно, данное обстоятельство создает определенные трудности в правоприменительной практике, поскольку приводит к различным интерпретациям и, как следствие, к неоднозначной квалификации одних и тех же деяний в разных регионах страны. Следовательно, для наглядности рассмотрим примеры из судебной практики.

Так, в одном случае Промышленный районный суд Курска рассматривал дело двух граждан, получивших целевое финансирование на развитие бизнеса, но использовавших его не по назначению. Суд счел, что выделенные средства не являются социальными выплатами, и квалифицировал их действия по статье 159 УК РФ (мошенничество). В другом случае Ленинский районный суд г. Курска вынес решение по аналогичному делу, признав подсудимого виновным по статье 159.2 УК РФ, обосновав это тем, что данные средства, являясь субсидиями, относятся к социальным выплатам [5].

Таким образом, в юридической литературе возникает дискуссия о квалификации подобных преступлений. Некоторые авторы считают, что присвоение средств, выделенных на социальную защиту и поддержку, должно квалифицироваться по статье 159.2 УК РФ [6, с. 123]. В то же время, если выплаты предназначены для развития бизнеса или сельского хозяйства, они не имеют социальной цели и не должны подпадать под действие данной статьи.

Однако на практике существует множество случаев, когда правоохранительные органы квалифицировали такого рода деяния как мошенничество при получении выплат.

Также, следует отметить, что весьма дискуссионным остается определение субъекта анализируемого преступления и его признаков. С одной стороны, субъект ст. 159.2 УК РФ – общий, а с другой – субъектом является только то лицо, в отношении которого назначена выплата, заявитель претендующий на выплату или соответственно лицо, имеющее право на выплату [7, с. 192].

Мировой судья Советского района г. Воронежа вынес приговор гражданке Ш. за покушение на мошенничество в крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159.2 УК РФ). Обстоятельства дела таковы: гражданка Ш., лишённая родительских прав на первого ребёнка, родила второго и, предоставив ложные сведения о наличии у неё двоих детей, предприняла попытку хищения бюджетных средств. Фактически она не имела права на получение материнского капитала, однако намеревалась оформить соответствующий сертификат.

Федеральный закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» устанавливает право на получение

материнского капитала, подтверждаемое сертификатом, но не предусматривает его непосредственную выдачу наличными. Важно отметить, что несовершенство этого закона, к сожалению, породило множество мошеннических схем обналичивания материнского капитала, что активно обсуждается в современной юридической литературе.

Стоит отметить, что Верховный суд РФ также внес ясность в вопрос о субъекте данного преступления, указав в одном из своих постановлений, что мошенником может быть как лицо, не имеющее права на выплаты, так и лицо, обладающее таким правом.

В настоящее время мошенники могут похищать социальные выплаты, используя украденные документы, удостоверяющие личность, или данные банковских счетов, принадлежащих гражданам, имеющим право на социальную поддержку. Следовательно, данный факт свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов защиты от подобных преступлений.

Также, следует отметить, что в настоящее время широко распространены случаи мошенничества с социальными выплатами, основанные на сокрытии фактов, которые приводят к прекращению их начисления. Так, например, семья, оформившая статус малоимущей и получающая соответствующие выплаты на детей, может скрыть увеличение своего дохода, которое лишает их права на эти выплаты. Продолжая получать средства, они действуют незаконно.

Важно отметить, что субъективная сторона такого мошенничества характеризуется прямым умыслом. Так, лицо целенаправленно предпринимает действия, необходимые для оформления социальной поддержки, при этом осознавая, есть ли у него на самом деле основания для получения выплат.

Основным объектом анализируемого преступления, как указывает Посохова Е.А. является право собственности, а дополнительным – финансовые отношения в сфере расходования бюджетных средств в социальной сфере. В свою очередь, автор считает, что в качестве предмета преступления следует определить денежные средства, имущество и социальные услуги [8, с. 214].

При этом объективная сторона мошенничества при получении выплат заключается в предоставлении заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, умолчание сведений, которые прекращают указанные выплаты.

Вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации ознаменовало собой новый этап социально-экономического развития региона. Наряду с интеграцией в российское правовое и экономическое пространство, на первый план выходят вопросы социальной защиты населения и обеспечения прозрачности и законности при осуществлении различных выплат.

К сожалению, в условиях переходного периода и сохраняющейся сложной социально-экономической ситуации, возрастает риск мошеннических действий, направленных на незаконное получение выплат. Противодействие данным явлениям является важнейшей задачей, требующей комплексного подхода и скоординированных усилий со стороны государственных органов, правоохранительных структур и общественности. Следовательно, необходимость противодействия мошенничеству в сфере социальных выплат в ДНР обусловлена целым рядом факторов.

Во-первых, длительный период нестабильности и военных действий создал благоприятную почву для различного рода злоупотреблений. Многие жители, оказавшиеся в затруднительном положении, могут стать жертвами мошенников, предлагающих «помощь» в оформлении выплат за вознаграждение, либо, стремясь получить хоть какие-то средства, сами могут вовлекаться в незаконные схемы.

Во-вторых, переход к новым российским стандартам и правилам оформления документов и получения выплат, а также наличие множества программ поддержки, предоставляемых различными ведомствами, могут стать источником путаницы и

неопределённости, что, в свою очередь, может быть использовано недобросовестными лицами в корыстных целях.

В-третьих, не всегда совершенные информационные системы, а также недостаточная осведомлённость населения о правилах и процедурах получения выплат создают дополнительные уязвимости.

Важно отметить, что для эффективного противодействия мошенничеству в данной сфере требуется создание комплексной системы, включающей в себя несколько ключевых элементов.

Во-первых, необходимо усовершенствовать законодательную базу, регламентирующую порядок предоставления социальных выплат и устанавливающую ответственность за мошеннические действия в этой сфере. Российское законодательство в целом предоставляет достаточную правовую основу для борьбы с мошенничеством, однако в контексте специфики ДНР могут потребоваться дополнительные уточнения и дополнения, учитывающие особенности региона.

В частности, необходимо обратить внимание на вопросы идентификации личности, подтверждения места жительства, а также порядка оформления документов для лиц, пострадавших в результате военных действий. Законодательство должно быть максимально прозрачным и понятным, а его положения должны доводиться до широких слоёв населения.

Во-вторых, крайне важно усилить контроль за деятельностью органов, осуществляющих начисление и выплату социальных пособий. Важно отметить, что это касается как государственных учреждений, так и органов местного самоуправления, а также специализированных организаций. Необходимо внедрить строгие процедуры проверки документов, удостоверяющих личность и подтверждающих право на получение выплат. Также, следует отметить, что недопустимо формальное отношение к проверке данных, необходимо использовать современные информационные технологии для верификации документов и сведений, предоставленных заявителями.

Важную роль играет создание единых электронных баз данных получателей социальных выплат, что позволит отслеживать динамику выплат и выявлять подозрительные операции. Также, на наш взгляд, необходимо наладить эффективный межведомственный обмен информацией между органами, участвующими в процессе назначения и выплаты пособий, а также усилить взаимодействие с правоохранительными органами.

В-третьих, необходимо обеспечить широкое информирование населения о порядке получения социальных выплат и мерах ответственности за мошеннические действия. Важно довести до сведения граждан всю необходимую информацию о видах социальных выплат, порядке и сроках их предоставления, а также о перечне необходимых документов.

Необходимо организовать кампании по повышению финансовой грамотности населения, разъяснять гражданам их права и обязанности при получении социальных пособий. Информационные материалы должны быть доступны и понятны для всех категорий населения, в том числе для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями.

Также, следует активно использовать различные каналы коммуникации, включая средства массовой информации, интернет-ресурсы, социальные сети, а также организовывать встречи с населением в местных отделениях социальных служб.

В-четвёртых, необходимо усилить работу правоохранительных органов по выявлению и пресечению мошеннических действий в сфере социальных выплат. В первую очередь следует обратить внимание на организованные преступные группы, специализирующиеся на подделке документов и незаконном оформлении выплат. Необходимо наладить эффективное взаимодействие между различными

правоохранительными структурами, а также привлекать к расследованию таких преступлений специалистов в области экономики и финансов.

В-пятых, необходимо активно привлекать к этой работе общественные организации и волонтёров. Общественный контроль является важным элементом системы противодействия мошенничеству. Общественные организации могут проводить независимый мониторинг ситуации с предоставлением социальных выплат, оказывать юридическую помощь гражданам, пострадавшим от мошеннических действий, а также участвовать в информационно-просветительской работе среди населения. Волонтёры могут помогать в оформлении документов, разъяснять гражданам их права, а также выявлять случаи мошенничества и сообщать о них в соответствующие органы.

Особое внимание следует уделить случаям мошенничества, связанным с использованием поддельных документов. В условиях сложной ситуации многие жители ДНР, к сожалению, могут стать жертвами аферистов, которые обещают «помочь» в оформлении выплат, предлагая поддельные документы, якобы подтверждающие право на получение социальной помощи.

Так, на наш взгляд, для противодействия вышеуказанному необходимо усовершенствовать систему защиты документов, удостоверяющих личность, и документов, подтверждающих право на получение выплат. Необходимо использовать современные методы защиты от подделок, такие как водяные знаки, голограммы, а также электронные чипы, содержащие биометрические данные. Важно также проводить регулярные проверки подлинности документов и своевременно выявлять подделки.

Специфика региона также накладывает определенный отпечаток на противодействие мошенничеству. Необходимо учитывать, что многие жители ДНР имеют ограниченный доступ к информации, особенно это касается пожилых людей и жителей отдаленных населенных пунктов. Поэтому необходимо использовать различные каналы коммуникации, включая личные встречи, распространение печатных материалов, а также организацию мобильных пунктов консультирования, чтобы донести необходимую информацию до всех категорий населения.

Кроме того, необходимо учитывать психологическое состояние людей, переживших военные действия и находящихся в стрессовой ситуации. Мошенники могут воспользоваться уязвимостью этих людей, предлагая им сомнительные схемы получения выплат, поэтому необходимо повышать их финансовую грамотность и информировать об основных видах мошенничества.

В условиях интеграции ДНР в правовое поле Российской Федерации большое значение имеет обучение сотрудников социальных служб и правоохранительных органов, работающих в сфере социальных выплат. Необходимо проводить регулярные тренинги и семинары, на которых будут рассматриваться вопросы законодательства, а также современные методы выявления и пресечения мошеннических действий. Сотрудники должны быть осведомлены о новейших схемах мошенничества, а также о способах их предотвращения. Важно также уделять внимание вопросам профессиональной этики и формированию нетерпимости к коррупции и злоупотреблениям.

Таким образом, проведенный анализ существующих механизмов противодействия мошенничеству при получении социальных выплат выявил ряд значимых проблем.

Во-первых, отсутствие четкого и закрепленного в законе определения понятия «социальные выплаты» приводит к противоречивой правоприменительной практике. Стоит отметить, что для устранения данной неопределенности необходимо дать определение социальным выплатам, под которыми следует понимать установленные государством денежные выплаты, жизненно важные товары и услуги, предоставляемые на безвозмездной основе социально незащищенным категориям граждан за счет средств

федерального и региональных бюджетов, а также государственных внебюджетных фондов и бюджетов муниципальных образований.

Во-вторых, уголовное законодательство в этой сфере нуждается в совершенствовании. Важно отметить, что для эффективной защиты государственных бюджетных и внебюджетных средств необходимо расширить предмет уголовно-правовой охраны статьи 159.2 УК РФ. Следовательно, это позволит обеспечить защиту не только денежных средств, выделенных на социальную сферу, но и в целом средств, направленных на государственную поддержку, что будет способствовать исключению преступных посягательств со стороны недобросовестных граждан.

В-третьих, низкий уровень правовой грамотности населения активно используется преступными элементами. Примером такой ситуации являются случаи мошенничества с материнским капиталом, когда преступники помогают гражданам, имеющим право на эту поддержку, использовать средства материнского капитала не по целевому назначению, установленному законом.

Таким образом, в соответствие с вышесказанным следует сделать вывод о том, что для предотвращения ситуаций, когда преступные организации используют доверчивость уязвимых категорий населения и организовывают махинации с их социальными выплатами, представляется необходимым проводить дополнительную разъяснительную работу с лицами, которым положена социальная поддержка по различным основаниям. Правовая грамотность указанных категорий населения существенно снизит спрос на услуги преступных организаций.

Помимо этого, правовая грамотность в части осознания объема негативных последствий в случае совершения мошенничества при получении выплат, а также риск привлечения к ответственности и наказаний, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации, положительно скажется на противодействии анализируемому преступлению.

В конечном счёте эффективность противодействия мошенничеству в сфере социальных выплат в ДНР будет зависеть от комплексного подхода, включающего в себя совершенствование законодательной базы, усиление контроля со стороны государственных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барчуков, В.К. К вопросу о способах совершения мошенничества / В.К. Барчуков // Проблемы экономики и юридической практики. - 2017. - № 2. - С. 168-170.

2. Федеральный закон от 07.08.2000 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3348; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

3. Малышева, Ю.Ю. Мошенничество при получении выплат: актуальные проблемы квалификации / Ю.Ю. Малышева // Право и государство: теория и практика. - 2019. - № 4 (172). - С. 117-118.

4. Бондарь, А.Г. Актуальные способы противодействия современному мошенничеству / А.Г. Бондарь // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 3. - С. 366-369.

5. Дело № 22-1222/2014 от 22.04.2014. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: http:// судебные решения.рф/adva№ced/search (дата обращения: 10.02.2026).

6. Хутуев, В.А., Каширгов, А.Х. К вопросу о квалификации мошенничества и его разграничении с некоторыми смежными составами / В.А. Хутуев, А.Х. Каширгов // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 5. - С. 121-125.

7. Денисов, А.Б., Хаперская, К.С. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за специальные виды мошенничества / А.Б. Денисов, К.С. Хаперская // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 4. - С. 191-193.

8. Посохова, Е.А. Мошенничество при получении выплат от государства по потере кормильца / Е.А. Посохова // Молодой ученый. - 2020. - № 3 (293). - С. 213-215.

CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO COUNTER FRAUD IN RECEIVING PAYMENTS

Annotation. The article examines the current problems of countering fraud in receiving social benefits in the Russian Federation, due to the regulatory uncertainty of the concept of "social benefits" and the difficulties of its

application in practice, especially in the context of the integration of new territories such as the Donetsk People's Republic. Using formal legal, comparative legal, and systemic structural methods, gaps in criminal law qualifications under Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, contradictions in judicial practice, and the vulnerability of administrative mechanisms have been identified. Comprehensive measures are proposed: legislative consolidation of the concept of social benefits, strengthening interdepartmental cooperation, digitalization of control procedures and increasing legal literacy of the population.
Keywords: fraud in receiving payments, Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, social benefits, law enforcement practice, Donetsk People's Republic, criminal liability, budgetary funds, legal uncertainty, countering fraud.

Fedorko A.A.
Scientific adviser: Merkulov S.N., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: fedorko2004@mail.ru

УДК 343.575

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА, СБЫТА ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Филюков В. А.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, с акцентом на форму вины, цель и мотив. Применяются догматико-юридический, сравнительно-правовой и криминологический методы анализа, а также изучение судебной практики. Установлено, что данные деяния совершаются исключительно с прямым умыслом, а наличие цели сбыта является обязательным конструктивным признаком состава. Мотив, хотя и не влияет на квалификацию, имеет значение для индивидуализации наказания. Особое внимание уделено сложностям установления умысла в условиях цифровизации оборота наркотиков и вовлечения несовершеннолетних.
Ключевые слова: субъективная сторона, прямой умысел, цель сбыта, мотив преступления, ст. 228.1 УК РФ, незаконный оборот наркотиков, добровольная сдача, цифровая преступность.

В настоящее время проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов сохраняет высокую актуальность в российском уголовном праве. Одним из ключевых аспектов квалификации таких преступлений выступает анализ субъективной стороны, поскольку именно она отражает внутреннее отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям.

Согласно общепринятой доктрине, субъективная сторона включает в себя такие элементы, как вина, мотив и цель, которые не только определяют степень общественной опасности самого преступления, но и влияют на индивидуализацию ответственности и справедливость назначаемого наказания. Особенно остро данный вопрос стоит в контексте статей 228 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), где разграничение составов во многом зависит от наличия или отсутствия конкретной цели, а также формы умысла.

Несмотря на то, что научная литература и судебная практика достаточно подробно исследуют природу прямого умысла как единственной возможной формы вины в преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, остаются нерешёнными вопросы, связанные с установлением субъективной стороны в условиях цифровизации преступной деятельности, использования посредников, в том числе несовершеннолетних, а также с толкованием понятия «добровольности» при сдаче наркотиков. Кроме того, до сих пор не достигнут консенсус относительно критериев оценки добровольной сдачи: должен ли суд руководствоваться объективными обстоятельствами или субъективным восприятием ситуации самим лицом?

Следовательно, вышеуказанные пробелы создают риски ошибочной квалификации и нарушения принципа субъективного вменения, что подчеркивает необходимость более глубокого теоретического осмысления и практической унификации подходов к анализу субъективной стороны данных преступлений.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном исследовании субъективной стороны незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, с акцентом на специфику прямого умысла, роль цели как обязательного конструктивного признака состава, значение мотива для индивидуализации ответственности, а также на современные вызовы, связанные с использованием цифровых технологий и вовлечением третьих лиц в преступную деятельность. Особое внимание уделяется проблемам доказывания умысла в условиях анонимности интернет-пространства и манипуляций со стороны организаторов

преступлений, использующих неосведомлённых или малолетних исполнителей. Следовательно, решение вышеуказанных задач позволит не только уточнить теоретические основы субъективной стороны указанных преступлений, но и предложить рекомендации для более точной и справедливой правоприменительной практики.

Особое значение при анализе преступлений, предусмотренных статьей 228.1 УК РФ, приобретает форма вины, поскольку именно она служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Вина в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выражается исключительно в форме прямого умысла. Так, в своей работе Шумал В.И. и Васильева А.В. считают, что прямой умысел, согласно статье 25 УК РФ, предполагает осознание лицом общественной опасности своих действий, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и желание их наступления [1, с. 204].

В контексте преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, по мнению Асташина Д.С. это означает, что виновный сознает противоправный характер своего поведения - производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, понимает, что данные действия нарушают установленный законом порядок обращения с такими веществами, и желает реализовать эти действия [2].

Судебная практика подтверждает, что подавляющее большинство таких деяний совершается с прямым умыслом. Например, в Приговоре Губкинского городского суда Белгородской области от 20 октября 2025 года по делу № 1–297/2025 указано, что осужденный Иванайский И. К., зная о запрете свободного оборота каннабиса, с прямым умыслом, без цели сбыта, совершил его незаконное приобретение и хранение [3].

Аналогично, в Приговоре Белгородского районного суда от 28 августа 2025 года по делу № 1–219/2025 устанавливается, что у обвиняемого сформировался прямой преступный умысел, направленный на извлечение материальной выгоды от незаконной деятельности [4].

Необходимо подчеркнуть, что преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ, имеют формальный состав, то есть момент окончания преступления наступает с момента совершения самого действия, независимо от наступления конкретных последствий. Именно поэтому совершение таких преступлений возможно только с прямым умыслом: лицо должно желать именно совершения запрещенного действия - производства, сбыта или пересылки, а не просто допускать возможность его совершения.

Косвенный умысел, при котором лицо сознает опасность своих действий и предвидит возможность наступления последствий, но не желает, а лишь сознательно допускает их, в данном случае исключен, поскольку отсутствует необходимая волевая направленность на реализацию преступного результата [5, с. 106].

Исключение составляет лишь состав преступления, предусмотренный ст. 228.2 УК РФ, который допускает форму вины в виде неосторожности, в частности - небрежности. Так, в Приговоре Железнодорожного районного суда г. Рязани от 01.09.2023 г. по делу № 1–321/2023 Федосов был осужден за халатность, выразившуюся в небрежном отношении к службе, что повлекло утрату наркотических средств, находившихся у него на хранении [6].

Особое место в структуре субъективной стороны занимает цель преступления. Цель - это мысленно представляемый результат, достижение которого стремится лицо, совершая преступление. В отличие от вины, цель является факультативным признаком субъективной стороны, однако в ряде составов преступлений она становится обязательным конструктивным элементом. Именно так, по мнению Сипягина Н. А. обстоит дело со ст. 228 и 228.1 УК РФ [7, с. 479].

Стоит отметить, что статья 228 УК РФ предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку и т.д. наркотических средств «без цели сбыта», тогда как ст. 228.1 УК РФ, напротив, предполагает наличие цели сбыта как обязательного признака объективации преступного умысла

Таким образом, разграничение между ч. 1 ст. 228 и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ строится именно на основе цели: если лицо хранит наркотики для личного потребления, его действия подпадают под первую статью; если же оно намерено их реализовать (возмездно или безвозмездно), то имеет место преступление, предусмотренное второй статьей.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 15.06.2006 № 14 разъясняет, что под «незаконным сбытом» следует понимать любую деятельность, направленную на возмездную либо безвозмездную передачу наркотиков другому лицу, включая продажу, дарение, обмен, уплату долга и т.д. [8].

Следовательно, вышеуказанное означает, что корыстная мотивация не является обязательной для квалификации по ст. 228.1 УК РФ. Стоит отметить, что даже безвозмездная передача, если она совершена с целью распространения, образует состав сбыта.

Мотив преступления, в свою очередь, отражает внутренние побуждения, которые подтолкнули лицо к совершению преступления. Как правило, мотивом сбыта наркотиков выступает корысть - стремление получить материальную выгоду. Однако, как справедливо отмечает Барашева А.Г., мотив может быть и иным: например, сочувствие к человеку, страдающему наркоманией, или страх за его жизнь [9, с. 12]. Стоит отметить, что в таких случаях, несмотря на отсутствие корыстной цели, действия лица все равно квалифицируются как сбыт, поскольку закон охватывает понятием «сбыт» любую передачу, независимо от мотива. Тем не менее, мотив имеет большое значение для индивидуализации наказания и оценки степени общественной опасности личности.

Торговля ради наживы, как правило, вызывает большее общественное порицание, чем бесплатная передача из сострадания. Более того, мотив прямо предусмотрен в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 228.2 УК РФ, где говорится о совершении преступления «из корыстных побуждений».

Важнейшим аспектом анализа субъективной стороны является установление добровольности действий лица, в частности - добровольной сдачи наркотических средств. Согласно примечанию к ст. 228 УК РФ, лицо, добровольно сдавшее наркотики и активно способствовавшее раскрытию преступлений, может быть освобождено от уголовной ответственности. Однако на практике возникают сложности с толкованием понятия «добровольность». Так, Пленум Верховного Суда РФ связывает добровольность с наличием у лица реальной возможности распорядиться наркотиками иным способом, кроме сдачи их правоохранительным органам.

Однако, стоит отметить, что в своей работе Н. А. Сипягин предлагает иной подход, основанный на принципе субъективного вменения: добровольность должна оцениваться исходя из субъективного восприятия самим лицом ситуации, а не из объективных обстоятельств. По мнению автора, если лицо искренне полагало, что его действия являются добровольными и что оно могло бы скрыть наркотики, то его поступок должен считаться добровольной сдачей, даже если объективно такая возможность была сомнительной.

Стоит отметить, что вышеуказанная позиция нашла отражение в Апелляционном определении Верховного Суда Республики Крым от 09.11.2021 № 22-3120/2021, где суд апелляционной инстанции, оценивая действия Царапкина И.И., исходил из того, что до его признания полиция не располагала информацией о его причастности, и, следовательно, его решение было добровольным [10].

С развитием цифровых технологий особую актуальность приобретает анализ субъективной стороны преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет. Как отмечает Т. Н. Кузьмина, использование сети для сбыта наркотиков предполагает заранее обдуманный, прямой умысел. Преступник сознательно выбирает этот способ как наиболее безопасный и эффективный, планирует свою деятельность, распределяет роли (организаторы, операторы чатов, курьеры) и осознает характер своих действий [11, с. 123].

Анонимность, которую предоставляет сеть, снижает психологические барьеры и создает у преступника иллюзию безнаказанности, однако не влияет на наличие умысла. Более того, использование специализированных площадок в сети Tor, криптовалют для расчетов и бесконтактных методов передачи («закладок») свидетельствует о высоком уровне организованности и преднамеренности преступной деятельности. Стоит отметить, что в таких условиях установление умысла становится более сложной задачей для правоохранительных органов, требующей применения специальных оперативно-розыскных мероприятий и компьютерно-технических экспертиз для идентификации субъекта преступления, скрывающегося за виртуальной учетной записью.

В заключение следует подчеркнуть, что субъективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой не просто формальный элемент состава, а ключевой критерий, определяющий как саму возможность уголовно-правовой оценки деяния, так и справедливость индивидуализации ответственности.

Анализ показывает, что данные преступления совершаются исключительно с прямым умыслом, поскольку их формальный характер требует от лица не только осознания противоправности своих действий, но и волевого стремления к их реализации - будь то производство, сбыт или пересылка наркотических средств. При этом цель сбыта выступает обязательным конструктивным признаком состава по ст. 228.1 УК РФ и служит основным дифференцирующим фактором по отношению к ст. 228 УК РФ, где такая цель отсутствует. Мотив, хотя и не влияет на квалификацию, имеет существенное значение для оценки личности виновного и назначения соразмерного наказания, особенно в случаях, когда передача веществ осуществляется не из корыстных, а из иных побуждений.

Однако современная правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, обусловленных как эволюцией преступной методики (в частности, использованием цифровых технологий, анонимных сетей и бесконтактных способов доставки), так и манипулятивными стратегиями организаторов, вовлекающих в преступную деятельность третьих лиц, в том числе несовершеннолетних. Эти обстоятельства затрудняют установление реального умысла, особенно когда исполнитель действует под обманом или не осознаёт характера передаваемых предметов. Кроме того, сохраняется неопределённость в толковании понятия «добровольной сдачи» наркотиков: доминирующий в практике объективный подход к оценке добровольности может игнорировать внутреннее убеждение лица, тем самым нарушая принцип субъективного вменения и ограничивая возможности применения освобождения от ответственности.

В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в законодательство, направленные на уточнение норм, регулирующих субъективную сторону указанных преступлений.

Во-первых, рекомендуется дополнить примечание к ст. 228 УК РФ разъяснением, что добровольность сдачи оценивается с учётом субъективного восприятия ситуации самим лицом, при условии отсутствия прямых доказательств его принуждения или невозможности иного поведения.

Во-вторых, целесообразно включить в Постановление Пленума Верховного Суда РФ специальные разъяснения относительно установления умысла в условиях цифровой анонимности и использования посредников, акцентируя внимание на необходимости комплексной оценки всех обстоятельств дела, включая контекст общения, характер передачи информации и степень информированности участников.

В-третьих, следует рассмотреть возможность законодательного закрепления презумпции отсутствия умысла у лица, фактически выполняющего роль курьера, если доказано, что оно не знало о содержимом передаваемого предмета и не имело доступа к информации о его характере.

В заключении стоит отметить, что такие правки позволят повысить точность квалификации, усилить защиту прав невиновных и обеспечить более справедливое применение уголовного закона в условиях быстро меняющейся преступной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумал, В.И., Васильев, А.В. Признаки незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / В.И Шумал., А.В. Васильев // Modern Science. - 2020. - № 4-4. - С. 202-205.

2. Асташин, Д.С. Субъективная сторона преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также наркотикосодержащих растений и их частей (ст.ст.228 - 228.1) / Д.С. Асташин // Уральский научный вестник. - 2023. - Т. 9. - № 3. - С. 152-158.

3. Приговор Губкинского городского суда Белгородской области от 20 октября 2025 года по делу № 1–297/2025 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://судебныерешения.рф/93312343/extended (дата обращения: 05.02.2026).

4. Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 28 августа 2025 года по делу № 1–219/2025 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://судебныерешения.рф/92293114/extended (дата обращения: 05.02.2026).

5. Куликов, А.В., Шелег, О.А. Особенности субъективной стороны незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: научная полемика и меры предупреждения / А.В. Куликов, О.А. Шелег // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2023. - № 3. - С. 102-107.

6. Приговор Железнодорожный районный суд г. Рязани от 01.09.2023 г. по делу № 1–321/2023 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://судебныерешения.рф/77753165/extended (дата обращения: 05.02.2026).

7. Сипягин, Н. А. Влияние факультативных признаков субъективной стороны на квалификацию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / Н. А. Сипягин // Вопросы российского и международного права. - 2024. - Том 14. - № 2А. - С. 475-483.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. 28 июня.

9. Барашева, А.Г. Проблемы квалификации преступления: склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / А.Г. Барашева // Актуальные исследования. - 2023. - № 41-2 (171). - С. 10-14.

10. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 09.11.2021 № 22-3120/2021 по делу № 1-133/2021 // СПС «КонсультантПлюс». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://судебныерешения.рф/77753165/extended (дата обращения: 05.02.2026).

11. Кузьмина, Т. Н. Субъективные признаки сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) / Т. Н. Кузьмина // Судебная экспертиза и исследования. - 2025. - № 3. - С. 121–124.

12. Хрупова, Е. Е. Субъективные признаки преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / Е. Е. Хрупова // Молодой ученый. - 2025. - № 49 (600). - С. 475-478.

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE ILLEGAL PRODUCTION, SALE OR SHIPMENT OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES

Annotation. The article examines the subjective side of crimes under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, with an emphasis on the form of guilt, purpose and motive. Dogmatic-legal, comparative-legal and criminological methods of analysis are used, as well as the study of judicial practice. It has been established that these acts are committed solely with direct intent, and the presence of a sales goal is an obligatory

constructive sign of the composition. The motive, although it does not affect the qualification, is important for the individualization of punishment. Special attention is paid to the difficulties of establishing intent in the context of digitalization of drug trafficking and the involvement of minors.
Keywords: subjective side, direct intent, purpose of sale, motive of crime, art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, drug trafficking, voluntary surrender, digital crime.

Filyukov V. A.
Scientific adviser: Kalmykova A.A., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК347.2(091)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВЕЩНОГО ПРАВА

Химченко У.Н.
Научный руководитель: Свиридова К.Е., старший преподаватель
ФГБОУВО«ДонГУ»

*Аннотация.*В данной работе рассматривается процесс эволюции вещного права как фундаментального института гражданского законодательства. Проанализированы ключевые этапы его становления: от зарождения в римском частном праве, через феодальную концепцию «расщепленной» собственности в Средние века и разработки немецких пандектистов, до системного оформления в Своде законов Российской империи. Основное внимание уделено анализу двух ключевых этапов: упразднения института в советский период и его восстановления в 1990-е годы на фоне перехода к рыночной экономике и утверждения Гражданского кодекса РФ, включая современные реформационные процессы.
Ключевые слова: Вещное право, римское частное право, Средние века, советский период, реформы.

Вещное право выступает ключевым элементом системы гражданского законодательства, создавая правовые основания для реализации имущественных интересов граждан и организаций, а также обеспечивая устойчивость гражданского оборота. При всей многовековой истории формирования этого института в российской юридической науке до сих пор отсутствует единое мнение о том, насколько последовательным было его развитие и в какой мере отдельные исторические периоды повлияли на контуры современной модели вещного права.

Значимость настоящего исследования обусловлена своеобразием исторического пути, пройденного отечественным вещным правом, которое развивалось по циклической траектории: достигнув системной завершенности в Своде законов Российской империи, оно было практически полностью упразднено в советские годы и вновь возрождено в 1990-е. В юридической литературе представлен достаточно подробный анализ каждого из названных этапов в отдельности, однако комплексное исследование, раскрывающее логику трансформации вещно-правовых конструкций и позволяющее оценить меру преемственности между дореволюционным, советским и современным правопорядками, до настоящего момента не проводилось. Открытым остается вопрос о том, в какой степени ныне действующая российская модель вещного права вобрала в себя дореволюционные традиции, советский правовой опыт и зарубежные юридические решения.

Исходя из этого, целью настоящей статьи выступает проведение целостного историко-правового анализа процесса становления и развития института вещного права в России, выявление основных закономерностей его эволюции и установление степени преемственности, связывающей различные этапы отечественного правового развития.

Научная значимость работы состоит в систематизации исторического материала и выявлении ключевых закономерностей трансформации вещно-правовых конструкций, а также в определении степени преемственности между дореволюционным, советским и современным этапами развития национального права.

Свое начало вещные права берут в римском праве. В работе «К критике гегелевской философии права». К. Маркс отмечал, что римские юристы впервые выработали реальное понимание права частной собственности — без идеализации, как права пользования и распоряжения вещью по своему произволу.

В эпоху Римской империи это право эволюционировало в «абстрактное право» («право абстрактной личности») — максимально неограниченное в рамках системы, где частная собственность была фундаментом. Его суть выражала формула jus utendi et abutendi — право пользования и распоряжения вещью вплоть до её уничтожения.

В 1884 г. Ф. Энгельс, развивая идеи Маркса, подчеркнул, что римское право стало классическим выражением общества с «чистой частной собственностью», и позднейшие законодательства (феодальное и буржуазное) не смогли существенно его изменить[1, с.26].

Таким образом, институт вещных прав был глубоко разработан римскими правоведами, которые по праву считаются основоположниками современного института вещных прав.

Если обращаться к истории развития вещных прав в Средние века, то можно сказать, что типичной для той эпохи стала практика предоставления вассалу земельного участка на определённых условиях: скажем, в обмен на обработку земли или участие в военных действиях. При этом собственник сохранял своё право собственности, однако иные лица в силу договорённости получали ограниченные права на его имущество. Подобные правовые конструкции прочно укоренились и действовали вплоть до наступления Нового времени.

Со временем европейская юридическая мысль осмыслила сложившуюся практику, оформив её в виде теории ограниченных вещных прав, которая постепенно распространилась по всему континенту. Именно благодаря усилиям европейских теоретиков и практиков был в значительной мере сформирован понятийный аппарат института вещных прав — тот самый, что заложил основы современного правового регулирования. В этот исторический период получили разработку такие ключевые понятия, как право пользования, право реализации и право преимущественной покупки чужой вещи[2].

Огромную роль в развитии института вещного права сыграли разработки немецких учёных юристов, которые ввели в юридический оборот пандектную систему. К примеру, Е. А. Суханов так описывает их деятельность: «главным достижением пандектистов явилось создание так называемой «юриспруденции понятий», которая впоследствии стала неотъемлемой в деятельности каждого юриста в Европе»[3, с.43].

Обращаясь к Новому времени, можно сказать, что, когда феодальные отношения сменились буржуазными, концепция расщеплённой собственности утратила актуальность и породила противоречия. С одной стороны, предприниматели требовали надёжных гарантий своих прав; с другой — верховные собственники (государство и церковь) не были готовы ограничивать собственные полномочия. В результате на смену идее расщеплённой собственности пришла теория ограниченных вещных прав, получившая наибольшее распространение в законодательстве континентальной Европы[4, с.586].

Касаемо исторического аспекта понятия вещного права в Российском государстве можно сказать следующее. В российском гражданском праве вплоть до начала XIX века отсутствовала чёткая категориальная система в области вещного права, а также не было сформулировано определение права собственности как такового. Первые правовые нормы, которые можно условно соотнести с современным регулированием права собственности и иных вещных прав, обнаруживаются в «Русской правде».

Более развитая правовая терминология в сфере вещного права появилась в Псковской судной грамоте. В этом источнике уже фигурировали понятия недвижимого имущества («отчина»), а также предусматривалось особое право пользования имуществом умершего супруга — переживший супруг получал возможность владеть этим имуществом до своей кончины.

Кроме того, Псковская судная грамота закрепляла способы приобретения права собственности на движимое и недвижимое имущество, многие из которых остаются актуальными и сегодня. Среди них — купля-продажа, наследование, приобретение права собственности по истечении срока давности владения и другие механизмы, по-прежнему широко применяемые в современных правоотношениях.

Институт вещного права в России обрёл более полную и всестороннюю регламентацию после того, как вступил в силу Свод законов гражданских — составная часть Свода законов Российской империи, подготовленного под руководством М. М. Сперанского. Вещным правам был посвящен раздел 2 книги 2 тома X Свода законов Российской империи «О сущности и пространстве разных прав на имущества». В документе подробно раскрывалась природа права собственности, которое определялось через ряд существенных признаков. Прежде всего, обозначалось его содержание — совокупность правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Подчёркивался исключительный характер права, действующий «исключительно и независимо от лица постороннего», а также его бессрочность, выраженная формулой «вечно и потомственно».

Законодательство различало способы приобретения права собственности: первоначальные, когда речь шла о первом приобретателе имущества, и производные, когда право переходило от прежнего владельца. Отдельно регулировались процедуры «передачи и укрепления» прав. При этом наряду с полным правом собственности признавалась и его ограниченная форма.

Помимо права собственности, свод законов закреплял целый ряд прав на чужие вещи. К ним относились сервитут, право частного участия, право угодий, пожизненное владение, вечно-чиншевое владение (чиншевое право), а также право застройки.

Для защиты вещных прав дореволюционное российское законодательство предусматривало два основных инструмента — владельческий и виндикационный иски, позволявшие правообладателям отстаивать свои интересы в судебном порядке [5, с.7].

С образованием Советского Союза развитие вещного права фактически остановилось. Это было обусловлено идеологическими установками марксистко-ленинской доктрины, которая принципиально отвергала институт частной собственности. В результате действующее законодательство и научные разработки ведущих цивилистов оказались подчинены задачам построения нового общества и утратили актуальность. Гражданско-правовой оборот в стране резко сократился: вместо него утвердилось прямое распределение материальных благ среди граждан. Масштабная национализация — земель, предприятий и другого имущества, ранее находившегося в частных руках, — привела к исключению из правового поля ряда ключевых юридических категорий. В частности, перестало использоваться понятие недвижимости. Эти процессы закономерно привели к тому, что вещное право перестало рассматриваться большинством советских юристов как самостоятельный раздел гражданского права.

В начальный период советской власти вещное право получило законодательное закрепление в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года. В нём к вещным правам были отнесены только право собственности, право застройки и залог. В Основах гражданского законодательства СССР 1961 года и последовавших за ними гражданских кодексах союзных республик (в том числе в ГК РСФСР 1964 года) нормы о вещном праве вовсе отсутствовали. Законодательство закрепляло лишь два правовых режима: право собственности (преимущественно государственной) и право оперативного управления. Единственным признанным ограниченным вещным правом стало право оперативного управления, разработанное академиком А. В. Венедиктовым. Он определял содержание права оперативного управления следующим образом: «…собственник всегда действует своей властью и в своих интересах, а субъект, осуществляющий оперативное управление имуществом, действует властью собственника и в его интересах»[6, с.370].

Развитие рыночных отношений в России неизбежно затронуло институт вещных прав. Возрождение этой категории в отечественном законодательстве началось с Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» 1990 года[7]. Позднее специальный раздел «Право собственности и другие вещные права» был включён в Основы гражданского законодательства Союза ССР 1991 года[8].

Закон СССР «О собственности в СССР» 1990 года ввёл понятие «права полного хозяйственного ведения» — достаточно широкого по содержанию вещного права. Его ключевая особенность заключалась в том, что обладатель мог владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом «по своему усмотрению».[9]

Однако впоследствии права государственных и муниципальных предприятий были ограничены. В Законе РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1994 года «право полного хозяйственного ведения» трансформировалось в «право хозяйственного ведения». Главные ограничения коснулись права самостоятельных распоряжений недвижимым и иным особо ценным имуществом, принадлежащим собственнику.

Вещное право в современной же России представляет собой институт гражданского законодательства, переживающий этап реформирования. В 2008 году Президентом РФ была инициирована крупная реформа Гражданского кодекса, направленная на приведение гражданского законодательства в соответствие с современными реалиями рыночной экономики, уровнем технического оснащения, цифровизацией и созданием новых инструментов гражданского оборота.[10]В 2009 году Советом по кодификации была подготовлена Концепция развития гражданского законодательства, а в 2010 году опубликован обширный свод поправок, фактически представлявший собой новую редакцию Гражданского кодекса. В 2012-2013 годах началась практическая реализация реформы: в марте 2013 года вступили в силу первые поправки, введшие принцип добросовестности, запрет действий в обход закона и отмену госрегистрации сделок с недвижимостью, а в сентябре того же года были уточнены правила о согласии на сделки и установлена презумпция их оспоримости. В 2014 году в ГК появились новые объекты прав — единые недвижимые комплексы, а также изменено регулирование ценных бумаг. Наиболее насыщенным стал 2015 год, когда были легализованы обеспечительный платеж, независимая гарантия, рамочный и опционный договоры, изменены правила о самовольных постройках и запущена процедура банкротства граждан. В последующие годы реформа носила корректирующий характер, а к 2021 году большинство фрагментов законопроекта были приняты, за исключением новой редакции раздела о вещном праве, который остается нереализованным. В 2025 году были внесены точечные изменения: введена новая статья о компенсации за нарушение интеллектуальных прав, изменен порядок открытия счетов несовершеннолетними и введено обязательное нотариальное удостоверение договоров дарения недвижимости.

По итогам проведённого историко-правового исследования можно сделать ряд обобщающих выводов. Установлено, что эволюция института вещных прав имеет глубокие корни, уходящие в римское частное право, где впервые сложилась классическая модель права собственности. В отечественной правовой системе завершённое оформление данный институт приобрёл в Своде законов Российской империи, однако в советскую эпоху произошёл существенный разрыв правовой преемственности: ликвидация частной собственности и национализация повлекли за собой упразднение вещного права как целостной подотрасли, единственным исключением стали право государственной собственности и конструкция оперативного управления. Восстановление института началось в 1990-х годах в связи с переходом к рыночной экономике и получило законодательное закрепление сначала в законах о собственности, а впоследствии — в Гражданском кодексе РФ, который возродил базовые вещно-правовые категории.

Полученные результаты могут найти практическое применение в законотворческой деятельности при совершенствовании норм Гражданского Кодекса РФ, в правоприменительной практике — для углублённого понимания сущности отдельных вещно-правовых институтов, а также в образовательном процессе при

преподавании курсов гражданского права и истории государства и права. Дальнейшие научные изыскания целесообразно направить на углублённый анализ конкретных видов ограниченных вещных прав (включая сервитуты и право застройки), проведение сравнительно-правовых исследований зарубежного опыта, а также изучение перспектив развития вещного права в условиях цифровизации экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черниловский, З. М. Римское частное право : учебное пособие. — М.: Проспект, 2001. — 220 с.

2. Гурьянов, К. В. Исторический аспект возникновения и развития вещных прав // Молодой ученый. — 2023. — № 48 (495)[Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://moluch.ru/archive/495/108372 (дата обращения: 01.03.2026). – Загл. с экрана.

3. Суханов, Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. — 2006. — № 12. — С. 42–50.

4. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2020. – 1040 с.

5. Ахметьянова, З. А. Вещное право : учебное пособие. – Казань : Казанский университет, 2014. – 76 с.

6. Венедиктов, А. В. Право государственной социалистической собственности. – М.: АНН СССР, 1946. – 834 с.

7. Закон РСФСР от 24.12.90 N 443-I «О собственности в РСФСР» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5535 (дата обращения: 01.03.2026).– Загл. с экрана.

8. «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик» от 31.05.1991 № 2211-I // Официальный интернет-портал правовой информации[Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=32705 (дата обращения: 01.03.2026).

9. Закон СССР от 06.03.1990 г. №1305-I «О собственности в СССР» // Официальный интернет-портал правовой информации[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=48189 (дата обращения: 01.03.2026).– Загл. с экрана.

10. Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» : (ред. от 29.07.2014) // СПС «КонсультантПлюс»[Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118202/ (дата обращения: 01.03.2026).– Загл. с экрана.

HISTORICAL-LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF PROPERTY LAW

Annotation. This paper examines the process of evolution of property law as a fundamental institution of civil legislation. The key stages of its formation are analyzed: from its origin in Roman private law, through the feudal concept of "split" property in the Middle Ages and the development of German pandectists, to the system design in the Code of Laws of the Russian Empire. Special attention is paid to the Soviet period, when the institute was virtually abolished, and its revival in the 1990s with the transition to a market economy and the adoption of the Civil Code of the Russian Federation, as well as modern reforms.

Keywords: Property law, Roman private law, the Middle Ages, the Soviet period, reforms.

Himchenko U.N.
Scientific adviser: K.E.Sviridova, Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail:himcenkoulyana2007@gmail.com

УДК 342.7:796

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Цапка К. С.
Научный руководитель: Тимофеева А. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются системные проблемы правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации, обусловленные фрагментарностью законодательства, межотраслевой природой спортивного права и отсутствием кодифицированного акта. Выявлены ключевые пробелы: неурегулированность понятия «спортивная травма», ограничения доступа к соревнованиям, утрата педагогического статуса тренерами. Аргументирована необходимость принятия Спортивного кодекса и специализированных законов, а также активного вовлечения негосударственного сектора через государственно-частное партнерство, социальный заказ и налоговые стимулы.
Ключевые слова: физическая культура, спорт, правовое регулирование, федеральные законы, спортивное право, национальное здоровье, государственно-частное партнерство, Спортивный кодекс, негосударственные организации, студенческий спорт.

Физическая культура и спорт в современных условиях выступают не только как элементы досуга или профессиональной деятельности, но и как базовый фактор формирования здорового образа жизни, гармоничного развития личности и укрепления национального здоровья. В условиях растущих вызовов в сфере общественного здоровья, демографической безопасности и социальной устойчивости значение физической культуры и спорта приобретает стратегический характер, становясь неотъемлемой составляющей государственной политики в области здравоохранения, образования и социального развития.

Несмотря на конституционные гарантии и наличие базового нормативного акта - Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее - ФЗ № 329-ФЗ), - правовое регулирование данной сферы остается фрагментированным, противоречивым и недостаточно системным.

Как справедливо отмечают В. Д. Иванов, В. З. Смирнова и М. А. Райн, сфера физической культуры и спорта сталкивается с рядом системных проблем: пробелами в законодательстве, отсутствием единого подхода к толкованию ключевых понятий, а также сложностями координации между федеральными и региональными уровнями правового регулирования [1, с. 109].

Эти недостатки усугубляются тем, что вопросы физической культуры и спорта находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), что порождает разночтения в практике применения норм и снижает эффективность реализации государственной политики. Хотя ФЗ № 329-ФЗ заложил важные основы, включая единые определения таких категорий, как «спорт», «физическое воспитание» и «спортивная организация», он не устранил глубинные коллизии, оставив без ответа множество практически значимых вопросов.

Особую сложность представляет межотраслевая природа спортивного права, которое одновременно затрагивает нормы гражданского, трудового, административного, финансового и международного права. Эта особенность порождает научную дискуссию: одни исследователи рассматривают спорт как межотраслевой комплекс, другие - как потенциально самостоятельную отрасль права. На сегодняшний день можно говорить лишь о комплексной, но не кодифицированной правовой сфере, лишенной единого метода регулирования и обобщающего нормативного акта в виде Спортивного кодекса [2, с. 17]. Именно эта незавершенность систематизации является причиной многих

текущих проблем: от неурегулированности понятия «спортивная травма» и ограничений доступа студентов к официальным соревнованиям до утраты педагогического статуса тренерами и недостаточной поддержки массового, студенческого и национального спорта.

В научной литературе предложены отдельные решения по совершенствованию законодательства - от расширения льгот для мастеров спорта при поступлении в вузы до разработки специальных федеральных законов о студенческом, массовом и национальном спорте. Однако комплексный анализ показывает, что до настоящего времени не сформирована целостная модель правового регулирования, способная увязать воедино интересы государства, граждан, негосударственных организаций и бизнеса. Особенно остро ощущается дефицит механизмов, направленных на активное вовлечение негосударственного сектора в развитие инфраструктуры и услуг в сфере физической культуры и спорта, несмотря на очевидную невозможность решения всех задач исключительно за счет бюджетных ресурсов.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления системных пробелов и противоречий в правовом регулировании физической культуры и спорта в Российской Федерации, а также разработкой научно обоснованных предложений, направленных на формирование устойчивой, гибкой и социально ориентированной правовой модели.

Целью статьи является выявление ключевых проблем современного правового регулирования в сфере физической культуры и спорта, анализ существующих подходов к их решению и формулирование комплекса мер, способных обеспечить гармоничное развитие физической культуры и спорта как важнейшего элемента национальной безопасности, социальной стабильности и культурного суверенитета России.

В настоящее время правовая база в области физической культуры и спорта представляет собой многоуровневую структуру, которая включает в себя Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, а также законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Центральное место в данной системе занимает Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», который заложил фундаментальные основы правового регулирования, дав единые определения ключевым понятиям: «физическое воспитание», «спорт», «физкультурно-спортивная организация», «спортсмен» [3].

Одной из центральных конституционных гарантий является положение ч. 2 ст. 41 Конституции РФ, которое провозглашает, что в Российской Федерации финансируются федеральные программы, направленные на охрану и укрепление здоровья населения, и поощряется деятельность, способствующая развитию физической культуры и спорта. В то же время, согласно ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, вопросы физической культуры и спорта относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов [4].

Эта двойственность, как отмечает М. Г. Вулах, предопределила сложную структуру законодательства, где федеральные законы должны дополняться региональными нормативными актами, что зачастую приводит к фрагментации правового поля и разночтениям в практике его применения [5, с. 4].

Анализ юридической литературы показывает, что правовой институт физической культуры и спорта является сложным и комплексным, поскольку находится на пересечении нескольких отраслей права: гражданского (гражданско-правовые договоры, права на телевизионные трансляции), трудового (особенности регулирования труда спортсменов и тренеров), финансового (финансирование соревнований),

административного (административные правонарушения) и международного права (проведение Олимпиад, рассмотрение споров в международных арбитражах).

В научной среде существуют две основные точки зрения. Одни авторы, вслед за К. С. Бельским, считают, что трудно найти отрасль права, предмет регулирования которой замыкался бы только на одном виде общественных отношений, и поэтому спорт следует рассматривать как межотраслевой комплекс [6, с. 15]. Другие, в частности С. В. Алексеев, придерживаются позиции, согласно которой «спортивное право - самостоятельная отрасль права, предметом которой является органический комплекс общественных отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта» [7, с. 289].

Несмотря на обширную нормативную базу, в сфере физической культуры и спорта сохраняются существенные пробелы и противоречия как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В. А. Коробейник выделяет несколько ключевых проблемных зон.

Во-первых, отсутствует четкий нормативно-правовой акт, регулирующий алгоритм подачи заявок на участие в спортивных соревнованиях. На практике это означает, что студенты вузов, не входящие в состав спортивных школ или клубов, фактически лишены возможности участвовать в официальных соревнованиях несмотря, на соответствие всем критериям по состоянию здоровья и уровню подготовки. Сложившаяся ситуация напрямую противоречит основному принципу, закрепленному в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», гарантирующему каждому гражданину право на свободный доступ к физической культуре и спорту.

Во-вторых, серьезной проблемой является реформа системы образования, в результате которой тренеры, работающие в спортивных школах, были лишены статуса педагогических работников. Это лишило их права на льготы и гарантии, предусмотренные для педагогов, что стало одной из причин оттока квалифицированных специалистов из сферы массового спорта и, как следствие, ухудшения качества физкультурно-спортивного воспитания молодежи [8, с. 88].

Еще одной острой проблемой, является несовершенство системы поощрения студентов-спортсменов. А.А. Шевченко подчеркивает необходимость создания системы материальных и нематериальных стимулов, направляющей часть средств от профессионального спорта на развитие массового. В частности, он предлагает ввести премии для студентов-спортсменов, оказывающих методическую помощь своим товарищам, а также обеспечить целенаправленное финансирование для модернизации спортивного оборудования в вузах [9, с. 30].

Особое внимание в научных работах уделяется проблеме правового статуса и защиты прав спортсменов. Одним из ярких примеров является неурегулированность понятия «спортивная травма». Статья 348.10 Трудового кодекса РФ обязывает работодателя производить доплату к пособию по временной нетрудоспособности спортсмену, получившему травму при исполнении трудовых обязанностей, до размера его среднего заработка [10]. Однако само понятие «спортивная травма» в законодательстве не раскрыто.

В. Г. Орлов справедливо отмечает, что такие выплаты позволяют спортсменам сохранять уровень доходов на время лечения и реабилитации, что является важной социальной гарантией [11, с. 75]. В то же время А. В. Майфат предлагает рассматривать спортивные травмы в качестве самостоятельной правовой категории, что потребует разработки специальных критериев для их квалификации и установления четких процедур для назначения соответствующих компенсаций [12, с. 199].

В. А. Власов предлагает комплексный подход к совершенствованию правового регулирования сферы физической культуры и спорта. В частности, автор рекомендует внести изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»,

расширив льготную категорию поступающих в вузы без вступительных испытаний: помимо чемпионов Олимпийских игр, это право следует предоставить всем мастерам спорта России независимо от профиля специальности. Такая мера станет мощным мотивационным фактором для молодежи и повысит престиж спортивных достижений в студенческой среде.

Не менее важной проблемой является сохранение и развитие национальных видов спорта, играющих значительную роль в сохранении культурного наследия, национальных обычаев и традиций, особенно в Арктической зоне Российской Федерации. По мнению автора, реализация подобных инициатив позволит унифицировать отечественную нормативную правовую базу и обеспечить лучшую защиту прав личности в процессе проведения соревнований. Особое внимание В. А. Власов уделяет развитию национальных видов спорта как важной цели социальной политики государства, способствующей реализации гуманистических ценностей, укреплению здоровья населения и профилактике вредных привычек, особенно в сложных климатических условиях. В этой связи обосновывается необходимость разработки Стратегии развития и популяризации национальных видов спорта, а также принятия специализированных федеральных законов: «О массовом спорте», «О студенческом спорте», «О национальных видах спорта» и «О профессиональном спорте» [2, с. 16].

Перспективы совершенствования правового регулирования в области физической культуры и спорта тесно связаны с необходимостью активного вовлечения негосударственных организаций (НГО) в решение отраслевых задач. Коллектив авторов - М. Р. Мифтахов, Д. Р. Абдрахманова, Г. Ф. Агеева, О. Н. Вишнякова, М. М. Орлова и А. Б. Фахретдинова - подчеркивают, что решить весь комплекс задач, стоящих перед спортивной отраслью, исключительно силами государственных структур невозможно [13, с. 248]. Ключевой задачей государственной политики должно стать формирование благоприятных условий для роста и устойчивого развития НГО, признание их роли как равноправных партнеров в реализации социальной политики государства. Для этого предлагается разработать комплекс бюджетных, налоговых и неналоговых механизмов стимулирования.

В области налогового стимулирования авторы предлагают следующие меры:

уменьшение налогооблагаемой базы по налогу на прибыль для организаций, поддерживающих сферу физической культуры и спорта;

введение налоговых вычетов для физических лиц, жертвующих средства в спортивные фонды;

предоставление субъектам РФ права устанавливать пониженную ставку налога на прибыль для компаний, инвестирующих в спорт;

расширение перечня товаров и услуг, облагаемых по пониженной ставке НДС, за счет спортивных товаров и услуг;

установление пониженного тарифа страховых взносов для НГО сферы физической культуры и спорта при соблюдении определенных условий.

Данные меры призваны повысить инвестиционную привлекательность отрасли и привлечь частный капитал в развитие спортивной инфраструктуры.

Одним из эффективных инструментов взаимодействия государства и НГО может стать механизм государственного (муниципального) социального заказа. Федеральный закон от 28.12.2022 № 568-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу ч. 3 ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» [14] расширил сферу его применения, включив в нее оказание

физкультурно-оздоровительных услуг. Участие НГО в реализации социального заказа позволяет диверсифицировать предложения в сфере спорта, обеспечивая их доступность и адресность для различных социальных групп, включая детей, пожилых людей и лиц с инвалидностью. Для эффективного включения НГО в данный механизм необходимо разработать прозрачные критерии отбора исполнителей, учитывающие специфику физкультурно-оздоровительной деятельности и уровень квалификации кадрового состава.

Другим перспективным направлением является развитие механизма социальных сертификатов. Данный инструмент предоставляет гражданам право самостоятельно выбирать поставщика физкультурно-оздоровительных услуг из утвержденного реестра, что стимулирует НГО предоставлять качественные услуги и способствует развитию конкуренции. Для негосударственных организаций социальный сертификат открывает гарантированный рынок сбыта услуг, повышая их финансовую устойчивость и позволяя планировать деятельность на долгосрочной основе.

Особое внимание в работе М.А. Коваленко уделяется развитию механизма инициативного бюджетирования (ИБ), который особенно актуален для малых городов и сельской местности. ИБ позволяет напрямую вовлекать население в процесс принятия решений о том, какие спортивные объекты и мероприятия необходимы на местном уровне. По мнению автора, это повышает эффективность бюджетных расходов, преодолевает информационную асимметрию между обществом и властью и способствует росту социального капитала [15, с. 166].

Следовательно, для развития данного института необходимо повысить информированность населения, снизить транзакционные издержки и закрепить его основы через совершенствование нормативно-правовой базы.

Критически важной проблемой является отсутствие унифицированной системы оценки эффективности деятельности негосударственных организаций в сфере физической культуры и спорта. В настоящее время различные категории организаций (спортивные федерации, фитнес-центры, школьные лиги) руководствуются разными нормативными актами, что затрудняет формирование комплексной и сопоставимой системы оценки на национальном уровне. Для решения этой проблемы предлагается разработать единые критерии оценки, методические рекомендации и интегрировать собранную информацию в единую цифровую экосистему - Государственную информационную систему в области физической культуры и спорта (ГИС ФКиС). Это позволит обеспечить более точный мониторинг физкультурно-спортивной активности населения и выстраивать адресные коммуникации с гражданами.

Таким образом, физическая культура и спорт в Российской Федерации выполняют стратегическую социальную функцию, выступая основой формирования здорового образа жизни, гармоничного развития личности и укрепления национального здоровья. Однако, несмотря на конституционные гарантии и наличие базового нормативного акта - Федерального закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», - правовое регулирование этой сферы характеризуется системными недостатками: пробелами, противоречиями, отсутствием единообразия в толковании норм и фрагментацией законодательства между федеральным и региональным уровнями. Эти проблемы усугубляются сложной межотраслевой природой спортивного права, охватывающего гражданское, трудовое, административное, финансовое и международное право, что затрудняет его кодификацию и унификацию.

Ключевые вызовы включают неурегулированность таких понятий, как «спортивная травма», ограничение доступа к соревнованиям для студентов и лиц вне спортивных организаций, утрату педагогического статуса тренерами, а также недостаточную поддержку массового, студенческого и национального спорта. В то же время сохраняется

острая необходимость в защите прав спортсменов, модернизации системы поощрений и развитии инфраструктуры, особенно в удаленных и арктических регионах.

Перспективы совершенствования законодательства связаны с комплексным подходом:

- во-первых, с кодификацией норм в виде Спортивного кодекса и принятием специализированных законов (о студенческом, массовом, национальном и профессиональном спорте);

- во-вторых, с активным вовлечением негосударственного сектора через механизмы социальных сертификатов и инициативного бюджетирования;

- в-третьих, с созданием эффективных экономических стимулов - налоговых льгот, субсидий и преференций для частных инвесторов и НКО;

- в-четвертых, с формированием единой цифровой экосистемы для объективной оценки эффективности всех участников спортивного процесса.

Только такой многоуровневый и скоординированный подход позволит устранить существующие правовые коллизии, реализовать конституционные права граждан на занятия физической культурой и спортом в полном объеме и обеспечить устойчивое развитие отрасли как важнейшего элемента национальной безопасности, социальной стабильности и культурного суверенитета России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, В. Д. Проблемы правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации / В. Д. Иванов, В. З. Смирнова, М. А. Райн // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 108–111.

2. Власов, В.А. Некоторые актуальные проблемы в области государственного регулирования физической культуры и спорта и предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации / В.А. Власов // Эпоха науки. - 2018. - № 16. - С. 15-19.

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 13.02.2026)

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 13.02.2026)

5. Вулах, М. Г. Проблемы совершенствования российского спортивного законодательства / М. Г. Вулах // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. - 2010. - № 3. - С. 2–5.

6. Бельский, К.С. К вопросу о предмете административного права / К.С. Бельский // Государство и право. - 1997. - № 11. - С. 13-18.

7. Алексеев, С.В. Правовые основы физической культуры и спорта в Российской Федерации / С.В. Алексеев, С.Н. Петренко. - М., 2008. - 544 с.

8. Коробейник, Ю.А. Несовершенства правового регулирования спорта и физической культуры в Российской Федерации / Ю.А. Коробейник // Физическая культура студентов. - 2020. - № 69-2. - С. 86-90.

9. Шевченко, А.А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации / А.А. Шевченко // Студенческий вестник. - 2023. - № 13-3 (252). - С. 30-31.

10. Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 13.02.2026)

11. Орлов, В.Г. Правовое положение профессиональных спортсменов / В.Г. Орлов // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. - 2007. - № 1. - С. 71 - 77.

12. Майфат, А.В. Некоторые вопросы защиты прав профессиональных спортсменов (спортивная травма: трудовой и цивилистический аспекты) / А.В. Майфат // Российский юридический журнал. - 2012. - № 6. - С. 198 - 201.

13. Мифтахов, М. Р. Ключевые направления совершенствования государственного регулирования негосударственных организаций в сфере физической культуры и спорта Российской Федерации / М. Р. Мифтахов, Д. Р. Абдрахманова, Г. Ф. Агеева, О. Н. Вишнякова, М. М. Орлова, А. Б. Фахретдинова // Наука и спорт: современные тенденции. – 2025. – Т. 13, № 3. – С. 241–251.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу ч. 3 ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере: Федеральный закон от 28.12.2022 № 568-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435719/ (дата обращения: 13.02.2026)

15. Коваленко, М.А. К вопросу о правовом регулировании развития физической культуры и спорта в Российской Федерации / М.А. Коваленко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - № 9-2 (48). - С. 165-167.

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. The article analyzes the systemic problems of the legal regulation of physical culture and sports in the Russian Federation, due to the fragmentation of legislation, the intersectoral nature of sports law and the lack of a codified act. Comparative-legal, system-structural and formal-legal methods are used. Key gaps have been identified: the lack of regulation of the concept of "sports injury", restrictions on access to competitions, and the loss of teaching status by coaches. The necessity of adopting a Sports Code, specialized laws and the active involvement of the non-governmental sector through PPP, social order and tax incentives is substantiated.

Keywords: physical culture, sports, legal regulation, Federal Law No. 329-FZ, sports law, national health, public-private partnership, Sports Code, non-governmental organizations, student sports.

Tsapka K. S.
Scientific adviser: Timofeeva A. A., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: Ivanov@donnu.ru

УДК 343.326

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Целуйко М.В.
Научный руководитель: Журба А.И. канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются объект, объективные и субъективные признаки террористического акта, квалифицирующие признаки террористического акта. Уголовно-правовые отношения и нормы, устанавливающие уголовную ответственность за террористический акт.
Ключевые слова: Террористический акт, преступления против общественной безопасности, противодействие терроризму.

Расследование террористического акта, терроризма как преступления актуально, необходимость борьбы со сложными формами существует не только у государства, но и у граждан в целом. Основная проблема на данный момент заключается в том, что государства используют терроризм для достижения своих целей и получения услуг третьих лиц. В данном случае ответственность характеризуется нарушением, вызванным недостатками международного права.

Террористический акт - это опасное преступление, которое вмешивается в различные общественные отношения, охраняемые государством. Террористический акт является одним из наиболее опасных преступлений, поскольку влечет за собой большое количество различных составов преступлений, влечет за собой большое количество жертв, влияет на моральный дух государства и существенно подрывает общественную безопасность. Объектом исследования являются нормы уголовного права, которые устанавливают уголовную ответственность за террористический акт.

Целью исследования является научный анализ теоретических характеристик террористического акта. Сегодня важно изучать такое политическое явление, как терроризм. Это реальная угроза безопасности любого государства. Терроризм - это не только внутренняя проблема, но и международная. Террористические акты приводят к огромным людским потерям, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, вызывает разрушение материальных и духовных ценностей, которые иногда не могут быть восстановлены, спровоцировать вражду между государствами, причиной войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения.

Сегодня главной задачей является поиск более эффективных способов борьбы с терроризмом как негативным, противоправным социальным явлением и устранение причин его распространения. Это обусловлено актуальностью выбранной темы.

Анализируя обстоятельства и причины террористических актов, многие авторы приходят к выводу, что их мотивы можно разделить на две группы – личные и идеологические. Среди личных мотивов можно выделить: эмоциональные, психологические, этические, самоутверждение, экономические, эгоистические. Идеологические мотивы делятся следующим образом: социально-политические (насильственный захват власти, насильственное изменение конституционного строя); сепаратистские и националистические; религиозные (поддержание "чистоты" и исключительности веры, православных взглядов).

Действующее уголовное законодательство не содержит понятия субъекта преступления. В теории уголовного права вопрос об объекте является спорным. Большинство ученых сходятся во мнении, что объект - это совокупность общественных отношений. Субъект - это критерий, по которому определяется общественная опасность

преступления. Наконец, независимо от состава преступления, отношения преступника имеют особое значение как для общества, так и для государства. Общественная опасность возрастает из-за особой ценности объекта преступления.

Объект имеет большое значение, если преступления квалифицируются в особенной части Уголовного кодекса. Общей целью всех преступлений является совокупность охраняемых уголовным законом наиболее важных, общественно значимых отношений, которым причинен вред в результате преступления или которые представляют реальную угрозу его совершения.

Объектом всех преступлений, связанных с терроризмом, является общественная безопасность, принципы и содержание охранной деятельности установлены федеральным законом №390-ФЗ "О безопасности". "Закон относится к основным объектам безопасности: личность - ее права и свободы; общество - его материальные и духовные ценности; государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность" [1].

Непосредственной главной целью террористического акта являются определенные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причинен значительный ущерб. Совершение террористического акта - это общественные отношения, содержанием которых является обеспечение общественной безопасности.

"Главной целью террористов является не уничтожение собственности или причинение вреда отдельным лицам, а дестабилизация деятельности правительственных учреждений или международных организаций или влияние на принятие ими решений» [2].

Правонарушение - это способ достижения намеченной цели, который рассматривается как средство влияния на принятие решений. Объективная сторона - это внешняя характеристика преступления. Она показывает, насколько опасным является противоправное деяние, вмешивающееся в охраняемые законом отношения. Важным критерием является отграничение общественно опасных деяний от обязательного элемента состава преступления.

Террористический акт - это "совершение взрыва, поджога или иного акта, который запугивает население, угрожает гибелью людей, причиняет значительный материальный ущерб или иные серьезные последствия, с целью повлиять на решение властей или международных организаций и использовать эти акты в других целях". [3]. В судебной практике мнения относительно того, может ли террористический акт быть совершен в результате бездействия или совершается только в результате активных действий, разделились.

Мальцев отмечает, что "террористические акты также иногда совершаются в результате бездействия, в энергетической, транспортной или горнодобывающей промышленности" [4 с. 16]. В связи с этим в статье 205 Уголовного кодекса справедливо предлагается внести изменения в статью и ввести термин "деяние". Такой же точки зрения придерживается И.С. Таубкин. [5 с 6].

Признаки, которые являются неотъемлемой частью действий, составляющих объективную сторону преступления, важны для характеристики состава террористического акта. Прежде всего, к таким признакам относятся признаки того, что данные действия пугают население. Это означает, что "из-за террористического акта население опасается за свое здоровье и жизнь, жизни близких, сохранность имущества и возможность вести нормальный, устоявшийся, хорошо функционирующий образ жизни" [6].

Без учета субъективных аспектов практически невозможно охарактеризовать объективную сторону из-за их неразрывной связи с субъективной стороной. В. Н. Кудрявцев говорил, что "будущая объективная сторона преступления возникает в сознании человека в идеальном виде, а затем в реальности реализуется определенным

образом"[7. 24. С.]. Субъектами террористического акта могут быть граждане Российской Федерации, иностранцы, лица без гражданства, а также лица с двойным гражданством. Это могут быть рядовые и государственные служащие, преступники, экстремисты, члены бандформирований, незаконных вооруженных формирований и военнослужащие. Уголовный кодекс определяет террористический акт как преступление, за совершение которого снижен возраст наступления уголовной ответственности.

В научной литературе существуют разные мнения о возрасте, с которого должно быть возбуждено уголовное дело по данному преступлению. Например, О. Аксенов и О. Камхазов считают, что статья 205 УК РФ не предусматривает наказания за совершение преступления. Уголовная ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста. В.П. Емельянов считает, что в возрасте 14-26 лет люди "не всегда осознают это деяние в полной мере, его сложность, многогранность, иерархия целей" [8. 30. С.].

Статистика показывает, что значительная часть молодежи вовлечена в национальный и религиозный терроризм. Это связано с тем, что дети в процессе социализации могут легко попасть под влияние взрослых и совершать преступления. Из-за своего интеллектуального и морального инфантилизма они легко "попадаются на крючок радикального национализма, социальных и религиозных идей" [9].

Важную роль играет внутреннее самооправдание террориста в его участии в террористическом акте. Задача террориста - привлечь как можно больше людей, для которых цель террора настолько важна, чтобы оправдать любые средства, или они настолько беспринципны, что готовы совершить любое преступление. Категория субъективной стороны преступления широко используется в научной литературе и практике, хотя и не нашла официального закрепления в законодательстве. "Субъективная сторона - это психическая деятельность человека, непосредственно связанная с совершением преступления"[10].

Субъективная сторона террористического акта характеризуется исключительно в виде прямого умысла. Ее содержание зависит от формы террористического акта. Признание общественной опасности террористического акта - это признание объекта нападения, признание преступления общеопасным, признание того, что совершенное им преступление вызывает страх у населения, осознание того, что оно приведет к дестабилизации социальной ситуации или что оно повлияет на правительство. учреждения или международные организации.

"Стремление человека к серьезным последствиям террористического акта означает, что совершение этих действий общеопасным способом преследует определенные цели, а именно дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций или влияние на принятие ими решений" [11]. Состав террористического акта характеризуется особой целью. Это обязательное указание на состав преступления.

Целью преступления является представление лица о желаемом результате преступления, которого оно намерено достичь путем совершения задуманного. Другими словами, цель - это то, к чему стремится человек, когда совершает преступление, то есть предполагаемый результат его действия (бездействия). Террористы нацелены на дестабилизацию, оказание влияния на органы власти или международные организации, а также на принятие решений. Их цель - заставить эти органы власти совершать незаконные действия, или воздерживаться от законных действий, или принимать решения, которые будут выгодны как террористам, так и третьим сторонам.

Возникает ситуация, когда власти или международные организации вынуждены идти на уступки террористам, чтобы обеспечить безопасность общества. "Особенность цели терроризма заключается в том, что она оправдывает общественно опасные средства ее достижения, в результате чего деятельность человека становится преступлением не только по объективным причинам общественно опасного деяния, но и по его общей цели"[12]. Криминалистическая оценка не должна быть направлена на выявление

средств, которые могут быть использованы для ее достижения.

"Уголовно-правовая оценка должна быть направлена не на получение отдельных результатов, а на целенаправленную деятельность в целом" [13]. Субъективная сторона преступления играет значительную роль в квалификации, поскольку, установив все его признаки, можно определить, состоится ли рассматриваемое преступление или нет.

Квалифицирующие признаки, предусмотренные отдельной статьей отдельной части Уголовного кодекса, значительно повышают общественную опасность деяния или представляют большую степень общественной опасности по сравнению с основными составами преступления.

Совершение террористического акта двумя или более лицами предполагает, что каждый из соучастников достиг возраста уголовной ответственности, установленного за совершение преступления, то есть 14 лет. Соучастники также должны реагировать на такой признак, как трезвость. Если одно из двух лиц, причастных к террористическому акту, не имеет субъекта (в силу возраста или растерянности) и, соответственно, не подлежит уголовной ответственности, то нет категории лиц по предварительному сговору.

Лица, совершившие террористический акт, могут выступать в качестве соучастников, то есть непосредственно, совместно реализовывать объективную сторону каждого соучастника (полностью или частично), либо путем распределения ролей. Ответственность лиц, причастных к совершению террористического акта в качестве подстрекателей, организаторов или пособников, установлена законодателем в соответствии со специальной статьей 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обязательным условием предварительного сговора является статья 2 Уголовного кодекса. "Совместная деятельность предполагает, что действия лиц, причастных к совершению террористического акта, взаимосвязаны и взаимообусловлены и имеют для них единый результат, а также что существует причинно-следственная связь между действиями отдельных соучастников и общим результатом"[14].

Каждый вносит свой вклад в это преступление. Деяние, совершенное организованной группой, считается террористическим актом, если оно было совершено устойчивой группой лиц, которые ранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. Стабильность и организованность являются качественными характеристиками террористических актов, совершаемых организованными группами. Эти категории указывают на высокий уровень взаимодействия между членами организованной группы. Количественная характеристика предполагает участие двух или более человек. Признак стабильности отличает организованную группу лиц как форму соучастия в террористическом акте от других форм соучастия в преступлении.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: терроризм - это сложное социально-политическое явление, включающее в себя политические, социальные и криминальные элементы. Рассматривая различные аспекты, связанные с темой террористического акта, можно сделать вывод, что террористический акт - это многоцелевое преступление, направленное против широкого круга общественности. Это позволяет говорить о существовании основного прямого объекта – связей с общественностью, обеспечения общественной безопасности и альтернативных дополнительных прямых объектов - нормального функционирования государственных органов и международных организаций, жизни и здоровья граждан, отношений собственности.

Термин "терроризм" показывает, что он отличается не только своей жестокостью, но и большей степенью аморальности, цинизма, готовностью использовать средства и методы для достижения целей, непредсказуемостью форм и методов, отсутствием контроля и, как следствие, непредсказуемостью последствий.

Терроризм отрицает неотъемлемое право каждого человека, право на жизнь, и

отголоски террористического акта обычно важнее для террориста, чем сам акт. Проблема организации комплексной профилактической работы, направленной на чуждое и неприемлемое восприятие идеологии терроризма, остается актуальной в любой сфере общественной жизни.

На мой взгляд, государство не может оставаться в стороне от угроз и вызовов национальной безопасности, сложившаяся ситуация требует немедленного вмешательства и постоянного мониторинга. Таким образом, криминалистическая характеристика террористического акта является достаточно обширной научной областью, ее изучение актуально для современной юриспруденции, особенно для сегодняшней практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ "О безопасности" // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. N 1 ст. 2

2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. С. 2954.

4. Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998.№ 8. С.104.

5. Таубкин И.С. Взрывы. Уголовно-правовая квалификация // Закон и право. 2015. № 12. С.12.

6. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный). М., Проспект, 2020, С.735. 1031с.

7. В.Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. — М.: Госюриздат, 1960. С.53.

8. Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности. Волгоград: Рубикон, 2017 С.216.

9. Сукиасян С.Г. История болезни цивилизации: диагноз терроризм (попытка психопатологического анализа). Ереван, Асогик,2005. С.193.

10. Рапор А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., Профобразование,2001.С.6.

11. Галкин А. Ю. Состав террористического акта: вопросы квалификации: Учебное пособие — г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 40–41.

12. Безниско М.О. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С.181.

13. Емельянов В.П. «Субъективная сторона терроризма». Право и политика. 2020. № 12. С.87.

14. Гаухман Л.Д. Уголовное право. Особенная и Общая части. // - М., Юриспруденция. 1999. С.238

TERRORIST ACT: CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS

Annotation. This paper examines the object, objective and subjective elements of a terrorist act, as well as qualifying characteristics of a terrorist act. It also covers the criminal law relations and norms establishing criminal liability for a terrorist act.

Keywords: Terrorist act, crimes against public safety, counter-terrorism.

Tseluyko M.V.
Scientific Advisor**:** Zhurba A.I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: celujkom76@gmail.com

УДК 347.78

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОХРАНЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Чуйко М.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные проблемы в области охраны музыкальных произведений как объектов авторского права на просторах сети Интернет. Предложен комплекс мер, связанный с перспективами охраны музыкальных произведений в интернет-среде, сочетающий в себе правовые, технические и организационные подходы.
Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, музыкальные произведения, цифровое пиратство, результат интеллектуальной деятельности.

Развитие цифровых технологий и повсеместное распространение сети Интернет кардинально изменили способы создания, распространения и потребления музыкальных произведений. С одной стороны, цифровые платформы открыли беспрецедентные возможности для популяризации музыкального творчества и доступа к культурному наследию, с другой — породили комплекс правовых проблем, связанных с охраной авторских прав в виртуальной среде.

Сеть Интернет в настоящее время представляет собой основной источник распространения объектов интеллектуальной собственности, однако такой способ во многих случаях является неправомерным, так как у пользователей сети возникает возможность распространять и размешать труды интеллектуальной деятельности без разрешения правообладателя.

Музыка сопровождает современного человека практически повсеместно. Благодаря стремительному развитию современных технологий и информационно-коммуникационных средств передачи информации обычному пользователю стало доступно большое количество музыкальных произведений, доступ к которым может получить практически каждый, в любое время, в любом месте, любым доступным ему способом. Если ранее человеку для прослушивания музыки необходимо было приобрести, например, грампластинку или же кассету, то скорость распространения произведений посредством сети Интернет еще более упростила этот процесс и сделала его легко доступным и, одновременно, весьма уязвимым. В силу этого порождаются массовые нарушения законодательства в области охраны авторских прав на музыкальные произведения, которые усугубляются отсутствием эффективного механизма регулирования распространения и использования объектов интеллектуального творчества на просторах всемирной сети.

Разработкой проблем и перспектив охраны музыкальных произведений в сети Интернет занимались такие ученые-правоведы, как А.В. Апухтин, В.Ю. Зеленцова, О.С. Авдонина, А.А. Горшунов, П.Г. Дадян, А.М. Ефтин, Ю.Д. Нурыева, А.С. Дорофеев, И.В. Кузнецова, Е.С. Кудрявцева, В.С. Илларионов, Н.Л. Сенников, Н.В. Иванов, В.Б. Нагродская, А.А. Горшунов и др.

Проблема охраны музыкальных произведений от нарушений прав их авторов с каждым годом становится все актуальнее не только для отечественного, но и зарубежного права. Именно поэтому исследование данного вопроса актуально и нуждается в детальном изучении и анализе.

В соответствии с пунктом первым статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации музыкальные произведения с текстом или без текста являются объектами авторских прав [1]. Однако, как такового понятия «музыкального произведения»

законодатель не закрепляет, что является фундаментальной проблемой, порождающей массу вопросов и дискуссий при разрешении споров относительно охраны данного объекта авторских прав.

Следует отметить, что музыкальные произведения обладают рядом ключевых признаков, которыми являются: творческий характер, объективная форма выражения и оригинальность. Творческий характер подразумевает, что произведение должно быть результатом интеллектуальной деятельности композитора. Музыкальное произведение может быть выражено в нотной записи, аудиозаписи, видеозаписи или ином фиксированном воплощении – в этом проявляется его объективная форма выражения. Наконец, именно оригинальность отличает конкретное музыкальное произведение от других близких и похожих произведений.

Гражданское законодательство предусматривает исчерпывающий перечень субъектов авторских прав на музыкальные произведения, которыми являются: автор музыки (композитор), автор текста, аранжировщики, авторы производных музыкальных объектов, соавторы, правопреемники, правообладатели.

Исходя из смысла норм гражданского законодательства и учитывая все признаки музыкального произведения как объекта авторского права, Зеленцова В.Ю. предложила следующую формулировку: Музыкальное произведение представляет собой результат интеллектуальной деятельности, умственного и творческого выражения авторского труда, состоящее из звуковых колебаний, организованных в определенном порядке по высоте и по времени, с текстом или без, и являются объектом интеллектуальной деятельности при условии, если оно выражено в какой-либо объективной форме [2, с. 27].

Одной из ключевых проблем охраны авторских прав выступает массовое нарушение исключительных прав посредством несанкционированного размещения и распространения музыкальных произведений. В интернет-пространстве легко осуществляются незаконное копирование и загрузка фонограмм на файлообменники и социальные сети, стриминг без лицензий на пиратских платформах, создание и распространение ремиксов и кавер-версий без согласия правообладетелей, использование фрагментов музыкальных произведений в пользовательском контенте. Особенность данных нарушений заключается в их трансграничном характере: серверы с нелегальным контентом могут располагаться в юрисдикции других стран, где правовая охрана авторских прав ослаблена или вовсе отсутствует. Это затрудняет применение национальных правовых механизмов и требует международной координации [3, с. 170].

Особую группу проблем формирует использование музыкальных произведений в пользовательском контенте. Платформы социальных сетей и видеохостинги сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, необходимо предотвращать нарушения авторских прав, с другой – не подавлять творческую активность пользователей. Механизмы автоматического выявления контента не лишены недостатков, поскольку они могут ошибочно блокировать легальные материалы или пропускать нарушающие права фрагменты. При этом обязанность мониторинга зачастую возлагается на платформы, что порождает споры о пределах их ответственности.

Современные технологии позволяют пользователям делиться и загружать музыку без предварительного разрешения авторов. Музыкальные стриминговые сервисы такие как «VK Музыка» и «Яндекс.Музыка» считаются одними из самых популярных сервисов для прослушивания музыкальных произведений среди россиян и становятся основными источниками музыкального контента. Даже несмотря на тот факт, что такие сервисы предлагают защиту авторских прав и возможность извлечения дохода от фиксированного количества прослушиваний музыкальных произведений, существуют программы, позволяющие пользователям обходить защиту авторских прав. Сервис «VK Музыка» предоставляет пользователю возможность прослушивать музыку и даже скачивать ее,

однако даже уже скачанный контент можно использовать непосредственно в самом приложении без права использования в сторонних программах, например, для наложения музыкального сопровождения в видео-редакторе. Однако, существуют программы, которые позволяют пользователям не только обходить данное ограничение в использовании контента, но и использовать само приложение без оформления необходимой подписки, которая обязательна для использования приложения и прослушивания музыкальных произведений.

В числе источников нелегального распространения музыки по-прежнему лидируют пиратские сайты. Особую волну популярности они получили после 2022 года, когда многие зарубежные музыкальные стриминговые сервисы, такие как Spotify и Apple Music, пользующиеся на тот момент огромной популярностью у граждан России, ограничили доступ к прослушиванию нового музыкального контента, а также заблокировали оформление и оплату подписок. Эти обстоятельства послужили основанием для увеличения роста пиратства в сфере музыки.

Рядовые пользователи сети Интернет осознают, что можно скачать любую музыку благодаря пиратскому сайту и безгранично использовать ее в своих целях, нежели ежемесячно (или ежегодно) оплачивать подписку стримингового сервиса, который не позволяет в полном объеме распоряжаться авторским произведением. Это, в свою очередь, создает основные угрозы для авторских прав и приводит к снижению доходов музыкантов и композиторов. Стоит отметить, что в таком случае создатель пиратского сайта не является добродетелем, предоставляющим пользователю возможность бесплатно скачать музыку, поскольку он, в свою очередь, извлекает прибыль от размещения на странице сайта рекламной интеграции букмекерских контор, казино и др. В таком случае, создатель сайта в прямом смысле использует чужое авторское произведение для извлечения прибыли.

Из этого следует, что осознанный выбор обычных пользователей в сторону пиратских сайтов является правонарушением, поскольку положения статьи 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющие исключительные права автора на результат интеллектуальной деятельности, предусматривают, что автор вправе по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использовать свое музыкальное произведение. В такой ситуации прижившееся в народе выражение «молчание – знак согласия» не имеет никакой силы, поскольку законодатель прямо прописывает в абзаце втором части первой данной статьи, что отсутствие запрета не является согласием (разрешением). Тогда автор вправе требовать возмещения убытков, причинённых незаконным использованием его произведения. Убытки могут включать как прямые финансовые потери, так и упущенную выгоду.

Расширение и перманентное развитие цифровой среды и возрастающее значение интеллектуальных ресурсов в условиях недостатков нормативно-правового регулирования данной сферы предопределяют массовое распространение пиратского контента, что имеет крайне негативные последствия не только в контексте национальной экономики, но и в контексте частных интересов правообладателей [4, с.198].

В связи с широким распространением пиратства как явления в сети возникает вопрос о возможности привлечения информационных посредников к гражданско-правовой ответственности, поскольку они могут служить платформой для осуществления пиратской деятельности правонарушителями и не предпринимать никаких действий по пресечению незаконного распространения авторского музыкального контента. Подобный вопрос был рассмотрен Судом по интеллектуальным правам, который отметил, что статус «информационного посредника» не является основанием для освобождения от ответственности за нарушение исключительных прав, однако, с учетом других доводов, компенсация с ООО «ВКонтакте» не была взыскана [5]. К тому же, как упоминалось ранее, политика «ВКонтакте» предусматривает

предоставление пользователям платной подписки для прослушивания музыкальных произведений, в следствие чего компания получает доход от размещения на своей платформе данного рода произведений. Исходя из указанного при нарушении авторских прав в среде социальных сетей, в целях максимальной защиты правообладателей, необходимо предоставить им возможность взыскания компенсации, в том числе с информационных посредников.

В октябре 2025 года новостные сообщества в области отечественной музыкальной индустрии заполонил конфликт между исполнителем Алексеем Долматовым, осуществляющим свою творческую деятельность под псевдонимом «Гуф», и Алексеем Смирновым, известным под сценическим псевдонимом «Алсми». Последний стал известен публике благодаря исполнению своих авторских песен, пародируя голоса известных отечественных исполнителей, тем самым создавая коллаборации, которые в реальности порой маловероятны. В одном из своих произведений он исполнил куплет голосом Долматова, который вскоре потребовал удаления данного трека со всех площадок из-за использования своего голоса. Отвечая на претензию реп-исполнителя, Смирнов с претензией не согласился, утверждая, что артисты выражают недовольство лишь потому, что исполненные им пародии занимают в музыкальных чартах высшие места, нежели песни пародируемых исполнителей [6].

В 2024 году в Госдуму был внесён законопроект о дополнении Гражданского кодекса Российской Федерации статьей 152.3, которая предусматривала бы охрану голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина. Согласно инициативе, обнародование и дальнейшее использование записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий (включая синтез речи) голос гражданина, допускалось бы только с его согласия [7]. На момент января 2026 года этот законопроект не принят. Так, если бы данный закон вступил в силу, использование голоса Долматова в треке Смирнова без его согласия могло бы рассматриваться как нарушение права на охрану голоса. В этом случае Долматов мог бы требовать удаления трека и компенсации за нарушение его личных неимущественных прав.

Согласно статье 1313 Гражданского кодекса, лицо, которое читает, декламирует произведение, признаётся исполнителем и у него возникают смежные с авторскими права. Эти права включают исключительное право на использование исполнения. Если бы спор разрешался в судебном порядке было выявлено, что в треке Смирнова использовалось не только имитирование голоса, но и элементы исполнения Долматова (например, манера подачи, интонации), то это могло бы рассматриваться как нарушение смежных прав исполнителя.

Также, следует отметить, что в соответствии с пунктом четвертым статьи 1274 Гражданского кодекса, создание и использование произведений в жанре пародии допускаются без согласия автора или правообладателя оригинального произведения и без выплаты вознаграждения, при условии, что оригинал правомерно обнародован. Однако важно, что пародия должна иметь комический или сатирический характер и высмеивать само оригинальное произведение, а не просто имитировать голос исполнителя. Так, учитывая тот факт, что трек Смирнова не содержит элементов пародии на конкретное произведение Долматова, а лишь имитирует его голос для создания коллаборации, это не подпадает под понятие пародии в гражданско-правовом смысле. В таком случае использование голоса без согласия исполнителя должно быть признано нарушением.

Набирающий в последние несколько лет популярность искусственный интеллект среди обычных пользователей создает еще больше подобных прецедентов в будущем, поскольку с помощью него, не являясь пародистом и творческим деятелем как Алексей Смирнов, любой сможет получить возможность создать музыкальное произведение голосом желаемого исполнителя и использовать его не только для личного прослушивания, но и для последующего распространения в сети. Именно поэтому,

принятие предложенного в 2024 году законопроекта об охране голоса исполнителей музыкальных произведений могло бы стать большим шагом в области охраны их прав от подобного рода нарушений.

Существенную сложность представляет идентификация нарушителей. Анонимность в сети, использование VPN-сервисов и прокси-серверов, динамическое изменение доменных имен позволяют злоумышленникам уклоняться от ответственности. Даже при установлении факта нарушения доказать личность конкретного лица, разместившего контент, зачастую невозможно без содействия интернет-провайдеров и платформ, которые не всегда готовы предоставлять соответствующие данные.

Еще одной проблемой является несовершенство технических средств защиты. DRM-системы (системы управления цифровыми правами), призванные ограничивать копирование и воспроизведение, регулярно взламываются, а их применение нередко ущемляет права добросовестных пользователей. Как отметил доктор юридических наук Серго А.Г. в своем интервью на тему о проблемах правового регулирования сети Интернет: «Борьба правообладателей с пиратами напоминает гонку вооружений или вечное противостояние снаряда и брони» [8].

Не менее актуален вопрос правового регулирования новых форм использования музыки, например, таких как стриминг в виртуальных мирах и метавселенных, генерация музыки с помощью искусственного интеллекта на основе существующих произведений, интеграция музыкальных фрагментов в мобильные приложения и игры и др.

Действующее гражданское законодательство, в частности положения статьи 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации, не всегда позволяет однозначно квалифицировать подобные случаи, что создает правовые лазейки для нарушителей. Поэтому перспективы охраны музыкальных произведений в интернет-среде связаны с комплексом мер, сочетающих в себе правовые, технические и организационные подходы.

Технические решения должны развиваться в направлении создания единых реестров прав на музыкальные произведения с использование блокчейн-технологий, совершенствования систем автоматического распознавания аудиоконтента с учетом контекста использования и разработки адаптивных DRM-механизмов, сохраняющих баланс между защитой прав и удобством пользователей.

Говоря об организационных мерах, то они должны заключаться в усилении сотрудничества правообладателей с платформами, развитии легальных сервисов подписки и микроплатежей, делающих лицензионное потребление более привлекательным, чем пиратское, а также просветительской работе среди пользователей о ценности авторского труда и последствиях нарушений их прав.

Важным направлением выступает адаптация права к технологиям искусственного интеллекта. Так, необходимо закрепить критерии, разграничивающие легальную генерацию музыки на основе открытых лицензий, нарушения, связанные с использование охраняемых произведений для обучения нейросетей и статус произведений, созданных искусственным интеллектом с участием человека.

Таким образом, охрана музыкальных произведений в сети Интернет сталкивается с системными вызовами, обусловленными технологическими особенностями цифровой среды. Ключевыми проблемами на современном этапе выступают массовое пиратство, анонимность нарушителей, несовершенство технических средств защиты и пробелы в правовом регулировании. Перспективы решений этих проблем связаны с комплексным подходом, который заключается в совершенствовании законодательства, внедрении инновационных технологий (блокчейн, AI-мониторинг), развитием легальных бизнес-моделей и международным сотрудничеством. Успех будет зависеть от способности правовой системы адаптироваться к динамике цифрового пространства, сохраняя баланс между интересами правообладателей, пользователей и технологических платформ.

Будущее охраны музыкальных прав лежит в синтезе правового регулирования и технологических инноваций, где закон задает рамки, а технологии обеспечивают их исполнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.

2. Зеленцова, В.Ю. Понятие музыкального произведения как объекта авторского права. / В.Ю. Зеленцова // Сборник статей XV Международной научно-практической конференции «Юриспруденция, государство и право: Актуальные вопросы и современные аспекты» – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2023. – С. 25-27.

3. Косумов А.А. Некоторые проблемы защиты результат интеллектуальной деятельности в сети Интернет / А.А. Косумов // Молодой ученый. – 2022. – №28 (423). – С. 170-171.

4. Лопатина А.Е., Братчикова С.В., Зорина С.П. Цифровое пиратство и проблемные аспекты защиты объектов авторских прав. /А.Е. Лопатина, С.В. Братчикова, С.П. Зорина // Вопросы студенческой науки. – 2023. – №7 (83) – С. 198-202.

5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.06.2021 по делу № А40-338270/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Алсми, Интервью: «Базовый минимум» – пародия или копирование голосов?» // Российская пресса: информационное агентство [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ruspress.ru/alsmi-o-treke-bazovyj-minimum-parodiya-ili-kopirovanie-golosov/ (дата обращения: 24.01.2026).

7. Проект Федерального закона N 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.09.2024) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=251645&dst=#EadaD9VJ5R0JGC45 (дата обращения: 24.01.2026).

8. Серго А.Г., Интервью: «Тенденция по ужесточению ответственности за нарушения авторских прав очевидна. При этом эффективность этой меры совсем не очевидна» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://edu.garant.ru/relevant/article/566207/ (дата обращения: 24.01.2026).

PROBLEMS AND PROSPECTS OF PROTECTION OF MUSICAL WORKS ON THE INTERNET

Annotation. This paper discusses current issues in the field of protection of musical works as objects of copyright on the Internet. A set of measures related to the prospects of protecting musical works in the Internet environment is proposed, combining legal, technical and organizational approaches.

Keywords: copyright, intellectual property, musical works, digital piracy, result of intellectual activity.

Chuiko M.A.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: the.chuiko@yandex.ru

УДК 343.2

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДДЕРЖКИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Чурон М.В.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Рассматриваются пути решения проблемы правового регулирования поддержки машиностроительного сектора, обосновывается необходимость диверсификации инструментов промышленной политики, и фокусирования ресурсов государства на приоритетных направлениях. Особое внимание уделяется государственному регулированию поддержки производства высокотехнологичной продукции машиностроительного сектора:
Ключевые слова: отрасль машиностроения, административно-правовое обеспечение, высокотехнологическая продукция, конкурентные условия, законодательство.

Машиностроение – это уникальная отрасль промышленного производства, определяющая уровень развития не только всех остальных отраслей промышленности, но и всей экономики в целом. В условиях геоэкономической нестабильности, когда внешние факторы могут оказывать значительное влияние на внутренние рынки, необходимость в разработке эффективной политики импортозамещения становится особенно актуальной. Она является важнейшим краеугольным камнем, поддерживающим производственный потенциал страны и общую национальную мощь, а также «балластом» для стабилизации промышленно-экономической отрасли [1, с.47].

По мнению ученых государственная поддержка промышленности не должна осуществляться только из понимания того, что государство постоянно должно финансировать текущие и капитальные расходы предприятий.

Значение правового регулирования машиностроительного сектора обусловлена практической необходимостью, вызванной значительными переменами в экономической ситуации многих стран мира, в том числе и России, в том числе ростом конкуренции на мировых рынках. Машиностроительный сектор рассматривается в качестве генеральной стратегической линии инновационной индустриализации в стране. При этом главным является перестройка машиностроительного сектора экономики.

В РФ сформированы 264 технологические парковые структуры, которые рассматриваются в трех аспектах: во–первых, как один из эффективных инструментов государственной промышленной политики наравне с особыми экономическими зонами (ОЭЗ) промышленно–производственного и технико–внедренческого типов; во–вторых, как эффективный инструмент взаимодействия в работе с потенциальными инвесторами (российскими и иностранными) для «реализации проектов в рамках устойчивого развития регионов; в–третьих, как один из рычагов в обеспечении сначала промышленного (технологического) суверенитета, а затем – технологического лидерства Российской Федерации.

В машиностроительном секторе импортозамещение, как концепция, не только отражает стремление стран и регионов к снижению зависимости от внешних поставок, но и служит важным инструментом для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития. В условиях геоэкономической нестабильности, когда внешние факторы могут оказывать значительное влияние на внутренние рынки, необходимость в разработке эффективной политики импортозамещения становится особенно актуальной.

Совершенствование цифровизации в машиностроительном секторе это комплексный процесс интеграции современных технологий в производственные процессы, направленный на

повышение эффективности, гибкости, качества продукции и конкурентоспособности предприятий.

Таким образом, правовое регулирование инноваций в секторе машиностроения сочетает прямые меры государственной поддержки, стандартизацию, экспериментальные режимы и стратегическое планирование, направленное на технологическое развитие отрасли [2, с.27].

В связи с непрерывным ростом эффективного спроса, учитывая, что машиностроительный сектор поставляет высокотехническое оборудование другим отраслям, причем более 70% этого спроса приходится на строительство инфраструктуры и инвестиции в новое или модернизированное оборудование в других отраслях, и является ключевым полем битвы за стабилизацию экспорта, предлагаются четыре ключевые задачи: использование потенциала внутреннего рынка, сосредоточение внимания на расширении эффективных инвестиций, активное освоение международных рынков и создание высокоэффективной платформы для согласования спроса и предложения.

Регулирование производства высокотехнологической продукции – это деятельность государства, направленная на поддержку развития и модернизации таких отраслей, обеспечение их конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынке. Цель – создать условия для внедрения научно-технических достижений, стимулирования инноваций и перехода экономики от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному.

К методам государственного регулирования производства высокотехнологической продукции относится: финансовая поддержка, предоставление бюджетных инвестиций, субсидий, грантов, государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов высокотехнологических производств; формирование инфраструктуры поддержки, в частности, бизнес-инкубаторов, государственные закупки высокотехнологической продукции. На стратегическом уровне обязательства по обеспечению государственных закупок закрепляются в инновационных стратегиях, дальнейшая реализация закупок регулируется отдельными нормативными актами. Один из методов поддержки – целевое финансирование фундаментальных исследований, проводимых университетами и аналитическими центрами, для проведения последующих исследовательских работ предприятиями. Государство обеспечивает защиту разработчиков и производителей высокотехнологичной продукции.

В то же время имеется ряд проблем развития сектора машиностроения: неготовность контролирующих органов учитывать особенности производства высокотехнологической продукции.

Например, в России высокотехнологичные компании жалуются на частые налоговые проверки из-за быстрого роста оборотов и значительных расходов на НИОКР. Пути решения облегчить процедуры применения налоговых льгот, например, предусмотреть право налогоплательщика в инициативном порядке проводить экспертизу результатов НИОКР.

Кроме того, в России большая часть мер финансовой поддержки распространяется на предприятия малого и среднего бизнеса, в то время как многие высокотехнологичные компании-лидеры имеют выручку более 2 млрд рублей.

Пути решения данной проблемы – формирование специализированных институтов развития, ориентированных на доращивание компаний до «компаний-единорогов».

В России цифровая трансформация промышленности происходит неравномерно: предприятия, которые ориентированы на внешние рынки, эффективно внедряют цифровые технологии, а предприятия, ориентированные на внутренний рынок, отстают [3, с.13]. Пути решения состоят в том, что необходимо диверсифицировать инструменты промышленной политики, фокусировать ресурсы государства на приоритетных направлениях.

Без высокотехнологичной продукции невозможно представить современный мир. Вместе с колоссальными возможностями, которые несут с собой высокотехнологичные

отрасли, возникают и новые, зачастую беспрецедентные вызовы, требующие тщательного и продуманного регулирования. Одной из ключевых проблем является необходимость балансировать между стимулированием инноваций и минимизацией рисков.

Чрезмерно жесткое регулирование может задушить зарождающиеся технологии, замедлить прогресс и подорвать конкурентоспособность. С другой стороны, полное отсутствие контроля может привести к непредвиденным последствиям, угрозам безопасности, этическим дилеммам и социальному неравенству. Важно найти золотую середину, создав нормативную базу, которая способствует развитию, но при этом защищает общественные интересы. Другим существенным аспектом является скорость изменений. Технологии развиваются так быстро, что законодательные акты рискуют устареть еще до момента их вступления в силу. Это требует от регуляторов гибкости, предусмотрительности и готовности к постоянной адаптации. Создание "живых" нормативных инструментов, способных эволюционировать вместе с технологиями, становится первостепенной задачей.

Кроме того, регулирование производства высокотехнологичной продукции носит глобальный характер. Многие инновации пересекают национальные границы, и эффективное управление ими невозможно без международного сотрудничества. Гармонизация стандартов, обмен лучшими практиками и совместное решение проблем сектора машиностроения неотъемлемые составляющие его успешного развития. Перспективы регулирования производства высокотехнологической продукции связаны с выработкой превентивных мер.

Вместо того чтобы реагировать на уже возникшие проблемы, регуляторам необходимо предвидеть потенциальные риски и заблаговременно разрабатывать механизмы их предотвращения. Это потребует глубокого понимания научных процессов, прогнозирования трендов и активного диалога между научным сообществом, бизнесом и государством.

Грамотное регулирование производства высокотехнологической продукции – это ключ к устойчивому развитию, процветанию и безопасному будущему. Одной из наиболее острых проблем является этическая составляющая. Технологии, такие как генная инженерия, искусственный интеллект, способный к принятию решений, и системы распознавания лиц, ставят перед обществом фундаментальные вопросы о конфиденциальности, автономии, дискриминации и самой природе человечности. Например, разработка автономного оружия поднимает тревожные вопросы об ответственности за действия машин. Регулирование должно не только учитывать технические аспекты, но и активно вовлекать философов, социологов и этиков для формирования нормативной базы, отражающей общечеловеческие ценности. Ключевым вызовом становится обеспечение инклюзивности. Высокотехнологичные отрасли, несмотря на свой потенциал, могут усугубить существующее социальное и экономическое неравенство. "Цифровой разрыв", необходимость в новых навыках и дороговизна некоторых технологий могут оставить значительную часть населения за бортом прогресса.

Регулирование призвано не только создавать равные возможности для доступа к технологиям, но и поддерживать программы переквалификации и адаптации, чтобы никто не остался позади.

Сложность регулирования усугубляется проблемой «черного ящика» в отношении некоторых передовых технологий, особенно в области искусственного интеллекта. Алгоритмы глубокого обучения могут быть настолько сложными, что даже их создатели не всегда могут объяснить, как они приходят к тем или иным выводам. Это затрудняет аудит, оценку рисков и, соответственно, регулирование.

Разработка методов обеспечения прозрачности и объяснимости (explainability) AI становится критически важной для доверия и контроля. Перспективы регулирования также лежат в плоскости развития новых инструментов и подходов. Вместо традиционных, статичных законов, необходимо внедрять адаптивные, «живые» нормативные рамки. Это могут быть песочницы для тестирования инноваций (regulatory sandboxes), где новые технологии могут быть проверены в контролируемой среде до широкого внедрения, или кодексы поведения, разрабатываемые совместно отраслевыми игроками при участии регуляторов.

Такой подход позволяет гибко реагировать на стремительное развитие технологий. В конечном итоге, успешное регулирование производства высокотехнологической продукции будет зависеть от способности государств, международного сообщества и самого бизнеса строить эффективные партнерские отношения.

Только через открытый диалог, взаимное доверие и совместное стремление к прогрессу, мы сможем раскрыть весь потенциал инноваций, минимизировав при этом их риски и обеспечив устойчивое и справедливое будущее для всех. Помимо вышеупомянутых аспектов, важное место занимает вопрос о защите данных и кибербезопасности.

В эпоху повсеместной цифровизации и сбора колоссальных объемов информации, угрозы утечки данных, кибератак и неправомерного использования персональной информации становятся всё более реалистичными [4, с.122]. Регулирование должно предусматривать строгие стандарты защиты данных, механизмы ответственности за их нарушение и четкие правила их использования, особенно в контексте персональных и чувствительных данных [5, с.309]. Создание надежных систем кибербезопасности на государственном и корпоративном уровнях является неотъемлемой частью обеспечения стабильности и доверия к технологической инфраструктуре. Еще одним вызовом является глобальный характер многих высокотехнологичных разработок. Вопросы, связанные с искусственным интеллектом, генной инженерией и интернетом вещей, выходят за пределы национальных границ.

По мере появления новых технологий и изменения социально-экономического ландшафта, нормативная база должна соответствующим образом адаптироваться. Гибкость, предвидение и готовность к пересмотру существующих норм станут ключевыми факторами в построении такого будущего, где технологический прогресс служит благу всего человечества, опираясь на прочный фундамент этики, справедливости и безопасности. В контексте динамичного развития технологий, особенно в сфере искусственного интеллекта, важно учитывать этические аспекты, выходящие за рамки простой функциональности. Разработка надежных алгоритмов, свободных от предвзятости и дискриминации, становится настоящим вызовом.

Механизмы контроля за «обучением» моделей, прозрачность их решений и возможность их интерпретации – эти вопросы требуют глубокого осмысления и закрепления в законодательстве. Общество должно быть уверено, что технологии, управляющие все большим числом аспектов нашей жизни, действуют справедливо и на благо всех, а не только отдельных групп. Особое внимание следует уделить вопросам интеллектуальной собственности в цифровой среде. Распространение контента, создание и использование произведений, порожденных искусственным интеллектом – все это ставит под сомнение традиционные подходы к авторскому праву.

Необходимы новые подходы, которые будут стимулировать творчество и инновации, одновременно защищая права создателей и предотвращая неправомерное присвоение результатов интеллектуальной деятельности. Это касается не только программного кода, но и художественных произведений, научных открытий и других форм творческого выражения, созданных с помощью передовых технологий. Кроме того, нельзя забывать о роли стандартизации в обеспечении совместимости и

безопасности. Единые технические стандарты для различных устройств и платформ, особенно в рамках интернета вещей, упрощают их взаимодействие, снижают риски возникновения уязвимостей и облегчают разработку новых, более совершенных решений.

Отсутствие таких стандартов может привести к созданию «закрытых экосистем», ограничивающих свободу выбора потребителей и замедляющих темпы инноваций. Регулирующие органы должны поддерживать разработку открытых и общепринятых стандартов. Наконец, непрерывный диалог между разработчиками, законодателями, общественностью и экспертами в области этики является залогом успешного выстраивания системы регулирования. Цифровое неравенство, вызванное как неравным доступом к технологиям, так и различиями в навыках их использования, представляет собой еще один вызов, требующий внимания. ИИ, будучи мощным инструментом, может как усугубить существующее социальное расслоение, так и стать катализатором его преодоления. Инвестиции в образование для всех возрастных групп, разработка доступных интерфейсов и платформ, а также создание ИИ-инструментов, направленных на поддержку уязвимых слоев населения, эти меры необходимы для обеспечения инклюзивного технологического развития.

Таким образом, правовое регулирование инноваций в машиностроении сочетает совокупность мер государственной поддержки, стандартизацию, экспериментальные режимы и стратегическое планирование и др., направленные на технологическое развитие отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Косач, Н. Е. Теоретико-правовые аспекты функционирования системы государственного управления / Н. Е. Косач // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2023. – № 1. – С. 47-53.

2.Олейникова, А. В. К вопросу о правовом статусе субъектов цифрового права / А. В. Олейникова, А. В. Бакуров // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 2. – С. 27-32.

3.Степанова, Ю. С. Проблематика юридической техники в условиях цифровизации общественных отношений / Ю. С. Степанова // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. – 2025. – № 1. – С. 13-18

4.Коробейникова, К. В. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в системах электронного документооборота / К. В. Коробейникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 2. – С. 122-128.

5.Тишаков, М. П. Цифровизация государственного управления на региональном уровне / М. П. Тишаков // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. – 2025. – № 1. – С. 309-315.

LEGAL ASPECTS OF IMPROVING THE SUPPORT INFRASTRUCTURE OF THE MECHANICAL-BUILDING COMPLEX

Abstract: Abstract. This article examines solutions to the problem of legal regulation of support for the mechanical engineering sector, substantiating the need to diversify industrial policy instruments and focus state resources on priority areas. Particular attention is paid to state regulation of support for high-tech products in the industry.

Keywords: mechanical engineering, administrative and legal framework, high-tech products, competitive conditions, legislation

Churon M.V.
Scientific supervisor: Synkova E.M., Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: gunchi1@mail.ru

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Чуть В. Т.
Научный руководитель: Чихрадзе А. М., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируются правовые и практические проблемы использования специальных знаний в уголовном процессе, включая назначение, производство и оценку судебных экспертиз и показаний специалистов. На основе нормативно-правовой базы, доктринальных источников и авторской практики выявлены пробелы в регулировании: несогласованность требований к экспертам и специалистам, коллизии при использовании публичных электронных данных, нарушение процедуры постановки вопросов эксперту и риски разглашения сведений предварительного расследования частными экспертами. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства с учётом вызовов цифровой экономики и трансграничного правоприменения.
Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, специалист, уголовный процесс, экспертное заключение, доказывание, электронные доказательства, конфиденциальность, УПК РФ, аудиторская деятельность.

В настоящее время актуальность темы обусловлена значимостью использования специальных знаний в уголовном процессе для обеспечения объективного и справедливого разрешения уголовных дел. В современных условиях расследования преступлений часто требуют применения специализированных познаний в различных областях науки, что создает необходимость четкого правового регулирования данного института. Практика показывает, что эффективное использование специальных знаний способствует более точному установлению фактических обстоятельств дела, повышению качества судебных экспертиз и снижению рисков ошибочных правовых решений.

Вместе с тем, существующее законодательство содержит пробелы и противоречия в части регулирования использования специальных знаний, что порождает сложности в практической деятельности следователей, судей и других участников уголовного процесса. Особую актуальность приобретают вопросы квалификационных требований к экспертам, порядка назначения и проведения судебных экспертиз, а также оценки результатов использования специальных знаний в ходе судебного разбирательства. Указанные проблемы требуют комплексного научного изучения и выработки практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

В связи с вышеизложенным, целью настоящего исследования является комплексное изучение правовых и практических проблем использования специальных знаний в уголовном процессе, включая анализ механизма назначения, производства и оценки судебных экспертиз и показаний специалистов, выявление пробелов и противоречий в действующем законодательстве, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по их устранению с учётом современных вызовов цифровой экономики, трансграничного правоприменения и усиления требований к доказательственной безопасности.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные и прикладные труды отечественных учёных, заложивших основы правового регулирования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, таких авторов, как Е.П. Белых, А.В. Козлов, В.А. Снетков, Т.И. Ветошкина, О.Я. Баева, Н.И. Загрядской, Л.Г. Бордюгова, А.В. Черкашиной, М.А. Мухутдинова, В.А. Пономаренкова, Э.А. Пестеревой, А.А. Болбасом и других авторов.

Требования к эксперту и специалисту, включая их права, обязанности, а также порядок назначения и проведения экспертизы, регулируются нормами статей 57, 58 и 195–207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2], а также Приказом Министерства юстиции РФ от 28.12.2023 № 404, утверждающим Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях [3]. Кроме того, ключевые разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной экспертизы содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [4].

Согласно статье 80 УПК РФ, заключение эксперта представляет собой исследование и выводы, изложенные в письменной форме и адресованные лицу, ведущему производство по уголовному делу, либо сторонам, по вопросам, поставленным перед ним в рамках постановления о назначении экспертизы; показания эксперта, в свою очередь, представляют собой разъяснения и уточнения данного заключения, предоставленные им в ходе допроса после его оформления и в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ.

В своей работе Старостина А.М. отмечает, что заключение специалиста, в отличие от экспертного, содержит письменное мнение по вопросам, поставленным перед ним сторонами, а его показания - это сведения, сообщённые им при допросе по обстоятельствам, требующим специальных познаний, включая разъяснения своего суждения, что регулируется статьями 53, 168 и 271 УПК РФ [5, с. 194].

Опыт практической деятельности автора данного исследования позволяет выделить ряд проблем, возникающих при организации и производстве судебных бухгалтерских и финансово-экономических экспертиз. Во-первых, хотя часть 3 статьи 57 УПК РФ предоставляет эксперту право в пределах своей компетенции формулировать выводы не только по тем вопросам, которые прямо поставлены в постановлении о назначении экспертизы, но и по иным, тем не менее имеющим отношение к предмету исследования, на практике данное право зачастую не реализуется. Более того, при выявлении обстоятельств, имеющих значение для дела и способных повлиять на экспертное мнение, право информировать следователя трансформируется в обязанность, поскольку сокрытие подобной информации может повлечь искажение результатов исследования.

В качестве иллюстрации можно привести ситуацию, возникшую при производстве судебной финансово-экономической экспертизы по уголовному делу, возбуждённому по статье 196 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве): в ходе исследования было установлено, что в материалах дела содержатся четыре варианта бухгалтерской (финансовой) отчётности (далее - БФО) одного и того же хозяйствующего субъекта за один и тот же отчётный период, но с существенно различающимися показателями. При этом все варианты отчётности были получены следователем из официальных и допустимых источников: налогового органа, органа статистики, банка и непосредственно от должника.

Актуальность точной идентификации достоверного варианта БФО обусловлена необходимостью расчёта финансовых коэффициентов и их анализа в соответствии с Временными правилами проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855. В этой связи эксперт обязан оперативно уведомить лицо, назначившее экспертизу, о наличии множественных версий отчётности, поскольку использование недостоверных данных в расчётах чревато формированием ошибочных выводов.

По мнению Болбаса А.А. частично проблема достоверности БФО была решена с появлением публичного доступа к бухгалтерской (финансовой) отчётности организаций

через государственный информационный ресурс, размещённый на сайте https://bo.nalog.ru , формирование и ведение которого с 2020 года возложено на Федеральную налоговую службу в соответствии с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 28.11.2018 № 444-ФЗ в Федеральный закон «О бухгалтерском учёте» [6, с. 35]. Однако, учитывая ретроспективный характер экономических экспертиз по банкротству - когда оценивается деятельность должника за длительный период, часто предшествующий 2020 году - проблема достоверности исходных данных, полученных из несистематизированных источников, сохраняется.

В связи с этим представляется целесообразным применять метод сопоставления показателей различных версий БФО: выявлять количественные расхождения, оценивать их качественное влияние на ключевые результирующие индикаторы. В случае невозможности такой оценки - например, при критическом несоответствии значений показателей между версиями отчётности, либо при отсутствии технической возможности интерпретировать расхождения с точки зрения их значимости для выводов эксперта - следует оформлять мотивированное сообщение о невозможности дачи заключения в соответствии с положениями статьи 207 УПК РФ.

Возникает ряд взаимосвязанных процессуальных и практических проблем, связанных с назначением и производством судебных экспертиз в уголовном процессе, требующих правового осмысления и совершенствования действующего регулирования.

Прежде всего, стоит проблема использования экспертом при производстве экспертизы публичных данных, таких как выписки из ЕГРЮЛ/ЕГРИП в электронном виде, полученные с официального сайта Федеральной налоговой службы (https://egrul.nalog.ru/index.html). С одной стороны, согласно части 4 пункта 2 статьи 57 УПК РФ, эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. С другой стороны, указанная информация является общедоступной, достоверной и объективно необходимой при проведении любой экономической экспертизы, особенно в сфере корпоративных и финансовых правоотношений.

Следовательно, вышеуказанное порождает противоречие между формальным процессуальным запретом и практической необходимостью. Стоит отметить, что на наш взгляд, данная коллизия свидетельствует о назревшей потребности в выделении в действующем уголовно-процессуальном законодательстве особого вида доказательства - электронного, тем более что в юридической литературе и правоприменительной практике активно ведётся дискуссия о правилах собирания, фиксации, оценки и приобщения электронных доказательств к материалам уголовного дела.

Под электронные доказательства следует понимать не только электронные копии традиционных документов, но и цифровые объекты в более широком смысле - файлы, базы данных, программный код, метаданные, логи систем, коды доступа и иные проявления цифровой информации, обладающие доказательственной силой.

Вторая значимая проблема касается назначения судебной экспертизы без участия специалиста при постановке вопросов эксперту. Как показывает практика, лицо, уполномоченное назначать экспертизу (например, следователь), нередко не привлекает к указанной процедуре специалиста по объективным (ограниченные сроки предварительного расследования, высокая загрузка квалифицированных кадров) и субъективным (финансовые ограничения, отсутствие понимания необходимости) причинам. Между тем статья 58 УПК РФ чётко определяет специалиста как лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое, в том числе, именно для корректной формулировки вопросов, подлежащих разрешению экспертом.

Игнорирование данной нормы по мнению Пономаренкова В.А. и Пестерева Э.А. негативно сказывается на качестве экспертизы: эксперт вынужден работать с некорректно сформулированными, неопределёнными или даже противоречащими специфике отраслевой деятельности вопросами - вплоть до формирования ошибочных

криминалистических версий. Так, автор в своей работе приводит пример, в котором указывает, что при назначении судебной бухгалтерской экспертизы по уголовному делу, возбуждённому по статье 159 УК РФ, следователь поставил перед экспертом вопрос об определении количества, цены и общей стоимости поставки зерна пшеницы за определённый период от юридического лица на элеватор. Однако, как отмечает автор, элеватор как субъект хозяйствования учитывает по-разному зерно собственное (отражаемое в бухгалтерском учёте как товар) и зерно, принятое на хранение от третьих лиц (учитываемое на забалансовом счёте как товарно-материальные ценности, принятые на хранение, и не входящее в состав активов на балансе) [7, с. 89].

Отсутствие у следователя соответствующих бухгалтерских компетенций и отказ от консультации со специалистом привели к искажённой постановке вопроса, а впоследствии - к необходимости задавать дополнительные вопросы, запрашивать документы по забалансовому учёту, допрашивать бухгалтеров и иным образом «доисследовать» обстоятельства, которые при корректной подготовке к экспертизе могли бы быть учтены изначально. Решение данной проблемы, по сути, лежит на поверхности - требуется неукоснительное соблюдение норм уголовно-процессуального закона на этапе назначения экспертизы, включая обязательное привлечение специалиста при формулировании экспертных вопросов.

Наконец, актуальной остаётся проблема разглашения сведений предварительного расследования негосударственными экспертами. Стоит отметить, что в целях проведения судебных бухгалтерских, финансово-экономических и иных экспертиз всё чаще привлекаются частные эксперты - в частности, аудиторы, что формально допустимо в силу статьи 41 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Согласно указанной норме, как отмечает Бордюгов Л.Г. и Черкашина А.В. судебная экспертиза может производиться вне государственных экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями, при условии, что на их деятельность распространяются отдельные положения настоящего закона, включая требования к обеспечению конфиденциальности (статьи 2, 3, 4, 6–8, 16, 17, часть 2 статьи 18, статьи 24 и 25 указанного закона). Автор также указывает, что Правительство РФ вправе установить перечень экспертиз, подлежащих производству исключительно в государственных экспертных учреждениях [8, с. 13].

Однако на практике механизм обеспечения режима тайны следствия при работе негосударственных экспертов остаётся недостаточно проработанным: отсутствуют единые стандарты проверки надёжности частных экспертов, слабо контролируется соблюдение ими режима конфиденциальности, а ответственность за разглашение информации не всегда является достаточным сдерживающим фактором. Стоит отметить, что это повышает риски утечки информации, что может повлечь как нарушение прав участников процесса, так и срыв следственных действий.

Блок экономических экспертиз, как отмечает Мухутдинов М.А. не входит в перечень видов судебных экспертиз, производство которых отнесено исключительно к компетенции государственных судебно-экспертных учреждений. Автор отмечает, что при проведении судебной бухгалтерской или финансово-экономической экспертизы эксперт (в частности, аудитор) обязан руководствоваться не только законодательством, регулирующим судебно-экспертную деятельность, но и нормами аудиторского законодательства, поскольку для аудиторской организации, а также для лиц, осуществляющих внешний контроль качества аудиторской деятельности, такая экспертиза квалифицируется как услуга, «прочая, связанная с аудиторской деятельностью» (часть 7 статьи 1 Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности») [9, с. 701].

Вместе с тем, в соответствии с частями 1 и 3 статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ сведения предварительного расследования подлежат конфиденциальному режиму и не подлежат разглашению; их оглашение возможно лишь по разрешению следователя или дознавателя и исключительно в том объёме, который ими будет признан допустимым - при условии, что такое разглашение не противоречит интересам расследования и не нарушает права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства. В этих целях следователь или дознаватель обязаны предупредить всех участников процесса, включая эксперта и специалиста, о недопустимости разглашения сведений без соответствующего разрешения, вручая им подписку об ознакомлении с ответственностью за нарушение данного требования в соответствии со статьёй 310 Уголовного кодекса РФ.

Возникает коллизия между двумя правовыми обязательствами: с одной стороны - обязанностью эксперта (аудитора) соблюдать режим неразглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ), с другой - обязанностью аудитора представлять информацию о своей профессиональной деятельности, в том числе о проведённых судебных экспертизах, внешним контролёрам качества аудиторской деятельности (часть 2 статьи 10 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»). При этом речь не идёт о нарушении аудиторской тайны как таковой: согласно части 4 статьи 9 этого же закона, «передача сведений и документов, составляющих аудиторскую тайну, третьим лицам в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, не является нарушением аудиторской тайны» [10, с. 450].

На практике вышеуказанная коллизия проявляется в том, что аудитор, будучи привлечённым в качестве эксперта, подписывает обязательство о неразглашении информации о предварительном расследовании, но одновременно остается обязан передавать внешним контролёрам любые сведения, касающиеся оказываемых им услуг, включая проведение судебных экспертиз. Следовательно, такое правовое противоречие носит существенный характер и требует разрешения непосредственно в аудиторском законодательстве - в частности, путём установления прямого запрета на требование у аудиторов, участвовавших в производстве судебных экспертиз, предоставления каких-либо документов или сведений, связанных с ними.

Таким образом, заключение и показания эксперта (включая специалиста) представляют собой один из ключевых видов доказательств в уголовном судопроизводстве. Строгое соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства и разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, способствует минимизации рисков при доказывании обстоятельств совершенного преступления.

В заключении стоит отметить, что устранение действующих правовых коллизий, особенно в части взаимодействия аудиторов как экспертов с контролирующими органами, позволит не только повысить качество экспертных исследований, но и обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.11.2025)

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: ФЗ РФ от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.11.2025)

3. Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации: Приказ

Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2023 г. № 404 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408223575/ (дата обращения: 05.11.2025)

4. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408223575/ (дата обращения: 05.11.2025)

5. Старостина, А.М. Понятие и сущность специальных знаний, используемых при расследовании уголовных дел / А.М. Старостина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. -

№ 3-2 (42). - С. 193-195.

6. Болбас, А.А. К вопросу о соотношении специальных знаний и юридических знаний при расследовании уголовных дел / А.А. Болбас // В сборнике: Курсантские исследования. Сборник научных работ. Могилевский институт МВД. – Могилев. - 2015. - С. 34-36.

7. Пономаренков, В.А., Пестерева, Э.А. Понятие и сущность специальных знаний, используемых в судопроизводстве / В.А. Пономаренков, Э.А. Пестерева // Аллея науки. - 2018. - Т. 5. - № 6 (22). - С. 87-91.

8. Бордюгов, Л.Г., Черкашин, А.В. Понятие специальных экономических знаний, используемых в уголовном судопроизводстве / Л.Г. Бордюгов, А.В. Черкашин // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. - 2021. - № 18. - С. 9-19.

9. Мухутдинов, М.А. Использование специальных знаний в процессе расследования уголовного дела / М.А. Мухутдинов // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. - 2022. - № 37. - С. 698-704.

10. Евсеева, Л.В. Понятие доказательств и их сущность в расследовании уголовных дел / Л.В. Евсеева // Вестник науки. - 2023. - Т. 3. - № 6 (63). - С. 446-452.

PROBLEMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE CRIMINAL PROCESS

Annotation. The article analyzes the legal and practical problems of using specialized knowledge in the criminal process, including the appointment, production and evaluation of forensic examinations and expert testimony. Based on the regulatory framework, doctrinal sources, and author's practice, regulatory gaps have been identified: inconsistencies in requirements for experts and specialists, conflicts in the use of public electronic data, violations of the procedure for asking questions to an expert, and the risks of disclosing information from a preliminary investigation by private experts. Recommendations for improving legislation are proposed, taking into account the challenges of the digital economy and cross-border law enforcement.

Keywords: special knowledge, forensic examination, specialist, criminal procedure, expert opinion, evidence, electronic evidence, confidentiality, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, auditing.

Chut V. T.
Scientific adviser: A.M. Chikhradze, associate professor Donetsk
State University
E-mail: i@vchut.ru

УДК 347.1.

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Шустицкая Н.А.
Научный руководитель: Олейникова А.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается правовая природа цифровой валюты, изучив закрепленное в законодательстве понятие цифровой валюты, выявлены ее существенные признаки. В процессе исследования проанализированы научные труды и судебная практика. Применены общелогические методы исследования, а именно анализ законодательства, регулирующий оборот цифровых активов, обобщены научная литература и судебная практика. В результате исследования обосновывается признание цифровой валюты в качестве объекта гражданского права и отнесение его к категории «иное имущество».
Ключевые слова: цифровая валюта, объект гражданских прав, правовой режим, оборотоспособность.

Введение. Цифровизация влечет за собой трансформацию объектов гражданских прав. Вследствие, появляются оцифрованные или новые объекты, в отношении которых складываются общественные отношения. Появление таких объектов предполагает также и создание соответствующих правовых режимов.

Цифровая трансформация затронула в том числе и средства оплаты, массовое использование цифровой валюты, имеющей экономическую ценность, возникновение в отношении нее гражданских правоотношений автоматически делает ее объектом гражданских прав. Актуальность исследования заключается в определении правовой природы цифровой валюты.

В связи с чем поставлена цель выделить ее существенные признаки, разграничивающих цифровую валюту со сходными по содержанию категориями и установить определенный, близкий по содержанию правовой режим.

Для решения установленной цели, необходимо изучить законодательно закрепленное понятие цифровой валюты и выявить его существенные признаки.

Понятие цифровой валюты закреплено в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Согласно указанному федеральному закону цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. [1]

Только совокупность данных признаков позволяет отнести криптовалюту к цифровой валюте в правовом поле Российской Федерации. В то же время данные признаки разграничивают цифровую валюту со схожими объектами гражданского права.

Из данного определения можно выделить следующие признаки цифровой валюты:

1) представляет собой совокупность электронных данных, а именно цифрового кода или обозначения, которые содержаться в информационной системе;

2) имеет экономическую стоимость, поэтому может и (или) может быть принята в качестве средства платежа, либо принята в качестве встречного обязательства;

3) не является денежной единицей Российской Федерации (что разграничивает ее с цифровым рублем);

4) не является денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций;

5) имеет децентрализованный характер, на что указывает отсутствие обязанного лица перед каждым обладателем такой цифровой валюты и наличие оператора и (или) узлов информационной системы, которые обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска цифровой валюты и осуществлять в отношении ее действия по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. [2]

ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» признает цифровую валюту имуществом для целей Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (статья 19), Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (статья 21) и Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Обращаясь к судебной практике, суды констатируют, что цифровая валюта приравнена к имуществу. Так в Решении Северодвинский городской суд (Архангельская область) от 26.06.2025 № 2-2220/2025 2-2220/2025~М-6047/2024 М-6047/2024 по делу № 2-2220/2025 разрешая спор о взыскании неосновательного обогащения, процентов, установил, что между сторонами реализовались сделки по купле – продаже рублевого цифрового кода, что подтверждено представленными в материалы дела отчетами по сделкам, из которых следует, что переводы на карту ответчика совершены при крипто-валютных сделках, и указал, что Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» криптовалюта признана цифровой валютой и приравнена к имуществу. [3]

Цифровая валюта активно выступает в качестве предмета сделок, что говорит о ее признании как объекта гражданского права, К такому же выводу пришел суд в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2025 по делу № А45-31114/2023, указав что в условиях развивающегося рынка цифровых финансовых активов цифровая валюта (криптовалюта) может являться объектом гражданских прав, а, соответственно, быть объектом операций по купле-продаже, обмену между лицами, имеющими материальный интерес в таких операциях. [4]

Определяя цифровую валюту как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), юридическим ее содержанием является информация в электронной форме. Так Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А., Давудов Д.А. отмечают, что «Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее — ФЗ №149) в ст. 2 об основных понятиях, используемых в Законе, устанавливает, что информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Следовательно, юридически цифровая валюта является информацией в электронной форме. Эта информация может отражаться как совокупность данных, цифровые коды, цифровые обозначения. Информация упорядочивается и хранится в памяти компьютеров в виде

зашифрованных записей внутри баз данных, визуально на мониторе это может отражаться строчкой цифр, букв, иных графических символов в архивной папке с каким-нибудь уникальным наименованием, может — в виде изображений «монет». Именно в эти архивные папки в компьютерных базах данных внутри своего коллектива анонимные субъекты записывают информацию о вычисленных «монетах», наполняя свои «электронные кошельки» цифровой валютой». [5]

Второй признак цифровой валюты – может быть средством платежа. Средство платежа ассоциируется с категорией деньги.

Статья 140 ГК РФ определяет, что к данной категории объектов гражданских прав (деньгам) относится рубль, платежи осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями, а также иностранная валюта, использование которой определяются законом или в установленном им порядке. В статье приведен исчерпывающий перечень. Более того, обратив внимание на третий и четвертый признак цифровой валюты, представляется возможным утверждать, что цифровая валюта – не деньги.

Более того, невозможно отнести цифровую валюту к категории «цифровые права». Пункт 1 статьи 141.1 ГК РФ определяет цифровые права как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Существенным признаком определения объекта гражданского права к категории «цифровые права» является прямое указание на это отношение, так к данной категории представляется возможным отнести цифровые финансовые активы, ввиду прямого указания на это в дефиниции, приведенной в пункте 2 статьи 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Исходя из указанного федерального закона, законодатель разграничивает понятия цифровой финансовый актив и цифровая валюта, более того они имеют различный правовой режим.

Пятый признак цифровой валюты – отсутствие обязанного лица перед каждым обладателем такой цифровой валюты. Тут необходимо разделить понятия обязанного лица и оператора и (или) узлов информационной системы, которые только обеспечивают соответствие порядок выпуска цифровой валюты и осуществляют в отношении ее действия по внесению или изменению записей в соответствующую информационную систему, согласно правилам системы.

Что же подразумевает под собой обязанное лицо перед обладателем цифровой валюты. Возможно, законодатель под такой формулировкой подразумевает наличие единственного лица, осуществляющего выпуск цифровой валюты, т.е. по своей сути иметь централизованный характер. Однако, цифровая валюта имеет децентрализованный характер, что подразумевает под собой модель организации финансов, основанная на оказании услуг без участия финансовых посредников или централизованных процессов, характерных для традиционного предоставления финансовых услуг, и организованная с использованием множества децентрализованных приложений, созданных на базе DLT. [6]

Несмотря на отсутствие лица, обязанного перед каждым обладателем электронных данных (цифровой валюты), законодатель выделяет оператора и (или) узлов информационной системы, которые обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

В отношении цифровой валюты возникают имущественные права. В отличие от вещей, цифровая валюта является виртуальной в рамках определенной информационной системы, неосязаемой.

Таким образом, проанализировав существенные признаки цифровой валюты, представляется возможным определить ее место в категориях объектов гражданских прав, а именно «иное имущество».

Кроме того, в части 5 статьи 14 ФЗ «О цифровых финансовых активах» установлено, что ограниченный субъектный состав (юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев) не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Таким образом, законодатель прямо устанавливает запрет использования цифровой валюты в качестве платежного средства, тем самым ограничивая ее оборотоспособность. Однако, следует отметить, что по закрепленному легальному определению цифровая валюта предлагается и (или) может быть принята в качестве средства платежа.

Также в части 6 указанной статьи, указана возможность судебной защиты обладания цифровой валюты, однако в таком случае действует ограничение – судебная защита возможна только в случае информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

К примеру в Решении Арбитражного суда города Москвы от 25.06.2025 по делу № А40-82552/25-127-688 суд частично удовлетворил требования истца, поскольку истцом не были представлены доказательства, свидетельствующих о том, что требование истца о возврате криптовалюты подлежат судебной защите.

Однако, недавно вступившее в силу Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» признала данную норму не соответствующей Конституции Российской Федерации, , ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в той мере, что она препятствует в системе действующего правового регулирования судебной защите имущественных требований, связанных с законным обладанием цифровой валютой и ее законным использованием в обороте и заявленных лицами, получившими (приобретшими) цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом. [7]

Кроме того, в процессе рассмотрения дела, суд также отметил, что в действующем законодательстве определение цифровой валюты не позволяет отнести ее ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества, поэтому отнес ее к категории «иное имущество» по смыслу статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суд пришел к выводу, что имущественные права, вытекающие из законного обладания цифровой валютой, должны подлежать судебной защите наряду с иными имущественными правами с учетом ее ограниченного оборота. Кроме того, предусмотренная законом возможность судебной защиты, возможна в случае информирования налоговых органов о факте обладания цифровой валютой и сделках с ней касается лишь тех владельцев, которые осуществляют ее майнинг, а также операторов майнинговой инфраструктуры. Таким образом, суды отказывая в судебной

защите имущественных требований владельцам, приобретших цифровую валюту другим способом нарушают их право на это.

Вывод. Таким образом, рассмотрев законодательно, закрепленное определение цифровой валюты, были выделены ее существенные признаки, позволяющие, во-первых, разграничить цифровую валюту со схожими категориями объектами гражданских прав, во-вторых, отнести ее к категории «иное имущество». Поскольку на цифровую валюту также распространяются имущественные права, предлагается внести изменение в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, добавив слова «цифровая валюта» после слов «бездокументарные ценные бумаги, цифровые права», тем самым закрепить, складывающийся в судебной практике вывод, что цифровая валюта является объектом гражданских прав.

Цифровая валюта активно вовлекается в экономические процессы, обладает спросом, выступает в качестве предмета сделок, что говорит о ее оборотоспособности. Тем более, что для различных целей, цифровая валюта законодательно признана имуществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31.07.2020 N 259-ФЗ: ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 30.01.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ: ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.01.2026).

3. Решение: Северодвинский городской суд (Архангельская область) от 26.06.2025 № 2-2220/2025 2-2220/2025~М-6047/2024 М-6047/2024 по делу № 2-2220/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bcDtvxCulrWP/?page=2&regular-txt=криптовалюта&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1768234437698&snippet_pos=3056#snippet (дата обращения: 30.01.2026).

4. Постановление: Седьмой арбитражный апелляционного суда от 28.01.2025 по делу № А45-31114/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/pSFPMQKsBsVT/?page=2&arbitral-txt=цифровая+валюта&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1768495476195&snippet_pos=4958#snippet (дата обращения: 30.01.2026).

5. Гончаров А.И., Садков А.Н, Садков В.А, Давудов Д.А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 3. С. 128–153

6. Децентрализованные финансы: информационно-аналитический доклад Банка России. М., 2022. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/141992/report_07112022.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

7. Постановление: Конституционный суд Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича». URL: https://base.garant.ru/413465176/ (дата обращения: 30.01.2026).

DIGITAL CURRENCY AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Annotation. This paper examines the legal nature of digital currency by studying the concept of digital currency enshrined in legislation and identifying its essential features. The study analyzes scientific works and judicial practice. It uses general logical research methods, such as analyzing legislation regulating the circulation of digital assets, and summarizing scientific literature and judicial practice. The study substantiates the recognition of digital currency as an object of civil law and its classification as "other property."

Keywords: digital currency, object of civil rights, legal regime, and turnover.

Shustitskaya N.A.
Scientific adviser: Oleynikova A.V., associate professor
Donetsk State University
E-mail: nataliashustitskaya@yandex.ru

УДК 343.2

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Яковлев А.А.
Научный руководитель: Косяк Е.Л., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается система классификации преступлений в уголовном праве России как фундаментальный, системообразующий институт. Проведен анализ ключевых критериев классификации: по характеру и степени общественной опасности (ст. 15 УК РФ) и по элементам состава преступления (объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне). Выявлены основные проблемы современной законодательной категоризации преступлений и на основе проведенного анализа предложены конкретные пути совершенствования института классификации преступлений, направленные на повышение его логической стройности, соответствия принципу справедливости и эффективности правоприменения.
Ключевые слова: классификация преступлений, категории преступлений, общественная опасность, состав преступления, проблемы классификации.

Классификация преступлений является центральным институтом уголовного права, который выполняет системообразующую функцию, а также является фундаментом для правильной квалификации деяний и дифференциации уголовной ответственности [4]. Конечно, в УК РФ уже существует и детально проработана система категоризации преступлений (ст. 15 УК РФ) [1], однако она всё же имеет свои противоречия и проблемы в области практического применения. В статье ставится цель проанализировать современные критерии классификации преступлений, выявить наиболее значимые проблемы современной законодательной конструкции и, в конечном итоге, выработать предложения по устранению имеющихся недостатков в законодательстве. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования института классификации преступлений, а также повышения эффективности действия уголовного закона на практике.

Действующая классификация преступлений, предусмотренная УК РФ, является сложной, ступенчатой системой, которая основывается на нескольких, но в то же время одинаково важных критериях. Центральное место в этой системе занимает формальное деление преступлений по характеру и степени общественной опасности. Данный способ категоризации преступлений имеет очень большое значение для всей системы, т.к. благодаря ему появляется некая «шкала тяжести», которую можно применить ко всем преступным деяниям. Можно сказать, что законодатель опирается на материальный признак - общественную опасность преступлений, - и трансформирует его в объективные, поддающие проверке юридические критерии. Такими критериями являются форма вины (в виде умысла или неосторожности) и максимальный срок лишения свободы, предусмотренный санкцией конкретной статьи в качестве уголовного наказания за преступление.

Благодаря взаимосвязи этих критериев законодателю удалось разделить все составы преступлений на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Например, преступлениями средней тяжести являются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния со сроком лишения свободы до десяти лет в качестве максимальной меры наказания. Следует учитывать, что данная классификация носит формальный характер, т.е. настоящая категория преступления определяется исключительно санкцией статьи (ч. 1 ст. 112 УК – до трёх лет лишения свободы – небольшая тяжесть) [1; 4].

Уголовно-правовое значение такой классификации невозможно переоценить, поскольку она является не только главным «разделителем» преступлений в уголовном праве, но также имеет и большое практическое значение. Категория преступления влияет на применение ряда институтов как материального, так и процессуального права.

Прежде всего, от тяжести преступления зависит возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) или в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Такая возможность, за редким исключением, предусмотренным статьями Особенной части УК РФ, доступна только для преступлений небольшой и средней тяжести.

Далее, категория тяжести совершённого преступления учитывается при назначении наказания, потому что она определяет «рамки» судейского усмотрения, а также напрямую влияет на вид исправительного учреждения для лиц, осуждённых к лишению свободы (ст. 58 УК РФ). Немаловажно и то, что от категории преступления зависят возможность условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ) и исчисление сроков погашения судимости (ст. 86 УК РФ) [1; 4].

Что касается процессуального права, то категория преступления определяет подследственность преступления, т. е. какой орган предварительного расследования будет проводить расследование (ст. 151 УПК РФ) и в каком порядке (дознание или предварительное следствие), а также подсудность уголовного дела (ст. 31 УПК РФ) [2]. Стоит учитывать, что такой излишней жёсткости деления преступлений противопоставляется институт изменения категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ) [1], который позволяет суду с учётом конкретных смягчающих обстоятельств дела и назначенного наказания изменить своим приговором степень тяжести инкриминируемого преступления, например, тяжкое преступление на преступление средней тяжести, тем самым смягчая правовые последствия для виновного. Однако такая возможность применяется редко и в основном не отменяет изначальной, заложенной в законе формальности и условности разграничения преступлений по категориям.

Наряду с вышеуказанной категоризацией преступлений по тяжести действует классификация по элементам состава преступления, которая обеспечивает смысловое наполнение уголовного закона и позволяет с максимальной точностью юридически оценивать каждое конкретное деяние. Такая система позволяет расчленить единое понятие преступления на взаимосвязанные компоненты, которые имеют значение как в теоретическом, так и в практическом уровнях. Наибольшее значение в действующем УК РФ имеет классификация преступлений по объекту посягательства, то есть тем охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и ценностям, которым причиняется вред. Нас интересует именно Особенная часть УК РФ, которая структурирована на разделы. Каждый раздел объединяет преступления по общему направлению посягательства (родовой объект), но внутри раздела отдельные составы преступлений могут иметь различные основные непосредственные объекты.

Например, Раздел X (преступления против государственной власти) содержит в себе преступления, родовым объектом которых являются охраняемые законом общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование институтов государственной власти и управления.

Все разделы Особенной части УК РФ расположены в определённом порядке, который отражает иерархию социальных ценностей, охраняемых уголовным законом, от наиболее важных к менее важным. Например, сначала идёт Раздел VII (преступления против личности, затем Раздел VIII (преступления в сфере экономики) и т.д. Это отражает законодательную оценку значимости охраняемых социальных интересов.

Классификация по объективной стороне (внешнему проявлению деяния) основывается на таких признаках, как способ совершения (насильственный или при

помощи обмана), форма деяния (действие или бездействие) и конструкция состава (формальный, материальный, усеченный). Именно этот критерий позволяет отграничить, к примеру, кражу (тайное хищение чужого имущества) от грабежа (открытое хищение чужого имущества) и индивидуализировать назначаемое уголовное наказание с учетом тяжести наступивших последствий и избранного виновным способа совершения преступления.

Классификация преступлений по субъекту тоже имеет немаловажное значение, т. к. она определяет, какие именно лица могут нести уголовную ответственность за преступления. Существует общий субъект (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 или 16 лет) и специальный субъект, т.е. лицо, обладающее дополнительными, обязательными признаками для привлечения к ответственности. Таковыми являются должностное положение, профессиональная деятельность, родственные отношения и др. Наличие специального субъекта сужает круг ответственных лиц и определяет специфику общественной опасности деяния (например, в преступлениях против государственной власти).

Что касается субъективной стороны, то она является центральной для оценки виновности лица. Её ядро составляет форма вины (умысел или неосторожность), которая помимо того, что является обязательным признаком любого состава преступления, служит ещё и одним из ключевых критериев категоризации преступлений по ст. 15 УК РФ. Дальнейшее деление форм вины на виды умысла (прямой или косвенный) и неосторожности (легкомыслие или небрежность) тоже имеет значение, т.к. позволяет более точно оценить степень осознанности и воли виновного по отношению к произошедшему. Помимо основных, вышеуказанных признаков субъективной стороны, существуют ещё и факультативные признаки последней – мотив и цель. Они выполняют классифицирующую роль, позволяя конкретнее квалифицировать действия виновного (например, корыстный мотив при мошенничестве). Эти признаки, наряду с основными, также влияют на индивидуальность наказания и обеспечивают реализацию принципов вины и справедливости.

Проведенный анализ действующей системы классификации преступлений позволяет выявить ряд фундаментальных проблем как на теоретическом, так и на практическом уровне. Первую проблему можно описать как формализм и внутренняя противоречивость законодательной конструкции по ст. 15 УК РФ. Одним из ключевых критериев категоризации преступлений является максимальный срок лишения свободы, предусмотренный санкцией конкретной ст. УК РФ. Последний зачастую оказывается плохим измерителем реальной общественной опасности конкретного деяния (действия или бездействия), поскольку оценивает её a priori, т.е. без учёта фактических обстоятельств дела. Это приводит к ситуациям, когда формально тяжкое преступление по своим реальным последствиям и обстановке совершения может быть менее опасно, чем иное преступление средней тяжести.

Ещё больше, на наш взгляд, усугубляет проблему система произвольно установленных законом интервалов между категориями преступлений (разрывы в 2, 5 и 10 лет). Такой подход лишает систему внутренней логической стройности и математической предсказуемости. Дополнительную путаницу вносит двойная роль формы вины, которая выступает одновременно как сущностный признак, определяющий характер общественной опасности преступления и как самостоятельный формальный критерий градации преступлений, что, по нашему мнению, представляет собой логическую ошибку и ведет к двойному учету одного и того же обстоятельства [5].

Следующая проблема связана с недостатками законодательной техники при формировании системы категоризации преступлений. Прежде всего, это проявляется в терминологической несогласованности: название категории «преступления средней тяжести» не соответствует её настоящему положению в системе категоризации

преступлений, ведь максимальный срок лишения свободы для преступления средней тяжести (5 лет) является лишь четвертой частью от максимального срока лишения свободы, что выглядит, по мнению автора, недостаточно логично.

Более серьёзным недостатком, на наш взгляд, является отсутствие нижних границ санкций для каждой категории преступлений. На практике это создаёт правовую неопределённость, которая приводит к назначению за формально тяжкое преступление наказания, типичного для категории преступлений средней тяжести, что в свою очередь нарушает принцип справедливости, закреплённый в ст. 6 УК РФ [1; 3].

Ещё одной проблемой в этой области представляется «пересечение» санкций рядом стоящих категорий преступлений. Классическим примером является санкция за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ – от 6 до 15 лет лишения свободы) [1], которая одновременно подпадает как в категорию тяжких преступлений (до 10 лет лишения свободы за умышленные деяния), так и в категорию особо тяжких (свыше 10 лет лишения свободы). Эта проблема делает категоризацию преступлений неочевидной и ставящей назначение уголовного наказания в зависимость от судейского усмотрения на этапе квалификации преступного деяния.

Последняя проблема, затрагивающая конституционные ценности, кроется, по мнению автора, в системном дисбалансе иерархии охраняемых объектов. Несмотря на конституционный приоритет личности, который также закреплён в УК РФ в виде построения разделов Особенной части, санкции за многие преступления против государственной власти или правосудия (например, посягательство на жизнь государственного деятеля по ст. 277 УК РФ) существенно строже, чем за аналогичные по непосредственному вреду преступления против жизни и здоровья частного лица. Такой подход возможно ставит под сомнение последовательность законодателя в охране высших ценностей, каковой является жизнь человека безотносительно к его социальному статусу.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что в действующей системе категоризации преступлений существуют определённые проблемы, препятствующие, на наш взгляд, эффективно реализовывать принципы уголовно-правового регулирования. Для преодоления выявленных недостатков представляется целесообразным реализовать комплекс мер, направленных на повышение эффективности, логичности и юридической определённости системы категоризации преступлений. Реализация следующих мер позволит привести действующую классификацию в соответствие с принципами справедливости, гуманизма и правовой определённости.

1. Реформа ст. 15 УК РФ. Требуется принципиальное обновление нормы, закрепляющей категории преступлений. Целесообразно заменить текущие названия на более точно отражающие иерархию, например, преступления «небольшой тяжести», «средней тяжести», «тяжкие», «повышенной тяжести» и «особо тяжкие». Также необходимо установить единый логический интервал в сроке лишения свободы между категориями преступлений (начиная от 1 года за преступления небольшой тяжести), например, в 5 лет лишения свободы, чтобы устранить произвольные разрывы в градации преступлений [3].

2. Закрепление нижних границ категорий. Для обеспечения принципа справедливости и правовой определенности в ст. 15 УК РФ должны быть установлены не только верхние, но и нижние пороги наказания для каждой категории преступлений. Это позволит исключить ситуацию, когда за преступление средней тяжести или тяжкое назначается уголовное наказание, характерное для менее общеопасной категории, что нарушает соразмерность ответственности. Предлагаемая мера упорядочит судейское усмотрение, создав четкие ориентиры для назначения наказания, но при этом не будет препятствовать применению ст. 64 УК РФ, которая сохраняет свою силу как

экстраординарный механизм для случаев, когда фактические обстоятельства уголовного дела свидетельствуют об исключительно низкой степени опасности деяния или личности виновного. Таким образом, общее правило (нижняя граница категории) и исключение из него (ст. 64 УК РФ) [1] будут существовать параллельно, обеспечивая баланс между стабильностью закона и индивидуализацией наказания [3].

3. Корректировка санкций статей Особенной части. Необходима ревизия санкций всех составов преступлений с целью устранения их пересечения между смежными категориями. Санкция каждой статьи должна однозначно укладываться в диапазон только одной категории тяжести преступления. Это сделает процесс категоризации преступлений автоматическим и объективным следствием квалификации, исключив неопределенность, когда одна и та же санкция (как в ч. 1 ст. 105 УК РФ) позволяет отнести преступление к разным категориям исключительно на основе судейского усмотрения в рамках санкции. Важно подчеркнуть, что данная корректировка не ограничивает применение ст. 64 УК РФ, поскольку указанная статья предоставляет суду право выйти за пределы санкции (в том числе ниже установленного минимума) при наличии исключительных обстоятельств. Четкое закрепление границ категорий, напротив, сделает основания для применения ст. 64 УК РФ [1] более прозрачными: суд будет понимать, что он не просто выбирает наказание в рамках «плавающей» санкции, а сознательно применяет экстраординарный механизм, требующий особой мотивировки.

4. Устранение ценностного дисбаланса в иерархии объектов. Ключевым направлением совершенствования санкций в ст. ст. УК РФ является приведение санкций за преступления против государства и против правосудия в обоснованное соответствие с наказаниями за преступления против личности. Речь идет не об их автоматическом снижении, а о глубоком, системном анализе и корректировке, основанной на принципе соразмерности охраняемых законом социальных ценностей. Это необходимо для реализации на деле, а не на словах конституционной идеи о высшей ценности прав человека, отраженной в структуре Особенной части УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026)/ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Бондаренко М.А. Классификация преступлений в уголовном праве России: проблемы и зарубежный опыт / М. А. Бондаренко // StudNet. – 2021. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prestupleniy-v-ugolovnom-prave-rossii-problemy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 16.02.2025).

4. Леонтьева Д. Д. Категоризация преступлений и ее уголовно-правовое значение / Д. Д. Леонтьева // Право и государственность. – 2025. – №4 (9). – С. 53-57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategorizatsiya-prestupleniy-i-ee-ugolovno-pravovoe-znachenie (дата обращения: 16.02.2025).

5. Михаль О.А., Черемнова Н.А. О некоторых проблемах классификации преступлений / О. А. Михаль, Н. А. Черемнова // Юридическая наука. – 2011. – №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-klassifikatsii-prestupleniy (дата обращения 16.02.2025).

CLASSIFICATION OF CRIMES: GENERAL CHARACTERISTICS, PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. The article examines the system of classification of crimes in Russian criminal law as a fundamental, system-forming institution. The analysis of the main classification criteria is carried out: according to the nature and degree of public danger (Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation), and according to the elements of crime (object, objective and subjective side, subject). The main problems of modern legislative categorization have been identified, including the formalism of criteria, terminological inconsistency, lack of lower category boundaries, and value imbalance. Based on the analysis, specific ways of improving the institute of crimes' classification are proposed, aimed at increasing its logical consistency, compliance with the principle of law enforcement fairness and effectiveness.

Keywords: classification of crimes, categories of crimes, public danger, corpus delicti, classification problems.

Yakovlev A. A.
Scientific adviser: Kosyak E.L., Associate Professor of Department of Law and National Security
Donetsk State University
E-mail: yakovlev_alexandr_74@mail.ru

УДК 345.2

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Якунина Е.А.
Научный руководитель: Семыкин Н.В., канд. юрид. наук, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО « ДонГУ»

*Аннотация***.** В статье проводится анализ процессуального статуса начальника органа дознания в системе российского уголовного судопроизводства. Автор исследует правовую природу данного субъекта, систематизирует его полномочия, вытекающие из разрозненных норм УПК РФ, и выявляет ключевые пробелы и противоречия в их законодательном закреплении. Предложены конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства, направленные на устранение выявленных коллизий и пробелов.
Ключевые слова: начальник органа дознания, уголовный процесс, судопроизводство, надзор, процессуальные права.

Статус начальника органа дознания в рамках уголовного процесса определяется через ключевые законодательные акты, включая Конституцию Российской Федерации [1], и Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РФ) [2]. Нормативные документы закрепляют границы правомерной деятельности органов дознания и регламентируют полномочия и обязательства их начальников. Эффективность национальной системы уголовного правосудия, особенно на досудебных стадиях, во многом зависит от четкости и полноты правового регулирования деятельности всех ее участников, включая должностных лиц, осуществляющих надзор и руководство органами дознания. Начальник органа дознания обладает правами, обеспечивающими организацию и надзор за ходом разбирательства инцидентов. В соответствии с действующим УПК РФ, полномочия начальника органа дознания, хотя и не закреплены в виде единой статьи, тем не менее, рассеяны по различным главам и статьям Кодекса. Именно эта разрозненность и создает ряд проблем, требующих научного осмысления и законодательного разрешения. Стабильность и предсказуемость правоприменения напрямую зависят от ясности и полноты законодательного регулирования. Начальник органа дознания, в силу своего должностного положения, призван обеспечивать законность и обоснованность действий дознавателей, руководить их работой, однако фрагментарность норм, регулирующих его статус, порождает неопределенность и ведет к ошибкам в правоприменительной практике, что, в свою очередь, может негативно сказаться на соблюдении прав участников уголовного судопроизводства.

Начальник органа дознания не упоминается в перечне участников уголовного судопроизводства, приведенном в главе 6 УПК РФ, и прямо не включен в п. 47 ст. 5 УПК РФ, определяющий состав стороны обвинения. Его статус носит производный, управленческо-контрольный характер по отношению к дознавателям. Как отмечает М. А. Тарасова, «его роль не является чисто административной, как может показаться на первый взгляд. Начальник органа дознания осуществляет процессуальное руководство, что требует от него глубоких познаний в области уголовного права и процесса, а также умения принимать юридически значимые решения» [12, с. 365]. Следует подчеркнуть, что статус начальника органа дознания не является полностью эквивалентным статусу руководителя следственного органа, который имеет более широкое процессуальное регулирование (ст. 39 УПК РФ). В отличие от последнего, начальник органа дознания не наделен правом единолично возбуждать уголовное дело или принимать его к своему производству в общепринятом смысле, хотя эта практика и имеет место на практике. Анализ норм УПК позволяет выделить следующие группы его полномочий:

1. Организационно-распорядительные полномочия:

– возложение обязанностей по производству дознания на конкретного дознавателя или его заместителя (ч. 1 ст. 41 УПК РФ);

– принятие решения о производстве дознания группой дознавателей, утверждение ее состава и назначение руководителя (ч. 2 ст. 223.2 УПК РФ);

– изъятие уголовного дела у одного дознавателя и передача его другому с указанием оснований. Данное полномочие, аналогичное закрепленному в ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ для начальника подразделения дознания, позволяет «обеспечить единообразие в расследовании, особенно в сложных или многоэпизодных делах, а также в случаях, когда требуется привлечение специалистов или уход от конфликта интересов», как отмечает Г. И. Загорский [7, с. 52]. Данное полномочие направлено на обеспечение законного разрешения уголовного дела, а в некоторых случаях может служить инструментом для более эффективного распределения нагрузки или привлечения специалистов.

2. Контрольные и санкционирующие полномочия:

– продление до 10 суток срока рассмотрения сообщения о преступлении по обоснованному обращению дознавателя (ч. 3 ст. 144 УПК РФ);

– одобрение обвинительного заключения (ст. 225 УПК РФ) и обвинительного решения при упрощенном дознании (ст. 226.8 УПК РФ);

– аннулирование неправомерных и необоснованных решений дознавателя о прекращении расследования уголовного дела. Как было отмечено, данное полномочие прямо не указано, но логически вытекает из общего контроля. А.И. Петрова справедливо полагает, что «это полномочие должно быть прямо закреплено в законодательстве, как и право отмены постановлений о прекращении уголовного дела, чтобы избежать неопределенности и обеспечить действенный контроль» [11, с. 179];

– право давать дознавателю обязательные письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, избрании меры пресечения и квалификации преступления (ч. 4 ст. 41 УПК РФ). Как верно отмечают В. Т. Томин и М. П. Поляков, «данное право является центральным в его контрольной функции» [8, с. 765]. Эти указания носят властный характер и обязательны для исполнения, что позволяет начальнику органа дознания эффективно управлять процессом дознания и обеспечивать его законность и своевременность.

Введение ст. 40.1 УПК РФ, закрепившей статус начальника подразделения дознания, создало ситуацию параллелизма полномочий двух руководящих субъектов, что является существенным недостатком законодательного регулирования. Как справедливо отмечает К. А. Анисимов, это приводит к «двойному» подчинению дознавателя и размыванию его процессуальной самостоятельности [6, с. 19]. Данное обстоятельство порождает неоднозначность в правоприменении, когда сталкиваются указания начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, и дознаватель вынужден выбирать, чьим указаниям следовать, что создает правовую коллизию и может привести к процессуальным ошибкам.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве обнаруживается прямая коллизия и логическая несогласованность в регулировании процедуры обжалования дознавателем указаний руководителей. Совершенно аналогично выглядит ситуация, при которой ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ прямо предоставляет дознавателю право принести начальнику органа дознания или прокурору письменные возражения с приложением материалов уголовного дела на указания начальника подразделения дознания. При этом в аналогичной по своей правовой природе ситуации – при обжаловании указаний начальника органа дознания или прокурора – ч. 4 ст. 41 УПК РФ такого конкретного механизма прямо не устанавливает, что создаёт явный законодательный пробел.

Данный пробел в законодательстве является существенным недостатком, подрывающим фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, в частности, равенство сторон и обеспечение состязательности процесса. Он создает неравные процессуальные гарантии для дознавателя, ставя его в уязвимое положение при обжаловании указаний одних должностных лиц по сравнению с другими.

Отсутствие четкого механизма обжалования указаний начальника органа дознания или прокурора может привести к следующим негативным последствиям:

1) непроверенные незаконные указания: необоснованные или противоречащие закону указания могут остаться без должной правовой оценки, что создает риск нарушения законности на стадии дознания;

2) ограничение прав участников процесса: нарушенные незаконными указаниями права участников уголовного судопроизводства могут оказаться без должной защиты;

3) риск злоупотреблений: начальник органа дознания, наделенный правом давать обязательные указания, может злоупотребить этим правом, если отсутствует эффективный механизм контроля и обжалования.

Таким образом, для обеспечения законности, обоснованности и неотвратимости наказания, а также для защиты прав всех участников уголовного процесса, представляется необходимым внесение изменений в УПК РФ, гарантирующих дознавателю право представлять письменные возражения при обжаловании указаний начальника органа дознания и прокурора, аналогично уже существующему механизму. Это позволит создать единые и адекватные процессуальные гарантии для всех субъектов, участвующих в дознании, и укрепить доверие к правосудию.

Несмотря на наличие отдельной статьи, процессуальный статус начальника подразделения дознания остается усеченным. Как справедливо отмечают в своих исследованиях И.А. Насонова и Т.А. Арепьева, фигура начальника органа дознания прямо не обозначена:

– в исчерпывающем перечне субъектов, уполномоченных возбуждать уголовное дело (ч. 1 ст. 146 УПК РФ) и, как следствие, в числе лиц, обязанных направлять копию соответствующего постановления прокурору (ч. 4 ст. 146 УПК РФ);

– в действующем перечне субъектов, на которых законом возложены обязанности по приёму и проверке сообщений о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

– в закрытом перечне лиц, правомочных выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ).

Хотя ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ предоставляет ему право возбуждать дело и производить дознание, отсылка к общей норме (ст. 146) без прямого упоминания порождает правовую неопределенность и необходимость применения закона по аналогии, что в уголовном процессе недопустимо [10, с. 66]. Судебная практика исходит из буквального толкования норм главы 20 УПК РФ и придает ключевое значение формальной правомочности должностного лица, выносящего решение на стадии возбуждения уголовного дела. Так, суды специально отмечают законность постановления, если оно вынесено лицом, прямо поименованным в ч. 1 ст. 146 УПК РФ (Апелляционное постановление № 22-4566/2020 от 1 декабря 2020 г. [4]). И напротив, Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что возбуждение дела лицом, не уполномоченным на то законом, является существенным нарушением, влекущим признание доказательств недопустимыми (Апелляционное определение ВС РФ от 20.07.2016 № 56-АПУ16-16СП [5]). В этой логике постановление начальника подразделения дознания, формально не включенного в ст. 146 УПК РФ, оказывается уязвимым для оспаривания, что может приводить к возвращению дел на дополнительное расследование и затягиванию процесса. Устранение этих пробелов путем внесения соответствующих дополнений в ст. ст. 144, 146, 148 УПК РФ является насущной задачей законодателя. Несовершенство законодательного регулирования статуса начальника подразделения дознания, несмотря на наличие отдельной статьи,

приводит к тому, что его процессуальная самостоятельность и правовой статус оказываются под вопросом, что подрывает эффективность стадии возбуждения уголовного дела и может влечь за собой нарушение прав граждан.

Ситуация с начальником органа дознания еще более парадоксальна. Законодатель, детально регламентировав статус его подчиненного (начальника подразделения дознания), оставил без должного внимания статус самого руководителя. Как отмечает О. В. Мичурина, «…законодатель, определив начальника органа дознания как лицо, осуществляющее процессуальное руководство должным образом, не закрепил регламентацию его полномочий» [9, с. 148]. Это «существенное упущение законодателя» приводит к тому, что его полномочия приходится выводить путем сложной системной интерпретации Кодекса, что противоречит принципу правовой определенности. Более того, отсутствие прямой, исчерпывающей нормы, определяющей статус начальника органа дознания, делает его положение уязвимым перед лицом оспаривания его процессуальных решений. Так, Конституционный Суд РФ последовательно указывает, что требования четкости, недвусмысленности и согласованности правовых норм имеют особое значение именно для уголовно-процессуального регулирования, так как именно из закона должно ясно следовать, какое должностное лицо и в каком порядке уполномочено принимать решения, затрагивающие права граждан (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2018 г. № 17-П [3]). Данная позиция Конституционного Суда РФ подчеркивает необходимость формализации и конкретизации статуса всех должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, особенно на этапе его досудебного производства. Таким образом, недостаточная законодательная регламентация статуса начальника органа дознания ведет к правовой неопределенности, снижает эффективность контроля за законностью и обоснованностью принимаемых процессуальных решений и может стать препятствием для обеспечения конституционных прав граждан.

Для устранения выявленных системных противоречий и приведения положений УПК РФ в единую логическую систему, необходимо осуществить следующие законодательные инициативы:

1. Внести точечную поправку в часть 4 статьи 41 УПК РФ, дополнив её положением о том, что для дознавателя обязательными к исполнению являются также указания начальника подразделения дознания.

2. Скорректировать статьи 144, 146 и 148 УПК РФ, включив начальника органа дознания в соответствующие перечни должностных лиц, уполномоченных принимать ключевые решения на стадии возбуждения уголовного дела.

3. Кодифицировать процессуальный статус начальника органа дознания, введя в УПК РФ новую статью 40.2 (либо изложив существующую статью в новой, расширенной редакции). Данная норма должна исчерпывающим и структурированным образом закрепить его полномочия, включающие право:

– организовывать работу дознавателей (поручать проверку сообщений о преступлении, производство дознания, выполнение неотложных следственных действий);

– осуществлять ведомственный процессуальный контроль (продлевать срок проверки сообщения, отменять незаконные или необоснованные постановления о приостановлении дознания, вносить прокурору ходатайства об отмене незаконных отказов в возбуждении уголовного дела);

– санкционировать ключевые процессуальные решения (утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление, выносить решение о производстве дознания группой);

– давать дознавателям и начальнику подразделения дознания обязательные для исполнения письменные указания по вопросам расследования;

– возбуждать уголовные дела и принимать их к своему производству, реализуя в этом случае весь объём полномочий дознавателя, а при работе группы – полномочия её руководителя.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, о том, что процессуальный статус начальника органа дознания в действующем УПК РФ регламентирован фрагментарно и непоследовательно. Существующая модель, при которой его полномочия выводятся из контекста различных норм, а статус начальника подразделения дознания, напротив, имеет отдельную, но неполную регламентацию, создает правовые коллизии, затрудняет осуществление эффективного ведомственного контроля и нарушает принцип процессуальной экономии.

Систематизация и четкое законодательное закрепление полномочий как начальника подразделения дознания (путем точечных дополнений в УПК РФ), так и, в первую очередь, начальника органа дознания (путем введения отдельной нормы) являются необходимыми шагами для совершенствования досудебного производства в форме дознания. Это повысит правовую определенность, укрепит гарантии законности процессуальных решений и в конечном итоге будет способствовать более эффективному достижению целей уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 29. – Ст. 4520.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – N 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 4.

4. Апелляционное постановление № 22-4566/2020 от 1 декабря 2020 г. // СПС «СудАкт». – URL : https://sudact.ru/regular/doc/OmYBmS8SLVWj/ (дата обращения: 17.02.2026).

5. Апелляционное определение ВС РФ от 20.07.2016 № 56-АПУ16-16СП // Legalacts.ru. – URL : https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20072016-n-56-apu16-16sp/ (дата обращения: 18.02.2026).

6. Анисимов К. А. Проблемы и перспективы органов дознания в Российской Федерации / К. А. Анисимов // Вестник Владимирского государственного юридического университета. – 2019. – № 2. – С. 19–22.

7. Загорский Г. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. И. Загорский. – Москва : Проспект, 2016. – 52 с.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – 9-е изд. – Москва : Юрайт, 2017. – 860 с.

9. Мичурина О. В. Дознание: теоретические основы и процессуальные особенности производства в органах внутренних дел : монография / О. В. Мичурина. – Москва : МосУ МВД России, 2019. – 156 с.

10. Насонова И. А. Проблемные аспекты реализации полномочий начальника подразделения дознания / И. А. Насонова, Т. А. Арепьева // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов по материалам межведомственного семинара-совещания «Органы дознания системы МВД России в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства». – Москва : ВНИИ МВД России, 2018. – С. 66–72.

11. Петрова А. И., Баскакова В. Е. Система органов дознания в современном уголовно-процессуальном законодательстве России // Молодежь и наука : шаг к успеху. –2017. – С. 179-180.

12. Тарасова М. А. Начальник органа дознания как участник уголовного судопроизводства / М. А. Тарасова // Молодой ученый. – 2025. – № 18 (569). – С. 365–367.

PROCEDURAL STATUS OF THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article analyzes the procedural status of the head of the investigative body in the system of Russian criminal proceedings. The author examines the legal nature of this subject, systematizes its powers derived from the scattered norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and identifies key gaps and contradictions in their legislative consolidation. Specific measures have been proposed to improve the current legislation in order to eliminate the identified conflicts and gaps.

Keywords: head of the investigative body, criminal proceedings, legal proceedings, supervision, procedural rights.

Yakunina E.A.
Scientific adviser: Semykin N.V. Head of the Department of Judicial and Law Enforcement Agencies, PhD in Law, Donetsk State University
E-mail: yakun1na.katya@yandex.ru

Научное издание

Вестник студенческого научного общества ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» 2026. – Вып. 18

Том 4
Юриспруденция

Технический редактор – Куликова А.С.

Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.